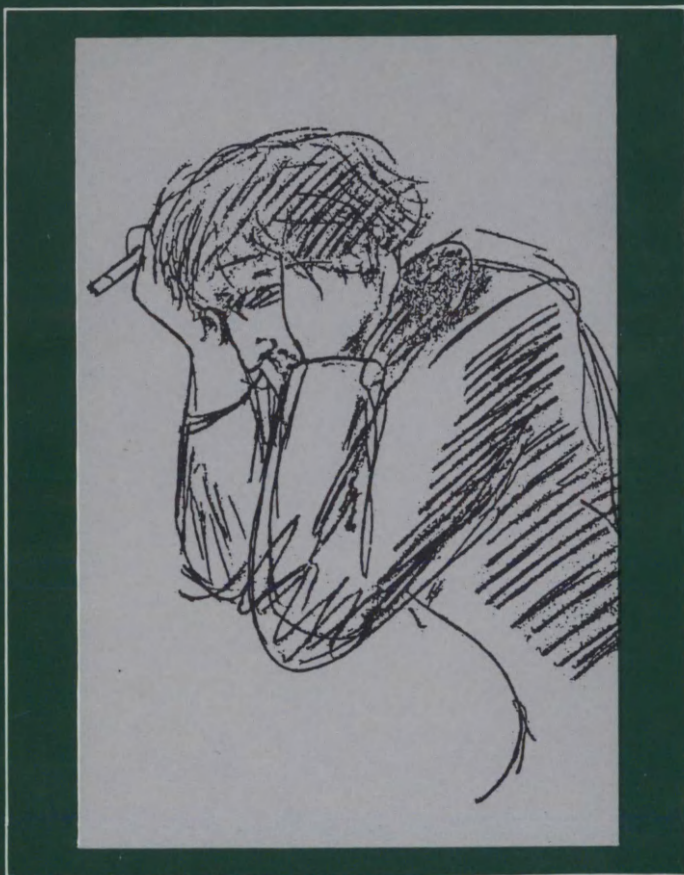

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

НЕИЗДАННОЕ
СЕМЬЯ: ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

Эллис Лак

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

НЕИЗДАННОЕ
СЕМЬЯ: ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ

ELLIS LUSK
ЭЛЛИС ЛАК

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

Неизданное

Москва
ЭЛИС ЛАК
2012

**МАРИНА
ЦВЕТАЕВА**

Неизданное

**СЕМЬЯ
ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ**

*Составление и комментарии
Е.Б. КОРКИНОЙ*

Москва
ЭЛИС ЛАК
2012

УДК 882-6 Цветаева
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6-8
Ц 25

Федеральная архивная служба России

Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ, Москва)

Издание осуществлено при участии
Дома-музея Марины Цветаевой (Москва)

В оформлении суперобложки использован
портретный набросок А.С. Эфрон — М. Цветаева
Париж, начало 1930-х годов

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

Н.Б. Волкова
(директор РГАЛИ).

Т.А. Горькова
Е.Б. Коркина
Э.С. Красовская
(директор Дома-музея М. Цветаевой)

В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

ISBN 978-5-902152-92-7

© Е.Б. Коркина. Составление, подготовка
текста, комментарии. 2012
© Российский государственный архив
литературы и искусства. 2012
© Эллис Лак, 2012

От составителя

Книга, которую держит в руках читатель, должна была, по логике замысла серии «МАРИНА ЦВЕТАЕВА. НЕИЗДАННОЕ», открыть этот цикл, но по причинам почти объективным она выходит в серии вторым томом. По счастью, тома цикла не нумерованы и со временем, надо надеяться, этот перескок выправится.

Двадцатый век сказал свое слово о Цветаевой в статьях Ю. Иваска, И. Бродского, М. Гаспарова, Р. Кембалла, Н. Струве, Е. Эткинда, в монографиях С. Карлинского, В. Лосской, В. Швейцер, С. Ельницкой, М. Разумовской, А. Саакянц, Е. Фарыно, И. Кудровой, в книгах М. Белкиной, Л. Чуковской, К. Азадовского. Закономерен вопрос: прибавит ли что-либо новое в уже устоявшееся представление о творческом и жизненном пути одного из великих поэтов XX века эта серия из восьми книг*, каждая из которых лишь приблизительно на две трети будет состоять из абсолютно неизвестных текстов? Полагаю, что да, ибо качество и концентрация интеллектуального и психологического опыта, запечатленного Цветаевой, таковы, что сами по себе являются источником новых творческих возможностей

* Если суждено будет осуществиться изданию серии «МАРИНА ЦВЕТАЕВА. НЕИЗДАННОЕ», то анонсировать состав и порядок книг возможно следующим перечнем:

1. Марина Цветаева. Семья: История в письмах.
2. Марина Цветаева. Сводные тетради.
3. Записные книжки М. Цветаевой. Том 1. 1913—1922.
4. Записные книжки М. Цветаевой. Том 2. 1923—1939.
5. Марина Цветаева — Борис Пастернак. Переписка. 1922—1935.
6. Марина Цветаева и Николай Гронский. Переписка. 1928—1930.
7. Марина Цветаева в дневниковых записях дочери.
8. Марина Цветаева в дневниковых записях сына.

и духовных стимулов. Это, иными словами, та самая «фараонова пшеница», собранная и сохраненная для будущих поколений — «сынов годов бесхлебных» (Вяч. Иванов).

Формально все книги задуманной серии принадлежат к жанру так называемой «домашней письменности» (термин П.М. Бицилли) — это письма, записные книжки, дневники. Жанр уединения, созерцания, самопознания. Отсутствие реального собеседника создает литературную форму, и этой традиции в русской культуре почти два века — от «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина до «Письма Горацию» Иосифа Бродского.

Жанр альбома тоже относится к «домашней письменности». Стихотворные посвящения и поздравления, записи на память, шутки, гадания, рисунки, девизы, выписки из книг — всё это отражало общую жизнь семейного и дружеского круга. Альбомы такого рода теперь можно увидеть разве что в архивах, как и переплетенные в альбом письма. Но семейные альбомы фотографий составлялись любящими руками на памяти ныне живущих поколений и еще хранятся во многих домах. Всё вышеупомянутое и определило композицию книги. Способ организации материала в ней, то есть собственно бытие книги, определило сотрудничество, суть которого не описать в обычных выражениях благодарности. Это *сотрудничество примера*. Мне не надо было воображать идеального читателя такой книги, у меня перед глазами был пример абсолютного чтения.

У Пьера Лоти есть книга, не похожая на все, им написанные. Она называется «Книга милосердия и смерти». В авторском предисловии к ней он обращается к профессиональным критикам — людям, искусственным в «литературе», — с горячей просьбой о невнимании. «Сделайте мне одолжение, — пишет он, — не читайте ее; она не содержит ничего, что для вас существенно и, если бы вы знали, как вам от нее станет скучно».

Эта книга тоже не «литература»; для понимания истории, в ней рассказанной, нужен не столько исторический контекст и аналогии, сколько — а возможно только — сочувственное внимание.

Эта книга открыта как сцена, и перед поднятием занавеса нам остается только представить участников пятиактной трагедии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марина Цветаева
Коктебель, 1911 г.
Снимок М.А. Волошина

**Марина Цветаева с отцом —
Иваном Владимировичем
Цветаевым**

Шварцвальд, 1905 г.

А.К. Виноградов — В.А. Ватагину

15 июня 1908, Таруса

...Марина Цветаева была до приезда нашего у Некрасовых и Madame Некрасова получила несколько неприятных впечатлений: Марина что-то говорила о Бальмонте, М.П. назвала его Бальмошкой и сказала о нем какой-то вздор, Марину это взорвало, она нагородила кучу дерзостей. М.П. сказала, что она (Марина) была в *п р е д ы д у щ е й* жизни «гуннской девицей», на что Марина ответила, что человеку умному и развитому стыдно пробавляться такими баснями. Возникла взаимная ненависть. Мною Марина недовольна, ибо папаша ее, Иван Владимирович, возымел ко мне необычайное расположение, причины коему не придумаю, и выразил это многими лестными для меня содействиями.

Иван Владимирович Цветаев

Москва, 1913

Цветаев имел претензию считать себя и знатоком дамских нарядов, но увы! это ему жестоко не удалось. Приходит он раз ко мне сияющий, ликующий и кладет передо мною сверток со словами: «Посмотрите, какую прелесть купил я моим девочкам на платье».

Раскрываю и о, ужас! — вижу нечто адски ало-красное.

С негодованием я отбрасываю материю и говорю: «Что за безобразие вы купили! При взгляде на этот еще невиданный пурпур все ваши музейные небожительницы слетят со своих пьедесталов обратно на Олимп. Ведь не стерпеть им позора своего покровителя».

— А вы, все женщины, привередницы и ничего не понимаете, — ворчливо протестовал Цветаев. — Купил я как-то раз дочерям шляпы — верх изящества, и что же? Они подняли меня на смех!

— Воображаю, что за шляпы вы купили, — рассмеялась я. — Вероятно, вы выискали какие-нибудь шлемы Афины Паллады, быть может, даже и точные копии великого Фидия, и хотели водрузить их на хорошенькие головки ваших бедных дочерей. Поймите же, наконец, что с вашим вкусом далеко не всякий согласится: ведь вы, конечно, предпочтете свою безрукую Венеру Милосскую каждой женщине с идеально прекрасными ручками!.

Е. Козеко. Где тени, там и свет («Исторический вестник», 1917, т. 148, апрель. С. 193—200).

**Мария Александровна
Цветаева (урожд. Мейн) —
мать М.И. Цветаевой**
Москва, 1900-е гг.

«Долг, Вера, у меня от матери, всю жизнь прожившей как *решила*: как *н е-хотела*».

Из письма М. Цветаевой к В. Буниной от 24 октября 1933 г.

Гений нашего рода: женского: моей матери рода — был гений ранней смерти и несчастной любви (разве такая есть?) — нет, не то: брака с не-тем. Моя мать с 13 л<ет> любит одного — верховые поездки аллеями ночного парка, <...> совместная музыка, страсть к стихам. Мой дед, узнав, что он разведенный, запрещает ей выходить за него замуж <...>. Моя мать *не выходит*, выходит год спустя за моего отца: вдовца, только что потерявшего обожаемую жену, с двумя детьми <...>. Моя мать умирает 35 лет от туберкулеза.

Ее мать, Мария Лукинична Бернацкая, моя бабушка, выходит замуж за ее отца (моего деда, того, кто *не разрешил*) любя другого и умирает 24 лет, оставляя полугодовалую дочь — мою мать.

Мать моей польской бабушки — графиня Мария Ледоховская умирает 24 лет, оставив семь детей (вышла замуж 16-ти). Не сомневаюсь, что любила другого.

Я — четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и *уже* пережила их всех — *тот* гений рода — на мне.

Из письма М. Цветаевой к А.А. Тесковой от 26 января 1934 г.

**Вера, Сергей и Елизавета
Эфрон с отцом Я.К. Эфроном**
Москва, 1908

Самое лучшее, самое красивое, высшее, что есть у человека, это его собственная песня. Какая-то песня звучит ему всегда, поет в его душе и днем и ночью, и громко и тихо, и тайно и явно.

Другие говорят про него: он вот такой-то и характер у него такой-то. А он улыбается только, потому что песню свою один только он знает.

Старайся понимать и слышать не только свою песню, но и других.
Елизавета Эфрон. Надпись на фотографии. <1900-е>

**Максимилиан Александрович
Волошин**

На паспорту фотографии
дарственная надпись

Е.Я. Эфрон:

«Милой Лиле — память о поэте
Максе Волошине
1915/VI 11. Коктебель»

Странное существо! не человек, а именно существо — милое, толстое, приятное, экзальтированное, аффектированное, энциклопедическое, талантливое, ветхо-юное, не мужчина, не женщина, не ребенок... Это не французский «богема», который, несмотря на все «*écarts*»*, к известному возрасту остепе-

няется и заводит собственный литературный кабачок *avec une clientèle dernier cri*** — о нет! Волошин хоть и грешен в «прелюбодействе» с Парижем — продукт русской интеллигенции в ее предпоследней фазе: эстето-апокалиптического «обормотства». Он так же торжественно, как три года, как пять лет тому назад, читает свои и чужие стихи, всё так же умно (и в то же время глупо) рассуждает о жизни, искусстве, войне, танцах, политике, театрах, знакомых, новых книгах, страсти, ненависти, грядущих судьбах человечества, отцах церкви, буддизме, антропософии... Он всех любит и ко всем равнодушен. Иногда мне кажется, что милый М<акс> даже не живое существо, а лабораторное чудо, «гомункулус», сотворенный таинственным Эдиссоном по астрологическим рецептам. Я радуюсь на его неутолимый аппетит (он может есть всегда и что угодно). Ну, слава Богу, ест! стало быть, все-таки живой, настоящий.

Р.М. Хин-Гольдовская. Дневник. Запись 21 января 1917 г. «Минувшее». Исторический альманах. Т. 21. М.; СПб., 1997. С. 572

* Отклонения (фр.).

** С модными завсегдатаями (фр.).

**Семья Эфрон на даче
в Быкове**

Начало 1900-х гг.

Внизу: Лилия и Вера Эфрон,
Туся Бобырь.

Вверху: неизвестная, Котик,
Е.П. Дурново-Эфрон, Сережа,
Я.К. Эфрон

Знакомство с Волошиным произошло на Рождестве 1897 г. Семья Эфрон переехала тогда в Харьков, где Яков Константинович получил место. В Москве остались старшие дети — Петр и Анна. На праздники Елизавета Петровна приехала их навестить. В гостях у ее друзей, народовольцев Жебу-

невых, — много студентов, и среди них один — толстый, в синей тужурке, в пенсне. Он читал свои стихи, стихи Надсона и свои переводы из Гейне. Его чтение произвело впечатление на Петра, готовившегося к артистической будущности, и он стал подражать в чтении этому толстому студенту. Видели его еще на одном литературном вечере, а потом он надолго исчез из их поля зрения.

Потом, в 1908—1909 гг., — случайная встреча в Париже. Волошин их навещал, приглашал на свои журфиксы, познакомил с А.К. Герццк.

Впоследствии, на вопрос Лили, почему тогда, в многолюдной своей парижской жизни, он все-таки обратил на них внимание, Во-

лошин ответил кратко: — Потому что Елизавета Петровна была тогда единственным человеком, понимавшим Клоделя.

А.С. Эфрон. Запись со слов Е.Я. Эфрон 1968 г.

1870-е гг.

1890-е гг.

Елизавета Петровна Дурново-Эфрон

А.С. Эфрон вспоминала, как в Париже, ей, тогда 20-летней, Иван Алексеевич Бунин говорил: — Покажи руки... Нет, не та порода! А ты знаешь, я юношей был буквально влюблен в твою бабушку. Сидел в углу и любовался ею. Красавица? Нет, не то, — **п р е к р а с н а я!** И — порода! порода!

Запись 1975 г.

Анна Яковлевна Эфрон
1890-е гг.

Вера Яковлевна Эфрон
1910-е гг.

Максимилиан Волошин — Вере Эфрон

<28 сентября 1911 г., Париж>

...Милая Вера, я на другой же день по приезде был на могиле Котика и твоей мамы. Ее знал и показал мне Якс. Она рядом с могилами Лаврова и Гершуни. Она очень грустная и покинутая. На ней засохшие цветы и засохшие елочки в горшках. Большой металлический венок. Ни знака, ни имени. Вера, если ты позволишь мне, то позабочусь о ней. Я велю там сделать низкую каменную облицовку и посадить посреди цветы. Можно? Я ведь так и понял, что ты мне это поручаешь. О расходах не беспокойся, у меня сейчас хватит.

**Во дворе дома Эфронов
в Мыльниковом переулке**

Глеб, Вера, на руках у няни —
Сереза.

Москва, 1894

Глеб был любимцем матери. Мальчик был необыкновенный, Елизавета Петровна говорила о нем: «каждый день — радость». Он умер 7-ми лет, на первый день Пасхи, от последствий коклюша.

А.С. Эфрон. Запись со слов Е.Я. Эфрон 1968 г.

Петр Яковлевич Эфрон
1900-е гг.

**Жена Петра Яковлевича Эфрона
Вера Михайловна с их дочкой**

На обороте фотографии помета

В.М. Эфрон:

«Ласточке 7 1/2 недель

31 Mars 1909

Paris, rue Barrault, 66»

«...22 Марта в 11 ч. 40 м. ночи
родилась маленькая Елизавета
Петровна, очень походит на де-
душку — эфроновский герб».

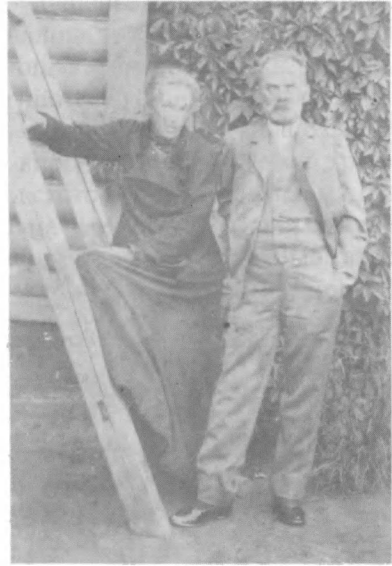
*Из письма Е.П. Дурново-Эфрон
Я.К. Эфрону из Парижа в Москву, март
1909 г.*

Петр Яковлевич Эфрон

Дорогие мои, сегодня был доктор, ассистент знаменитости здешней. Выслушав и расспросив П<етю>, он мне сказал по секрету, что верхушки легких сильно затронуты. Прописал лекарства и ушел.<...> Завтра поставят П<ете> мушку около лопаток. Он страшно нервен и добр бывает до наивности, то раздраженность против всех, то беспредельная, светлая, детская любовь. Он каждую минуту готов расплакаться — так нервы натянуты. Я всё делаю, чтобы поддержать в нем хорошее настроение и минутами он бывает счастлив как ребенок, а потом его охватывает такая грусть, что сердце надрывается. Лиля милая, достань где-нибудь ему книг для чтения, это отвлечет его от мыслей темных. Знаете, П<етя> стал совсем другим — болезнь его сломила и очистила. Кончаю. Крепко целую, обнимаю, люблю. Пишите о себе! Берегите себя и друг друга! Умоляю!!!

Е.П. Дурново-Эфрон — детям (Лиле, Вере, Константину) из Аркашона в Шарантон, август 1909 г.

**Е.П. Дурново-Эфрон,
Я.К. Эфрон**
<Быково, 1906>

**Е.П. Дурново-Эфрон —
Н.Л. Лебуржуа**

<Москва, лето 1907 г.>

Дорогая Надя, получила твою открытку, думаю что ты в настоящую минуту уже далеко за границей нашей печальной родины. Сегодня праздник (31 мая), холодно, дождь, пасмурно. Нютя уехала искать дачу, Лиля больна, Вера еще не поправилась. Целый день прошел как тяжелый кошмар — давит призрак будущего: еще день, еще два, еще три... считаешь часы, минуты, спускается над головою дамоклов меч. Знать, что свобода может быть обеспечена и не иметь возможности этим воспользоваться... Не могу я принять жертв от них, это сильнее меня. Сегодня я это сказала «ему» — он понял и не возражал. Я тоже поняла, что «он» поступил бы так же на моем месте. Знаешь Надя почему мне было тяжело проститься с тобой, почему я еще раз приехала? Потому что я прощалась с тобою навсегда. Я знаю какой может быть приговор и не желаю дожидаться суда, так как, кроме грязи и клеветы прокурора, кроме простой болтовни защитника, кроме глупой, нелепой процедуры нечего ждать, нам не дадут говорить или закроют двери, я не хочу подчиняться и не отдамся им живой. Нет возможности быть свободной, так есть возможность свободно умереть. Дни мои сочтены, разумеется об этом не должны знать мои семейные. <...> Мрачно, пасмурно, холодно. Нет еще пяти, а ночь нависла над городом. Часы идут, идут дни и скоро, скоро надо будет покончить с собою. Больше всех мне жаль Котика, он худой, слабый и нуждается больше других в моих заботах. Сережа не отходит от меня и всё меня гладит по седым волосам. Л.

**Елизавета Петровна
Дурново-Эфрон**
Париж, 1909 г.

Константин Эфрон
Париж, 1909 г.

«Де Матэн», Париж, 5 февраля 1910 г.

Самоубийство матери и сына

Четыре года тому назад русские подданные г-н и г-жа Эфрон поселились в Париже, улица Люнен, № 3. Г-н Эфрон, пораженный тяжелой болезнью, вскоре умер. Г-жа Эфрон осталась одна, с двумя детьми, Петром и Константином, младший — воспитанник лицея Монтень. Третьяго дня мальчик был очень расстроен, потому что был наказан своими учителями. Что случилось с той минуты, как Костя, которому всего 14 лет, вернулся домой? Квартира была закрыта, соседям показалось, что слышны стоны и хрипенье, потребовали агентов полиции, которые взломали двери. Костя Эфрон, уже мертвый, был найден повесившимся в ватер-клозете, привязанный

кожаным кушаком к водяной трубе, удушение последовало вероятно очень быстро. Рядом, в столовой, нашли, также мертвую, г-жу Эфрон; она повесилась на крюке, с помощью тонкой веревки, три раза обмотанной вокруг ее шеи. Всякая гипотеза убийства казалась устраненной; было очевидно, что мать с отчаянья покончила с собой, найдя труп сына. Г-жа Эфрон была, впрочем, предназначена трагической судьбе. Дочь бывшего Московского Губернатора, племянница бывшего Министра Внутр. Дел г-на Дурново, она во время оно примкнула к революционному движению. Несколько раз была арестована, смерть видела вблизи, большая часть ее жизни прошла в тюрьме и изгнании. Полицейский комиссар г-н Пойсак разрешил похоронить оба трупа.

«Юманите», Париж, 8 февраля 1910 г.

Похороны Константина и Елизаветы Эфрон

Гражданка Елизавета Эфрон, рожд. Дурново, и сын ее Константин были похоронены вчера на кладбище Монпарнас. Похороны, организованные друзьями, носили строго частный характер. Несколько сот русских эмигрантов окружали старшего сына покойной. На кладбище были произнесены речи гр. Гарелиным, Рубановичем, Ивиным и Антоновым. Соц.-рев. партия и несколько других русских социалистических групп возложили венки. Печальная церемония состоялась при глубоком горе и тяжелом волнении присутствующих.

Веранда дома М.А. Волошина

Слева направо: неизвестный,
С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева,
А.И. Цветаева, В.Я. Эфрон,
М.А. Волошин, Е.Я. Эфрон.
Б.Е. Фейнберг, неизвестная,
Е.О. Кириенко-Волошина и др.
Коктебель, лето 1911 г.

О Марине Цветаевой брат и сестра Эфроны (Вера приехала позже) услышали от Волошина незадолго до ее приезда в Коктебель. Он говорил о ней, как о настоящем, самостоятельном лирическом поэте, и это так подействовало на слушателей, что они «боялись» приезда Цветаевой. Когда она приехала, Волошин отдалился, сосредоточив на ней всё свое внимание.

А.С. Эфрон. Запись со слов Е.Я. Эфрон 1968 г.

Сергей Яковлевич Эфрон

На паспорту фотографии
дарственная надпись С.Я. Эфрона
М.О. Гордон:

Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов...

(МЦ)

Дорогой Мане
Сережа

Москва 17 февраля 1912

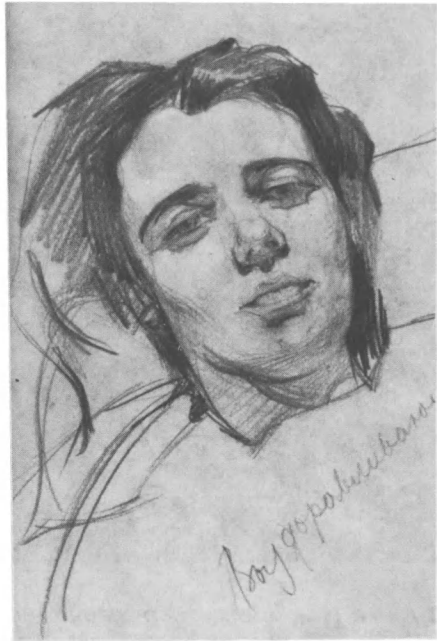
М.О. Гордон — Е.Я. Эфрон

<Декабрь 1911 г.>

Не писала я тебе ни разу, п<отому> ч<то> в душе пустота, да и занята я была то в магазине, то дома. Когда я получила твое письмо к Сереже и прочла его, во мне поднялся какой-то смутный протест, какое-то непосредственное желание не отдавать его, а потом, после вторичного чтения с Верой, оказалось, что и она почувствовала то же самое. Все-таки, конечно, я в тот же вечер отдала письмо Сереже. Лиля моя дорогая, мне было больно за твое страдание, с которым ты писала, и за страдание Сережи, и главное за то, что и твое и его страданье, и это письмо не могут иметь результата. Помнишь, что ты решила относительно Сережи незадолго до отъезда — ведь это решение было противоположно всему, что ты высказываешь в письме. Одно в тебе цельно и в том, и в другом — горячая, полная страдания любовь к Сереже, и эта любовь заставляет тебя метаться и отдаваться под влиянием порыва первому решению, которое, как тебе кажется, должно способствовать счастью Сережи. И в этой твоей способности отдаваться порыву, и в том, что у тебя нет целостного взгляда на жизнь и окончательного понимания своих собственных требований от жизни, мне кажется, кроется причина того, что влияние Марины сильнее твоего влияния, *лично твоего*, независимо от детства и от семейных традиций. Всё, что ты пишешь об активности в жизни, о долге, о русской интеллигенции шатко, не имеет основания и, главное, не подтверждается твоей собственной жизнью и, значит, вспыхнуло в тебе сразу, недавно и завтра же ты можешь говорить обратное. И всё это Марина слишком легко может опровергнуть, п<отому> ч<то> в ней-то есть цельность и последовательность. Ты говоришь — «будь мужчиной, поставь себе цель в жизни и преследуй ее», но ведь это слова, только слова, п<отому> ч<то> если бы захотеть вкладывать в них содержание, оно окажется слишком велико или слишком общо. Твое письмо могло только лишний раз помучить Сережу, но толкнуть его никуда не могло. И то, что ты всегда действуешь только под влиянием порыва, то, что в тебе нет никакой выдержки, ослабляет и разжижает влияние, которое ты могла бы иметь, и лишает решающего, глубокого значения каждый разговор. В тебе нет бережливости, ты слишком спешешь проявлять в жизни каждый вспыхнувший в тебе намек на что-то. Ты как-то не думаешь об ответственности человека за каждое его слово, а тем более за слово, могущее влиять на других.

**Надежда Васильевна
Крандиевская**

Портрет Е.Я. Эфрон
Москва, <1911 г.>

Максимилиан Волошин — Елизавете Эфрон

1—30 октября 1911, 17, Rue Boissonade. Paris

Милая Лиля, когда я закрываю глаза, я вижу тебя лежащей в постели, больной и сияющей. (Болезнь придает тебе царственность и оправдывает твои туалеты.) Потом вижу быстрое мелькание оборотов по твоей комнате: Маню с непривинченной головой, Бэлу с англо-фарфоровой улыбкой, Факира большими уверенными шагами стремящегося куда-то в глубину хозяйских комнат, Марину с патлами (но увы! уже не собачьими) <...> Ты права: очень большая часть моего я осталась с вами и об вашем оборотском житии на Сивцевом Вражке я думаю, как о доме. <...> Как ужасно мало времени, чтобы успеть полюбить всех прекрасных людей, которых встречаешь. В конце концов это великое благоденье, что они рассеяны равномерно по всему земному шару: в то время как одних любишь глазами, других любишь в открытках... Что твое старое обезьянье сердце?

МАХ

В доме Цветаевых в Трехпрудном переулке

А.И. Цветаева, С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева

Осень 1911 г.

Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина — Елизавете Эфрон

23 декабря 1911

... Послезавтра Рождество, мы поговариваем о елке, хотим на эту елку пригласить с улицы несколько первопопавшихся оборванных рябетишек, но еще никто и ничем об этой елке не позаботился.

Мы все после отъезда Вашего живем очень скромно (гостей почти не бывает), но очень хорошо и дружно. Марина с Сергеем стали общительнее, милее, бывают иногда очень трогательны. Думают венчаться 10/1, если дела по изданию книг будут к тому времени закончены.

Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина, Елизавета Эфрон, Вера Эфрон. Москва, осень 1911 г.

Максимилиан Волошин — Елизавете Эфрон

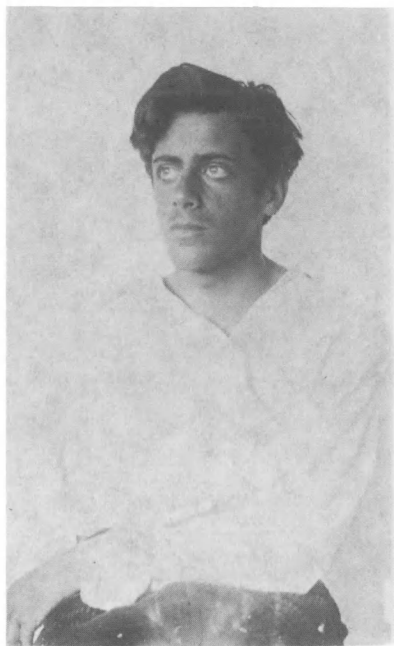
22 декабря 1913

... Отчего это, когда я говорю с тобой, мне сразу в голову начинают лезть разные глупости. Сейчас мне захотелось тебя спросить: отчего говорят Любовь Столица, а не Ненависть Единоморда? Ей-Богу, это только ты способна вдохновлять на такие вещи.

Занятие хиромантией очень одобряю. Это для тебя в тысячу раз более подходящее дело, чем учительствовать. Я тебе книжку Папоса вышлю, когда будет оказия. Но тебе нужно познакомиться с Дебаролем. У меня он был, но его уже зачитали. Он самый серьезный. Но слишком подробен. Теорию нужно знать конечно, но главное — практика и *умение* говорить. Если хочешь — я тебе дам летом несколько — не уроков — но мудрых наставлений и своего опыта. Я серьезно думаю, что это настоящее твое призвание. А относительно знаков — это большая путаница. Единственное, что верно — это планетные типы — их надо уметь различать и комбинировать. Но постепенно вырабатывается *чувство* человека, что главное. А оно у тебя есть.

**М.И. Цветаева
с дочерью Ариадной**

С.Я. Эфрон

Е.О. Кириенко-Волошина — В.Я. Эфрон

12 октября 1912 <Коктебель>

Милая Вера, вчера я получила Вашу открытку с адресом Марины, который я уже знала по письму Марины, в котором она мне сообщила о рождении у них дочери Ариадны; я ей вскоре ответила, адресуя Их Ариаднородиям Марине и Сергею Эфронам.

Юлия Оболенская

Марине Цветаевой

Резвым мальчиком впервые
Вы явились мне.
Бойко выбежали Вы — я
Помню как во сне.
Шумен топот вдоль дороги,
Ропот смеха, свар,
Ваши тоненькие ноги
В складках шаровар —
Слишком веселы для юбки,
Для ковров легки,
Для мальчишки слишком хрупки,
Нервны и тонки,
Слишком резвы для паркета,
Грозны для травы.

У дома М.А. Волошина

На козлах — М.И. Цветаева
Коктебель, лето 1913 г.

Марина Цветаева

Коктебель, лето 1913

Слишком юны для поэта
 Были сами Вы.
 В августе в ином наряде
 Видеть Вас пришлось.
 Закрывала шляпа пряди
 Срезанных волос.
 Было слишком длинно платье
 В слишком ранний час.
 Быстрое рукопожатье
 Разделило нас.
 Слишком юная для дамы,
 Но большой поэт.
 Вот расстались навсегда мы,
 Иль на много лет.
 Слишком длинно я отвечу
 Вам на пару строк.
 Слишком милой стала встреча
 В слишком краткий срок.

Август 1913 г.

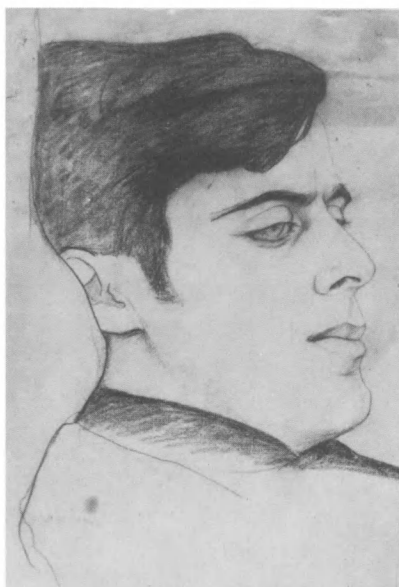
Марина Цветаева

1913 г.

Юлия Оболенская

Сергей Эфрон

Ей повезло: ее натура
 Экстазом подвига объята
 С повышенной температурой
 Позировала до заката.
 В подушках на высоком ложе
 Чеканный лоб был бел и гладок,
 Прозрачно-маговая кожа
 Светилась в груди медных складок.
 Из мраморной единой глыбы
 Черты, изваянные четко,
 И носа тонкие изгибы,
 И тяжесть губ и подбородка,
 Врезались черной рамой пряди
 И брови в их змеином взлете,
 И пальцы в движущемся ряде
 На золотистом переплете.
 И окаймлен лучистой чернью
 Ресниц, изогнутых без меры
 И острых как венец из тернья,
 Цвел взгляд цветком зелено-серым.
 Извилисто текуч и длинен
 Был весь разбег певучих линий,
 И темный галстук посредине
 Змеился лентой темно-синей.
 И плэд был на коленях согнут,
 Напоминая зиму, город, —
 И был отвернут и отстегнут
 Его рубашки белый ворот.
 А сзади, крупные, повисли
 Прозрачной парусины складки,
 И в них сквозили чьи-то мысли
 В неугомонном беспорядке:
 Ветвей качающихся тени
 И море с нежной синевою
 И скал червонные ступени
 За неподвижной головою.

Сергей Эфрон

Портрет работы М. Нахман
 <1913 г.>

Прославлено до апогея
 И мученической короны
 И имя гордое — Сергея
 И прозвище его — Эфрона.
 И вот теперь уносит море
 Натуру моего портрета
 И тяжкое настало горе
 Для живописца и поэта.

1913

**Е.О. Кириенко-Волошина,
К. Субботина (?), В.Я. Эфрон,
М. Кювилье, С.Я. Эфрон,
М.И. Цветаева
Лежит в шезлонге
В.А. Соколов,
с палитрой — М.М. Нахман
Коктебель, лето 1913 г.**

Юлия Оболенская

М.С. Фельдштейн

Волос серебряная грива,
Улыбкой искривленный рот,
В движеньях плавных гибкость ивы
И шеи томный поворот
Наш берег красили доселе
И вот — их увезете Вы
От золотого Коктебеля
Под небо каменной Москвы.
Кто ж будет в темпе менуэта,
Волос откинув серебро,
Метать с изяществом поэта
Неблагодарное ядро?
Кто будет с даром чрезвычайным
Стихи запоминать с листа?
Кто новую расскажет тайну
Про темно-серого кота?
И вот, торжественно воспеты
Стихами с ног до головы,
Привычным темпом менуэта
На север устремитесь Вы
И нас забудете ужели,
Свершивши путь унылый свой
От фернампиксов Коктебеля
К камням московской мостовой?

1913

**Михаил Соломонович
Фельдштейн**

Начало 1910-х гг.

**Марина Цветаева
и Майя Кювилье**

Коктебель, лето 1913 г.

Марина Цветаева — Майе Кювилье

Ялта, 14 сентября 1913 г.

...Я сейчас лежала на своем пушистом золотистом плэде (последний подарок папы, почти перед смертью) и задыхалась от восторга, читая Вашу зеленую с золотом тетрадь. Ваши стихи о любви — единственны, как и Ваше отношение к любви. Ах, вся Ваша жизнь будет галереей прелестных юношеских лиц с синими, серыми и зелеными глазами под светлым или темным шелком прямых или вьющихся волос.

Ах, весь Ваш путь — от острова к острову, от волшебства к волшебству! Майя, Вы — *Sonntagskind*, дитя, родившееся в воскресенье и знающее язык деревьев, птиц, зверей и волн.

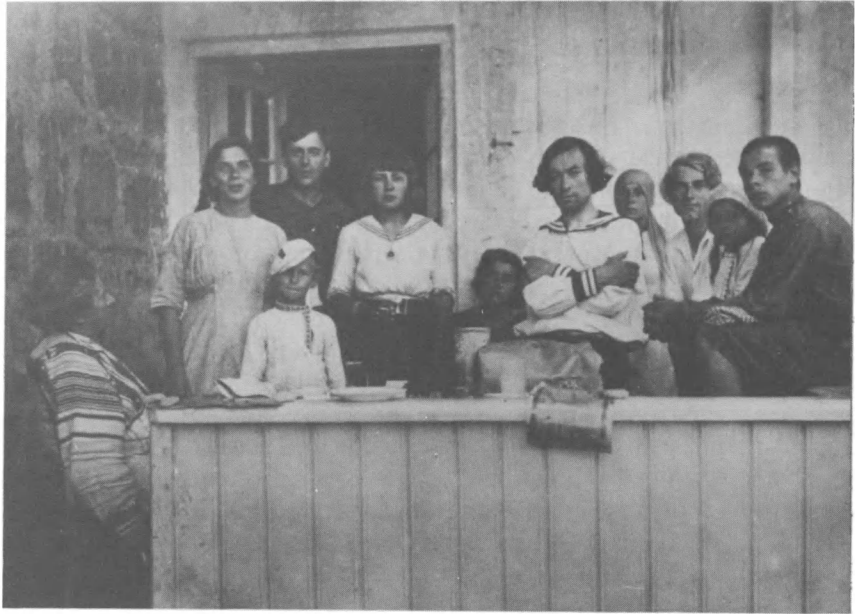
Вам всё открыто, Вы видите на версту под землей и на миллиарды верст над самой маленькой, последней видимой нам звездой. Вы родились волшебницей, Вы — златокудрая внучка какого-нибудь седого мага, передавшего Вам, умирая, всю мудрость свою и ложь.

Мне Вы бесконечно-близки и ценны, как солнечный луч на старинном портрете, как облачко, как весна.

М.С. Фельдштейн — В.Я. Эфрон

30 марта 1915, Москва.

... Только что ушли от нас Пра, Майя и Юлия Леонидовна. Майя читала стихи, у нее небывалая продуктивность, большинство стихов прекрасны. Иной раз досадно даже, что на нее отпущено столько таланта. Как много народу надо было обездариť из-за нее.

Юлия Оболенская

И клонила пирамида
Тень на наши вечера.

В. Брюсов

Там где словно в колыбели
Убаюкивает море
Беспокойные суда —
В лучезарном Коктебеле
На торжественном соборе
Обормотского гнезда,
Все мы провожали Зори
После тяжелого труда.
На балконе стлыло ложе:
Магда, к стенке отодвинув
Холст, терзаемый с утра,
Даровала мир Сереже.
Пела Брюсова Марина,
Хором прославляли Пра,

**Е.О. Кириенко-Волошина,
В.Я. Эфрон,
Саня Рогозинский (?),
С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева,
Е.Я. Эфрон, В.А. Соколов,
М. Кювилье,
М.С. Фельдштейн,
Б.Е. Фейнберг (?),
Л.Е. Фейнберг**

Коктебель, лето 1913 г.

И клонило пианино
Тень на наши вечера.

Тихо гаснул отблеск стекол
От коварного Заката
Из-за горного кряжа.
Вынимал термометр Сокол,
Вера наблюдала свято,
Неусыпно сторожа —

На втором плане:

**К. Субботина (?),
В.Я. Эфрон, Л.Е. Фейнберг**

Впереди: **С.Я. Эфрон,
М.И. Цветаева, В.А. Соколов**

Коктебель, лето 1913 г.

Медленно корила брата
За порывы мятежа.
Уж глядела нам в окно ночь
Развернувшимся, веселым
Ярко вышитым шатром.
А Михайло Соломоныч —
(За его трудом тяжелым
Не смутил бы даже гром) —
Тщетно тщился дискоболам

Сделать шах и мат ядром.
Роем жалящих двустийший
Каждый был обезоружен,
Каждый мстил по мере сил.
Молчаливей всех и тише
Стал профессор с зодчим дружен —
С Михаилом — Михаил.

В дверь кричали нам про ужин.

1913

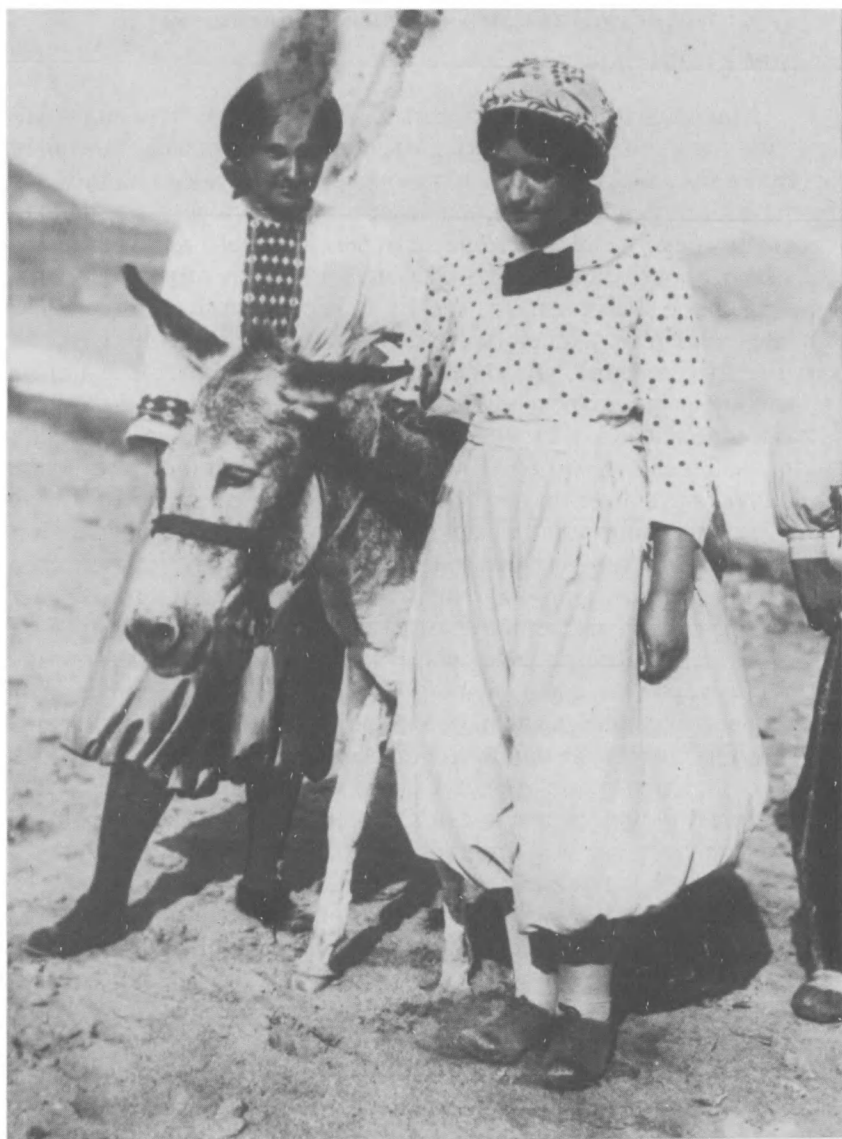
Юлия Оболенская

Профессору живописи Соколу

Он сиял, как алмаз среди стекол,
Но профессору отдых был дан
И собрался стремительно Сокол,
Уложивши свои чемоданы.
Кто-то нас вразумит и научит,
Приключенье расскажет с Адамом,
И о том, как болезнь его мучит,
И о том, как невежлив он с дамами.
Не забыть и забывчивой Магде
Указаний о правой ноздре,
И в Москву она жаждет сама, где
Заработает с Вами бодрее,
А не будет в далеком Кок-Яре
бормотать над десятым стаканом
и буянить в кок-ярском угаре
так, как будто воюет с Балканами.
В нашей памяти ярки и живы
Незабвенных уроков часы,
И шаров Ваших мыльных отливы,
И лучи, на закате косые,
И монгольский разрез Ваших глаз,
Ваши длинные черные кудри и
О Гогене прекрасный рассказ,
Соломоновой книги премудрее.
Станет солнце в тумане багровом,
Поседеют от снега леса,
И тогда соберемся мы снова,
Чтоб приветствовать Вас: «Гокусай!»
А пока не забудьте о лете,
Об уроках в горячем июле —
И не меньше горячем привете
Ученицы внимательной — Юлии.

1913

* Японское приветствие из драмы Сокола.

**Юлия Леонидовна Оболенская,
Магда Максимилиановна Нахман**
Коктебель, лето 1913 г.

Магда Нахман — Юлии Оболенской

18 мая 1914, Санкт-Петербург

...Дни стоят изумительно ясные. Я рада, что Сокол видел Петербург в наилучшем его аспекте. Мы с ним много странствовали по городу. Ездили в ветреный день в морской канал, мимо подъемных кранов и иностранных судов под вечер в ветреный день и мне показалось, что никогда южное море не может дать того же чувства безграничных пространств, далеких и фантастических стран, какое дает море северное. Кажется, что где-то, совсем близко завязываются узлы нелепых и великолепных жизней, очень действенных и богатых. Всё это, конечно, чисто северная тоска по экзотике. Были мы с Соколом еще как-то вечером на могиле Врубеля, сплели ему венок; на кладбище темно и странно было то, что низко над нами кружилась дирижабль, желто-розовый от света заката. Чудилось, что можно дотронуться рукой до него, и все-таки это было точно бред. У меня перед этими вещами ужас какой-то, точно в обыденную жизнь вторгается новая и страшная реальность, что-то глубоко нечеловеческое, вроде апокалиптического видения, точно люди делают нечто страшно запретное, кощунственное. Когда я вспоминаю об этом ярко освещенном зарей дирижабле, о его жужжании и гудении, я понимаю чувство, которое внушает идея об Антихристе. Потому что он весь обман, весь нереален в своей реальности, светлый полон темного смеха, соблазнитель, дающий радость запретного, острую от чувства гибели. <...> До и после отъезда Сокола я много думала о нем и чувствую к нему большую нежность. Он всегда напоминает мне драгоценную горящую свечу, и страшно, что она, пожалуй, уж очень скоро сгорит. Но это его горение и, может быть, слишком большое увлечение минутным (что в конце концов является недостатком) придает ему прелесть особенную: душа светлая, мерцающая и неверная, которую нельзя принудить к чему бы то ни было и нельзя удерживать. Впрочем он мил мне таков, каков он есть. Я, кажется, в конце концов все-таки выучусь бескорыстно радоваться каждому человеку или почти каждому. Думается мне, что если можешь дать человеку радость, то нужно давать — и всю, и до конца. Радостью даешь человеку жизнь и творчество жизненное, какие могут быть причины для того, чтобы отказать ему в этом? Но только, давая, конечно, берешь на себя известную часть жизни другого человека и ответственность за него, но если бояться этого, то нужно уйти в пустыню и стать столпником.

Слева — Ю.Л. Оболенская,
справа — М.М. Нахман,
в темном платье — В.Я. Эфрон
Коктебель, лето 1913 г.

Тетрадку своих стихотворений, посвященных обитателям Коктебеля лета 1913 года, Ю.Л. Оболенская подарила В.Я. Эфрон с надписью:

«Милой учительнице
слоноподобных учениц
от индусенка.

Коктебель 19^{30/}_{XI} 13.»

Лиле Эфрон

Полет ее собачьих глаз —
 Огромных, грустных и прекрасных,
 И сила токов неогласных
 Двух близких и враждебных рас,
 И звонкий смех, неудержимо
 Вскипающий, как сноп огней,
 Неволит всех, спешащих мимо,
 Шаги замедлить перед ней.
 Тяжелый стан бескрылой птицы
 Ее стесняет и гнетет,
 Но шею гордый поворот,
 Но глаз крылатые ресницы,
 Но вознесенный мгlistый лоб,
 Но музыкальность скорбных линий
 Прекрасны...

Ей родиться шло б
 Цыганкой или герцогиней...

Все платья кажутся на ней
 Одеждой нищенской и сирой,
 А рубище ее — порфирий
 Спадает с царственных плечей.
 Всё в ней свободно, своенравно:
 Обида, смех и гнев «всерьез»,
 Обман, свершенный слишком явно,
 Копна нечесаных волос,
 Величие, и оборотство,
 И мстительность, и доброта...

Но несказанна красота
 И нет в моем портрете сходства.

МАКС

28 января 1913

<Лиле Эфрон>

От почестей органистических
Вся в упительном жару,
Ты в «обормотник» свой лирический
И «санкюлотов» поэтических
Привлечь желаешь ко двору.

И дни и ночи нет покоя мне.
Сажу и думаю часы...
Как бы ловчее «аполлоновой»
Взвалить тяжелые красы
На Аполлоновы весы?

Ее глаза раскрасил Тьеполо,
Анжелло высек тяжкий стан.
Хоть ей толпа зевак не хлопала,
Но все движенья, как профан,
С нее копирует Дункан.

Хоть лесть моя и готенготская
В своей нехитрой прямоте,
Но всё ж не те слова, не те,
Ах, Царь-Девушка обормотская
К твоей подходят красоте!

Храни свои движенья строгие,
Бровей спокойное кольцо,
И платья царственно-убогие,
И «Богом-данное» лицо!

Туся Крандиевская

В Париже, март 1913 г.

**Наталья Васильевна
Крандиевская**

1910-е гг.

**Марина и Анастасия
Цветаевы**

На обороте фотографии
помета М.И. Цветаевой:

«Вере.

Феодосия, май 1914 г.»

Из дневника Е.Я. Эфрон

7 октября <1913>

... Да, я не умна. Говорю это так же определенно, как Марина говорит: «я умна». Для нее ясны каждое чувство, она их определяет и классифицирует. А я? Что знаю я? Всё глухо, туманно, смутно, неожиданно, как будто помимо меня рождается во мне. И потухает всё — и ласка Сережи, и слезы Веры, и слова Марины и любовь к Соколу.

**Елена Оттобальдовна
Кириенко-Волошина**
Коктебель, 1910-е гг.

**Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина —
Елизавете Эфрон**

22 мая <1916 г.>, Коктебель

Лиля милая, получила я вчера Ваше второе письмо и вот видите сегодня уже отвечаю, несмотря на то, что хлопот у меня полон рот, что называется: «варю борщи и ставлю самовары» (ради Сережи); да кроме того усыновила маленького, еще слепого ежа и выкармливаю посредством соски молоком; назвала его Сэр-Ежик — Сережик, т<ак> к<ак> Сережа подарил его мне. <...> А потому, милая Лиля, не сердитесь и не возмущайтесь старой обормотской пастушкой, не говорите, что она Вас забывает, не любит. Здоровье мое не ахтительно: всё еще от кашля избавиться не могу, а по утрам, восстав от сна очень задыхаюсь. <...> «Мой нелепейший Максик» по утрам что-то пишет для Речи и Биржовки, а затем всё малое и малое. Я на него уже несколько раз сердилась, и всё по пустякам, и потому что только, что сама всё куда-то спешу в своей работе по вареву, жареву, шитью шушунов, и раздражаюсь пустяками. Целую и люблю. *Пра.*

Е.О. Кириенко-Волошина — В.Я. Эфрон

<Лето 1916 г.>

Не знаю как подействовала смерть Маврикия на Асю: я ее еще не видела; она не сегодня-завтра должна приехать из Феодосии, куда только что возвратилась из Москвы, не застав его уже в живых. Меня смерть этого мало мне знакомого мужа Аси поразила ужасно и сжалось сердце жалостью к этому молодому, скромному, молчаливому человеку, такому застенчивому в своем военном мундире, да еще рядом с Асей.

◁ **А.И. Цветаева**
с сыном **Андрюшей**,
М.И. Цветаева с **Алей**,
С.Я. Эфрон и **М.А. Минц**
Александров. Июнь 1916 г.

Владислав Фелицианович
Ходасевич
Москва, 1900-е гг.

Магда Нахман — Юлии
Оболенской

*6 июля 1919, Ликино,
Владимирской губ<ернии>*

... Сейчас читаю 2-ю часть Вильгельма Мейстера и думаю о том, что и в романе, и в его времена на очень высокой ступени взаимное человеческое общение. Т.е. дружба, знакомство всегда построены на самом значительном в человеке, на самых высоких сторонах ума и души, так что жизнь держится на высокой ступени напряжения сознательной волей и этим облагораживается весь человек и выявляется подлинная жизненная, необходимая сущность человека, всё это создано сознательно, и это прекрасно, т<ак> к<ак> является подлинным творчеством жизни, углублением ее, расширением. Не знаю понятно ли я говорю. Вспоминается почему-то отношение Владислава к тебе. Думаю, что ты коснулась с высоты такой же высокой точки в нем, кот<орая> для тебя достижима — и только она достижима. Правда ведь у людей есть возможность иметь волшебные палочки для пробуждения душ — это их сущность. В этом влияние святых и героических душ, они чувствуют вершины в людях и пробуждают их. Да только на этих вершинах и начинается жизнь для них. Помню отзывы о нем Марины, Грифцова. Это был для них человек холодный, чопорный, равнодушный насмешник, мелкоозлобленный, с печатью безалаберной молодости, с пристрастием к ссорам и тяжбам. И вот опять он: искренний, с призыванием к подлинной дружбе, умеющий хорошо возмутиться, постоять за других...

София Яковлевна Парнок

М. Цветаева

Из цикла «Подруга»

Могу ли не вспоминать я
Тот запах White Rose и чая,
И севрские фигурки
Над пышущим камельком...

Мы были: я — в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы — в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

28 января 1915

Марина Ивановна Цветаева

**Осип Эмильевич
Мандельштам**

Интереснее говорить с Мандельштамом — он немножко бестолковый, иногда точно отсутствующий, иногда панически-озабоченный, но если бывает «в настроении», то остроумен и весело-гиперболичен. Он налету схватывает суть вещей, умеет их «узнавать» и каждую осветить по-своему. Он жонглирует парадоксами и метафорами, за которыми не чувствуется ничего устойчивого, если не считать какой-то постоянной «филологической тревоги». Он какой-то бездомный, егозливый и, вероятно, довольно несносный в общении, но есть что-то трогательное в том, что он так важно вздергивает кверху свою птичью, взъерошенную головку, и в том, что он всегда небрит, а на пиджаке у него либо пух, либо не хватает пуговицы. К нему бы нужно приставить хорошую русскую няню, которая мыла бы его и кормила манной кашей. А он читал бы ей за это стихи и предлагал бы взять из его ладоней немного солнца и немного меда. За отсутствием няни он, кажется, испытывает терпение своих друзей, этот «ужас друзей, златозуб», как прозвал его кто-то. Его и любят и страшатся, ибо одинокий золотой зуб, приветливо мерцающий при улыбке поэта, сигнализирует одновременно извержение прекрасных стихов и посягательство на небольшой, но безнадежный кредит.

Э.Ф. Голлербах. Переписка из двух миров. Конец 1920-х гг.

**В.А. Жуковская и В.Я. Эфрон —
сестры милосердия. 1915**

9 марта 1915. Москва

...Готовимся провожать Асю <Жуковскую> и Сережу. Он купил себе желтую куртку, погоны, сапоги и геройски мерз в этом наряде при отчаянной вьюге, так что в конце концов у него зуб на зуб не попадал. ...

*Из письма М.С. Фельдштейна
В.Я. Эфрон в Белосток*

**С.Я. Эфрон —
брат милосердия
1915**

И.Г. Эренбург

1910-е гг.

Е.О. Кириенко-Волошина — В.Я. Эфрон

1 ноября 1917, Коктебель

... Не отвечала тебе так долго, потому что была в суете, хозяйстве, без прислуги, но с постоянными гостями, и старыми и новыми. Последний между ними по счету Эренбург, но первый по сильному, необыкновенно хорошему впечатлению, произведенному на меня. Он настоящий человек, помимо поэта, писателя, готовый в жертву себя принести за родину, за други своя. При этом умен, образован, прямодушен, прост и без всяких парадоксов. За три дня я уже успела его полюбить. Непременно познакомься с ним. Если ты поговоришь с ним, то возродишься.

**Сергей Эфрон
в Добровольческой армии**

Октябрь 1918 г.

Если бы три года русские люди не сражались против большевиков, если бы не было Степного и Ледяного походов, если бы не было похода на Петроград, если бы не защищалась Сибирь, если бы не встали Дон, Терек, Кубань, если бы в Крыму после Новороссийска не было снова поднято Русское знамя, — мы, русские, были бы вынуждены признать, что у нас, русских, нет чести и что Родина действительно не более как предрассудок. И если честь спасена и если идея Родины — идея России — не умерла до сих пор, то этим мы обязаны безвестным героям, положившим жизнь свою у Пскова, у Омска, у Новочеркасска, под Орлом, под Казанью, на Перекопе — во всей Земле Русской.

Борис Савинков. О Русской Вандее. 1921

Аля и Ирина Эфрон

Москва. 1919 г.

Магда Нахман — Юлии Оболенской

12 марта 1920 Дольцсы

<...> Умерла в приюте Сережина дочь — Ирина — слышала ты? Михаил Соломонович под арестом — это на днях Вера писала. Лиля хотела взять Ирину сюда и теперь винит себя в ее смерти. Ужасно жалко ребенка — за два года земной жизни ничего кроме голода, холода и побоев. <...>

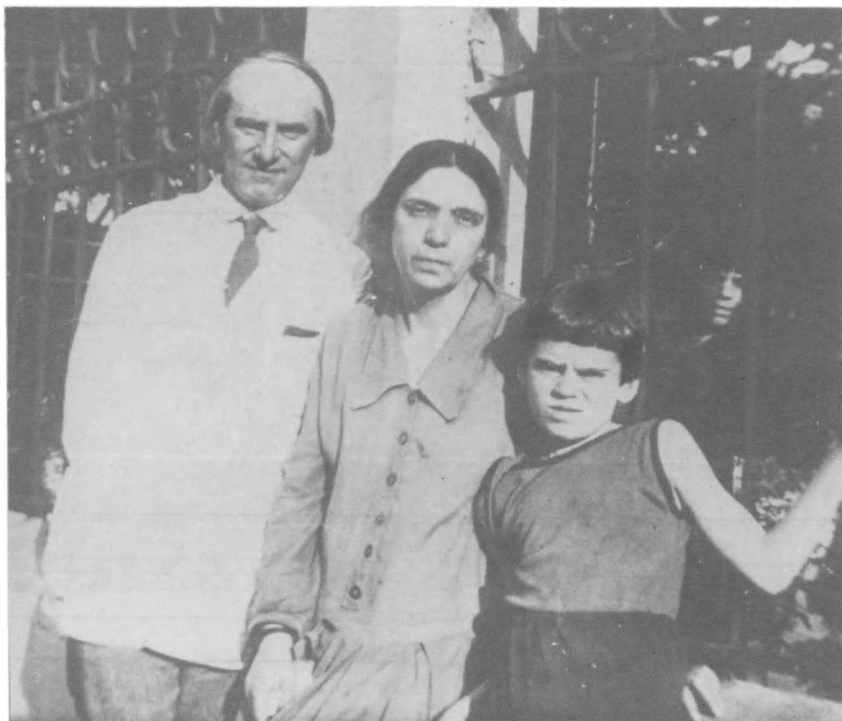
Елизавета Эфрон

... Я сам поседел и часто сторблен от болей в спине. Доходили ли до тебя мои стихи этих лет? Какие?

Времена террора провел всё время лицом к лицу с истребителями, живя с ними в одной квартире. Тут-то и понял всю силу молитвы (когда молишься не за жертву, а за палачей). Как она на глазах может преобразать человека. И как слабы те, что проливают кровь. Та зима — одно непрерывное чудо. Приезжай в Коктебель. Крепко целую МАХ.

*Из письма М.А. Волошина
Е.Я. Эфрон от 25 мая 1923 г.*

Максимилиан Волошин

**М.С. Фельдштейн
и В.Я. Эфрон
с сыном Константином**
Москва, конец 1920-х гг.

Собственно, мы живем в такое серьезное время, что уже ничто не страшно, и надо существовать в каких-то совершенно иных чувствах и мыслях. Как это ни странно, я всё время испытываю чувство огромного восхождения, когда знаешь вперед, что можешь на каждом шагу свалиться в пропасть, и думаешь всё же совсем о другом. Беда людей сейчас в том, что они живут обычной психологией, а времена сейчас первохристианские. Вот! Поэтому будь абсолютно спокойна. При нашей любви, у нас всегда всё есть.

Из письма М.С. Фельдштейна В.Я. Эфрон от 20 августа 1930 г.

**М.И. Цветаева, Е.И. Еленева,
К.Б. Родзевич,
Олег Туржанский**
Сзади: **С.Я. Эфрон,
Н.А. Еленев**
Вшеноры, 1923

... Для меня была и осталась загадочной анатомическая природа Марины: голова ее была одухотворена, как голова мыслителя, выражая сочетание разных вековых культур и народностей. Руки же... Такие руки с ненавистью сжигали не только помещичьи усадьбы, но и старый мир.

Н.А. Еленев. Кем была Марина Цветаева? («Грани» 1958, № 39).

М.И. Цветаева
с мужем и детьми
Вшеноры, весна 1925 г.

День: готовлю, стираю, таскаю воду, нянчу Георгия (5 1/2 мес., чудесен), занимаюсь с Алей по-французски, перечти Катерину Ивановну из «Преступления и наказания», это я. Я неистово озлоблена.

Из письма М. Цветаевой к Б. Пастернаку от 14 июля 1925 г.

М.И. Цветаева

Фавьер, 1935 г.

— С собой (ду-шой) я была только в своих тетрадях и на одиноких дорогах — редких, ибо я всю жизнь — водила ребенка за руку. На «мягкость» в общении меня уже не хватало, только на общение: с л у ж е н и е: бесполезное жертвоприношение.

Из письма М. Цветаевой к Б. Пастернаку от октября 1935 г.

М.И. Цветаева с Муром

Мёдон, весна 1928 г.

Снимки Н.П. Гронского

(См. также с. 62—65)

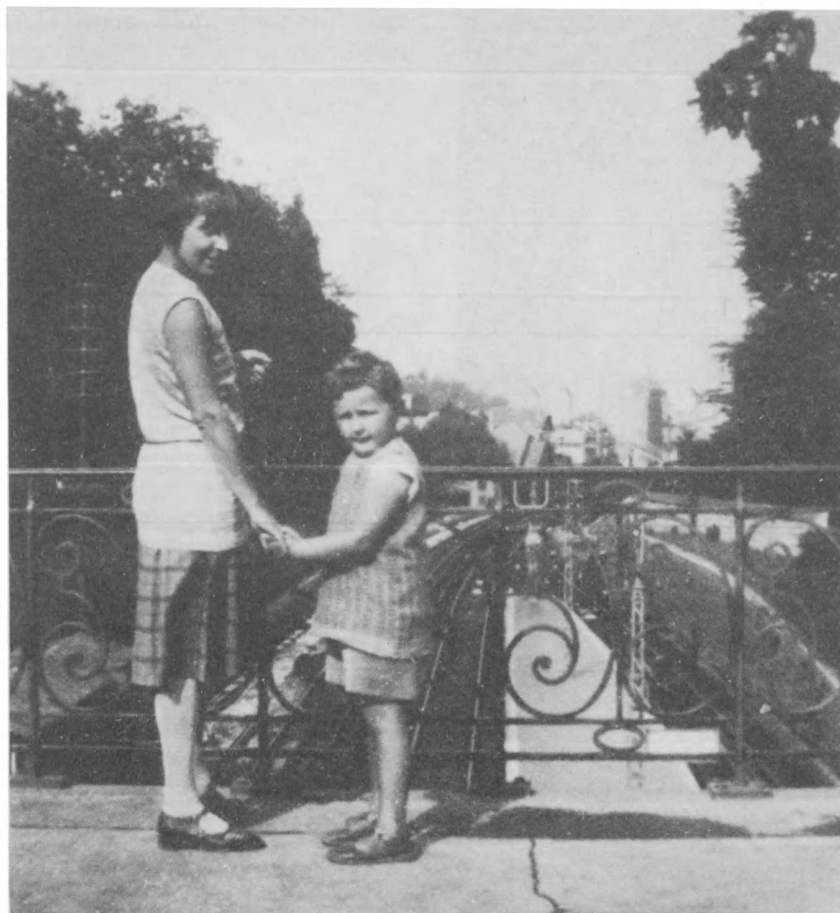
На обороте фотографии помета М.И. Цветаевой:

«Мы с Муром. Мёдон, Чистый Понедельник 1928 г.
(Муру 3 г., 2 мес., 1 нед.)».

Ребенок ни умственно ни сердечно не выдающийся, в пределах естественной хорошести и умности трехлетнего ребенка, ннно — есть в нем что-то, очевидно — в виде (а просто вида — нет, вид — чего-нибудь и, скорей, — ВСЕГО) заставляющее одного называть его Наполеоном, другого — Муссолини, третьего — профессором, четвертого — чудаком, Зигфридом, римлянином...

Запись М. Цветаевой в мае 1928 г.

Ариадна Эфрон с братом

Весна 1926 г.

Ариадна Эфрон

Встреча

Из-под волчьей шапки детский мех волос.
Из-под желтой прядки удивленный нос.
«Здравствуй!» — нет ответа. «Здравствуй!» — Не хочу!
Он молчит и смотрит, я смотрю, молчу.
Снег повис на ветке, улица в снегу...
«До свиданья, мальчик!». Мальчик — ни гу-гу.
Я бегу. Чернеют кладбища кусты.
А вдогонку — голос: «До свиданья — ты!»

1928

М.И. Цветаева в кругу семьи
Лето 1930 г.

1933 г.

Лето 1935 г.

М. Цветаева — В. Бунинной

24 августа 1933 г.

... Вы мне в эту пору самый родной человек из всех, и это естественно: мы с Вами на дне *т о г о ж е* Китежа! Кто же захочет жить на дне *ч у ж о г о* Китежа? <...>

Мои живут другим, во времени и с временем. Никто не хочет сна — наяву (да еще чужого сна!). С<ережа> сейчас этот мир действительно отталкивает, ибо его еще любит, от него еще страдает, дочь (скоро 20 лет) слушает почтительно и художественно-отзывчиво, но — это не *е е* жизнь, не *е е* век, и конечно (такой *с т р а с т н ы й* отрыв от жизни) — не ее душевный строй, она очень «гармонична», т.е. ничего не предпочитает, всё совмещает: и утреннюю газету, и мой отчаянный прыжок в сон, как-то всё равнозначуще — не я, не мое. Сын (8 лет) весь живет не текущим днем, а завтрашним, набегающим, — планами, обещаниями, будущими радостями — т.е. *я в о б р а т н о м н а п р а в л е н и и*.

Лето 1929 г.

Лето 1930 г.

**М.И. Цветаева
и Мур с собаками**

Савойя, лето 1930 г

...Оставила в Савойе — в квартире запрещено — безумнолюбимую собаку, которую в память Чехии я окрестила: *Подсэм* (поди сюда?). Это был — *chien-berger-quatre-yeux**, черная, с вторыми желтыми глазами над глазами-бровями. Никого за последние годы так не любила.

Из письма М. Цветаевой А.А. Тесковой от 17 октября 1930 г.

* Четырехглазая пастушеская собака (фр.).

Лето 1935

М.И. Цветаева
с мужем и сыном
Париж, 1934

... Дома мне очень тяжело, даже (другому бы!) нестерпимо — у меня нет Вашего дара окончательного отрешения, я всё еще ввязываюсь. Всё чужое. Единственное, что уцелело — сознание доброкачественности С<ергея> Я<ковлевича> и жалость, с которой, когда-то, всё и началось. <...>

Из письма М. Цветаевой к В. Буниной от 10 января 1935 г.

Ариадна Эфрон

Париж, 1935

Аля выросла — чужая, не моя и не *своя*, как все, и даже не как все — все — *лучше*. Русалка. Русалка хороша в воде — и в сказке, в доме и в жизни (хотя бы чесание волос и плавательные движения...) — нет, не то: русалка — *всегда* страшна, но в сказке она прекрасно-страшна, в жизни же — отталкивающе, ибо есть *поступки*.

Лень, бесстрашие, ненадежность, безответственность, желание нравиться — и только тогда оживление, хохот, глаза, и как основа полная бессовестность. От *той девочки* — ни следа.

Живет дома, *п<отому> ч<то>* работать (зарабатывать) не хочет, и — естественно — и дома работать не хочет. В доме, где все работают, живет, чтобы *не* работать. *Не* учится. Непрерывно ходит в гости и в «Союз». Общительная и даже общественная — русалка.

Запись М.И. Цветаевой 1 января 1936 г.

Ариадна Эфрон

<1940—1941>

Никого в жизни я так не любила, как маму, — ни отца, ни брата, ни мужа, а детей у меня не было. Я любила маму всегда, но было время, в молодости, когда я хотела эту любовь совместить со всякими там мальчиками, девочками, с кино и с прочим, а мама презирала мою неразборчивую разносторонность. Тогда мама была мне не под силу, и нужно было столько пережить и перестрадать, чтобы дорасти до понимания собственной матери!

А.С. Эфрон, весна 1975 г.

Группа из семейной фотографии начала 1900-х годов

Сделана по заказу М.И. Цветаевой в московской фотографии Фр. Опитца в 1913 г.

На обороте фотографии надпись М.И. Цветаевой:

«А все-таки она вертится!

Лиле на дорогу в Париж.

Марина

Москва,
25го февраля
1913 г.»

М.И. Цветаева

Москва, 1941 г.

С переменой мест я постепенно утрачиваю чувство реальности: *меня* — всё меньше и меньше, вроде того стада, которое на каждой изгороди оставляло по клоку пуха... Остается только мое основное *нет*.

Из письма М. Цветаевой к В.А. Меркурьевой от 31 августа 1940 г.

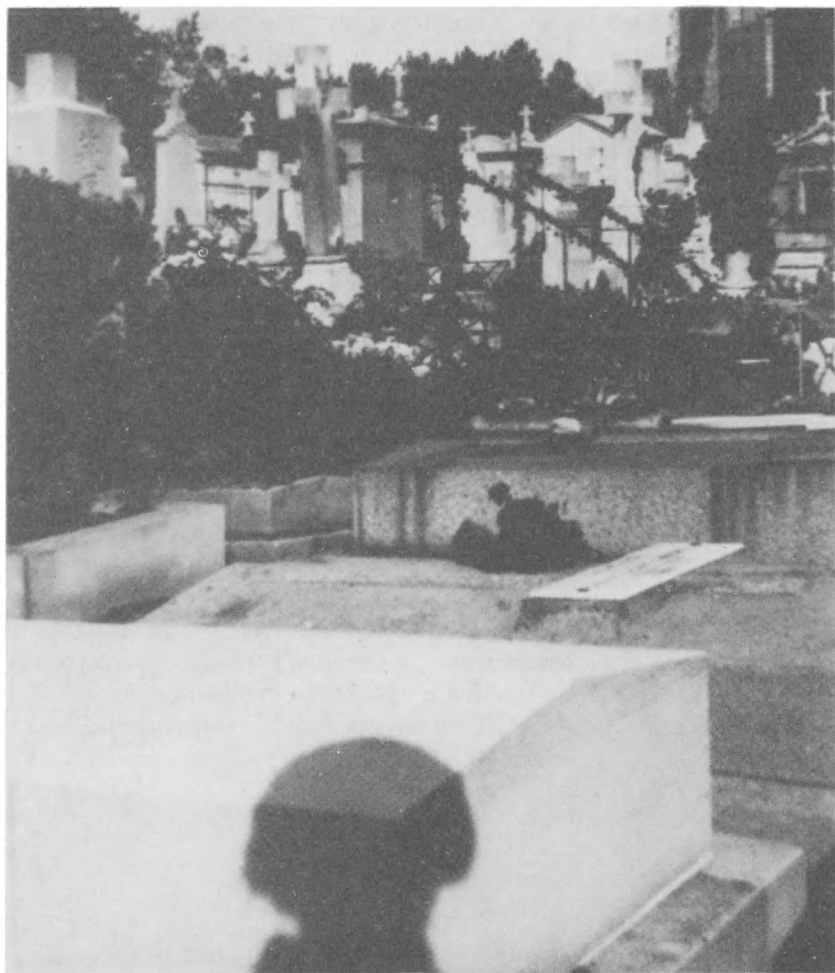

Георгий Эфрон
Чистополь, сентябрь 1941 г.

Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, ее предсмертные дни в Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание. Я тогда совсем не понимал ее и злился на нее за такое внезапное превращение... Но как я ее понимаю теперь! Теперь я могу легко проследить возникновение и развитие внутренней мотивировки каждого ее слова, каждого поступка, включая самоубийство. Она тоже не видела будущего и тяготилась настоящим, и пойми, пойми, как давило ее прошлое, как гудело оно, как говорило! Я уверен, что всё последнее время существования М.И. было полно картинами и видениями этого прошлого; разлад всё усиливался; она понимала, что прошлое затоптано и его не вернуть, а веры в будущее, которая облегчила бы ей жизнь и оправдала испытания и несчастья, у нее не было.

Мне кажется, что для нашей семьи эта проблема взаимосвязи трех величин: настоящего, прошлого, будущего, — основная проблема. Лишь тот избегает трагедии в жизни, у кого эти величины не находятся в борьбе и противодействии, у кого жизнь образует одно целое. У С<ергея> Я<ковлевича> всегда преобладало будущее; только им он и жил. У М<арины> И<вановны> всегда преобладало прошлое, многое ей застилавшее. Об Але не говорю — не знаю. Я же всегда хватался за настоящее, но в последние времена это настоящее стало сопротивляться, и прошлое начало наступление.

Из письма Г.С. Эфрона к С.Д. Гуревичу от 8 января 1943 г. из Ташкента

**Могила Е.П. Дурново-Эфрон, Я.К. Эфрона и К.Я. Эфрона
на Монпарнасском кладбище в Париже**

Фотография снята М.И. Цветаевой, на соседней надгробной плите —
тень ее головы

На обороте фотографии — помета М.И. Цветаевой:

«2 novembre, jour des Morts — 1938 Cimetière Montparnasse»

(«2 ноября, день поминовения усопших — 1938 Монпарнасское кладбище»)

Глава первая
МЕДВЕДЁВЫ ДЕТКИ
(1910—1914)

Баю-бай-бай,
Медведёвы детки,
Косо—лапы,
Да лох—маты...

Это был — скрытый мистик, то есть истый мистик, тайный ученик тайного учения о тайном. Мистик — мало скрытый — закрытый. Никогда ни одного слова через порог его столь щедрых, от избытка сердца глаголящих уст. Из этого заключаю, что он был посвященный. *Э т а* его сущность, действительно, зарыта вместе с ним. И, может быть, когда-нибудь там, на коктебельской горе, где он лежит, еще окажется — неизвестно кем положенная — мантия розенкрейцеров.

М. Цветаева. «Живое о живом», 1932 г.

1. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Москва, 23-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Примите мою искреннюю благодарность за Ваши искренние слова о моей книге ¹. Вы подошли к ней к<а>к к жизни, и простили жизни то, чего не прощают литературе.

Благодарю за стихи ².

Если не боитесь замерзнуть, приходите в старый дом со ставнями ³. Только предупредите, пожалуйста, заранее.

Привет.

Марина Цветаева

2. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Москва, 27-го декабря 1910 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Благодарю Вас за письма.

В пятницу вечером я не свободна.

Будьте добры, выберите из остальных дней наиболее для Вас удобный и приходите, пожалуйста, часам к пяти, предупредив заранее о дне Вашего прихода.

Привет.

Марина Цветаева

Москва, 27-го декабря 1910 г.

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети т<a>к жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, —
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети — тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы — дитя. Но все ли дети — тайны?!

Марина Цветаева

3. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

< В Москву >

Многоуважаемый
Максимилиан Александрович,

Приходите, пожалуйста, в пятницу, часам к пяти.

Марина Цветаева

Москва, 29-го декабря 1910 г.

4. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

<30 декабря 1910 г., Москва>

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я в настоящее время т<а>к занята своим новым граммофоном, (к<оторо>го у меня еще нет) что путаю все дни и числа ¹.

Если Ваша взрослость действительно не безнадежна, Вы простите мне мою рассеянность и придете 4го января 1911 г., в 5 час., к<а>к назначили.

Т<а>к говорит — вежливо, длинно и прозой — мое великодушие.

А т<а>к скажет — менее вежливо, короче и стихами — моя справедливость:

Кто виноват? Ошиблись оба...

Прости и ты, к<а>к я простила!

Марина Цветаева

5. Л.А. ТАМБУРЕР — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

<5 января 1911 г. <Москва>

В Вашей рецензии о книге Марины Цветаевой я нашла столько чуткого внимания, редкого у мужчин, что позволяю себе сказать Вам эти несколько слов. Вы написали то, что мог написать только человек, близко знающий и любящий автора. Примите мою сердечную (и удивленную!) признательность.

Лидия Тамбурер

6. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Москва, 5-го января 1911 г.

Я только что начала разрезать «La Canne de Jaspe» ¹, когда мне передали Ваше письмо. Ваша книга — всё, что мы любим, наше — очаровательна. Я буду читать ее сегодня целую ночь. Ни у Готье, ни у Вольфа ² не оказалось Швоба ³. Я даже рада этому: любить двух писателей зараз — невозможно. Будьте хорошим: достаньте Генриха Манна ⁴. Если

хотите блестящего, фантастического, волшебного Манна, — читайте «Богини», интимного и страшно мне близкого — «Голос крови», «Актриса», «Чудесное», «В погоне за любовью», «Флейты и кинжалы».

У Генриха Манна есть одна удивительно скучная вещь: я два раза читала ее и оба раза откладывала на грядущие времена. Это «Маленький город».

Вся эта книга — насмешка над прежними, она даже скучнее Чехова⁵.

Менее скучны, но т<a>к же не характерны для Манна «Страна лентяев» и «Смерть тирана».

Я в настоящую минуту перечитываю «В погоне за любовью». Она у меня есть по-русски, т.е. я могу ее достать.

В ней Вас должен заинтересовать образ Уты, героини.

Но если у Вас мало времени, читайте только Герцогиню и маленькие вещи: «Флейты и кинжалы», «Актрису», «Чудесное». Очень я Вам надоела со своим Манном?

У Бодлера есть строка, написанная о Вас, для Вас: «L'univers est égal à son vaste appétit»⁶. Вы — воплощенная жадность жизни.

Вы должны понять Герцогиню: она жадно жила. Но ее жадность была богаче жизни. Нельзя было начинать с Венеры!

До Венеры — Минерва, до Минервы — Диана!⁷

У Манна т<a>к: едет автомобиль, через дорогу бежит фавн. Всё невозможное — возможно, просто и должно. Ничему не удивляешься: только люди проводят черту между мечтой и действительностью. Для Манна же (разве он человек?) всё в мечте — действительность, всё в действительности — мечта. Если фавн жив, отчего ему не перебежать дороги, когда едет автомобиль?

А если фавн только воображение, если фавна нет, то нет и автомобиля, нет и разряженных людей, нет дороги, ничего нет. Всё — мечта и всё возможно!

Герцогиня это знает. В ней всё, кроме веры. Она не мистик, она слишком жадно дышит апрельским и сентябрьским воздухом, слишком жадно любит черную землю. Небо для нее — звездная сетка или сеть со звездами. В таком небе разве есть место Богу?

Ее вера, беспредельная и непоколебимая, в герцогиню Виоланту фон Асси.

Себе она молится, себе она служит, она одновременно и жертвенник, и огонь, и жрица, и жертва.

Обратите внимание на мальчика Нино, единственного молившегося той же силе, к<a>к Герцогиня. Он понимал, он принимал ее всю,

не смущался никакими ее поступками, зная, что всё, что она делает, нужно и должно для нее.

Общая вера в Герцогиню связала их до гроба, быть может и после гроба, если Христос позволил им жить еще и остаться теми же.

К<a>к смотрит Христос на Герцогиню? Она молилась себе в лицах Дианы, Минервы и Венеры. Она не знала Его, не понимала (не любила, значит — не понимала), не искала.

Что ей делать в Раю? За что ей Ад? Она грешница перед чеховскими людьми, перед с<оциал->д<емократами>, земскими врачами, — и святая перед собой и всеми, ее любящими.

Неужели Вы дочитали д<o> с<их> п<ор>?

Если бы кто-н<и>б<удь> т<a>к много говорил мне о любимом им и нелюбимом мной писателе, я бы... нарочно прочла его, чтобы т<a>к же длинно разбить по всем пунктам.

Один мой знакомый семинарист (Вы чуть-чуть знаете его)⁸ шлет Вам привет и просит Вас извинить его неумение вести себя взрослому во время разговора. Он не привык говорить с людьми, он слишком долго надеялся совсем не говорить с ними, он слишком дерзко смеялся над Реальностью.

Теперь Реальность смеется над ним! Его раздражают вечный шум за дверью, звуки шагов, невозможность видеть сердце собеседника, собственное раздражение — и собственное сердце.

Простите бедному семинаристу!

Марина Цветаева

7. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Какая бесконечная прелесть в словах:

«Помяни... того, кто, уходя, унес свой черный посох и оставил тебе эти золотистые листья»¹. Разве не вся мудрость в этом: уносить черное и оставлять золотое?

И никто этого не понимает, и все, знающие, забывают это! Ведь вся горечь в остающемся черном посохе!

Не надо забвения, надо золотое воспоминание, золотые листья, к<отор>ые можно, разжав руку, развеять по ветру!

Но их не развеешь, их будешь хранить: в них будешь лелеять тоску о страннике с черным посохом. А черный посох, оставленный им, нельзя развеять по ветру, его сожжешь, и останется пепел — горечь, смерть!

Может быть, Ренье и не думал об этих словах, не подозревал всю их бездонную глубину, — не всё ли равно!
Я очень благодарна Вам за эти стихи.

Марина Цветаева

Москва, 7-го января 1911 г.

8. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Благодарю Вас за книги, картинку, Ваши терпеливые ответы и жалею, что Вы т<а>к скоро ушли.

Благодарю еще за кусочек мирры¹, — буду жечь его, несмотря на упрямство спички: у меня внизу топят печку.

Сейчас Вы идете по морозной улице, видите людей и совсем другой.

А я еще в прошлом мгновении.

М<ожет> б<ыть> и прав Вячеслав Иванов?²

Привет и благодарность.

Марина Цветаева

Москва, 10-го января 1911 г.

9. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

После чтения «*Les rencontres de M. de Bréot*» Régnier^{* 1}

Облачко бело и мне в облака

Стыдно глядеть вечерами.

О, почему за дарами

К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес

Ласковой тайны мне снова.

О, почему у земного

Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты

И укоряют в измене.

О, почему не у тени²

Я попросила мечты?

* «Встречи господина де Брео» Ренье (фр.).

Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?

МЦ

Москва, 14-го января 1911 г.

10. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Москва, 28 января 1911 г.

Благодарю Вас, Максимилиан Александрович, за письмо и книги. Приходите.

Марина Цветаева

11. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

<Конец января 1911 г., Москва>

Милый Максимилиан Александрович,

Лидия Александровна¹ и мы все страшно огорчены происшедшим недоразумением².

Все это произошло без меня, я только что об этом узнала.

Шутливая форма обращения к Вам доказывает только ее хорошее отношение к Вам.

Я сама ничего не понимаю.

МЦ

12. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

<Середина марта 1911 г., Москва>

Одному из кошачьей породы

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли,
Но боль пришла, — их нету боле, —
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли, —
В кошачьем сердце рабства нет!

К<а>к ни мани, к<а>к ни зови,
К<а>к ни балуй в уютной холе,
Единый миг, — они на воле,
В кошачьем сердце нет любви! ¹

МЦ

13. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Многоуважаемый
Максимилиан Александрович,

Только что получила от Л.А. ¹ извещение, что она больна. Мне очень неловко перед Вами. Она просит Вас извиниться. Привет.

Марина Цветаева

Москва, 21-го марта 1911 г.

14. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Москва, 23-го марта 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Вчера кончила Consuelo и Comtesse de Rudolstadt — какая прелесть! Сейчас читаю Jacques ¹.

Приходите, есть новости!

Завтра уезжаю за город, вернусь в пятницу.

Драконочка ² всё хворает, она шлет Вам свой привет.

У нас теперь телефон (181—08), позвоните, если Вам хочется прийти, и вызовите Асю ³ или меня.

Лучше всего звонить от 3—4.

Всего лучшего.

За чудную Consuelo я готова простить Вам гнусного M. de Bréot.

Привет Вам и Елене Оттобальдовне ⁴.

Марина Цветаева

P.S. Можно ли утешаться фразой Бальмонта: «Дороги жизни богаты»?⁵

Можно ли верить ей?

Должно ли?

15. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я очень виновата перед Вами за телефон. Третьего дня и вчера я была дома от 3 до 4, сегодня не могла. Почему Вы не вызвали Асю? Это она с Вами говорила.

Напишите мне, пожалуйста, когда придете. Приходите, если хотите и можете, завтра или в среду или четверг, — только сообщите заранее, когда. Вызовите...

Впрочем лучше напишите.

Если же Вы эти вечера и сумерки заняты, мне остается только пожелать Вам доброй весны.

Привет.

Марина Цветаева

Москва, 28-го марта 1911 г.

16. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Посылаю Вам Ваши книги. Travailleurs de la mer¹ и Dumas² куплю завтра же, к<a>к обещала. Исполнится ли Ваше предсказание насчет благословения Вас за эти книги в течение целой жизни, — не знаю. Это можно будет проверить на моем смертном одре. Поклон Елене Оттобальдовне, руку подкинутым младенцем — Вам. До свидания (с граммофоном!) в Коктебеле.

Марина Цветаева

Москва, 1-го апреля 1911 г.

17. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Петербурге>

Воскресенье 3 Апреля <1>911 г. <Есбо, Финляндия>

Верунька, моя девочка дорогая. Получил твое письмецо и благодарен тебе за него, милая. Настроение у меня сносное, только мучает то, что я уехал¹, а ты осталась. Что слышно нового? Надеюсь, что каждую новость ты мне будешь сообщать немедленно. Да и без всяких новостей ты мне должна писать почаще! Был я у Инны Ивановны². Она удивляется, почему ты осталась в П<етербурге>. Ей-Богу не вру!

Бедная моя Верунька — очень я за тебя боюсь. Только дай мне развиться хорошенько и умственно и физически, я тогда покажу, что Эфр<оны> что-нибудь да значат. Мои мысли направлены только в эту точку.

Сейчас веду очень регулярный образ жизни: много сплю, ем и много читаю. Чувствую, как с каждым часом тяжелею.

Чтобы не забыть, Верунька, у меня к тебе просьба: высылай мне «Речь»³. Инне Ивановне ее высылать перестали, да кроме этого, если бы ты мне высылала — я был бы спокоен, что всё благополучно. Исполни, дорогая, эту просьбу. Сделаешь этим одолжение и Инне Ивановне. — Был бы еще тебе очень благодарен, если бы ты выслала мне бандеролью Милокова⁴ — он у тебя.

Как чувствуешь себя? Как дела в школе? Как твоя пластика?⁵ Желаю тебе делать во-о-о какие успехи!!!

— У нас весна в полном разгаре. Снег почти весь стаял, солнце печет во всю, «а я несчастный человек, человек»⁶ хожу в ватном пальто. Финны с грустью смотрят на меня, качают головою и что-то бормочут на нехристианском наречии. По всей вероятности это бормотание должно обозначать: бедняга.....

Встретили меня в пансионе, как друга, которого не видели лет двадцать пять. Прислуга даже завизжала от удовольствия. Народу сейчас здесь уйма, т<ак> к<ак> у них Пасха. За каждой трапезой я отличаюсь. Вчера я вместо первого начал есть третье, чем конечно привел в восторг всех нехристей! Публика!!! Третьего дня в яшницу, которую я принял за воздушный пирог, налил сливков. Присутствующие опять почему-то смеялись.

Каждый день хожу к Инне Ивановне. Дела ее с мужем обстоят не совсем блестяще. К ней приехала мать. Дети от кори оправились. Тетю Велу⁷ они еще помнят.

Ну пиши, Верунька!
 Пиши чаще и больше!
 Целую тебя и желаю всего, всего лучшего!
 Видаешь ли товарища? ⁸ Если видаешь — передай ему привет.
 Поклон твоим подругам.
 Получил открытку от Н<юти> ⁹.

18. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Гурзуф, 6 апреля 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Я смотрю на море, — издалека и вблизи, опускаю в него руки, — но все же оно не мое, я не его ¹. Раствориться и слиться нельзя. Сделаться волной?

Но буду ли я любить его тогда?

Остаться человеком (или «получеловеком», всё равно!) — вечно тосковать, вечно стоять на рубеже.

Должно, должно же существовать более тесное *ineinander* *. Но я его не знаю!

Цветет абрикосовое дерево, море синее, со мной книги...

Читаю сейчас Jean Paul'a «Flegeljahre» ², бесконечно-очаровательную, грустно-насмешливую, неподдельно-романтическую книгу.

Наша дача, — «моя» звучит слишком самоуверенно, — над самым морем, к к<оторо>му ведет бесчисленное множество лестниц без перил и почти без ступенек. Высота головокружительная. Приходится всё время подбадривать себя строчкой из Бальмонта, заменяя слово «солнце» словом «море»:

— «Я видела море, сказала она,
 Что дальше — не всё ли равно?!» ³

Пусть это эстетство, мне оно дороже и ближе чужого опрощения! Здесь еще довольно холодно. Сейчас лежала на скале и читала милые «Flegeljahre». Эта скала называется крепостью ⁴, с нее чудный вид на море и Гурзуф.

В надписях на скалах есть что-то или очень пошлое или очень трогательное, — я еще не решила. Когда решу, буду или очень на-

* Взаимопогружение (нем.).

падать на них, или очень защищать. Если бы только они были немного поумнее!

Я очень сильно загорела, — все время хожу без шапки.

Мечтаю о купанье, но оно начинается только в мае. М<ожет> б<ыть> это и есть самое тесное сближение с морем? Предпоследнее, конечно! Непременно напишите, что Вы об этом знаете.

Общество, выражаясь скромно, не совсем то: господин с дамой (бывают «дама с господином», но здесь наоборот), дама с колясочкой, два неопределенных субъекта, — смесь с<оциал->д<емократа> с неучем, — и всё. Есть еще несколько маленьких детей, но до того грязных, что вся моя нежность от этого пропадает.

Господин (с дамой) уже старался познакомиться. Рассказывал о дружбе с одним виноделом, к<отор>ый его угощает, о погоде, о тоске одиноких прогулок, — даму он не считает, — о своих занятиях по торговой части... Я улыбалась, говорила: «Да, да... Неужели? Серьезно?», потом перестала улыбаться, перестала вскоре отвечать: «Неужели?», а в конце концов сбежала.

Мне кажется, он не только никогда ничего не читал, но и вообще этого не умеет.

Дама (с колясочкой) занята только ею. Это, конечно, очень мило, но несколько однообразно. Есть еще одно маленькое женское существо, скучающее о муже и рассказывающее мне вот уже пятый день (от Москвы до Гурзуфа) свои радости и печали. Я улыбаюсь, говорю: «Да, да... Неужели? Серьезно?» и, кажется, скоро перестану улыбаться. Но восторг мой еще не прошел, не думайте!

Всего лучшего, иду гулять.

МЦ

Адр<ес>: Гурзуф, Генуэзская крепость, дача Соловьевой, мне. P.S. Не были ли в Мусагете⁵ и у Крахта?⁶ Что нового? Видели ли Дракконочку?⁷

19. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Гурзуф, 18-го апреля 1911 г.

Многоуважаемый Максимилиан Александрович,

Пишу Вам под музыку, — мое письмо, наверное, будет грустным. Я думаю о книгах.

К<a>к я теперь понимаю «глупых взрослых», не дающих читать детям своих взрослых книг! Еще т<a>к недавно я возмущалась их самомнением: «дети не могут понять», «детям это рано», «вырастут — сами узнают».

Дети не поймут? Дети слишком понимают! Семи лет «Мцыри» и «Евгений Онегин» гораздо верней и глубже понимаются, чем двадцати. Не в этом дело, не в недостаточном понимании, а в слишком глубоком, слишком чутком, болезненно-верном!

Каждая книга — кража у собственной жизни. Чем больше читаешь, тем меньше умеешь и хочешь жить сам.

Ведь это ужасно! Книги — гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательно, счастье только бессознательность.

Читать все равно, что изучать медицину и до точности знать причину каждого вздоха, каждой улыбки, это звучит сентиментально — каждой слезы.

Доктор не может понять стихотворения! Или он будет плохим доктором, или он будет неискренним человеком. Естественное объяснение всего сверхестественного должно напрашиваться ему само собой. Я сейчас чувствую себя таким доктором. Я смотрю на огни в горах и вспоминаю о керосине, я вижу грустное лицо и думаю о причине — естественной — его грусти, т.е. утомлении, голоде, дурной погоде; я слушаю музыку и вижу безразличные руки исполняющих ее, такую печальную и нездешнюю... И во всем т<a>к!

Виноваты книги и еще мое глубокое недоверие к настоящей, реальной жизни. Книга и жизнь, стихотворение и то, что его вызвало, — какие несоизмеримые величины! И я т<a>к заражена этим недоверием, что вижу — начинаю видеть — одну материальную, естественную сторону всего. Ведь это прямая дорога к скептицизму, ненавистному мне, моему врагу!

Мне говорят о самозабвении. «Из цепи вынуто звено, нет вчера, нет завтра!»¹

Блажен, кто забывается!

Я забываюсь только одна, только в книге, только над книгой!

Но к<a>к только человек начинает мне говорить о самозабвении, я чувствую к нему такое глубокое недоверие, я начинаю подозревать в нем такую гадость, что отпашываюсь от него в то же мгновение. И не только это! Я могу посмотреть на облачко и вспомнить такое же облачко над Женевским озером и улыбнусь. Человек рядом со мной тоже улыбнется. Сейчас фраза о самозабвении, о мгновении, о «ни завтра, ни вчера».

Хорошо самозабвение! Он на Генуэзской крепости, я у Женевского озера 11-ти лет, оба улыбаемся, — какое глубокое понимание, какое проникновение в чужую душу, какое слияние!

И это в лучшем случае.

То же самое, что с морем: одиночество, одиночество, одиночество.

Книги мне дали больше, чем люди. Воспоминание о человеке всегда бледнеет перед воспоминанием о книге, — я не говорю о детских воспоминаниях, нет, только о взрослых!

Я мысленно всё пережила, всё взяла. Мое воображение всегда бежит вперед. Я раскрываю еще нераспустившиеся цветы, я грубо касаюсь самого нежного и делаю это невольно, не могу не делать! Значит я не могу быть счастливой? Искусственно «забываться» я не хочу. У меня отвращение к таким экспериментам. Естественно — не могу из-за слишком острого взгляда вперед или назад.

Остается ощущение полного одиночества, к<оторо>му нет лечения. Тело другого человека — стена, она мешает видеть его душу. О, к<a>к я ненавижу эту стену!

И рая я не хочу, где всё блаженно и воздушно, — я т<a>к люблю лица, жесты, быт! И жизни я не хочу, где всё так ясно, просто и грубо-грубо! Мои глаза и руки к<a>к бы невольно срывают покровы — такие блестящие! — со всего.

Что позолочено — сотрется,
Свиная кожа остается!^{1 2}

Хорош стих?

Жизнь — бабочка без пыли.

Мечта — пыль без бабочки.

Что же бабочка с пылью?

Ах, я не знаю.

Должно быть что-то иное, какая-то воплощенная мечта или жизнь, сделавшаяся мечтою. Но если это и существует, то не здесь, не на земле!

Всё, что я сказала Вам, — правда. Я мучаюсь и не нахожу себе места: со скалы к морю, с берега в комнату, из комнаты в магазин, из магазина в парк, из парка снова на Генуэзскую крепость — т<a>к целый день.

Но чуть заиграет музыка, — Вы думаете — моя первая мысль о скучных лицах и тяжелых руках исполнителей?

Нет, первая мысль, даже не мысль — отплытие куда-то, растворение в чем-то...

А вторая мысль о музыкантах.

Т<а>к я живу.

То, что Вы пишете о море, меня обрадовало. Значит, мы — морские?³

У меня есть об этом даже стихи⁴, — к<а>к хорошо совпало!

Курю больше, чем когда-либо, лежу на солнышке, загораю не по дням, а по часам, без конца читаю, — милые книги! Кончила «Joseph Balsamo» — какая волшебная книга! Больше всех я полкобила Lorenz'у, жившую двумя такими различными жизнями. Balsamo сам такой благородный и трогательный. Благодарю Вас за эту книгу. Сейчас читаю M-me de Tencin⁵, её биографию.

Думаю остаться здесь до 5-го мая. Всё, что я написала, для меня очень серьезно. Только не будьте мудрецом, отвечая, — если ответите! Мудрость ведь тоже из книг, а мне нужно человеческого, не книжного ответа.

Au revoir, Monsieur mon père spirituel*.

Граммфона м<ожет> б<ыть> не будет⁶.

МЦ

20. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

1 мая <19>11 г.¹ <Есбо, Финляндия>

Дорогая Лилук,

Ура! Очень рад за тебя и за всех. Завтра пошлю тебе письмо, а сегодня ограничусь открыткой (у нас 1-ое Мая и ничего достать нельзя, до марок включительно).

— Я мог бы, если это можно устроить, приехать к тебе, погостить у тебя два дня, а потом прямо с тобою в Крым. Мне очень бы хотелось повидать Леню², Сашу³ и т.п.

Если это не трудно устроить напиши мне и я сейчас же приеду. Можешь даже телеграфировать.

— Как ты себя чувствуешь? Возлагаю большие надежды на Крым, ибо физически чувствую себя очень неважно.

Напиши мне подробное письмо и я перешлю его по назначению.

Сейчас я порядочно занимаюсь и доволен результатами.

Лилия дорогая, прошу тебя и очень прошу, чтобы ты поскорее дала мне знать об отъезде. Уж очень мне здесь тяжело: сидеть одному.

* До свидания, господин духовный отец (фр.).

И погода дрянная! Итак укладываю свои вещи и жду ответа по адресу: Есбо, Финляндия близ Гельсингфорса — мне.

Передай привет всем знакомым и друзьям.

Целую тебя крепко

Серезжа

21. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Петербург>

<2 мая 1911 г., Москва>

Верунька! Конечно я свинья порядочная, что сразу не написал тебе. Но виновата Лиля, которая не послала телеграммы с моей припиской. Завтра едем! ¹

Желаю тебе, моя хорошая, всего, всего хорошего — безболезненной операции ².

Целую

Серезжа

Привет от Лени ³.

Лиля сейчас живет у Адель ⁴. Целует.

22. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<Начало мая 1911 г., Коктебель>

В ответ на стихотворение

Горько таить благодарность
И на чуткий призыв отозваться не сметь,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не суметь.

Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время, — я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел — не вино).

Горько и стыдно скрываться.
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не суметь отозваться, —
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!

МЦ

23. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Феодосия, 8-го июля 1911 г.

Дорогой Макс,

Ты такой трогательный, такой хороший, такой медведюшка, что я никогда не буду ничьей приемной дочерью, кроме твоей.

В последний вечер у тебя была тоска, а я думала, что ты просто злишься, — теперь я раскаиваюсь в своей резкости. Нужно было подойти к тебе, погладить тебя по лохматой гриве и сказать: «Ма-акс! Ма-акс!» или: «Кись-кись, Кись-кись!», тогда ты сразу сделался бы хорошим, настоящим, тем, к<отор>ый на все случаи жизни знает только одно утешение — «Баю бай бай, медведёвы детки...»

Ты не должен меня забывать, я тебя т<а>к хорошо понимаю, особенно в случае с Верочкой¹. Но и в других тоже! Это лето было лучшее из всех моих взрослых лет, и им я обязана тебе.

Прими мою благодарность, мое раскаяние и мою ничем не ... заменимую нежность.

МЦ

Ма-акс!

Привет и поцелуй от твоего дорогого Сережи.

P.S. Ха-ароший он был!!! Будь здоров.

Твой до гроба

*Сергей Эфрон*Потапенка² тебя целует.**24. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН —
Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ**

<В Коктебель>

Феодосия, 8-го июля 1911 г.

Дорогая Пра,

Хотя Вы не любите объяснения в любви, я все-таки объяснюсь. Уезжая из Коктебеля, мне т<а>к хотелось сказать Вам что-н<и>б<удь> хорошее, но ничего не вышло.

Если бы у меня было какое-н<и>б<удь> большое горе, я непременно пришла бы к Вам.

Ваша шкатулочка будет со мной в вагоне и до моей смерти не сойдет у меня с письменного стола.

Всего лучшего, крепко жму Вашу руку.

Марина Цветаева

P.S. Исполните одну мою просьбу: вспоминайте меня, когда будете доить дельфиниху¹.

И меня тоже!

Сергей Эфрон

25. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

9/VII <19>11 г. <Мелитополь>

Вера и Лиля!

Сейчас мы в Мелитополе. Взяли кипятку и будем есть всё то, что вы нам приготовили. Привет.

Милая Лиля и милая Вера, здесь, т.е. в вагоне пахнет амфорой¹, но мы не унываем. Всего лучшего.

МЦ

26. С.Я. ЭФРОН, М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

<9 июля 1911 г., Лозовая>

Милая Вера и Лиля! Лозовая. Ем борщ. Почти все, что дано на дорогу, съедено. Спасибо. Привет

Серезжа

Милая Влюблезьяна¹, хочется сказать Вам что-н<и>б<удь> хорошее, но сейчас отходит поезд. До другого раза!

Марина

27. С.Я. ЭФРОН, М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

10 июля 1911 г.

Тула

Еще три-четыре часа и мы в Москве, ехали прекрасно.

Весь провиант уничтожен. Марина чувствует себя хорошо, я тоже. Спали часов 25. Пока до Москвы, прощайте.

Привет всем, особый Пра.

Милые Лиля и Вера! Сережа пока ведет себя хорошо — много спит и ест. Всего лучшего, скоро будем в Москве.

МЦ

28. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Москва, 12 июля 1911 г.

Пишу вам сейчас, дорогие, из Москвы. Только что встал — Марина еще спит. Я сижу в кабинете ее отца¹.

Чувствую себя прекрасно. После дороги совсем не устал, т<ак> к<ак> ехать было прекрасно.

Странно как-то, что вы так далеко. Временами кажется, что выйдешь из дому и очутишься на берегу рядом с дачей Волошина. Переехали мы как-то слишком быстро и незаметно, переход слишком резок: идешь по Москве и не верится, что это Москва, Арбат и т.п. — Удивительно ярко врезался в память Коктебель. Зажмурю глаза и вижу всё, всё с мельчайшими подробностями.

Москва сейчас странная, совсем пустая — мертвый город. Был в Гагаринском переулке — показывал Марине наш дом². Внутри нас не пропустили, очень на нас косились (вероятно побаивались немного). Наш сад почти совсем вырубил и развели на его месте английский цветник. От сирени остался только один чахлый куст. Жасмину совсем не осталось. Все террасы густо заросли виноградом.

Сегодня едем на Ваганьковское кладбище³. Там похоронена тоже мать Марины.

— Познакомился здесь с Андреем⁴ — братом Марины. Пока не перекинулись ни одним словом.

Не буду в письме описывать дома Марины, т<ак> к<ак> не сумею ничего передать. Расскажу потом при свидании.

У меня может быть будет возможность жить в Москве. Мне предлагают держать экстерном при кадетском корпусе (т<ак> к<ак> есть большие связи), а потом дополнительный по латыни. А при кадетском корпусе настолько легко экзаменуют, что я могу подготовиться к этой весне. А кроме всего прочего есть связи. Обо всем потом разузнаю поподробнее и напишу вам.

Не сердитесь, что пишу вам вместе: времени мало, а писать хочется.

Кончаю. Шлю приветы всем коктебельцам, а вас целую. Как отнеслась Пра к книге?⁵

Сереза

29. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Самара, 15-го июля 1911 г. ¹

Дорогая Лиленька,

Вот мы и в Самаре. Уезжая из Москвы, я забыла длинное письмо к Вам. Если Андрей ² перешлет, Вы его получите. Сереза здоров и ужасно хорош. Привет всем. Целую Вас и Веру.

МЦ

Милая Лилюк и Вера! Как у вас сейчас в Кокте<бе>ле. Я страшно счастлив. Целую.

30. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Самара, 15-го июля 1911 г.

Милый Макс,

Эта открытка напоминает мне тебя и Theophile Gautier ¹. Желаю тебе чувствовать себя т<а>к же хорошо, к<а>к я.

МЦ

Милый Макс!

Мы с Мариной часто вспоминаем твой Коктебель.

Целую Сереза

Кланяйся от нас * Елене Оттобальдовне. Мы ей скоро напишем.

* Далее до конца — рукою М. Цветаевой.

31. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

<Июль 1911 г. Усень-Ивановский завод>

Дорогая Лиленька,

За неимением шоколада посылаю Вам картинку ¹.

Сереженька здоров, пьет две бутылки кумыса в день, ест яйца во всех видах, много сидит, но пока еще не потолстел. У нас настоящая русская осень. Здесь много берез и сосен, небольшое озеро, мельница, речка. Утром Сережа занимается геометрией, потом мы читаем с ним франц<узскую> книгу Daudet ² для гимназии, в 12 завтрак, после завтрака гуляем, читаем, — милая Лиля, простите скучные описания, но при виде этого петуха ничего умного не приходит в голову ³.

Давно ли уехала Ася ⁴ и куда? Как вел себя И.С.? ⁵ Мой привет Вере ⁶. Когда начинается тоска по Коктебелю, роюсь в узле с камешками.

Пишите, милая Кончита ⁷ и не забывайте милой меня.

На днях мы с С<ережей> были в Белебее ⁸. Это крошечный уездный городок совершенно гоголевского типа. Каторжники таскают воду, в будке сидит часовой, а главное — во всем городе нельзя достать лимонаду.

Я сегодня видела Вас во сне. Вы были в клетчатом платке и страшно хохотали. Я перекрестила Вас и Вы исчезли. Интересно? Простите за все эти глупости!

По получении этого письма поезжай к Юнге ⁹, бери у него микроскоп и принимайся читать сие письмо.

Сережа

32. С.Я. ЭФРОН, М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Милая Лилька!

Страшно спешу черкнуть тебе два слова.

Сегодня отходит почта. Боюсь ее пропустить.

Бегу, бегу!

*Положим, что не бежит, а идет, ну, дальше: дальше...**

* Строки, выделенные курсивом, написаны М.И. Цветаевой.

Милой милок!

Страшно страшно перекрест
дети два слова -

Сегодня обидеть негра. Боюсь
ее пропустить. Богу, богу!

Улыбка, улыбка по телефону, улыбка, улыбка, улыбка, улыбка
Что добрее!

Целую тебя и Вадю
и Макса, конечно!

Сервентина

Ну?! гаварит ~~Марина~~ Марина
и в крику сидеть какают ишево

Уши и Митя

Адр.: Чехов-Мамановский завод, Мамановский мост, Семейная квартира, Москва, Волоколамское шоссе, 10.

27 июля 1911.

Р.В. Сервентина не имеет ни одного слова о том, что она писала и кому писала.

Факсимиле письма М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона
от 25 июля 1911 г.

Что дальше?

Целую тебя и Верку и Макса, конечно!

Серезжа

«Ну?!» говорит Марина и я принужден кончить письмо с лишней ложью на совести, — я сидела в другой комнате и совсем не говорила «ну».

МЦ

Адрес: Усень-Ивановский завод, Уфимской губ<ернии>, Белебеевского уезда, Волостное правление, мне.

25-го июля 1911 г.

<Далее следует рисунок МЦ, изображающий кисть руки с длинными и тонкими пальцами.>

P.S. Серезжа находит здесь свою руку похожей на когти Вурдалака.

33. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Усень-Ивановский завод

26-го июля 1911 г.

Дорогой Макс,

Если бы ты знал, как я хорошо к тебе отношусь!

Ты такой удивительно-милый, ласковый, осторожный, внимательный. Я так любовалась тобой на вечере в Старом Крыму, — твоим участием к Олимпиаде Никитичне¹, твоей вечной готовностью помогать людям.

Не принимай всё это за комплименты, — я вовсе не считаю тебя какой-н<и>б<удь> хотящей добродетелью из общества взаимопомощи, — ты просто Макс, чудный, сказочный Медведюшка. Я тебе страшно благодарна за Коктебель, — pays de rédemption*, как называется его Аделаида Казимировна², и вообще за всё, что ты мне дал. Чем я тебе отплачу? Знай одно, Максенька: если тебе когда-н<и>б<удь> понадобится соучастник в какой-н<и>б<удь> мистификации, позови меня. Если она мне понравится, я соглашусь. Надеюсь, что другого конца ты не ожидал?

* Страна искупления (фр.).

Я опять принялась за Jean Paul'a³ — у него чудные изречения, напр<имер>: Т<a>к же нелепо судить мужчину по его знакомым, к<a>к женщину по ее мужу.

Нравится? Но не это в нем главное, а удивительная смесь иронии и сентиментальности. К тому же он ежеминутно насмехается над читателем, вроде Th. Gautier⁴.

Что ты сейчас читаешь? Напиши мне по-настоящему или совсем не пиши. Последнее мне напоминает один случай из нашего детства. «Он был синеглазый и рыжий»⁵ т.е. один чудный маленький мальчик в Nervi долго выбирал между Асей и мной и в конце концов выбрал меня, потому что мы тогда уехали. В Лозанне мы с ним переписывались обе, и однажды Ася получает от него такое письмо: «Пиши крупнее или совсем не пиши».

Загадываю сейчас на тебя по «Джулио Мости» — драматической фантазии в 4-х дейст<виях> с интермедией, в стихах. Сочинение Н.К., 1836 г.⁶

1. Твое настоящее:

Чем оправдаешь честного Веррино?

2. Твое будущее:

Я у него была: он предлагал
Какую-то свободную женитьбу.

Не моя вина, что выходят глупости!

Загадываю Лиле.

1. Ее настоящее:

И отпусти ей грех, когда возможно,
И просвети ее заблудший разум,
Но не карай несчастную!

2. Ее будущее:

И может быть, вдвоем гораздо больше
Найдешь источников богатства.

1. Верино настоящее:

Готова ль ты свое оставить место
И домом управлять?

2. Верино будущее:

Что за история! Совсем одета
Так рано! Не спала, — постель в порядке...

Максинька, об одном тебя прошу, никого из людей не вталкивай в окно сестрам, к<a>к — помнишь? — втолкнул меня. Мне это будет страшно обидно. М<ожет> б<ыть> ты на меня за что-н<и>б<удь> сердисься и тебе странно будет читать это письмо, — тогда читай всё наоборот.

МЦ

Адр<ес>: Усень-Ивановский завод, Уфимской губ<ернии>, Белебеевского уезда, Волостное правление, мне.

P.S. Пиши скорей, почта приходит только два раза в неделю и письма идут очень долго.

Скажи Елене Оттобальдовне, что я очень, очень ее люблю. Сережа тоже.

34. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Усень-Ивановский завод
31 июля 1911 г.

Милая Лиля!

Дни бегут и бегут совсем незаметно. Вот уже шестнадцать дней, как мы сюда приехали. — Пока писем от тебя не получал. Неужели ты мне не пишешь? Немного страшно — не произошло ли чего-нибудь в Коктебеле.

Как ты отнеслась к моему решению жить в Москве? Верно хорошо?

Мы живем в очень интересном селе. Оно совершенно русское (хотя вру — здесь много татар), настолько русское, что можно свободно перенестись фантазией лет за пятьдесят и представить себе крепостное право. Недавно в наше село приезжал губернатор (здесь недород и он приезжал для ознакомления с урожаем). Ему были устроены совсем царские почести, да и сам-то он приехал, как царь: со стражниками, с целым штатом чиновников. Вряд ли тебе интересно слушать мою болтовню — пишу, что на ум взбредет.

Ты конечно пробегаешь глазами письмо и ищешь места с описаниями занятий. Да, я занимаюсь. Готовлюсь к экзамену¹ и еще занимаюсь языками с Мариной.

Милая Лилька! Не проходит вечера, утра и дня, чтобы мы с Мариной не вспоминали тебя. Чувствуешь ли ты это? Нет, конечно!

— Когда был проездом в Москве, заходил к Говорову². Не знаю кто из нас изменился, вероятно каждый в достаточной мере, но не очень он мне понравился. Говорили с ним мало. Ожидал я от него гораздо, гораздо большего.

— Был на кладбище. Глубина могила в хорошем состоянии, а бабушкиной не нашел. Заплатил за уборку. Пишу потому так сухо и официально, что чувствую полное неумение касаться некоторых тем на бумаге.

Имеешь ли какие-нибудь известия о Нюте? Напиши ей непременно.

По обыкновению не могу довести письма до конца. Сейчас уже почти совсем темно. Марина сидит у себя в комнате и что-то пишет, кажется стихи.

Прощай милая Лиллук!
Целую тебя!

Серезжа

P.S. Передай Белле³, что в Москве я говорил по телефону с ее матерью. Она велела передать ей привет. Передай тоже и от меня. Со следующей почтой Вера получит от меня письмо.

Привет Пра и Максус!

35. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Усень-Ивановский завод, 4-го авг<уста> 1911 г.

Милая Вера, привет от милой Марины. Она с утра до вечера откармливает Серезжу всякой всячиной и, вычитав недавно, что в Турции жены султана едят рис, чтобы потолстеть, начала пичкать его (Серезжу) рисом. Иногда она вспоминает Макса и стих Гумилева: «Я хочу к кому-нибудь ласкаться, К<a>к ко мне ласкался кенгуру»¹ — и вспоминает тогда Вас. Никто никогда не сумеет т<a>к тереться о ее плечо и подставлять ей свое, к<a>к Вы. В этом она уверена. Марина, если Вера позволит, целует Веру.

МЦ

36. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Усень-Ивановский завод, 4-го августа 1911 г.

Милый Макс,

А когда ты мне (запустил) попал мячиком в лицо, я тебе прощаю. Мы сейчас шли с Сережей по деревне и представили себе, к<a>к бы ты вышел нам навстречу из-за угла, в своем балахоне, с палкой в руках и начал бы меня бодать. А я бы сказала: — «Ма-акс! Ма-акс! Я не люблю, когда бодаются!» Теперь я ценю тебя целиком, даже твое боданье. Но т<a>к к<a>к это письмо слишком похоже на объяснение в любви, — прекращаю.

МЦ

Р.С. Жму твою лапу.
Жму, ценю, прощаю! Жми, цени, прости!

Твой С.Э.

<Рукой М.И. Цветаевой:>

Это письмо написано до твоего, 10 дней т<ому> назад.

37. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

*Усень-Ивановский завод,
11-го августа 1911 г.*

Милый Максинька,

Одновременно с твоим лясым¹ письмом, я получила 2 удивительно дерзких открытки от Павлова², друга Топольского³.

Мое молчание на его 2-ое письмо он называет «неблаговидным поступком», жалеет, что счел меня за «вполне интеллигентного» человека и радуется, что не прислал своих «произведений».

Я думаю отправить ему в полк открытку такого содержания:

«Милостивый Государь, т<a>к к<a>к Вы, очевидно, иного дамского общества, кроме лошадиного, не знаете, то советую Вам и впредь оставаться в границах оногo.

На слова, вроде «неблаговидный поступок» принято отвечать не словами, а жестом».

— К<а>к хорошо, что лошадь женского рода!

С удовольствием думаю о нашем появлении в Мусагете втроем и на ты! Ты ведь приведешь туда Сережу? А то мне очень не хочется просить об этом Эллиса⁴.

Спасибо за письмо, милый Медведюшка. Меня очень обрадовало твое усиленное рисование. Сережу тоже, — по какой чудной картинке ты нам подаришь, — с морем, с горами, с польню! Если ты о них забудешь при встрече в Москве, ты ведь позволишь нам напомнить, — *Vous réfraîchir la mémoire?*^{*}

Сережа готовит тебе сюрприз, я ... мечтаю о твоих картинах, — видишь, к<а>к мы тебя вспоминаем!

Макс, я сейчас загадала на тебя по Jean Paul'y⁵ вот, что вышло: «*Warum erscheinen uns keine Tierseelen?*»^{**}

— Доволен?

Довольно глупостей, буду писать серьезно. Сперва о костюмах: у меня с собой только серая юбка, разодранная уже по Коктебелю в 4-ех местах. Я ее каждый день зашиваю, но сегодня на меня упал рукомошник и разодрал весь низ. Мы и его и ее заклеили сюргучем.

— Во-вторых о Сережином питании: он выпивает по две бутылки сливок в день, но не растолстел.

— В-третьих о моей постели: она скорей похожа на колыбель, притом на плохую. В середине ее слишком большое углубление, т<а>к что, ложась в нее, я не вижу комнаты. Кроме того парусина рвется не по часам, а по минутам. Стоит только шевельнуться, к<а>к слышится зловеший треск, после к<оторо>го я всю ночь лежу на деревяшке.

— В-четвертых о книгах: я читаю Jean Paul'a, немецкие стихи и Lichtenstein⁶. Представь себе, Макс, что я совсем не изменилась с 12-ти л<ет> по отношению к этой книге.

Жду письма с Мишиным дуэлем⁷, Спящей Царевной, названием и описанием предназначенных нам картин, всем, что не лень будет описать — или не жалко.

Спасибо за Гайдана, 4 pattes^{***} и затылок⁸. А когда ты в меня мячиком попал, я тебе прощаю.

МЦ

^{*} Освежить Вашу память? (*фр.*)

^{**} Почему не являются нам души животных? (*нем.*)

^{***} 4 лапы (*фр.*).

У<сень> Ив<ановский завод>
11/VIII 1911 г.

Милый Макс!

Я готовлю тебе один подарок. Мне кажется — ты будешь им доволен. Очень жалею, что меня сейчас нет в К<октебе>ле — был бы с удовольствием твоим секундантом. Мы часто вспоминаем тебя. И «баю-бай» вспоминаем. Целую тебя

Серезжа

Макс, отпечатай мне несколько коктейбельских снимков⁹. Ну, пожалуйста! Целую тебя.

МЦ

38. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

С. Петербург 7 сентября <19>11 года

Милая Лиллук!

Только сегодня узнал твой адрес. Получил письмо от Марины — она пишет, что ты больна. Что с тобой? Знаю только, что у тебя что-то с сердцем и больше ничего, при всем желании узнать не могу.

— Мне не удалось даже послать тебе поздравление пятого¹. Посылаю свое запоздалое. Скоро увидимся. Через день-два выезжаю. Нужно переговорить с тобою о многом. Чувствую себя здесь отвратительно. При свидании скажу почему.

Марина вероятно рассказала тебе о наших планах². Н<ютя> стремится как нарочно к обратному. Настаивает и закликает меня жить в Петербурге. Я чувствую, что это невозможно. Если бы ты знала, что у них делается³. Ужас!

Она просит написать тебе, чтобы ты подыскала мне семью, где я мог бы жить. Ради Бога не делай этого. Чтобы ее успокоить, я делаю вид, что согласен. Какую мне приходится разыгрывать комедию! Страшно неприятно! Всё время нахожусь в нервном напряжении. О всем подробнее расскажу при свидании. В Москве ли Леня?⁴ Если Н<ютя> будет спрашивать — скажи, что всё устроила (с квартирой, тихим семейством и т.п.). Сейчас здесь мать А.В.!!!⁵ И так скоро увидимся. С гимназией вышла страшная путаница.

Если Марина тебе не рассказывала о планах — то попроси рассказать.

Пока прощай! До свидания! Целую!

Серезжа

39. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Москва, 22-го сент<ября> — 5-го окт<ября> 1911 г.

Милый Макс,

Спасибо за открытки.

Тебя недавно один человек ругал за то, что ты, с презрением относящийся к газетам, согласился писать в такой жалкой, к<а>к Московская¹. Я защищала тебя, к<а>к могла, но на всякий случай напиши мне лучшие доводы в твою пользу.

Я не люблю, когда тебя ругают.

Эллис недавно уехал за границу. Мы вчетвером поехали его провожать, но не проводили, потому что он уехал поездом раньше. Лиля серьезно больна, долгое время ей запрещали даже сидеть. Теперь ей немного лучше, но нужно еще очень беречься. Из-за этого наш план с Серезжей жить вдвоем расстроился. Придется жить втроем, с Лилей, м<ожет> б<ыть> даже вчетвером, с Верой, к<отор>ая, кстати, приезжает сегодня с Людвигом². Не знаю, что выйдет из этого совместного житья, ведь Лиля всё еще считает Серезжу за маленького. Я сама очень смотрю за его здоровьем, но когда будут следить еще Лиля с Верой, согласись — дело становится сложнее. Я бы очень хотела, чтобы Лиля уехала в Париж. Только не пиши ей об этом.

Серезжа пока живет у нас. Папа приезжает наверное дней через 5. Ждем все (С<ережа>, Б<орис>, Ася и я) грандиозной истории из-за не совсем осторожного поведения. Наша квартира на 6-ом этаже, на Сивцевом-Вражке, в только что отстроенном доме. Прекрасные большие комнаты с итальянскими окнами. Все четыре отдельные.

Ну, что еще? Л.А.³ в отвратительном состоянии здоровья и настроения. Говорит всё т<а>к же неожиданно. У нас в доме «кавардак» (помнишь?). Почти ничего не читаю и не делаю.

Максинька, узнай мне, пожалуйста, точный адр<ес> Rostand⁴ и его местопребывание в настоящую минуту! Играет ли Сарра?⁵ Если будет время, зайди Rue Bonaparte, 59 bis или 70 к М-me Gary⁶

и Расскажи ей обо мне и передай привет. Она будет очень рада тебе, а я — благодарна.

Ну, до свидания, пиши мне. Сережа, Борис и Ася шлот привет. Лиля очень сердится, что ты не пишешь.

МЦ

P.S. Макс, мне 26-го будет 19 л<ет>, подумай! А Сереже — 18.

40. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Москва, 1-20 — 14-20 октября 1911 г.

Дорогой Макс,

Недавно, проходя по Арбату, я увидела открытку с кудрявым мальчиком, очень похожим на твой детский портрет — и вспомнила, к<a>к ты чудно подполз к нам с Сережей, помнишь, на твоей террасе? Завтра мы переежаем на новую кв<артиру> — Сережа, Лиля, Вера и я.

У нас с Сережей комнаты vis a vis, — Сережина темно-зеленая, моя малиновая. У меня в комнате будут: большой книжный шкаф с львиными мордами из папиного кабинета, диван, письменный стол, полка с книгами и... и лиловый граммофон с деревянной (в чем моя гордость!) трубою. У Сережи — мягкая серая мебель и еще разные вещи. Лиля и Вера устроятся, к<a>к хотят. Вид из наших окон чудный, — вся Москва. Особенно вечером, когда вместо домов одни огни. Дома, где мы сейчас с Сережей, страшный кавардак: Ася переустраивает комнату. Кстати, один эпизод: папа не терпит Борю, и вот, когда он ушел, Ася позвала Бориса по телефону. Когда в 1 ч. вернулся папа, Б<орис> побоялся, уходя, быть замеченным и остался в детской до 6 ч. утра, причем спускался по лестнице и шел по зале в одеяле, чтобы быть похожим на женскую фигуру.

Ася перед тем прокралась вниз и на папин вопрос, что она здесь делает, ответила: «Иду за молоком» (к<оторо>го, кстати, никогда не пьет). Мы с папой очень мило поговорили вчера о моем отъезде, он на все согласен. Присутствие Лили и Веры (в общем очень ненужное) послужило нам на пользу.

Драконочка¹ вечно мила и необыкновенна. К<a>к ты верно заметил в ней несоответствие высказываемого с думаемым. К<a>к-

то недавно, напр<имер>, она, утешая одну барышню, говорит ей такую вещь: «Нельзя же, в самом деле, открывать душу и лупить с ней во все лопатки!» Она очень полюбила Сережу.

— «Да, Се-ре-жа такой трога-тель-ный».

— (Ася) — «А Боря трогательный?»

— «Нет, он страш-ный».

Ты, Макс, конечно, больше любишь Бориса, ты отчего-то с Сережей за все лето слова не сказал. Мне очень интересно — почему? Если из-за мнения о нем Лили и Веры, — ведь они его т<а>к же мало знают, к<а>к папа меня. Ты, т<а>к интересующийся каждым, вдруг пропустил Сережу, — я ничего не понимаю.

26-го сент<ября> было Сережино 18-ти и мое — 19-ти летия. Это был последний день дома без папы. Мы сидели четвером наверху у Айзы², при канделябрах, обжирались конфетами и фруктами и вспоминали нашего незаменимого Медведюшку. Мы праздновали зараз 4 рождения, — наши с Сережей, Асино, бывшее 14-го сентября и заодно Борино будущее, в феврале. К<а>к бы ты на Асином месте вел себя с Борисом? Ведь нельзя натягивать вожжи с такими людьми. К<а>к ты думаешь? — Из-за мелочей. — Напиши, если хочешь об этом свое мнение. Ты ведь знаешь людей! В Мусагете еще не была и не пойду до 2-го сборника³. Милый Макс, мне очень любопытно, что ты о нем скажешь, — неужели я стала хуже писать? Впрочем, это глупости. Я задыхаюсь при мысли, что не выскажу всего, всего!

Пока до свидания, Максинька, пиши. Ася тебя целует, Сережа тоже. Марина лохматится о твою львиную голову. У нее волосы тоже вьются... на концах.

МЦ

Мой адр<ес>: Москва, Сивцев Вражек, д<ом> Зайченко или д<ом> 19 кв<артира> 11, мне.

41. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Милая Лиля, извините меня, пожалуйста, за вчерашнюю неловкость с Лидией Александровной¹. Я вовсе не хотела обидеть Вас, это случилось совершенно неожиданно для меня самой. Л<идия> А<лександровна> вошла первая, я вслед за ней и она сра-

зу начала мне что-то говорить, — мне показалось, что уже поздно знакомить. Еще раз прошу Вас извинить меня за эту некорректность. Всего лучшего. Вера с котенком, кажется, не воюет.

МЦ

Москва, 9-го октября 1911 г.

42. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Москва, 28-го октября 1911 г.

Дорогой Макс,

У меня большое окно с видом на Кремль. Вечером я ложусь на подоконник и смотрю на огни домов и темные силуэты башен. Наша квартира начала жить. Моя комната темная, тяжелая, нелепая и милая. Большой книжный шкаф, большой письменный стол, большой диван — всё увесистое и громоздкое. На полу глобус и никогда не покидающие меня сундук и саквояжи. Я не очень верю в свое долгое пребывание здесь, очень хочется путешествовать! Со многим, что мне раньше казалось слишком трудным, невозможным для меня, я справилась и со многим еще буду справляться! Мне надо быть очень сильной и верить в себя, иначе совсем невозможно жить!

Странно, Макс, почувствовать себя внезапно совсем самостоятельной. Для меня это сюрприз, — мне всегда казалось, что кто-то другой будет устраивать мою жизнь. Теперь же я во всем буду поступать, к<a>к в печатании сборника¹. Пойду и сделаю. Ты меня одобряешь?

Потом я еще думала, что глупо быть счастливой, даже неприлично! Глупо и неприлично т<a>к думать, — вот мое сегодня.

Жди через месяц моего сборника, — вчера отдала его в печать. Застанет ли он тебя еще в Париже?

Пра сшила себе новый костюм — синий, бархатный с серебряными пуговицами — и новое серое пальто². (Я вместо кафтан³ написала костюм). На днях она у Юнге⁴ познакомилась с Софией Андреевной Толстой⁵. Та, между прочим, говорила: «Не люблю я молодых писателей! Все какие-то неестественные! Напр<имер> Х. сравнивает Лев Николаевича с орлом, а меня с наседкой. Разве орел может жениться на наседке? Какие же выйдут дети?»

Над.В. Крандиевская. «Амур»: «Ах, что я наделал?..»

Рисунок. Бумага, карандаш, акварель

Пра очень милая, поет и дико кричит во сне, рассказывает за чаем о своем детстве, ходит по гостям и хвастается. Лиля всё хвораёт, целыми днями лежит на кушетке, Вера ходит в китайском, лимонно-желтом халате и старается приучить себя к свободным разговорам на самые свободные темы. Она точно нарочно (и, наверное, нарочно!) употребляет самые невозможные, режущие слова. Ей, наверное, хочется перевоспитать себя, побороть свою сдержанность⁶. — «Раз эти вещи существуют, можно о них говорить!» Это не ее слова, но могут быть ею подуманными. Только ничего этого ей не пиши!

До свидания, Максинька, пиши мне.

МЦ

43. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Москва, 3-го ноября 1911 г.

Дорогой Макс,

В январе я венчаюсь с Сережей, — приезжай¹. Ты будешь моим шафером. Твое присутствие совершенно необходимо. Слушай мою историю: если бы Драконочка² не сделалась зубным врачом, она бы не познакомилась с одной дамой, к<отор>ая познакомила ее с папой; я бы не познакомилась с ней, не узнала бы Эллиса, через него не узнала бы Н<иленде>ра³, не напечатала бы из-за него сборника, не познакомилась бы из-за сборника с тобой, не приехала бы в Коктебель, не встретила бы с Сережей, — следовательно, не венчалась бы в январе 1912 г.

Я всем довольна, январь — начало нового года, 1912 г. — год пребывания Наполеона в Москве.

После венчания мы, наверное, едем в Испанию. (Папе я пока сказала — в Швейцарию). На свадьбе будут все папины родственники, самые странные. Необходим целый полк наших личных друзей, чтобы не чувствовать себя нелепо от пожеланий всех этих почтенных старших, к<отор>ые, потихоньку и вслух негодуя на нас за неоконченные нами гимназии и сумму наших лет — 37, непременно отравят нам и январь, и 1912 г.

Макс, ты должен приехать!

Сборник печатается⁴, выйдет, наверное, через месяц.

Сегодня мы с Асей в Эстетике⁵ читаем стихи. Будут: Пра, Лиля, Сережа, Ася и Борис. Я говорила по телефону с Брюсовым (он случайно подошел вместо Жанны Матвеевны⁶, просившей меня сообщить ей по телефону ответ), и между прочим такая фраза: «Одна маленькая оговорка, можно?» — «Пожалуйста, пожалуйста!»

Я, робким голосом:

— «Можно мне привести с собой мою сестру? Я никогда не читаю без нее стихов».

— «Конечно, конечно, будем очень счастливы».

Посмотрим, как они будут счастливы!

Я очень счастлива, — мы будем совершенно свободны, — никаких попечителей, ничего.

Разговор с папой кончился мирно, несмотря на очень бурное начало. Бурное — с его стороны, я вела себя очень хорошо и спокойно. — «Я знаю, что в наше время принято никого не слушаться»... (В наше время! Бедный папа!)... «Ты даже со мной не посоветовалась. Пришла и — «выхожу замуж!»

— «Но, папа, как же я могла с тобой советоваться? Ты бы непременно стал мне отсоветовать».

Он сначала: «На свадьбе твоей я, конечно, не буду. Нет, нет, нет».

А после: «Ну, а когда же вы думаете венчаться?»

Разговор в духе всех веков!

Тебе нравится моя новая фамилия?

Мои волосы отросли и вьются. Цвет русо-рыжеватый.

Над моей постелью все твои картинки. Одну из них, — помнишь, господин с девочкой на скамейке? — я назвала «Бальмонт и Ниника»⁷. Милый Бальмонт с его «Vache»⁸ и чайными розами!

Пока до свидания, Максинька, пиши мне.

Только не о «серьезности такого шага, юности, неопытности» и т.д.

МЦ

44. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Милый Макс!

В январе мы с Мариной венчаемся. Приезжай к этому времени непременно в Москву. Нам очень хочется, чтобы ты присутствовал на свадьбе.

— Вчера Марина с Асей читали стихи в Эстетике. Их вызывали на бис. Из всех восемнадцати поэтов, читавших свои стихотворения, они пользовались наибольшим успехом. В «Эстетике» жалели о твоём отсутствии. Милый Макс, приезжай!

Твой Сережа

*Москва
4/XI <19>11 г.*

Девочка на обороте напоминает мне медвежьих деток, а розы в её руке — Бальмонта и тебя.

Сегодня к Пра заходил Мих. Серг.¹ Пра его не приняла и выгнала вон. О причинах такой встречи напишу в следующий раз.

Жму твою руку.

45. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Ваше письмо — большая ошибка.

Есть области, где шутка неуместна, и вещи, о к<отор>ых нужно говорить с уважением или совсем молчать за отсутствием этого чувства вообще.

В Вашем издевательстве виновата, конечно, я, допустившая слишком короткое обращение.

Спасибо за урок!

Марина Цветаева

Москва, 19-го ноября 1911 г.

46. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<Телеграмма>

<В Париж>

11. XII. 1911 <Москва>

Ta patte cher ours unique.

*Marina**

* Твою лапу, дорогой единственный медведь. Марина (фр.).

47. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Москва, 3-го декабря 1911 г.

Дорогой Макс,

Вот Сережа и Марина, люби их вместе или по отдельности, только непременно люби и непременно обоих. Твоя книга — прекрасная, большое спасибо и усиленное глажение по лохматой медвежьей голове за нее¹. Макс, я уверена, что ты не полюбишь моего 2-го сборника². Ты говоришь, он должен быть лучше 1-го или он будет плох. «En poésie, comme en amour, rester à la même place — c'est reculer»?³ Это прекрасные слова, способные воодушевить меня, но не изменить! Сегодня вечером с 9-тичасовым поездом уезжают за границу Ася и Лиля. С 10-тичасовым едет факир⁴. Увидишь их всех в Париже. Я страшно горячо живу.

Не знаю, увидимся ли в Париже, мы там будем в январе, числа 25-го⁵. Пока до свидания. Скоро мы с Сережей едем к Тию⁶, в Тарусу, потом в Петербург. Его старшая сестра очень враждебно ко мне относится⁷.

МЦ

48. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Париж>

<Начало декабря 1911 г., Москва>

Милая Лилька!

Как доехала? Хотя я ясно представляю себе, как ты доехала: до Варшавы ты ела вовсю (ясно — с тобой ехала Ася, шоколадн<ые> конфеты и потому, чтобы не пропало даром...), от Варшавы ты перестала окончательно есть, но зато начала терять все свои вещи. Начала ты терять приблизительно в таком порядке: билет, деньги, перед самой границей паспорт, шубу, шляпу, перчатки, чулки, купленные оптом и потерянные в розницу etc, etc.

— У нас всё по-старому. Приходят и уходят: Людвиг¹, Леня², Волкенштейн³, Беркенгейм⁴, Маня⁵, Маня⁶, Сеня⁷, Белла⁸, Леня⁹,

¹ В поэзии, как в любви, оставаться на том же месте — значит отступать (фр.).

Алексей (не Леня)¹⁰, Надя¹¹, Туся¹²... студент без имени точки идут в бесконечность!

Недавно проводили на юг Аркадия¹³. С ним уехал и Леня (первый).

Ты, конечно, писать не будешь (Забыла адрес! — или — Пишу, пишу, а письма к вам все пропадают на почте!).

Прощай! Целую тебя и Ольгу Марковну¹⁴. Пожелай ей от меня скорейшего выздоровления.

P.S. Оставил напоследок. Сегодня, вчера, позавчера я пил по два стакана какао со *взбитыми сливками*.

Еще раз целую

Сергея

Наш адрес Сивцев Вражек д<ом> 19 кв<артира> 11

49. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Париж>

Милая Лилька!

Вечер. На улице страшный холод. В соседней комнате побрякивает Пра. Сейчас должна придти Вера, которая идет сегодня с Пра в Большой Театр.

Должен тебе сказать, что ведешь ты себя, несмотря на почтенный возраст, возмутительно. Ни на одно из четырех писем ты не ответила. Ну, да к этому, конечно, я привык!

Господи, какое я пишу пустое, отвратительное письмо! На душе скверно сейчас!

Да, совсем забыл, могу сообщить тебе радостную новость: Надя Крандиевская получила премию за свою работу (памятник Ломоносову). Она переведена в старший класс¹.

Позавчера из Сухума приехал Леня². Он благополучно довез Аркадия³. Последнего в санаторию не приняли и он пока устроился в комнатке. С ним осталась тетя Саша⁴.

Пока прощай Лилька.

Целую тебя и люблю сильно

Сергея

Москва

19 декабря <19>11 г.

50. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Париж>

<Двадцатые числа декабря 1911 г. Москва>

Ну не ожидал я от Вас, Елизавета Яковлевна, моя добрая, хорошая, распрекрасная, такого сюрприза, какой Вы сделали мне Вашим глубоко философским письмом.

— К чему вся эта философия?

Не проще ли было бы сказать на словах при одном из свиданий наших: «Сережа, будь моим мужем!» Кажись, ведь Ваша философия к этому сводится?

А Сережа бы поцеловал Вас и, представьте себе, не краснея, отвечал бы Вам: да!

О Вы еще не знаете, как я строг!

Позвольте преподнести Вам эти стишки:

«Вот матросики выходят!
Танцы быстрые заводят!
Вот они-и-и! Вот они-и-и!»

Читайте между строк!

Навеки твой

С.

P.S. Только не думайте, что я предлагаю Вам кровосмешение.

51. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Париж>

Москва 27 декабря <19>11 г.

Моя милая, славная и дорогая Лилька! На твое письмо я отвечать не буду, лучше переговорим обо всем при свидании. Я много думал в последнее время на темы, которые ты затрагиваешь в своем письме и пришел, наконец, к довольно ясному заключению. Но обо всем этом переговорим через несколько дней.

Мои планы на будущее приблизительно таковы: лето провожу за границей, занимаюсь языками и математикой, осенью по приезду в Москву поступаю в группу и за два месяца до экзаменов еду в Ялту с письмом отца Марины к директору гимназии. Кроме этого в Ялтинской гимназии мне знаком инспектор. Эти два месяца я буду

брать уроки у местных гимназических учителей. Надеюсь, что экзамены выдержу.

В последнее время у меня установились очень ласковые и близкие отношения с Верой. Временами мне бывает ее так жалко. Дай Бог, чтобы сцена не принесла ей разочарований. На Рождество мы с Мариной подарили ей бриллиантовый крестик. Она была в восторге.

У нас была елка, представь себе и на этот <раз> повторился традиционный Рождественский пожар. Гости выбежали на лестницу поднялся крик, суматоха. Конечно, все это произошло от твоих «сугробов»¹.

Со мной был ужасный, страшный, кошмарный скандал в Кустарном музее. О нем не хочется писать в письме, лучше расскажу лично.

Бедная, дорогая Лилька, почему ты себя так плохо чувствуешь? Хотя спрашивать не буду, т<ак> к<ак> почти знаю почему. Как мне хотелось бы помочь тебе! Милая, знай, что у тебя есть брат, который любит тебя очень сильно и нежно и который часто, часто думает о тебе.

Мне хотелось бы сказать тебе на прощание что-нибудь очень ласковое, очень теплое. Ну хорошо, скажу: Пудик, Пудик!

Крепко целую и люблю тебя!

Серезжа

Непрерменно приезжай к венчанию.

Просьбу твою исполнил.

С Новым годом! Желаю главным образом тебе того, чтобы устранились причины, вызывающие твое тяжелое настроение.

Пью вместе с тобою за твое счастье!

52. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Париж>

Петербург, 10-го января 1912 г.

Милый Макс,

Сейчас я у Серезжиных родственников в П<етер>бурге¹. Я не могу любить чужого, вернее чуждого. Я ужасно нетерпима.

Нютя — очень добрая, но ужасно много говорит о культуре и наслаждении быть студентом для Серезжи.

Наслаждаться — университетом, когда есть Италия, Испания, море, весна, золотые поля...

Ее интересует общество адвокатов, людей одной профессии. Я не понимаю этого очарования! И не принимаю!

Мир очень велик, жизнь безумно коротка, зачем приучаться к чуждому, к чему попытки полюбить его?

О, я знаю, что никогда не научусь любить что бы то ни было, просто, потому что слишком многое люблю непосредственно!

Уютная квартира, муж-адвокат, жена — жена адвоката, интересующаяся «новинками литературы»...

О, к<a>к это скучно, скучно!

Дело с венчанием затягивается, — Нютя с мужем выдумывают все новые и новые комбинации экзаменов для Сережи. Они совсем его замучили. Я крепко держусь за наше заграничное путешествие.

— «Это решено».

Волшебная фраза!

За к<отор>ой обыкновенно следуют многозначительные замечания, вроде: «Да, м<ожет >б<ыть>, на это у вас есть какие-н<и>б<удь> особенные причины?»

Я, право, считаю себя слишком достойной всей красоты мира, чтобы терпеливо и терпимо выносить каждую участь!

Тебе, Макс, наверное, довольно безразлично все, что я тебе сейчас рассказываю. Пишу все это наугад.

Пра очень трогательная, очень нас всех любит и чувствует себя среди нас, к<a>к среди очень родных. Вера очень устает, все свободное время лежит на диване. Недавно она перестала заниматься у Рабенек², м<ожет >б<ыть> Рабенек с ее группой, в точности не знаю.

Пока до свидания, пиши в Москву, по прежнему адр<есу>.

Стихи скоро начнут печататься, последняя корректура ждет меня в Москве³.

МЦ

P.S. Венчание наше будет за границей.

53. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

<1 марта 1912 г.>

Милый Макс!

Посылаю тебе Воробьев<ы> горы, от которых мы уже отделены 500 верстами. Сейчас проехали Оршу. Пока за окнами только снег.

Привет обоим *Сережа*

54. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Париж, 5/18 марта 1912 г.

Милая Лиля, вчера утром мы приехали в Париж. Сережа лучше меня знает названия улиц и зданий. Я, желая показать ему Notre Dame, повела его вчера в совершенно обратную сторону. Аси мы еще не разыскали. Наше отчаяние — все эти автобусы и омнибусы, загадочные своим направлением. Пока до свидания.

МЭ

55. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<22. III. 1912 г., Париж>

Милые, вчера и третьего дня был на могиле¹. Я ее всю убрал гиацинтами, иммортелями, маргаритками. Посадил три многолетних растения: быковский вереск², куст белых цветов и кажется лавровый куст. Газона еще нигде в П<ариже> не приготавливают. Рано.

На днях посылаю вам несколько серебр<яных> листочков с могилы. Целую.

Пишите: Палермо.

Решил пока сам посеять газон из цветов.

Видал Франку³. Подробности в письме.

Роза и елочка целы.

56. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<24. 3. 1912 г., Париж>

Милая Вера,

Сегодня был на почте и, конечно, ни письма от вас. Марина получила штук десять писем, из них половина от родных. Мне было так странно: показалось, что у меня нет совсем родных. Хотя на этот счет я не строю себе иллюзий, не хочу играть в данном случае роли Нюти. Я уверен, конечно, что при совместной жизни у нас будут самые близкие и хорошие отношения, на расстоянии же никаких отношений существовать не будет.

Е.П. Дурново-Эфрон. Портретный набросок сына Константина
<1908 г.>. Бумага, карандаш

В Париже мы в последний момент остались без денег. Сегодня суббота и Лионский кредит¹ закрывается в 3 ч. Мы этого не знали и остались без сентима. Этим объясняется скромность подарков.

Сегодня был в Люксембурге² — я ожидал от него большего. Лувром я прямо подавлен.

Вчера вечером видал Сару в Орленке³. Хотя я и не мог всего понять, но все же был поражен игрой. Сара с трудом ходит по сцене (с костылем). Голос старческий, походка дряблая — и все-таки прекрасно!

Как здоровье Лили. Передай ей, что сейчас в «Лувре»⁴ шарфы были только черные. Сейчас там кончается какой-то сезон (?)

Пишите мне в Палермо.

Целую С.

57. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<29 марта 1912 г.>

Я в ужасе от Франции. Более мерзкой страны я в жизни не видел. Всё в прошлом и ничего в настоящем (!!!) Я говорю о первом впечатлении. В вагоне из десяти пар девять целовались. И это у них центр всей жизни!

Целую крепко

Серезжа

Во всех городах Италии — мы только от поезда до поезда.

58. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

29 марта <19>12 <Неаполь>

Милая Лилька,

Сейчас сидим в ресторане Неаполя. Через час едем дальше.

От Неаполя я не в восторге. Два часа были в Милане.

Notre Dame поразил внутренним видом больше чем Миланский собор. В последнем больше реставрации, холода и темноты.

За недостатком времени и места сейчас ограничиваюсь общими фразами.

Крепко целую

Серезжа

59. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Genova

il 30 <marzo> * <1912 г.>

Милая Лиля!

Не забывай Марины и меня. Мы только что приехали в Геную. Я очень устал.

По приезде в Willach¹ мы пошли осматривать город: масса зелени, цветов, улицы обсажены каштанами. На площади старинная готическая церковь — бывший францисканский монастырь, — с маленьким тенистым садом.

— Вечером того же дня мы выехали в Вену. Представь себе, что больше всего поразило Марину: разноцветный гравий в Императорском саду². Она в каком-то экстазе встала на колени и долго рылась в камешках. Вспомнился Коктебель!

— Сад чудный, с массой аллей, фонтанов и беседок. В одной из аллей, крытой диким виноградом, мы сели на скамейку и говорили об Италии.

Перед отъездом из Вены случилось недоразумение — кучер, не поняв нашего чистого немецкого языка (моего-то!), завез нас в какую-то окраину. Мы собственно занимали его на вокзал. Из-за этого мы опоздали на вокзал.

Дорогу через Тироль опишу тебе в отдельном письме. Сейчас нет времени — идем отыскивать себе квартиру.

— Итальянская граница была ночью. Какой-то человек с бляхой что-то спросил меня по-итальянски. Я с достоинством ответил: «Non capisco»^{**}.

В Nervi³ мы оставались недолго. Но каково же было наше разочарование, когда мы из вагона увидели небольшую серую полосу воды и нам сказали, что это Средиземное море! Но это оказался только один залив⁴.

Ну прощай!

Скоро напишу еще. Пиши нам

Целую

Сережа

Привет от Марины.

* Ошибочно написано: settembre.

** Не понимаю (ит.).

60. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

1 апреля <19>12 г. <Палермо>

Милый Макс,

Сицилия во многом напоминает Коктебель. Те же горы, та же полынь с ее горьким запахом. Флора почти тропическая: пальмы, кактусы, апельсиновые и лимонные рощи. Много развалин испанских и генуезских замков. Есть развалины и более древние. Вообще же здесь прекрасно. Жму твою руку.

Серезжа

Поздравляю тебя с днем мистификаций!
Проездом мы видали разрушенную Мессину¹.

61. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Палермо, 2-го апреля / 21 марта 1912 г.

Христос Воскресе, милые Лиля и Вера! Желая Вам лучше провести праздники, чем это удастся нам. Здесь уже несколько дней холодно, и мы каждый вечер боимся землетрясения.

Серезжа еще не поправился, но вот уже несколько дней много ест и ложится рано.

Всего лучшего.

МЭ

62. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Palermo, 4-го апреля 1912 г.

Милый Макс, Христос Воскресе!

Где ты сейчас, по прежнему ли * целыми днями? Скоро ли собираешься в Коктебель или

Пришли мне какие-н<и>б<удь> стихи. Знаешь новость? Ася после Пасхи венчается с факиром¹.

* Здесь и далее часть текста испорчена почтовым штемпелем.

Мы живем на 4-ом этаже, у самого неба. В нашем дворе старинный фонтан с амуром. Мы много снимаем².

Будь т<а>к мил, узнай мне поскорей адр<ес> Аделаиды Казимировны³, очень тебя прошу!

Привет Пра.

МЭ

Адр<ес> Italie Palermo Via Allora Hotel Patria, № 18, мне.

63. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Roma 27/IV <19>12 г.

Лилька!

Сейчас проездом в Риме. Решили не осматривать его совсем до тех пор, пока не будем в состоянии отложить на это много времени. Сейчас так устали от Сицилии, что еле ноги идут.

В Сицилии мы осмотрели Палермо с окрестностями, Катанию, Сиракузы (!!!), Монреале; видели величайший действующий вулкан Этну — (ты читала «Чудеса антихриста» Лагерлеф? ¹ Если читала, то ахнешь, узнав, что мы увидели!) видели разрушенную Мессину!

Описывать всего не могу. Мы в гостинице не остановились, а сидим в кафе.

У меня скрежет зубонный от желания осматривать Рим! Но.....!

Да пойми это но, как хочешь.

У меня голова идет кругом от всего, что я увидел, и от всего, что я мог бы увидеть.

Современные итальянцы мне очень не нравятся и с внешней стороны и по д'Аннунцио².

Пока всего хорошего. Пиши Базель Poste Restante.

Как поживает Вера?

Сереза

64. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Кирхгартен

7 мая (24 апреля) 1912 г.

Милая Лиленька, Сереза страшно обрадовался Вашему письму. Скоро увидимся. Мы решили лето провести в России. Так у нас

будет 3 лета: в Сицилии, в Шварцвальде, в России. Приходите встречать нас на вокзал, о дне и часе нашего приезда сообщим заранее. У нас цветут яблони, вишни и сирень, — к сожалению, все в чужих садах. Овес уже высокий, — шелковистый, светло-зеленый, везде шумят ручьи и ели. Радуйтесь: осенью мы достанем себе чудного, толстого, ленивого кота. Я очень о нем мечтаю. Каждый день при наших обедах присутствует такой кот, жадно смотрит в глаза и тарелки и, не выгерпев, прыгает на колени то Сереже, то мне. Наш кот будет такой же.

<Притиска:> Радуюсь отъезду Макса и Пра и скорому свиданию с Вами и Верой. Всего лучшего.

МЭ

Милый Лиллук,

Ты отгадала: нам скоро суждено увидеться. Марина решила присутствовать на торжествах открытия Музея, и к Троицыну дню (13 мая) мы будем в Москве...

Сейчас внизу гостиницы (деревенской) празднуют чье-то венчание, и оттуда несется веселая громкая музыка. Но в каждой музыке есть что-то грустное (по крайней мере, для профана), и мне грустно. Хотя грустно еще по другой причине: жалко уезжать и вместе с тем тянет обратно. Одним словом, вишу в воздухе и не хватает твердости духа, чтобы заставить себя окончательно решить ехать в Россию.

А тоска растет и растет!.. У меня сейчас такая грандиозная жажда, а чего — я сам не знаю!..

65. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

<2. VI. 1912 г., Москва>

Милая Верка,

Спасибо тебе за рецензию большое¹. Завтра мы уезжаем в Тарусу. Наш новый адрес: Таруса, Калужской губ<ернии>, мне.

Я был на открытии памятника А<лександр>у III и на открытии Музея².

Около часа стоял рядом с государем.

Обложка книги С. Эфрона «Детство»

Ив<ан> Вл<адимирович> получил невиданную для профессора награду — почетное опекуновство³.

На открытии я был во фраке (прокатном!), цилиндре (Ив<ана> Вл<адимировича>!), но вид у меня был такой важный и непринужденный, что я поместился между гр<афом> Витте⁴ и оберпрокурором⁵. Был я на открытии, как литератор, причем величали меня В<а-ше> Превосходительство.

Целую крепко

Сергея

66. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Таруса

Калужской губ<ернии> 7/VI <19>12

Моя милая Верочка,

Кажется, начинаю тебе третье письмо и всё никак не могу кончить. Сейчас я в Тарусе¹. Из окон нашего дома видна Ока, с холмистыми зелеными берегами. Здесь очень и очень хорошо. Именно то, к чему я стремился в продолжении нескольких лет.

Мы живем в старинном домике, окруженном старым липовым садом. Старая, допотопная Тиё обращается с нами, как с детьми и рассказывает тысячи своих воспоминаний, до поразительности похожих одно на другое. За кофе и за чаем мы проводим по часу, по полтора.

Меня она называет Сихррож (выговаривать Р нужно горлом), Марину Муссиа.

Меня она считает за английского лорда, скрывающего свою национальность. Чтобы доставить мне удовольствие, она всё время расхваливает Англию и ее обычаи. Но несмотря на всё, она очень добрая и необыкновенно-интересная Тиё.

В Москве я был и на открытии Музея и на открытии памятника А<лександр>у Ш. В продолжение всего молебна, а он длится около часа, я стоял в двух шагах от Государя и его матери². Очень хорошо разглядел его. Он очень мал ростом, моложав, с добрыми, светлыми глазами. Наружность не императора.

На открытии были все высшие сановники. Если бы ты знала, что это за разваливающиеся старики! Во время пения вечной памя-

ти Александру III вся зала опустилась на колени. Половина после этого не могла встать. Мне самому пришлось поднимать одного старца — сенатора, который оглашал всю залу своими стонами.

Я был, конечно, самым молодым, в прекрасном, взятом напрокат фраке и шапо-клаке. Чувствовал себя очень непринужденно и держал себя поэтому прекрасно. Расскажу при свидании много интересных подробностей, для которых здесь нет места.

Моя книга, как я узнал недавно, расходится довольно хорошо³. Маринина еще лучше. Пока кончаю. Желаю тебе всего, всего хорошего

Сереза

Чувствую, что ты, дрянь, мне ничего не напишешь⁴.

67. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Таруса, 11-го июня 1912 г.

Милая Вера,

Вот уже неделя, к<а>к мы у Тю. Она делит свою нежность между граченком, к<отор>ого выходила, четырьмя котами, голубями, воробьями, курами, нищими и нами, — но на нашу долю все-таки остается много.

От Серези она в восторге, советуется с ним во всех важных случаях. Т<а>к напр<имер> она спрашивала его недавно, нужно ли отремонтировать флигель, к<отор>ый сгорел несколько времени тому назад от лампадки. Сереза сказал «да», и завтра начинается перестройка. С 15-го июля мы переселяемся туда, пока мы живем в гостинной главного дома, у нас свой ход на улицу и свой ключ. Но Серезин кредит третьего дня чуть-чуть не поколебался: он вздумал учить летать граченка и для этого прямо бросал его с высоты поднятой руки. Несколько раз обходилось благополучно, но в конце концов несчастный упал на хвост и несколько времени ходил грустный. Тю сразу это заметила. — «Это вы, наверно, Сирожка, огорчили мою бедную граченьку». (Она грасирует.) С<ереза>, конечно, уверял ее, что нет. Дай Бог, чтобы он только не скончался! С ним тогда навеки кончится тетино доверие к Серезе.

Мы встаем к 9-ти часам, пьем кофе и сидим за столом часа по два: Тю то вспоминает старое время, свою молодость и мамину, то

Е.П. Дурново-Эфрон. <Грачонок. 1908 г.>

Бумага, акварель. Рисунок из альбома, на первой странице которого есть помета Е.Я. Эфрон начала 1970-х гг.: «Последнее лето, когда мы встретились все вместе. 1907 г. Около Женевы на Женевском озере деревня Съэ. Пароходом не доплывая до Шильонского острова приблизительно $\frac{1}{2}$ пути. Даже папа получил командировку из Московского страхового общества — где он тогда работал и приехал на несколько дней в деревню. (Командировка в Брюссель)» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 211).

жалуется на прислугу и «тарусская свиней!» Ее, действительно, страшно обирают. Когда ей напр<имер> понадобится написать русское письмо, она платит 5 р., за простую палку для флага, срубленную тут же в лесу с нее берут 2 р. и т.д.

Она вздыхает — и дает, иногда даже не вздыхает!

Мы видимся с ней только за едой, остальное время она занята хозяйством, т.е. собственноручно перетирает мебель, посуду, готовит и жалуется на всю эту работу. У нее 3 прислуги: 70-тилетняя старуха из «самая ужасная город — Нижний, первый забастовщик», горничная и вечно спящий дворник, похожий на лешего. А делает она всё сама!

Дом — волшебный, поражает чистотой. Все в чехлах. Я в ди-ком раже. Т<а>к хочется рассмотреть все эти стенные и стоячие лампы, канделябры, статуи, картины, диваны, кресла, тумбочки, столы! Но нет: все крепко зашито! В ее комнате всегда полутемно. Над диваном огромный портрет дедушки углем, по бокам фотографии: мамины детские и наши всех возрастов, на туалетном столике гра-невые флаконы — увы, пустые! Она не выносит духов — какие-то полированные ящички с цветами, ручные зеркальца, — всякая чудесная мелочь. Часы с вальсами Штрауса и Ланнера¹ больше не ходят, она говорит, что это после нашего последнего приезда.

Скоро зацветут липы. Они окружают весь сад, круглые, темные, страшно густые. Перед террасой площадка, посыпанная красным песком. Раньше на клумбах росли дивные цветы, теперь же ничего нет, всё сожрали и вытоптали мои враги, предмет моего глубочайшего отвращения — куры.

Не помню, писал ли Вам Сережа о нашем особняке на Собачьей площадке?² В нем 4 комнаты, потолок в парадном расписной, в Сережиной комнате камин, в моей и столовой освещение сверху (у меня, кроме того, нормальное окно) и вделанные в стену шкафы. Кухня и комната для прислуги в подвале. Если не будет собственного, хотелось бы прожить в этом доме подольше, такой не скоро найдешь!

Ну вот и всё о нас пока.

Пишите о себе, о коктебельской жизни этого лета, — прогулках, симпатиях, ненавистях (они должны быть, раз есть Толстой!³) Были ли в Феодосии, видались ли с Петром Николаевичем?⁴ Он на наши книги⁵, посланные из Шварцвальда, ничего не ответил.

Купаетесь ли?

Пишите обо всем и побольше. Ася целое лето будет в Москве. Да, я забыла: мы уже обставили всю нашу квартиру, купили старин-

ный рояль с милым, слегка разбитым звуком, прекрасную ковровую мебель для Серезиной комнаты, зеркало из красного дерева, к<а>ж и рояль, гардероб и т.д.

Будет очень волшебный домик, осенью увидите.

Ну, окончательно до свидания.

МЭ

68. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<За границу>

16/VI <19>12 Таруса

Милая Лилька,

Вчера был в Москве и получил твое письмо. Я очень рад за тебя, за твое хорошее лето. Ты, кажется, последним годом своим довольна.

В Москве у меня была очень неприятная встреча. Иду по Пре-чистенке, вдруг сзади голос: «Сергей, здравствуйте!»

Смотрю «Дмитриха»¹. Начинаются тошнотворные расспросы. Если бы ты знала, сколько в Москве сплетников! Все хорошо осведомлены о каждом шаге каждого из нас. Среди разговора у нее хватило грубости спрашивать о некоторых событиях (ты понимаешь каких?). Я ей дал понять, что ни отвечать, ни слушать ее не желаю.

Затем следующий разговор:

— «Вы, говорят, женились на дочери (перечисление всех титулов Ив<ана> Вл<адимировича>) Цветаева?

— Откуда Вы это узнали?

— От г<оспо>жи Кудрявцевой!

— Какой г<оспо>жи Кудрявцевой?

— Бывшей Трупчинской. (!!!)

Последнее она сказала со смешком, характер которого я не понял.

Ну, да черт с ней!

Буду очень рад тебя увидеть. В Тарусе только тебе придется устроиться не у Тиё, а в постоялом дворе — мебл<ированных> комнатах. Последнее время Тиё немного ведьмисто настроена.

Даже Ася не смогла у нее остановиться.

Хотя от меня она и в восторге, но жить с ней все же ужасно. Эта старуха несмотря на свою безграничную доброту может довести

человека до дикого бешенства. Она заставляет спать с закрытым окном, бережет от сквозняков, холодной воды, «тарусский анархист» и т<ому> п<одобное> с такою неумолимостью и твердостью, что ... —

Кормит цыплятами, бульоном, сливками и т<ому> п<одобное>. После обеда часто подается шампанское. Обязательное послеобеденное полоскание рта.

Вообще же летом я доволен. Много читаю. Хотел написать занимаюсь по-французски, но вспомнил Коктебель и решил что ты расхохочешься.

Мне было переслано странное письмо: Лидии Эфрон. После удостоверения, что оно не Марине пересылаю. Распечатывания твоих писем начинают носить фатальный характер.

Спасибо за сига, конечно не за сига, а за Марину. Свое состояние она переносит очень хорошо, но кажется против сига ничего не имеет.

До скорого свиданья желаю тебе прежнего хорошего житья.

Сергея

Почему Н<ютя> ничего не отвечает? Получили ли мои письма?

Передай ей, что свои деньги к несчастью сейчас под закладную отдать не могу². Только пусть она не строит трагических предположений. Всё это очень просто объясняется.

69. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

8 июля <19>12 <Москва>

Милая Верка,

Через несколько дней мы покупаем старинный особняк в девять комнат, в прекрасном тихом переулке¹. Напоминает он бабушкин, хотя, конечно, меньше последнего (особняк, а не переулок меньше). Дом состоит из подвала (кухня, людская и т.п.), первого этажа (7 комнат) и мезонина — в три комнаты. Расположение комнат старо-барское: из передней вход в залу, из залы — в гостиную, из гостиной — в кабинет и т.п. Рядом со столовой — маленькая буфетная. Недостает только зимнего сада с фонтаном.

Не хочешь ли ты этой зимой поселиться с нами. У нас будет экономка (помнишь милую старушку на моей свадьбе). Мы высчитали сколько с тебя брать. Полный пансион и комната 35 рублей.

От нашего дома (он на Полянке) идут трамваи на Арбатскую площадь, Лубянскую, Театральную (13, 3) при этом езды до Арб<а-та> минут 8—10, до Большого Театра столько же. Я очень рад, что удалось так устроиться.

Чуть было не купили дом в Сокольниках. У нас будет телефон. Если хочешь с нами устроиться — пиши немедленно: нам необходимо знать сейчас же. Детская наверху — ребенок мешать не будет.

Вот уже две недели, как мы в Москве. Здесь не очень жарко — часто бывают грозы.

Твой Гумилев — болван, так же как Сергей Городецкий². С.Г. поместил в «Речи» статью о женщинах-поэтах, в которой о М<арине> Ц<ветаевой> отзывается как ... да не хочу повторять глупости!

Пиши на Собачью пл<ощадку> 8.

Не забудь сообщить, думаешь ли жить у нас.

Целую

Сережа

Кому следует приветы. Костры помню.

70. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Москва, 11-го июля 1912 г.

Милая Вера,

Я должна просить у Вас прощения: по некоторым обстоятельствам, о к<отор>ых я сразу не подумала, трудно будет устроить, чтобы Вы с Лилей жили у нас. М<ожет> б<ыть> Вы даже и не согласились бы, прошу прощения на случай согласия.

Бедный Сережа уже четвертую ночь в вагоне между Москвой и Петербургом. Мы ведь оба несовершеннолетние, папы сейчас нет, и приходится обращаться к Сережиному попечителю Завадскому¹. Вчера мы целый день провели у нотариусов — главного и неглавного. Оказалось, что разрешение на купчую, выданное Сереже петербургским нотариусом и подписанное попечителем, написано не по форме, и Сереже пришлось вторично ехать в Петербург. Иначе всё дело с домом пропало бы. К счастью он хорошо спит в вагоне и вид у него ничего-себе. На днях всё это кончится и мы уедем куда-н<и>-б<удь> на дачу, м<ожет> б<ыть> в Удельную².

Третьего дня вечером я встречала Н<ютю>. Поезд ее стоял всего 15 минут, и мы не успели рассказать друг другу всего. Она была очень оживлена, в восторге от путешествия, очень загорела и выглядит хорошо. А.В.³ приезжает 16-го.

Прочла рецензию в Аполлоне о моем втором сборнике⁴. Интересно, что меня ругали пока только Городецкий и Гумилев, оба участники какого-то цеха⁵. Будь я в цехе, они бы не ругались, но в цехе я не буду.

Да, нечто приятное для Вас! Вчера мы в трамвае встретили одного Вашего знакомого. Он первый подошел к нам. — «Я узнал Вас по глазам», сказал он Сереже, — «у Вас настоящие эфроновские глаза. Скажите, пожалуйста, где теперь В<ера> Я<ковлевна> и Е<лизавета> Я<ковлевна>?» Сережа ответил. — «А где они будут зимой? Где будет В<ера> Я<ковлевна>? К<а>к мне ее разыскать? А к<а>к Ваше отчество?»

После этого он быстро повернулся и, не дождавшись ответа*, ушел на площадку.

Этот знакомый — Асмол...⁶ Честное слово, всё было, к<а>к я говорю!

Пока до свидания.

Надеюсь, Вы на меня не сердитесь.

МЭ

71. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Иваньково, 29-го июля 1912 г.

Милая Вера,

Вот уже 5-ый день, к<а>к Сережа заболел и в постели: т° три дня стояла на 38,5 — 39,5. Был доктор, но ничего определенного не сказал: думает, что идет какой-то острый воспалительный процесс в области толстой кишки. Бедный Сережа уже пять дней почти ничего не ест: полное отсутствие аппетита и кроме того воспаление десен и нарывы по всему рту. Д<окто>р прописал строгую диету; из лекарств — пирамидон и салол.

Мы живем на даче у артистки Художеств<енного> театра Самаровой¹, в отдельном домике. Есть чудесная комната для Вас,

* Не дав даже С<ереже> времени раскрыть рот. <Примеч. Цветаевой>.

с отдельной маленькой террасой и входом. К^а только приедете в Москву, непременно приезжайте к нам и живите до начала занятий. Лиля умоляет Вас сделать это, несмотря на сравнительную дороговизну пансиона (50 р.)

Режим и воздух здесь очень хорошие. На соседней даче живут Крандиевские², к^{отор}ые предлагают Вам свое гостеприимство в случае, если цена пансиона Вам не подойдет. Мы останемся здесь до 20-го августа.

Дорога сюда следующая: на трамвае до Петровского парка, потом на извозчике до самой нашей дачи (75 коп.) Нанимайте в деревню Иваньково, извозчики уже знают.

Кроме всего остального, знакомство с Самаровой может оказать Вам пользу.

Она пожилая и очень трогательная, особенно своими заботами о Сереже.

Сейчас должен прийти доктор.

30-го июля 1912 г.

Вчера доктор выказал предположение, что это заболевание — инфекционное. Д^{олжно} б^{ыть} Сережа пил в Москве какую-н^иб^{удь} гадость. Сегодня т почти нормальная, но слабость очень велика. Крандиевские каждый день заходят справляться о Сережин^{ом} здоровье и ведут себя очень трогательно.

Скоро напишу Вам еще.

Ответьте поскорей, хотите ли Вы поселиться у Самаровой.

До свидания.

МЭ

Адр^{ес}: Покровское-Глебово-Стрешнего по Моск^{овско} Виндавской ж.д. Деревня Иваньково, дача Самаровой.

72. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Гангут>

Иваньково, 1-го августа 1912 г.

Милая Лиля,

Сережа был это время очень болен, т доходила до сорока. Д^{окто}р, приглашенный из Покровского, сначала подумал о воспалении толстой кишки, потом решил, что это остро-инфекционная болезнь,

происшедшая от какой-н<и>б<удь> плохой воды или чего-н<и>б<удь> в этом роде. Теперь он поправляется, но очень ослабел от долгого голодания. Рот у него упорно не улучшается: совершенно зеленый язык, до крови растрескавшийся по бокам, опухшие, налитые кровью десны с нарывами, — словом полный ужас. Ему трудно глотать даже холодную жидкую пищу. Сегодня сюда приехали к нам наши комиссионеры, — купчая окончательно утверждена и дом наш ¹. Не беспокойтесь о Сереже: теперь дело идет на поправку, но скоро ли он окрепнет — неизвестно. Нужно еще долго лежать и соблюдать диету. Болезнь длилась около недели. Т<емпература> второй день нормальная. Всего лучшего, скоро напишу еще.

МЭ

73. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Гангут>

Иваньково 2 августа <19>12 г.

Дорогая Лилюкин,

Сегодня сидя могу уже писать тебе. Темпер<атура> спала, но во рту делается Бог знает что! Язык зеленый — у меня еще такого никогда не было, — десна и небо покрыты кровяными язвами. Даже воду очень больно пить. Язык тоже потрескался до боли. Доктор говорит, что это мож<ет> быть ящур, а м<ожет> б<ыть> отравление ртутью или консервами. Но т<ак> к<ак> первое совсем невозможно — остаются консервы, которых я совсем не ел за последнее время.

Он прописал мне смазывать ляписом рот, что страшно больно.

Вернее всего, что у меня ящур — коровья болезнь. Не ты ли меня заразила?

Каждый день нас навещают Кр<анди>евские. Отношения установились самые хорошие.

Я ведь тебе говорил про Hango ¹, что ты можешь там устроиться, что это один из теплых Финляндских курортов. Ты, пропустив мои слова мимо ушей, случайно попала в него.

Из этого города М<ама> и К<отик> ехали за границу.

Живи спокойно и поправляйся. Знай, что ты живешь в крайнем пункте омываемом Гольфштромом.

Когда я провожал тебя, то был уже болен, но протерпел еще два дня.

Надя² уверена, что ты исполнишь слово и приедешь очень скоро к ней. Я ее не разуверю, но ...

Плэд твой в исправности.

Кормят нас, т.е. Марину очень хорошо. М-ме Самарова оказалась премилой. Помогала М<арине> ухаживать за мною и т.д.

Сейчас надвигается гроза.

Пока прощай. Не теряй паспорта, т<ак> к<ак> при возвращении в Россию для тебя это окажется роковым.

Votre amant

Serge*

74. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Гангут>

Иваньково, 9-го августа 1912 г.

Милая Лиля,

Сереза приблизительно выздоровел. Приблизительно — потому что очень худ. Вчера мы были в Москве, в первый раз после его болезни.

Представьте себе: госпожа, продавшая нам дом¹, упорно и определенно не желает из него выезжать. 3 недели тому назад она уже знала, что ей придется найти себе квартиру к 5-му авг<уста>. Она же всё время преспокойно жила на даче, не делая никаких приготовлений к выезду.

Несколько дней тому назад мы еще раз предупреждали ее о необходимости выехать до 5-го, и вот вчера приезжаем в Москву, думая перевозить мебель — и что же? Квартиры у нее нет, ни одна вещь не вывезена, и сама она неизвестно где. Мы написали ей записку с извещением, что за каждый лишний день, прожитый ею в доме, считаем с нее по 10 руб., начиная с 8-го. Написали еще, что подали жалобу мировому, — чего по настоящему не сделали. Дело у мирового, говорят, длится около трех недель, а нам необходимо переехать до 15-го.

Ася берет наш особняк на Собачьей², но т<а>к к<а>к сама укладываться и возиться с переездом не может, выписывает из-за города экономку, к<отор>ую должна во время предупредить. Мы же не можем ей ничего сказать точного о дне выезда.

* Ваш возлюбленный Серж (фр.).

Кроме того, еще одна неприятность: по просьбе прежней хозяйки мы решили оставить ее дворника. Теперь же оказывается, что он неграмотный.

Стройку мы решили отложить до ранней весны³ и м<ожет> б<ыть> обойдемся без нашего несколько подозрительного комиссионера. Вчера к К<рандиев>ским приезжал один молодой архитектор⁴. М<ожет> б<ыть> он возьмется за это дело.

Туся, Надя и сама М-ме⁵ всё время навещали Сережу во время его болезни. Ну, натерпелась же я с этой М-ме! Ее бесцеремонность выходит за всякие пределы. К тому же я никогда не видала более хвастливого человека. А ее мания советов! На все темы: от моего положения до выбора стихов. Без конца говорила о своем романе, о лестных отзывах, потом давала полную характеристику Нади, говорила о ее отношении к любви (ее любимая тема) — браку, даже к ней самой. Всё это неожиданно, многословно и нелепо.

Ей, конечно, нельзя отказать в доброте, но еще меньше в отсутствии всякого элементарного понятия о такте.

К 20-му мы думаем перебраться в Москву. Здесь с 25-го июля настоящая осень — холодная, ветреная и дождливая. Листья опадают, небо с утра в темных низких тучах. Вчера мы купили книгу стихов Анны Ахматовой, к<отор>ую т<ак> хвалит критика⁶. Вот одно из ее стихотворений:

«Три вещи он любил на свете:
За вечерней пенью, белые павлины
И стертые карты Америки.
Не любил, к<a>к плачут дети,
Чая с малиной
И женской истерики.
— А я была его женой».

Но есть трогательные строчки напр<имер>:

«Ива по небу распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой».

Эти строчки, по-моему, самые грустные и искренние во всей книге. Ее называют утонченной и хрупкой за неожиданное появление в ее стихах розового какаду, виолы и клавесин.

Она, кстати, замужем за Гумилевым, отцом кенгуру в русской поэзии⁷.

Пока всего лучшего, до свидания, до 20-го пишите сюда, потом на Б<ольшую> Полянку, М<альй> Екатеринбургский пер<еулоч>.

МЭ

P.S. Сережа выучил очень много франц<узских> слов.

P.P.S. N нашего будущего телефона: 198—06.

Вам нравится?

Это был лучший из шести данных нам на выбор!

75. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

24 октября <19>12 г. <Москва>

Лилька, спасибо за торт огромное. У нас его, конечно, нет.

У Марины t падала, падала, а сегодня опять поднялась.

Приходи завтра непременно часов в 7—6. У нас будут только свои и Говоров, няню мы прогнали.

О Софье Марковне¹, если вызовешь меня по телефону, смогу рассказать поразительную историю.

Мясной сок получаю, но нельзя сказать, чтобы я пил его с восторгом. Целую крепко, Марина тоже

Сережа

Спасибо!!!

76. М.И. ЦВЕТАЕВА, М. КЮВИЛЬЕ — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Москву>

Милый Макс,

Конечно, делай, к<a>к хочешь, но я бы на твоём месте не давала книгу¹ Бурлюку на «льготных условиях». Если уж на то пошло, пришли его к нам, в склад. Мы сделаем ему уступку в 25 %. Т.е. вместо 50-ти, он заплатит 35 к<опеек>. Это Пра мне прочла открытку Бурлюка².

Всего лучшего, до свидания в среду.

МЭ

Москва, 10-го марта 1913 г.

<Приписка М. Кювилье:>

Милый Макс, не забудьте, что я прихожу завтра в 3 $\frac{1}{2}$ или в 4. Спокойной ночи. *Майя*³.

77. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Коктебель, 28-го апреля 1913 г.

Милые Лиля и Вера,

Коктебель странно-пуст: никого, кроме Пра и Макса¹. Дни серые, холодные и дождливые, с внезапными озерами синего неба. Мы живем в отдельном домике, в двух сообщающихся комнатах. Алина² — в одно окно (в ней я жила месяц), наша — в два, с видом на горы и на Максину башню — великолепную!

С Максом мы оба в неестественных, натянутых отношениях, не о чем говорить и надо быть милым. Он чем-то к<a>к-будто смущен, — вообще наше en trois* невозможно. Разговоры смущенные, вялые, все всё время начеку.

М<ожет> б<ыть> это оттого, что он не знает, к<a>к относиться к Сереже. Оба почти не говорят серьезно.

Ничего не произошло и вряд ли произойдет, но все это давит.

Пра необычайно мила, мне хотелось бы сказать — человечна. Мы долго сидим с ней, я сопровождаю ее в ее хозяйств<енных> путешествиях. Вместе поджариваем на керосинке разные вещи и выдираем на грядках гадкую траву.

Она рассказывает о своей молодости, за окнами темнеет — синяя, синяя темнота — мы идем домой, Сережа отгоняя, я подманивая... собак. Их здесь очень много: 5 живут на наших террасах, Сережа швыряет в них камнями, я — хлебом.

Вчера Макс рисовал Сережин портрет³, — вышел негр с $\frac{1}{2}$ носа (М<акс> нашел, что у всех Эфронов должен быть такой нос).

— 11 час., я кончаю. Сейчас отходит почта.

Всего лучшего.

МЭ

* Втроем (фр.).

78. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Коктебель 27-го мая 1913 г., понедельник

Милая Волчья Морда,

Сейчас на темном небе яркий серп месяца, совсем серебряный, — горящее серебро. В воздухе многочисленные голоса собак. Влетела бабочка и, трепыхаясь, ползет по столу. Лева¹ говорит: «Марина, сейчас влетят разные летучие мыши и всякая гадость».

Мы только что кончили ужинать, — было крикливо, неловко и уныло. Крикливо из-за двух сестер², неловко из-за окриков на них Пра перед матерью и уныло из-за слишком ясного знания всего, что будет.

События сегодняшнего дня: мытье автомобиля перед его окраской, большая прогулка в горы. Мы отделились от художников: Эва Адольфовна³, Сережа, Копа, Тюня и я. Какие горы мы видели, какие скалы, какое море! Сидели, спустя ноги в пустоту, пили воду из какой-то холодной дыры (источника), видели все море и чуть ли не весь мир. Произошел инцидент с Тюней. Сережа сказал, что талья у него самая тонкая из всех присутствующих (талей) и, возмущенный возражением Тюни, стал примерять ее пояс. Он, действительно, наделся на последнюю дырку, но при первом Сережином вздохе... лопнул, — совсем, окончательно, даже кончик отскочил шагов на пять. Тюня тотчас же назвала Сережу свиньей, потом отошла и всю остальную дорогу была гнусна.

Эва Адольфовна была в шароварах Пра и в своем татарском кафтане. Она купила себе голубой купальный костюм в «Бубнах»⁴, и мы после прогулки купались, она и я.

Майя⁵ тоскует, плакала уже в комнате Эвы Адольфовны, у себя и у Пра.

— «Ну, зачем Вы его выбрали? Что в нем такого? Толстый, с проседью*, в папаши Вам годится! Любить никого не может, я сама часто плачу из-за этого, я понимаю, к<а>к Вам должно быть горько. Да плюньте на него! Выбрали бы себе какого-н<и>б<удь> юношу, стройного, красивого, молодого, вместе бы бегали, вместе бы сочиняли стихи...»

— «Но я не могу на него плюнуть...»

* Бедная Волчья Морда! (Примеч. М. Цветаевой)

Я думаю! Бедная Майя!

Пра все более и более восторгается Эвой Адольфовной.

А м<ожет> б<ыть>, Вы уже далеки от всего этого.

Трепчат цикады. На воле чудно — огромная, тихая ночь.

Я буду счастлива, я знаю, что существенно и не существенно, я умею удерживаться и не удерживаться, у меня ничего нельзя отнять. Раз внутри — значит мое. И с людьми, к<а>к с деревьями: дерево мое — и не знает, т<а>к же человек, душа его.

Со мной даже бороться нельзя: я внешне ничего не беру — и никто не знает, к<а>к много — внутри.

Желтый и синий лев (подарок Э<вы> А<дольфовны> и Петра Ник<олаевича>⁶) смотрит одобрительно. Он сидит рядом с львиной тарелкой⁷ с одной стороны и настоящим Левоу — с другой.

Автомобиль, пламенно вымытый обормотами, уехал краситься, и вернется вместе с Вами (?) через неделю.

Привет обоим белым волкам.

МЭ

79. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Коктебель, 28-го мая 1913 г.

Милый Михаил Соломонович,

Сначала хроника: сегодня утром приехала невероятная, долгожданная, мифическая «мамаша»¹, в к<отор>ую т<а>к не верила Пра, и — представьте себе! — я пожертвовала этим зрелищем для того, чтобы писать Вам письмо.

— Цените? — Вчера Лиля, Эва Адольфовна и Сережа уехали первые, я осталась одна у Петра Николаевича². Пили кофе. Он закатывал глаза, говорил туманно и прерывал свою пламенную речь озабоченными восклицаниями, вроде: «А Вам, может быть, мало сахара?» Я, не смущаясь, говорила дальше. Потом пришла Потапенко³ — одна из жен знаменитого писателя, — и повела нас обедать в какую-то невероятную семью — невероятную своей естественностью, нормальностью провинциализма. Мне сначала понравились эти маленькие, «уютные» комнатки, но потом вдруг стало гнусно. Кроме матери и пятерых детей — всех черных — был еще белый кот, пара тому, черному, у Рогозинских⁴. Что это был за кот! Длинный,

худой, цепкий, с бело-желтыми глазами и хриплым, унылым, каким-то предсмертным голосом. Я сделала попытку приласкать его, но не могла. Выходя из этого милого семейства, П<стр> Н<иколаевич> сказал: — «Нет, Марина, не верьте, что этот кот когда-н<и>б<удь> был хорошим. Такие коты хорошими не бывают». — О его прежней хорошеи говорила хозяйка в оправдание настоящей его гнусности.

Да! Утром, в 5 часов, Эва Адольфовна и Лиля отправились на пристань и пропустили пароход с Соколом⁵, к<отор>ый, к<а>к оказалось после, вообще не приехал.

— Майя вчера ходила в белой головной повязке, Тюня в красивой прическе, делавшей ее похожей на английскую гравюру. Они очень подружились, сидели по обеим сторонам Макса, но когда Тюня нацепила Максу бантик и обезобразила этим его до крайности, Майя, совсем бледная, вышла.

Погода чудная, яркая, жаркая. Вчера Ванда Александровна⁶ привезла огромную корзину чершен, — я вспомнила о Вас.

Гудит автомобиль, — кто-то уезжает в Феодосию.

— Без Вас наша жизнь потеряла много остроты. Многое еще хотелось бы Вам сказать.

Всего лучшего, до свидания.

МЭ

80. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Коктебель, 28-го мая 1913 г., вторник

Милый Михаил Соломонович,

Сегодня я узнала от Э<вы> А<дольфовны>, что Вы не приедете. Когда Вы это узнали, вспомнили ли Вы мое предсказание?

— Очень жаль! Вы застали здесь только предчувствие лета. А сейчас жара, синева. Мы будем ночью ходить в горы. Хорошо будет ночевать на воле! Разожжем костер, возьмем с собой чайник, чершен, увидим восход луны и солнца.

Ужасно, ужасно жаль. Вы, мне кажется, должны любить ночные прогулки и ночные костры. А знаете, когда костер самый лучший? Вечером, на закате, вернее, тотчас же после заката. Дым и розовое небо.

Сегодня приехала Вера¹. У нее на чердаке прелестно: везде шелковые шали, книги, из окна вид на море.

Пока я не знала, что Вы не приедете, я с радостью писала Вам, мне хотелось, чтобы Вы ничего не пропустили и, приехав, сразу жили дальше, к<a>к мы все. Теперь же я чувствую безнадежность все передать, сохранить Вас действующим лицом и тщетность моих частных писем. Когда Вы едете за границу?

Э<ва> А<дольфовна> в восторге от Пра, Пра в еще большем от нее. Ее подкупает и очаровывает откровенность Э<вы> А<дольфовны>, женственность ее переживаний. Недавно Э<ва> А<дольфовна> положила голову на колени Пра и воскликнула: «Ах, Пра, какая Вы мудрая!» — я бы не сказала. Она понимает все очень элементарно и многого, многого совсем не может понять. С Пра я совсем не могу говорить ни о своей жизни (внешне-внутренней), ни о своей душе. У нас с ней прекрасные отношения — вне моей сущности.

— Слушайте! Когда у нас будет дом в Тарусе, обязательно приезжайте. Там липовый сад, два маленьких дома, коты, золотое вечернее небо и наше детство. Почему мне сейчас показалось, что Вам скучно слушать о детстве?

Вблизи широкая голубая Ока, плоты, у нас будет лодка. Есть еще грустный, грустный, серый, чахлый базар с режущей душу музыкой, почта с никогда не приходящими долгожданными письмами, а потом воля, синие дали, огромные луга, костры, небо.

Там очень грустно, почти невыносимо жить. Все кажется прошлым и сном. Главное я забыла: чудные часы со штраусовскими вальсами. Это уже почти смерть, такая острая и сладкая тоска, такая невозможность жить, что становишься тенью, гибнешь, улываешь.

В этих часах — весь романтизм, вся боль обожания, вся жажда смерти, — вся моя душа.

Но это далеко, далеко.

Слушайте, если мы до тех пор почему-н<i>б<удь> разойдемся, я уеду, и Вы один еще лучше переживете все, о чем я Вам писала.

До свидания, привезите мне что-н<i>б<удь> из Мюнхена².

МЭ

81. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Коктебель, 7<—8>-20 мая/июня, 1913 г.¹, пятница

Милый, к<a>к мне Вас жаль из-за проданного имения² и к<a>к дерзко, что Вы мне т<a>к долго не отвечаете. Je me partage entre ces

deux sentiments *. Сейчас шесть часов вечера, за окном качается порозовевшая трава.

Слушайте, что бы Вы сейчас ни делали, бросьте все: садитесь в вагон, из вагона — в экипаж, велите лошадям звенеть бубенцами, нюхайте гадкую траву (помните?), восторгайтесь показавшейся вдали башней Макса, — пусть она растет, и когда дорастет до естественных размеров, прыгайте с экипажа.

— Все это, конечно, мысленно.

Потом мы будем пить чай на террасе, — без конфет, но с радостью. А когда стемнеет, будем проявлять. (Сегодня мы три раза снимали море за Змеиным гротом). Потом пойдем за калитку и увидим восход луны.

Ах, вчера было чудно! Огромная желтая луна над морем, прямо посреди залива, и под ней длинная полоса грозно-летящих облаков. Луна то исчезала, то вспыхивала в отверстиях облака, то сквозила слегка, то сразу поднималась. Казалось, все летит: и луна, и облака, и Юпитер. — Все небо летело.

Говорили о конце света, и Вера боялась идти на свой чердак, где с потолка сыплется известка, а в щели врывается и воет ветер.

Мы с Сережей и Тюней — втроем — танцевали вальс.

Сегодня Сережа, Сокол и я были за Змеиным гротом, дальше того места, где я Вас с Сережей снимала. Мы взобрались на острую, колючую скалу и сидели, свесив ноги. Были огромные, бешеные волны.

Сейчас много черешен, — бедное мое волчье золото! Мы сегодня вчетвером съели девять фунтов. Пра перестала давать обеды, и мы теперь ходим в столовую на горе: Лиля, Сережа, Сокол, Маня Гехтман (помните ночь после Халютиной? ³ Вы очень сердитесь на меня за записку?), Вера, Тюня, Копа и я. Остальные обедают в другом месте. В столовой мило и похоже на Швейцарию. Из одного окна вид совсем Швейцарский, из другого — напоминает Св<ятую>Елену: пустынные желтые холмы, за к<оторы>ми чувствуется океан.

Чтобы привести в ужас других обедающих, Сережа и Сокол рассказывают самые невероятные вещи: об острове Цейлоне, поездках на Циппелине ⁴, знакомстве с франц<узским> премьером и т<ому> п<одобное>. Сегодня они были обезьянами.

Да, у нас завелся новый француз ⁵: тоже сентиментальный, но еще не влюбленный в Лиллю. Мы с ним собирали камешки, и я дала

* Колеблось между двумя этими чувствами (фр.).

ему один — довольно гадкий. Он тотчас же сделал вид de la mettre sur son coeur (la pierre)*.

Петр Николаевич привез с собой много вина, (он же привез француза), — был последний и самый буйный ужин. Кончилось тем, что Маня Г<ехтман> заснула в комнате у Макса, несмотря на то, что француз идеально изображал кинематограф.

— А все-таки интересно, напишете ли Вы мне, или нет? —

Эва Адольфовна последние дни совсем не была в Коктебеле. Это мы все ясно чувствовали. Проводы были без пороха, м<ожет> б<ыть>, из-за ее слабого желанья скорой встречи. Она под конец совсем устала и сама не знала, хочет ли вернуться в Коктебель.

Передайте ей мой нежный привет. Впрочем, она раньше Вас получит от меня письмо⁶. До свидания, всего лучшего.

МЭ

P.S. Спасибо за письмо**. Прочтите эту фразу ласковей, чем она звучит.

82. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Коктебель, 8-го июня 1913 г., суббота

Мордочка моя золотая, милая, волчья! Значит я верно поняла, что эта продажа имения будет для Вас горем! К<a>к мне Вас жаль, к<a>к мне больно за Вас! И ничего нельзя сделать. Слушайте, я непременно хочу, чтобы Вы побывали у нас в Трехпрудном, увидели холодный низ и теплый верх, большую залу и маленькую детскую, наш двор с серебристым тополем, вывешивающимся чуть ли не на весь переулок, — чтобы Вы все поняли! А главное — чтобы Вы увидели Андрея¹, т<a>к не понимающего, чем был и есть для нас его дом. Тогда — мне кажется — Вы поймете глубину и остроту моей боли за Вас.

Проходя мимо дома в Трехпрудном, мне всегда хочется сказать: «si gît ma jeunesse»***.

Вы для меня теперь освящены страданием, Вы мне родной.

Я много думаю о Вас.

* Что прикладывает его (камень) к сердцу (фр.).

** Первое, — второе получила на другой день. (Примеч. М.И. Цветаевой).

*** Здесь покоится моя юность (фр.).

Не вчитывайтесь в мое третье письмо, мне отчего-то хотелось сделать Вам больно, я злилась на Вашу покорность судьбе. Но заметьте одно странное совпадение: в конце этого письма я писала Вам о маленьком доме под большими липами на берегу Оки. Что-то во мне к<a>к будто почуяло продажу Катина и предлагало Вам — очень робко — то, что будет у меня.

Когда мне было 9 лет — мы были тогда в Тарусе, — я сказала гувернантке: «Мы живем здесь семь лет подряд, но мне почему-то кажется, что наша жизнь очень изменится и мы сюда долго не приедем». Через месяц мама заболела туберкулезом, мы уехали за границу и вернулись в Тарусу через 4 года, — мама там и умерла. —

Слушайте, это не фраза: что бы потом не было, я никогда не отрекусь, что Вы одна из самых моих благородных встреч.

МЭ

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость — жизнь мне, имя — шалость!
Смейся, кто не глуп!»
— И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз, —
Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была, к<a>к сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рожаль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих и нежность
Самых дерзких фраз, —
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

Коктебель, 29-го мая 1913 г., среда

МЭ

83. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Коктебель, 2-го августа 1913 г., пятница

Милая Лососина! ¹

Посылаю Вам стихи Сереже и карточку Али в Вашем конверте. (Вот к<a>к можно в десяти словах обозначить отношения четырех человек.) Спасибо за Лёвскую красоту, но Вы ничего не пишете о своем приезде. Когда? С Петей ², или одна?

Мы ждем ответа из санатории ³. Лев целый день позирует: портрет подвигается ⁴. Вера очень трогательно ухаживает за всеми. У меня есть для Вас одна новость о Лёве и Субботиной ^{*}, — боюсь, что Вам ее уже написали. Если нет, расскажу Вам при встрече — интересней!

Вот стихи:

Как водоросли Ваши члены,
Иль ветви мальмэзонских ив.
Т<a>к Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны — бешеные львы...

^{*} Никого об этом в письмах не спрашивайте! (Примеч. М.И. Цветаевой)

Т<а>к Вы лежали, — слишком белый
От нестерпимой синевы.

А за спиной была пустыня
И где-то — станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Т<а>к, утомленный и спокойный
Лежите — юная заря.
Но взглянете — и вспыхнут войны
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут яростные львы
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы⁵.

МЭ

84. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Москва, 17-го авг<уста> 1913 г.

Милые Лиля и Вера,

Пишу Вам в детской, перед отходом в банк. Ночевала я в Трехпрудном, где сейчас Ася, Борис и Андрюша¹. Андрюша очень вырос, с длинными золотистыми волосами и очень темными серо-зелеными глазами. Ася с ним и Б<орисом> на зиму едет в Феодосию.

Сегодня же дам объявление о доме². Комната у нас сдана за 20 р. Дворник очень милый и расторопный, с пламенной мечтой о хозяйне. Сейчас я говорила по тел<ефону> с Салтыковым³. Он трогательно беспокоится о Сереже. Пока всего лучшего, спешу.

Привет всем. К<а>к Аля? Не позволяйте Груше⁴ уходить с ней далеко и вообще без вашего ведома.

Скоро напишу еще.

МЭ

85. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

*Коктебель, т. е. Лосиный Остров.
19-го авг<уста> 1913 г., понед<ельник>*

Милые Лиля и Вера,

Сейчас я у Аси на новой даче до завтра. Завтра — первое объявление о доме. В Москве — хорошо, свежо, в доме всё исправно, дворник очень милый, кур всех зарезали, 2 собаки сбежали. Какие-то 2 господина заходили до моего приезда к дворнику. Один хотел снять дом, другой — купить. Ася пока здесь, через месяц едет в Феодосию с Борисом и Андрюшей на всю зиму. Андрюша — очень хорошенький, с золотистыми длинными волосами и очень темными — серо-зелеными глазами. Глаза и губы — Асины. Скажите Груше, что мы его сняли в фотографии в ее костюмчике. Пишите об Але. Лиля, пож<алуйста> отодвиньте Алину кроватку от стены т<а>к, чтобы она не могла достать до подоконника, где всегда валяются иголки и разная дрянь. Купается ли она через день по 10-ти мин.? Лучше смотреть по часам. К<а>к ее зубы? Скажите Груше, что у меня есть материя ей на платье. Пока всего лучшего, из Москвы напишу всем. Пока всем привет.

Не позволяйте Груше водить Алю без шляпы. Пожалуйста!
Целую. Пишите

МЭ

Андрюша — совсем большой и очень милый. Совсем другой, чем Аля.

86. В.А. СОКОЛОВ, С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

19 августа 1913 г., Ялта

Не знаю, кто он, но издали люблюсь... Фея, фея!.. Прелестно, прелестно!...

Не забывайте Сокила.

Вчера переехали в прекрасные комнаты с прекрасным палисадничком. И все это за 35 рубл. Эта комната (2 комн<аты>) останется и для вас с М<ариной>. Здесь не дешевый пансион. Вообще сельскость, сельскость и сельскость.

Не достает только сельчанки Зюзюлечки! Эх!

87. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Москва, 22-го августа 1913 г., четверг

Милая Лиля,

Кто-то поет в граммофоне: «Ты придешь, моя заря, — последняя заря...»¹

Женщина или небо в последний раз? Вчера был унылый день. Я с утра бродила по комнатам, рылась в старых дневниках и письмах, сопровождаемая маленьким собачьим скелетом. Потом лежала в спальне на кушетке с тем же черно-желтым скелетом. А вечером! Что было вечером! Я пошла к Л.А.² Она встретила меня очень мило (за день до этого она была у меня с Шурой³), но скоро ее вызвали, и я осталась одна с Володей⁴ (за столом).

После 3-ех или более минутного молчания он начал изрекать такие фразы: «Все люди — пошляки. Они показывают свои козыри, а когда с ними познакомишься ближе, то видишь одну пошлость, самую низкую»... «Вы думаете, что Вы живете праздником? Вы очень ошибаетесь! Вы живете самыми пошлыми буднями. У каждого мастерового есть свой праздник, один раз в неделю, а у Вас нет»... «Да, все люди — пошлые. Я не знаю ни одного человека без пошлой подкладки. И эта подкладка — главное. И Вы ее увидите»...

И так далее!

Пришла Л.А. и разговор прекратился.

Потом, уже в передней, пошел дальше.

— «Да, вот я Вам скажу, Мар<ина> Ив<ановна>, у Вас нет ничего человеческого. У Вас внутри пустота, Вы одна инструментальность. И все Ваши стихи — одна инструментальность».

(Так как приходил мой бывший директор гимназии, мне, чтобы не видеться с ним, пришлось зайти к Володе в комнату, где разговор продолжался).

— «Вы еще не дошли до человеческого. Я ведь прекрасно знаю Вашу жизнь.»

— «Вы знаете?»

— «Да, я. Вы можете не соглашаться, но это так. Даже если Вы мне расскажете целый ряд фактов, я останусь при своем мнении. Вы не знаете человеческой души, вообще — Вы не человек.»

— «Что же такое эта человечность?»

— «Это невозможно объяснить.»

— «Ну, жалость? Любовь?»

— «Да, пожалуй, — вообще этого нельзя объяснить. Вы вот говорите, что у Вас есть друзья. Но они дружны с Вами только из выгоды. Все люди таковы! И Вы лично для них совершенно не интересны. Вы в жизни не пережили еще ни одного глубокого чувства и м<ожет> б<ыть> никогда не переживете. Вообще, у Вас нет ничего общего с Вашими стихами.»

— «Слушайте, я не хочу продолжать этого разговора. Мы чужие. Такой разговор для меня оскорбителен, с другим я давно бы его прекратила. И вообще я бы больше не хотела с Вами разговаривать.»

— «И я вышел к Вам только по настоянию Лидии Алекс<андровны> и вообще не хотел бы Вас видеть в своем доме.»

— «То есть где?»

Он делает жест вокруг себя. Я поняла — кабинет.

— «Квартира Лидии Алекс<андровны> — это мой дом.»

— «Я прихожу не в Ваш дом, я прихожу к Л<идии> А<лександровне>.»

— «Дом Л<идии> А<лександровны> — мой дом. И я Вас попрошу никогда больше сюда не являться.»

— «А я очень жалею, что здесь нет со мной моего мужа, чтобы дать Вам по Вашей маленькой хамской физиономии.»

— «Смотрите, как бы Вы сами не получили!»

Он отворяет мне дверь.

— «Позвольте мне Вам открыть дверь.»

— «А мне позвольте последний раз сказать Вам «хам!»!»

— «До свидания!»

Вот!

Сереже я, конечно, ничего не пишу об этом.

Интересно, что я в течение всего разговора была на редкость мягка из-за Л<идии> А<лександровны>, всё больше молчала.

Насчет Али: она должна кушать через 3 часа: сначала кашу, а потом кормиться (за раз), — только перед сном не надо каши. Спать ей надо между семью и восемью и днем, когда захочет. С Грушей будьте построже, ничего не спускайте. Я сегодня ей написала с приказанием Вас беспрекословно слушаться. Делайте всё по своему усмотрению, посылайте Грушу с Алей на море, когда тепло, — всё, к<а>к найдете нужным. Только непременно купайте Алю по 10 мин. Часы у Петра Николаевича ⁵.

<На полях:>

Когда у Али нет кашля, ни жара, ее всегда можно купать, не смотря на расстройство желудка. Т<емпература>, когда понадобится, надо мерять под мышкой 15 мин. Груша знает, к<а>к. Всего лучшего, привет всем.

МЭ

Не позволяйте Груше уходить с Алей, не спросив у Вас.
Спасибо за письмо.

88. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<Телеграмма>

<В Коктебель>

Принята: 31 августа 1913 <Москва>

Вчера 30-го час три четверти дня папа скончался разрыв сердца завтра похороны целую — *Марина*

89. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

Москва, 3^е сент<ября> 1913 г., вторник

Милая Лиля,

Спасибо за письма и открытки. Могу Вас (и себя!) обрадовать: везу une bonne; très gentille. Elle a 22 ans et sert depuis 3 ans comme femme de chambre, cuisinière et bonne de 5 enfants. Et tout cela pour 8 roubles! * У нее хорошая рекомендация. Думаю, что она нам подойдет. За нее ручается Андреина¹ прислуга, очень хорошая, живущая у него 2 года. Очень тороплюсь кончить все дела, их уже мало. Выезжаю 6-го. По приезде в Ялту дам Вам телеграмму о выезде. Спросите, пож<алуйста>, Пра, сколько мы ей должны. Очень радуюсь Вам и Але. Где Вера? Я всё звоню, думая, что она уже в Москве.

У меня в голове тупая пустота и в сердце одно желание — скорей уезжать.

Всего лучшего. Ne dites rien à la nourrice **.

МЭ

* Няню, очень славную. Ей 22 года и в течение трех лет она служила горничной, кухаркой и няней пятерых детей. И всё это за 8 рублей! (фр.)

** Кормилице ничего не говорите (фр.).

<На полях:>

Сейчас иду покупать Але башмачки и чулки. Ася сшила ей теплое платьице и шьет пальто.

90. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Орел, 9 ч. утра 7-го сент<ября> 1913 г.

Милая Вера,

Еду без паспорта — где ночевать в Севастополе? Послала телеграмму Петру Николаевичу¹ с тем же вопросом и просьбой ответить Севастополь вокзал телеграф до востребования. На вокзале, кажется, ночевать не позволяют, а в гостиницу не пустят. Вспомнила о паспорте в самый момент отхода поезда, но не успела сказать. Попросите Леню² сказать по телефону 198-06 в лечебницу, что паспорт дворника у него. Тогда Чичеровы³ пришлют за ним.

Еду хорошо, «публики» меньше.

Всего лучшего Вам... и мне!

МЭ

P.S. Узнайте, пож<алуйста>, 198-06, отнес ли Владимир⁴ Пете⁵ книги и нашлась ли одна квитанция?

91. М.И. ЦВЕТАЕВА — Э.А. ФЕЛЬДШТЕЙН

<В Москву>

Курск, 7-го сент<ября> 1913 г., 1 ч. дня

Дорогая Эва Адольфовна.

Отъезжая, я вдруг вспомнила, что еду без паспорта и, следовательно, не могу ночевать в гостинице. Послала телеграмму Петру Николаевичу¹, — м<ожет> б<ыть> у него есть кто-н<и> б<удь> знакомый в Севастополе. Жду его ответа на Севаст<опольском> вокзале. Если и он ничего не найдет — придется всю ночь гулять по Севастополю. Безумная жара. Всю ночь подо мной происходили бешеные столкновения человеческих душ: женские выгоняли мужские. Пока всего лучшего, спасибо за проводы. Привет всем Вашим. Еду.

МЭ

92. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Ялта, санатория Александра III
 день Ваших именин 1913 г.
 <17 сентября>

Милая Вера,

«Я не съела ни листа,
 К<а>к могла я быть сыта?»

Эта Сидоровая¹ поздравляет Вас с именинами. Пишу у Лёвы во время ужина. Сегодня Лёва был у д<окто>ра, к<отор>ый советует ему делать операцию аппендицита и ехать в Москву, — ему совершенно не нужна санатория. Это слова главного врача санатории. Соколу он не сказал ничего определенного, предлагает ему лечиться туберкулином, на что С<окол>, конечно, не соглашается. Оба — и Лев и Пудель² — очаровательны и ведут себя великолепно. Лиля принимает углекислые ванны и целыми днями спит. Аля невероятно похудела и побледнела, но здорова, хотя очень капризна. Через 10 дней будут готовы ее карточки с Грушей, к<отор>ую — Вы еще не знаете? — мгновенно выпроводили из Ялты через день после моего приезда. Причина — паспорт. Новая няня несколько тупа, но очень старательна. Лиля безрезультатно воспитывает ее и Алю. Аля говорит: куда, туда, кукла, «ко» (кот), мама, папа, тетя, няня, гулять. У нее невыносимый характер. Хозяйка дома в ужасе и чуть-чуть не попросила нас съехать. В Севастополе я ночевала в купальне, — было чудно: холод, шум моря, луна и солнце; утром стало хуже — полосатые дамы.

Всего лучшего!

Наш адр<ес>: Общинный пер<еулок> дом Кирьякова.

МЭ

93. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Yalta, le 20 septembre 1913, samedi

Cher ami,

Voici que l'idée me vient — irrésistible et jolie — de Vous écrire en français. Nous en sommes à une nouvelle époque de nos relations —

époque tranquille et charmante, où deux âmes se séparent sans tristesse et se revoient avec plaisir.

— Il aurait fallu commencer par cela! —

J'ai une offre à Vous faire, — offre que Vous êtes libre de repousser et dont moi la première ne ferai peut-être aucun usage, — sans engagement aucun. Puisque Vous êtes un curieux d'âmes humaines et comme la mienne me semble faite exprès pour de tels amateurs — je Vous offre d'être mon confesseur, — confesseur charmant et charmé et complètement discret, comme s'il y avait des secrets d'Etat à faire.

— Commençons par dire que les beaux yeux et la maladie et le mauvais coeur de Pierre Efron m'ont fait rêver pendant deux jours et me font rêver encore — une fois par semaine, cinq minutes avant m'endormir.

La face amaigrie — point belle, ses yeux fatigués — très beaux (quoi qu'il n'ait pas seulement pris la peine de les bien ouvrir) auraient pu me faire vraiment mal, si mon âme ne se cambrait tant contre toute souffrance, tout en allant à elle les bras ouverts.

— Que Vous dirai-je encore? —

Connaissez-Vous l'histoire d'un autre jeune homme, qui se réveilla un beau matin, front ceint de lauriers et de rayons? Ce jeune homme était

Ялта, 20 сентября 1913, суббота¹

Дорогой друг,

Мне пришла идея — очаровательная и непреодолимая — написать Вам по-французски. Мы вступили в новую эпоху наших отношений — спокойную и прелестную, когда две души расстанутся без печали и встречаются с удовольствием.

Надо было начать вот с чего! У меня к Вам есть одно предложение, которое Вы вольны отклонить, и которым я же первая, может быть, не воспользуюсь, — предложение безо всякого обязательства. Поскольку Вы любитель человеческих душ и поскольку моя душа, как мне кажется, прямо-таки создана для таких любителей, — я предлагаю Вам стать моим исповедником, — очаровательным и очарованным исповедником, но таким же верным, как если бы ему были доверены государственные тайны.

Начнем с того, что прекрасные глаза, недуг и недружелюбие Петра Эфрона два дня не давали мне покоя и продолжают быть моей мечтой еще и теперь — раз в неделю, в течение пяти минут перед тем, как заснуть.

Его худое лицо — совсем не красивое, его истомленные глаза — прекрасные (он как бы не имеет сил открыть их полностью) могли бы стать моей истинной болью, если бы моя душа так гибко не уклонялась бы от всякого страдания, сама же летя в его распростертые объятия.

Что еще сказать Вам?

Знаете ли Вы историю другого молодого человека, проснувшегося в одно прекрасное утро увенчанным лаврами и лучами? Этим молодым человеком был Байрон, и его история, говорят, будет и моей². Я этому верила и я в это больше не верю.

Byron et cette histoire — on m'a dit qu'elle serait la mienne. Je l'ai cru et je n'y crois plus.

— Est-ce cela — la sagesse de l'âge?

Ce que je sais encore — c'est que je ne ferai rien ni pour ma gloire ni pour mon bonheur. Cela doit venir tout seul, comme le soleil.

— Agréé, Monsieur, l'assurance de ma profonde confiance, que Vous tromperez peut-être?

Marina Efron

94. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Ялта, 25ое сент<ября> 1913 г., среда

Милая Вера,

Сереза с Соколом остаются здесь еще на один месяц — до 1-го ноября. Мы решили взять комнаты Макса и Пра, предупредите квартирантов за 2 недели до нашего приезда¹.

Звериные здоровья — ничего, слегка прибавляют. Завтра они будут у нас праздновать наши рождения². Сейчас в Ялте цирк Дурова, Лиля каждое утро решает пойти и каждый вечер перерешает. Сегодня она с ужасом рассказала мне, что в программе помечен поезд из 70-ти крыс.

Аля здорова, но очень капризна. На днях пришло Вам ее карточку. Она, кроме прежних слов, говорит еще «Лиля», — это не без упорного Лилиного воспитания.

Пока всего лучшего, сейчас будем с Лёвой проявлять.

Напишите мне, пож<алуйста>, адрес Майи³, не забудьте!

Я ей пишу бесконечное письмо.

Привет всем знакомым и поцелуй Вам.

МЭ

— Не та ли это мудрость, которая приходит с годами? Я только знаю, что ничего не сделаю ни для своей славы, ни для своего счастья. Это должно явиться само, как солнце.

— Примите, сударь, уверение в моем глубоком доверии, которое Вы, возможно, не оправдаете?

Марина Эфрон

95. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Ялта, 8-го октября 1913 г., вторник

Милая Вера,

Когда я не знаю дня недели, я ставлю наугад, — иногда выходит верно. От Вас 100 лет — ни строчки. Мы с Лилей ведем идиллическую жизнь, нарушаемую только ее изучением непонятных ей научных предметов и терминов. Ее робкая надежда всё-таки сдать экзамены — умилительна. Сокол скучает, молчит, вяло волочит ноги и... прибавляет. Лёва в восторге от моря, тумана, близости или дальности гор, облаков и солнца и за последнюю неделю немного сбавил. Но в общем он чувствует себя лучше, чем до санатории. Он в упоении от «Войны и Мира». Я сейчас читаю Balzac'a «Cousine Bette»¹ — историю злостной старой девы, к<отор>ую Лиля находит похожей на себя. — Всё еще зелено, солнце еще греет. Мы много снимаем стереоскопом.

Аля говорит несколько новых полуслов и определенно называет всех по именам. Она стала дольше спать и меньше капризничать. Хорошеет с каждым днем. Получили ли Вы ее карточку? Лиля привезет еще лучшую.

Пока до свидания, до 1-го — 3-го ноября наш адр<ес> — прежний. Привет Майе и Фельдштейнам, если их увидите. Я им тоже послала Алину карточку.

МЭ

96. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Ялта, 14-го октября 1913 г., понед<ельник>

Милая Вера,

Спасибо за письмо. Послезавтра я с Алей и няней еду в Феодосию устраиваться. Сегодня к нам приходят Лёвы¹, второй раз за всё время. Лиля волнуется уже с 4-ех ч. утра (первое пробуждение Али), стараясь изобразить на тарелке нечто вроде сбитых сливок. У нее 2 пары великолепных соколиных башмак<ов>: одни — ярко (даже слишком) рыжие, другие — ослепительно-белые. Она «обеспечена» на 2 года и в восторге.

Лёва вчера прибавил около трех ф<унтов> (за неделю); Сокол тоже около этого. Лёва сейчас весит 4 ¹/₂ пуда, Сокол — 4 без двух ф<унтов>. Но Лёвин нормальный вес должен быть никак не менее 5 п<удов> по его росту! Всё-таки он поправляется.

Насчет Феодосии мы решили к<а>к-то сразу, не сговариваясь. С<ереже> хочется спокойствия и отсутствия соблазнов для экз<аменов>, мне же сейчас совершенно безразлично, где жить. К тому же в Феодосии будет Ася². Не видали ли Вы ее? Я уже около трех недель не имею от нее ни строчки. Пишите мне уже в Феодосию на Петра Николаевича³.

Напишите мне, пож<алуйста>, адр<ес> Аделаиды Казимировны⁴ и передайте ей это письмо возможно скорей, — в нем Алина карточка.

Аля очень быстро развивается. Говорит: «ко», мама, Лиля, няня, «па» (упала), «ка» (каша, — причем указывает рукой на кастрюльку), куда, «кука» (кукла); понимает «нельзя», «иди», «вставай», узнает в книге кота и тигра, к<оторо>го тоже называет «ко». Ходит она быстро и гораздо уверенней, чем месяц назад. Волосы и брови темнеют. Да, Вы правы! Лиля и не думает учить ее «тетя Вера», — ничего подобного.

Привет Фельдштейнам и Майе. Пра собирается в Москву 15-го ноября. Маргарита Васильевна⁵ всё еще в Коктебеле, я ее наверное застану.

Всего лучшего.

МЭ

97. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Ялту>

Феодосия, 19-го октября 1913 г., пятница¹

Милая Лилися,

Сегодня я ночевала одна с Алей, — идеальная няня ушла домой. Аля была мила и спала до семи, я до десяти (!!!) Сегодня чудный летний синий день: на столе играют солнечные пятна, в окне качается красно-желтый виноград. Сейчас Аля спит и всхлипывает во сне, она т<а>к и рвется ко мне с рук идеальной няни. Умилитесь надо мной: я несколько раз заставляла ее говорить «Лилия». В 2 ч. пойдем с П<етром> Н<иколаевичем>² искать квартиру.

К<а>к Вы доехали? К<а>к вели себя Ваши соседи по палубе — восточные люди? К<а>к Вы встретились с Лёвами?³

Пока до свидания, всего лучшего. Не забудьте ответить Н<юте> на письмо. Целую.

МЭ

P.S. Всё это написано тушью дяди в феске. Пишите на П<етра> Н<иколаевича>.

98. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москву>

Феодосия, 11-го декабря 1913 г., четверг

Милый Михаил Соломонович,

Сереже лучше, — вчера ему дали пить¹. Около трех суток он ничего не пил и говорил только о воде. Ужасно было сидеть с ним рядом и слушать, а потом идти домой и пить чай. Подробности операции пишу Лиле.

Вы меня очень тронули телеграммой. Приходится вспомнить слова Goethe: «Wie ist doch die Welt so klein! Und wie muss man die Menschen lieben, die wenigen Menschen, die einen Lieb haben»*.

Впрочем, Goethe сказал много, но мне больше нравится по-своему.

Вот мои последние стихи:

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня,
И будет все, к<а>к будто бы под небом
И не было меня!

* Как же мал мир! И как надо людям любить, тем немногим людям, кого соединяет любовь (нем.).

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой.

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

— К вам всем (что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!)
Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно, —
За правду «да» и «нет»,
За то, что мне так часто слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! Еще меня любите
За то, что я умру.

Всего лучшего. Буду рада Вашему письму и тогда напишу еще.
Привет Эве Адольфовне.

МЭ

99. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 14-го дек<абр> 1913 г., суббота

Милая Вера,

Спасибо за письмо. Третьего дня только я отправила Вам и Лиле
открытку с новостями об Але. К ним могу прибавить пока только

одну: она начала «читать» все окружающие предметы: гребенку, стул и т.д. На карточках она гораздо хуже, чем в натуре: пропадает цвет глаз, нежность кожи. К тому <же> ее лицо очень подвижное, и многие выражения являются случайными.

Сереже много лучше. Ему дают кашу, и сегодня — котлеты. Он оброс и похож на оранга.

В письме к Пра Вы найдете описание моей текущей жизни. Стихов пишу мало, но написанными довольна. Есть длинные стихи Але, начинающиеся т<а>к:

«Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте»...¹

Если Вам интересно, — пришлю.

Последние дни вижу с Максом. Он очарователен, к<а>к в лучшие дни и я вполне забыла летние недоразумения.

О книгах в магазинах ничего не знаю. Прошлой весной мы их давали на комиссию, — проданы, или нет — я не знаю. У Кожебаткина² жульническим образ<ом> кроме 180—200 (м<ожет> б<ыть> больше) руб. за продажу наших книг осталось еще больше 50 (м<ожет> б<ыть> 100!) экз<емпляров> «Волшебного фонаря» без расписки. А м<ожет> б<ыть> и 200, сейчас не знаю.

У меня есть здесь около 10-ти — 15-ти экз<емпляров> «Волшебного ф<онаря>», но к<а>к их переслать? М<ожет> б<ыть> через Редлихов³, если они поедут в Москву.

Стихи Мчделову⁴ перепису с удовольствием какие хочет, — его любимые. Передайте мой привет Асе Жуковской⁵. Видитесь ли с Майей и Адел<айдой> Казимировной?⁶ Напишите мне большое письмо о себе!

МЭ

Крепко целую Вас и Лилю. Асин Андрюша прекрасно ходит, Аля еще неуверенно, — она гораздо крупнее. У нее 13 зубов.

100. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНУ

<В Москве>

Феодосия, 23 декабря 1913 г., понедельник

Дорогой Михаил Соломонович,

Пишу Вам в каком-то тревожном состоянии. Сейчас я у Аси одна во всем доме¹, если не считать спящего Андрюши.

— В такие минуты особенно хочется писать письма.

Сейчас вся Феодосия в луне. Я бежала вниз со своей горы и смотрела на свою длинную, черную-черную тень, галопировавшую передо мною. Рядом бежала собака Волчек — вроде Волка. (Не примите за намек!) — Ах, я только сейчас заметила, что написала с большой буквы! Вот, что значит навязчивая боязнь не т<а>к быть понятой! — (Это, кажется, сказала Сидорова, — вся прелесть в «я»!)

Сколько скобок! Восклицательных знаков! Тирэ!

Завтра будет готово мое новое платье — страшно праздничное: ослепительно-синий атлас с ослепительно-красными маленькими розами. Не ужасайтесь! Оно совсем старинное и волшебное. Господи, к чему эти унылые английские кофточки, когда т<а>к мало жить! Я сейчас под очарованием костюмов. Прекрасно — прекрасно одеваться вообще, а особенно — где-н<и>б<удь> на необитаемом острове, — только для себя!

В Феодосии — ослепительные сверкающие дни. Сегодня был дикий ветер, сегодня я видала женщину, родившуюся в 1808 г., сегодня лунная ночь, а завтра будет готово мое новое платье!

— Видели ли Вы Сережу и к<а>к нашли его?² Если можете, постарайтесь оставить его в Москве до 28-го. Я боюсь, что он тотчас же захочет в Феодосию и не успеет отдохнуть от дороги.

Пишите, где и к<а>к провели Сочельник и Новый Год. Пришли-те мне какую-н<и>б<удь> хорошую карточку Тани³.

Это пока все мои просьбы. М<ожет> б<ыть>, когда-н<и>б<удь> будет одна — большая.

Всего лучшего Вам обоим, Вам троим.

МЭ

101. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Феодосия, 27-го декабря 1913 г.

Милый Макс,

Спасибо за письмо и книжечку Эренбурга¹. О Сережиной болезни: присутствие туберкулеза на вырезанном отростке дало нам повод предположить его вообще в кишечнике. — Вот все данные. — 20-го С<ережа> уехал в Москву. Сегодня получила от него письмо:

Лиля в Петербурге, все остальные в Москве, кроме Аси Жуковской. Завтра, или после-завтра С<ережа> приезжает, 30-го мы с Асей говорим стихи на каком-то вечере «pour les poües» * 2 (к<а>к я объяснила Blennard'у 3). А 31-го думаем приехать к тебе встречать Новый Год, если только С<ережа> не слишком устанет с дороги 4.

П.Н. 5 уехал куда-то на три дня. Макс, напиши мне пожалуйста, адр<ес> Эренбурга, — надо поблагодарить его за книгу.

Всего лучшего, — не уезжаешь ли ты куда-н<и>б<удь> на Новый Год?

МЭ

102. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 9-го февраля 1914 г., понедельник

Милые Лиля и Вера,

У нас весна, — вчера ходили без пальто. Чудный теплый ветер, ослепительное море, ослепительные стены домов.

С<ережа> недавно начал заниматься с гимназическим французом 1, к<отор>ый живет за городом. Целый ряд довольно безобразных и громадных вилл почти на самом берегу, отделенном от улицы узкой полосой железной дороги. Мы с Асей почти каждый раз ходим провожать С<ережу> и каждый раз не знаем, что делать с этой непередаваемой красотой вечернего моря и вечернего неба над ним.

Ася с апреля думает ехать в Коктебель, нам с С<ережей> придется из-за экзаменов оставаться здесь до первых чисел июля. Где вы обе, вернее каждая из вас, думаете быть летом? Лиля, Вы ненавидите планы и от таких вопросов делаете зловредное лицо, — поэтому я и спрашиваю.

Посылаю две карточки Али, — одну вам обоим, другую Пра. Это было месяц назад, с тех пор Аля выросла на сантиметр, а волосы — на два.

В среду будет готова ее новая шубка, вернее осеннее пальто из кудрявого желто-розового плюша с капором и муфтой. Я отчасти живу этой перспективой, — о, misere! **

* «В пользу утопленников» (фр.).

** О, убожество! (фр.)

За этот месяц Аля окончательно научилась ходить — почти не падает и почти бегаёт. Сейчас она простужена и не выходит. Недавно к ней поступила новая няня — 19-ти лет, высокая, худая, очень тихая и ласковая, кроме того, — «наклонная к штунде», к<a>к выразилась дама, дававшая о ней рекомендацию.

Уж не знаю, считать ли это плюсом, или минусом.

Аннету (Лиля, плачьте!) я рассчитала из-за ее постоянного отсутствия в детской и хождения в гости на 12 часов и больше, — последний раз на 16!

У Аси няни меняются с подавляющей быстротой: московская няня уехала из-за «наклонности к эпилепсии», другую муж-солдат снял с места под предлогом смерти матери, третью в настоящее время сбивает мать.

У Андрюши с кормилицами было 10 нянь (за 1 1/2 г.), у Али за 1 г. 5 мес. — 9!

И сколько еще будет!

Лиля, Аля от внутренней подлости разучилась произносить Ваше имя, что с Вашей точки зрения делает ее глупее, чем 4 месяца назад. Вместо прежнего ясного и отчетливого: «Лиля» она говорит «Лля» или к<a>к-то еще хуже. Виновата в этом не я, — я часто напоминаю ей о Вас.

Лиля, громадное спасибо за чудную материю на переплет, — лучшую из всех моих. Свисток Андрюша принял восторженно.

— Дядя и тетя адски поглупели, — оба².

Он лепечет что-то непонятное, странно поблескивая своими стеклянными глазами. Сюжет его последней картины: ряд кипарисов на темно-синем небе, под кипарисами каменный старик, держащий в руках череп и две кости*. Рядом со стариком голова девушки, величиной с четырех таких стариков (одна голова!). Белокурые волосы, синие глаза и ярко-розовые щеки. На голове густой креп, а в руке — вместо костей — букет из необычайно пронзительных цветов. Всё это называется: «Продавщица цветов на кладбище». А<лиса> Ф<едоровна> тоже глупа, несмотря на всю свою симпатичность. Напр<имер> она готова часами плакать из-за того, что дядя не съел — вернее не доел — огромной миски с разбухшим в теплой воде крыжовником.

Лиля, сочувствуйте!

* В тексте рисунок двух скрещенных костей.

Кроме того она невероятно-суетлива и вся дрожит... несмотря на всю свою симпатичность.

О П<етре> Н<иколаевиче>³ уже не говорю: он окончательно пропах чесноком и записался.

Когдаходишь с весенней улицы в его квартиру, сразу качаешься от этого оглушительного запаха чесноку и вечно-закрытых окон. Приходится вспоминать изречение какого-то француза: «Pourquoi l'air est-il bon à la campagne? — Parce que les paysans n'ouvrent pas les fenêtres»*.

— Но сама Феодосия очаровательна, и я никогда не пожалею, что осталась здесь на зиму.

Всего лучшего. Поцелуйте за меня Пра и передайте ей Алину карточку.

Какие новости в Москве? Кто у Вас бывает? Всё хочу знать.

До свидания.

МЭ

103. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 28-го февраля 1914 г, пятница

Милые Лиля и Вера,

Вчера получили окружное свидетельство¹, м<ожет> б<ыть> оно зачтется Сереже, если кто-н<и>будь похлопочет. Но влиятельных лиц здесь очень мало и хлопочут они неохотно, — противно обращаться, тем более, что это всё незнакомые.

С<ережа> занимается с 7-ми часов утра до 12-ти ночи, — что-то невероятное. Очень худ и слаб, выглядит отвратительно. Шансы выдержать очень гадательны: директор², знавший папу и очень мило отнесшийся к С<ереже>, и инспектор — по всем отзывам грубый и властный — в контрах. Кроме того учителя, выбранные С<ережей>, никакого отношения к гимназии не имеют. Всё это не предвещает ничего хорошего, и во всем этом виноват П<етр> Н<иколаевич>³, наобещавший Бог весть каких связей и удач. — Enfin!** —

* «Почему в деревне такой чистый воздух? — Потому что жители никогда не открывают окон» (фр.).

** И вот! (фр.)

У нас весенние бури. Ветер сшибает с ног и чуть ли не срывает крышу. Последние дни мы по утрам гуляем с Максом — Ася и я. Макс очень мил, приветлив и весел, без конца рассказывает разные истории, держа нас по 1 1/2 часа у входных дверей. — «А вот я еще вспомнил»...

Але скоро 1 1/2 года. Посылаю Пра ее карточку. Она говорит около 70-ти слов, почти верно и понимает почти все повелительные наклонения. Недавно водила ее к д<окто>ру. Сердце и легкие отличные, но есть малокровие. Д<окто>р прописал железо. Пока до свидания! Всего лучшего, пишите.

МЭ

104. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 9-го марта 1914 г., воскресенье

Милая Вера,

Подлая Вы и подлая Лиля ничего не отвечают мне на мои письма. Пра недавно писала, что Вы на лето уезжаете играть — надолго ли? куда? какие роли? Неужели т<а>к и не попадете в Коктебель? Ни Вас, ни Лили и присутствие Толстого¹ — довольно неуютная перспектива! Уже 1/2 года, к<а>к мы не видались и еще 1/2 года, пока увидимся. Пра пишет, что Вы хороши, к<а>к юный тополь. Оставайтесь такой до нашего свидания!

Аля очень выросла, очень похорошела. Теперь бегают не только по комнатам, но и по улицам — Боже, что я пишу! — по саду. Длина ее 82 см., вес — около 30-ти ф<унтов>. Но с виду она худа. Лицо страшно изменчивое, страшно трудно снимать. Понимает она очень много, говорит больше 100 слов. Весела, ласкова, очень сосредоточенна, к игрушкам до странности равнодушна. Любит, когда ей поют в ухо, — подставляет то одно, то другое. Д<окто>р нашел ее малокровной, прописал железо. Легкие и сердце прекрасны. Сейчас ей непрерывно шьются новые вещи: сшиты осеннее плюшевое пальто, капор и муфта; летнее пальто, белое, скоро будут готовы летние платяца — все белые.

Андрюша хорошо бегают, лазит лучше Али, вообще физически проворней. Он ужасно похож на Асю.

Ася думает ехать в Коктебель в конце апреля, мы с С<ережей> — увы! — только в июне.

С<ережа> чувствует себя довольно скверно, — слишком устает. Директор², у к<оторо>го я была, принял меня необычайно радушно и некоторыми чертами напомнил мне папу. Всего лучшего, напишите хотя бы открытку!

МЭ

105. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 18ое марта 1914 г., среда

Милая Лиля,

Пишу Вам в постели, в к<отор>ой нахожусь день и ночь уже 8 дней, — воспаление ноги и сильный жар.

За это время к<а>к раз началась весна: вся Феодосия в цвету, всё зелено.

Сейчас С<ережа> ушел на урок. Аля бегаёт по комнатам, неся в руках то огромный ярко-синий мяч, то Майину куклу о двух головах, то почти взрослого Кусаку, то довольно солидного осла (успокойтесь — не живого!)

Аля сейчас говорит около 150 слов, причем такие длинные, к<а>к: гадюка, Марина, картинка <...>

«Р» она произносит с великолепным раскатом, как три «р» за раз, и почти все свои 150 слов говорит правильно.

Кота она зовет: кот, Кусика, кися, котёнька, кисенька, — прежнее «ко» забыто. Меня: мама, мамочка, иногда — Марина. Сережу боится, к<а>к огня. Стоит ему ночью, услышав ее плач, стукнуть в стену, к<а>к она мгновенно закрывает глаза, не смея пошевелиться. Вы ее не видели уже около 1/2 года. Вчера мать Лени Цирес говорила, что Вы не поедете в К<окте>бель. <...> Неужели правда? К<а>к жаль! Значит, Вы увидите Алю уже двух лет. Она необычайно ласкова к своим: всё время целуется. Всех мужчин самостоятельно зовет «дядя», — а Макса — «Мак», или Макс. К чужим не идет, почтительно обходя их стулья.

Посылаю Вам ее карточку 1 1/2 года, снятую ровно 5-го марта. Скоро пришлю другую, где они сняты с Андрюшей.

— Сережа то уверен, что выдержит, то в отчаянии. Занимается чрезвычайно много, нигде не бывает.

П<етр> Н<иколаевич>¹ переезжает на другую квартиру и надеется распродать некоторые свои вещи — похуже — за небывалые цены.

<...> очень редко. Он страшно жалок и сильнее, чем когда-либо увлечен своим писательством. Бываем у Александры Михайловны² и в прекрасных с ней отношениях. В прекрасных же отношениях с домом Лампси, где нам нравятся все — взрослые и дети. Лидия Антоновна³ очаровательна. Пока всего лучшего. Пишите мне. Куда едете летом? С<ережа> после экзамена думает поехать недели на две к Нюте. Крепко Вас целую.

<На верхнем поле:>

P.S. Дядя и тетя⁴ стали кормить нас гнусными обедами и позорными ужинами.

106. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 21-го апреля 1914 г., понедельник

Милые Лиля и Вера,

Не могу удержаться написать Вам об Але, — до того она очаровательна и необыкновенна. Сейчас она повторяет почти все слова и говорит фразу, вроде «Аля поет», «мама кушает», «мям-ням-будет?», «кот кусается», «вот она!», — «няня скорей!» — «буба дать» (дай бублик), «Барбос, пошел, гадкий!» — «Кайяд боится!» (Шоколад боится, Шоколад — коктебельская собака, приведенная сюда на жительство Максом). Вообще она говорит весь день, с каждым днем больше.

Всё время целуется, обхватив за шею, играет со мной следующим обр<азом>: повалив меня, начинает петь: «баю-бай, бай-бай!», постукивая по мне куда попало.

Я делаю вид, что сплю, и вдруг с рычанием на нее накидываюсь. Начинается восторженный визг.

С<ережу> она зовет то папой, то Лёвой, научилась у него представлять мартьху: т<а>к же вытягивает лицо и закручивает рот в форме «о».

Идеально-благоразумна: ничего не трогает, кроме своих игрушек и вещей. Часто, входя в комнату, застаешь ее совсем одну, взобравшуюся на постель, или сидящую на своем стульчике. Никогда ничего не рвет — даже бумаги, все ее игрушки в целости.

Голосок у нее низкий, необыкновенно-нежный. Плачет она редко, — почти всегда от страха. Боится до дрожжи новых игрушек, стуча в дверь, свистка парохода, сильного ветра.

Сегодня напр<имер> ужасно плакала от страха перед зонтиком и т<а>к и не захотела взять его в руки. Вчера у нас был Андрюша. Аля не отходила от него ни на шаг, — но почему? Стоило ему только протянуть руку к какой-н<и>б<удь> вещи (а он трогает, рвет и ломает решительно всё) к<а>к Аля с криком: — «Адюся! Изя!» (нельзя) изо всех сил толкала и тянула его в другую сторону. Она гораздо выше его и с виду старше по крайней мере на полгода. У нее масса новых — летних и зимних — платьев, сшитых у портнихи и отлично сидящих. Новое летнее пальто из коричневого шелкового полотна, с золотыми пуговицами. Все ей идет. Она хорошо бега-ет вниз и вверх по горке и ужасно радуется, когда говоришь «Идем гулять!» Тотчас же бежит в детскую и, указывая на вешалку, восклицает: «Пато! Сапка!»

На дворе ее окружают собаки, лижут, толкают, иной раз валят на землю.

— «Барбос, пасёл!» «Кайяд, пасёл!»

Посылаю Вере карточку Али и Андрюши, снятую 1 1/2 месяца назад.

— С<ережа> занимается с 6-ти утра до двух ночи, — какое-то безумие. Но с виду не очень плох. Выдержать очень трудно, в этом году какие-то новые правила, вмешивается округ, — вообще — гадость!

Экзамены начинаются 5-го мая, — день нашей встречи три года назад.

— У нас цветет сирень, деревья зелены, трава густая и высокая. В саду чудесно.

Ася 1-го уезжает с Андрюшей в Коктебель.

— Пока всего лучшего, жду письма. Где Вы обе будете летом и кончила ли Лиля экз<амены>? ¹

МЭ

P.S. Аля считает до десяти — самостоятельно.

107. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 22-го мая 1914 г., четверг

Милая Вера,

Только что отправила Вам Серезину телеграмму. Он выдержал все письменные экз<амены> — 4 яз<ыка> и 3 матем<атики>. Оче-

видно, выдержал, т<а>к к<а>к директор на вопрос Лидии Антоновны¹, к<а>к он держит, сказал: «хорошо».

Числа 20-го июня, или 25-го он будет в Москве. Очень хочет повидаться с Петей². Где он сейчас, был ли у него Манухин³, возможно ли излечение рентгеновскими лучами? К<а>к его самочувствие — внутреннее? Безумно жаль его!

Если ему это может быть приятным, передайте, что Ахромович⁴ в письме ко мне восклицает о нем: «Какой это очаровательный человек!»

Мы с Алей уезжаем 1-го в Коктебель и пробудем там всё лето. Д<окто>ра очень советуют для Али морской воздух и солнце.

Сережа по приезде в Москву пойдет к Титову⁵. У него плохо с сердцем, вообще он истощен, но не т<а>к плохо, к<а>к мог бы быть из-за экзаменов. Обещал мне беспрекословно исполнить совет Титова, или др<угого> специалиста, — ехать именно туда, куда его пошлют, и на столько времени, сколько окажется нужным.

Д<окто>р, смотревший его, сказал, что на военную службу его ни за что не возьмут из-за сердца, но что затронутая верхушка его вполне излечима.

Об Але: она выросла до неузнаваемости и хороша, к<а>к ангел. Лицо удлинилось и похудело, волосы почти везде русые, только с боков еще несколько прежних белых прядей.

Говорит она наизусть коротенькие стихи и сама составляет фразу. Напр<имер> сегодня она сказала: «Кусака будет мыть ручку». Видя, что идет дождь, она возмущенно воскликнула: «Дождь пи сделал!» (т. е. за маленькое). О себе она говорит частью в первом, частью в третьем лице. Напр<имер>: «Хочу купаться», «Пойду сама», но вдруг такие неожиданности: «Дай, пожалуйста, купаться».

Когда что-н<и>б<удь> просит, всегда прибавляет «пожалуйста». — «Дай, пож<алуйста>, розочку», или бублик, или кубики. Любит смотреть картинки и рассказывать их содержание. Характер идеальный: ни слёз, ни капризов. Меня любит больше всех. Я с ней почти целый день, гуляем, заводим шарманку, смотрим картинки.

Няня у нее слегка вроде Груши: молодая (16 л<ет>), веселая и легкомысленная, но сейчас это не опасно, т<а>к к<а>к Аля с ней находится сравнительно мало. У Али целый гардероб, масса платьев, три — даже четыре! — шляпы, 2 летних пальто, два осенних. Для Коктебеля — цветные носочки и сандалии.

О себе напишу в др<угом> письме. Я, между прочим, подстригла сзади и с боков волосы и выгляжу — по Пра много моложе, по Максу — взрослой женщиной.

Всего лучшего, милая Вера, крепко целую Вас. Передайте мой нежный привет Пете и напишите о нем. На какие деньги он лечится и хватает ли?

Напишите мне до 1-го сюда, после 1-го — в Коктебель. Уезжаю т<а>к рано из-за неприятности с Рогозинским⁶.

МЭ

<Приписка С.Я. Эфрона:>

Целую тебя и Петю — буду в Москве через четыре недели.

Манухин делает чудеса — так хочется, чтобы Петя попробовал Рентгеновских лучей.

Выехал бы сейчас в Москву, да не могу из-за экзаменов. Как только кончу — приеду.

Передай П<ете> самые нежные слова. Не пропустите время для операции, часто только она может помочь. Прости, Верочка, что не приезжаю.

Сережа

Куда писать? Пиши почаще о П<ете>. Где Лиля?

108. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

2.6.<19>14, Феодосия

Пишу усталый и измученный до крайности. Сдал уже благополучно десять экзаменов (тьфу, тьфу не сглазить). Из двенадцати экстернов — я прошел один!!! Сплю по 4 ч. в сутки. Сегодня сдал русский. Осталось еще девять экзаменов.

Меня пропечатали в газетах, как диву. (Все экстерны провалились или по сочинению, или по латинской работе. — Я ни по тому, ни по другому): Дай Боже кончить! Сегодня же сдавал логику и психологию.

Похвали меня в письме. (Из устных выдержал: Математику, Географию и Русский).

Целую всех вас.

Пиши почаще о Пете. Буду в Москве в середине июня.

Пусть Вера возьмет письмо Марины Почтамт До востребования.

109. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москве>

Коктебель, 6-го июня 1914 г., пятница

Милая Вера,

Пишу Вам на авось к Фельдштейнам¹. Взяли ли Вы мое письмо до востребования?

Скоро будет неделя, к<а>к я здесь. Природа та же — бесконечно хорошая и одинокая, — людей почти нет, хотя полны все дачи, — настроение отвратительное. Милы: Пра, Майя, Ася, Андрюша, Аля. Равнодушны и почти невидимы: Богаевский², Кандауров³, Оболенская⁴, Радецкий⁵ на днях приехал — очень помолодел и похорошел, весел, мил, но далек.

Есть молодая пара: милый, беззаботный 20-тилетний муж, — безобидный, слегка поверхностный⁶ и 19-тилетняя жена⁷, — хорошенькая, вульгарная, с колоссальным апломбом, считающая Сарру Бернар «подлой бабой», Marie Башкирцеву⁸ — «тщеславной девчонкой», юношескую вещь Hugo «Han d'Island»⁹ — бульварным романом и, наконец, нежность — чем-то средним. Старается иметь детский вид и голос. «Котлета» произносит «кОтлЭта». Презирает учение Льва Толстого и русское простонародье. — Хуже и дерзче Копы¹⁰ и карикатурнее первой Инны¹¹ (лето 1911 г.!) в тысячу тысяч раз. Куда хуже С.И.Толстой!!!¹² Пра от нее в детском восторге, Макс весьма почитителен, Майя детски верит в ее искренность. Пра и Майя — дети, Макс — мужчина. Этим всё объясняется.

Молодой человек — австриец по происхождению, готовится к режиссуре, пишет сказки, прелестно (до слез!) поет Игоря Северянина, подражая ему, но сам неглубок, хотя одарен. Вот и все люди. Много других, незнакомых. Макс очень раздражителен и груб, ни с кем почти не говорит. Я с приезда ни разу не была у него в мастерской. Даже странно об этом думать. С Пра у него плохие, резкие отношения и ей, по ее словам, всё равно, уедет ли он в Базель, или здесь останется.

Мы с Асей живем очень отдельно, обедаем в комнатах, видимся с другими, кроме Пра и Майи, только за чаем, $\frac{1}{2}$ часа три раза в день. И то всё время споры, переходящие в ссоры, к<отор>ые, в свою очередь, возрастают до скандалов. Таков дух этого лета. Алюшка бледна и худая, но здорова, бегаёт босиком по песку, с людьми очень сдержана, любит только меня. Все, выдавшие ее прошлым летом, удивляются ее росту, худобе и речи.

Андрюша на вид здоровее ее, хотя здоровьем нежней, — лучше бегаёт, проворней лазит, ко всем идет, у всех просит «сухалика». Гладит Макса по голове и засypаёт с неизменной — непонятной — фразой: «Махс, китולי цяс?» Вообще это ребенок живой, веселый, добрый, капризный, — очень нежный, но почти ко всем. Меня он зовет то «Селёзецка», то «Милина», то «Малина», то «Ася». Асю обожает: целует, обнимает, силится поднять, зовет, целует ее карточку и всем дает целовать (это еще до ее приезда).

Аля решительно всех поражает своей зрелостью, строгостью, неулыбчивостью. К Андрюше она прохладна, Пра боится. Слушается только меня, — без меня ни за что ни с кем не поздоровается.

Меня убивают Пра и мать Оболенской¹³, вздыхающие над Алиной худобой и умоляющие меня раскармливать ее. Вчера я попробовала, и кончилось бледностью, вялостью и, наконец, Фридрихом¹⁴. — «Давайте ей конфет, шоколада, сахара!..» — Точно ей пять лет! Вчера ей исполнилось 1 г<од> 9 мес<яцев>.

Няня у нее веселая, хорошенькая, вполне надежная, но я за ней всё время гляжу. К тому <же> Аля — воплощенное благоразумие: боится всего, что не корова, лошадь, собака и кот, — даже Божьей коровки. В море не лезет, — наоборот, при виде его торопливо шепчет: «Пи идем», — только от нежелания и страха. — Странный эффект! Аля душой и телом — маленький грустный ангел. Только со мной Аля весела и то к<а>к-то странно, солидно. Только меня целует сама, только меня боится. Когда что-н<и>-б<удь> натворит — бросит ли куклу на пол, или даром попросится, сама идет в угол и плачет, без малейшего моего слова, и не выйдет оттуда, пока не скажешь: «Ну, иди!» Страшно любит пение: всё бросает, даже сухарик, и слушает, раскрыв огромные глаза. Когда кончишь: — «Еще, паята!» (пожалуйста). Сама петь стесняется, т<а>к же, к<а>к смеяться, — насильно сжимает губы. Больше всех игрушек любит мои кольца и браслеты, любит душить ся. Это всё может показаться тенденциозным, но всё это — правда.

Сережа 5-го выдержал историю — пишет, что «позорно» — и то слава Богу! Ему еще осталось 4 экз<амена>:

9-го — латынь

12-го — Закон Божий

13-го — Физика

14-го — франц<узский> и нем<ецкий> яз<ьки>.

И всё! Потом мы м<ожет> б<ыть> все с детьми поедем в Шах-Мамай¹⁵.

Лидия Антоновна¹⁶ глубоко-очаровательна: женственна, чутка, нежна. С<ережа>, Ася и я с ней в большой дружбе. Мика нас очень любит, это настоящий «Ми-иша», круглый, тяжелый, ласковый. Ириночка — прелестный, необычайный ребенок и хороша на редкость. Есть еще двухлетняя Ганя¹⁷ — тоже медведик — пожирает порцию двух взрослых людей. У нее редчайший слух. Весной — ей еще не было двух лет и она еще не говорила — она уже пела около 50-ти песенок без малейшей ошибки и отбивала такт своим копытом. На вид ей 4 года.

Если поедem в Шах-Мамай, то пробудем там дней 5, Сережа немного отойдет и затем числа 20-го, 21-го поедет в Москву. Относительно его лечения — ни он, ни я ничего не знаем. Пусть московские д<окто>ра — и лучше два, чем один — его внимательно осмотрят и решат, куда ему ехать. У него затронута одна верхушка, неправильное сердце (т.е. деятельность) и что-то с желудком. Всё это надо лечить сразу: для легких — воздух, для сердца — м<ожет> б<ыть> души, или еще что-н<и>б<удь>, для желудка — диета. Хорошо, если бы Вы у кого-н<и>б<удь> узнали, кто к концу июня из хороших д<окто>ров будет в Москве. А то на С<ережу> нечего надеяться! Не пугайтесь: ничего ужасного с ним нет, но всё распатано. Я очень счастлива, что он всё-таки кончил. Это его грызло и вредило ему больше, чем казалось. Теперь он почувствует себя свободным и будет лечиться. Он очень оскелетился, но не т<а>к сильно, к<а>к мог бы, — мы все еще удивляемся. Подумайте, три месяца умирать от сна и выдержать 25 экз<аменов>, если не больше! Его аттестат зрелости — прямо геройский акт.

Стихи С<ереже>¹⁸

Нет, я пожалуй странный человек,
Другим на диво! —
Быть, несмотря на наш XX век,
Такой счастливой!

Не слушая речей <о тайном сходстве душ,>
Ни всех тому подобных басен,
Всем объявлять, что у меня есть муж,
Что он прекрасен.

Т<а>к хвастаться фамилией Эфрон,
Отмеченной в древнейшей книге Божьей,
Всем объявлять: «Мне 20 лет, а он —
Еще моложе!»

Я с вызовом ношу его кольцо,
С каким-то чувством бешеной отваги.
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.

Печален рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей,
Его глаза — прекрасно-бесполезны —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

Мне этого не говорил никто,
Но мать его — магические звенья! —
Должно быть Байрона читала до
Самозабвенья.

Когда я прочла эти стихи и кто-то спросил Макса, понравилось ли, он ответил: «Нет» — без объяснений. Это было первое нет на мои стихи. Поэтому мне хотелось бы знать и Ваше, и Лилино, и Петино мнение.

Сейчас гроза. Страшный ливень. Где-то Кусака? У меня сегодня болит шея, к<отор>ую за ночь отдалил Кусака. Это его обычное место. Душно, спихнешь, в ответ: «Муррь» (полу-мурлыканье, полу-мяуканье) и он снова a la lettre * на шее.

Он — совсем человек, такой же странный кот, к<a>к Аля — ребенок.

Стихи Але

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной и всем чужой,
Стремительной амазонкой,
Пленительной госпожой,

* Буквально (фр.).

И кудри свои, пожалуй,
Ты будешь носить, к<a>к шлем.
Ты будешь царицей бала
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И всё, что мне только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Всё будет тебе покорно,
И все при тебе — тихи,
Ты будешь к<a>к я, бесспорно,
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты — кто знает?
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать...

5-го июня 1914 г., Коктебель, Але 1 г. 9 мес. ровно.

Вера, где Лососина¹⁹ и почему ничего не пишешь? Если напишет до Сережиного отъезда — пришлю ей какой-н<i>б<удь> подарок. Вам уже он обеспечен.

Пока всего лучшего, пишите о Пете и передайте ему эту записочку²⁰. Как его адр<ес>?

Целую Вас и Лососину. Пишите.

Приветы Ваши передам, хотя дрожу за свою интонацию.

МЭ

110. М.И. ЦВЕТАЕВА — П.Я. ЭФРОНУ

<В Москву>

I

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли,
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеяннo, к<a>к бы без цели
Я тихим переулком шла,
И, помнится, — тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я всё решала по пути
Не надо ли, иль надо розу
Вам принести.

И всё приготавлила фразу
— Увы, забывтую потом! —
И вдруг совсем неожиданно, сразу
Тот самый дом!

Многоэтажный, с видом скуки
— Считаю окна — вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню!

Я помню точно рокот грома
И две руки мои, к<a>к лед.
Я называю Вас. — «Он дома,
Сейчас придет».

Пусть с юностью уносят годы
Всё незабвенное с собой,
— Я буду помнить все разводы
Цветных обой,

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг длительный по крайней мере,
К<a>к час. Но вот шаги вдали,
Скрип раскрывающейся двери...
— И Вы вошли.

— «Ну, что сейчас ему отвечу?
О Сугано де Бергерас!»
— И медленно встаю навстречу,
Уже к<a>к враг.

Но было сразу обаянье
— Пусть этот стих, к<a>к сердце прост!
Но было дивное сиянье
Двух темных звезд.
И их, огромные, прищуря
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря
Еще за миг!
Я героически боролась,
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню несказанный голос,
И очерк губ,
И волосы, пушистей меха,
И — самое родное в Вас —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.
Я помню — Вы уже забыли —
Вы там сидели, я вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут
Сидеть, пуская кольца дыма
И полный соблюдать покой.
— Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой!
Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять?
— Такому странному обеду
Уж не бывать!
— «А Вам не вредно столько перца?»
Я вдруг вздохнула тяжело,
И что-то до сих пор от сердца
Не отлегло.

Потерянно, совсем без цели
 Я темным переулком шла,
 И, кажется, — уже не пели
 Колокола.

Коктебель, 6-го июня 1914 г., пятница

111. М.И. ЦВЕТАЕВА — П.Я. ЭФРОНУ

<В Москву>

Москва 10-го июля 1914 г.

Я ушла в 7 ч. вечера, а сейчас 11 утра, — и всё думаю о Вас, всё повторяю Ваше нежное имя. (Пусть Петр — камень, для меня Вы — Петенька!) Откуда эта нежность — не знаю, но знаю — куда: в вечность! Вчера, возвращаясь от Вас в трамвае я всё повторяла стихи Байрону, где каждое слово — Вам¹.

К<а>к Вы адски чутки!

Это — единственное, что я знаю о Вас. Внутренне я к Вам привыкла, внешне — ужасно нет. Каждый раз, идя к Вам, я всё думаю, что это надо сказать, и это еще, и это...

Прихожу — и говорю совсем не о том, не т<а>к.

Слушайте, моя любовь легка. Вам не будет ни больно, ни скучно. Я вся целиком во всем, что люблю. Люблю одной любовью, — всей собой — и березку, и вечер, и музыку, и Сережу, и Вас.

Я любовь узнаю по безысходной грусти, по захлебывающемуся: «ах!»

Вы для меня прелестный мальчик, о котором — сколько бы мне ни говорили — я всё-таки ничего не знаю, кроме того, что я его люблю.

Не обижайтесь за «мальчика», — это всё-таки самое лучшее!

— Вчера вечером я сидела в кабинете Фельдштейна². На исчерна-синем небе качались черные ветки. Вся комната была в тени. Я писала Вам письмо и т<а>к сильно думала о Вас, что всё время оглядывалась на диван, где Вы должны были сидеть. В столовой шипел самовар, тикали часы. На блюде лежали два яйца, — ужасно унылых! Я всё время о них вспоминала: «надо есть», но после письма к Вам стало т<а>к грустно-радостно, вернее — радостно-грустно, что я, к<а>к Аля, сказала «не надо».

— Вчерашнее письмо разорвала, яйца сегодня съела. —

Пишу сейчас у окна. Над зеленой крышей сарая — купол какой-то церковки — совсем маленький — и несколько качающихся веток. Над ними — облачко.

Вы первый, кого я поцеловала после Сережи. Бывали трогательные минуты дружбы, сочувствия, отъезда, когда поцелуй казался необходимым. Но что-то говорило: «нет!» Вас я поцеловала, потому что не могла иначе. Всё говорило: «да!».

МЭ

P.S. Спасибо за рассказ о черном коте.

112. М.И.ЦВЕТАЕВА — П.Я. ЭФРОНУ

<В Москву>

Москва, 14-го июля 1914 г., ночью

Мальчик мой ненаглядный!

Сережа мечется на постели, кусает губы, стонет. Я смотрю на его длинное, нежное, страдальческое лицо и всё понимаю: любовь к нему и любовь к Вам. Мальчики! Вот в чем моя любовь. Чистые сердцем! Жестоко оскорбленные жизнью! Мальчики без матери! Хочется соединить в одном бесконечном объятии Ваши милые темные головы, сказать Вам без слов: «Люблю обоих, любите оба — навек!»

Петенька, даю Вам свою душу, беру Вашу, верю в их бессмертие. Пламя, что сжигает меня, сердце, что при мысли о Вас куда-то падает — вечны. Т<a>к неожиданно и бесспорно вспыхнула вера.

Вы сегодня рассказывали о Вашей девочке. Всё во мне дрожало. Я поцеловала Вам руку. — Зачем «оставьте»? Буду целовать еще и еще, потому что преклоняюсь перед Вашим страданием, чувствую Вас святым.

О, моя деточка! Ничего не могу для Вас сделать, хочу только, чтобы Вы в меня поверили. Тогда моя любовь даст Вам силы.

Помните: что бы я Вам ни говорила, каким бы тоном — не верьте, если в этом не любовь.

Если бы не Сережа и Аля, за которых я перед Богом отвечаю, я с радостью умерла бы за Вас, за то, чтобы Вы сразу выздоровели. Т<a>к — не сомневаясь — сразу — по первому зову.

Клянусь Вашей, Сережиной и Алиной жизнью. Вы трое — мое святая святых *. Вот скоро уеду. Ничего не изменится. Умерла бы — всё бы осталось. Никогда никуда не уйду от Вас. Началось с минуты очарования (август или начало сентября 1913 г.) продолжается бесконечностью любви. Завтра достану Вам крестик.

Целую

МЭ.

Стихи 12-го июля 1914 г.

Не думаю, не жалею, не спорю,
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного ижданного подарка
Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвай
Звенящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я — маленький плясун.
Я — тень от чьей-то тени. Я — лунатик
Двух темных лун.

Стихи 13-го июля 1914 г.

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
— Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же тёмнен,
Как шум молодой листвы.
Вы — точно портрет в альбоме, —
И мне не узнать кто Вы.

* Эти слова отчеркнуты на полях двойной линией.

Мне кажется — Вас любили
<.....>

Мне кажется — Вы губили
За то, что любили Вас.

Здесь всё — говорят — случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух — не смирён никем он.
Мы — души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

— «Так что ж это было?» — Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать — кто я.

МЭ

Пусть последнее слово будет: люблю!

Ластуне

15-го июля 1914 г., понед<ельник>

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час.
Радость маленького тела,
Новых глаз!

В марте месяце родиться
— Господи, внемли хвале! —
Это значит — быть к<a>к птица
На земле.

Первою весенней почкой
Очень юного ствола,
Первой ласточкой и дочкой
Ты была!

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни сентябрьские кратки,
Долги ночи сентября.
— Сизокрылые касатки
За моря!

Давит маленькую грудку
Стужа северной земли.
— Это ласточки малютку
Унесли!

Спящую от сна будили
Их родные голоса.
— Подхватили, закружили
В небеса!

Жалобный недвижен венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик,
Баю-бай...

Глава вторая
ТУМАННАЯ МОНАШКА

(1915—1917)

...Но в этой темной, деревянной
И юродивой слободе
С такой монашкой туманной
Остаться — значит, быть беде.

О. Мандельштам — 1916

«Да разве я поэт? Я просто живу, радуюсь, люблю свою кошку, плачу, наряжаюсь — и пишу стихи. Вот Мандельштам, например, вот Чурилин, например, поэты». Такое отношение заражало: оттого мне всё сходило — и никто со мной не считался, оттого у меня с 1912 г. по 1922 г. не было ни одной книги, хотя в рукописях — не менее пяти. Оттого я есмь и буду без имени.

Из письма Б. Пастернаку 10 февраля 1923 г.

1. С.Я. ПАРНОК — Е.Я. ЭФРОН

<В Москве>

* * *

Этот вечер был тускло-палевый, —
Для меня был огненный он.
Этим вечером, как пожелали вы,
Мы вошли в театр «Унион».

Помню руки, от счастья слабые,
Жилки — веточки синевы.
Чтоб коснуться руки не могла бы я,
Натянули перчатки вы.

Ах, опять подошли так близко вы,
И опять свернули с пути!
Стало ясно мне: как ни подыскивай,
Слова верного не найти.

Я сказала: «Во мраке карие
И чужие ваши глаза...»
Вальс тянулся и виды Швейцарии —
На горах турист и коза.

Улыбнулась, — вы не ответили...
Человек не во всем ли прав!
И тихонько, чтоб вы не заметили,
Я погладила ваш рукав.

СП.

* * *

Узорами заволокло
 Мое окно. О, день разлуки!
 Я на шершавое стекло
 Кладу тоскующие руки.

Гляжу на первый стужи дар
 Опустошенными глазами,
 Как тает ледяной муар,
 И расплывается слезами, —

Ограду перерос сугроб,
 Махровой иней и пушистей,
 И садик — как парчовый гроб —
 Под серебром бахром и кистей.

Никто не едет, не идет,
 И телефон молчит жестоко.
 Гадаю: нечет или чет
 По буквам вывески Жорж Блока.

СП.

Милая Елизавета Яковлевна,

исполняю обещание: присылаю Вам стихи, которые Вам понравились.

Всего лучшего.

С. Парнок

5го февраля 1915 г.
 Москва

2. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Белосток>

<25 марта 1915 г., Москва>

Милая Верочка, Христос Воскресе! ¹ — Сидим еще в Москве, дежурия ежедневно в Союзе ². Удивляюсь, как у меня еще не образовались пролежни, думаю начать приходить туда на дежурство с резиновыми крутами.

— Лиля уехала в Финляндию отдыхать — ее адреса я, конечно, не знаю — недели через две она собирается вернуться.

В этом году Пасха невеселая. В первый день праздника я находился в таком мрачном и рассеянном настроении, что опустил в почтовый ящик вместо поздравительного письма рублевую бумажку (честное слово — правда!)

Весна в Москве холодная, осенняя. Молись за мое скорейшее отбытие³.

Твой брат милосердия

С

3. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

3 Апреля 1915 г. <Седлец>

Дорогая моя Лиленька — сейчас вечер, в моем купэ никого нет и писать легко. За окном бесконечные ряды рельс запасных путей, а за ними дорога в Седлец¹, около которого мы стоим. Все время раздаются свистки паровозов, мимо летят санитарные поезда, воинские эшелоны — война близко.

Сегодня я с двумя товарищами по поезду отправился на велосипеде по окрестностям Седльца. Захотелось пить. Зашли в маленький домик у дороги и у старой, старой польки, которая сидела в кухне, попросили воды. Увидав нас она засуетилась и пригласила нас в парадные комнаты. Там нас встретила молодая полька с милым грустным лицом. Когда мы пили, она смотрела на нас и ей видимо хотелось заговорить. Наконец она решилась и обратилась ко мне:

— О почему пан такой мизерный?² Пан ранен?

— Нет я здоров.

— Нет, нет пан такой скучный (я просто устал) и мизерный (по-русски это звучит обидно, а по-польски совсем иначе). Пану нужно больше кушать, пить молока и яйца.

Мы скоро вышли. И вот я не офицер и не ранен, а ее слова подействовали на меня необычайно сильно. Будь я действительно раненым офицером мне бы они всю душу перевернули.

— Очень трудно писать о поезде. Легко рассказывать и трудно писать. Мы, вероятно, скоро увидимся и тогда я тебе подробно, подробно расскажу.

— Мне временами бывает здесь смертельно грустно, но об этом тоже при свидании.

Люблю тебя и часто думаю о тебе

Серезжа

Видаешь ли Марину?

4. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

10/V <19>15 г. — Белосток

Дорогая Лиленька, получил твое сумасшедшее письмо и думал на него ответить телеграммой, но решил, что ты перепугаешься.

Мне очень обидно, что я вел себя с тобой в дороге так нелепо¹ — это вышло как-то нечаяно — сам не знаю почему.

Ужасно рад за твою радость от поездки² и еще рад, что в момент радости ты вспомнила меня — ведь это признак самой глубокой близости. Верно?

— Лиленька, хочу тебе доверить одну вещь, меня крайне беспокоящую. У меня сейчас появился мучительный страх за Алю. Я ужасно боюсь, что Марина не сумеет хорошо устроиться этим летом и что это отразится на Але.

— Мне бы, конечно, очень хотелось, чтобы Аля провела это лето с тобой, но я вместе с тем знаю, какое громадное место сейчас она занимает в Мариной жизни. Для Марины, я это знаю очень хорошо, Аля единственная настоящая радость и сейчас без Али ей будет несносно.

Лиленька, будь другом, помоги и посоветуй Марине устроиться так, чтобы Але было как можно лучше. Посмотри внушает ли доверие новая няня (М<арина> в этом ничего не понимает), если нет, то может быть Марина согласится взять Эльвиру. Ее очень легко отыскать в адресном столе. Ее зовут — Эльвира Богдановна Гризевская. Одним словом ты сама хорошо поймешь, что нужно будет предпринять, чтоб Але было лучше. — Мне вообще страшно за Коктебель³.

Лиленька, буду тебе больше чем благодарен если ты поможешь мне в этом. Только будь с Мариной поосторожней — она совсем больна сейчас.

Я так верю в твою помощь, что почти успокоюсь после отсылки письма.

Тороплюсь отослать письмо с почтовым и потому кончаю.
Сегодня Троицын день — я все же решил послать тебе телеграмму.

С моей просьбой, ради Бога, поторопись, — Марина уезжает 20го мая.

Это письмо или уничтожь, или спрячь поглубже.
Целую и люблю больную, дряхлую Лильку

Сергея

5. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Май 1915 г., Москва>

Милая Лиленька,

Очень прошу Вас — пошлите к Тусе¹ прислугу за моими книгами: Стихами Ростопчиной² и Каролины Павловой³, а то Туся послезавтра уезжает, и книги потеряются.

Уезжаю 20го, билеты уже заказаны⁴.

Целую Вас, как-нибудь утром приду с Алей, сейчас я по горло занята укладкой зимних вещей и т<ому> п<одобными> ужасами.

МЭ

P.S. Если можно, достаньте мне книги сегодня же!

6. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

29 мая <1915 г.>

Жирардов¹

Милая Лилька, подумай какая обида. Я был в Москве в отпуску и приехал на другой день после твоего отъезда². С Мариной пробыл только один вечер — она уехала с Алей в Коктебель.

Ради Бога, где Нютя?³ Мне необходимо на летние вещи деньги — рублей 50 (я ездил в Москву на свой счет) — пишу, пишу ей и ничего не получаю. Напиши ей, чтобы прислала по моему вечному адр<есу>: Белосток — вокзал санитарному поезду 187.

Как отдыхаешь милая? Видел Воля⁴.

7. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

14 июня Воскресение
1915

Милая Лиленька, пишу тебе третье письмо, но все по разным адресам — я до вчерашнего вечера не знал названия твоей станции.

Нас сегодня или завтра отправляют в Москву на ремонт — до этого мы подвозили раненых и отравленных газом с позиций в Варшаву. Работа очень легкая — т<ак> к<ак> перевязок делать почти не приходилось. Видели массу, но писать об этом нельзя — не пропустит цензура.

В нас несколько раз швыряли с аэропланов бомбы — одна из них упала в пяти шагах от Аси¹ и в пятнадцати от меня, но не разорвалась (собственно не бомба, а зажигательный снаряд).

После Москвы нас, кажется, переведут на юго-западный фронт — Верин поезд уже переведен туда.

Меня страшно тянет на войну солдатом или офицером и был момент, когда я чуть было не ушел и ушел бы, если бы не был пропущен на два дня срок для поступления в военную школу. Невыносимо неловко мне от моего мизерного братства — но на моем пути столько неразрешимых трудностей.

Я знаю прекрасно, что буду бесстрашным офицером, что не буду совсем бояться смерти. Убийство на войне меня сейчас совсем не пугает, несмотря на то, что вижу ежедневно и умирающих и раненых. А если не пугает то оставаться в бездействии невозможно. Не ушел я пока по двум причинам — первая, страх за Марину, а вторая — это моменты страшной усталости, которые у меня бывают, и тогда хочется такого покоя, так ничего, ничего не нужно, что и война-то уходит на десятый план.

Здесь, в такой близости от войны, все иначе думается, иначе переживается, чем в Москве — мне бы очень хотелось именно теперь с тобой поговорить и рассказать тебе многое.

Солдаты, которых я вижу, трогательны и прекрасны. Вспоминаю, что ты говорила об уходе за солдатами — о том, что у тебя к ним нет никакого чувства, что они тебе чужие и т<ому> п<одобное>. Как бы здесь у тебя бы все перевернулось и эти слова показали бы полной нелепостью.

Меня здесь не покидает одно чувство: я слишком мало даю им, потому что не на своем месте. Какая-нибудь простая «неинтеллигент-

ная» сестригия дает солдату в сто раз больше. Я говорю не об уходе, а о тепле и любви. Всех бы братьев, на месте начальства, я забрал бы в солдаты, как дармоедов. Ах, это все на месте видеть нужно! Довольно о войне.

— Ася очень трогательный, хороший и значительный человек — мы с ней большие друзья. Теперь у меня к ней появилась и та жалость, которой недоставало раньше.

— Радуюсь твоему отдыху — думаю, что к концу лета ты совсем окрепнешь.

А у меня на душе бывает часто мучительно беспокожно и тогда хочется твоей близости.

Пра и Марина пишут, что Аля поправляется и загорела. Сидит все время у моря, копаясь в Коктебельских камнях.

Сейчас пожалуй тебе лучше писать мне в Москву по адресу: Никитский бульвар 11 Всероссийский Земский Союз — поезду 187 — мне.

— Совсем еще не знаю, что буду делать в Москве, куда денусь. Меня приглашает товарищ в имение, но я туда не хочу. Может остаться в Москве лечить зубы.

У нас несносная жара. Я несколько дней хворал и тогда эта жара была просто кошмарна.

Пиши Асе. Твои письма ее страшно радуют.

Пока кончаю.

Целую и люблю мою Лиленьку и часто ее вспоминаю

Сергея

8. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

30/VI <19>15 г. <Минск>

Милая Верочка, у самой Москвы — на ходу видел мельком твой поезд — какая обида!

Этот наш рейс будет, вероятно, коротким и если ты не уедешь из Москвы — мы скоро увидимся.

— Получила ли ключи от квартиры? Я поручил передать их нашему заведующему.

В Союзе на твое место¹ будет проситься сестра с нашего поезда Татьяна Львовна Мазурова — ее смело можешь рекомендовать, как прекрасного человека и работника. Хотя наверное твой поезд уже ушел.

Сейчас короткая остановка в Минске. Куда едем — неизвестно. Предыдущий рейс был исключительно интересным — мы подвозили раненых из Жирардова и Теремна. Пока до скорого свидания. Целую.

9. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москве>

<10 июля 1915 г.>
Кубинка

Милая Верочка, поезд свой догнали, или вернее он нас догнал в Кубинке¹. На этой гнусной станции просидели более шести часов.

Сейчас я у себя в купэ, уже выспался, сижу в неописуемой позе, чтобы вагонная тряска давала себя меньше чувствовать.

Верочка милая, нежное спасибо тебе за ту ласку, которую ты мне дала в Москве.

Целую твою пухлую лапу и желаю успеха с театром².

Поезд подъехал к Вязьме³.

Бегу опустить письмо.

Одну плитку шоколада уже изничтожил в Кубинке.

Привет Мише⁴.

Серезжа

Буду тебе теперь писать чаще.

10. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

11/VII <19>15
<Близ Варшавы>

Милая Лиленька, снова был в Москве и застал там Веру. Она была такой нежной, ласковой, трогательной и прекрасной, какой я ее никогда не видел. Мы провели вместе прекрасный день. Она приготовила на газовой плитке к обеду какие-то поразительнейшие яства — из чего они были сделаны — никто не знал и узнать не мог, но на вкус они были прекрасны.

Уезжать нам с Асей¹ страшно не хотелось, а пришлось и сейчас мы уже мчим (как мчим ты знаешь) к Варшаве.

В последнее время очень много работы — завязались бои и в Москве нас более суток не держат.

Все не удастся получить почту в Белостоке и если какие-нибудь твои письма остаются без ответа — не удивляйся — они просто еще не прочитаны.

Я мечтаю после этого рейса на время бросить службу и поселиться с Верой на даче. Отдых для меня необходим — лето уже кончается, а что будет зимой неизвестно.

Не удивляйся паралитичному почерку — вагон немилосердно качает.

Пиши по-прежнему на Белосток и на Верин адр<ес> в Москву. В Москве я теперь буду бывать часто. Я слышал, что ты собираешься остаться на зиму в деревне — это прекрасно! Я сам буду жить не в Москве.

Шлю тебе нежный привет.

Сережа

11. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

18 июля 1915 г.

<Белосток — Варшава>

Милая Лилька, не пишу тебе потому что замотался до смерти.

Сейчас у нас кошмарный рейс. Подробности потом. Думаю, что после этого рейса, буду долго отдыхать или совсем брошу работу¹. Ты даже не можешь себе представить десятой доли этого кошмара.

Но обо всем после.

Целую и люблю

Сережа

12. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

Святые горы, Харьковской губ<ернии>¹

Графский участок, 14

Дача Лазуренко.

30ое июля 1915 г.

Милая, милая Лиленька,

Сейчас открыла окно и удивилась — так зашумели сосны.

Здесь, несмотря на Харьковскую губ<ернию> — Финляндия: сосны, песок, вереск, прохлада, печаль.

Вечерами, когда уже стемнело, — страшное беспокойство и тоска: сидим при керосиновой лампе-жестянке, сосны шумят, газетные известия не идут из головы, — кроме того, я уже 8 дней не знаю, где Сережа и пишу наугад то в Белосток, то в Москву, без надежды на скорый ответ.

Сережу я люблю на всю жизнь, он мне родной, никогда и никуда от него не уйду. Пишу ему то каждый, то — через день, он знает всю мою жизнь, только о самом грустном я стараюсь писать реже. На сердце — вечная тяжесть. С ней засыпаю и просыпаюсь.

— Соня² меня очень любит и я ее люблю — и это вечно, и от нее я не смогу уйти. Разорванность от дней, к<отор>ые надо делить, сердце всё совмещает.

Веселья — простого — у меня, кажется, не будет никогда и, вообще, это не мое свойство. И радости у меня до глубины — нет. Не могу делать больно и не могу не делать.

Аля растет трудным, сложным ребенком — в обычное время спокойна, как взрослый человек, но чувствительность у нее чрезмерная. Сейчас же слезы на глазах. Самолюбие и совесть — вот ее две главных черты, обе в ней *поражают*. Лицом она прелестна, лучше нельзя. — «Почему небо не звенит?» (Колокола) — «Я съела маленькую мясу» (за супом) — «Ты — мой большой ангел». — «Почему зайчик не целуется, который на стене?» (Солнечный) — «Марина, я съела ма-аленькую зелень: ма-аленькую гадость». — «А кот в лавке продают? А бусы? А черешни? А маленького Боженьку? А маленького дядю на брошке? А ангела? А маленькие звезды?» — «Солнце в луже валяется».

— Лиленька, в следующем письме пришлю Вам новые стихи, они о цыганстве³.

Пока целую Вас нежно.

Соня шлет привет.

Пишите скорей.

МЭ

13. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<31 июля 1915 г., Харьков>

Милая Верочка, сейчас в Харькове пересел в Феодосийский вагон¹. — В поезде царит страшная мрачность. — Все только и делают, что храпят днем и ночью.

Не забудь моей просьбы о Марининых письмах — мне². Страшно нужно поскорее узнать ее адрес. Надеюсь, что она сообщала его Асе³.

Я у тебя отлично отдохнул, но ты от меня, вероятно, очень устала. А шоколад-то я забыл и жалел страшно.

14. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

2 августа 1915

Коктебель

Спасибо тебе, Верочка, за телеграмму, которую получил сегодня — на второй день по приезде.

Коктебель прекрасен! Он мне дал все, что я от него хотел. Только здесь я почувствовал со всею силою, что именно он мне был необходим. Здесь совсем пусто. Асю¹ застал за несколько часов до отъезда.

Пра осталась одна, усталая от всех летних неприятностей, слабая, ласковая и трогательная.

Людвиг² очутился здесь и его невероятная фигура, покрытая от дождя полосатым пледом, то и дело показывается на берегу с Лизой (сестрой Софьи Як<овлевны>). Завтра по обыкновению он куда-то уходит, куда выяснить не удалось.

Сейчас на море буря, все небо в косматых тучах, а море на горизонте синее, синее, а у берегов грязно-желтое. Вчера вечером оно светилось и мы с Людвигом, чтобы вызвать свечение, бросали в него камни.

Ночи здесь от туч совсем темные и страшные.

Подумай только, Верочка, что в эту минуту через окно мне видно море, Максин профиль, грязный ручей и пр<очее>, что непрерывно слышу шум прибоя, что я... да всего прекрасного здесь не перечислишь!

— Я буду жить в бывшей Максиной комнате, завтра оттуда уезжают жильцы, а пока нахожусь под Максиной башней.

Началась ли твоя работа?³ Хорошо ли тебе? Есть ли нужный для работы подъем?

Мне кажется все-таки, что ты могла бы со мной приехать.

Целую твою лапу и желаю всего прекрасного

Твой Сережа

Привет нежный Мише и Соколу⁴.

Пришли мне пожалуйста и непременно Нютин адрес.

Наде⁵ тоже привет.

15. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье >

16 сентября 1915 г. <Москва>

Милая Лиленька, сейчас получил целых пять твоих белостокских писем, в которых ты меня так ласково и трогательно приглашаешь к себе. Подумай, — я их получил только сейчас!

Нежное тебе спасибо! Целую твои лапы.

Получила ли 5 сент<ября>¹ мое письмо? Если нет, то не моя вина.

Завтра несю Вере в ее новую комнату (бывш<ая> Гриневича) пять горшков астр.

Лилька, каждый день война мне разрывает сердце. Говоров² поступает в военное училище и я чувствую, что это именно то, что сейчас нужно. Только один я в нерешительности. Но право, если бы я был здоровее — я давно бы был в армии. Сейчас опять поднят вопрос о мобилизации студентов — м<ожет> б<ыть> и до меня дойдет очередь³. (И потом я ведь знаю, что для Марины это смерть).

Поправляйся Лиленька, набирайся сил. Ты так прекрасно делаешь, что живешь все это время на воздухе.

Думаю о тебе с любовью

Сергея

Мой привет Марии Сергеевне⁴.

Получила ли письма Марины?

16. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье >

2 Ноября 1915 г.

Москва

— Милая Лиленька, прости меня за молчание — клянусь тебе, что не менее пяти-шести писем написаны мною и все не отправлены.

Мне почему-то сейчас ужасно трудно писать. М<ожет> б<ыть> потому, что я почти ни о чем не думаю и ничего не чувствую. Живу, как во сне, у меня сейчас все — пока —. Это, конечно, все до поры, до времени.

— С Верой гораздо хуже. Их театру, вероятно, приходит конец — нет денег, недостает каких-то восьми тысяч, чтобы просуществовать этот сезон и их никто не дает. Все пайщики охладели

к театру и что всего обиднее, публика начала интересоваться театром и сборы полные. На Вере лица нет.

— Я все надеюсь на чудо, надеюсь, что в последний час восемь тысяч найдутся.

Сегодня собрание пайщиков, на котором должен окончательно решиться вопрос — быть или не быть — Камерному театру¹.

— Желай мне выдержать экзамен², т<ак> к<ак> если я провалюсь — мне придется еще три месяца мытариться.

— После экзамена сейчас же еду к тебе и, если поедет Ася Жуковская, то с Алей. Марина согласна отпустить Алю.

Мог бы тебе сообщить целый ворох сплетен, но лучше не надо.

Пиши. Шрейб открытки, дас костет билиг³. Телеграфируй, результируй.

Сергея

P.S. — У Евы родилась девочка⁴.

17. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье >

2 Дек<абря> 1915 г.

Милая Лиленька, если бы ты знала, как недостает тебя в Москве. Когда мы сходимся у Веры с Мишей¹, то он почти каждый раз повторяет одну и ту же фразу: — Вот бы сейчас услышать Лилин голос в передней.

Вчера получил твое письмо, в котором ты низводишь меня на степень ниже рыб, амфибий и амёб. Твое определение удивительно точно: я сейчас прожорлив, как рыба, равнодушен, как амфибия и неподвижен, как амёба. Мечтаю своим амфибьим сердцем о лете к<отор>ого в этом году совсем не видал.

С каким бы восторгом приехал к тебе сейчас же, но кроме плэда, о к<от>ором ты пишешь, мне недостает еще времени. Ты уже знаешь от Веры, что я поступил в Камерный театр². При встрече ты меня не узнаешь — я целую руки у дам направо и налево, говорю приятным баритоном о «святом искусстве», меняю женщин, как перчатки, ношу на руках перстни с громадным бриллиантом Тэга, читаю на вечерах — «Друг мой, брат мой, любимый, страдающий брат»³, рассказываю дамам а la Софья Марковна Адель о друге детства — Льве Толстом и двоюродном брате — графе Витте, с хихиканьем нашептываю на ухо другу-Гаирову⁴ неприличные анекдоты

и пр. и пр. и проч. — Живу в номерах «Волга»⁵. Таков теперь я. Вот кого ты пригласила в имение Новозаполье!!! Благословляй судьбу, что мой приезд отложен до поста. Может быть удастся вырваться и раньше.

Сейчас у меня жесточайшая ангина — все горло в волдырях, от насморка распух нос (сходство с тобой после этого сделалось еще более разительным). И к этому еще по ночам не спится.

Марина очень тронута твоей припиской об Але («Азава — Азава!») и пишет тебе письмо с вложением карточки.

Целую, люблю и завидую

Сергея

Письмо это написано черт знает когда и все это время провалялось на столе.

Лиленька — быть актером ужас! Никогда больше не буду актером.

Ни одна зима не была для меня такой омерзительной. Я сонный, вялый, тусклый, каким никогда не был.

Пиши!

18. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

Москва, Поварская, Борисоглебский пер<еулоч>

д<ом> 6, кв<ртира> 3

21ое декабря 1915 г.

Милая Лиленька,

Думаю о Вас с умилением.

Сейчас все витрины напоминают Вас, — везде уже горят ёлки.

Сегодня я покупала подарки Але и Андрюше (он с Асей на днях приедет). Але — сказки русских писателей в стихах и прозе и большой мячик, Андрюше — солдатиков и кубики. Детям — особенно таким маленьким — трудно угодить, им нужны какие-то особенные вещи, ужасно прикладные, вроде сантиметров, метелок, пуговиц, папиросных коробок, etc. Выбирая что-нибудь заманчивое на свой взгляд, тешишь, в конце концов, себя же.

— Сейчас у нас полоса подарков. Вере мы на годовщину Камерного¹ подарили: Сережа — большую гранатовую брошь, Борис² — прекрасное гранатовое ожерелье, я — гранатовый же браслет. Сереже, на его первое выступление в Сирано 17ое декабря³ я подарила

II

и легко-париковая ея обертывалась
моями (в родах парикового котика)

Фасон - двой: сзади - двой.

Филею каймою
наши моды
на меликаны
Гладио-венти.

Вертикально
весьма
филею каймою
с шерстью

- Виссон Лилея
иона до свиданья
Нурейна-вдова

Всем тона одна стилия - и, по-настоящему
Надо сурово, и светит медведица,
и буфетчик, и шипит тигр...

- Визитная карточка! Визит. ф.
Полубогаевский пол.

Феррари меня восторженно
Экспрессивнейше и видя свои восторги.
На илюстрациях моего шара - в штиль
И вай? и вай? вай.

Этот кифианский шар до себя
Великодушнейше восторженно.
И на орледе кельфу и штиль
В на штиль шар.

Этот шарик мой штиль до штиль
Визит. ф. восторженно штиль.

- На штиль шар штиль до штиль,
Визит. ф. штиль.

Восторженно штиль шар штиль. И. и. а

Пушкина изд<ание> Брокгауза ⁴. На Рождество я дарю ему Шекспира в прекрасном переводе Гербеля ⁵, Борису — книгу былин ⁶.

— Сережа в прекрасном настроении, здоров, хотя очень утомлен, целый день занят то театром, то греческим. Я уже два раза смотрела его, — держит себя свободно, уверенно, голос звучит прекрасно. Ему сразу дали новую роль в «Сирано» — довольно большую, без репетиции. В первом действии он играет маркиза — открывает действие. На сцене он очень хорош, и в роли маркиза и в гренадерской. Я перезнакомилась почти со всем Камерным театром, Таиров — очарователен, Коонен ⁷ мила и интересна, в Петипа ⁸ я влюбилась, уже целовалась с ним и написала ему сонет, кончающийся словами «пленительный ровесник» ⁹. — Лиленька, он ровно на 50 лет старше меня! ¹⁰

За это-то я в него и влюблена.

— «Вы еще не сказали ни одного стихотворения, а я вокруг Вашей головы (жест) вижу... ореол!»

— «О — пусть это будет ореолом молодости, который гораздо ярче сияет над Вашей головой, чем над моей!»

Яблоновский ¹¹: «Да ведь это — Версаль!»

Мы сидели в кабинете Таирова, Яблоновский объяснялся в любви моим книгам и умильно просил прочесть ему «Кольбельную песенку» ¹², к<отор>ую вот уже три года читают перед сном его дети, я была в старинном шумном платье и влюбленно смотрела в прекрасные глаза Петипа, который в мою честь декламировал Béranger «La diligence» ¹³ — Но всего не расскажешь! На следующий раз, после премьеры «Сирано» я сказала ему: — «Вы были прекрасны, я в восторге, позвольте мне Вас поцеловать!»

— «Поверьте, что я оценил»... — рука, прижатая к сердцу и долгий поцелуй.

— Да, Лиленька! Я забыла! Ася Жуковская Сереже подарила чудную шкатулку карельской березы, Вера — Каролину Павлову, прекрасное двухтомное издание, — всё за первое его выступление.

Таирову на годовщину театра Сережа подарил старинное изд<ание> комедий (?) Княжнина ¹⁴, Вера и Елена Васильевна ¹⁵ — по парчовой подушке, весь кабинет его был в подарках: бисерная трость, бисерный карандаш, еще какой-то бисер. Он сиял. Это было 12го.

— Алю я обрила. Шерсть растет мышьяная, местами совсей темная. Она здорова, чудно ест, много гуляет, пьет рыбий жир и выпля-

дит великолепно, — тяжелая, крупная девочка, вроде медведя. Великолепная память, ангельский характер и логика чеховского учителя словесности. — «Когда солнце спрячется, то в детской будет темно, а когда солнце снова появится, то в детской будет светло». — «Раз ты мне не позволяешь ходить босиком по полу, я и не хожу, а если бы ты позволила, то я бы ходила. — Правильно я говорю, Марина?» etc.

У нас сейчас чудная прислуга: мать (кухарка) и дочь (няня) — беженки из Седлеца. Обе честны, как ангелы, чудно готовят и очень к нам привязаны. Няня грамотная, умная, с приличными манерами, чистоплотная, Алю обожает, но не распускает, — словом, лучше нельзя.

— Лиленька, у меня новая шуба: темно-коричневая с обезьяньим мехом (вроде коричневого котика), фасон — вот * : сзади — волны. Немного напоминает поддевку. На мягенькой белой овчине. Мечтаю уже о весеннем темно-зеленом пальто с пелериной.

— Милая Лиленька, пока до свидания.

Переписываю Вам пока одни стихи — из последних.

Новолунье, и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
— Легкомысленнейший час! Мне же —
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд.
На пригорке монастырь — светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне сцеловываете, друг.
Я — на дерево гляжу в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
— Начинает мне Господь сниться,
Отоснились Вы ¹⁶.

* Далее в тексте рисунок Цветаевой.

Довольно часто вижу Веру. Она в этом году очень трогательна, гораздо терпимей и человечней. К Сереже она относится умильтельно: сама его гримирует, кормит, как, чем и когда только может и радуется его удачам. И Елена Васильевна к нему страшно мила. В театре его очень любят, немного как ребенка, с умилением.

— Это письмо ужасно внешне, но мне хотелось просто передать Вам наши дни. Скоро напишу Вам о себе. Пока крепко Вас целую, всего лучшего, пишите

МЭ

P.S. Умоляю Вас запомнить № дома (6) и № кв<артиры> (3! 3! 3!), а то у меня из-за Вашего письма был скандал с почтальною!.. Он возмутился отсутствием №№ дома и квартиры, я — его возмущением.

Поварская, Борисоглебский пер<еулок>

д<ом> 6, кв<артира> 3

Эфрон

<На полях:>

Эта карточка снята еще осенью и слишком темна, держите ее на солнце, пусть выгорит¹⁷.

19. М.И. ЦВЕТАЕВА, В.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Петроград>

<Между 9 и 11 марта 1916 г. Москва>

Лиленька,

Приезжайте немедленно в Москву.

Я люблю безумного погибающего человека и отойти от него не могу — он умрет¹. Сережа хочет итти добровольцем, уже подал прошение². Приезжайте. Это — безумное дело, нельзя терять ни минуты.

Я не спала четыре ночи и не знаю, как буду жить. Всё — на горе. Верю в Вашу спасительную силу и умоляю приехать.

Остальное при встрече.

МЭ

P.S. Сережа страшно тверд, и это — страшней всего. Люблю его по-прежнему.

<На обороте письма — приписка рукой В.Я. Эфрон:>

Лиля, приезжай немедленно в тот же вечер к<a>к только получишь письмо. Это очень нужно. Не откладывай ни одной минуты. Сережа подал прошение и надо устроить т<a>к, чтобы он взял обратно, пока оно не имело еще значения³.

Вера

А хуже то, что он собирается ехать в полк пехотный нижним чином.

20. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<Петроград>

14 Apr<еля> 1916 г. <Москва>

Дорогая Лиленька,

Подумай — до сих пор дела мои не подвинулись ни на йоту. Неожиданно мой возраст студентов призвали и это окончательно замутило мои планы.

Но я «тверд по-прежнему» и для того, чтобы не потерять этой твердости — начал готовиться к экзаменам. Сегодня я иду на жеребьевку¹.

Не писал тебе из-за чудовищного сумбура, который не располагает к зафиксированию.

Сегодня у тебя будет Мандельштам², который расскажет о всех московских новостях.

О себе думаю, что вернее всего попаду в Коктебель, что на медицинском осмотре меня признают негодным. Самому же мне хочется только покоя. Я измытарен до последней степени.

В Москве весна. В комнатах сидеть нет сил. Все залито солнцем и колокольным звоном. По-старому хочется отъезда и перемены. Вообще настроение птичье — перелетное.

Из всех сил примись за свое горло. С горлом можно сделать все, при настойчивости. Это я определенно знаю.

Где ты проводишь лето? Вообще напиши мне что-ниб<удь>.

Не принимай моего молчания за холод, «черствость души» и пр<очее>.

Просто сумбур.

Достань для меня у Н<юти> денег. У нас страшное безденежье. Вышли их телеграфом.

— Христос Воскресе!³

Серезжа

21. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

13 мая 1916 г. <Москва>

Дорогая Верочка, вчера мне было объявлено окончательно, что я годен к военной службе¹.

По правде сказать для меня это было сюрпризом, т<ак> к<ак> я был уверен, что месяца на три мне отсрочку дадут².

Мне посчастливилось — из тридцати человек, бывших со мной на испытании, — двадцать семь — получили отсрочки. Я начинаю с чрезвычайным почтением относиться к своему чудовищному здоровью. Две недели врачи военного госпиталя всячески испытывали меня и не смогли найти ни одного изъяна.

Мало на Руси осталось таких дубов à la Собакевич.

Сейчас не могу принять ни одного решения. Все туманно и неопределенно. Особенно боюсь я этой проклятой подписки³. Может быть самое лучшее все-таки ехать к Миронову⁴.

Завтра я иду к воинскому начальнику. Наш призыв будет очень скоро, недели через полторы — две (это не наверное. Уже два возраста студентов призваны. Остался только мой 93 года).

Если удастся вырваться в Коктебель хоть на неделю — приеду. Если же решу ехать к Миронову — в Коктебель уже не попаду, а поеду прямо в Минск. Не буду лучше говорить, как мне хотелось бы попасть к вам.

Но... будем помнить, что «пути Господа Бога неисповедимы» и что «все к лучшему».

На этих днях произойдет чудесное превращение твоего брата — в «чудо-богатыря». Отныне, на вопрос, кто мои сестры, я обязан отвечать: «мои сестры — сабли востры»⁵, что очень мало похоже на истину, особенно применительно к Лиле.

Завтра напишу еще. Пока целую тебя и всех друзей. Пра особо. Поручения твои исполнил.

<На полях:>

Неужели не придется мне Асе⁶ показывать Коктебеля.

22. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Петроград>

Коктебель, 19²² мая 1916 г.

Дорогая Лососина,

Получила Ваше письмо на берегу, его мне принесла Вера. Вера была больна (ангина), теперь поправляется, но сильно похудела. Вскармливает с рожка слепого еженка и умиляется.

Сережа тощ и слаб, безумно радуется Коктебелю, целый день на море, сегодня на Максиной вышке принимал солнечную ванну. Он поручил Мише¹ следить за воинскими делами, Миша телеграфирует ему, когда надо будет возвращаться. Всё это так грустно! Чувствую себя в первый раз в жизни — бессильной. С людьми умею, с законами нет.

О будущем стараюсь не думать, — даже о завтрашнем дне!

Аля «кормит море» камнями, ласкова, здорова. Вчера вечером, засыпая, она мне сказала: «Ты мое не-ебо! Ты моя луна-а! Никак не могу тебя разлюбить: всё любитя и любитя!»

— У Пра, Лиля, новые комнаты, — две: прежняя Максина (нечто, вроде кабинета, хотя весьма непохоже!) и прилегающая к ней — спальня. Пра, конечно, взяла эти комнаты, чтобы быть ближе к Максусу. — Макса я еще не видела, он в Феодосии. Из своих здесь: Вера, Ася², Борис³ и Мария Ивановна с двумя сестрами⁴, все три переболели ангиной. Обеды дорогие: 35 р., кормимся пока дома. Вера очень заботлива, но я боюсь ей быть в тягость. От Вас, например, я бы легко приняла всякую заботу — Вы мне близки и я Вас люблю, к Вере же у меня нет близости, мне трудно с ней говорить, ничего с собой не подделаю. Знаю, что она хорошо ко мне относится, знаю, что не заслуживаю, и мне трудно.

Ася мила, но страшно вялая, может быть она проще, чем я думаю, я ее еще совсем не знаю, она как-то ко всему благосклонна и равнодушна.

Я уже загорела, хожу в шароварах, но всё это не то, что прежние два лета (первые) в Коктебеле, нет духа приключений, да это так понятно!

— Лиленька, спасибо за письмо под диктовку. Конечно, он хороший, я его люблю, но он страшно слаб и себялюбив, это и трогательно и расхолаживает. Я убеждена, что он еще не сложившийся

душою человек и надеюсь, что когда-нибудь — через счастливую ли, несчастную ли любовь — научится любить не во имя свое, а во имя того, кого любит.

Ко мне у него, конечно, не любовь, это — попытка любить, может быть и жажда⁵.

Скажите ему, что я прекрасно к нему отношусь и рада буду получить от него письмо — только хорошее!

Лиленька! Вижу акацию на синем небе, скрежещет гравий, птицы поют.

Лиленька, я Вас люблю, мне с Вами всегда легко и взволнованно, радуюсь Вашим литературным удачам и верю в них⁶.

Целую Вас нежно.

Думаю пробыть здесь еще дней десять⁷.

Если не успеете написать сюда, пишите

Москва Поварская, Борисоглебский пер<еулоч>

д<ом> 6, кв<артира> 3.

А то Вы Бог знает что пишете на конверте!

У меня очень много стихов, есть целый цикл о Блоке⁸.

— Может быть мне придется ехать в Чугуев, м<ожет> б<ыть> в Иркутск, м<ожет> б<ыть> в Тифлис, — вряд ли московских студентов оставят в Москве!⁹

Странный будет год! Но я как-то спокойно отношусь к переездам, это ничего не нарушает.

Постарайтесь написать мне поскорей!

Еще целую.

МЭ

Стихи Лозинского¹⁰ очень милы, особенно последняя строчка!

23. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

<26 мая 1916 г.>

Москва

Лиля, куда тебе писать?

Я успел вернуться в Москву и через неделю вернее всего или еду в Одессу¹, или остаюсь в Москве. Вчера проводил Нютю на Кавказ².

Произошло знакомство Нюры и Лизы³ с Алей.

Мне предстоит пустая неделя. Нет охоты за что-либо взяться.
Сообщи немедленно куда тебе писать.
Мой адр<ес>: Борисоглебский б.
Привет

С.

24. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

31/V <19>16 г. Мос<ква>

Дорогая Верочка, рву на себе волосы от бешенства — подумай: до сих пор я ни к одной из школ ¹ не прикомандирован и сегодня воинский начальник предложил мне зайти справиться дней через пять.

И все виноват проклятый Военный госпиталь ². Нас бесящихся студентов набралось человек пятьдесят.

Все это время я мог бы пробыть в Коктебеле! Проклятье!!!

Подожди еще — очень возможно что, приехав к спектаклям Камерного Театра ³, ты застанешь меня в штатском.

Жара и духота в Москве кошмарные — я старожил таких не запомню. Сплю я раздевшись донага, даже не укрываясь простыней. Пью запоем все напитки, начиная с простой воды и кончая (увы) квасами Калинкина ⁴.

Каждый день еду на несколько часов за город. Но эти путешествия не облегчают, а только раздражают. Завтра еду к Асе Цветаевой удить рыбу ⁵.

Но самое пакостное то, что я до сих пор не выяснил своих прав. Никто ничего не знает. Это меня страшно злит.

Я тебе, кажется, уже писал, что видел Нютю. У нее вид тяжело больной. Смех сменяется слезами — та же рассеянность и пр<очее>. Очень хорошо, что она поехала на Кавказ. К тебе она чувствует особенную нежность. Много о тебе говорила, жаловалась, что ты не отвечаешь на ее письма, что она тебе не нужна, в то время как ты для нее Сестра с большой буквы и пр<очее> пр<очее>. Имей все это в виду и напиши ей первая по адр<есу>: Ессентуки — P<oste> Restante.

— Лиля переехала в свое имение Подгорье из своей квартиры на Торговой улице. Она получила место руководить экскурсиями в Царское Село, Павловск, Петергоф и пр<очее>.

Приехав в Москву я нашел трогательнейшее письмо Аси ⁶ и до сих пор не отвечаю. Передай ей, что виною этому сумбурное мое

состояние. Как только меня куда-нибудь определят, напишу всем, а сейчас не могу.

Целую крепко

Твой брат

Пра, Асю, Марию Ивановну⁷, Макса, Бориса⁸ и пр<очих> и пр<очих> приветствую всячески.

<На полях:>

Пиши на Москву.

1го у Майи свадьба, Князя⁹ забирают 7го.

25. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

5 июня <19>16 г. <Москва>

Дорогая Лиленька, я еще на свободе, но эта свобода мне горше всякой несвободы.

— Все товарищи моего возраста уже в военных школах и только человек пятьдесят студентов очутились в одном со мной положении. Военный Госпиталь, кажется, затерял наши бумаги и теперь каждые пять дней мы обязаны являться к Воинскому начальнику, который неизменно нам повторяет: — зайдите дней через пять — о вас сведений нет.

Все это время я мог бы спокойно жить в Коктебеле. Ужасно обидно!

— Прожил несколько дней с Асей Цветаевой и с Мариной в Александрове под Москвою (80 в<ерст>). Но теперь сбежал отсюда и живу один в Москве. Захотелось побыть совсем одному. Я сейчас по-настоящему отдыхаю. Читаю книги мне очень близкие и меня волнующие. На свободе много думаю, о чем раньше за суетой подумать не удавалось.

Лиленька, ты мне близка и *родственна* сама не знаешь в какой мере. Мы разными путями и при совсем разных характерах приходим к одному и тому же. Я чувствую, что могу говорить с тобой захлебываясь о самых *важных* вещах. И если не говорю, то это только случайность.

Целую тебя крепко

Сергея

Мой адр<ес>: Борисоглебский пер<еулок> 6

26. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

Москва, Поварская

Борисоглебский пер<еулоч> д<ом> 6, кв<артира> 3

Москва, 12ое июня 1916 г.

Милая Лососина,

Сережа 10ое уехал в Коктебель с Борисом, я их провожала. Ехали они в переполненном купэ Ш кл<асса>, но, к счастью, заняли верхние места. Над ними в сетках лежало по солдату. Сережины бумаги застряли в госпитале, когда вынырнут на свет Божий — Бог весть! По крайней мере, он немного отдохнет до школы прапорщиков.

Я, между прочим, уверена, что его оттуда скоро выпустят, — самочувствие его отвратительно.

В Москве свежо и дождливо, в случае жары я с Алей уеду к Асе, в Александров. Я там уже с ней гостила, — деревянный домик, почти в поле. Рядом кладбище, холмы, луга. Прелестная природа.

Лиленька, а теперь я расскажу Вам визит М<андельшта>ма в Александров¹. Он ухитрился вызвать меня к телефону*: позвонил в Александров, вызвал Асиного прежнего квартирного хозяина и велел ему итти за Асей. Мы пришли и говорили с ним, он умолял позволить ему приехать тотчас же и только неохотно согласился ждать до следующего дня. На след<ующее> утро он приехал. Мы, конечно, сразу захотели вести его гулять — был чудесный ясный день — он, конечно, не пошел, — лег на диван и говорил мало. Через несколько времени мне стало скучно и я решительно повела его на кладбище.

— «Зачем мы сюда пришли? Какой ужасный ветер! И чему Вы так радуетесь?»

— «Так, — березам, небу, — всему!»

— «Да, потому что Вы женщина. Я ужасно хочу быть женщиной. Во мне страшная пустота, я гибну».

— «От чего?»

— «От пустоты. Я не могу больше вынести одиночества, я с ума сойду, мне нужно, чтобы кто-нибудь обо мне думал, заботился. Знаете, — не жениться ли мне на Лиле?»

— «Какие глупости!»

* [Из Москвы] — зачеркнуто.

— «И мы были бы в родстве, Вы бы были моей belle soeur!»*

— «Д-да-а... Но Сережа не допустит».

— «Почему?»

— «Вы ведь ужасный человек, кроме того, у Вас совсем нет денег».

— «Я бы стал работать, мне уже сейчас предлагают 150 р. в Банке, через полгода я получил бы повышение. Серьезно».

— «Но Лиля за Вас не выйдет. Вы в нее влюблены?»

— «Нет».

— «Так зачем же жениться?»

— «Чтобы иметь свой угол, семью...»

— «Вы шутите?»

— «Ах, Мариночка, я сам не знаю!»

День прошел в его жалобах на судьбу, в наших утешениях и похвалах, в еде, в литературных новостях. Вечером — впрочем, ночью, около полуночи — он как-то приумолк, лег на олени шкуры и стал неприятным. Мы с Асей, устав, наконец, перестали его занимать и сели — Маврикий Алекс<андрович>², Ася и я в другой угол комнаты. Ася стала рассказывать своими словами Коринну³, мы безумно хохотали. Потом предложили М<андельшта>му поесть. Он вскочил, как ужаленный. — «Да что же это, наконец?! Не могу же я целый день есть! Я с ума схожу! Зачем я сюда приехал! Мне надоело! Я хочу сейчас же ехать! Мне это, наконец, надоело!»

Мы с участием слушали, — ошеломленные.

М<аврикий> А<лександрович> предложил ему свою постель, мы с Асей — оставить его одного, но он рвал и метал. — «Хочу сейчас же ехать!» — Выбежал в сад, но, испуганный ветром, вернулся. Мы снова занялись друг другом, он снова лег на оленя. В час ночи мы проводили его почти до вокзала. Уезжал он надменный.

Я забыла Вам рассказать, что он до этого странного выпада всё время говорил о своих денежных делах: резко, оскорбленно, почти цинически. Платить вперед Пра за комнату он находил возмутительным и вел себя так, словно все, кому он должен, должны — ему. Неприятно поразила нас его страшная самоуверенность.

— «Подождали — еще подождут. Я не виноват, что у меня всего 100 р.» и т<ак> д<алее>.

Кроме того, страстно мечтал бросить Коктебель и поступить в монастырь, где собирался сажать картошку.

* Свояченицей (фр.).

Сегодня мы с Асей на Арбате видали старуху, лет девяноста, державшую в одной руке — клюку, в другой — огромный голубой эмалированный горшок. Стояла она перед дверью магазина «Скорход»⁴. Все проходящие долго на нее смотрели, она ни на кого.

— Лиленька, Вам нравится?

Всего лучшего, пишите мне пока в Москву. Аля здорова, всё хорошеет. Я недавно видела во сне Петю⁵ и узнала во сне это прежнее облако нежности и тоски. Он был в коричневом костюме, худой, я узнала его прелестную улыбку. Лиля, этого человека я могла бы безумно любить! Я знаю, что это — неповторимо.

МЭ

27. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

Коктебель, июнь 1916 г.¹

Дорогая Лиля, как часто мне тебя не хватает. Многое я могу сказать только тебе. Как бы хотелось мне после Коктебеля попасть к тебе. Почему-то мне кажется, что это удастся.

О военной службе я перестал и думать. Какая-то невидимая рука отводит меня каждый раз как я неминуемо должен надеть военный мундир. Все мои товарищи уже больше месяца в военных школах. Мои же бумаги по сие время не могут быть найдены воинским начальником. Я послал ему телеграфный запрос и теперь жду ответа.

В Коктебеле я живу, как зверь. В комнаты не захожу — почти все время провожу на берегу моря. Живу у Макса в башне. До 10—11 ч. вечера туда не захожу. Книги в руки почти не беру.

Если война к осени кончится, я мечтаю устроиться под Москвой. Каждое лето желание жить не в Москве во мне усиливается. Я давно бы это сделал, если бы не Маринино отвращение к «тихим радостям сельской жизни».

— На даче Волошиных селится Арцыбашев с женой². Мне это неприятно, Макс же доволен возможности в будущем рассказывать анекдоты об этом.

Вера живет замкнуто в своем неведомом никому круге. Видно ей тяжело, но не из-за частных причин, а вообще. Твоя открытка с гаданием ее обрадовала. Ей было больно твое молчание.

Лиленька, если бы ты знала, какая здесь есть девочка. Ей семь лет. Родители: скушные, жалкие, больные — чиновник с женой. А она, наверное, обречена на смерть. Ручки и ножки — одни кости. Всего боится. Некрасивая. Никто с ней не играет. А глаза, как у Глебы³. Голова неправильная, какая-то заостренная. Ее никто не замечает. Она абсолютно одна. А в ней ужас, который только во сне может привидеться. Главное, что она наверное жить не будет. Я пробую с ней заговаривать. Меня теперь она встречает улыбкой, но такой жалкой. Глаза и морщинки у рта совсем Глебины. Может быть, она самое печальное, что я видел в жизни. Как бы мне хотелось, чтобы ты ее увидела. Теперь почему-то она редко выходит из комнаты и я ее мало вижу. Главное, что *ее все пугает*. Она шарахается от прохожих, собак, даже от шумящих деревьев. От всех она ждет злого умысла. Родители кажется с нею хороши — мне ничего не приходилось замечать подозрительного, а вместе с тем все ужасно подозрительно в ней самой.

Каждый раз как я ее встречаю я чувствую сильнейшую боль. Она как предостережение мне. И эта кисленькая, испуганная улыбка, если бы ты ее только видела.

Я не знаю даже, как ее зовут.

Ну прощай Лиленька.

Целую тебя и люблю горячо

Сережа

Пишу тебе в Коктебеле третье письмо.

28. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Подгорье, ст. Новозаполье>

<17 июня 1916 г., Коктебель>

Лиленька, дорогая моя — сейчас получил твое письмо, пересланное Мариной. — Меня пугают твои частые сомнения в необходимости твоей любви. Теперь жалею очень, что поехал сюда, а не к тебе, что не удалось поговорить с тобой именно сейчас — на свободе. Ты *ЧУДОВИЩНО* несправедлива в своих сомнениях. Мне даже трудно говорить об этом — до того это для меня нелепо.

Как бесконечно жалко, что тебя здесь нет. Почти ежедневно вспоминаем тебя. Наше раздельное житье для меня противоестественно.

Если каким-либо чудом меня освободят от воинской повинности — приеду непременно к тебе на остаток лета.

Люблю тебя горячо и на всю жизнь и от тебя требую того же.
Целую крепко

Серезжа

29. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Коктебель>

Александров, 4го июля 1916 г.¹

Дорогая, милая Лёва!

Спасибо за два письма, я их получила сразу. Прочтя про мизинец, я завыла и чуть не стошнилась, — вся похолодела и покрылась гусиной кожей, хотя в это время сидела на крыльце, на самом солнце. Lou! Дурак и гадина!

Я рада, что Вы хороши с Ходасевичем², его мало кто любит, с людьми он сух, иногда холоден, это не располагает. Но он несчастный и у него прелестные стихи, он хорошо к Вам относится? Лувишка, вчера и сегодня всё время думаю, с большою грустью, о том, как, должно быть, растревожила Вас моя телегр<амма>. Но что мне было делать? Я боялась, что умолчав, как н<и>б<удь> неожиданно подведу Вас. Душенька ты моя лёвская, в одном я уверена: где бы ты ни очутился, ты недолго там пробудешь. В этом меня поддерживает М<аврикий> А<лександрович>³, а он эти дела хорошо знает. Скоро — самое позднее к 1^{му} августу — его отправляют на фронт. Он страшно озабочен Асиной судьбой, думает и говорит только об Асе, мне его страшно жаль.

Lou, не беспокойся обо мне: мне отлично, живу спокойнее нельзя, единственное, что меня мучит это Ваши дела, вернее Ваше самочувствие. Вы такая трогательная, лихорадочная тварь!

Пишу Вам в 12 ночи. В окне большая блестящая белая луна и черные деревья. Гудит поезд. На столе у меня в большой плетенке — клубника, есть ли у Вас в Коктебеле фрукты и кушаете ли? Маврикий только что красил детскую ванну в белый цвет и так перемазался и устал, что не может Вам сейчас писать и шлет пока горячий привет.

Дети спят. Сегодня Аля, ложась, сказала мне: «А когда ты умрешь, я тебя раскопаю и раскрою тебе рот и положу туда конфету.

А язык у тебя будет чувствовать? Будет тихонько шевелиться?» и — варварски: «Когда ты умрешь, я сяду тебе на горбушку носа!» И она и Андрюша каждый вечер за Вас молятся, совершенно самостоятельно, без всякого напоминания. Андрюша еще упорно молится «за девочку Ирину»⁴ — а брата почему-то зовет: «Михайлович», с ударением на *и*.

Ася приедет, должно бытъ, в Воскресение.

Милый Лев, спокойной ночи, нежно Вас целую, будьте здоровы, не делайте глупостей с пальцем.

Лев, здесь очень много Сидоровых!⁵

МЭ

Слышу отсюда выгье Дейши!⁶

30. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Коктебель>

Александров, 7го июля 1916 г.

Обожаемый Лев,

Я была вчера у воинского начальника и вечером дала Вам телеграмму с нарочным, — Бог знает, застанет ли Вас еще мое письмо, потому пишу коротко.

4го дворник ездил в Крутицкие¹, где делопроизводитель сказал ему, что Ваше назначение получено и что Вы должны явиться через 1^{1/2} часа. Тогда Маша тотчас же послала *оставленную мною* телеграмму. Приехав, я пришла в ужас, позвонила воинскому начальнику, к<отор>ый, очень любезно известив меня, каким № и откуда к нему ехать, попросил зайти сегодня же в 4 ч. Я отправилась. Он беспомощно просил меня поторопить Вас с ответом, он послал Вам запрос 2го, а 6го еще не было ответа. Сказал, что запрос о Вас получен из штаба и показал телеграмму (штабную). Все там наизусть знают Ваш адр<ес>, чиновники наперебой декламировали его, причем один произносил: «Коктебель», а другой пояснял, что он, действительно, существует и что он сам там был. Все молодые чиновники — вылитые Могилевские². Воинский начальник вызывает Вас сам, я десять раз спрашивала его, не вызвать ли мне Вас. — «Не беспокойтесь, я сам его извещу». Итак, сидите в Коктебеле!

Не думаю, что этот вопрос для них легок. — «Ну, где же я это, наконец, узнаю!» — Слышала собственными ушами. Он похож ма-

нерами на дядю Митю³, а сложением — на Макса. Было очень жарко, мне — от волнения, ему от июля-месяца и от Льва.

Спасибо, Lou, за историю с Брюсовым и Ходасевичем!⁴ Я безумно хохотала и наслаждалась, М<аврикий> А<лександрович> тоже.

Фамилия д<иректо>ра — Сыроечковский, Евгений Иванович⁵, он был красавец, я 14 л<ет> немножко была в него влюблена. Однажды — тоже за сочинение — он призвал меня в кабинет и, запомнив только первые две строки некрасовской «Ростопчинской шутки»

В Европе сапожник, чтоб барином стать
Бунтует, — понятное дело!
У нас революцию сделала знать, —
В сапожники ль, что ль, захотела?⁶

— спросил меня: — «Вы, г<оспо>жа Цветаева, должно быть в конюшне с кучерами воспитывались?»

— «Нет, г<осподи>н директор, с директорами!»

Потом, к весне, меня вежливо исключили с пятеркой за поведение — из-за папы.

Я была на его похоронах, ближе всех стояла к гробу.

Пишу сейчас на террасе, поздняя ночь, деревья шумят, колотушка трещит.

Кажется — 12го июля опять будет призыв студентов, я это слышала в Крутицких — от кого-то из чиновников.

Ася уже ходит, я ее видела вчера. Мальчик спокойный⁷. Лев, я вчера видела в лечебнице трехдневного армянина: густая длинная, почти до бровей, черная челка, круглые, как у совы, чернейшие брови и большие черные глаза, вид миниатюрного трехлетнего ребенка. Взгляд пристальный. Я была от него в восторге, — «он жид должно быть!» Лев, знаешь, сколько сейчас платят кормилицам? — 75 р. в месяц и приданное.

Скажи М<андельшта>му, не забудь упомянуть о какао, манных кашах и яйцах! И всего по 6^{ти}: простынь, наволочек, полотенец и т<ак> д<алее>. И башмаков! — Соня (прислуга) узнав, всплеснула руками: «Ох, ба-а-арыня! И я этого не знала!» Теперь это ей не даст спать по крайней мере месяц!

Дома всё благополучно, кроме коклоша во дворе. Аля здорова и хорошо себя ведет. Недавно она мне сказала: «А когда ты умрешь, я сяду тебе на горбушку носа!» Она каждый вечер за Вас молится, Андрюша тоже.

Лува, иду спать, сейчас около двух. В Москве получила письмо от Чацкиной⁸, торопит с переводом, хочет печатать его с августа, а у меня пока переведено всего 50 стр<аниц>⁹. Надо торопиться. Сегодня я сразу перевела восемь.

Заходил к Вам Говоров и оставил записку, в к<отор>ой обещает Вам «массу интересных новостей».

Ну, Лувинышка, приятного сна, или купанья, или обеда, иду спать. Целую Ваше рыжее бакенбардие.

<Вместо подписи — рисунок козы.>

Мы с Асей решили, если у нее пропадет молоко, через каждые три часа загонять в овраг по чужой козе и выдаивать ее дотла. Я бы хотела быть вскормленной на ворованном, да еще сидоровом молоке!

P.S. Очень думаю о Ваших делах, Лев, только о них и думаю, но трудно писать.

Табак с нашей клумбы.

<На полях:>

Лев, я засушила 1¹/₂ ф<унта> белых грибов! Табак я тебе рвала в темноте и страшно боялась, но задумала.

31. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Коктебель>

8 июля <19>16 г.
Феодосия

Сижу в «Астории»¹ без ног. Жара, о которой мы в Коктебеле не имеем понятия. Ходасевич² уже не сидит, а лежит.

Билет достал с плацкартой. Едем вместе³.

Моя печень в полном расстройстве. Следствие десятка чебурек, съеденных вчера ночью на фонтане Айвазовского⁴.

С Ходасевичем не разговариваем, а обмениваемся хриплыми вздохами.

Сейчас идем к Петру Николаевичу⁵. На людях и смерть красна. Молодой Княжевич⁶ шлет дружеский привет Мише⁷.

Сергея

У Макса в башне лежит накидка Лидии Владимировны⁸. Извиняюсь, что утаил ее.

32. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Конец июля 1916 г., Москва>

Милая Вера,

Посылаю Вам спирт и книжку, ради Бога не потеряйте, а то опять придется доставать разрешение.

С<ережа> был в лечебнице: катарр, прописали ментол с кокаином, у него маленькая лихорадка.

Вера, Мандельштама забирают! ¹ И Говорова! ²

Когда у Вас новоселье? ³

Целую Вас и Магду.

МЭ

P.S. Можно ли себе мазать голову очищенным дегтем, или потом не смоешь? Это С<ережа> рекомендует, но боюсь, что тут что-то не то.

33. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

22 Авг<уста> 1916 г.
Ессенцуки ¹

Дорогая Верочка — сейчас надвигается гроза — мы сидим с закрытыми окнами (об этом позаботилась Лиля еще за два часа до первого громового раската — «стекло плохой проводник электричества») — хлопают ставни, воют собаки, шумят деревья. Лиля несмотря на тревожное свое состояние принуждена готовить ужин — она сидит в соседней комнате, окруженная nature mort'ами и помешивает какую-то похлебку. — Ей приходится часто пробовать: готово ли, достаточно ли соли и пр<очее>. Пробовагь она начинает сразу, как поставит кастрюлю на огонь и от этого у бедняжки разболелся живот. — Мученица кулинарии.

— Со второго дня по приезде сюда она начала восклицать: — «Ты знаешь, Сережа, ей-Богу, я, кажется, похудела!» Весь Лилин характер в этом соединении «ей-Богу» и «кажется». Она их всегда ставит вместе.

— О Лилином и моем лечении расскажет тебе Марина. Не хочется пересказывать. — Повторю только, что я сделал прекрасно, приехав сюда. Оказалось — мне это было совсем необходимо ².

О Лиле я и не говорю.

— Мне Марина пишет всякие ужасы о «Камерном театре». Какая муха укусила Таирова? Что с ним? Надеюсь, что дружеские советы Мариуса Петипа спасут несчастного «Фамиру»³.

— Прости, что пишу так легкомысленно на самом деле мне все это гадко очень.

— Читала ли ты «Королеву Пэдок» — Франса?⁴ Если нет, — прочти непременно — вещь поразительнейшая. Я очень увлекаюсь сейчас Франсом, которого до сего совсем не знал.

— Какое счастье, что у нас есть книги и какое несчастье вместе с тем. Без книг мы не могли бы удовлетворить своего жизненного аппетита, а с книгами мы становимся пассивными, подобно растениям.

Гроза способствует «философии».

Стало совсем темно от туч.

Спасибо тебе нежное, что исполняешь свое обещание относительно Али.

Целую

Серезжа

Адр<ес>: Пантелеймоновская ул<ица>
дача Григорьева № 22

<Приписка Е.Я. Эфрон на полях:>

Обо мне все правда, но о грозе подоврал. А живот ой болит! Все собираюсь написать много обо всем, но пока еще не отошла. Целую. Лиля.

<Приписка С.Я. Эфрона на полях:>

Заставь Марину купить 3 саж<ени> дров.

34. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<9 сентября 1916, Ессентуки>

Верочка дорогая, благодарю тебя очень за питание Али¹. Представляли себе с Лилей твой ужас, к<ог>да ты заметила недовольство Марины. Для Марины, верно, это предприятие выглядело очень нелепо. Но с твоей легкой руки Марина начала покупать мясо и потому можно считать цель достигнутой.

Доживаю здесь последние дни. Как нарочно погода прекрасная — бабье лето. Лиля останется здесь подольше.

Пишу на почте и потому так бесталанно.

Сережа

Привет Магде Максимил<иановне>².

35. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Кисловодск>

Москва, 30го сентября 1916 г.

Милая Лиленька,

Поздравляю Вас с прошедшим днем рождения¹ и обращаюсь к Вам с просьбой. Мне непременно нужна шуба, а цены сейчас на сукно безумные — 18—20 р. арш<ин>.

Купите мне, пож<алуйста>, 5—6 арш<ин> кавказского сукна, если будет кусок в 6 — лучше 6, во всяком случае не меньше пяти, шуба, в виду моего положения² должна быть cloche — широкая. Если кавказское сукно не двойной ширины, как наше, берите больше, посоветуйтесь с кем-ниб<удь> умудренным.

Цвет, Лиленька, лучше всего — коричневый, но скорей отдающий в красное, — *не оливковый, не травянистый*. Можно совсем темно-коричневый, строгий.

Следующий, если не будет коричневого, — темно-зеленый, за ним темно-лиловый, за ним темно-синий, за ним — черный, серый покупайте только в самом последнем случае, а оливко<во>го и зашитного — ни в каком случае!

У меня две шубы, и обе не годятся: одна — поддевка, в талью, другая — леопард, а быть леопардом в таком положении — несколько причудливо, хотя Ася³ и советует мнешить себе на живот вырезанного из черного плюша леопардёнша.

Буду Вам очень благодарна, Лиленька, если скоро купите и вышлете, сейчас у меня шьет портниха, и мне хотелось бы кончить всю обмундировку сразу.

Деньги сейчас же вышло, как узнаю цену, — не задержу.

Это сегодня — второе просительное письмо. Первое — дяде Мите⁴, с просьбой дать Сереже рекомендательное письмо в Военно-Промышленный Комитет⁵, — где он хочет устроиться приемщиком. Жалованье — 80—100 р., время занятий, кажется, от 11^{ми} до 4^{ех}. — Деньги сейчас очень нужны! —

Пишу стихи, перевожу Comtesse de Noailles⁶, мерзну, погода, как в ноябре.

— Ах, мне как-то оскорбительно, что есть где-то синее небо, и я не под ним!

Единственная моя уверенность — в моем праве решительно на всё, *droit de seigneur*^{*}. Если жизнь это оспаривает — я не противлюсь, только глубоко изумлена, и рукой не пошевелю от брезгливости.

— Да.

Чувствую я себя — физически — очень хорошо, совсем не тошнит и не устаю. С виду еще ничего не заметно.

— Скоро ли Вы приедете?

Сережа вернулся, хотя не потолстевший, но с ежечасным голодом, и веселый. Пьет молоко и особенных зловредностей не ест. Сейчас Магда⁷ пишет его портрет, сводя его с ума своей черепашьестью.

Аля растет и хорошеет, знает уже несколько букв, замечательно слушает и пересказывает сказки. У нее хорошая, аккуратная, чистоплотная, бездарная няня-рижанка. Другая прислуга — приветливая расторопная солдатка, милая своей полудеревенскостью. В доме приблизительный порядок. Пол-обеда готовится у соседней, на плите, мы кухню еще не топим.

— Вот Лиленька, дела хозяйственные.

А вот одни из последних стихов:

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.
— Что я поистине крылата, —
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справишься тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки,
И дышит: «душу не губи!
Крылатых женщин не люби!»⁸

^{*} Право сеньора (*фр.*).

Лиленька, у меня для Вас есть черная бархатная с бисером накладка Вашей бабушки⁹, очень торжественная.

Целую Вас.

МЭ

P.S. Если кавк<азское> сукно разного качества, берите поглубей, потолще.

36. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Кисловодск>

30 Сент<ября> <19>16 г.

Москва

Дорогая Лиленька, до сих пор никак не могу устроиться на завод. Сегодня пришлось хлопотать об этом и завтра дело мое должно окончательно выясниться. — Приходится много бегать.

— Представь себе: только что приехал в Москву, как предлагают купить прекрасную усадьбу за бесценок. — Имение гр<афа> Шувалова¹ было распродано крестьянам. — Осталась одна усадьба с барским старым домом (30 комнат) прекрасно сохранившимся. Десять десятин фруктового сада — дом стоит на горе над речкой.

Имение в 130 верстах от Москвы и 30 в<ерстах> от станции. Но там проводится новая железная дор<ога>. Рядом с имением. Стоимость — три тысячи доплаты и семь тысяч долгу Крестьянск<ому> банку (240 рубл. % в год). Подумай! Это случайность. Но без тебя не решаюсь действовать. Говорят, очень дорого стоит содержать. —

Я бы не раздумывал, — если бы не нужно было держать квартиры в Москве.

Напиши сейчас же, что думаешь по этому поводу.

Вчера встретил на Кузнецком Степуна². Он пока будет служить в тылу с переосвидетельствован<ием> каждый месяц.

Целую. В санатории ли ты?

Сережа

37. М.И. ЦВЕТАЕВА — Э.А. И М.С. ФЕЛЬДШТЕЙНАМ

<Москва, октябрь 1916 г.>

Милые Эва и Миша,

Пишу к Вам по поручению Сережи. Он просит у Вас рекомендательное письмо к Петухову¹.

Сам он очень торопился в лечебницу. Если письмо уже существует, передайте его, пожалуйста, моей прислуге.

Всего лучшего.

МЭ

P.S. Мои интимные письма — слишком интимны, официальные — слишком официальные.

Извините меня за скуку этого и не сомневайтесь в моей искренней симпатии.

38. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Начало октября 1916 г., Москва>

Милая Вера,

Если у Вас еще есть работа, пусть Анна Ивановна¹ еще побудет у Вас, — у меня сломался ключ от сундука, где все вещи для шитья, кроме того я жду от Лили кавк<азского> сукна на шубу. Когда А<нна> И<вановна> кончит у Вас, направьте ее ко мне, никому не передавайте, я ее займу дней на десять, не больше, — если Лена и Маня² могут подождать, так им и скажите.

Кроме того, дайте, пож<алуйста>, Марте³ книжку для спирта. Целую Вас.

МЭ

Сереза просит передать Магде, что придет после обеда, д<олжно> б<ыть> к трем⁴. К 12^м он идет в Военно-Промыш<ленный> Ком<итет>.

39. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. И А.С. ЭФРОН

<24 октября 1916 г., Москва>

Целую милую Лёву и Алё.

МЭ

40. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Кисловодск>

30 окт<ября> 1916 г.
Москва

Дорогая Лиленька, когда ж ты выезжаешь? — Мне писала, что 1го — Вере назначила другой срок, а по твоему последнему

письму понять уже совсем ничего нельзя. — Живи в Кисловодске как можно дольше — в Москве сейчас ужасно гадко. Дожди, сырость и непрерывные простуды. У меня кашель и насморк не прекращаются.

Не писал тебе это время, думая что письмо тебя уже не застанет.

— Марина собирается на Кавказ, м<ожет> б<ыть> и попадет проездом к тебе¹.

Я живу в каком-то тумане (буквально) с редкими часами просветления. Думаю, что все от печени. Жду твоего приезда, чтобы вместе отправиться к доктору.

— Из твоей материи пальто уже сшито. Твои сомнения в этом направлении рассеет Маринино письмо, к<отор>ое будет послано вслед за моим.

— У Веры неприятности с Таировым, к<отор>ый оказался презрительным негодяем². Чувствую, что наша дружба с ним кончится рукопашной.

Вот его разговор с Ел<еной> Вас<ильевной> Позоевой.

Ел<ена> В<а>с<ильевна>: Александр Яковл<евич> — вы обещали мне роль в новой пьесе еще в прошлом году. Скажите, чем вызвано неисполнение обещания?

Таир<ов>: Вы думаете — я давал вам роли как артистке? Вообще — знайте, что артисткой вас не считаю. А роли вам давал, как своей. Теперь ни одной роли вы от меня не получите. Кроме того запрещаю вам разговаривать со мной.

Е<лена> В<асильевна> выругавшись ушла. И каждый день по подобной истории.

В нашем доме на Полянке был пожар — сгорели все службы. Если выдадут страховые деньги — все будет обстоять хорошо.

Степуна отправляют на войну. М<ожет> б<ыть> даже он уехал вчера. Видел его за это время два раза мельком, но каждый раз хорошо.

Прощай милая. Целую

Сергея

О твоей ссоре с Федосеевой³ не знаю ничего, кроме того что ссора была. Напиши все как было — мне это знать необходимо.

Аля в моей комнате и мешает мне продолжать письмо. Наша няня (лучшая из тех, что были) ушла и теперь приходится быть с Алей неразлучным.

Поправляйся.

Не привози зелени. Ее здесь много и она дешевле. Остальное вези (подразумеваю — съедобное).

Не удивляйся грязному конверту — это единственный, к<ото>р>ый нашелся, а сегодня воскресенье.

41. Н.А. ПЛУЦЕР-САРНА — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<В Москву>

Нижний Новгород, 27 января 1917 г.

Милая Марина,

Вчерашний день я провел весь с Сережей¹. Это был очаровательный и грустнейший день. Я говорил с ним о всем что приносил нам день, легко уходя от фактического к личному отношению, к чувствованию, к себе.

Я сразу полюбил навсегда этого очаровательно отсутствующего человека с его совершенно невинно-детским отношением к жизни. Полюбил безнадежно, независимо от его отношения ко мне.

Когда я сидел с Сережей и беспокоился из-за него, из-за его волнения и страдал, что мне не дано взять на себя всего того, что может ему быть неприятно или тяжело у меня было чувство, что рядом со мной с тождественными чувствами к нему сидите Вы, милая Марина.

Это должно Вам, Маринушка, окончательно пояснить многое в моем отношении к Сереже.

Простите мне, милая, если в предыдущем я причинил Вам чем-нибудь больно. Это все так сразу свалилось на меня, что я только постепенно овладеваю переживаниями.

Мне нестерпимо грустно. Я больше ничего не в состоянии написать Вам, Марина. Остальное я мог бы передать Вам только шепотом. Все так странно и вместе с тем так естественно и просто для меня.

Здесь все живет под толстым покровом снега и холода и кажется мне иногда, что я похоронен, а живо во мне только одно острое пронзительное чувство тоски по Вас, милая Маринушка. Это одно и главное в чем я себя ощущаю.

Когда я уеду отсюда (понедельник), я стану опять прежним радостным и нетерпеливым — из-за надежды в недалеком будущем увидеть и чувствовать Вас, дорогая моя.

Никодим

42. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Москва, 28го января 1917 г.

Милая Вера,

Лиля завтра в 3 ч. занята, а Аля как раз в это время спит, так что мы лучше отложим свидание на другой раз. От Сережи пока ни слова. Целую Вас.

МЭ

43. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Между 28 января и 7 февраля 1917 г., <Москва>

Милая Вера,

Есть возможность написать и послать что-н<и>б<удь> Сереже через знакомых Марии Серг<еевны>¹, к<отор>ые уезжают в Нижний сегодня вечером.

Если надумаете, посылайте пораньше — к М<арии> С<ергеев-не>. Адр<ес> ее: Б<ольшой> Афанасьевский, д<ом> 27, кв<артира> Воскресенских. Эти самые Воскресенские-то и едут.

С<ережа> здоров, ему привили тиф, и он уже оправился. Как-ниб<удь> вечером зайду рассказать подробнее.

МЭ

44. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

7 февраля 1917 г., <Нижний Новгород>

Дорогая Верочка, спасибо тебе за письмо. Здесь письма настоящий праздник — беда только в том, что отвечать на них почти нет возможности. Все время царит невообразимый шум и кроме этого от занятий тупеешь и устаешь так, что нет сил взяться за перо. Не буду тебе описывать наш распорядок дня — Марина тебе верно уже рассказала. Сейчас у меня несколько свободных минут до обеда. Сегодня нестерпимо хочется спать — вчера был в отпуску в театре, но не

высидел и двух действий — сбежал в кафэ — вернулся в 11 ч. $\frac{1}{2}$, а в 5 $\frac{3}{4}$ ч. у<тра> нас уже будит труба. Завтра я дневальный — т.е. опять не спать круглые сутки.

— Продолжаю уже после обеда. Сейчас начнутся занятия. Дай Бог, чтобы повели на прогулку. — Вся наша комната залита солнцем. Солнце, несмотря на сильный мороз, греет.

Нижний прекрасно расположен амфитеатром на трех берегах Оки и Волги. Весною тут должно быть прекрасно.

На Масляницу должен был приехать в Москву в отпуск, но, увы, из-за прекращения железнодорожного движения Командующий войсками не разрешил давать отпуска.

Прощай Верочка. Привет тебе и Магде. Передай Магде, что любовострастное выражение моей губы исчезло и взамен появилось Бонапартовское.

Да, не забудь, я как-то написал Марине всякие ужасы о нашем батальоне — передай ей, что ничего страшного нет и в частности усиленный арест в темной комнате здесь не употребителен. А то я с чужих слов ей наврал.

М<ожет> б<ыть> десятого нас отправят в Москву, но об этом я боюсь мечтать.

Привет всем.

Боже, какие здесь морозы!

На моем адр<есе> пиши только имя и фамилию — без отчества.

45. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Петергоф 18 февр<аля> 1917

Дорогая Лиленька, сегодня мне опять привили тиф и потому времени больше, чем всегда. Хочется как можно больше написать писем — писать письма в школе большая радость — хотя сосредоточиться здесь временами почти невозможно. В одной комнате помещаются более ста человек — все это галдит, поет, ругается, играет на балалайках и пр<очее> и пр<очее>.

После жизни здесь — мне Грифцов¹ стал окончательно непонятен. Всё что его раздражает и злит сейчас в окружающих — мне стало абсолютно близким. Москва со всеми оставленными там кажется где-то страшно далеко — даже больше, на другой планете. Все похоже на сон. Хочется ущипнуть себя и проснуться на диване у себя

в полутемной комнате. Мож^{<ет>} быть у Грифцова не было этой «комнаты».

Сейчас позовут ужинать.

Подробности о моей жизни в письме к Марине.

Один вопрос мне не дает здесь покоя и я очень, очень мучаюсь (не говори Марине).

— Но об этом к^{<ак>}-нибудь в другой раз.

Пока прощай. Не пишу тебе — п^{<отому>} что или времени нет — или усталость не позволяет.

Целую и люблю

Сережа

Пиши на моем адресе: юнкеру имя (без отчества и фамилию).

46. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

13/III <19>17. Петергоф¹

Дорогая Верочка. — Сейчас утро — начинается рабочий день — первый час гимнастика — я от нее освобожден и потому пишу письма.

В Петрограде прежняя мерзость. Для солдат необходимо поражение, чтобы привести их в должный воинский вид. Я их больше не могу видеть, так они раздражают меня.

По новым правилам я имею право ночевать вне школы и освобождаюсь от 6 веч^{<ера>} до 7 1/2 утра. Жалко, что в Петергофе у меня никого нет — в Петроград ездить не хватает времени. —

Передай Магде² — что матери ее звонил и ее успокоил. Она собирается в Москву.

Целую. Когда приезжаешь в П^{<етро>}гр^{<а>}д.

Сережа

47. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Не ранее 13 апреля 1917 г., Москва>

Милая Лиля,

С^{<ережа>} пишет, что всё время всех сажает под арест, что на будущее в П^{<етро>}граде[>] смотрит безнадежно и что едет в П^{<етро>}

град> повидаться с Асей¹ и Степуном. Бориса² попросите ко мне приехать завтра в 4 ч., а Никодиму³ позвоните 5—04—46 (Никодим Акимович) чтобы приезжал завтра в 1 ч., а то я не хочу, чтобы они встретились с Б<орисом>. Поцелуйте за меня Алю и скажите ей, что ее сестра всё время спит.

МЭ

48. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Москву>

Милая Аля,

Я очень по тебе соскучилась. Посылаю тебе картинку от мыла. Твою сестру Ирину мне принес аист — знаешь, такая большая белая птица с красным клювом, на длинных ногах.

У Ирины темные глаза и темные волосы, она спит, ест, кричит и ничего не понимает. Кричит она совсем как Алеша¹, — тебе понравится.

Я оставила для тебя няне бумагу для рисования, нарисуй мне себя, меня и Ирину и дай Лиле, она мне привезет. Веди себя хорошо, Аленька, не капризничай за едой, глотай, как следует.

Когда я приеду, я подарю тебе новую книгу.

Целую тебя, напиши мне с Лилей письмо

Марина

16ое апреля 1917 г. <Москва>

Попроси Лилю, чтобы она иногда с тобой читала.

49. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Москву>

<Между 16 и 28 апреля 1917 г., Москва>

Милая Аля,

Вера мне передала то, что ты сказала, и мне стало жалко тебя и себя. Я тебя недавно видела во сне. Ты была гораздо больше, чем сейчас, коротко стриженная, как мальчик, в грязном платье и грязном фартуке. Но лицо было похоже. Ты вбежала в комнату и, увидев меня, остановилась. — «Аля! Разве ты меня не узнаешь?» спросила

я и мне стало страшно грустно. Тогда ты ко мне подошла, но была какая-то неласковая, непослушная.

И Ирину я видала во сне, точно она уже выросла, и у нее зеленые глаза, и когда на них смотришь они делаются похожи на крылья бабочки.

Аля! Не забудь сказать Маше ¹, что я прошу, чтобы она поскорее отдала в починку корыто и примус. А няне скажи, чтобы она без меня полосатого и голубого бархатного платья тебе не надевала. Ты, наверное, без меня гадко ешь и обливаешься молоком. А гулять в хорошую погоду ходи не на Собачью площадку, а на Новинский бульвар. Там больше места тебе играть и меньше пыли.

Мартыха! Не забывай по вечерам молиться за всех, кого ты любишь. Молись теперь и за Ирину. И за то, чтобы папа не попал на войну. Крепко тебя целую.

Марина

50. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Москву>

Москва, 28ое апреля 1917 г.

Милая Аля,

Посылаю тебе конфеты. Пусть Лилия тебе дает по одной после обеда и ужина, если ты хорошо ела.

Помнишь ли ты меня еще? Я тебя очень часто вспоминаю. Здесь есть один ребенок, который кричит, как игрушечный баран. А твой баран, которого тебе папа на Пасху подарил, еще кричит?

Я радуюсь за тебя, что такая хорошая погода.

Аленька, узнай у Маши взяла ли она из починки мои башмаки и отдала ли чинить калоши. Если нет, попроси, чтобы она это сделала. Напиши мне с Лилей или Верой письмо и пришли рисунки. Я по тебе соскучилась.

Недавно я видала Маврикия ¹. У Алеши два зуба и он начинает ходить один. А Андрюша болен, у него жар ².

Крепко тебя целую, Мартышенька, будь здорова и веди себя хорошо. Приеду — подарю тебе новую книгу.

Марина

51. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Москва, 29ое апреля 1917 г.

Милая Лиленька,

У меня к Вам просьба: не могли бы Вы сейчас заплатить мне? Вы мне должны 95 р. — 70 р. за апрель (по первые числа мая), 24 р. за март (70 р. — 46 р., к<отор>ые Вам остался должен Сережа) и 1 р. за февр<аль>. (Вы мне должны были — помните, мы считались? — 18 р., но 2 раза давали по 10 р., а я в свою очередь платила за молоко, так что в итоге Вы мне оставались должны за февраль 1 р. У меня каждая копейка записана, дома покажу.)

У меня сейчас большие траты: непредвиденный налог в 80 р., квартирная плата, жалованье прислугам, чаевые (около 35 р.) здесь, — и м<ожет> б<ыть> еще 25 р. за 2 недели, если до 4го не поправлюсь.

А занимать мне не у кого, я Никодиму¹ д<о> с<их> п<ор> должна 100 р.

— Сделаем так. Купите мне у Френкелей² пару башмаков — 29 номер (их 38 мне мал), а остальные деньги, если не трудно, пришлите с Верой. Смогу тогда начать платежи. Пришлите и башмаки, всё-таки надо померить.

Потом — Вера говорила о каком-то варшавск<ом> сапожнике. Возьмите у Маши мои *старые* желтые башмаки (полуботинки), к<отор>ые я хотела продавать. Она знает. Пусть сапожник сделает из них полуботинки (а м<ожет> б<ыть> выйдут башмаки) для Али. На образец дайте Алины *новые черные*. А то я всё равно не продам. За работу давайте, я думаю, *не больше 5 р.*

— И еще поручение, Лиленька. Сдавайте офицер<скую> комнату³ *на всё лето*, — условие: ежемес<ячная> плата вперед (это всегда), и чтобы по телеф<ону> ему звонили не раньше 4 ч. дня. А то опять прислуге летать по лестницам. И сдавайте *непрем<енно>* мужчине. Женщина целый день будет в кухне и всё равно наведет десяток мужчин.

Чувствую себя хорошо. Вчера д<окто>р меня выслушивал. В легких ничего нет, простой бронхит. Вижу интересные сны, записываю. Вообще массу записываю — мыслей и всего: Ирина научила меня думать.

Очень привыкла к жизни здесь, буду скучать. Время идет изумительно быстро: 16 дней, как один день.

Множество всяких планов, — чисто внутренних (стихов, писем, прозы) — и полное безразличие, где и как жить. Мое — теперь — убеждение: Главное — это родиться, дальше всё устроится.

Ирина понемножечку хорошеет, месяца через 3 будет определенно хорошенькая. По краскам она будет эффектной Али, и вообще — почему-то думаю — более внешней, жизненной. Аля — это дитя моего духа. — Очень хороши — уже сейчас — глаза, необычайного блеска, очень темные (будут темно-зеленые или темно-серые), — очень большие. И хорош рот. Нос, думаю, будет мой: определенные ноздри и прямее Алиного, вроде как у Андрюши в этом возрасте. Мы с Асей знатоки.

Когда вернусь, массу Вам расскажу о женщинах. Я их теперь великолепно знаю. Сюда нужно было бы посылать учиться молодых людей, — как в Англию.

Целую Вас.

Да! В понедельн<ик> Алю с Маврикием⁴ не отпускайте, я м<ожет> б<ыть> скоро вернусь (3го) — и хочу непременно, чтобы Аля была дома. Кроме того, я не смогу без няни.

Значит, Лиленька, не забудьте насчет башмаков. № 29. И непременно на каблуке.

МЭ

<На полях:>

Сейчас тепло. Пусть Аля переходит в детск<ую>, а С<ережи>-ну комн<ату> закройте.

52. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

Москва, двадцать девятого апреля, тысяча девятьсот семнадцатого года, суббота

Милая Аля,

Может быть я теперь уже скоро вернусь Я тебя не видала только шестнадцать дней, а мне кажется, что несколько месяцев.

У тебя наверное без меня подросли волосы и можно уже будет заплетать тебе косички сзади.

Я думала — у Ирины темные волосы, а оказались такие же, как у тебя, только совсем короткие. А глаза гораздо темней твоих, мышиного цвета.

Мартышенька, почему ты мне не присылаешь рисунков? И почему так редко пишешь?

Боюсь, что ты меня совсем забыла.

Гуляй побольше, теперь такая хорошая погода. На бульвар можно брать с собой мячик, на Собачью площадку не бери и вообще там не гуляй.

Целую тебя. Будь умницей. Может быть скоро увидимся.

Марина

53. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москве>

Москва, 2го мая 1917 г., вторник

Милая Вера,

Завтра еду домой. Т° сегодня — в первый раз за 2 недели — 36,9.

Пусть завтра в 4 ч. дня заедет за мной Маша. Напомните ей привезти Алино розовое ватное одеяло и дайте ей сдачу с 28 р. (пусть разменяет помельче!) И если можно пришлите еще 25 р.

Другая просьба: завтра же запишитесь для Ирины в Детское Питание, на 4 кормления в день. Скажите, что ребенку 3 недели. Молока у меня определенно не хватает. Вчера проверяла. Главный врач сразу посоветовал Детское Питание. (Буду чередовать себя с ним). — «Кормилицы Вы сейчас не достанете, — и не ищите! А молоко в Д<етском> П<итании> стерилизов<анное>, отличн<о> приспособл<енное> для каждого детского возраста. За успех такого прикармливания ручаюсь. Но придется Вам лето посидеть в Москве».

Так что, Вера, непременно завтра же запишитесь. Буду брать с 4го числа. Спросите у Аси¹, как это делается, и можно ли брать молока на 4 кормления в день. (Кажется — на кажд<ый> раз — бутылочка).

Целую Вас и Магду². — Мне так совестно за свои вечные просьбы, но скоро я буду здорова и всё это кончится.

54. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Милая Лиля,

Рабочие от Шора¹, неся вниз роляль, разбили почти все перила и сломали притолоку. Будьте добры, пришлите кого-нибудь починить, — перила почти целиком снесены, и ходить по лестнице опасно.

МЭ

Москва, 19го мая 1917 г., пятница

— Если Вы согласны произвести эту починку, ответьте мне пожалуйста через Машу.

55. Н.А. ПЛУЦЕР-САРНА — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<В Москву>

Нижний Новгород, 12 июня 1917 г.

Полдень. Нестерпимо жарко. Вся комната залита солнцем. Около моего письменного стола непрерывно шныряют полураздетые с красными потными измученными лицами люди. На улице 42°, а в комнате не меньше 50°.

Я пьян от тоски. Моя крепкая упругая душа непрерывно мечтает. ... * ный раскаленный дом. Вокруг лихорадочная, каторжная работа, а я прислушиваюсь к долетающему до меня через окна могучему реву бушующего громадного города. Человеческое море, бесконечные груды домов освобождают меня совершенно, становлюсь чужим и заливаюсь любовью к жизни.

Это сплошная музыка — потрясающий ритм моей собственной души.

Захочу брошу, сяду в вагон и полечу через поля, луга, леса, к пустынному сожженному солнцем морскому берегу. Буду лежать на камнях, ночью, смотреть широко открытыми глазами ... * небо и слушать, через рев моря и грустный кладбищенский шелест листьев, тот же потрясающий ритм моей собственной души...

Когда, Маринушка, я держу в руках Вашу светлую головку и вглядываюсь в Ваши зеленые глаза через всю стихию полета страсти, тоски, восторга чую явственно весь меня поглощающий ритм

¹ Часть текста на первой странице письма оторвана.

Вашей души. Это мой собственный ритм — это две реки сливаются в один широкий могучий поток. Это мгновения великого освобождения, потери собственных душевных очертаний, чувства одиночества. Я не знаю где Вы и где я, Вы ли во мне, я ли в Вас. Другой, СВОЕЙ душой получаю свое оправдание и даю его. Это полученное от другого неопровержимое доказательство своего бытия — бессмертие.

Вы поймете, Маринушка, как Вы мне необходимы. Без Вас я проживу у чужих людей, молчалиником, в холоде, изредка согреваемый пламенем чужих костров.

Мы с Вами, Маринушка, двое БЛАГОРАЗУМНО несчастных БЕЗУМНО счастливых людей.

Марина!!

Никодим

Поезд мой опоздал в Нижний на целых 5 часов вместо 8-ми я приехал в 2 часа. Я буду в отчаянии если в субботу это повторится.

Никодим

56. С.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<В именование Канашево, ст. Долыссы>

18 июня <19>17 г.

Петергоф

Верочка, спасибо тебе за письмо — написал бы раньше, да не знал адреса¹.

До моего выпуска осталось две недели — все время уходит на примерку всякого офицерского снаряжения. Я страдаю — для меня портной или сапожник не менее страшен, чем зубной врач.

Вернее всего устроюсь после школы в полк Миронова² (24 Гренадерский Навтлукский). Кавказские корпуса сейчас одни из лучших. Или в ударный батальон. Ни в коем случае не дам себя на съедение тыловых солдат. При моей горячности — это гибель.

Умер Маврикий³. Заболел гнойным аппендицитом — диагноз врачом был поставлен неправильно — нарыв вскрылся сам и он прохворав три дня умер. О его смерти напишу подробнее в письме.

К тебе попасть не удастся, хотя и хочется очень.

Привет Асеньке⁴. Целую С.

Поклон Валер<ии> Дмитр<иевне>⁵.

57. Н.А. ПЛУЦЕР-САРНА — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

< В Москву >

26 июня <1917 г.>, Нижний Новгород

Ветер, дождь и ранние почти осенние сумерки. В мучительной тоске подъезжал я к вокзалу. Свет больших вокзальных ламп сразу снял с меня все беспокойство, всю тоску. — Я сел у столика и с радостью, безумной, безудержной думал о жизни, о Вас, Марина. Я был один, заброшенный, незнакомый, чужой, бездомный и БЕЗЗАБОТНЫЙ. Я уезжал не из ДОМУ и не ехал в ДОМ. Каждый встречный теперь мне спутник на час, на ночь.

Вошел в вагон, в купэ, открыл окна и залез в угол. Поезд помычался. Ветер унес последние остатки навеянной сидячности — оседлости. Это маленькое купэ, брошенное в бесконечное пространство полей, лугов, лесов — дом мой. В нем я освобожденный, настоящий, безудержный, безнаказанный с душой-вольницей.

Изредка меня выбрасывает на освещенные шумные полустанки, станции. Белые женские фигуры, низкие голоса, возбужденные глаза от лета, ночи, цветов, музыки и таинственного поезда... полного странствующих рыцарей.

Марина, мне необходимо жить и любить и ни одна такая ночь не должна пройти безвозвратно в разлуке с моей спутницей. Поймите.

Я с горечью думаю о своей судьбе. —

27 июня

Сегодня проснулся ночью и душа у меня падала тяжело и отвесно в глубину без дна. Захотелось определенно осязательной элементарной действительности. Жизни вдвоем, простых слов, восторга, отраженного чужой душой. Другую чужую руку крепко сжатаю. Других глаз, безнадежно чужих и бесконечно милых... —

Марина, я к Вам сегодня телеграфировал. Конец моей телеграммы требует разъяснения: «приветствовать нельзя». Первоначально в тексте я просто писал «привет». Барышня отказалась принять «приветственную» телеграмму. Я от злости так переделал текст.

Как Вам известно, должно быть, Таня¹ уехала в Самару на встречу сестре своей и я ее ожидаю к воскресению или понедельнику чтобы вместе ехать в Москву.

Всего лучшего

Никодим

58. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Михайловское, ст. Белые столбы>

Москва, 29ое июня 1917 г., четверг

Милая Лиля,

Сережа жив и здоров, я получила от него телегр<амму> и письмо. Ранено свыше 30^{ти} юнкеров (двое сброшено с моста, — раскроенные головы, рваные раны, — били прикладами, ногами, камнями), трое при смерти, один из них — только что вернувшийся с каторги социалист. Причина: недовольство тем, что юнкера в с<оциал>-д<е-мократической> демонстр<ации> 18го июня участия почти не принимали, — и тем, что они шли с лозунгами: «Честь России дороже жизни». — Точного дня приезда Сережи я не знаю, тогда Вас извещу.

Сейчас я одна с кормилицей и тремя детьми (третий — Валерий — 6 мес<яцев> — сын кормилицы.) Маша¹ ушла. Кормилица очень мила, и мы справляемся.

О своем будущем ничего не знаю. Аля и Ирина здоровы, Ирина понемножку поправляется, хотя еще очень худа.

Пишу стихи, вижусь с Никодимом², Таней³, Л<идией> А<лександровной>⁴, Бердяевым⁵. И — в общем — всё хорошо. Привет Эве⁶.

МЭ

Спасибо за землянику Але, — не поблагодарила раньше, п<отому> ч<то> потеряла адрес.

59. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Михайловское, ст. Белые столбы>

Милая Лиля,

Последнее, что я знаю о Сереже, это то, что вчера (4го) должен был быть его выпуск. С тех пор я писем не получала. Он писал 25го.

Коротенькая записочка и вырезки из газеты о нападении большевиков на петергофцев, — я тогда Вам писала.

Я вчера вечером была на Тверской. Огромная толпа стройным свистом разгоняла большевиков. Среди солдат раздавались возгласы: «Подкуплены! Николай II хотят!» — «Товарищи, кричите погромче: «Долой большевиков!»

Мчались колбочие от винтовок автомобиля. Настроение было грозное. Вдруг кто-то крикнул, толпа — обезумев — побежала, — иступленные лица, крики — ломались в магазины — Ходынка.

Я что есть силы бросилась на совершенно опустевшую мостовую, — ни одного человека — ждали выстрелов.

Одно только чувство: ужас быть раздавленной. Всё это длилось минуту-две. Оказалось, — ложная тревога. Мы были с Лидией Александровной¹.

По переулкам между Тверской и Никитской непрерывно мчались вооруженные автомобили большевиков. Первый выстрел решил бы всё.

Мы с Лидией Александровной пробыли там часов до одиннадцати, — не стреляли.

Я в безумном беспокойстве за Сережу. Как только получу от него телеграмму, мгновенно телеграфирую Вам.

Москва — какой я ее вчера видала — была прекрасной. А политика, может быть, — страстнее самой страсти.

МЭ

Москва, 5 июля 1917 г., среда

— Сегодня целый день — гром. В городе тихо.

60. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В имение Михайловское, ст. Белые столбы>

<7 августа 1917 г., Москва>

Дорогая Лиленька, спасибо за цветы — посылаю тебе ответный подарок — ответ на твою телеграмму Волю¹.

С трудом пишу, потому что поранил себе палец из револьвера.

У нас все благополучно — Ирина начала прибавлять.

— Недавно зашел твой большевик² и принес фунт рису и хлеба. Умиляйся!

Вера приезжает в 20^х числах августа.

Мои военные дела без перемен. Завтра дежурю в Кремле —

Все книги будут тебе присланы. Они сейчас раскладываются.

Целую. Привет Эве³.

Сережа

Цветы очень хороши.

61. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель >

Москва, 7ое августа 1917 г.

Дорогой Макс,

У меня к тебе *огромная* просьба: устрой Сережу в артиллерию, на юг. (Через генерала Маркса?)¹

Лучше всего в крепостную артиллерию, если это невозможно — в тяжелую. (Сначала говори о крепостной. Лучше всего бы — в Севастополь.)

Сейчас Сережа в Москве, в 56 пехотном запасном полку.

Лицо, к которому ты обратишься, само укажет тебе на форму перехода.

Только, Макс, умоляю тебя — не откладывай.

— Пишу с согласия Сережи —

Жду ответа.

Целую тебя и Пра.

МЭ

(Поварская, Борисоглебский пер<еул>
д<ом> 6, кв<артира> 3)

62. М.И. ЦВЕТАЕВА, С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель >

Москва, 9ое августа 1917 г., среда

Милый Макс,

Оказывается — надо сделать поправку. Сережа говорит, что в крепостной артиллерии слишком безопасно, что он хочет в тяжелую*.

Если ты еще ничего не предпринимал, говори — в тяжелую, если дело уже сделано и неловко менять — оставь так, как есть. Значит, судьба.

Сереже очень хочется в Феодосию, он говорит, что там есть тяжелая артиллерия.

* Я о крепостной написала тебе с чужих слов, не знала разницы. (Примеч. М.И. Цветаевой).

Милый Макс, если можно — не откладывай, я в постоянном страхе за Сережину судьбу. — И во всяком случае тяжелая артиллерия где бы то ни было — лучше пехоты*.

Скажи Пра, что я только что получила ее письмо, что завтра же ей ответчу, поблагодари ее.

Сегодня у меня очень занятой день, всё мелочи жизни. В Москве безумно трудно жить. Как я бы хотела перебраться в Феодосию! — Устрой, Макс, Сережу, прошу тебя, как могу.

Целую тебя и Пра.

Недавно Сережа познакомился с Маргаритой Васильевной¹, а я — с Эрэнбургом. Вспоминала твой рассказ об *épilatoire*** — и потому — не доверяла. У нас с ним сразу был скандал, у него отвратительный тон сибиллы. Потом это уладилось².

Сереже Маргарита Васильевна очень понравилась, мне увидеться с ней пока не довелось.

МЭ

— Макс! Ты может быть думаешь, что я дура, сама не знаю, чего хочу, — я просто не знала разницы, теперь я уже ничего менять не буду. Но если дело начато — оставь, как есть. Полагаюсь на судьбу.

Сережа сам бы тебе написал, но он с утра до вечера на Ходынке, учит солдат, или дежурит в Кремле. Так устает, что даже говорить не может.

<Рукой С.Я. Эфрона:>

Милый Макс, ужасно хочу, если не в Коктебель, то хоть в окрестности Феодосии. Прошу об артиллерии (легкая ли, тяжелая ли — безразлично), потому что пехота не по моим силам. Уже сейчас — сравнительно в хороших условиях — от одного обучения солдат — устаю до тошноты и головокружения. По моим сведениям — в окрестностях Феодосии артиллерия должна быть. А если в окрестностях Феодосии нельзя, то куда-нибудь в Крым — ближе к Муратову³ и Богаевскому⁴.

— Жизнь у меня сейчас странная — и не без некоторой приятности: никаких мыслей, никаких чувств, кроме чувства усталости — опростился и оздоровился. Целыми днями обучаю солдат — «маршам, военным артикулам» и пр<о чему>. В данную минуту тоже тошноту на Ходынку.

* Абзац отчеркнут слева вертикальной линией.

** <Средство>, удаляющее волосы (*фр.*).

Буду ждать твоего ответа, чтобы в случае неудачи предпринять что-либо иное. Но все иное менее желательно —
 — Хочу в Феодосию! *⁵
 Целую тебя и Пра.

Серезжа

Пре напишу отдельно.

63. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Москва, 24ое августа 1917 г.

Дорогой Макс,

Я еду с детьми в Феодосию. В Москве голод и — скоро — холод, все уговаривают ехать. Значит, скоро увидимся.

Милый Макс, спасибо за письмо и стихи. У меня как раз был Бальмонт, вместе читали.

Макс, необходимо употребить твой последний ход, п<отому> ч<то> в Москве переход из одной части в другую — воспрещен. Но с твоим ходом это *вполне* возможно¹. Причина: здоровье. Серезжа блестящее подтверждение.

Макс, поцелуй за меня Пра, скоро увидимся. Пишу Асе² чтоб искала мне квартиру. Недели через 2 буду в Феодосии.

МЭ

64. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Москва, 25ое августа 1917 г.

Дорогой Макс,

Убеди Серезжу взять отпуск и поехать в Коктебель. Он этим бредит, но сейчас у него какое-то расслабление воли, никак не может решиться. Чувствует он себя отвратительно, в Москве сыро, промозгло, голодно. Отпуск ему конечно дадут. Напиши ему, Мак-

* Фраза подчеркнута двойной линией.

синька! Тогда и я поеду, — в Феодосию, с детьми. А то я боюсь оставлять его здесь в таком сомнительном состоянии. Я страшно устала, дошла до того, что пишу открытки. Просыпаюсь с душевной тошнотой, день, как гора. — Целую тебя и Пра. Напиши Сереже, а то — боюсь — поезда встанут.

МЭ

65. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

13ое сентября 1917 г. <Москва>

Милая Вера,

Я сейчас так извелась, что — или уеду на месяц в Феодосию (гостить к Асе¹) с Алей, или уеду совсем. Весь дом поднять трудно, не знаю как быть.

Если Вы или Лиля согласитесь последить за Ириной в то время, как меня не будет, тронусь скоро. Я больше так жить не могу, кончится плохо.

Спасибо за предложение кормить Алю. Если я уеду, этот вопрос пока отпадает, если не удастся, — это меня вполне устраивает. Сейчас мы все идем обедать к Лиле. Я — нелегкий человек, и мое главное горе — брать что бы то ни было от кого бы то ни было.

Целую Вас и Асю².

МЭ

Если будете посылать в Офицерское³ — купите и для нас. Мы сейчас без прислуги. Что купить Вы уже сами сообразите. (Съедобное.)

<На полях:>

Алю пришлю завтра в 6 часов.

66. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ И М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

15 сент<ября> 1917, Москва

Дорогая Пра, спасибо Вам за ласковое приглашение. Рвусь в Коктебель всей душой и думаю, что в конце концов вырвусь.

Все дело за «текущими событиями». К ужасу Марины я очень горячо переживаю все, что сейчас происходит — настолько горячо, что боюсь оставить столицу. Если бы не это — давно был бы у Вас.

Вернее всего первой приедут Марина с Алей. Они остановятся у Аси¹ и м<ожет> б<ыть> пробудут в Феодосии всю зиму.

— Я занят весь день обучением солдат — вещь безнадежная и бесцельная. Об этом стоило бы написать поподробнее, но, увы, — боюсь «комиссии по обеспечению нового строя».

Вчера вечером было собрание «обормотника», на к<отор>ом присутствовала Маргарита Васильевна². — Много вспоминали Вас и Коктебель и... Боже, как захотелось из Москвы.

Здесь все по-прежнему. Голодные хвосты, наглые лица, скандалы, драки, грязи как никогда и толпы солдат в трамваях. Все полны кипучей злобой, к<отор>ая вот вот прорвется.

— Только что был Бальмонт. Привел с собою какую-то поэтессу³, пунцовую от смущения. Она читала свои стихи, выпаливая их с невероятной быстротой. Стихи выглядели скороговорками — вроде — «на дворе трава, на траве дрова». А стихи у нее хорошие.

Бальмонт прекрасен. Он меня очаровал сразу, как я его увидел. Представлял же я его себе совсем иным. Он часто заходит к нам.

До свидания милая Пра. Крепко Вас целую и люблю.

Ваш Сережа

Милый Макс, спасибо нежное за горячее отношение к моему переводу в Крым. Маркс⁴ мне уже ответил очень любезным письмом и дал нужную справку.

— Но в Москве мне чинят препятствия и верно с переводом ничего не выйдет. Может быть так и нужно. Я сейчас так болен Россией, так оскорблен за нее, что боюсь — Крым будет невыносим. Только теперь почувствовал до чего Россия крепка во мне. —

Бальмонт сразу победил меня своим пламенным отношением к тому, что происходит.

С очень многими не могу говорить. Мало кто понимает, что не мы в России, а Россия в нас.

Обнимаю тебя и люблю.

Сережа

67. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Москву>

Феодосия, 19²² октября 1917 г.

Дорогой Сереженька,

Вы совсем мне не пишете. Вчера я так ждала почтальона — и ничего, — только письмо Асе¹ от Камковой². Ася всё еще в имении³. Она выходила сына Зелинского от аппендицита, он лежал у нее три недели, и теперь родители на нее Богу молятся. Я не поехала, — сначала хотели ехать все вместе, но я не люблю гостить, старики на меня действуют угнетающе, я чувствую себя виноватой во всех своих кольцах и браслетах. Сторожу Андриюшу⁴. Я к нему совершенно равнодушна, как он ко мне и — вообще — ко всем. Роль матери при нем сводится к роли слуги, ни малейшего ответного чувства, — камень.

Лунные ночи продолжаются. Каждый вечер ко мне приходит докторша, иногда Н.И. Хрустачев⁵. Он совсем измучен семьей, озлоблен. Приходит, ложится на ковер, курит. Мы почти не говорим, и приходит он, думается, просто чтобы не видеть своей квартиры. Иногда говорю ему стихи, он любит, понимает. И жена его измотана, работает на него и на девочку, как раб, сама моет полы, стирает, готовит. Безнадежное зрелище. Оба правы, — верней — никто не виноват. И ни тени любви, одно озлобление.

Я живу очень тихо, помогаю Наде⁶, сижу в палисаднике, над обрывом, курю, думаю. Здесь очень ветрено, у Аси ужасная квартира, сплошной сквозняк. Она ищет себе другую.

Все дни выпускают вино. Город насквозь пропах. Цены на дома растут так: великолепный каменный дом со всем инвентарем и большим садом — 3 месяца тому назад — 40.000 р., теперь — 135.000 р. без мебели. Одни богатеют, другие баснословно разоряются (вино).

У одного старика выпустили единственную бочку, к<отор>ую он берег уже 30 лет и хотел доберечь до совершеннолетия внука. Он плакал. Расскажите Борису⁷, это прекрасная для вас обоих тема.

Сереженька, я ничего не знаю о доме: привили ли Ирине оспу, как с отоплением, как Люба⁸, — ничего. Надеюсь, что всё хорошо, но хотелось бы знать достоверно.

Я писала домой уже раз семь.

Сейчас иду на базар с Надей и Андрюшей. Жаркий день, почти лето. Устраивайте себе отпуск. Как я вернусь — Вы поедете. Пробуду здесь не дольше 5^{то}, могу вернуться и раньше, если понадобится.

До свидания, мой дорогой Лев. Как Ваша служба? Целую Вас и детей.

МЭ

P.S. Крупы здесь совсем нет, привезу что даст Ася. *Везти ли с собой хлеб?* Муки тоже нет, вообще — не лучше, чем в Москве. Цены гораздо выше. Только очередей таких нет.

С кем видите в Москве? Повидайтесь с Малиновским⁹ (3—66—64) и спросите о моей брошке?

68. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Москву>

Феодосия, 22^{то} октября 1917 г.

Дорогой Сереженька!

Вчера к нам зашел П<етр> Н<иколаевич>¹ — вести нас в здешнее литературное общество «Хлам»². Коля Беляев³ был оставлен у двери, как нелитератор.

Большая зала, вроде Эстетики. Посредине стол, ярко освещенный. Кипы счетоводных (отчетных) книг. Вокруг стола: старуха Шиль (лекторша)⁴, черный средних лет господин, Галя Полуэктова⁵ и еще какое-то существо вроде Хромоножки⁶, — и П<етр> Н<иколаевич> с нами двумя.

— А у нас недавно был большевик! — вот первая фраза. Исходила она из уст «средних лет». — «Да, да, прочел нам целую лекцию. Обыватель — дурак, поэт — пророк, и только один пророк, — сам большевик».

— Кто ж это был?

— Поэт Мандельштам.

Всё во мне зыграло.

— Мандельштам прекрасный поэт.

— Первая обязанность поэта — быть скромным. Сам Гоголь...

Ася: — Но Гоголь сошел с ума!

— Кто знает конец г<осподи>на М<андельшта>ма? Я напр<имер> говорю ему: стихи создаются из трех элементов: мысли, краски, музыки. А он мне в ответ: — «Лучше играйте тогда на рояле!» — «А из чего *по Вашему* создаются стихи?» — «Элемент стиха — слово. Сначала бе слово...» Ну, вижу, тут разговор бесполезен»...

Я: — Совершенно.

Шиль: — Значит одни слова — безо всякой мысли?

П<етр> Н<иколаевич>: — Это, г<оспо>да, современная поэзия!

— И пошлó! Началось издевательство над его манерой чтения, все клянутся, что ни слова не понимают. — Это кривляние! — Это обезьяна! — Поэт не смеет петь! —

Потом водопад стихов: П<етр> Н<иколаевич>, Галя Полуэктова, Хромоножка. Хромоножка, кстати, оказалась 12-тилетней девочкой — Фусей.

«— Наболевшее сердце грустит».

Реплики свои по поводу М<андельшта>ма я опускаю, — можете себе их представить. Мы просидели не более получаса.

Я бы к названию «Хлам» прибавила еще: «Хам». — «Хлам и Хам», можно варьировать. И звучит по-английски.

В этом «Хламе» участвовал Вячеслав (?) Шешмаркевич. Он был здесь летом, читал лекцию о Пушкине, обворожил всех. Он теперь прапорщик и острижен. (Не Вячеслав, — Всеволод!) Рассказывал всем, что старше своего брата Бориса на 3 месяца. Все верили. — Это нечто вроде непорочного зачатия, чуда у себя дома.

— Сереженька! Везде «Бесы»!⁷ Дорого бы я дала, чтобы украсть для Вас одну счетоводную книгу «Хлама»! Стихи по сто строк, восхитительные канцелярские почерка. Мелькают имена Саранди-наки, Лампси, Полуэктовой. Но больше всех пишет Фуся.

Галя П<олуэкто>ва через год, два, станет полным повторением своей матери. Сейчас она шимпанзе, скоро будет гориллой. А как хороша она была 4 года назад!

Сереженька, здесь есть одна 12-летняя девочка, дочь начальника порта Новицкого⁸, которая заочно в Вас влюбилась. Коля Беляев подарил ей Вашу карточку. — Приятно? —

Девочка хорошенькая и умная — по словам Коли.

Пока целую Вас. Получила всего 3 письма. Привезу Вам баранок и Ирине белых сухарей (продаются по рецепту в аптеке).

МЭ

— Латри⁹ расходятся.

69. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 23²² октября 1917 г.

Милая Аля!

Спасибо за письмо. Надеюсь, что ты себя теперь хорошо ведешь. Я купила тебе несколько подарков.

Недавно мы с Надей и Андрюшей ходили в степь. Там росли колючие кустарники, совсем сухие, со звездочками на концах. Я захотела их поджечь, сначала они не загорались, ветер задувал огонь. Но потом пощастливилось, куст затрепал, звездочки горели, как елка. Мы сложили огромный костер, каждую минуту подбрасывали еще и еще. Огонь вырывался совсем красный. Когда последняя ветка сгорела, мы стали утаптывать землю. Она долго дымилась, из-под башмака летели искры.

От костра остался огромный черный дымящийся круг.

Все меня здесь про тебя, Аля, спрашивают, какая ты, очень ли выросла, хорошо ли себя ведешь. Я отвечаю. «При мне вела себя хорошо, как без меня — не знаю».

Аля, не забудь, расскажи папе, что Эссенция¹ умерла. Последнее время у нее закрылись оба глаза, один — совсем, от другого осталась щёлочка. Когда он хотел смотреть, он приподнимал рукою веко — и так ходил, один, по улицам, под черным зонтом.

Умер он ночью, совсем один, даже без прислуги.

Расскажи все это папе.

Дембовецкий (поэт) женился на совсем молоденькой женщине, своей ученице, и выпустил вторую книгу стихов. Постараюсь ее папе привезти. И для папы у меня есть чудный подарок, съедобный, — скажи ему.

Я скоро вернусь, соскучилась по дому.

Поцелуй за меня папу, Ирину и Веру. Кланяйся Любе².

Очень интересно будет посмотреть на Вериного американца³.

Марина

70. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Москву>

Феодосия, 25²² октября 1917 г.

Дорогой Сереженька,

Третьего дня мы с Асей¹ были на вокзале. Шагах в десяти — господин в широчайшем желтом пальто, в высочайшей шляпе. Что-то огромное, тяжелое, вроде оранг-утанга.

Я Асе: «Quelle heurteur!» — «Oui, j'ai déjà remarqué!»* — И вдруг — груда шатается, сдвигается и — «М<арина> И<вановна>! Вы меня не узнаете?»

— Эренбург!

Я ледяным голосом пригласила его зайти. Он приехал к Макс, на три дня².

Вчера приехала из К<окте>беля Наташа Вержховецкая³. Она меня любит, я ей верю. Вот что она рассказывала:

— «М. Цветаева? Сплошная безвкусица! И внешность и стихи. Ее монархизм — выходки девчонки, оригинальничание. Ей всегда хочется быть другой, чем все. Дочь свою она приучила сочинять стихи и говорить всем, что она каждого любит больше всех. И не дает ей есть, чтобы у нее была тонкая талья». Затем — рассказ Толстого (или Туси?)⁴ о каком-то какао с желтками, которые я якобы приказала Але выплюнуть, — ради тонкой тальи. Говорил он высокомерно и раздраженно. Макс слегка защищал: — «Я не нахожу, что ее стихи безвкусны». Пра неодобрительно молчала.

О Керенском⁵ он говорит теперь уже несколько иначе. К<ерен>-ский морфинист, человек ненадежный. А помните тот спор?

Сереженька, как низки люди! Ну не Бог ли я, не Бог ли Вы рядом с таким Эренбургом? Чтобы мужчина 30^{ти} лет пересказывал какие-то сплетни о какао с желтками. Как не стыдно? И — главное — ведь это несуразно, он наверное сам не верит.

И как непонятны мне Макс и Пра и сама Наташа! Я бы ему глаза выдрала!

— Ах, Сереженька! Я самый беззащитный человек, которого я знаю. Я к каждому с улицы подхожу вся. И вот улица мстит. А иначе я не умею, иначе мне надо уходить из комнаты.

Все лицемерят, я одна *не могу*.

От этого рассказа отвратительный осадок, точно после червя.

Сереженька, я в праве буду не принимать его в Москве?

Вчера мы были у Александры Михайловны⁶. Она совсем старушка, вся сохлась, сморщилась, одни кости. Легкое, милое привидение.

Ярая монархистка и — что больше — правильная. Она очень слаба, еле ходит, — после операции или вообще — неизвестно. Что-

* «Какой ужас!» — «Да, я уже заметила!» (фр.)

то с кипечником и безумные головные боли. На лице живы только одни глаза. Но горячность прежняя, и голос молодой, взволнованный, волнующий.

Живет она внизу, в большом доме. Племянники ее выросли, прекрасно воспитаны. Я говорила ей стихи. — «Ваши Генералы 12 года⁷ — пророчество! Не даром я их так любила», сказала она. У этой женщины большое чутье, большая душа. О Вас она говорила с любовью.

Сереженька, думаю выехать 1го. Перед отъездом съезжу или схожу в Коктебель. Очень хочется повидать Пра. А к Максусу я равнодушна. Дружба такая же редкость, как любовь, а знакомых мне не надо.

Читаю сейчас «Сад Эпикура» А. Франса⁸. Умнейшая и обаятельнейшая книга. Мысли, наблюдения, кусочки жизни. Мудро, добро, насмешливо, грустно, — как надо.

Неприменно подарю Вам ее.

Я рада домой, немножко устала жить на юру. Но и поездке рада.

Привезу что могу. На вино нельзя надеяться, трудно достать и очень проверяют.

Когда будет билет, дам телеграмму. А пока буду писать.

Целую Вас нежно. Несколько новостей пусть Вам расскажет Аля.

МЭ

71. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Коктебель, 16го* ноября 1917 г.

Дорогая Вера!

Если есть возможность выехать из Москвы — выезжайте с Алей, Ириной и Любой¹ в Коктебель. Пра предлагает Вам бесплатно комнату и стол.

Все ключи у Вас (у Жуковских). Узнайте на вокзале, доходит ли багаж. Тогда соберите часть вещей менее ценных в большую корзину. У нас их две: внизу и рядом с С<ережи>ной комнатой. Выберите ту, что покрепче и перевяжите веревкой. Если багаж не доходит —

* Число вписано карандашом.

запейте вещи в несколько тюков. Возьмите на это старые простыни и *серое* байковое (Сережино) одеяло. Можно в пикейное.

Теперь дела:

Мои денежные расписки находятся: или в одном из правых ящичков моего письменного стола (скорей всего *в среднем*), в большом портфеле, обтянутом черной материей с цветочками, — или в маленьком шкафчике, угловом, за стеклом, в бисерном голубом портфельчике. Посмотрите сначала в шкафчике, а то письменный стол заперт, и средний правый ящик придется взломать. (Лучше отпереть, замок очень прост.) *Бумаги (2) (расписку и удостоверение) везите с собой.*

Сереже везите: кожаную куртку, гетры (у Жуковских), макинтош (в гардеробе), военную фуражку (у Бориса)², френч и синие брюки (в одном из нижних сундуков), всё военное, оставленное у Миши³, кожу на сапоги и подметки (в гардеробе), его документы (аттест<ат> зрелости и пр<очее> — в солдатском сундучке). В офиц<ерских> брюках, к<отор>ые у Миши, ключ от входной двери и — кажется — ключ от солд<атского> сундука. Сундук отперт. Бумаги в конверте.

Мне везите: зеленое летнее и коричневое летнее пальто (оба в гардеробе), две черных юбки (в гардеробе), белье — что найдется, несколько блузок (разбирая сундуки), *все воротнички*, находящиеся в одной из китайских шкатулок (в гардеробе, Алины и мои). Алину голубую брошку.

В левом сундуке (горбатом) — совсем новое детское розовое ватное одеяло. Возьмите и его (если влезет) и Алино. Берите с собой простыни, взрослые и детские (у нас с собой только две). В сундуках много Алиных зимних платьев.

Желтую шкатулку карельской березы возле моей шарманки, в углублении или в гардеробе и все мои драгоценности (в 3 черных шкатулках Пра, в углов<ом> шкафчике) и большой (под письм<енным> столом) ящик с фотографиями передайте на сохранение или Никодиму⁴ (Б<ольшой> Николо-Песковский, д<ом> 4, кв<артира> 5) или Мише.

Сережину доху (в больш<ом> сундуке, на дне) и серебряное блюдо (в больш<ом> несгораемом — незаперт<ом>, — на нем граммофон) — заложите. Квитанции передайте или Никодиму (или Тане⁵) или Мише, а то вещи пропадут.

Везите Але желтенькую лохматую шубку, вязаное пальто, побольше платьев. В гардеробе справа наверху есть пакет с мелочами для Ирины, там же две пары красных чувак (ее же). Везите *всю* Али-

ну обувь (в гардеробе слева). В большом сундуке возьмите несколько скатертей, я сделаю себе из них белье, у меня *ничего* нет. Там же неск<олько> несшитых материй: красная, голубая, белая, крем. Возьмите из большого сундука мою шубу из кавказского сукна и поезжайте в ней. Она Вам здесь пригодится. Люба пусть возьмет голубое ватное одеяло, к<отор>ым покрывается. Оно ей необходимо.

Не забудьте Ирину клеенку!!! И, разбирая сундуки, возьмите для нее какие-ниб<удь> вязаные шарфы. Их много.

Алю везите в голубой шубке, Ирину — в белой и в заячьей и в трех одеялах (двух байковых и Алином розовом ватном).

Необходимо взять с собой *рис* и *манную*. Здесь нет.

Необходимо взять с собой *примус* и *термос* (или в гардеробе или в съестном шкафу), несколько кастрюль, чайник и голубую кружку, красный медный кофейник, голубой эмалированный молочник.

Моя (для сердца) просьба Вам: из углового шкафчика, где вещи *маленькую красную* записную книжку об Але, и из среднего ящика письм<енного> стола (где голубой замок, есть ключ) — черную средней толщины клеенчатую тетрадку со стихами, и зеленую кожаную, почти неисписанную. А не найдете — Бог с ней!

Вера! Шкафчик на замке, (голубой, есть ключ, тот же, что от письм<енного> стола) и еще заперт простым ключом. Пусть слесарь откроет. Простой ключ здесь, у меня. А потом Вы повесите замок.

Найдите в зеленом несгор<аемом> шкафу у жильца паспорт деда и привезите. С<ережа> им дорожит.

Гардероб запирайте, как есть, сундуки (все) и корзины составьте в мою комнату, туда же вещи — кроме мебели! из С<ережи>ной комнаты и детской.

Квартиру сдайте на *полгода*, если возможно, а то — до осени. Если нижняя комната сдана под домовый комитет — сдайте детскую, темную и столовую. С Сережиной — как знаете. Можно сдать — на время — кому-ниб<удь> знакомому, но с тем, чтобы можно было неожиданно в нее въехать.

Главное: привезти банковские 2 бумаги, заложить доху и серебря<ное> блюдо, взять у Дырвянского⁶ за 3 мес<яца> вперед, возможно больше денег в Банке, взять у квартирантов (когда сдадите кв<артиру>) также за 3 мес<яца> вперед — так и уславливаться. Цена за 3 комн<аты> — от 300 р. до 400 р., за 4 (если дом<овой> ком<итет> не взял) — 400 р. Деньги везите на себе, — авось доедете? Предло-

жите снять Слязскому⁷, у него много родственников, раньше предлож<ите> Никодиму, м<ожет> б<ыть> нужно кому-ниб<удь> из его знакомых.

Пра и Макс Вас очень ждут. А если Вы не уживетесь здесь — дорога моя.

Здесь трудно, но возможно. Но сегодня второй день нет газет, и я чувствую, что не выживу здесь без детей, в вечном беспокойстве. Любу соблазняйте морем, хлебом, теплом, спокойствием.

Да! Необходимо взять в вагон чайник, кружку и *детский предмет*, а то пропадете! Не забудьте губку, клизму, частый гребень.

Если ехать невозможно — что делать! Если есть малейшая возможность — поезжайте. А то мы расстаемся с детьми — Бог весть насколько!

М<ожет> б<ыть> дороги уже встали, м<ожет> б<ыть> письмо мое напрасно — что делать! Я сделала всё, что могла, я так просила тогда С<ережу> взять Алю.

Чтобы уменьшить тюк, пусть Люба наденет поверх своего платья мое коричневое летнее пальто (висит в гардеробе, длинное, масса пуговиц), а сверху своего пальто — еще мое зеленое с тремя пелеринками. Если можно, возьмите и Алино осеннее, с серебр<яными> пуговицами, и летнее желтенькое. *Здесь ничего нельзя купить. Берегитесь доро́гой воров!!!*

Ну, поручаю всё это на Божью волю! Если ехать *страшно* — не поезжайте, если трудно — всё-таки поезжайте. Здесь проживем.

Если выехать не удастся — устройте это с моими банковск<ими> бумагами и драгоценностями и передайте Никодиму или Тане. *Особенно — бумаги. Если не поедете, сдайте детскую!*

Целуйте детей. У нас всё хорошо. Погода теплая, гуляем без пальто, но по ночам холодно. Пра и Макс *очень* зовут Вас.

МЭ

P.S. Ключи я Вам дала, они с Вашими ключами у Жуковских. 3 связки.

Ради Бога! Пусть не сломают мою синюю люстру!

Ключ от моей комнаты передайте в надежные руки (Лиле? Никодиму? Мише?)

Коричневую куртку, я думаю, Вы можете надеть на себя?

Мы ехали совсем не страшно. Велите носильщику занять хоть одно верх<нее> место.

Попросите Таню помочь с укладкой, она непременно поможет, и очень. Возьмите у нее С<ереж>ин коричневый портсигар на ремне, наденьте его на дорогу. Пусть Таня — если хочет — возьмет к себе грамм<офон> и пластинки. Пусть проводит Вас на вок<зал>.

<На полях:>

Ответьте тел<еграммой> на имя Макса.

NB! Несш<итые> материи (4) везите *непременно*, лучше уж скатертей не надо. Белой — арш<ин> 15, другие — отрезы: голубая, красная, крем.

Дайте Никодиму на хранение (если он *твердо* ост<ается> в М<оскве>) мал<енький> сундучок с фотогр<афическими> принадлеж<ностями>. Он у меня в комнате, зеленый.

Пусть Таня уговаривает Любу, если та заартачится. Она молодец, — сумеет! И пусть вообще Вам помогает, скажите, что я очень прошу ее. Она с удовольст<вием> всё сделает!

Непременно!

Сдайте, на всякий случай, в багаж одно корыто, похуже.

Берите с собой побольше денег, часть запейте на Любу. Спишите № или №№ ломбард<ных> квит<анций>.

Ох! —

МЭ

72. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Коктебель, <16> ноября 1917 г.

Дорогая Вера!

Если есть возможность выехать из Москвы — выезжайте с Алей, Ириной и Любой в К<октебель>. Пра предлагает Вам бесплатно комнату и стол.

Все ключи у Вас (у Ж<уков>ских). Узнайте на вокзале, доходит ли багаж. Тогда соберите часть вещей — менее ценных — в большую корзину. У нас их две: внизу — и рядом с комн<атой> С<ере-

жи>. Выберите ту, что покрепче и перевяжите веревкой. Если багаж не доходит — зашейте вещи в несколько тюков простынь (старых) или С<ережи>но серое байковое одеяло. Можно в пикейное. Можно в голубое ватное (старое) к<отор>ым покрывается Люба. Его *необходимо* взять.

Теперь дела:

Мои денеж<ные> расписки (из Госуд<арственного> Банка: расписка и удостоверение) находятся: или в одном из правых ящик<ов> моего письм<енного> стола (скорей всего — в среднем), в большом портфеле, черном с цветочками, — или в угловом шкафе, за стеклом, в маленьком бисерном голубом портфельчике. От среднего ящика у Вас нет ключа, угловой шкафчик закрыт сначала на замок (есть ключ), потом на ключ (у Вас его также нет). Пусть слесарь *откроет*, не взломает, ключи очень просты.

Банк<овские> бумаги — две — расп<иску> и удостов<ерение> еезите с собой.

С<ереже> везите: кож<аную> куртку, гетры (у Ж<уков>ских), макинтош (в гард<еробе>), военную фуражку (у Б<ориса>) фрэнч и синие брюки (в одном из больш<их> сунд<уков>), все военное, оставл<енное> у Миши, кожу на сапоги и подметки (в гардеробе), его документы, наход<ящиеся> в солд<атском> сундучке, в конв<ерте>. В брюках, что у Миши, ключ от вход<ной> двери и — кажется — ключ от сундука. Он отперт.

Мне везите: зеленое летнее и коричн<евое> летнее пальто (оба в гардер<обе>), две черных юбки (в гард<еробе>), белье — что найдется, неск<олько> блузок из сундуков (две черных — или — в гард<еробе> или в сунд<уке>), воротнички — мои и Алины — из китайской больш<ой> чайной шкатулки, в гардер<обе>. Возьмите Алину голубую брошку, я ее оставила у Любы.

В левом сунд<уке> (горб<атом>) — совсем новое детское розовое шелк<овое> ватн<ое> одеяло. Возьмите и его, если влезет. Если багажа не будет, сократите всё соответственно.

Берите с собой простыни — взрослые и детские — у нас с собой только две. В сунд<уке> много Алиных зимн<их> платьев.

Желтую шкат<улку> карельск<ой> березы (возле грамм<офона> или в гардер<обе>) и все мои драгоцен<ности> — (в трех черных шкат<улках> Пра, в углов<ом> шкаф<у>) и большой (под письм<енным> столом) ящик с ф<отогра>фиями передайте на сохранение или Тане (Б<ольшой> Николо-Песковский, д<ом> 4, кв<артира> 5) или Мише.

Сережину доху (в больш<ом> сунд<уке> на дне) и серебр<яное> блюдо заложите. Серебр<яное> блюдо в больш<ом> несгор<а-емом> ящике, на к<отор>ом грамм<офон>. Он не заперт. Посоветуйтесь с Таней, Никодимом и Мишей: если можно выгодно продать — продавайте. А если не продадите, заложите и *передайте квитанции Никодиму* (или Тане). — Или Мише, вообще — в надеж<ные> руки, а то вещи пропадут.

Везите Але желтенькую плюш<евую> шубку, синее пальто с серебр<яными> пуговиц<ами> (вязаное пусть наденет под шубу), желтое летнее, сколько можно платьев, всю обувь (в гардеробе, слева). В гард<еробе> справа — 2 пары Ирининых красн<ых> чужак и пакетики с ее мелочами. В больш<ом> сунд<уке> возьмите неск<олько> скатертей, сделаю себе из них белье, у меня *ничего* нет. В одном из двух сунд<уков> — 4 материи: 15 ар<шин> белой, 3 арш<ина> красной (детская), 3 арш<ина> голубой, 4 арш<ина> крэм, как мое платье. Везите их *непрерменно*, тогда можно взять всего одну скатерть.

Возьмите из больш<ого> сунд<ука> мою шубу из кавк<азского> сукна и поезжайте в ней. Она Вам здесь пригодится. В сундуке (больш<ом>) несколько вяз<аных> шарфов. Возьмите для Ирины.

Алю везите в голубой шубке, нескольк<их> сменах белья, коричн<евом> вяз<аном> пальто. Ирину — в белой и в заячьей и в трех одеялах. (Алином старом розовом и двух байковых.)

Необходимо взять с собой *рис* и *манную*. Здесь нет.

Необходимо взять с собой примус, термос (или в гардеробе или в съестном шкафу) и — что можете — в смысле кастрюль. Хорошо бы мой большой медный кофейник и голубой эмалир<ованный> молочник.

Гардероб запирайте, как есть; сундуки (все) и корзины и все содержимое С<ережи>ной комнаты и детской составьте в мою комнату.

Квартиру сдайте *на полгода*, если возможно, а то — до осени. Если нижняя комната сдана под домовую ком<итет> — сдайте детскую, темную, столовую и кухню 300 р. — Сережину можно сдать на время кому-ниб<удь> знакомому, сами рассудите. Можно и все — в одни руки. *Главное*: привезти 2 банк<овских> бумаги, заложить или продать доху и блюдо, взять у Дырвянского за 3 мес<яца> вперед, возможно больше денег в Банке, взять у кварт<ирантов> (когда сдадите кв<артину>) также за 3 мес<яца> вперед, — так и уславливаться. Цена за 3—4 комн<аты> — 300 р. — 400 р., *сдавайте как квартиру*, с кухней.

Пра и Макс Вас очень ждут.

Здесь трудно, но возможно. Но сегодня второй день нет газет, и я чувствую, что не выживу здесь, без детей. Любу соблазняйте морем, спокойствием, хлебом, теплом.

Да! Необходимо взять в вагон чайник, кружку и *детский предмет*, а то пропадете! Не забудьте губку, клизму, частый гребень.

Если ехать невозможно — что делать! Если есть малейшая возможность — поезжайте. А то — Бог весть — когда мы опять увидим детей!

Чтобы уменьшить тюк, пусть Люба наденет поверх своего платья мое коричневое пальто (летнее, висит в гардеробе, длинное, масса пуговиц), а сверху своего пальто — еще мое зеленое, с тремя пелеринками. *Берегитесь дорогой воров!!!* У С<ергея> И<вановича> украли калоши. Если в багаж ненадежно, *не сдавайте*, узнайте раньше. Пошлите за день до отъезда Бориса на вокзал. А берите так: не две юбки мне, а одну (*не клош*), *не всю* С<ережи>ну обмундировку, одно детское ватное одеяло и т<ак> д<алее>. Только все материи, это все кусочки, они не много занимают места.

Ну, отдаю все это на Божью волю! Если ехать *страшно* — не поезжайте! Если трудно — все-таки поезжайте. Здесь проживем.

Если выехать не удастся — отдайте мои банк<овские> бумаги и драгоцен<ности> Никодиму или Тане. Если не поедете — сдайте детскую.

Целуйте детей. У нас все хорошо. Пра и Макс *очень* зовут Вас.

Попросите Таню помочь с укладкой, она очень дельная. Возьмите у нее С<ереж>ин портсигар на ремне, наденьте на дорогу. Поезжайте в моей кавк<азской> шубе. Пусть Таня — если хочет — возьмет грамм<офон> и пластинки. Пусть проводит Вас на вокзал. Она Вам *очень* поможет. Скажите, что я ее прошу.

Ключи я Вам дала, 3 связки, они с Вашими ключами у Ж<уков>ских.

Ради Бога! Пусть не сломают мою синюю люстру!

Ключ от моей комн<аты> передайте в надежные руки (Лиле? Никодиму? Мише?)

Коричн<евую> куртку, я думаю, Вы можете надеть на себя?

Мы ехали совсем не страшно. Велите носильщ<ику> занять хоть одно верхнее место. В багаж, если не надежно не сдавайте. Дайте Никодиму на хранение (если он *твердо* ост<ается> в Москве) маленький сундучок с фотогр<афическими> принадлеж<ностями>. Он у меня в комнате, зеленый.

Сдайте на всякий случай в багаж одно корыто, похуже. Берите с собой *побольше* денег, часть зашейте на Любу. Спишите № или №№ ломбард<ных> квит<анций>.

Ох! —

МЭ

<На полях:>

Ответьте телеграммой на имя Макса.

В зел<еном> несгор<аемом> ящике, у жильца, пасп<орт> С<ережи>ного деда. Захватите! Он им *страшно* дорожит!*

Никодиму: Квит<анции> от ломбарда, драгоценности, Банк<овские> бумаги (если не поедете), шкат<улку> кар<ельской> березы, ящик с фот<ографиями>, сундучок с фот<ографическими> принагл<ежностями> — — если не откажется.

Тогда — на Божью волю! —

73. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Феодосия, 17²² ноября 1917 г.

Милая Вера,

Вчера я отправила Вам письмо с отходящим поездом, сегодня сняла здесь, в Феодосии, квартиру (2 комн<аты> и кухня) за 25 р. В К<октебе>ле с детьми зимовать невозможно.

Вот, что мне *обязат<ельно>* нужно: 1) кухонную посуду (кастрюльки — 3 серые, судки с ручкой, медный кофейник, голубой эмал<ированный> молочник, 1 маленький утюг, маленьк<ий> тазик, хорошо бы — одну сковородку, в Ф<еодосии> *ничего* нельзя достать) — примус (лучший), термос, спиртовку, ножи, вилки, ложки (стол<овые> и чайные), разлив<ную> ложку, 2 чайника (эмал<иро-

* Абзац отчеркнут слева двойной вертикальной линией.

ванный> и маленький), эмалир<ованную> кружку. Всё это никак нельзя сдавать в багаж.

2) рис, манную, толокно, коробочку Меллиневуа, к<отор>ую я привезла, геркулес, табак (сколько сможете, слева в гардеробе, в узле)

3) 3 материи (белую, голубую, красную, о к<отор>ых я Вам писала).

4) в солд<атском> сундучке — детские метрики, вообще — бумаги.

5) необходимое белье и платье для Али и Ирины (я уже писала! Не забудьте Алиных шляп, осенних и летних (из материи).

6) мое белье, скатерти, клеенку из столовой, *Ирину клеенку*.

Об остальном я Вам уже писала. (Об одеялах, С<ережи>ных вещах, простынях и т<ак> д<алее>.)

Помните, что здесь у меня ничего нет.

Часть вещей (более легких) можно отослать по почте, по адре<су>: Карантинная ул<ица>, д<ом> Адамова, А.И. Трухачевой.

Ответьте мне телеграммой, возможно ли выехать. Узнайте, доходит ли багаж.

Низ, кроме моей комнаты, сдайте. Сереж<ину> комнату не сдавайте, или сдайте с предупред<ением>, что могут неожид<анно> въехать.

Вещи везите в мешках из старых простынь.

Поговорите с Никодимом ¹ о моих денеж<ных> делах, боюсь остаться без денег. Кто будет получать деньги с квартирантов? Попросите — от моего имени — заняться этим Никодима. Вообще, пусть он и Таня ² Вам помогут в сдаче кв<артиры>. (За 3 мес<яца> вперед!)

Милая Вера, Вам видней, возможно ли ехать. Пошлите Бориса ³ посм<отреть> на отход<ящие> поезда. Если *возможно* — поезжайте. В Ф<еодосии> и молоко и хлеб и продукт<ы>, хотя дорого. И кв<артира> хорошая, и тихо.

Если в М<оскве> хорошо и ожид<ается> вообще улучшение — и устроилось (надежно) с молоком — не выезжайте, п<отому> ч<то> тогда я приеду. Посоветуйтесь с Никодимом и Фельдштейнами и, решив, дайте мне тел<еграму> на Макса.

А если решите ехать, думайте за меня, у меня *ничего* нет, а надо — всё.

Всё в прошлом письме (относ<ительно> вещей) остается в силе. Многие можете отослать почтой (из менее необ<ходимых> и ценных вещей) — ценными пакетами, если почта действует.

Целую Вас и детей. В К<окте>беле Вы сможете погостить или остаться совсем.

МЭ

— Зимы я решила быть в Ф<еодосии> или в М<оскве>. — Паспорт деда, метрики, банк<овские> бумаги, деньги везите на себе.

<На полях:>

Если багаж доходит, берите подушки, мои летние платья, вообще всего — побольше.

74. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Коктебель>

28го ноября 1917 г.

Лев! Я вчера была у С.* Он предлагает помочь в продаже дома. — Какому-нибудь *поляку*. Относительно другого, он говорит, чтобы я записала Вас кандидатом в какое-то эконом<ическое> общество. Хороший заработ<ок>. А пока — советует Вам еще отдохнуть с месяц. Насчет кандидатуры — я разужнаю и напишу Вам подробно. Вообще — по его словам — состояние Вашего и С<ергея> И<вановича>¹ здоровья совсем не опасно. Посоветуюсь еще с другими докторами. Он говорит вполне уверенно. Дуня² не уезжает, и завтра я переезжаю домой. Доде³ передайте, что посылку ее я передала, но дядю не застала.

Целую. Обнадежьте С<ергея> И<вановича> насчет 9 лет службы. *Это серьезно.*

М.

P.S. У Додиного дяди — бородатая прислуга вроде Бабы-Яги. Очень милая. 100 лет.

Передайте это Доде.

Скоро пришлю продуктов и простыни.

* Фамилия, за исключением первой буквы, вычеркнута.

<На полях:>

Напишите Тане⁴ письмо с благодарностью за меня и детей. Она мне *очень помогает*. Б<ольшой> Николо-Песковский д<ом> 4 кв<артира> 5*.

75. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Коктебель>

11ое дек<абря> 1917 г.**

Лёвашенька!

Завтра отправлю Вам деньги телеграфом. Вера дала Тане¹ чек, и Таня достает мне — когда по 100 р., когда больше. Деньги Вы получите раньше этого письма.

Я думаю, Вам уже скоро можно будет возвращаться в М<оскву>, переждите еще несколько времени, это вернее. Конечно, я знаю, как это скучно — и хуже! — но я очень, очень прошу Вас.

Я не преуменьшаю Вашего душевного состояния, я всё знаю, но я так боюсь за Вас, тем более, что в моем доме сейчас находится одна мерзость, которую сначала еще надо выселить². А до Рождества этого сделать не придется.

Конечно, Вы могли бы остановиться у Веры, но всё это так ненадежно!

Поживите еще в К<окте>беле, ну, немножечко. (Пишу в надежде, что Вы никуда не уехали.)

— Слушайте: случилась беда. Аля сожгла в камине письмо Макса к Цетлиным³ (я даже не знаю адр<еса>!) и письмо О<льги> А<ртууровны>⁴ — к Редлихам⁵.

Завтра отправлю Вам простыни, — когда они дойдут? Я страшно боюсь, что потеряются. Отправлю две.

— У Ж<уков>ских разграблено и отобрано всё имение⁶, дом уже опечатан, они на днях будут здесь.

Ваш сундучок заперт, всё примеряю ключи и ни один не подходит. Но по крайней мере документы в целости. Паспорт деда я нашла и заперла.

М<ожет> б<ыть> Вы помните, — куда Вы девали ключ от сундучка?

* Абзац отчеркнут слева вертикальной линией.

** Перед датой рукой Цветаевой проставлен номер письма — № 5.

У Г<ольдов>ских ⁷ был обыск, нашли 60 пудов сахара и не знаю сколько четвертей спирта. У меня недавно была Е.И. С<гарын>кевич ⁸, она поссорилась с Рашелью ⁹ (из-за Миши ¹⁰, она, очевидно, его любит) и написала ей сдержанное умное прощальное письмо. Она мила ко мне, вообще мне все помогают. А я плачú стихами и нежностью (как свинья).

Страховую квитанцию я нашла, сегодня Дунин муж внесет. В каком *безумном* беспорядке Ваши бумаги! (Из желтой карельской шкатулочки!) Как я ненавижу все документы, это ад.

Последнее время я получаю от Вас много писем, спасибо, милый Лев! Мне Вас ужасно жаль.

Дома всё хорошо, деньги пока есть, здесь всё-таки дешевле, чем в Ф<еодосии>.

Вышлите мне, пожалуйста, *билет!* (розовый).

Сейчас Аля и няня идут гулять, отправлю их на почту.

Простите, ради Бога, за такое короткое письмо, а то пришлось бы отправить его только завтра.

Очень Вас люблю. Целую Вас.

М.

— Б<альмон>т *в восторге* от стихов Макса и поместил их в какую-то однодневку-газету с другими стихами ¹¹. Я недавно встретила его на улице.

— Борис ¹² занялся театральной антрепризой, снял целый ряд помещений в разных городах, у него будет играть Радин ¹³.

Г л а в а т р е т ь я

РАЗЛУКА

(1918—1922)

Разлука-ты-разлука,
Чужая сторона!..
Никто нас не разлучит,
Лишь мать-сыра-земля...

...Мы *в с е* старые — потому что мы раньше родились! — и все-таки мы, в беседе с молодыми, моложе их, — какой-то неистребимой молодостью! — потому что на нашей молодости кончился старый мир, на ней — оборвался.

Из письма В.А. Меркурьевой 20 февраля 1940 г.

1. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ И М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

— Дорогие Пра и Макс, только что вернулся из Армии, с которой совершил фантастический тысячевёрстный поход¹. Я жив и даже не ранен, — это невероятная удача, п<отому> что от ядра Корниловской Армии почти ничего не осталось. — Сергей Иванович² (— мой друг, к<отор>ый жил у вас) убит в один день с Корниловым³ под Екатеринодаром. Брат Саши Говорова дважды ранен, москвич Богенгардт Всеволод Александрович⁴, если Вы его помните, был ранен в живот и теперь выздоровел. — Не осталось и одной десятой тех, с которыми я вышел из Ростова. Для меня особенно тяжела потеря Сережи Гольцева.

— Но о походе после. Теперь о Москве. Я потерял всякую связь с Мариной и сестрами, уверен, что они меня давно похоронили и эта уверенность не дает мне покоя. Пользовался всяким случаем, чтобы дать знать о себе, но все случаи были очень сомнительны. Пра, дорогая, громадная просьба к Вам — выдумайте с Максом какой-нибудь способ известить Марину и сестер, что я жив. Боюсь подумать о том, как они перемучились это время. Сам я тоже нахожусь в постоянной тревоге о них. Если Вам что-либо известно — умоляю известить телеграммой по адр<есу>: Новочеркасск — Воспитательная ул<ица> дом Вагнер — подпор<учику> Эфрону. — Живу сейчас на положении «героя» у очень милых — местных буржуев. Положение мое очень неопределенно, — пока прикомандирован к чрезвычайной миссии при Донском правительстве. М<ожет> б<ыть> придется возвращаться в Армию, к<отор>ая находится отсюда в верстах семи-

десяти. Об этом не могу думать без ужаса, ибо нахожусь в растерзанном состоянии. Нам пришлось около семисот верст пройти пешком по такой грязи, о к<отор>ой не имел до сего времени понятия. Переходы приходилось делать громадные — до 65 верст в сутки. И все это я делал, и как делал! Спать приходилось по 3—4 ч. — не раздевались мы три месяца — шли в большевистском кольце — под постоянным артиллерийским обстрелом. За это время было 46 больших боев. У нас израсходовались патроны и снаряды — приходилось и их брать с бою у большевиков. Заходили мы и в черкесские аулы и в кубанские станицы и наконец вернулись на Дон. Остановились, как я уже говорил в 70 верст<ах> от Ростова и Черкасска. Ближе не подходим, п<отому> что здесь немцы.

Наше положение сейчас трудное — что делать? Куда идти? Неужели все жертвы принесены даром? Страшно подумать, если это так.

Буду с нетерпением ждать вашей телеграммы и письма.

Изголодался по людям. Так бы хотелось повидать совсем *своих*.

Привет — целую

Сергея

12 мая<19>18 г.

Новочеркасск

2. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

<В Коктебель>

Дорогая Пра, письма — Ваше и Макса — меня очень обрадовали — первое, что я получаю за все это время.

Не разделяю Вашего мрачного взгляда на будущее России. Сейчас намечается ее выздоровление и воссоединение и в ближайшем будущем (два — три года) она будет снова великодержавной и необъятной. Никто ее не сможет ни разделить, ни растоптать.

Говорю это, основываясь на фактах, о которых расскажу при свидании.

— Рвусь к Вам и, кажется, удастся вырваться недели на две. Только что перенес первый приступ возвратного тифа — жду повторения и по выздоровлении постараюсь выехать.

Я очень устал и даже не устал, а постарел: мечтаю о креслах, внуках и... мемуарах.

Будьте здоровы — милая Пра — Целую Вас и Макса

Сергея

Новочеркасск 28 мая <19>18 г.

Спасибо Максy за стихи ¹. Каковы они — не могу сказать, потому что принимаю теперь все восторженно. Необходимо об очень многом тебе — Максy — рассказать, но в письме — неудобно. Меня судьба опять бросила в самый центр будущего переворота. Но... я потерял вкус к ним — тем более, что последний переворот будет очень невкусным.

Пишите! Ваши письма для меня — большая радость.

3. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<Из Москвы в Быково>

<Июль 1918 г.>

Милая Лиля!

Получила все Ваши три письма.

Если Вы всё равно решили жить в деревне, я у Вас Ирину оставлю, если же живете исключительно из-за Ирины, я Ирину возьму ¹.

Жить на два дома сейчас невозможно, денег у меня в обрез, ибо потребности дня неограничены.

Всё, что я смогу сделать — платить за Иринуно молоко, давать крупу и взять на себя половину того, что Вы платите за комнату.

Подумайте, подходит ли это Вам, и ответьте через Мишу ².

Надо — необходимо — приучать Ирину к картофелю. Крупы мало и достать *нельзя*. За картофель буду платить отдельно. Я определенно не хочу, чтобы Вы на Ирину тратили хотя бы копейку, но если ее содержание будет мне не по силам, я ее возьму.

Вот, милая Лиля, точно и определенно — положение моих дел.

Не сердитесь и не упрекайте, у меня не только Ирина, а еще Аля, а еще дрова, к<отор>ых нет, и ремонт, за к<отор>ый надо платить и т<ак> д<алеe> — без конца.

Целую Вас. Подумайте и ответьте. Посылаю крупу и 84 р. за Иринуно молоко до 4го авг<уста> ст<арого> стилия. Деньги за комнату — если Ирина у Вас останется — привезу в среду.

4. М.С. ФЕЛЬДШТЕЙН — В.Я. ЭФРОН

<В Витебскую губернию>

23 Авг<уста> / 5 Сент<ября> 1918

2 ч. ночи <Москва>

Веруша! Проводил тебя и пошел в заседание. Когда вернулся домой, совсем неожиданно застал Над<ежду> Ив<ановну>¹ только что приехавшую из Быкова. Она сейчас же начала рассказывать Быковскую хронику, центральным местом коей являются Лилины муки по поводу Ирины. Оказывается, что третьего дня Надя², явившись из Москвы, объявила Лиле с торжествующим видом, что барыня Марина Ив<ановна>, уезжают через две недели в Крым³, а Ирина переходит на Надино попечение. Не успела Лилия опомниться от этой декларации прав ребенка, как вчера явилась Марина, а сегодня Ирина уже водворена в Москву под сень грозной родительской власти. Лилия была должно быть так озадачена этим финалом своего летнего самопожертвования, что окончательно растерялась и могла только написать Эве⁴ записку с просьбой что-нибудь ей посоветовать. Ну-ну, как говорила Таня⁵ в трудные минуты жизни. Представляю себе, как этот рассказ усилит любовь к Марине у Мани Гордон⁶, и действительно это уже что-то рекордное. Я очень люблю Марину, но почему во всех случаях столкновений с Лилей или с тобой она является такой истинной гражданкой Федеративной социалистической советской республики. Прямо хоть заказывай Наде Крандиевской-Файдьш Маринин памятник наряду со Сковородой и Стенькой Разиным. Бедная Лилька — укладывать так свою душу, как только она умеет, — и получить такого рода отставку, данную в тонах à la madame Крон⁷ — это такой номер, что для сохранения каких-нибудь хороших отношений к Марине, просто надо заставить себя не знать о том, что у нее есть дети и о прочих последствиях этого противоестественного факта. Вот тебе первый рассказ и, кажется, его пока довольно. Сегодня я не один в квартире. Не успела приехать Н<адежда> Ив<ановна>, как появился О<нисим> Б<орисович>⁸, своевременно вызванный из среды горячо любимой семьи, — затем пришел мой патрон С.А. Котляревский⁹, который и сейчас сидит в двух шагах от меня и работает над каким-то докладом. Я прочел ему начало своей работы, и, кажется, ему действительно понравилось. По крайней мере, он дал мне отзыв, после которого мне хочется продолжать. Сообщаю это тебе, потому что все его похвалы, собственно сказаны по твоему адресу. Все что может от меня быть

хорошего все это от тебя, через тебя. Господи, Вера, Веруша моя, помни каждую секунду, что *ты не смеешь быть одна*, помоги мне жить своим существованием, своим прикосновением, дай мне возможность всегда глядеть тебе прямо в глаза с такой же силой все растущей любви, как сегодня, когда я держал твою голову. Сейчас, конечно, странно строить свою жизнь, но если существование есть случайность, которая может каждую секунду оборваться, то пока оно длится, его надо освятить и в самом себе и перед всеми предстоящими возможностями. Это значит любить тебя и ныне и присно и во веки веков.

Будь легка духом и верь. Дай мне свои руки и посмотри на меня

Твой М.

5. С.Я. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

< В Москву >

*26 октября 1918 г.
Коктебель*

Дорогая, родная моя Мариночка,

Как я не хотел этого, какие меры против этого не принимал — мне все же приходится уезжать в Добровольческую Армию.

— Я Вас ожидал в Коктебеле пять месяцев, послал за это время Вам не менее пятнадцати писем, в которых умолял Вас как можно скорее приехать сюда с Алей. Очевидно, мои письма не дошли либо Ваши обстоятельства сложились так, что Вы не смогли выехать. Все, о чем Вы меня просили в письме — я исполнил. Я ожидал Вас здесь до тех пор, пока это было для меня возможно. У меня не было денег — я, против своего обыкновения, занимал у кого только можно, чтобы только дотянуть до Вашего приезда. Занимать больше не у кого. Денег у меня не осталось ни копейки. Кроме этого и ждать-то Вас у меня теперь нет причин — Троцкий окончательно закрыл границы и никого из Москвы под страхом смертной казни не выпускают.

С ужасом думаю о Вашем житье в Москве. Слышал о «неделе бедноты» — устроенной большевиками. Дай Господи, чтобы это все кончилось для вас благополучно. Надеюсь, Никодим¹, как всегда, вас спасет.

— Вернее всего, что Добровольческая Армия начнет движение на Великороссию. Я постараюсь принять в этом движении непосредственное участие — это даст мне возможность увидеть Вас.

— Но может случиться, что я попаду против своего желания в отряд,двигающийся в другом направлении. Тогда не приходите в ужас, ежели среди войск, вступивших в Москву, меня не будет. Это значит, что я нахожусь в данный момент в другом месте.

— Макс Вам все расскажет о моей жизни в Коктебеле. Он мне очень помог во время моего пребывания здесь. (М<жду> проч<им> я у него задолжал 400 рублей.)

— Макс и Пра были для меня, как родные.

Асю² видел несколько раз, но мельком. Она живет в Ст<аром> Крыму с Зелинской³. Сняли домик, купили корову и проч<ее>.

У Бориса — новорожденная — великолепная девочка. Я, если успею — буду крестным. Собираются дать ей имя — Ирина⁴.

Не буду писать о всех местных новостях — узнаете от Макса.

— Теперь о главном. Мариночка, — знайте, что Ваше имя я крепко ношу в сердце, что бы ни было — я Ваш вечный и верный друг. Так обо мне всегда и думайте.

Моя последняя и самая большая просьба к Вам — живите.

Не отравляйте свои дни излишними волнениями и ненужной болью.

Все образуется и все будет хорошо.

При всяком удобном случае — буду Вам писать.

Целую Вас, Алю и Ириночку.

Ваш преданный

<Вместо подписи — рисунок льва>

6. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ И М.А. ВОЛОШИНУ

< В Коктебель >

Апр<еля> 12 дня 1919 г.

Дорогие — Христос Воскресе!¹

Праздников в этом году я не видел. В Симферополе пробыл всего два дня и в Благовещение выступили на фронт. В Св<етлое> Воскресение сделали тридцативерстный переход, а с Понедельника были уже на фронте. 3 Апр<еля> был в бою. Выбивали красных с высот и сбили несмотря на сильнейший огонь с их стороны. Сейчас мы зарылись в землю, опутались проволокой и ждем их наступ-

ления. Пока довольно тихо. Лишь артиллер<ийский> огонь с их стороны. Живем в землянках. Сидим без книг — скука смертная.

На земляных работах я получил солнечный удар. Голова опухла, как кочан. Опухоль спустилась на глаза — должен был ехать в тыл, но отказался из-за холеры и тифа в лазаретах.

Сейчас опухоль спала.

Целую всех. Надеюсь в скором времени хотя бы на денек к Вам вырваться.

Сергея

7. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Ст<арый> Крым <15> Сент<ября> <19>19 г.

Дорогой Макс,

— В Бусалаке¹ не все благополучно и т<ак> к<ак> в этом замешана Майя² и отчасти по моей вине — я считал за лучшее написать тебе, чтобы ко времени возвращения Майи в Коктебель — ты не действовал и не говорил бы с нею вслепую.

Но в начале письма обращаюсь к тебе с просьбой — ни в коем случае не говорить ей о том, что я тебе написал. Это только запутает дело. И не бросай это письмо на виду.

Теперь слушай. — Случилось то, что и должно было случиться. Майя потеряла голову от Панича³.

Сейчас в Бусалаке творится такая неразбериха, такое кошмарное безумие, к<отор>ое по-моему может кончиться очень печально для некоторых из действующих лиц.

Первым пострадавшим лицом явился я. Из Эсен-Эли я отправился позавчера пешком к Асе⁴ и увидев, что там происходит — предложил Майе спасаться бегством сначала в Эсен-Эли, а затем в Коктебель. Майя согласилась. — Все было приготовлено — до лошадей включительно — и вдруг случилось нечто неожиданное. На меня все стали смотреть, как на злодея из мелодрамы, что кончилось финальным для меня выступлением Аси по моему адресу.

В назначенный для «похищения» час Майя скрылась с Паничем в парке, а Ася после длительных, таинственных переговоров с Оль-

г<ой> Васил<ьевной>⁵, с Паничем и Майей (еще с предыдущего вечера) набросилась на меня. Она вошла белая от бешенства в мою комнату со словами: «Как тяжело разочаровываться в близких людях. Моя рука поднята для удара и не опускается только потому, что этот человек связан со мной в прошлом другим — любимым и самым близким человеком».

— Подобных слов я от Аси ожидать не мог и причин для этого обращения до сих пор найти не могу. Очевидно Майя передала Асе о моем отношении к Паничу и ко всему Бусалаку и в тот момент это было принято ею, как предательство с моей стороны. В этом направлении еще очень постаралась Ольг<а> Вас<ильевна> — человек (я это вижу сейчас ясно) страшный, и по-настоящему глубоко опасный для всех.

Мне тяжело и больно, что без всякого желания с моей стороны и без серьезной вины у меня произошел разрыв с Асей перед моим отъездом в полк.

Майя в этом сыграла дурную и нехорошую роль — конечно, бессознательно и об этом впоследствии она будет жалеть, но дело сделано. Перед каждым отъездом своим я не знаю увижу ли я снова тех, с кем расстаюсь. В этом и заключается непоправимость случившегося.

— Пишу тебе для того, чтобы в случае приезда Майи ты постарался вернуть ее поскорее к «солнечному свету», ибо повторяю длительные отношения Майи с Паничем могут кончиться неожиданной катастрофой. Все здесь висит на волоске.

— Я ушел из Бусалака не попрощавшись ни с кем, кроме Конст<антина> Никол<аевича>⁶, к<отор>ый единственный среди обитателей Бус<алака> — полон солнечного света и ко всему лунному безнадежно слеп. Он мне был мил, как никогда и за него мне очень страшно.

Пишу одновременно Асе.

Если Майя долго не будет появляться в Коктебеле — советую тебе послать ей «солнечное» письмо, ибо в противном случае селениты⁷ ее обселенят, а ты понимаешь, чем это может кончиться.

Вот и все. Последние дни отпуска проведу в Коктебеле — тогда расскажу все подробно.

Передай Мандельштаму⁸, что я на него сердит за обман. Все его женские слабости остались в силе.

Будь здоров. Целую тебя и Пра. Привет Татиде⁹.

Твой Сережа

8. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ И М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

27 Сент<ября> 1919 г.
Новороссийск

Дорогие Пра и Макс,

Пишу второпях в Новороссийске.

Сначала о деле. Деньги, к<отор>ые я Вам должен — вышло из Харькова. Хочу выслать как можно больше, а расходы выяснятся только к концу пути. Это первое.

Второе: встретил в Новороссийске брата Всев<олода> Мейэрхольда¹. Последний арестован, находится здесь в тюрьме и предается полемому суду с обвинением в активной помощи большевикам и в выдаче офицеров. Брат его уверяет, что обвинение нелепо и умоляет, если ты Макс можешь, чем-нибудь помочь его участи. М<ожет> б<ыть> ты напишешь Новгородцеву² или Гриму?³ Сообщаю тебе на всякий случай адрес брата

Ростов н<а> Д<ону>. Пушкинская 120.

Мейэрхольду — имя забыл.

Нечайно завез с собою письма Майи⁴. Если она еще не уехала — передай ей, что письма оставляю в Ростове До востребования.

Последнее: шуба Осипа Эмильев<ича>⁵ находится у Александр Михайл<овны>⁶.

— Выехал с дурным предзнаменованием: с парохода неподалеку от Феодосии — упал за борт офицер и утонул.

— Орел, кажется, мне все же придется брать⁷. По последним сведениям в Москве и окрестностях восстание. Дай Бог, чтобы это оказалось правдой.

В последний день до отъезда получил письмо от Марины и Али и в Харькове получу еще одно. У меня теперь крепкая надежда увидеть их.

Передайте Асе⁸, что из Харькова я вышло ей копию письма Марины.

Пока всего лучшего.

Целую вас и Асю.

Серезжа

9. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

<30 сентября 1919 г. Ростов-на-Дону>

Дорогой Макс,

Грима¹ не застал — он уехал.С Кречетовым² повздорил (он очень противный).

Твою книгу издавать раздумали³. Это я узнал от Кречетова. И черт с ними! Не возись с этим народом. Во главе издательского дела стоит Чириков⁴ (!)

Сегодня еду дальше — будь здоров. Целую всех

Сергея

<На полях: >

Корреспондентский билет получил от «Великой России»⁵.10. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ,
М.А. ВОЛОШИНУ И А.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<В Коктебель>

Курск — Орел

5 окт<ября> <19>19 г.

Дорогие, вот я и в полку, но не в том, к<отор>ом думал. Наш полк развернулся в несколько полков — я перешел в 3ий Офицерский Генерала Маркова¹, в к<отор>ом собрались наиболее мне милые офицеры. Так и пишете мне — Д<обровольческая> А<рмия> 3 оф<ицерский> Г<енера>ла Маркова полк — Полковая пулеметная команда — Подпоручику Эфрону.

Мы продвигаемся на Москву. Меня встретили в полку так радушно, что я сразу почувствовал себя хорошо.

Живется нам лучше, чем раньше. Старым офицерам дают вестовых и верх<овых> лошадей, что очень облегчает жизнь здесь.

Жители относятся к нам великолепно.

Асенька, в Харькове был у Алексеева². Он редко милый человек — если хотите все знать об Марине — напишите ему по адре<су>: Харьков, Угол Московской и Петровского пер<еулка> — Отдел

Пропаганды — Театральное отделение Владимиру Васильев<ичу>
Алексееву.

В Москве будем к Рождеству.

Пра, Макса — Асю — Майю — и всех друзей целую и люблю

Ваш Сережа

11. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Москва $\frac{21 \text{ ноября}}{4^{\text{го}} \text{ дек.} <абр>}$ 1920 г.

Дорогой Макс!

Послала тебе телеграмму (через Луначарского¹) и письмо (оказией). И еще писала раньше через грузинских поэтов — до занятия Крыма².

Дорогой Макс, умоляю тебя, дай мне знать, — места себе не нахожу, каждый стук в дверь повергает меня в ледяной ужас, — ради Бога!!!

Не пишу, потому что не знаю, где и как и можно ли.

Передай это письмо Асе³. Недавно ко мне зашел Е.Л. Ланн⁴ (приехал из Харькова), много рассказывал о вас всех. Еще — усгню — знаю от Э<ренбур>га. Не трогаюсь в путь, потому что не знаю, что меня ждет. Жду вестей.

Поцелуй за меня дорогую Пра, — как я счастлива, что она жива и здорова! — Скажи ей, что я ее люблю и вечно вспоминаю. — Всех вас люблю, дорогой Максинька, а Пра больше всех. Аля ей — с последней оказией — написала большое письмо.

Я много пишу. Последняя вещь — большая — Царь-Девуца⁵. В Москве азартная жизнь, всяческие страсти. Гощу повсюду, не связана ни с кем и ни с чем. Луначарский — всем говори! — чудесен. Настоящий рыцарь и человек.

Макс! Заклинаю тебя — с первой возможностью дай знать, не знаю, какие слова найти.

Очень спешу, пишу в Тео⁶ — среди шума и гама — случайно узнала от Э<ренбур>га, что есть оказия на Юг.

— Ну, будь здоров, целую всех Вас нежно, люблю, помню и надеюсь.

МЦ

12. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

Москва, 27го русск<ого> февраля 1921 г.

Мой Сереженька!

Если Вы живы — я спасена.

18го января было три года, как мы расстались. 5го мая будет десять лет, как мы встретились.

— Десять лет тому назад. —

Але уже восемь лет, Сереженька!

— Мне страшно Вам писать, я так давно живу в тупом задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что живы — и лбом — руками — грудью отталкиваю то, другое. — Не смею. — Вот все мои мысли о Вас.

Не знаю судьбы и Бога, не знаю, что им нужно от меня, что задумали, поэтому не знаю, что думать о Вас. Я знаю, что у меня есть судьба. — Это страшно. —

Если Богу нужно от меня покорности, — есть, смирения — есть — перед всем и каждым! — но, отнимая Вас у меня, он бы отнял жизнь — жизнь, разве ему <недописано>

А прощать Богу чужую муку — гибель — страдания, — я до этой низости, до этого неслыханного беззакония никогда не дойду. — Другому больно, а я прощаю! Если хочешь поразить меня, рази — *меня* — в грудь!

Мне трудно Вам писать.

Быт, — всё это такие пустяки! Мне надо знать одно — что Вы живы.

А если Вы живы, я ни о чем не могу говорить: лбом в снег!

Мне трудно Вам писать, но буду, п<отому> ч<то> ^{1/1000000} доля надежды: а вдруг?! Бывают же чудеса! —

Ведь было же 5ое мая 1911 г. — солнечный день — когда я впервые на скамейке у моря увидела Вас. Вы сидели рядом с Лилей, в белой рубашке. Я, взглянув, обмерла: «— Ну, можно ли быть таким прекрасным? Когда взглянешь на такого — стыдно ходить по земле!»

Это была моя точная мысль, я помню.

— Сереженька, умру ли я завтра или до 70 л<ет> проживу — всё равно — я знаю, как знала уже тогда, в первую минуту: — Навек. — Никого другого.

— Я столько людей перевидала, во столько судьбах пережилла, — нет на земле второго Вас, это для меня роковое.

Да я и не хочу никого другого, мне от всех безразлично и холодно, только моя легко взволнов<анная> играющая поверхн<ость> раду-

ется людям голосам, глазам, словам. Всё трогает, ничто не пронзает, я от всего мира заграждена — Вами.

Я просто НЕ МОГУ никого любить!

Если Вы живы — тот кто постарается доставить Вам это письмо — напишет Вам о моей внешней жизни. — Я не могу. — Не до этого и не в этом дело.

Если Вы живы — это такое *страшное* чудо, что ни одно слово не достойно быть произнесенным, — надо что-то другое.

Но, чтобы Вы не слышали горестной вести из равн<одушных> уст, — Сереженька, в прошлом году, в Сретение, умерла Ирина. Болели обе, Алло я *смогла* спасти, Ирину — нет.

С<ереженька>, если Вы живы, мы встретимся, у нас будет сын. Сделайте как я: *НЕ* помните.

Не для В<ашего> и не для св<оего> утешения — а как простую правду скажу: И<рина> была очень странным, а м<ожет> б<ыть> вовсе безнадеж<ным> ребенком, — все время качалась, почти не говорила, — м<ожет> б<ыть> рахит, м<ожет> б<ыть> — вырождение, — не знаю.

Конечно, не будь Революции —

Но — не будь Революции —

Не принимайте моего отношения за бессердечие. Это — просто — возможность жить. Я одеревенела, стараюсь одеревенеть. Но — самое ужасное — сны. Когда я вижу ее во сне — кудр<явую> голову и обмызганное длинное платье — о, тогда, Сереженька, — нет утешенья, кроме смерти.

Но мысль: а вдруг С<ережа> жив?

И — как ударом крыла — ввысь!

Вы и Аля — и еще Ася — вот все, что у меня за душою.

Если Вы живы, Вы скоро будете читать мои стихи, из них многое поймете. О, Господи, знать, что Вы прочтете эту книгу, — что бы я дала за это? — Жизнь? — Но это такой пустяк — на колесе бы смеялась!

Эта книга для меня священная, это то, чем я жила, дышала и держалась все эти годы. — Это не КНИГА. —

Не пишу Вам подробно о смерти Ирины. Это была *СТРАШНАЯ* зима. То, что Аля уцелела — чудо. Я *вырывала* ее у смерти, а я была совершенно безоружна!

Не горюйте об Ирине, Вы ее совсем не знали, подумайте, что это Вам приснилось, не вините в бессердечии, я просто не хочу Вашей боли, — всю беру на себя!

У нас будет сын, я знаю, что это будет, — чудесный героический сын, ибо мы оба герои. О, как я выросла, Сереженька, и как я сейчас достойна Вас!

Але 8 л<ет>. Невысокая, узкоплечая, худая. Вы — но в светлом. Похожа на мальчика. — Психея. — Господи, как нужна Ваша родств<енная> порода!

Вы во многом бы ее поняли лучше, *точнее* меня.

Смесь лорда Ф<аунглера>¹ и маленького Домби² — похожа на Глеба³ — мечтательность наследника и ед<инственного> сына. Кротка до безвольности — с этим упорно и неудачно борюсь — людей любит мало, слишком зорко видит, — зорче меня! А так как настоящих мало — мало и любит. Плам<енно> любит природу, стихи, зверей, героев, всё невинное и вечное. — Поражает всех, сама к мнению других равнодушна. — Ее не захвалишь! — Пишет странные и прек<расные> стихи.

Вас помнит и любит страстно, все Ваши повадки и привычки, и как Вы читали книгу про дойм, и потихоньку от меня курили, и качали ее на качалке под завывание: Бу-уря! — и как с Б<орисом>⁴ ели розовое сладкое, и с Г-вым⁵ топили камин, и как зажиг<али> елку — всё помнит.

Сереженька! — ради нее — *надо*, чтобы Вы были живы!

Пишу Вам в глубокий час ночи, после трудного трудового дня, весь день переписывала книгу, — для Вас, Сереженька! Вся она — письмо к Вам.

Вот уже три дня, как не разгибаю спины. — Последнее, что я знаю о Вас: от Аси, что в начале мая было письмо к М<аксу>. Дальше — темь...

— Ну —

— Сереженька! — Если Вы живы, буду жить во что бы то ни стало, а если Вас нет — лучше бы я никогда не родилась!

Не пишу: целую, я вся уже в Вас — так, что у меня уже нет ни глаз, ни губ, ни рук, — ничего, кроме дыхания и биения сердца.

Марина

13. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

Москва, 14²² русск<ого> марта 1921 г.

Дорогой Макс!

Только сегодня получила твое письмо, где ты пишешь о Соне¹. В настоящую минуту она уже должна быть на воле, ибо еще вчера

(знала раньше из Асиных писем) Б.К. З<айц>ев² был у К<аме>нева³, и тот обещал телеграфировать. Речь была также об А<деланде> К<азимировне>⁴. — Дело верное, Б<орис> К<онстантинович> поручился.

Обо мне ты уже наверное знаешь от Аси⁵, повторю вкратце: бешено пишу, это моя жизнь. За эти годы, кроме нескольких книг стихов, пьесы «Червонный валет» (из жизни карт), «Метель» (новогодняя харчевня в Богемии, 1830 г., — случайные.) «Приключение» (Казанова и Генриэтта), Фортуна (Лозэн-младший и все женщины), «Конец Казановы» (Казанова 73 лет — и дворня, Казанова 73 л<ет> — и знать, Казанова 73 лет — и девочка 13 л<ет>. Последняя ночь Казановы и столетия.) — Две поэмы: Царь-Девушка, — огромная — вся сказочная Русь и вся русская я, «На Красном коне» (Всадник, конь *красный* как на иконах) и теперь «Егорушка» — русский Егорий Храбрый, крестьянский сын, моя последняя страсть. — Вся доверменная Русь — Эпопея.

Это моя главная жизнь. О людях — при встрече. Много низости. С<ережа> в моей жизни — как сон.

О тех, судьбы которых могут быть тебе дороги: А. Белый за городом, беспомощен, пишет, когда попадает в Москву, не знает с чего начать, вдохновенен, затеял огромную вещь — автобиографию — пока пишет детство⁶. — Изумительно. — Слышала отрывки в Союзе Писателей. — Я познакомила с ним Ланна. Это было как паломничество, в тихий снежный день — куда-то в поля.

Из поэтов, кажется, не считая уехавшего Б<альмон>та⁷, не служим только мы с ним. Еще П<астер>нак⁸. Есть у нас лавка писателей. Б<ердыев>⁹, Ас<ор>гин¹⁰, Гр<иф>цов¹¹, Дж<ивиле>гов¹², — всех дешевле продают, сочувственны, человечны. Сейчас в Москве миллиард поэтов, каждый день новое течение, последнее: ничегоки.

Читаю в кафэ, из поэтов особенно ни с кем не дружу, любила только Б<альмон>та и Вячеслава¹³, оба уехали, *эта* Москва для меня осиротела. Ф. С<оло>губ¹⁴ в П<етербур>ге, не служит, сильно бедствует, гордец. Видела его раз на эстраде — великолепен. Брюсов¹⁵ — *гад*, существо продажное (уж и покупать перестали, — д<олжно> б<ыть> дешево просит!) и жалкое, всюду лезет, все издаются. У него и Адалис¹⁶ был ребенок, умер.

Сейчас в Москве М<андельшта>м¹⁷, — ко мне не идет, пишет, говорят, прекрасные стихи. На днях уехал за границу Э<ренбур>г¹⁸, мы с ним дружили, он был добр ко мне, хотя в нем мало любви. Прощаю ему всё за то, что его никто не любит. Скоро уезжают З<ай>цевы¹⁹. Какой она изумительный человек! Только сейчас я ее увидела во весь рост.

— Москва пайковая, деловая, бытовая, заборы сняты, грязная, купола в Кремле черные, на них вороны, все ходят в защитном, на каждом шагу клуб — студия, — театр и танец пожирают всё. — Но — свободно, — можно жить, ничего не зная, если только не замечать бытовых бед.

Я, Макс, уже ничего больше не люблю, ни-че-го, кроме содержания человеческой грудной клетки. О С<ереже> думаю всечасно, любила многих, никого не любила.

Нежно целую тебя и Пра. Лиля и Вера в Москве, служат, здоровы, я с ними давно разошлась из-за их нечеловеческого отношения к детям, — дали Ирине умереть с голоду в приюте под предлогом ненависти ко мне. Это — достоверность. Слишком много свидетелей.

Ася Ж<уков>ская вышла замуж за еврея-доктора²⁰. С Ф<ельдштей>нами не вижу, были в прошлом году в большой передраге.

Милый Макс, буду бесконечно-рада, если напишешь мне через <пропуск в рукописи>, тогда очень скоро получу письмо.

Передай Пра, что я ее помню и люблю и мечтаю о встрече с ней. — Такой второй Пра нету!

— Сейчас в М<оскве> Бялик²¹. — Еврейский театр «Габима»²², реж<иссер> — Станиславский. Играют на древне-еврейском.

<На полях и пустых местах:>

Дружу еще со С<тепу>ном²³ и В<олкон>ским. Ст<еп>ун за городом, пишет роман, В<олкон>ский бедствует и пишет замечательную книгу: «Воспоминания», другая Д<екабри>сты уже готова²⁴.

Нежно-нежно поцелуй за меня А<делаиду> К<азимировну> и Е<вгению> К<азимировну>²⁵ — если —

Только что узнала, что Вера Э<фрон> через месяц ожидает ребенка²⁶.

Эва с детьми за границей²⁷.

Посылаю тебе 10 экз<емпляров> Репина²⁸, — м<ожет> б<ыть> понадобятся?

14. С.Я. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Из Константинополя в Москву>

<28 июня 1921 г.>

— Мой милый друг — Мариночка,

— Сегодня я получил письмо от Ильи Г<ригорьевича>¹, что Вы живы и здоровы. Прочитав письмо, я пробродил весь день по горо-

ду, обезумев от радости. — До этого я имел об Вас кое-какие вести от К<онстантина> Д<митриевича>², но вести эти относились к осени, а минувшая зима была такой трудной.

Что мне писать Вам? С чего начать? Нужно сказать много, а я разучился не только писать, но и говорить. Я живу верой в нашу встречу. Без Вас для меня не будет жизни, живите! Я ничего не буду от Вас требовать — мне ничего и не нужно, кроме того, чтобы Вы были живы. Остальное — я это твердо знаю — будет. Об этом и говорить не нужно, п<отому> ч<то> я знаю — всё что чувствую я не можете не чувствовать Вы.

Наша встреча с Вами была величайшим чудом, и еще большим чудом будет наша встреча грядущая. Когда я о ней думаю — сердце замирает страшно — ведь большей радости и быть не может, чем та, что нас ждет. Но я суеверен — не буду говорить об этом. Все годы нашей разлуки — каждый день, каждый час — Вы были со мной, во мне. Но и это Вы, конечно, должны знать.

Радость моя, за все это время ничего более страшного (а мне много страшного пришлось видеть)^{*}, чем постоянная тревога за Вас, я не испытал. Теперь будет гораздо легче — в марте Вы были живы.

— О себе писать трудно. Все годы, что мы не с Вами — прожил, как во сне. Жизнь моя делится на две части — на «до» и «после». «До» — явь, «после» — жуткий сон, хочешь проснуться и нельзя. Но я знаю — явь вернется.

Для Вас я веду дневник (большую и самую дорогую часть дневника у меня украли с вещами) — Вы будете всё знать, а пока знаете, что я жив, что я все свои силы приложу, чтобы остаться живым и знаю, что буду жив. Только сберегите Вы себя и Алю.

— Перечитайте Пьера Лоти³. В последнее время он стал мне особенно понятен. Вы поймете — почему.

Меня ждет Ваше письмо — И<лья> Г<ригорьевич> не хотел мне его пересылать, не получив моего точного адреса. Буду ожидать его с трепетом. Последнее письмо от Вас имел два года тому назад. После этого — ничего.

— Спешитесь с Максом. Он всё обо мне знает. (Идут зачеркнутые слова: я же — или я не — знал, что Вам — последнего не разбираю.) — Сейчас комната, в которой я живу полна народу. Шумят и громко разговаривают и потому писать невозможно. Как только получу ответ от И<лья> Г<ригорьевича> с Вашим письмом — на-

^{*} видеть! (Пометка моя.) — *Примеч. М. Цветаевой.*

пишу подробно и много. Хочу отправить это письмо сейчас же, чтобы Вы поскорее получили его. Кроме того, даю еще о себе знать другим путем. И<лья> Г<ригорьевич> пишет, что Вы живете все там же. Мне приятно, что я могу себе представить окружающую Вас обстановку.

— Что мне Вам написать о своей жизни? Живу изо дня в день. Каждый день отвоевывается, каждый день приближает нашу встречу. Последнее дает мне бодрость и силу. А так — все вокруг очень плохо и безнадежно. Но об этом всем расскажу при свидании.

Очень мешают люди меня окружающие. Близких нет совсем. Большим для меня отдыхом были мои наезды к Максусу. С Пра и с ним за эти годы я совсем сроднился и вот с кем я у него встречался. (Эти слова зачеркнуты, разобрала.)

— Надеюсь, что И<лья> Г<ригорьевич> вышлет мне Ваши новые стихи. Он пишет, что Вы много работаете, а я ничего из Ваших последних стихов не знаю.

Простите, радость моя, за смятенность письма. Вокруг невероятный галдеж.

Сейчас бегу на почту.

Берегите себя, заклинаю Вас. Вы и Аля — последнее и самое дорогое, что у меня есть.

Храни Вас Бог.

Ваш С.

15. С.Я. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

28 июня 1921 г.

Родная моя девочка!

Я получил письмо от И<льи> Г<ригорьевича>¹ — Он пишет, что видел тебя и передал мне те слова, что ты просила сказать мне от твоего имени. Спасибо, радость моя — вся любовь и все мысли мои с тобою и с мамой. Я верю — мы скоро увидимся и снова проживем вместе, с тем, чтобы никогда больше не расставаться.

За все время, как мы с тобой не виделись — я получил от тебя два письма, — одно из них с карточкой. Эти письма и карточка всюду ездят со мною. Попроси маму, если это не особенно трудно — снять с тобою вместе и переслать мне фотографаю. Я тебя оставил совсем маленькой и мне бы очень хотелось видеть какой ты стала.

Береги себя и маму.

Напишу тебе гораздо больше в следующем письме, а это тороплюсь отправить скорее на почту, чтобы оно пошло сегодня же.

Благословляю и целую тебя крепко.

Твой папа

16. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Притыкино>

Москва, русск<ого> июня 1921 г.

Моя дорогая Алечка!

Завтра — неделя, как ты уехала¹. Пишу тебе второе письмо.

Ты единственный человек — кроме С<ережи> — которому я предана навек. Кроме тебя и С<ережи> — кажется — никого не люблю. В В<олкон>ском² я люблю весь старый мир, — понимаешь? Это больше или меньше, чем человек, — почти что *идея*.

А с тобой мне хорошо и в духе и в быту, мы идем с тобой одним шагом, ты мне никогда не мешаешь, — нет провалов — и если ты в деревне еще научишься умываться и быстро двигаться — я совсем буду счастлива.

Перечитываю твою толстую черную тетрадь, — сколько любви, сколько жизни! Вся наша чердачная эпопея встает.

Живу, как всегда: почти что не отрываюсь от письменного стола, иногда хожу на рынок с Андрюшей³, — редко, — безденежье. Но все мы сыты: Б<орис>⁴ приносит хлеба, Асины⁵ знакомые — щепок.

Аля, две ночи подряд ночью с серой кошкой, — верней она со мной ночует, я вовсе не хочу, но она упорствует и лезет. Забрела к нам случайно, Андрюша угостил ее мертвой мышью (утопилась в ведре, Андрюша выловил и потом отогревал на сковородке, — не ожила!) — кошка решила, что здесь каждый день мертвые мыши и упорно живет: лезет во все кастрюльки и раздирает когтями мой последний (голубой на кресле) платок.

Ася с Андрюшей скоро переезжают, будут жить на Плющихе, Ася нашла службу, скоро будет получать паёк. Пока дружно съедаем твой хлеб (бедная Аля!) — который изредка получаем у Курочкина⁶.

Растроганно вспоминаю нашу прогулку в Зоологический, без тебя туда не пойду.

Бывает Б<орис>. Хочет жить у нас, чтобы было тепло. Думаю о тебе и соглашаюсь. Но предупреждаю, что наша с тобой жизнь замкнутая. Это союз против всех, я этого не хотела, так вышло. Ася уверена, что я тебя ревную ко всем, это неверно, — разве я тебя ревную к В<олкон>скому? Нет, я счастлива, что ты его любишь, потому что и я его люблю. И к детям тебя не ревную, — рада, что развлекаешься. Я только была бы огорчена, если бы ты любила нечто заведомо мне чуждое, но этого не может быть: чуждо мне только настоящее, а у тебя тонкий нюх.

Я совсем не знаю твоей жизни, потому пишу тебе о тебе и о себе. Когда ты мне напишешь, я буду видеть и дом, и сад, и поле — и тебя во всем этом, пока вижу только тебя.

Поцелуй за меня милых В<еру> А<лексеевну>⁷ и Наташу⁸, поклонись Б<орису> К<онстантиновичу>⁹. (Аля, вычесывают ли тебя?!)

У нас дожди и грозы, но мне всё равно: стена перед глазами и бумага под рукой — всё те же!

Целую тебя нежно и крещу. В<олкон>ский просит кланяться и спраши <часть текста утрачена>.

МЦ

17. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ

<В Коктебель>

Москва, 17²⁰ р<усского> авг<уста> 1921 г.

Дорогая моя Пра!

Постоянно, среди окружающей низости, вспоминаю Вашу высь, Ваше веселье, Ваш прекрасный дар радоваться и радовать других.

Люблю и помню Вас. Коктебель 1911 г. — счастливейший год моей жизни, никаким российским заревам не затмить того сияния.

Вы один из тех трех-четырех людей, которых носишь с собой повсюду, вечно ставлю Вас всем в пример. Если бы Вы знали, что это за поколение!

Пишу, справляю быт, рвусь к С<ереже>. Получила от него большое письмо, пишет: с Пра и Максом я сроднился навсегда. — Спасибо Вам за него.

Скоро напишу еще.
Нежно целую Вас.

МЦ

— Хожу в двух Вами подаренных кафтанах: несокрушимые!

18. М.И. ЦВЕТАЕВА — М.А. ВОЛОШИНУ

< В Коктебель >

Москва, 7го р<усского> ноября 1921 г.

Мой дорогой Макс!

— Оказия в Крым! — Сразу всполошилась, бросила все дела, пишу.

Во-первых — долг благодарности и дань восторга — низкий поклон тебе за С<ережу>. — 18го января 1922 г. (через два месяца) будет четыре года, как я его не видела. И ждала его именно таким. Он похож на мою мысль, поэтому — портрет точен. Это моя главная радость, лучшее, что имею, уеду — увезу, умру — возьму.

Получив твои письма, подняли с Асей бурю¹. Ася читала и показывала их всем, в итоге дошло до Л<уначар>ского, пригласил меня в Кремль. С Кремлем я рассталась тогда же, что и с Сережей, часто звали пойти, я надменно отвечала: «Сама поведу». — Шла с сердцебиением. Положение было странно, весь случай странен: накануне дочиста потеряла голос, ни звука, — только *и!* (Вроде верхнего *си* (si) Патти!)². Но не пойти — обидеть, потерять право возмущаться равнодушием, упустить Кремль — взяла в вожатые В<олькен>штейна («Калики» — услужливая академическая бездарность)³.

После тысячи недоразумений: его ложноклассического пафоса перед к<расноармей>цем в будке (никто не понимал моего шепота: явления его!) и пр<очего> — зеленый с белым Потешной дворец. Ни души. После долгих звонков — мальчишка в куцавейке, докладывает. Ждем. Большая пустая белая дворянская зала: несколько стульев, рояль, велосипед. Наконец, через секретаря: видеться вовсе не нужно, пусть т<овари>щ напишет. Бумаги нет, чернил тоже. Пишу на чем-то оберточном, собственным карандашом. Доклад, ввиду краткости, слегка напоминающий декрет: бонапартовский, в Егип-

те. В<олькен>штейн (муж Сони)⁴ через плечо подсказывает. Я злость. — «Соню! Соню-то!» Я: — «А чччорт! Мне Макс важней!» — «Но С<офия> Я<ковлевна> — женщина и моя бывшая жена!» — «Но Макс — тоже женщина и мой настоящий (indicatif present) * друг!» Пишу про всех, отдельно Судак и отдельно К<окте>бель. Дорвалась, наконец, до Вас с Пра: «больные, одни в пустом доме»... — и вдруг иронический шип В<олькен>штейна: «Вы хотите, чтоб их уплотнили? Если так, Вы на верном пути!» Опомнившись, превращаю эти пять слов в тайнопись. Доклад кончен, уже хочу вручить мальчишке и вдруг: — улыбаюсь, прежде чем осознаю! Упоительное чувство: «en présence de quelqu'un» **. Ласковые глаза: «Вы о голодающих Крыма? Всё сделаю!» Я, вдохновенным шипом: — «Вы очень добры!» — «Пишите, пишите, всё сделаю!» Я, в упоении: «Вы ангельски добры!» — «Имена, адреса, в чем нуждаются, ничего не забудьте — и будьте спокойны, в с ё б у д е т с д е л а н о!» Я, беря его обе руки, samozабвенно: «Вы ц<арст>венно добры!» Ах, забыла! На мое первое «добры» он с любопытством, верней любознательностью, спросил (осведомился) — «А Вы всегда так говорите?» и мой ответ: «Нет, только сегодня, — потому что Вы позвали!» — Ласков, как сибирский кот (не сибирский ли?), люблю нежно. Говорила с ним в первый раз. — Ася все эти дни вела денежную кампанию, сейчас столько богатых! все торгуют. Кажется, на твою долю выпадает м<иллио>н, от нас с Асей только сто т<ысяч> (сверх м<иллио>на), я знаю, что это — ничто, это мы, чтоб устыдить наших богатых сотоварищей, нужно действовать самыми грубыми средствами: оглушать, — тогда бумажники раскрываются. — Дай Бог, чтоб всё дошло и чтоб это вас с Пра немножко вызволило⁵.

М.И. К<узнец>ва, наконец, устроилась, — в Летучей Мыши⁶. Играет «Женщину-змею» (подходит? у нее ведь змеиные глаза!). С Майей⁷ вижу редко: дружит с Акс<ено>вым⁸ (рыжая борода) и Бобровым⁹, с к<оторы>ми не дружу. Меня почему-то боится. А я вся та́к в С<ереже>, что духу нет подымать отношения. Всё, что не необходимо, — лишне. Так я к вещам и к людям. — Согласен ли? — Я, вообще, закаменела, состояние ангела и памятника, очень издалека. Единственное мое живое (болевое) место, — это С<ережа>. (Аля — тот же С<ережа>). Для других (а все — другие!) делаю,

* Настоящее время (граммат.). — (фр.).

** В присутствии кого-то <значительного> (фр.).

что могу, но безучастно. Люблю только 1911 г. — и сейчас, 1921 г. (тоску по С<ереже> — весть — всю эпопею!). Этих 10-ти лет как не было, ни одной привязанности. Узнаешь из стихов. Любимейших послать не решаюсь, их увез к С<ереже> — Э<ренбур>г. Кстати, о Э<ренбур>ге: он оказался прекрасным другом: добрым, заботливым, *не* словесником! Всей моей радости я обязана ему. — Собираюсь. — Обещают. — Это моя последняя ставка. Если мне еще хочется жить здесь, то из-за С<ережи> и Али, я так знаю, что буду жить еще и еще. Но С<ережу> мне необходимо увидеть, просто войти, чтоб видел, чтоб видела. «Вместо сына», — так я бы это назвала, иначе ничто не понятно.

О М<оск>ве. Она чудовищна. — Жировой нарост, гнойник. на Арбате 54 гастр<ономических> магазина: дома извергают продовольствие. Всех гастр<ономических> мага<инов> за последние три недели 850. На Тверской гастрономия «L'Estomac»*. — Клянусь! — Люди такие же, как магазины: дают только за деньги. Общий закон беспощадность. Никому ни до кого нет дела. Милый Макс, верь, я не из зависти, будь у меня миллионы, я бы всё же не покупала око-роков. Всё это слишком пахнет кровью. — Голодных много, но они где-то по норам и трещинам, видимость блистательна.

Макс, а вот веселая история: в Тифлисе перед б<ольшевы>ками были схоронены на кладбище шесть гробов с монпансье. Священники пели, родные плакали. А потом б<ольшевы>ки открыли и за-садили и священников, и родных. — Достоверность. —

О литераторах и литературе я тебе уже писала. Та же торговля. А когда не торгующие (хотя и сидящие за прилавком) как Бердяев¹⁰ открывают рот, чтобы произнести слово: Бог, у меня всю внутренность сводит от скуки, — не потому что Бог, а потому что мертвый Бог, не растущий, не воинствующий, тот же, что, скажем, в 1903 г., — бог литературных сборищ.

Только что письмо от Э<ренбур>га: почтой из Берлина. Шло десять дней. Утешает, обнадеживает, С<ережа> в Праге, учится, Э<ренбур>г обещает к нему съездить. Завтра отправляю письмо С<ереже>, буду писать о тебе. Писала ли я тебе в прошлый раз (письмо с М<инд>линым)¹¹ о большой любви С<ережи> к тебе и Пра-«Мои наезды в К<окте>бель были единственной радостью всех этих

* Желудок (фр.).

лет, с Максом и Пра я совсем сроднился». — Спасибо тебе, Макс, за С<ережу>, — за 1911 г. и 1920 г.!

Какова будет наша следующая встреча?

Думаю, не в России. — Хочешь в Париже? На моей Rue Bonaparte? ¹² —

Герцькам посылаю другие стихи, если доведется — прочти ¹³. Лучшей моей вещи ты не знаешь, «Царь-Девуцы». — У меня выйдут две книги: «Версты» (стихи) и «Феникс» (конец Казановы, драматическая сцена) ¹⁴. В случае моего отъезда их перешлет тебе Ася. Ася живет очень трудно, — хуже меня! Героична, совсем забыла: я. Всем настоящим эти годы во благо! —

Поцелуй за меня Пра, прочти ей мое письмо, не пишу ей отдельно, потому что нет времени, поздно предупредили. Будь уверен, милый Макс, что неустанно с Асей будем измышлять всякие способы помочь Вам с Пра. Живя словом, презираю *слова*. Дружба — дело.

Обнимаю и целую тебя и Пра.

М.

19. А.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<31 декабря 1921 г.>

с 1922 годом!

Дорогая моя, старая Рысь!

С Новым, нашим Годом! Мне так жалко Старого, лежащего в дубовом гробе, где-нибудь в Аидском склепе Года. Хочется сделать наоборот: положить в склеп новорожденного, и сказать: «Старый — царствуй!» По-моему выражение «встречать Новый Год», неправильно. Нужно: «Справлять тризну по Старому». Но все-таки с Новым Годом!

М! Не слишком уныло? Ах! Мне бы так хотелось, чтоб Вы дожили до 2000 года! Умереть вместе. С первым ударом колокола. Как-то так: под метель, под колокол, под пожелания... И еще хочется провести жизнь по-грешному: ад и рай не достоверность. Поверю в это лишь тогда, когда увижу. А пока не увидела, буду грешить. «Бог покровитель всех воров, и мой?»

А теперь Вам:

Желаю, чтоб все лапы соединились.

Желаю, чтоб все морды слились в одну большую.

Желаю, чтоб мы встретились одни.
 Желаю, чтоб вольная была дана через 1 неделю.
 Желаю, чтоб Л<ебединый> Ст<ан> показал всем, какой тут
 Лебедь!

Мне:

Желаю <рисунок детской лошадки> и <рисунок львиной морды>.
 Нежно, по-львиному Вас целую.

Ваша Аля

**20. М.А. ВОЛОШИН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ
 И А.С. ЭФРОН**

<Из Феодосии в Москву>

1922 13/1

Милая Марина и Аля,

С Новым годом! И чтоб он был годом встречи с С<ережей>.
 Голодная смерть Крыма началась. На улицах уже появились
 трупы татар. Барометр показывает 2 мил<лиона> за пуд хлеба.
 А на рейдах Севастополя, Ялты, Феодосии стоят иностран<ные>
 суда с хлебом. Но им приказывают уходить, т<ак> к<ак> они «име-
 ют наглость» запрашивать по 140 тыс<яч> за пуд, когда твердая цена
 для ввоза 80 тыс<яч>.

«Пролетариат предпочитает поголодать, чем обогащать спеку-
 лянтов» [sic] Герцыки¹ тоже «предпочитают голодать». В Судаке
 цены еще свирепее. У меня смутные вести о том, что Дм<итрий>
 Евг<еньевич>² уехал в Москву. Что на 2 мил<лиона> удалось заку-
 пить несколько фунтов муки, которая хранится для детей. Аделаида
 К<азимировна> собирает у кухонь кожуру от картофеля. «Академи-
 ческий паек» — сплошное издевательство. Обещанием томят до кон-
 ца месяца, а потом заявляют, что задним числом не выдают. В Сим-
 ферополе его урезают, в Феодосии не оказывается продуктов.

Мое с Пра положение неплохое, т<ак> к<ак> меня кормят в Са-
 натории, а ей я посылаю свой паек с Комкурсов.

У меня попросили на № однодневки «На Борьбу с голодом»
 стихи «Дикое поле». Известный красный поэт Золотухин³ счел нуж-
 ным переделать контр-революционные стихи на «революционные».
 Так вместо:

Ох, не выпить до дна нашей воли
 Не связать нас в единую цепь... (контрреволюция)

напечатано:

Мы пропьем до конца нашу волю
И скуемся в единую цепь (революция)

Я разумеется в восторге...
Крепко обнимаю Тебя, Алю, Асю, Андрюшу.

МАХ

<Приписка М. И. Цветаевой:>

— Посылаю Вам живого Макса, если не трудно, перешлите, переписав, это письмо И<лье> Г<ригорьевичу>⁴.

Пусть даже опубликует, опустив обращение, — сейчас я труслива!

М.

Г л а в а ч е т в е р т а я

ПИСЬМА ОТТУДА

(1923—1939)

Тоска по родине! Давно
Разоблаченная морока!
Мне совершенно всё равно —
Где совершенно-одинокой

Быть, по каким камням домой
Брести с кошелкою базарной
В дом и не знающий, что — мой,
Как госпиталь, или казарма.

МЦ — 1935

Оставьте меня, потрясения, войны и т.д. У меня *свои* события:
свой дар и своя обида — о, за него, не за себя.

Летопись своей судьбы.

Свое самособытие.

Войны и потрясения станут школьной невнятицей, как те войны, которые учили — мы, а мое — вечно будет петь.

Запись лета 1932 г.

1. Е.Я. ЭФРОН — С.Я. ЭФРОНУ

<В Прагу>

<Январь 1923 г., Москва>

Серезка милый, какое счастье, что наконец достала твой адрес! Мой маленький, лупоглазенький мальчик, какое чудо жизнь, и как всё странно и чудесно. Я никогда не думала, что смогу прожить без тебя столько времени, а еще меньше могла себе представить, что могу быть счастлива, не зная ничего о тебе и думая о смертельной опасности. Что было пережито здесь нами сейчас писать не буду. Самое страшное кажется миновало, научив многому и открыв глаза на многое и на многих. У меня почти седая голова, а от голода я превратилась в стройную фигуру. Вера очень подурнела, постарела, у нее прелестный мальчик¹, очень похожий на нашего папу, голубые очень выразительные глаза, большой курносый нос, большой лоб. От Марины ты уже вероятно знаешь, что мы с ней разошлись. Когда я с нею встречаюсь, то всегда очаровываюсь и осуждать не могу, но того что было уже никогда не будет, наши отношения раскололись навеки².

Что ты мне ни строчки не написал свин ты, надеюсь, что уж теперь будешь писать. О тебе я слышала от Мани Кузнецовой, от Эренб<урга>, от Дмитр<ия> Евг<еньевича>³, от Людвига⁴. Все рассказы и определения сходятся в одном, что ты вырос, возмужал и из юноши превратился в мужа. Но «l'âme n'a pas de l'âge»^{*}. Я думаю, что нашего типа люди не взрослеют, может быть мудреют. Но ты для меня всегда останешься маленьким, беспомощным, нежным, одно-

^{*} У души нет возраста (фр.).

ким мальчиком. Я ничего не понимаю, ни на чем не могу успокоиться, от жизни ничего не требую, но требую от себя самой. Я не тоскую от того, что не имею ребенка, что никакая любовь меня не удовлетворяет, что Вере я не нужна, что дружба не такова, как я ее понимаю, я не тоскую больше по своему углу, по своему уюту, по творчеству каждого дня. Я тоскую по религии и верю, что найду большую силу души. Мне трудно тебе всё это объяснить. Но кажется, что сдвиг во мне громадный. Прежней моей тоски, кот<орую> ты знал, нет.

Пиши мне родной мой. Кажется к тебе у меня объединилась любовь к Коту, к Пете, к Глебу, к папе с мамой, ко всему прошлому, такому горячему любовью. А сейчас всё так холодно кругом, и так никто из окружающих ничего не знает. Мне говорили, что ты пишешь и пишешь хорошо. Очень сдержанно и сильно. Мне очень интересно, гораздо больше чем интересно конечно. Я очень верю в тебя. У нас за это время в литературе ничего яркого.

Позапрошлую зиму я уехала в провинцию. От голода сделалась актрисой⁵. Единственная профессия, кот<орая> оплачивалась лучше. Я сделалась и актрисой и Хлестаковым. Про меня печатали в газетах как об актрисе Худ<ожественного> Театра. Эта моя эпопея невероятна. Я была режиссером, героиней, комической старухой, Магда декоратором. Нас обдули, издевались, вообще расскажу потом. Но я заразилась сценой. Поступила в Третью студию⁶. Прохожу Систему Станиславского. Мало сил и времени. Жалею, что не занялась сценой раньше. Мне всё дается страшно легко. Только этот год я сплошь болею инфлуэнцией. Конечно самовольно я никогда бы на сцену не пошла, но было так, или умирай или играй и ври, что ты актриса со стажем. Ну Сережечка надо кончать. С Новым Годом, с Рождеством. Поздравляю и целую нежно.

Лиля

2. С.Я. ЭФРОН — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ И М.А. ВОЛОШИНУ

<В Феодосию>

10 мая 1923
Прага

Родные и дорогие мои Пра и Макс,

— Давно бы написал и постарался бы помочь вам, если бы точно мог узнать ваш адрес. Здесь ходили упорные слухи, что вы пере-

брались в Москву. Вчера прочел в «Русской Книге» новые стихи Макса, его адрес и список нуждающихся в Крыму¹. Сердце сжалось. Дорогие мои! Вчера же я видел кой-кого и удалось образовать группу, к <отор>ая ежемесячно будет отчислять в пользу нуждающихся и через меня направлять тебе — Макс, с тем чтобы ты распределял между особо-нуждающимися. — Особенно много набирать вряд ли удастся, но приблизительно на германскую валюту выйдет думаю не меньше ста тысяч германских марок. Весь вопрос, как тебе переслать эту сумму. Можно бы через банк, но говорят обязательный курс иностранной валюты в несколько раз меньше действительной ее стоимости. Мы не знаем обкладываются ли пищевые посылки пошлиной. Если нет, то самым практичным, конечно, будет посылать такими посылками. Имейте в виду, что американцы прекратили прием посылок и что придется их посылать прямо по почте. Можно бы сахар, муку и сало. Ответь мне немедленно, чтобы не задержать первой присылки.

Надеюсь, что удастся начатое дело расширить. Самым трудным препятствием, повторяю, является установление верной связи. Ибо ничто так не расхолаживает дающих, как неполучение посылок. А таких случаев очень много.

— Мы втроем живем в Праге, или вернее, под Прагой. Марина проводит дни, как отшельник. Очень много работает, бродит часами после работы одна в лесу, бормоча под нос отрывки стихотворных строк. В Берлине вышли ее четыре книги, скоро выйдет пятая². Я в Пражском ун<иверси>тете — готовлюсь к докторскому экзамену. Буду dr. философии нечаяно. Это дает мне здесь средства к существованию³. Аля с каждым днем все более и более опрощается. Как снег от западного солнца растаяла ее необыкновенность. Живем в простой деревенской избе. Вокруг холмы, леса, поляны — напоминает Шварцвальд. Каждый день, поднявшись в 6 ч., уезжаю в Прагу и возвращаюсь только вечером.

Людей почти нет из тех, кого хотелось бы. Моральной твердости и честности много, но не этим только жив человек. — В Берлине обратное — при очень слабой твердости и честности.

Родная моя Пра⁴, как и где живешь? Знаю, как тяжело приходилось вам с Максом в Крыму. Я читал письма, написанные Марине. Дорогая моя старушка! Глажу твою седую, лохматую, измученную голову. Думаю о тебе с сыновьей любовью, с сыновьей преданностью и с сыновьей благодарностью за последние мои Коктебели. Верю, уверен, что судьба еще пошлет нам встречу. Но если, здесь, не встретимся — знай, что ты мой *постоянный* спутник, вечный и неотлучный.

Дорогой Макс, мне очень трудно писать первое письмо. Трудно, потому что помимо воли оно выливается в объяснение в любви. Второе будет легче. Поцелуй от меня всех друзей — Володю⁵, Константина Федоровича⁶, Наталью Ивановну⁷, Поликсену Сергеевну⁸ — всех. Узнал о смерти Александры Михайловны⁹. Жалеть ли ее? Думаю, — она нас жалеет.

Обнимаю вас крепко и люблю

Ваш С.

Мой адрес: Чехословацкая Республика
Praha II — Vyšehradská tř. č. 16
Městský Chudobinec
мне (по-русски)

3. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.О. КИРИЕНКО-ВОЛОШИНОЙ И М.А. ВОЛОШИНУ

<В Феодосию>

10го нов<ого> мая 1923 г.

Мои дорогие Макс и Пра!

Пока только скромная приписка: завтра (11го нов<ого> мая) — год, как мы с Алей выехали из России, а 1го августа — год как мы в Праге. Живем за городом, в деревне, в избушке, быт более или менее российский, — но не им живешь! Сережа очень мало изменился, — только тверже, обветреннее. Встретились мы с ним, как если бы расстались вчера. Живя не-временем, времени не боишься. *Время — не в счет*: вот всё мое отношение к времени!

Я много раз тебе писала из Москвы, Макс, но ты всё жаловался на молчание. Пишу и на этот раз без уверенности, увы, что дойдет! Откликнись возможно скорей, тогда в тот же день напишу тебе и Пра обо всем: о жизни, стихах, замыслах <не дописано>.

Ах, как бы мне хотелось послать тебе и дорогой Пра книги! — «Разлуку», «Стихи к Блоку», «Царь-Девуцу», «Ремесло». Не знаю, как осуществить. Оказии отсюда редки. — Живой повод к этому письму — твой живой голос в «Новой Книге». Без оклика трудно писать. Другой постепенно переходит в область сновидения (единственной достоверности!) — *изымается из употребления!* — становится недостижимостью. — Тебе ясно? — Это не забвение, это обещание *над, вне...* И писать уже невозможно.

Но ты, не зная, окликнул, и я радостно откликаюсь. Здесь (и уже давно в Берлине) были слухи, что Вы с Пра в Москве. — Почему не выбрались? — (Праздный вопрос, то же, что «почему не сдвинули горы?»)

Целую тебя и Пра, люблю нежно и преданно обоих, напиши, Макс, доходят ли посылки и какие?

МЦ

<На полях:>

— Аля растет, пустеет и простеет. Ей 10½ лет, ростом мне выше плеча. Целует тебя и Пра.

4. Е.Я. ЭФРОН — В.Я. ЭФРОН

<Лето 1923 г.>

Веруся, я получила письмо от Нюти. Вот выписка из письма Сережи.

«Во время моих странствий, когда свидание с сестрами казалось близким, я с жадностью любви и кровной привязанности представлял себе сотни и сотни раз эту радость. Когда смерть угрожала мне — единственное что меня жестоко мучило, была мысль, что о последних моих минутах близкие ничего не узнают. Золотой был моим талисманом в течение 3 лет. Но что об этом писать. Я чувствовал то, что должен был чувствовать.

То что я узнал — было чудовищно, так чудовищно, что связать с Л<илей> и В<ерой> узнанное мне было не только трудно, а просто невозможно. Оттого мое письмо и вышло «бесчувственным» (выражение Лили).

Когда я думаю о Л<иле> и В<ере>, то мне они представляются такими, как я их знал и любил. Когда я думаю о происшедшем, то появляется туман, сумбур, чувство нелепости. Приходится отвлеченно строить свое решение, ибо чувство молчит.

Единственно, что Л<илия> может сделать, это отвергнуть факты, не для того, чтоб я перестал быть «обвинителем», а для того, чтоб я мог чувствовать Л<иллю> и В<еру> не только в прошлом, но и в настоящем.

Лилино заблуждение, что я выступаю обвинителем. Мне просто необходимо, для восстановления отношений с Л<илей> и В<ерой> почувствовать их вне тумана и сумбура, вызванных происшедшим.

Изложи всё это Л<иле> и В<ере> помягче.

(Цитирую всё это без Сер<ежиного> разрешения, как видите) Адрес его: Praha, Dobrichovice Horné Mokropsy с. 33 и р. Hrubnera pro — Сереже.

5. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

3 окт<ября> 1923

— Praha

Дорогая моя Лиленька,

— Я получил твое письмо с опозданием, т<ак> к<ак> был в отъезде — в Моравии¹.

— Два раза начинал тебе писать и оба раза неудачно — верно потому, что хотел все объяснить, а это совсем и не нужно делать.

— Считай, что мое первое письмо к Н<юте> не было написано. Этим почти все и сказано. Не мне, да и вообще «не человекам» быть судьями в происшедшем.

— Мне бы очень хотелось знать о тебе и о Вере подробнее.

Надеюсь, что грядущей зимой мне удастся вам немного помочь.

Это письмо телеграмма. Так его и прими.

Храни вас всех Бог.

Серезжа

Поздравляю тебя и Веру с прошедшими именинами.

Асе² пишу.

— Аля здорова. Учится в гимназии — в Моравии — в гористой, прекрасной местности. Чем дальше, тем более она меня радует своим ростом и своей *самостоятельностью* в росте.

Мой адр<ес>: Praha — Lazarska 6 Rusky Komitet — мне.

— Это мой постоянный адрес — другой же опасен, т<ак> к<ак> я могу переехать. Итак это письмо по телеграфу протянутая рука.

6. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

31 Октября 1923 г.

Praha

Lazarska č. 11

Rusky Komitet

— Мой дорогой Макс,

— Твое письмо пришло в очень черную для меня минуту (м<ожет> б<ыть> чернее у меня в жизни не было) и то что именно тогда оно пришло — было чудом¹.

Было и радостно и растравительно услышать твой голос.

О смерти Пра я ничего не знал. И хотя все говорило за то, что она не переживет этих лет, что она не может их пережить — несмотря на это — известие о смерти застало меня врасплох и я с письмом в руках, в толпе русских студентов стоял и плакал. Вместе с Пра умерла лучшая часть жизни моей. Так случилось. И вышло так странно: в Праге оказывается несколько человек знало о ее смерти. Но видно нужно было, чтобы я узнал от тебя и именно вчера.

— Почему так долго шло первое мое письмо? — Или ты не сразу ответил? Оно было послано верно месяцев шесть-семь тому назад. Твое же дошло в десять дней.

— Деньги, часть к<отор>ых уже собрана, а часть дособеру и получу за твои стихи, найду способ переслать через Госбанк, не знаю только есть ли отделение в Феодосии. Ты позабыл приписать адрес Татиды². Я его не знаю и пока не могу найти способа его узнать. Во всяком случае пока уверен, что смогу регулярно немного пособлять твоим нахлебникам.

— Радуюсь за тебя от всего сердца, что рядом с тобою есть друг. Мне ли не понять твоей радости? Но память (за войну она у меня до конца искалечилась) мне отказывает. Имя помню, а кому оно принадлежит никак не могу припомнить. Второй день бесплодно вспоминаю³.

Сейчас нечего о себе писать. Нечего, п<отому> что о главном писать до поры не могу, а о второстепенном противно не только писать — думать о нем.

— Как бы мне хотелось перелететь на один вечер к тебе в твою мастерскую. Я очень часто вспоминал тебя и мне очень недостает тебя. Даже не говорить, а помолчать с тобою было бы для меня радостью.

Родной мой Макс, прости за пустое письмо. Но это только мой привет из Праги. Письмо будет, когда смогу писать обо всем.

— Сейчас моя жизнь сплошная растрava и я собираю все силы свои, чтобы выпрямиться.

Судьба не посылает мне катарсис⁴*, а м<ожет> б<ыть> сейчас он мне и послан. Но Боже, как трудно!

Целую твою лохматую голову

Твой Сережа

— Привет твоему другу и нашим общим друзьям. Особый К<онстантину> Ф<едоровичу>⁴.

* Катарсиса (*греч.*) — очищения страданием.

7. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

<Декабрь 1923 г.>

Дорогой мой Макс,

Твое прекрасное, ласковое письмо получил уже давно и вот все это время никак не мог тебе ответить. Единственный человек, к<отор>ому я мог бы сказать все — конечно Ты, но и тебе говорить трудно. Трудно, ибо в этой области для меня сказанное становится свершившимся и, хотя надежды у меня нет никакой, простая человеческая слабость меня сдерживала. Сказанное требует от меня определенных действий и поступков и здесь я теряюсь. И моя слабость и полная беспомощность и слепость М<арины>, жалость к ней, чувство безнадежного тупика, в к<отор>ый она себя загнала, моя неспособность ей помочь решительно и резко, невозможность найти хороший исход — все ведет к стоянию на мертвой точке. Получилось так, что каждый выход из распутия может привести к гибели.

М<арина> — человек страстей. Гораздо в большей мере чем раньше — до моего отъезда. Отдаваться с головой своему урагану для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас — неважно. Почти всегда (теперь так же как и раньше), вернее всегда все строится на самообмане. Человек выдумывается и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, М<арина> предается ураганному же отчаянию. Состояние, при к<отор>ом появление нового возбудителя облегчается. Что — не важно, важно как. Не сущность, не источник, а ритм, бешеный ритм. Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой, и через день снова отчаяние. И это все при зорком, холодном (пожалуй вольтеровски-циничном) уме. Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются (почти всегда справедливо). Все заносится в книгу. Все спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, а качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая — все обращается в пламя. Дрова похуже — скорее сгорают, получше дольше.

Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно. Когда я приехал встретить М<арину> в Берлин, уже тогда почув-

ствовал сразу, что М<арине> я дать ничего не могу. Несколько дней до моего прибытия печь была растоплена не мной. На недолгое время. И потом все закрутилось снова и снова. Последний этап — для меня и для нее самый тяжкий — встреча с моим другом по К<онстантино>полю и Праге, с человеком ей совершенно далеким, к<отор>ый долго ею был встречаем с насмешкой. Мой недельный отъезд послужил внешней причиной для начала нового урагана. Узнал я случайно. Хотя об этом были осведомлены ею в письмах ее друзья. Нужно было каким-либо образом покончить с совместной нелепой жизнью, напитанной ложью, неумелой конспирацией и пр<очими>, и пр<очими> ядами.

Я так и порешил. Сделал бы это раньше, но все боялся, что факты мною преувеличиваются, что М<арина> мне лгать не может и т.д.

Последнее сделало явным и всю предыдущую вереницу встреч. О моем решении разъехаться я и сообщил М<арине>. Две недели она была в безумии. Рвалась от одного к другому. (На это время она переехала к знакомым). Не спала ночей, похудела, впервые я видел ее в таком отчаянии. И наконец объявила мне, что уйти от меня не может, ибо сознание, что я где-то нахожусь в одиночестве не даст ей ни минуты не только счастья, но просто покоя. (Увы, — я знал, что это так и будет). Быть твердым здесь — я мог бы, если бы М<арина> попадала к человеку к<отор>ому я верил. Я же знал, что другой (маленький Казанова) через неделю М<арину> бросит, а при Маринином состоянии это было бы равносильно смерти.

М<арина> рвется к смерти. Земля давно ушла из-под ее ног. Она об этом говорит непрерывно. Да если бы и не говорила, для меня это было бы очевидным. Она вернулась. Все ее мысли с другим. Отсутствие другого подогревает ее чувство. Я знаю — она уверена, что лишилась своего счастья. Конечно, до очередной скорой встречи. Сейчас живет стихами к нему. По отношению ко мне слепость абсолютная. Невозможность подойти, очень часто раздражение, почти злоба. Я одновременно и спасательный круг и жернов на шее. Освободить ее от жернова нельзя не вырвав последней соломинки, за которую она держится.

Жизнь моя сплошная пытка. Я в тумане. Не знаю на что решиться. Каждый последующий день хуже предыдущего. Тягостное «одиночество вдвоем». Непосредственное чувство жизни убивается жалостью и чувством ответственности. Каждый час я меняю свои ре-

шения. М<ожет> б<ыть> это просто слабость моя? Не знаю. Я слишком стар, чтобы быть жестоким и слишком молод, чтобы присутствуя отсутствовать. Но мое сегодня — сплошное гниение. Я разбит до такой степени, что от всего в жизни отвращаюсь, как тифозный. Какое-то медленное самоубийство.

Что делать? Если ты мог издали направить меня на верный путь! Я тебе не пишу о Московской жизни М<арины>. Не хочу об этом писать. Скажу только, что в день моего отъезда (ты знаешь, на что я ехал) после моего кратковременного пребывания в Москве, когда я на все смотрел «последними глазами», М<арина> делила время между мной и другим, к<отор>ого сейчас называет со смехом дураком и негодяем.

Она обвинила в смерти Ирины (сестра Али) моих сестер (она искренне уверена в этом) и только недавно я узнал правду и восстановил отношения с Л<илей> и В<ерой>. Но довольно. Довольно и сегодняшнего. Что делать? Долго это сожительство длиться не сможет. Или я погибну. М<арина> углубленная Ася. В личной жизни это сплошное разрушительное начало. Все это время я пытался избегая резкости подготовить М<арину> и себя к предстоящему разрыву. Но как это сделать, когда М<арина> из всех сил старается над обратным. Она уверена, что сейчас жертвенно, отказавшись от своего счастья — кует мое. Стараясь внешне сохранить форму совместной жизни она думает меня удовлетворить этим. Если бы ты знал, как это запутанно-тяжко. Чувство свалившейся тяжести не оставляет меня ни на секунду. Все вокруг меня отравлено. Ни одного сильного желания — сплошная боль. Свалившаяся на мою голову потеря тем страшнее, что последние годы мои, к<отор>ые прошли на твоих глазах, я жил м<ожет> б<ыть> более всего М<арин>ой. Я так сильно и прямолинейно, и неизбежно любил ее, что боялся лишь ее смерти.

М<арина> сделалась такой неотъемлемой частью меня, что сейчас стараясь над разьединением наших путей, я испытываю чувство такой опустошенности, такой внутренней изодранности, что пытаюсь жить с зажмуренными глазами. Не чувствовать себя — м<ожет> б<ыть> единственное мое желание. Сложность положения усугубляется еще моей основной чертой. У меня всегда, с детства — чувство «не могу иначе», было сильнее чувства — «хочу так». Преобладание «статики» над динамикой. Сейчас вся статика моя полетела к черту. А в ней была вся моя сила. Отсюда полная беспомощность.

С ужасом жду грядущих дней и месяцев. «Тяга земная» тянет меня вниз. Из всех сил стараюсь выкарабкаться. Но как и куда?

Если бы ты был рядом — я знаю, что тебе удалось бы во многом помочь М<арине>. С ней я почти не говорю о главном. Она ослепла к моим словам и ко мне. Да м<ожет> б<ыть> не в слепости, а во мне самое дело. Но об этом в другой раз.

Пишу это письмо только тебе. Никто ничего еще не знает. (А м<ожет> б<ыть> все знают).

22 янв<аря> 1924 г.

Это письмо я проносил с месяц. Все не решался послать его. Сегодня — решаюсь.

Мы продолжаем с М<ариной> жить вместе. Она успокоилась. И я отложил коренное решение нашего вопроса. Когда нет выхода — время лучший учитель. Верно?

К счастью приходится много работать и это сильно помогает.

— Просьба к тебе. Когда прочтешь письмо — уничтожь его. Я не хочу, чтобы когда-нибудь чьи-либо посторонние глаза могли прочесть его.

— Теперь о твоих делах. Стихи, что ты прислал напечатаны¹. У меня лежит для тебя около 5 дол<ларов>, но я никак не могу переправить их в Феодосию. В Москву можно, а в Феодосию никаких путей нет.

Не знаю не опасно ли в простом денежном пакете по почте? И никто не знает. Татида² на письмо мое не ответила.

Переписьваешься ли с Л<илей> и В<ерой>? В<ер>ин адр<ес>: Нащокинский пер<еулок> д<ом> 6 кв<артира> 7.

Марусю³ я, конечно, помню прекрасно. Спасибо ей за ласковую приписку. Я напишу ей отдельно.

Сейчас ночь.

Нежный и сердечный привет Вам обоим. Тебя целую.

Твой С.

8. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ

<В Коктебель>

<Конец февраля 1924 г.>

Дорогой мой Макс,

— Уже давно — верно с месяц, как отправил тебе письмо. М<ожет> б<ыть> оно пропало, я даже рад бы был, если бы оно пропало. Если ты его получил, то поймешь почему.

— Сейчас не живу — жду. Жду, когда подгнившая ветка сама отвалится. Не могу быть мудрым садовником, подрезающим ветки заранее. Слабость ли это? Думаю — не одна слабость. Во всяком случае мне кажется, что самое для меня страшное уже позади. Теперь происшедшее — должно найти свою форму. И конечно найдет. Я с детства (и не даром) боялся (и чуял) внешней катастрофичности под знаком к<отор>ой родился и живу. Это чувство меня никогда не покидает. Потому, с детства же, всякая небольшая разлука переживалась мною, как маленькая смерть. Моя мать, за все время пока мы жили вместе, ни разу не была в театре, ибо знала, что до ее возвращения я не засну. Так остро мною ощущалось грядущее. И когда первая катастрофа разразилась — она не была неожиданностью. Это ожидание ударов не оставляет меня и теперь. Когда я ехал к М<арине> в Берлин, чувство радости было отравлено этим ожиданием. Даже на войне я не участвовал ни в одном победном наступлении. Но зато ни одна катастрофа не обошлась без меня. И сейчас вот эта боязнь катастрофы связывает мне руки. Поэтому не могу сам подрезать ветку, поэтому жду, когда упадет сама.

В последнем случае боюсь не за себя. М<арина> слепа совсем именно в той области, в к<отор>ой я м<ожет> б<ыть> даже преувеличенно зряч. Потому хочу, чтобы узел распутался в тишине, сам собою (это так и будет), а не разорвался под ударами урагана.

Но это ожидание очень мучительно. Каждый шаг нужно направлять не прямо, а вкось. А так хочется выпрямиться!

То что ты писал о вреде отгораживания и о спасительности любви ко всем и принятия всех через любовь — мне очень близко. И не так близко по строю мыслей моих, как по непосредственному подходу к людям. Особенно после войны. Весь характер моих отношений с людьми в последние годы — именно таков.

В последнее время мне почему-то чудится скорое возвращение в Россию. М<ожет> б<ыть> потому, что «раненый зверь заползает в свою берлогу» (по Ф. Степуну). А в России у меня только и есть одна берлога — это твой Коктебель. Спасибо нежное тебе и Марусе¹ за ласку и приглашение.

Мне хотелось бы тебе написать о тысячах вещей и именно тебе, но боюсь, что не удастся. М<ожет> б<ыть> все же соберусь и сделаю это. Мысль, что ты жив, существуешь и что м<ожет> б<ыть> нам предстоит встреча меня бесконечно радует и согревает. Думал

написать отдельно Марусе, а потом решил, что все написанное тебе относится в равной мере и к ней.

Целую вас обоих
Горячо вас любящий

Сергея

Твои стихи напечатал. В Феод<осию> нет надежды переслать деньги, а потому пересылаю их Лиле. Ее адр<ес>: Мерзляковский пер<еулок> д<ом> 16 кв<артира> 29.

9. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

6 Апр<еля> <19>24

— Получил твое долгожданное письмо. Ты его адресовала на Русский комитет, а там я бываю раз в две недели. Верно мой новый адрес успела по своему обыкновению затерять. А я-то понять не мог причину твоего молчания.

Спасибо за ласку, за любовь, за память. Радуюсь за тебя, что рядом с тобою Макс¹. Он мой первый, а м<ожет> б<ыть> и единственный друг. Передай ему сейчас же, что недели две тому назад, я выслал ему через Государственный банк 5 дол<ларов> на дачу Айвазовских. Пусть он немедля напишет туда заявление о пересылке денег на Москву. А то они пойдут обратно и расходы по пересылке пропадут даром.

То что ты пишешь о Мише² для меня не неожиданно. Он всегда был слабым, душевно малокровным человеком. Живет по линии наименьшего сопротивления. Боюсь, когда вернусь я, ему сделается побеспокойнее. В некоторых случаях я бываю мало воспитан и когда слабость переходит в хамство — я зверею. Я не знаю, каково Верино чувство к нему сейчас. В ее характере быть матерью без отца. Ведь все люди делятся на хищников и не хищников. И не хищники в громадном большинстве пожираемые овцы. Для последних спасением единственным является религия. Нет веры — гибель, есть вера — только трагедия, но не гибель. О Вере ничего не знаю. Она бесконечно религиозна по характеру, по всему строю своему, но религиозность ее не оформлена и при мне проявлялась только негативно, через неприятие ряда сторон жизни. Для нее было бы спасением утвердиться в своей р<елигии>, оформиться,

произнести наконец «да», а не только легкое, не питающее, не творческое — «нет».

Со стороны судьбы виднее. Особенно при моей отдаленности. И вот вижу ясно, что при свойственной Вере жажде подвига, жертвы и одновременно счастья нет выхода иного, кроме веры. Ибо и подвиг, и жертва, и счастье дается в жизни только в одном. Можно перенести это на человека, но либо кратковременно, либо несчастливо. Говорю это о Вере, а не о себе. Я на Веру не похож.

Ты пишешь о встрече с Соколом³. Думается мне, не совсем ты к нему справедлива. Нет ничего удивительного, что он демонстративно хотел тебя оскорбить. Припомни, как в 14 или 15 году вся Москва его оплевывала и никто не протянул ему руки помощи, не только помощи, а просто никто не пожелал его выслушать. И Толстой⁴ и старик Крандиевский⁵ вели себя прегнусно. А Сокол верно всех, кто принадлежал тогда к этому кругу, возненавидел. И чем ближе к нему были, тем острее. Подумай как заманчиво для него теперь вместо лика идиота, показать тебе образину обратную и отвратную.

В Праге мне плохо. Живу здесь, как под колпаком. Из русских знаю очень многих, но мало к кому тянет. А вообще к людям очень тянет. И в Россию страшно как тянет. Никогда не думал, что так сильно во мне русское. Как скоро, думаешь, можно мне будет вернуться? Не в смысле безопасности, а в смысле моральной возможности. Я готов ждать еще два года. Боюсь дальше сил не хватит.

Я уже писал тебе, что работаю над книгой⁶. Это не литература. Часть ее (первая глава, а глав 15) скоро будет напечатана. А осенью, надеюсь, и вся она появится целиком. Ты многое из нее обо мне узнаешь. Книга о прошлом, о мертвых.

Умница, что устроилась в лечебницу. Отдыхай, поправляйся и береги свое сердце. Я тоже берегусь. Нужно дожить до встречи.

А знаешь, что делает Вера Михайл<овна>?⁷ Заведует кинематографическими съемками в Риме.

Меня гонят из комнаты. Сегодня суббота и предстоит мытье полов.

Будь здоров. Целую и люблю

Твой С.

Нежный привет Вере и Максу.
Получила ли Ася⁸ мое письмо?

10. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москве>

<Осень 1924 г.>

Дорогая моя Лиленька,

Что с тобой? На два последних письма твоих — нет ответа. Думал было и не писать тебе, но попробую еще раз, и если ответа и на этот раз не последует, начну наводить о тебе справки стороною.

Поздравляю тебя и Веру с прошедшими именинами. И пятого и семнадцатого при встрече с каждой именинницей вспоминал вас.

Самое тяжелое в моих письмах к тебе это — необходимость писать о своей жизни. А она так мерзка, что рука каждый раз останавливается «на этом месте». Ташу воз нагруженный камнями и не хватает ни сил, ни жестокости разбросать камни и понестись налегке. Если бы рухнула стена, нас с тобой разделяющая! Господи!

Не писать о себе, значит ничего не писать. Ибо о чем же можно вам писать, как не о себе?!

Эту зиму я не переезжаю в город. Живу в ложбине, окруженный горами и лесом. Из окна вид на уже покрасневший холм и на небо синее по-южному. Стоит «бабье лето». По ночам уже морозит, днем жара. Каждый день езжу в город, к<отор>ый в 20 верстах. С ужасом ожидаю наступления зимы. Двадцать пятый год сулит мне бедами. Разрываюсь между университетом и необходимостью заработка. Возможно, что придется ради заработка перебраться в Париж и бросить свой докторский экзамен. Меня это не очень огорчает, ибо буду ли я доктором, или не-доктором — не все ли равно? Но знай я это раньше, иначе бы построил свою жизнь. Бог с ними, с моими делами!

Передай Лене Ц<иресу>, что недавно видел и познакомился с его племянницей, дочерью Кати¹. Катя ничего о нем не знала и очень обрадовалась известию, что он «существует».

Из наших общих знакомых переписываюсь с Фед<ором> Авг<устовичем>². Мне он очень мил и внутренне близок. Только немного расхолаживает его чрезмерное какое-то благополучие (внутреннее).

Я сейчас занят редактированием небольшого журнала литературно-критического³. Мне бы очень хотелось получить что-нибудь из России о театре, о последних прозаиках и поэтах, об академ<ическо>-научной жизни. Если власти ничего не будут иметь про-

тив, попроси тех, кто может дать материал в этих областях, прислать по моему адресу. Все будет хорошо оплачено. Очень хотелось бы иметь статью о Студии⁴, Кам<ерном> театре, Мейерхольде. С радостью редакция примет стихи и прозу. Поговори с Максом и Ант<окольским>⁵ м<ожет> б<ыть> они дадут что-ниб<удь>. М<ожет> б<ыть> ты напишешь о театре, или о покойном Вахтангове. Размер каждой вещи не должен превышать 20 тыс<яч> знаков, или, что то же, половины печатного листа. Сообщи мне немедленно, могу ли я чего-нибудь ждать. Журнал чисто литературный. Сообщи мне адрес Веры и Макса. Последний, вот уже год, как мне ничего не пишет⁶. Я уже писал тебе, что у меня чувство, что все москвичи меня позабыли. Я знаю, что меж нами лежат годы, разделяющие больше, чем тысячи и тысячи верст. Но все же больно. И напоследок — твое многомесячное молчание.

Пишу тебе на московский адрес. Думаю, что ты уже на зиму переехала. Не задерживай ответа. Буду считать дни.

Имеешь ли вести от Н<юти>? Надеюсь, что наводнение до них не докатилось⁷. Она тоже не отвечает на мои последние письма.

Пиши Лиленька. Твои письма единственная реальная связь и с Россией и с прошлым, а м<ожет> б<ыть> и с будущим.

Твой С.

Мой адр<ес>:
U Prahy.
(р. р. Dobřichovice)
Všenory, č. 23

11. А.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Вшеноры>

<1 февраля 1925 г.>

Дорогая Мама.

Очень рада, что *Ваше* желание сбылось. Мы назовем Борисом. Мне очень хочется Вас видеть, но сейчас нельзя.

Скоро приду.

Я рада, что брат, а не сестра, Борис лучше, чем Ксения. Целую крепко. Поздравляю.

Ваша Аля

12. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. И В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

*(Všenory, č. 23
р. р. Dobřichovice
u Prahy)
10 марта 1925 г.*

Дорогие Лиленька и Вера,

— Пишу вам обоим сразу — хочу, чтобы письмо пошло сегодня же. Спасибо нежное за письма и память.

— Можете поздравить меня с сыном — Георгием, крошечным, хорошеньким мальчиком. Родился он 1го февраля. Когда появился на свет, налетел ураган. Небо почернело. Вихрями крутился снег, град и дождь. Я бежал в это время за какими-то лекарствами по нашей деревне. Когда подходил к нашему домику, небо очистилось, вихрь угнал тучи, солнце слепило глаза. Меня встретили возгласами:

— Мальчик! Мальчик!

Он родился в полдень, в Воскресение, первого числа первого весеннего месяца. По приметам всех народов должен быть сверхсчастливым. Дай Бог!

Я видно повзрослел, или состарился. К этому мальчику испытываю особую нежность, особый страх за него. Я не хотел иметь ребенка, а вот появился «нежеланный» и мне странно, что я мог не хотеть его, такое крепкое и большое место занял он во мне.

Окрестим его Георгием в память всех бывших и в честь всех грядущих Георгиев.

В его появлении на свет (случилось оно неожиданно — врачи неправильно произвели расчет) принимала участие чуть ли не вся женская половина местной русской колонии. Очень горячо отозвались на его рождение многие и многие, от кого никак не мог бы ждать участия. Из Берлина, Парижа, Праги напisyсывали целую кучу детских вещей. Прием ему оказанный, пока что, оправдывает дату и день его рождения.

Но... есть и «но». Жизнь наша, конечно, стала заметно труднее. Все же легче того, что я ожидал. Мальчик тихий и без дела не беспокоит.

Лиленька — твоя жизнь и твое здоровье меня огорчают. Молодец, что принялась лечиться. Немного пугает меня восемь лекарств, принимаемых тобою ежедневно. Ежели каждое из них

принимать три раза в сутки (а врачи любят мистическое число 3), то получается 24 приема в день. Хорошо помню твою голову (Виши, керосин, намыленный язык, столбняк садовника — Sciez¹ — Помнишь?) и опасуюсь чудовищных химических соединений. Кроме того мне кажется, что подобная лекарственная симфония неминуемо должна завершаться конечным аккордом — касторкой. Не обижайся, что я шучу. Это не от недостатка участия, поверь. Просто хочется, чтобы ты читая письмо засмеялась.

Твоя жизнь на два червонца — печальное чудо. Выдумываю — чем бы тебе помочь. Напиши мне, что можно выслать тебе по почте и в каком количестве без таможенного обложения. Ответ сейчас же — открыткой (знаю, что на письмо тебе требуется 2—3 месяца) — Вышло. Моя фирма предлагает тебе след<ующие> продукты: какао, кофе, шоколад, загранич<ные> патентов<анные> лекарства, сгущ<еное> молоко, рыбий жир (если не боишься самоедства — жир из лососины), пиксафон, парфюмерию, ментол от мигреней и пр<очее> и пр<очее> (см<отри> пр<ейс>курант Келера за 1914). Ежели переведу деньги, это будут гроши. Как человек с явно выраженн<ой> коммерческой жилкой ты должна знать, что выгоднее всего реализовать капитал в товары. Наша фирма немедленно и аккуратно Ваш заказ выполнит. То же, конечно, адресуется и Вере с племянником. Предчувствую, что в своем заказе ты не забудешь и твой любимый папифакс.

Жду незамедлительного вашего ответа.

— Верочка, должен тебя разочаровать — я не поседел. Нютя меня спрашивает о том же. Оказывается какая-то дама — ленинградка (!), написала Н<юте>, что видела меня седым, как лунь. Здесь либо — дальтонизм, либо она приняла президента Масарика² (76 лет) за меня. Правда на моих висках появились «благородные серебрян<ые> нити», но до луны еще очень и очень далеко. Думаю, что лет тридцать — не менее.

Простите за легкомысленное письмо. Я сижу в читальне, в окно ломится солнце, от него и мое легкомыслие.

Но следом пишу серьезное. А это пока, привет.

Целую нежно вас обеих и Кота³.

Привет всем, всем, всем. Особые Максусу с женой и Юлии⁴.

13. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

< В Москве >

21 VII <19>25

Дорогая Лиленька,

— Пишу тебе карандашом, п<отому> что здесь, в санатории почти все время лежу¹. Не подумай, что я умирающий, к<отор>ый не встает с постели от слабости. Со мной ничего страшного не произошло, с легкими у меня дела обстоят прекрасно — я просто переутомился до предела и врачи отправили меня на полтора месяца на отдых. Т<ак> что не волнуйся и не хорони меня до времени.

С начала войны не имел ни разу возможности так отдохнуть, как отдыхаю сейчас. Круглыми днями лежу в сосновом лесу на кушетке, ем пять раз в день, пичкаюсь железом, мышьяком и пр<очим>. За первую же неделю прибавил два кило.

Марина с Алей и мальчиком остались во Вшенорах. Если бы ты видела этого мальчика, Лиленька! Милый, тихий, ласковый, с большими синими глазами. Говорить еще, конечно, не умеет (1½ м<есяца>), но уже звонко смеется. Почти никогда не плачет. Когда с ним говорят — приветливо улыбается. А главное прекрасно выглядит (тьфу, тьфу, тьфу не сплзять!)*! Круглый, розовый, с прекрасными детскими чертами. Не подумай, что я пристрастен — он общий любимец. Его задаривают со всех сторон.

М<арина> дрожит над ним, ни на минуту от него не отходит, но он не избаловывается, как это обычно бывает с другими.

Аля — девочка с золотым сердцем. Она самоотверженно привязана к М<арине> и ко мне. Готова ото всего отказаться, от самых дорогих ей вещей, чтобы доставить нам радость, подарить что-нибудь. Прекрасно пишет (совсем необычайно), я бы сказал, что это ее призвание, если бы ее больше тянуло к тетради. Страстно любит читать. Книги проглатывает и запоминает до мелочей. Рисует так, что знакомые и друзья только рты разевают, открывая ее альбомы. Но здесь то же что и в писании. Страстной воли, страстного тяготения к карандашу нет. Вообще в ней с некоторых пор (с самого приезда из России) — полное отсутствие воли, даже самой раздетской. Если ей нужно выучить несколько французских слов, то она может просидеть с ними с самого утра до вечера. Она рассеивается от малейшего пустяка и волевым образом сосредоточиться не умеет. Внимание ее пассивно. От книги она не будет от-

рывать целыми днями, но именно потому, что книга ее берет, а не она книгу. Какое-то медиумическое состояние. Это отразилось и на ее внешности.

Она очень полна и это портит ее. Но ей трудно живется. Она много помогает по хозяйству, убирает комнаты, ходит в лавочку, чистит картофель и зелень, моет посуду, нянчит мальчика и т.д., и т.д. Тяжесть быта навалилась на нее в том возрасте, когда нужно бы ребенка освободить от него.

— Марина очень занята мальчиком, варкой ему и нам пищи, тысячами забот, к<отор>ые разбивают и мельчат время и не дают ей длительного досуга для ее работы. Но она все же ухитряется между примусом и ванной, картофелем и пеленками найти минуты для своей тетради. Она много пишет. Недавно напечатана ее прекрасная сказка «Молодец»², — одна из лучших ее вещей. Другие идут в журналах³.

«Что написать о себе? Весною я кончил университет, давший мне очень мало. Моя специальность — Христианское средневековое искусство. Тема моего докторского сочинения: «Иконография Рождества Христова на Востоке», т.е. Византия, Сирия, Египет, Сербия, Армения и прочее»⁴.

Кончаю работу, но без всякого увлечения. Я не родился человеком науки.

Пишу понемногу — печатаюсь⁵. Но мешал университет (!!!) и неналаженность жизни. Когда я был в Константинополе, без копейки в кармане, питаюсь чем попало и живя вместе с какими-то проходимцами — я чувствовал себя свободнее, острее и радостнее воспринимающим жизнь, чем теперь, когда я не голодаю и нахожусь в «культурной обстановке». Мне приходилось и приходится заниматься десятками дел и предметов, к<отор>ые ничем кроме обузой для меня не являются. Потом у меня нет своего угла, а следовательно и своего времени. Я живу в кухне, в к<отор>ой всегда толкотня, варка или трапеза, или гости. Отдельная комната одно из необходимейших условий работы. Знаю, что смешно писать о таких «пустяках» в Россию, где, верно, мое житье сочли бы за сверхсчастливое по части быта. Но тяжесть быта в России восполняется самой Россией.

Хотелось бы тебе послать то, что напечатано, да не дойдет.

Твою работу в театре приветствую⁶, ибо Вахтанговская студия, поскольку могу судить, может быть интереснейшее, что есть в Москве. Вещь, над к<отор>ой ты работаешь, не знаю. Здесь достать не успел, но достану.

От театра я отошел далеко и — не так от театра, как от актерства. (Хотя этой зимой и участвовал в спектакле Коваленской⁷ в роли Бориса⁸).

Театр, что бы над ним ни делали режиссеры, актеры и художники, по моему глубокому убеждению умирает. Театр — самое народное и самое органическое и следовател^ьно самое конкретное из искусств. Нельзя говорить вообще о театре, можно говорить лишь о данном театре: ангичном, средневек^овом испанском, *comédie dell' arte*, английском и т.д.

Был ли русский театр? Был. Но единственная вещь русского театра, мне известная — «Царь Максимилиан»⁹. Вещь поразительная, дающая ключ к очень многому в русском творчестве вообще. Но <о> «Максимилиане» в другой раз, а сейчас о театре. Русского театра сейчас нет, хотя и есть в изобилии талантливые, м^ожет б^ыть и гениальные актеры, режиссеры, художники. Есть русский актер, русский режиссер, русский художник, русский зритель, но слагаемое этих четырех элементов не есть русский театр. Театр из народного с Петра Вел^икого стал обращаться в театр учреждение. Театр учреждение обратился в преподнесенье литературы через актера. Современный же русский «театр-учреждение» с его стремлением освободиться от литературы и сделаться самоценным — м^ожет б^ыть очень интересен для теоретика, для гурмана, еще не знаю для кого, но не для той среды, к^оторая должна породить театр и им жить. Народ безмолвствует. Не он творец этого театра, не он его зритель.

Здесь, в Европе — театр заменен зрелищем: сотни тысяч стекаются на бокс, футбол, гонки, скачки, и пр^очее и пр^очее. Сюда отдается тот избыток народной энергии, к^оторый раньше шел на театро-творчество и на театро-зрительство. То же что было в древней Византии (и в Риме) трагедия и комедия заменились цирком и ристалищем. Могут еще ставиться гениальн^ые спектакли, но театр умер, ибо единственный творец театра (не спектакля) — народ — от него отвернулся и занялся другим (и кинематографом в том числе).

Но... жив актер и не хочет умирать. Даже больше — театр умирает, а актер размножается. На первый взгляд выглядит нелепым парадоксом, но только на первый взгляд. (Ведь писатель пишет не потому, что есть литература. То же и актер). Вот от актерства я и отошел. Но об этом в следующий раз, ибо иначе письмо пойдет только п^ослезавтра.

То что я буду писать об актёрстве к тебе не относится. Женщина на сцене совсем не то, что мужчина на сцене.

Кончаю, кончаю. Боюсь только, что из моей сжатой болтовни ничего понять нельзя. Не взыщи. Целую тебя нежно и жду твоих писем.

Твой С.

Давно собираюсь спросить у тебя, как отыскать в Париже — могилу мамы, папы и Котика. Я даже не знаю, на каком кладбище они похоронены¹⁰. Нужно спасать могилу. То что я до сих пор не подумал об этом — меня очень мучает.

14. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Všenory, Villa Boženka
(p. p. Dobřichovice)
3/XI 1925

Родная моя Лиленька,

Получил твое коротенькое письмо. Тороплюсь ответить в надежде на длинное.

Сейчас утро. Сажу в моей маленькой комнатушке у окна. Выпал снег — редкая радость для русских, живущих в Чехии. Светло, бело и празднично. Шумит печка. Все ушли на прогулку и потому тихо. Через час еду в город.

Вот что Лиленька. Пиши мне подробнее и о себе и о других. Ты верно не представляешь себе до чего важны мне эти подробности. Ведь это единственная реальная связь с *моей* Москвой, с моим довоенным прошлым. Ведь все живущие здесь чувствуют себя занесенными на другую планету, так высока стена нас с вами разъединяющая. И единственные щелки в стене — ваши письма. Мне все интересно — и работа Вахтанговской студии, и с кем ты там работаешь из тех, кого я знаю, и как ты живешь изо дня в день, и кого видишь, и что думают о нас, и доходит ли что-нибудь из того, что здесь пишется и издается, и как работают все кого я знаю. Какое было лето в К<окте>беле? Кто там был? Что пишут и работают Макс, Толстой¹, Антокольский², Шенгели³ и др<угие>? За вашими журналами слежу и почти все выходящее знаю. Но хотелось бы знать еще больше, еще осязательнее почувствовать воздух тебя и их окружающий. Что делают художники? Как им работается?

Был недавно на гастролях Музыкальной студии Х<удожественного> Театра⁴. Шел с недоверием, ибо в прошлый раз Станиславский вывез в Европу старые, и сейчас несносные как для глаза, так и для слуха — постановки (Чехова). На этот-то раз Немирович привез только «М-те Анго» и Перикола⁵. *Пре — кра — а — сно!!!* Это вторая молодость Немировича. Все хорошо; и необычайная сила актера в жесте, в голосе, в дикции, в танце, в игре, и отсутствие комнатной психологичности, к<отор>ой я так боялся, и от к<отор>ой Нем<ирович> избавился, и прекрасная, чистая работа самого Немировича. Бакланову⁶ видел впервые — чудесна. И все остальные очень и очень хороши. Дураки немцы их не оценили. Что меня удивило и очень обрадовало — это — какое-то здоровье, к<отор>ым веет от всей постановки. И смех здоровый, и план здоровый — сила!

Что тебе написать о себе? На Рождество еду в Париж разноухать и разведать по части своего дальнейшего устройства. Марина с Алей и с Георгием уже там⁷. Мое завтра — в густом тумане. Из всех сил буду стараться раздобыть работу не-физическую. Боюсь ее — небольшой досуг будет отравлен усталостью. Работаю сейчас над рассказами о «белых» и «белом»⁸. Я один из немногих уцелевших с глазами и ушами.

На эти темы пишут черт знает что. Сплошная дешевая тенденция. Сахарный героизм с одной стороны — зверства и тупость с другой. То же, что с вашими «напостовцами»⁹. У нас есть свои эмигрантские «напостовцы».

Очень трудно здесь печатать из-за монополии маститых. Но кой-что удается.

Вижу я бездну людей. Но те — российские встречи — гораздо крепче и значительнее здешних. Потому-то и не хотелось бы мне, чтобы меня в Москве совсем забыли.

Нужно бежать на станцию.

Лиленька, ты боишься мне писать о своем интимном. Глупенькая! Не забудь, что я не мальчик, а тридцатилетний муж. Страхи твои напрасны. Пиши!!!

Спасибо громадное за карточку. Ты не изменилась — только поседела. А лицо молодое.

Отвечай немедленно.

Крепко целую и люблю

Твой Сережа

15. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Париж>

Лондон, 15ое марта 1926 г.¹

Дорогая Аля, три льва и три львицы. Отдельный дом для гадов: от глиста до удава. Слоны, усаженные маленькими детьми, и верблюды — взрослыми оболтусами. Когда слону даешь кусочек хлеба, он выхватывает весь мешок и ест с бумагой. Отдельный обезьяний дом и отдельный павианий ров. Последнее — дочеловеческий табор. Бегают, ссорятся, чешутся, делают (все скалы в ручейках!) — омерзительно! Павианы громадные, с тебя, в чудной серой седой шерсти, но о подхвостных местах лучше не говорить: красно-голубое ободранное мясо. Штук 50 в одном загоне. Царство Тарзана. А львы грустные. Оживляются только перед пищей, которой еще не видят, но которой жаждут. Один — самый старый — даже *бегал*, вприпрыжку, — недостойно! Бегал и ревел. А сегодня (была уже два раза!) лапами отгонял львицу, которая ласкалась. Морщил нос и давал по морде. Потом повернул ей спину и заснул. (Не МЕ-ШАЙ!)

Как только приедем, пойдем с тобой в Зоол<огический> сад, а то у меня угрызения совести.

С О<льгой> Е<лисеевной>² до поры до времени не грызись. Бог с кофейником! А если попрекает жертвами — ты ведь меня знаешь! — только смеюсь. Я ничего для благодарности не делаю и не допускаю, чтобы другие делали. А кофейник заведу другой — сгоревший мне не нужен. А что не давала — ПРАВА! Я сама бы не дала. Теперь — раз сгорел — давай.

Целую тебя и Мура. Завтра иду смотреть подарки. МЦ
Львов в Зоол<огическом> не было. Завтра поищу в городе.

16. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

23/IV <1926 г.>

Дорогая моя Лиленька,

Впервые, кажется, задержался с ответом тебе. Но сегодня видел страшный и мучительный сон, с тобой происходили всякие гадкие вещи и заторопился отвечать. Все ли у тебя благополучно? Как здоровье? Не следуй моему примеру и ответь немедленно. Буду считать дни.

Твои страхи об моей жизни в Париже напрасны. Живу я лучше, чем в Праге, хотя постоянного места и не имею. Мне предложили здесь редактировать — вернее основать — журнал — большой — литературный, знакомящий с литерат<урной> жизнью в России¹. И вот я в сообществе с двумя людьми, мне очень близкими, начал. Один из них лучший сейчас здесь литературный критик Святополк-Мирский², другой — теоретик музыки, бывший редактор «Музыка<ального> Вестника» — человек блестящий — П.П. Сувчинский³. На этих днях выходит первый №. Перепечатаваем ряд российских авторов. Из поэтов, находящихся в России — Пастернак («Потемкин»), Сельвинский, Есенин. Тихонова пока не берем. Ближайшие наши сотрудники здесь — Ремизов, Марина, Л. Шестов. Мы берем очень резкую линию по отношению к ряду здешних писателей и нас, верно, встретят баней⁴. В то же время я сохранил редактирование и пражского журнала⁵. Но, увы, эта работа очень не хлебная. Быть шофёром, напр<имер>, раза в три выгоднее. М<ожет> б<ыть> на будущую зиму и придется взяться за шофёрство.

Скоро к вам выезжает Илья Григорьев<ич>⁶. Он расскажет тебе о нашей жизни. Я поручил ему зайти к тебе — он это сделает сейчас же по приезде.

О твоём приезде. Это было бы прекрасно и для меня и для тебя, но думаю, что тебе следовало бы до выезда выполнить одну очень трудную и вместе с тем необходимую вещь. Нужно каким-то образом выправить ваши отношения с М<ариной>. Повторяю — это очень трудно. М<ожет> б<ыть> ты даже не представляешь себе, как это трудно, но необходимо. Не скрою, что М<арина> не может о тебе слышать. Время сделало очень мало и вряд ли можно на него рассчитывать и впредь. Мне кажется — ты должна перешагнув через многое протянуть руку. И не раз и два, а добиваться упорно, чтобы прошлое было забыто, и если не забыто, то каким-то образом направлено по другому руслу эмоциональному. Не ищи в этом случае справедливости. Не в справедливости дело, а в наличии ряда страстных чувствований, к<отор>ые *нужно* победить не в себе (что легко), а в другом. Если не выполнить этого, то придется на многие годы нести ядовитую тяжесть. Подумай, как нелепы будут наши отношения здесь, когда мне придется считаться с тем, что вы с Мариной находитесь на положении войны. При твоей и Мариной страстности к чему это может привести? *Необходимо с войной покончить*. Марина в ослеплении. Поэтому должна действовать ты со всею чуткостью и душевной зречестью. Ведь здесь, при твоей зречести, не

может быть места для самолюбия. Тем более, что Москва и все что связано с нею для Марины тяжкая и страшная болезнь. Как к тяжелой болезни, как к тяжкому больному и нужно подходить.

Ответь мне, что ты думаешь обо всем этом.

Пишу тебе совершенно откровенно, ибо в кровности моего отношения тебе нечего сомневаться. Верно? Верю, что нам предстоит еще длинный *совместный* путь и нужно к нему подготовиться. Если бы можно было тебе рассказать на словах, как я все это чувствую — было бы гораздо легче. Но думаю ты и так почувствуешь и поймешь.

Вот, Лиленька, давно хотел тебе об этом написать, да трудно было. Не хотелось бередить старого. Знаю твое сердце, знаю твою бескожесть и многое еще знаю в тебе (помню хорошо), поэтому все откладывал. Мне очень важно знать — сама-то ты чувствуешь всю мучительность для меня (и ведь для тебя?) оторванности тебя от моей семьи. Разрубленность кровного? А если да, то как думала о будущем? Или решила так до конца проводить разделение: ты любишь меня, я люблю тебя, я люблю Марину (каждое отношение отгораживается от соседнего непроходимой стеной). Чувствуешь ли всю ущербность подобных любвей? Большой, огромный круг меня для тебя выпадает, круг связанный с каждым моим часом. Ведь это же нечто столь дефективное, что терпеть этого нельзя.

Не знаю — возможно ли исправить создавшееся, но что нужно сделать все для этого — знаю. Ведь да?

Только не пойми написанного неверно. Не удастся тебе, что делать, будем проводить разделение и дальше. Будем его проводить и после твоего приезда. Но мне бы хотелось не этого. Мне бы хотелось, чтобы все мое было бы и твоим. Чтобы мой дом был и твоим домом в той же мере, в какой твой дом всегда есть и будет моим. Никто никогда не может заменить кровной связи. Ты, наличие тебя даже за тысячи верст, дает мне то, что никто, кроме сестры дать не может. Хочу, чтобы это кровное воссоединилось с моими часами (всеми), а не только с некоторыми. Уверен, что и ты должна чувствовать то же.

Вот. Буду ждать твоего ответа с величайшим нетерпением.

Марина завтра уезжает с детьми к океану⁷. Сняли в рыбацкой деревушке две комнаты. Я выеду позже. В середине, или в конце мая, после выхода нашего журнала, к<отор>ый весь на мне⁸. Бегаю в типографию, правлю корректуру и пр<очее>. Очень устал и мечтаю об отдыхе и работе в тишине. Ответь мне еще по старому адресу — 8 rue Rouvet XIX^{arr}.

Теперь вот о чем. На каком кладбище наша могила? Никто не знает. Несколько раз запрашивал тебя, но ты все забывала ответить. Напиши непременно. До сих пор там не был.

Ночь. Спокойной ночи, моя Лиленька. Целую тебя нежно. Береги свое здоровье, а главное сердце.

Твой брат С.

17. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

*10 июня 1926
St. Gilles-sur-Vie
Av. De la Plage. Ker Edouard
Vendée.*

Дорогая моя Лиленька,

Чего же ты замолкла? Неужели таков твой ответ на мое последнее письмо? Если да, то ты нехорошо перемудрила. Но Бог с ним, с моим последним письмом.

Всю последнюю неделю ты и Вера мне снитесь ночами. И я, как старая баба, в тревоге — все ли у вас благополучно. Нехорошо молчать месяцами. Любовь обязывает хотя бы к ответам на письма.

— Сейчас я уехал из Парижа. Живу в крошечном рыбацьем городке на берегу океана. Первую неделю, как приехал, только ел и спал, так устал от парижской беготни. Сейчас пошла вторая неделя. Илья Григорьевич¹ тебе, верно, уже рассказал о моих парижских литературных делах. Я просил его зайти к тебе.

На мое несчастье его отъезд совпал с моим временным безденежьем и я ничего не смог послать ни тебе, ни Вере. Не объясни это невниманием.

Много пишу. Недавно напечатали еще два моих рассказа². Скоро будет случай — переправлю тебе.

Зачал в Париже боевой литературный (очень левый) журнал, о котором тебе расскажет Эренбург³. Но не верь его углу зрения. Он во многом не прав.

Мне здесь живется прекрасно. Может быть с Коктебеля не чувствовал такого отдыха. Но море здесь совсем другое — холодное, пустынное и злое. Вокруг пустынные дюны, кой-где поросшие кустарником. Когда-то за этими кустарниками отбивались вандейцы.

У нас маленький домик — в две комнаты, полный карточек лихих моряков (наш хозяин во всех видах). Все и все здесь пропахли рыбой, даже молоко отдает сардинками. За дверью гудит прибор. Злющий ветер засыпает глаза песком.

Буду здесь жить месяца четыре. После Парижа очень хорошо пишется.

Мой сын загорел и вырос. Он большеглаз, круглолиц, бело волос — обворожительно ласков. Говорит пока очень мало. Начал только ходить.

Аля болтает по-французски лучше меня. Читает запоем французские романы.

Марина много работает и не все печатает. В последнее время очень туго с книгоизд<анием>.

Что будет зимою — совсем не знаю. Живем «на авось, да небось».

Ты мне так и не написала, где (на каком парижском кладбище) наша могила. И я до сей поры не мог ее найти.

Ну, до свидания, Лиленька. Будь добрее и пиши чаще. Жду-у! Вера — та обо мне совсем забыла. Обнимаю крепко.

Твой С.

18. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Лето 1926 г., Сен-Жиль-сюр-Ви>

Дорогая моя Лиленька,

Захотелось поговорить с тобой перед сном. Сейчас полночь. Тикают часы. За дверью шумит океан. Тихо.

Далеко, далеко, словно «на тем свету», в доме № 16 — в Мерзляковском переулке — ты. Живая, во плоти, настоящая, а не призрачная, какой встаешь из писем.

Москва, Мерзляковский — ты — это не три тысячи верст, нас разделяющих, а девять лет (!!!) жизни. И конечно именно эти девять лет главное, и ты о них ничего не знаешь.

Вот сейчас бы шагнуть тысячеверстным шагом и войти неожиданным гостем в твою комнату. Я часто вечерами, засыпая, представляю себе такую нашу неожиданную встречу.

Подымаюсь по лестнице, звоню.

— Елизавета Яковлевна дома?

— Кажется да. Елизав<ета> Як<овлевна>, вас какой-то там господин спрашивает.

А «какой-то там» стоит в передней и в груди «тук-тук-тук». Такие мысли кончаются всегда страшными снами. Погоня, ловля, полеты и падение с ледяным штопором в спине.

Бывает и другой сон. Я брожу по Москве — к тебе пробираюсь. Кривыми переулками, проходными дворами, под всевозможными личинами. И попадаю все не туда. То квартира не та, то от злых людей удираю. Тороплюсь, тороплюсь, а душная тревога растет. И кончается всегда плохо.

Мне почему-то кажется, что ты начнешь угощать меня какао и овсянкой. И непременно заставишь меня выпить три чашки со взбитым желтком. А потом заставишь меня лечь спать. Потому что тебе будет казаться, что все девять (а ко дню нашей встречи наберется больше) лет я ничего не ел и совершенно не спал.

(А м<ожет> б<ыть> сейчас же обидишься на меня до слез за то, что я недостаточно оценил твое какао, или не рассмотрел занавесок на твоём окне).

Сотню раз повторишь мне, что я совсем, совсем не изменился и каждый твой возглас будет обозначать, что я ужасно изменился и что ты не хочешь этого видеть.

А вот ты, судя по твоей карточке, действительно в главном не изменилась совсем. Только волосы поседели.

Ну, довольно. Ложусь спать. Перед сном, вернее, чтобы вызвать сон, буду читать английский роман *Les Hauts de Hurle-Vent*, Emily Brontë (англичанка), во франц<узском> переводе¹. Половина персонажей — «самое привидение».

Усну под вой вандейского ветра.

Спокойной ночи. Обнимаю крепко. Пиши!!!

Твой С.

19. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Кубок Псковской области>

<Конец августа — начало сентября 1926 г., Сен-Жиль-сюр-Ви>

Дорогая Лиленька,

Получил твою «телеграфную» открытку. Неисправимый ты человек. Ведь я ровно ничего о тебе не знаю. Ты умеешь даже длин-

ные письма писать так, что из них ничего о тебе не выудишь. Не знаю ни о твоей работе, ни о твоём досуге (если таковой имеется), ни о твоём круге, ни о твоих ближайших друзьях — ни о чём. И каждое письмо кончается обещанием прислать следующее — очень подробное.

Мне, по понятным причинам, писать труднее. Этих причин у тебя нет. В чём же дело?!!

Кончается лето. Через несколько дней я выезжаю в Париж продолжать свою редакционную работу. Кажется очень поправился. Но работа предстоит трудная — боюсь, что и поправки не хватит. Материальны<ые> дела гораздо хуже, чем были раньше, но пока жить можно.

Георгий и Аля очень здоровы (тьфу не сглазить) и милы. Особенно Георгий, к<оторо>му уже 1 1/2 года. Посылаю его карточку.

Зимой выходит ряд новых Марининых вещей (замечательных!)¹. Я пишу очень мало и все какая-то дрянь получается. Хоть бросай. М<ожет> б<ыть> от океана, к<отор>ый действует одуряюще.

К Марине, ко мне, к нашим друзьям и сотрудникам — за границей громадное большинство относится враждебно. Это не огорчительно, ибо так и должно было быть. Но зато на друзей пожаловаться не могу. Встретился и подружился с замечательными людьми. Даст Бог и ты когда-нибудь с ними встретишься, приходится ограничиваться довольно туманными описаниями.

Я от очень многого отошел и многое вижу в новом свете. Но об этом при свидании.

Не думай, что я оторван от России. Я знаю почти все, что у вас выходит, и вижу очень многих приезжающих. Но, конечно, ничто (никакая добрая воля и внимание к русской жизни) заменить Россию не может. Дождаться не могу своего возвращения.

Ради Бога, напиши наконец на каком кладбище наша могила. Не знаю — к<отор>ый раз спрашиваю.

Радуюсь за тебя (и завидую!), что отдыхаешь в прекрасной Псковской губ<ернии>. Скучаю по лесе. Здесь только песок и океан (хорошее «только»!). Надоел океан своим однообразием ужасно. Наше Черное в сто раз лучше. Море без берега дает мало.

Думаю, что когда вернусь в Россию, то первое время, если будет возможность, объезжу и обойду все что можно. Я совсем не знаю русского севера. Только найдя по России (я сделал не менее 3 1/2 тыс<ячи> верст пешком) я понял до чего мало мы ее знали и знаем. Теперь, конечно, все иначе. Горожане стали другими. Деревня приблизилась вплотную (смычка!).

Ну, прощай, Лиленька. Поправляйся и отдыхай. Пиши мне на rue Rouvet 8 Paris XIX.

Как Нютины дела? От Веры писем не жду. Она мне прислала два лоскутка и замолкла. Не обижен. Писать даже брату после 10 лет разлуки очень трудно. Да и писать она не любит и не может. Ты единственная моя верная российская корреспондентка.

20. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

23 мая 1927

Дорогая Лиленька,

В чем же дело? На второе письмо я не получаю ответа. Неужели уехали на лето, не сообщив мне об этом?

Я переехал на новую квартиру, неподалеку от прежней, но гораздо более благоустроенную¹. Три комнаты и ванная. Последняя меня особенно радует. Теперь у каждого из нас по отдельной комнате, хотя сын и владychествует над всеми тремя сразу.

Эр<енбург> мне оч<ень> мало рассказал о вашей московской жизни. Старался по мелочам представить себе общую картину. Но и мелочей-то он заметил очень мало. Сейчас, кажется, вам опять хуже живется. Знаю понаслышке и со стороны.

Я весь в работе, о к<отор>ой писал в прошлом письме, если только ты его получила². Но об этом когда-нибудь (!!!) при свидании. Матерьяльно же живем довольно худо, хотя кое-как и перебиваемся.

Меня беспокоит твое молчание. Ведь почти полгода нет писем. Если через десять дней не получу ответа — значит ты больна. Я даже Вериного адреса не знаю, а с Н<ютей> не переписываюсь — боюсь недовольства А<лександра> В<ладимировича>³. Если же не писала без серьезной причины — сержусь.

Париж и весь Запад только и говорят эти дни, что о предстоящем разрыве между Англией и СССР. Большая часть эмиграции радуется, а я и мой круг людей переживаем это, как и подобает русским — с болью и волнением. Англия приступила к последовательному и страшному натиску на Россию. Самое гадкое, что к этому грозному для России делу готовы примазаться многие русские группы. Утешаю себя тем, что вчерашний день никогда не побеждает завтрашнего. Напиши, как переживаются у вас (вернее — у нас) в Москве эти события.

Вторая злоба парижского дня — перелет через океан Линдберга⁴. Вчера вечером было всеобщее ликование. Смелого летчика обезумевшая от восторга толпа чуть не растерзала. Его имя сейчас — самое популярное в Европе. Но все это, конечно, ты уже знаешь из газет.

Скоро выходит 3 № моего журнала «Версты». Видела ли ты хотя бы один из них? Наверное нет. Обидно.

У-у-жасно трудно тебе писать. Главное в письмо не вкладывается. Ответ немедленно.

Целую с любовью

Твой С.

Мой новый адр<ес>: 2 av. Jeanne d'Arc
Meudon (S. et O.)

Не удивляйся моей старой орфографии — лень переучиваться.

21. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

30 июня 1927 г.

Дорогая моя Лиленька, после пятимесячного перерыва — письмо твое, растравительное — о болезни, пенсии, тяжелой жизни. Я как никто, наверное, понимаю твое самочувствие (одиночество больного), ибо последние годы, несмотря на то, что живу наверное раз в сто лучше тебя, всегда испытывал какую-то чрезмерную усталость от малейшего самопроявления. Все всегда через силу, как после тифа, или вернее до тифа — скрытое недомогание. Это я не о себе, а о тебе — чувствую, со-чувствую, и потом — растравительнее самой болезни — твои слова радости по поводу десятирублевой пенсии. На наши деньги — сто франков — ничего — капля. Как же ты живешь, если так радуешься десяти рублям?!

Но не буду писать тебе о твоей же болезни. Тебе не это нужно. Сегодня или завтра повидаю одного врача, к<отор>ый мне расскажет о новых методах лечения баз<едовой> бол<езни>. Пока молчу, ибо все что мне хочется тебе сказать ободряющего — ты и так почувствуешь.

Сейчас сижу один в своей комнате — Марина, Аля и Мур (так зовется Георгий) ушли на обычную прогулку в парк. Очаровательнее мальчика, чем наш Мур, не видел. Живой, как ртуть — ласковый,

с милым лукавством, в белых кудряшках и с большими синими глазами. Всегда в синяках и в ссадинах — усмотреть невозможно. И сейчас ушел на прогулку с двумя повязками — одна на руке (схватил подставку от утюга), другая на колене — расшиб об камни. И так постоянно.

Утром ездил наниматься в кино на съемку. Через неделку опять буду сниматься с прыганьем в воду, в Сену. Презреннейший из моих заработков, но самый легкий и самый выгодный. И большие и маленькие кинематографические актеры — человеческие отрепья — проституция лучше. По всей вероятности буду еще сниматься в Jeanne d'Arc¹. Иду завтра на переговоры. За одну съемку я получаю больше, чем за неделю уроков.

Из русских общаюсь оч<ень> мало с кем. Моя группа, о к<о>тор>ой я тебе писал в прошлый раз, окружена стеной ненависти. Я к этому так привык, что перестал чувствовать обычное в таких случаях стеснение. Но зато те с кем я общаюсь — люди такого дара и такого творчества, что заслоняют собою все шипение и всю злобу, на нас направленную. Когда-нибудь увидишь и услышишь их.

Недавно был на вечере 6 русских писателей — Слонимского², Лидина³, Триолэ⁴, Эренбурга, Форш⁵ и еще кого-то. Впечатление оч<ень> печальное. Пожалуй литературно сильнее других был Эренбург, но вещь гнилая⁶, как гнил и сам автор. Форш читала пустячки а la Зоценко⁷, Лидин преподнес пошлятину в духе Л. Андреева⁸, а Слонимский какую-то тенденциозную манную кашу.

В первый раз (не обижайся — я к театру совсем оравнодушел) был во франц<узском> театре, на «лучшей постановке» сезона. Называется вещь Майя⁹. Черт знает что. Как спектакль — нечто похожее на I^{yo} Студию Худ<ожественного> театра времен до-революционных (Майя идет тоже в Студии Театра Елисейских Полей). Сама вещь — розовая вода с претензией на философию. С трудом досидел до конца, хотя актеры старались, что называется, во всю.

Все пишу тебе о пустяках. О большом в моей жизни, увы, писать пока рано.

Получил недавно письмо от тети Клавдии из Ялты¹⁰. Вот не думал, что она жива! Просит пристроить свои переводы русских пословиц — крепкая старуха.

Видела ли перед отъездом Макса? Каков он? Боюсь, что сейчас он должен казаться жалким. У него нет зацепок ни за сегодняшний день, ни за завтрашний. Последние стихи его — ужасны¹¹. Но в Коктебель мне все-таки хочется. В Россию въеду через Коктебель.

Много перечитываю, а часто и читаю вновь — старых русских авторов, старых идеологов. Открываю «перлы» замечательные. Кем нужно было быть, чтобы ими зачитываться? То что случилось — должно было случиться неминуемо.

Наткнулся недавно на интересную историческую параллель. При Екатерине II¹² было закрыто из 722 монастырей в Великороссии около 500. Производилось изъятие церковных ценностей, к^{отор}ое было поручено бригадирам и унтерам. Делалось это очень грубо — входили в алтари, срывали ризы и пр^{очее}. Митрополит Новгородский Арсений Мациевский¹³ написал письмо царице с оч^{ень} лояльным протестом. Он был арестован, закован, переименован в Андрея Вралья и заточен в Ревельскую крепость. Тысячи паломников стекались поклониться стенам этой крепости. Митрополит почитался как святой. Обер-прокурором Синода при Ек^{атерине} II был назначен бригадир (фамилии не помню) — атеист¹⁴. Он предложил протестантскую реформу церкви. Ек^{атерина}, несмотря на сочувствие этому проекту — не решалась применить его. Подобное творилось и при Анне Иоанновне¹⁵. Про великого Петра¹⁶ и говорить нечего.

Сообщи мне даты смерти и похорон мамы и папы. Без этого не могу отыскать могил.

Ну Лиленька, до следующего письма. Поправляйся, отдыхай на Псковской земле. Что бы я дал, чтобы побывать на ней.

Дай тебе Бог здоровья и спокойствия. Целую и люблю преданно.

Твой С.

Снимки, о к^{отор}ых ты просишь — найду и вышлю.

22. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

9 ноября 1927

Дорогая Лиленька,

Бесконечно тронут Веринной присылкой (халва, икра, игрушки) — она растравительна. Мне ничего не нужно присылать — ведь я знаю, как все вы живете. Особенно икра не лезла в рот. Была ли у тебя Ася?¹ Посылаю тебе две Муриных карточки и одну свою. Только боюсь — не дойдут они.

Как Верин адрес и можно ли ей писать?

О себе писать почти нечего. Все это время снимался в кино — вставал в 5, приходил в 8. А вечером еще уроки. Теперь съемки кончились — ишу новых.

Как здоровье твое? Давно молчишь. Все мои совсем оправились от скарлатины. М<арина> ходит бритая. Аля начала ходить в рисовальную школу и я вспоминаю, глядя на нее, свое детство — Арбат, Юона². Но она раз в десять способнее меня.

Читала ли «5ый год» Пастернака?³ Прекрасная вещь — особенно вступление. Только мало кто поймет ее — и у нас и у вас.

До сих пор не был на кладбище! И знаешь, что останавливает? Боюсь, что не найду могилу.

Обнимаю и люблю

Твой С.

23. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

1 апреля 1928

Дорогая Лиленька,

Что же это опять с тобою? Я в тревоге. Хочу думать, что ты и Вера меня просто временно забыли. Дай Бог, чтобы молчание твое было вызвано именно этим, а не болезнью. С Рождества от тебя ничего не имею, а дожили мы уже до Пасхи.

Наконец-то нашел нашу могилу. Оказывается в своем письме ты указала не то кладбище (Монмартрское, вместо Монпарнасского). Воль¹ сообщил мне адр<ес> Франки². Франка отозвалась сейчас же, и т<ому> п<одобное>. Это кладбище находится совсем рядом с нею — мы в тот же день отправились туда.

Подумай, Франка убрала цветами могилу к моему приходу!

Вот ее вид. В головах, там где должен был бы стоять крест — громадное хвойное дерево (елка?). Франка говорит, что это та маленькая елочка, к<отор>ая двадцать лет назад была посажена еще мамой, на папиной могиле! Куст очень разросся и по словам Франки каждый год цветет. Кроме того по земле стелется плющ, или хмель. (Посылаю тебе несколько листочков этого плюща). Решетка в виде цепи в хорошем состоянии. Сейчас во Франции весна. Как только кончатся дожди я засажу могилу цветами. Напиши, что посадить от тебя и от Веры. Закажи что-нибудь многолетнее, чтобы

в будущем, когда ты приедешь сюда, ты нашла бы посаженное мною и тобою.

Не буду писать тебе: что нахлынуло на меня, когда я стоял у могилы. Только вот что хочу сказать — *кровно, кровно, кровно* почувствовал связь со всеми вами. Нерушимую и нерасторжимую. Целую твою седую голову, и руки, и глаза и прошу простить меня за боль, к<отор>ую не желая причинил и причинял тебе.

Это будет ужасно, если нам не суждено увидиться! Береги себя ради Бога! Последние дни все думаю о тебе и очень, очень тревожусь.

Недавно хоронил брата Ю. Завадского, умершего от туберкулеза кишок³. Смерть его была удивительной. До последней сознательной секунды он не думал о смерти — был уверен, что выздоравливает. Тихо уснул и во сне всё время смеялся. Сестра умершего тоже в туберкулезе⁴. Ее ты, верно, скоро увидишь. Вспомнилась смерть Пети. Бывала ли на Ваганькове?⁵

Нужно написать тебе о нашей жизни. Я получил скромное место, к<отор>ое берет у меня все время с раннего утра до позднего вечера. Надеюсь отработать на няню.

Аля начала ходить в мастерскую Шухаева⁶. Она исключительно способна, но нет настоящей воли к работе.

Мур стал громадным мальчиком — страшный сорванец, ласковый, живой, как ртуть, лукавый. Не переносит намек на чужое страдание, и поэтому три четверти русских сказок для него непригодны (от дурных концов рыдает). Мы с ним в большой дружбе. По утрам он вскакивает первый, бежит ко мне в комнату, начинает меня тормошить и кричать на весь дом: — «Папа, вставай, лентяюга!»

Тяжелее всех, пожалуй, живет Марине. Каждый час, отнятый от ее работы, — для нее мука. Сейчас надеюсь, что удастся выполнить давнюю мечту — нанять няню (русскую)⁷. Это совершенно необходимо и для Марины, и для Али.

Напиши мне, дорогая Лиленька, поскорее. Ведь каждый раз, как опускаешь письмо — тревога: А вдруг болезнь! А вдруг — хуже болезни?!

Напиши о Вере и Нюте.

Обнимаю тебя крепко

Твой С.

На страстной говею.

Адр<ес> Франки: M-me Granier

38bis rue Boulard

Paris XIV.

24. С.Я. ЭФРОН — М.А. ВОЛОШИНУ*<Из Мёдона в Коктебель>**<14. 04. 1928 г.>*

Обнимаю и поздравляю родного Макса — Сережа.

25. С.Я. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ*<Из Ройяна в Мёдон>**6 июля 1928*

3 piece cuisine bord mer 2000 magnifique Pontailac

*Serge ****26. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН***<В Москву>**20—VII—28*

Дорогая моя Лиленька,

Начал тебе писать еще в Париже, но письмо потерял — пишу второе с Океана. Живем в прекрасном месте — около Бордо. Купаемся, загораем, гуляем в прибрежных лесах. Я весь облез, ибо дорожку каждой минутой — мой отпуск 30 дней. М<арина> и дети будут здесь дольше — до Сентября.

Как всегда бывает со мною у моря — ничем, кроме солнца, купанья и физкультуры, заниматься не могу. Уже и сейчас после двухнедельного отдыха чувствую себя вдвое помолодевшим. Месяц у океана — срок достаточный, чтобы запастись здоровьем на целый год. А в Париже был до того уставшим, что даже ехать никуда не хотелось. И только приехав сюда почувствовал, как мне необходим был отъезд.

Кажется (тьфу, не сглазить) — мое материальное положение зимой должно улучшиться. Мечтаю о регулярной поддержке тебя. До сих пор мне это не удавалось, но даст Бог удастся наконец. Если бы жил один — давно бы сумел тебе помочь. Наличие семьи отнимало у меня право собственности на мой заработок. Ты это все, конечно, хорошо понимаешь — тяжесть в этом отношении именно моего положения.

* * 3 комнаты кухня берег моря две тысячи прекрасно Понтайяк Сергей (фр.).

В Париж приезжали Студийцы¹. Был на двух спектаклях («Чудо Св<ятого> А<нтония>») и «Принцесса Турандот»). Студия поразила меня каким-то анахронизмом что-ли. Казалось сию в Москве 17—18 г<одов>. Было очевидно, что студия после смерти Вахтангова обезглавилась и живет по инерции. Какая-то собачья старость. Виринеи к сожалению не видел. Для меня несомненно, что 3 студия в теперешнем ее состоянии театрально-безыдейное учреждение. Все дело, нужно думать, в отсутствии режиссера-руководителя. Идеиная убогость спектаклей студии (провинциализм) особенно бросалась в глаза рядом с балетом Дягилева², к<отор>ый несмотря на некоторые недочеты — все же явление *современное*, чего никак нельзя сказать о работе студийцев.

Хотелось бы посмотреть работы Мейерхольда. Луначарский сделал промах, что послал в Париж не его, а студийцев. К чести Завадского, что он не выдержал студийной обстановки и начал самостоятельную работу, о к<отор>ой доходят до меня слухи оч<ень> хорошие³. Радуюсь, что и ты не с Вахтанговцами.

Разговаривал с Павликом⁴. Не говори, конечно, ему об этом, но на меня он произвел впечатление жалкое. Взволнованно ждал встречи с ним, а после встречи было горько. Слабость, медиумичность, декадентская допотопная суетливость, какое-то подпольное малокровие. Он подарил нам последнюю (3) книжку своих стихов⁵. Стихи никакие. Виделись с ним лишь раз. На назначенное второе свидание он не пришел.

Глядя на Студийные спектакли (в театре — ты знаешь — я бываю крайне редко) думал о современном театре. Очень ясно почувствовал, что театр современный должен быть в первую очередь музыкальным зрелищем. Слово со сцены не звучит — оно нужно зрителю в той же мере, как кинематографический текст (пояснение действия). Античный или Шекспировский монолог и диалог воспринимаемы сейчас лишь в чтении. Слово в спектакле (причиной тому зритель и вся наша жизнь) элемент антиконструктивный. И если раньше именно слово в первую очередь сцепляло зрителей со сценой и с актером, то теперь таким сцепляющим началом является музыка. И это не умаление слова, а скорее наоборот — эмансипация его. Любопытно, что посетитель спектакля получил название *зритель*, а не слушателя, хотя еще совсем недавно он был именно слушателем, а не зрителем.

Словесная эмоция стала интимной эмоцией, т.е. эмоцией анти-театральной (не «мы», а «я» воспринимаю). Поэтому так нестерпи-

ма декламация, т.е. обработка словесного материала не для одиночного восприятия, а для множества (соборного восприятия).

Но довольно о театре.

Пришла М<арина> с рынка. Нужно идти к морю.

Буду писать тебе еще.

Обнимаю и люблю тебя крепко

С.

P.S. Я горд тем, что мне все главное из происходящего в Москве, и в России вообще, известно лучше, чем многим приезжающим из Москвы гражданам. И не только относящееся к литературе и искусству.

Говоря с приезжими люблю этим хвастать.

Читала ли «Разгром» Фадеева? Одна из лучших книг последних лет — Верно?

Нежно тебя люблю и помню постоянно.

Мой адрес:

Villa Jacqueline.

Pontailiac (Char<ente> Inf<érieure>).

27. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<В Мёдон>

Понтайяк, 19го сент<ября> 1928 г.

Дорогой Лёвинька, купила от Вас Але Шатобриана «Mémoires d'Outre-Tombe»¹ — не бойтесь, просто писал в старости воспоминания о Вандее, эмиграции и Наполеоне. Новатор в искусстве — нет, не могу, в моих устах — фальшь, — проще: зачинатель эпохи в литературе и контр-революционер в жизни, *люблю* это соединение. Книга выдержек (мемуаров — 6 огромных томов) — как раз для Али. Она такие книги любит, читает с увлечением и, попутно, учится. Одобряете выбор? Издание «Adolescence Catholique»².

Лёвинька, очередные карточки — воскресные — возили Н<аталью> М<атвеевну>³ на Grande-Côte⁴ (молча-прощальное, как ее стирка). Карточки неважные (а Зиночку⁵ сняла — так позорно, — тоже пришлю) — *но берегите*, тщательно промыты, много возни. Выньте все карточки из моих писем и сложите в отдельный конверт, это будут — Ваши.

Нынче 2 раза гоняла в Ройян за вираж-фиксажем, обещали к вечеру, не оказалось. С ф<отогра>фиями — измучилась: всем хочется, и Вам и себе, и В<ере> А<лександровне>⁶, и Н<аталье> М<атвеевне>, и Тешковой⁷, — а снимаю по три, — и еще 2 коробки старых, — извожусь. Ничего другого не делаю, ни о чем другом (кроме стула С-ского⁸, пришлет или нет?) не думаю, изводящая страсть.

А в Мёдоне новое: *лес* и Мур, *Версаль* и Мур, *парк* и Мур. (Пишу под звон фильтра: ПРОМЫВАЮТСЯ ОЧЕРЕДНЫЕ. *Лучшая* впереди.)

Я рождена фотографом. (Помните возглас Л<ьва> П<латоновича>⁹, когда у меня аппарат всё время «ехал»: — «Фотографа из Вас никогда не выйдет.») Сейчас 12, промывать буду до 2 ч. На окне сохнут оттиски. Зеваю. Случается, под звон фильтра — засыпаю. Уже сплю.

Скоро увидите свою ополоумевшую

(Ры) *

28. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

7 Марта <1929 г.>

Дорогая моя Лиленька,

Это ужасно. — Я получаю от тебя по одному письму в полгода. Так, говорят, общаются с остальным миром прибрежные обитатели Ледовитого Океана в Сибири. Но ты в Москве, — я в Париже и несмотря на это мне приходится каждое свое письмо начинать с тех же вопросов: Жива ли ты?

Я знаю, что дело здесь вовсе не в расстоянии нас разделяющем. Мне недавно пришлось прочитать переписку Бакунина с братьями и сестрами¹. Бакунинская семья — одна из самых дружных русских семей (и одна из самых необыкновенных семей!). Михаил, несмотря на свое постоянное отсутствие (заграница — крепость — заграница) был, конечно, невидимой осью для своих братьев и сестер, но вместе с тем — переписка между ним и семьею, сначала очень горячая, постепенно почти прекращается. Причина — не цензура жандармов. Просто наступает минута в разлуке, когда необходимо услы-

* Перед подписью — рисунок: голова рыси.

шать голос и когда слова без голоса становятся бестелесными и бескровными. Нам бы с тобой провести день вместе. Что скажешь в письме, когда ты видишь меня двадцатилетним мальчиком, рвущимся к смерти, а я тебя — такой, какой ты была пятнадцать лет назад?

Я недавно был болен — болезнь оказалась пустяком (что-то вроде старческого прострела (помнишь Пра?), но была минута, когда я от боли почти не мог дышать и т<ак> к<ак> я не знал что со мной, то подумал о смерти. Вот чего я по правде сказать боюсь ужасно — это не дожидаться возвращения. Время чем дальше, тем бежит быстрее и незаметнее. В детстве помню — год был какой-то громадной протяженностью, а сейчас — года, как недели. Есть чему испугаться.

Что же тебе написать о себе? Я работаю там же и столько же². Часто ложусь в три часа ночи. Очень устал. На себя не остается ни одной минуты. М<ожет> б<ыть> это и хорошо, но временами бывает непереносимо.

Сын мой — замечательный (тебе должна была рассказать о нем В<ера> А<лександровна>³), да и дочь оч<ень> хороша.

Прилагаю их карточки, снятые летом. М<арина> много пишет. Ее последнюю книгу⁴ ты, верно, видела. Материально — трудно. Ведь нас четыре человека. Я зарабатываю 1.100 fr. в месяц + Мариинин заработок. Но на прислугу не натягиваем, а при наличии Мура это большое бремя для М<арины> и Али.

Как В<ера> с сыном? Н<ютя> мне давно прислала грустное письмо о семейных неладах. Нужно же было полюбить эту скотину. Вот уж действительно: любовь зла — полюбишь и козла. А ведь любила же эту мелюзгу!

Что В<ера> А<лександровна>? Она *должна* была мне написать — и ничего. Передай ей пожалуйста, что легкомыслие в некоторых областях непростительно. Что когда дело касается моего театрального дела — я ничего не забываю и не прощаю.

Мне ее тетка передавала, что она вышла замуж. Быстро. Но я пожалуй рад за нее. Она оч<ень> добрый человек, но допотопно-декадентский. Думаю, как говорится, среда заела и эгоцентризм ту-беркулеза. Кланяйся ей.

Сейчас ночь. Мур и Аля спят давно. Пора и мне ложиться.

Лиленька — родная — напиши мне. Хочу верить, что ничего страшного с тобой не случилось. Знакома ли ты с Пастернаком?

Обнимаю тебя крепко

Привет В<ере> и племяннику. Всем друзьям поклон.

Недавно в театре встретил Габриель⁵ — подругу Аси Жуковской. Передай ей поклон от Габриель и меня.

В Париже все это время стояли русские холода. Парижане мерли на улицах десятками, как воробьи — на лету. Сегодня первый день потеплело. Господи, уже весна.

«Пора, мой друг, пора — покоя сердце просит
Бегут за днями дни, и каждый день уносит
Кусочек * бытия»...

Это мы с тобою декламировали в Кисловодске.

Помнишь Степуна с палкой? Он в Германии⁶. К нему никакого вкуса не чувствую. «Взрыв всех смыслов» при чрезвычайном благоразумии и «осмыслении трагедии» при предельном благополучии. Талантливая пошлятина философствующего тенора. Он очень пришелся по вкусу немцам.

Спокойной ночи, милая.

По-прежнему ли боишься мышей? Я ведь их тоже боюсь. И сердце у меня стало таким же, как у тебя: какая-то мышца ослабла. И страх мышей верно отсюда же.

Слушал вчера Самойловича⁷ и Чухновского⁸. Ну, довольно.

Мой адрес: 2 av. Jeanne d'Arc. Meudon (S. et O.)

Если бы ты мне присылала за неделю «Веч<ернюю> Москву» — был бы оч<ень> благодарен. Марки оплачу.

29. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

27—IV--<19>29

Родная Лиленька,

Спасибо родная за «Веч<ернюю> Москву». Получил, просмотрел. «В<ечерняя> М<осква>» больше чем какая-либо другая газета дает представление о быте Москвы.

Но писем от тебя все нет. Напиши милая. Без вестей тревожно, а я от тебя ничего не имею больше 6 мес<яцев>.

У нас весна — все в цвету, но очень холодно — ветер из России. На днях вышлю тебе мою статью во французском журнале

* Рукой Е.Я. Эфрон зачеркнуто и рядом написано: «частицу».

о Маяковском, Пастернаке и Тихонове¹. Пошлю одновременно Пастерн<аку>. Для франц<узского> журнала (не комм<унистического>) это максимальная левизна.

Пишу в парижском кафе. Очень жду от тебя вестей. С наступающим прекрасным Праздником².

Говорила ли с В<ерой> А<лександровной>?³

Что Вера? Что Нютя?

Как тебе нравится мой сын?

До сих пор не могу поставить на нашей могиле креста. Цены ужасающие. Нужна новая изгородь. Надеюсь в ближайшее время собрать нужные деньги.

Мой сын — замечательный сын. Очень волевой, здоровый, самоутверждающийся — полная противоположность Але. Все время требует, чтобы его везли в Россию. Французов презирает.

Сейчас у Вас вербный базар. Вербное Воскресенье — один из любимейших мною праздников. Много бы дал я... да что об этом говорить!

Ну прощай Лиленька. Очень ты тронула меня газетами.

Обнимаю тебя.

Твой Сережа

Мне бы оч<ень> хотелось иметь переснятые карточки нашей семьи. Пришлю тебе на это деньги. Хорошо?

В кафе пью чай за твое здоровье.

Очень тебя люблю.

17—V—<1929>

Дорогая Лиленька,

Пронесил письмо тебе двадцать дней. Досылаю, чтобы ты убедилась в старческой дырявости моей головы.

За это время я был болен. Теперь выздоровел и принялся за серьезное лечение. Моя полка уставлена рядом флаконов разного вида и запаха. Посмотрим, что получится.

Спасибо большое за троекратную присылку «Веч<ерней> М<осквы>». К сожалению ничего взамен тебе выслать не могу. Мож<ет> быть к<акую>нибудь французскую газету? Если ты только ими интересуешься.

Чем дальше — тем больше завидую тому, что ты живешь в Москве. С моими теперешними взглядами — жить здесь довольно нелепо. Хотя, вероятно, все к лучшему.

Каков твой круг и кого ты видишь? Обновился ли он за это время? Ты себе представить не можешь, как оскудели почти все живущие в П<ариже>. Недавно виделся с Фед<ором> Авг<устовичем>⁴. Талантливое убожество. А ты им когда-то увлекалась.

Обнимаю тебя крепко.

Нужны ли тебе к<акие>-нибудь лекарства? Скоро будет случай. Не забывай

СЭ

30. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

1 Авг<уста> 1929

Дорогая Лиленька,

Получил твое долгожданное письмо. Лекарство тебе отправлено с оказией. Оно будет переслано по твоему московскому адресу. Я переложил его в другую коробку — так что ты не удивляйся и принимай его смело. Сделал это потому, что лекарство оказалось дамским и на коробке все было пропечатано. Выходило не совсем прилично.

Я переживаю смутное в материальном отношении время. Длительная база лопнула и пока что никаких перспектив. Думал было даже возвращаться в Москву. Но рассудил, что и там ничего не придумаешь. Ты мне напиши все же безнадежно ли бы обстояло дело с заработком. Подумай об этом.

Здесь из года в год нам труднее, ибо отношения с русскими становятся все враждебнее.

Твою просьбу относительно Франки¹ исполнить не мог. Я потерял ее адрес. Пришли мне его.

Получила ли мое письмо с карточкой Мура? Он общий любимец, но характер — ой-ой.

Этим летом никуда из-за безденежья не едем. Удастся отправить только Алло, к<отор>ую пригласили на море наши знакомые². А нас никто не приглашает.

Если ты сейчас имеешь охоту писать — напиши подробнее о жизни Веры и Нюти. Каковы их семейные отношения?

Недавно я читал последние стихи Макса³. Боже, что он пишет! Кто бы мог подумать? Меня ужасно тянет в те края. Напиши ему об

этом. Там прошло самое напряженное, самое молодое и, пожалуй, самое счастливое мое время. Я его (Макса) нежно люблю. Но антропософический анархизм дал печальные плоды. Пошли ему от меня приветы, но не пиши, конечно, о том, что пишу тебе.

Откровенно тебе завидую — твоей жизни в русской деревне. Недавно видел «Баб Рязанских»⁴. И должен признаться — готов был плакать во время сцены жатвы. Советский фильм пользуется здесь исключительным успехом, но в Париже почти все запрещается. Мне удалось все главные боевики видеть на просмотрах. Не видел еще «Урагана в Азии»⁵. Лучшее, что я видел — «Потемкин»⁶.

Сейчас вечер. Второй день идет дождь. Совсем осень. Только что вернулись промокшие Марина с Муром. Мур вертится бесом вокруг и не дает писать дальше... Обнимаю тебя нежно.

Пиши.

Твой С.

Привет В<ере> А<лександровне>⁷.
Как ее здоровье?

31. С.Я. ЭФРОН — Г.С. ЭФРОНУ

<Из St. Pierre de Rumilly в Meudon>

<6 января 1930 г.>

Дорогие!

Поздравляю всех с Рождеством Хр<истовым>. Прошу открытку эту повесить над Муриной кроватью. Надеюсь, что он уже здоров и выходит. Как понравились ему и всем мои подарки?

Я оч<ень> хорошо поправляюсь: за 8 дней прибавил 1 1/2 кило¹.
Обнимаю всех С. Эфрон

Спасибо за частые и подробные письма. Боюсь за Мура. Не попросить ли его выслушать Марг<ариту> Ник<олаевну>².

32. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

5 сент<ября> <1930 г.>

Дорогая Лиленька,

Я все еще в Савойе¹. Пробуду здесь верно с месяц. Потом возвращение в Париж — на совершенную неизвестность.

Ю. Рейтлингер. Рождество

<1930 г.> Бумага, акварель

Пиши мне чаще. Тебе это гораздо легче делать, чем мне.

Ты восторгаешься Ремарком². Мне пожалуй больше нравится книга Доржелесса³. Сейчас парижский рынок наводнен «военными книгами». На них большой спрос, а я их больше читать не могу — все на один лад. А ведь одна из первых хороших книг о войне — Эренбурга «Лики Войны»⁴. Все о ней забыли. Но после Бабеля⁵ — всё слабо.

Русских книг почти сейчас не читаю. Попалась оч<ень> хорошая книга Кина — «По ту сторону»⁶. Прочти. Недавно с величайшим наслаждением прочел Эйхенбаума «Толстой»⁷. Замечательная работа.

Ты мне ничего не пишешь ни о Вере, ни о Нюте — что с ними? О смерти Завадской знаю довольно подробно от ее тетки и матери. Обнимаю крепко.

33. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москве>

10 дек<абря> 1930. Вторник

Дорогая Лиленька,

— Пишу тебе в промежутке между занятиями¹ — в Ротонде. Не волнуйся, милая, о моем здоровье. Оно гораздо лучше, чем ты думаешь. Недавно освещался у Веринной подруги — Лизы, к<отор>ая стала знаменитым врачом². Она сама напишет Вере (если уже не написала). Сейчас у меня в легких все благополучно. Все зарубцевалось. Т^о по вечерам нет. Единственное что осталось и что вероятно останется навсегда — это слабость. Ты же, судя по твоему последнему письму, считаешь меня чуть ли не за умирающего. Ни о какой санатории не может быть сейчас и речи. Она совершенно не нужна.

Спасибо большое, что собираешься прислать мне книжки. Они мне страшно необходимы. На первое время гл<авным> обр<азом> чисто технические. Но только изданные в последние 2—3 года. Все что издано раньше теперь большого интереса не имеет, т<ак> к<ак> техника оч<ень> быстро идет вперед. Боюсь, что вся кинематографическая литература стоит довольно дорого. Вот что я придумал. С год тому назад в Москву уехал один мой приятель, к<отор>ый нам остался должен около 500 fr. Я к нему обращаюсь с той же просьбой, что к тебе. Я попрошу его зайти к тебе, чтобы легче сговориться что присылать. Но возможно что он болен. Он уехал отсюда в злой

чахотке. Не знаю, как он перенес резкую перемену климата. Фамилия его Неандер (Борис Николаевич)³. Его должен знать Пастернак. Он работает в одной из московских газет. Не даю тебе его адреса, п<отому> что забыл его дома. А письма не хочу откладывать.

Лиленька, милая, прости меня, что привязался к тебе с синема-тогр<афической> литературой — но для меня это сейчас ужасно как важно. И чем скорее тем лучше. Не сердись!

Видел недавно очень хороший здешний (немецкий) фильм. Инсценировка книги Ремарка «На Западе без перемен»⁴. Удивляет, что полиция разрешила демонстрацию — до такой степени этот фильм обличает бывшую войну. В Германии расисты срывают демонстрации фильма. В Париже демонстрация проходит довольно спокойно. Ты, верно, будешь иметь возможность видеть этот фильм в Москве. Несомненно Москва его купит. Вспомни меня тогда.

Скоро Рождество. Мур ждет праздников и деда Мороза. Аля учится в школе прикладного искусства по классу иллюстрации и книги. Писал ли я тебе, что она взяла 6 французских литературных премий?!

К сожалению должен кончать.

Конечно мы увидимся! Я не собираюсь кончать свою жизнь в Париже, вообще не собираюсь «кончаться» или скончаться. Помогите только мне выбиться на новую дорогу. Особенно, если ты так же как и я относишься к синема.

Ну, будь здорова, родная. Обнимаю и люблю тебя

Твой С.

Передай Вере, что ее Лиза сейчас же мне написала и была со мной предельно мила и внимательна. Пусть она поблагодарит ее в письме. Почему Вера мне никогда не пишет?

А в Парижские театры я не хожу, ибо не люблю театр вообще, а французский в особенности.

34. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

2—I—<19>31 г.

С Новым Годом, дорогая Лиленька,

Увы, приходится тебе пожелать самого банального здоровья, п<отому> что без него не житье.

Спасибо огромное за книжки. Знаешь, когда они пришли? С вечерней почтой 31ое декабря — Новогодним подарком. Спасибо Поблагодари от меня непременно и Б<ориса> Н<иколаевича>¹.

Две книжки из присланных оч<ень> интересны — (Кулешов² и Кинопромышленность СССР³), третья — Кино и война⁴ — слабее (очень плохое, вульгарное изложение) и не использован весь возможный материал. Прилагаю к письму список книг, к<отор>ые мне были бы оч<ень> полезны.

Оказывается грипп гуляет не только по Парижу. Мы тоже все лежали в гриппе. Нов<ый> Год в этом году дождливый и теплый, что оч<ень> приятно — выходит меньше угля.

Нов<ый> Год я встречал довольно мрачно, среди почти незнакомых людей, но зато ел настоящего Диккенсовского гуся ипил настоящее франц<узское> шампанское.

О моем здоровье не беспокойся. Оно довольно стабильно. Думаю этот год никаких срывов не произойдет.

Моя кино-библиотека понемногу растет. К сожалению лучшие книги по технике немецкие, а в немецком я слаб. Читаю сейчас историю русского театра Всеволодского⁵. Знаешь ли? Если нет — посмотри. Довольно интересно. Кроме того лежат у меня два тома биографии Мейерхольда — Волкова⁶. Неинтересно. Автор неправильно подошел к биографическому заданию.

Продолжаю работать у Пате⁷. Кое-что уже умею делать (проявлять, печатать в машине и т.д.), но все это пока оч<ень> мало. Главное научиться снимать — «крутить».

Как здоровье Кота? Надеюсь он уже поправился. Поцелуй Веру и поздравь ее от меня.

Собираюсь писать в двух журналах о сов<етском> кино⁸.

Спасибо еще раз — громадное.

Обнимаю тебя с любовью

Твой С.

Список книг⁹:

Гальперин: О рациональном использовании глубин объектива.

Болтынский: Культура кино-оператора

В. Пудовкин — Кино-режиссер и кино-материал

Шмидт — Кино-оператор

Лемберг — Экономика мировой кино-индустрии

Шмидт — Кино-лаборатория

Косматов — Кино-механик (все выпуски)

Голдовский — Освещение кино-ателье
 Пудовкин — Кино-сценарий
 Шнейдеров — Техника и организация кино-съёмочных работ
 Лауберт — Негативный процесс.
 Есть ли что-нибудь Эйзенштейна?

Ну пока хватит надолго.

Ты себе представить не можешь, как радостно получать русские книги по кинематографии.

Свои статьи, как выйдут — пришлю.

Будь здорова, милая. Пиши.

35. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

12—II—<19>31

Спасибо, родная Лиленька, за щедрую — замечательную присылку книг. Не поблагодарил тебя сразу, п<отому> что несколько дней был в бедственном состоянии — и даже на марки не было франков. Сейчас стало легче. Спасибо, — все подобрано замечательно. И на долгое время я насыщен. Единственное о чем буду просить тебя — это о высылке пятидневной газеты «Кино»¹. Мне это необходимо для хроники Сов<етского> кино.

Вчера сдал письменный экзамен у Патэ. В понедельник держу устный. Кроме того начинаю брать частные уроки кручения. Но продвигаться здесь в моем возрасте в роли оператора ужасно трудно. Французы страшные националисты и каждый иностранец для них бельмо на глазу. Поэтому одновременно пишу о кино. Три статьи моих уже напечатаны. Две о кинофикации СССР (большие), одна — о главных режиссерских течениях в сов<етском> кино (небольшая) — но последнюю тему буду развивать в дальнейших статьях.

А как ты — моя большая старушка? Я думаю, что скоро перееду в Москву. Здесь невмоготу. Получила ли моих две несчастных книжки? Мне оч<ень> стыдно, что пока ограничился этим, но, повторяю, было туго.

Недавно был на нашей могиле. Она прибрана. Только вот ёлка засыхает. Ее сухие ветки пообрезали и осталась лишь зеленая верхушка.

Из присланных книг оч<ень> интересен сб<орник> формалистов². На фр<анцузском> яз<ыке> интересных книг по теории кино

почти нет. Родина кино — оскудела. Лучшее, что на фр<анцузском> яз<ыке> появляется, — переводы русских авторов (недавно появилась статья Эйзенштейна) и Муссиньяка³, к<отор>ый тоже полурусский п<отому> что прожил долго в России и напитан русскими идеями. Видел недавно «Турксиб»⁴ — чудесный фильм.

Как здоровье твое? Ты давно не пишешь.

Обнимаю тебя и люблю непрестанно

Твой С.

Напиши мне о Вере. Ей тяжело? Почему она мне *никогда* не пишет.

36. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<12 марта 1931 г.>

Спасибо родная за книжки! Спасибо! Все присланное — в самую точку. Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум — «Поэтика Кино» — оч<ень> нужны. Кроме того — кино-журналы, чтобы быть в курсе новых постановок. Я сейчас получил заведывание кино-отделом одной литературной газеты и должен быть в курсе всего¹. Написал об этом Асе² — она должна к тебе зайти. Ее адр<ес>. Мерзляковск<ий> 18 кв<артира> 8. Боюсь, чтобы не было дубликатных посылок.

Что с твоим сердцем? Имей в виду, что сердечный диагноз — самый трудный. Нужно обращаться к лучшим врачам. Твой же *наверное* напутал. Говорю по личному опыту. Для того чтобы исследовать сердце нужно произвести просвечивание и кроме того прослушать *особыми* аппаратами. Ухом ничего точного услышать нельзя. Все это мне сказали здесь люди сведущие.

От сердца и сны твои. А вот невероятная явь со мною. Был я у одной дамы, живущей в Париже лет 20, на улице ведущей к нашему кладбищу. Говорю ей: Рядом с Вашим домом похоронены мои родители и брат. И вдруг она меняется в лице: Позвольте, позвольте — так значит Вы сын Е<лизаветы> П<етровны>? Вы знаете, что у меня стоит ее письменный стол? После ее смерти меня попросили взять его. Я никогда не знала Вашей матери, но стол хранила в продолжении 22 лет!

Вот и не верь после этого в чудеса. Так *через 22 года* в мои руки попадает мамин стол. С этой дамой я только что познакомился и заходил к ней по делу (мог бы легко не зайти). Вот.

На этих днях пойду с Кудельской³ (Верина приятельница) на нашу могилу. Кудельская удивительно мила и живет памятью о наших.

Обнимаю тебя — моя старая! Не тревожь себя ничем — будь умницей. Знай, что вспоминать — грех. Нужно помнить, а не вспоминать. Глажу твою седую голову.

Твой С.

Одновременно высылаю тебе книгу о Романтизме. Она грошовая, но много иллюстраций. Можешь их вырезать для твоей выставки. Снимков с постановки Мюссе, о которых ты просила — нет⁴. Узнал только, что костюмы были не современные, а Louis XIV⁵. В музее Карневал⁶ достану все имеющиеся открытки посвященные Мюссе. Сделаю это завтра или послезавтра.

Спи спокойно и не растравляй себя ничем.

Свои воспоминания выслал⁷, но с тяжелым сердцем. Я их терпеть не могу. После этого ведь было напечатано и другое.

37. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москве>

Суббота — 28 марта 1931

12 ч. в<ечера>

Дорогой дружок мой,

По-моему ты не получила одного (последнего) моего письма. Но это не важно, хотя обидно. Неужели ты пролежала всю зиму? По твоему последнему письму можно заключить, что ты совсем не вставала с постели¹. Что же это такое? И после этого ты еще считаешь себя в праве тревожиться об моем здоровье? Лиленька, когда получишь это письмо — ответь сейчас же и подробно о своем здоровье. Встала ли, отдохнуло ли твое сердце, что говорит твой врач, и специалист ли он по сердечным болезням, и навещают ли тебя, и как ты питаешься, и что тебе можно есть, и достаешь ли ты нужное для твоего лечения, и могу ли я тебе выслать необходимые медикаменты (только выбирай французские) и могу ли я тебе выслать съестную посылку, и что именно (какао, жиры, масло, сало, чай и т.д.). Напиши мне милая, больная сестренка и я сделаю все что смогу. Ведь мы должны дотянуть до нашего свидания, которое очень приблизилось. Смотри не сдай.

Сейчас вечер. Марина с Алей в кинематографе. Мур тихо спит в соседней комнате, обнявшись с медведем. А я пользуюсь тишиной и досугом (которого оч<ень> мало), чтобы поболтать с тобой. С утра до вечера я пропадаю в городе. Мои занятия оч<ень> продвинулись. Брожу по Парижу с кино-аппаратом и «кручу». Но пока что еще бесплатно. Здесь пробиваться оч<ень> трудно. Французы отчаянные националисты и на всякого иностранца косятся. Ну, да ничего, авось вытяну. Оч<ень> вредит кризис. Самим французам жрать нечего.

Сейчас пока, кроме Патэ, у которого я благополучно сдал все испытания, работаю в только что образовавшемся фр<анцузском> кинематогр<афическом> обществе. Люди все оч<ень> милые и сулят всякие приятные вещи, но боюсь, что водят за нос. Прок от этого об<ще>ства тот, что понемногу обретаю практический опыт.

Книги, присланные тобою, мне оч<ень> помогли. Вчера получил газетку Кино, но адрес написан не твоею рукой. М<ожет> быть это Ася² выслала?

Передай пожалуйста Вере, что Лиза отправила ей два письма, но оба вернулись с надписью: адресат не разыскан. В чем дело? Пришли мне пожалуйста точный адрес Веры. Как Кот? Как его корь? Нет ли осложнений? Вера меня совсем забыла. Передай ей еще, что несколько раз заходил к Лизе. Она *на редкость* мила, культурна, отзывчива и душевно свежа. Все понимает с полуслова. За всем следит. И муж ее очень интересный и милый человек. Лиза тайком от мужа внесла за меня деньги в кино-школу. Не забудь — передай Вере, ей будет приятно. Я очень требователен к людям и моя оценка не от благодушия, а вполне объективная.

Мне очень хочется выслать тебе статьи о сов<етском> кино. Две из них вышлю на будущей неделе. Сейчас нет лишнего экземпляра.

Какие вести от Нюти? Она мне так же как и Вера ничего не пишет.

В Париже весна. К Пасхе уберу нашу могилу цветами. Сейчас еще рано.

Недавно меня обрадовала Аля. Она учится во франц<узской> школе по классу иллюстрации. Там недавно был годовой конкурс и Алины рисунки прошли первыми. Благодаря этому ей предложили бесплатно обучаться гравюре.

Ну, спокойной ночи, Лиленька. Обнимаю тебя крепко, глажу твою седую голову и целую твои лапы. Ответь на все вопросы.

Твой С.

А помнишь, как я тебе мышей подкладывал в ящик для писем? А помнишь, как мы с тобой в первый раз весной ехали в Коктебель? И Максины рассказы о месменахеках? Господи, как все это давно было, словно на «тем свету», как говорят мужики.

Живется мне, должен тебе сказать, не слишком весело.

В эти два года были всякие в моей жизни события, о которых писать не буду, а рассчитываю рассказать лично.

Так бы хотелось быть свободным, а для этого прежде всего нужны деньги.

Мой Мур все время рвется в Россию, не любит французов, говорит запросто о пятилетке (у него богатая советская детская библиотека, присланная Асей), о Днепрострое и пр<очем>. Ко мне связан предельно. Способностей и ума невероятного.

38. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

29--VI--<19>31

Дорогая моя, прости, что так долго не писал. Получил «Кино» и открытки. Спасибо. Очень ты меня встревожила, что все лежишь. Что же это такое? Несмотря на мои просьбы ты не пишешь подробно о своей болезни.

У меня к тебе спешное и серьезное дело. Я подал прошение о сов<етском> гражданстве. Мне необходима поддержка моего ходатайства в ЦИКе. Немедля сделай все, чтобы найти Закса¹ и попроси его от моего имени помочь мне. Передай ему, что обращаюсь к нему с этой просьбой с легким сердцем, как к своему человеку и единомышленнику. Что в течение пяти последних лет я открыто и печатно высказывал свои взгляды и это дает мне право так же открыто просить о гражданстве. Что в моей честности и совершенной искренности он может не сомневаться.

Мое прошение пошло из Парижа 24 июня. Следовательно нужно оч<ень> торопиться.

Не думай, что я поеду не подготовив себе верной работы. Но для подготовки тоже необходимо гражд<ан>ство.

Исполни, Лиленька, мою просьбу не откладывая. Это приблизит нашу встречу.

Одновременно написал Горькому и Пастерн<аку>².

Будь здорова, Лиленька. Обнимаю и надеюсь скоро смочь тебе написать до свидания.

Твой С.

39. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

< В Москве >

18—LX—<19>31

Дорогая моя Лиленька,

Отчего же, отчего повышается у тебя температура? Что это за болезнь? Сколько раз просил я тебя написать мне подробнее. Каждый раз ты ограничиваешься лишь общими фразами.

Ты спрашиваешь, как мои дела. Должен сознаться, что хуже нельзя. Кризис (ужасающий и со дня на день растущий) и мои советские взгляды сделали то, что я вот уже год не могу найти заработка. Что будет дальше — думать страшно. Живем изо дня в день, каким-то образом выворачиваемся. Но боюсь, что и выворачиванию придет конец.

Эта зима в Париже будет сверх-трудной. Ну, да авось вытянем.

Очень огорчило меня сообщение о смерти Лили Шик¹. Ее я хорошо помню и с нею у меня связано несколько дорогих для меня воспоминаний. Наше поколение начало редеть, и быстро редеть. Уже которая по счету смерть! Так мне и не удалось ее увидеть.

Недавно я встретил в Париже Валетку². Помнишь? Все такая же — только поседела, да, пожалуй, еще поглупела. Я всё пугаюсь, когда встречаю людей после оч^{ень} длительной разлуки. Они все те же, а я изменился страшно. Они же говорят со мною, как с прежним и, конечно, разочаровываются.

Мое кино стоит на месте. Половина парижских студий без работы. Иностранцев гонят. А без стажа куда я буду годиться? Прямо не знаю что делать.

Посылаю тебе иголки. Не знаю те ли. У Зингера сказали, что это тот самый образец, к^{отор}ый больше всего требуют в Россию.

Прости, дружок, что пишу мало. Тянет писать тебе, когда дела поправляются, а когда — худо — не хочется скулить.

Поцелуй от меня всех.

Как у тебя с продовольствием? Хватает ли? И чего не хватает? Я даже не знаю, на какой ты диете. Напиши.

Что делается у вас в студии?³

Обнимаю тебя, моя старая, нежно.

Твой С.

40. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Конец 1931 г.>

Лиленька, родная — все нет и нет от тебя вестей. Напиши хоть открыточку, чтобы знать мне, что с тобой ничего страшного не случилось. Главное — как болезнь? Твое последнее письмо было такое безнадежное. Когда же я смогу помочь тебе?

Я очень долго был совсем без работы. С месяц как раздобыл место у одного американского изобретателя нового строительного материала (вид картона). Работа, как видишь, совсем не по моей специальности — но не скучная и на том спасибо. Пока получаю совсем мало (200 fr. в неделю), а работаю до 8 ч. вечера. Прийдя домой — валюсь в постель, так что жизни совсем не вижу. Во Франции такая поголовная безработица, что выбирать сейчас не приходится — хватай, что дают, чтобы не сдохнуть с голода. В первую очередь, конечно, страдают иностранцы, к<оторы>х отовсюду гонят.

Если у американца дело пойдет — мне обеспечен на долгое время хлеб и приличный заработок.

Кино-продукция здесь тоже при последнем издыхании. Общество за обществом летят в трубу. Пока что вся моя прошлогодняя работа пропала даром. Ограничиваюсь тем, что стараюсь не отстать от передовой кинолитературы. И это очень трудно — *совершенно* нет досуга.

Мы живем плохо. Но и это плохое на фоне общей нужды может показаться удачей. Самое горькое для меня — отсутствие людей, среды, какая-то подвальная жизнь, когда приходится все силы напрягать, чтобы в одиночку продержаться.

Событий в моей жизни — никаких, или такие, о к<оторы>х и писать нечего.

Дети подрастают. Аля — совсем взрослая и мне всегда странно, что она моя дочь. Нас принимают за брата и сестру. Она продолжает работать над гравюрой и идет в школе первой. Несмотря на то что она первая ученица — я не особенно верю, что это ее призвание. Пишет она гораздо сильнее, чем рисует, да и подход ее к живописи и рисунку скорее литературный.

Мур — мальчик боевого самоутверждения. Оч<ень> умный и способный, но дисциплине поддается слабо.

В Париже сейчас открыл свой театр Чехов¹. Убогий театр и безнадежные спектакли. Он совсем слабый режиссер, а как актер — живет старым багажом.

Слежу, как могу за советскими фильмами. Их здесь можно видеть почти исключительно в закрытых клубах (французская цензура не допускает их демонстрации).

Из последних сов<етских> книг очень одобряю «Гидроцентраль» Шагинян² и «Кочевников» Тихонова³. Читала ли?

С<офья> М<арковна>⁴ исчезла. Не знаю даже — в Париже ли она. Отношение ко мне русских по-прежнему враждебное.

Кончаю. Жду от тебя вестей. Не забывай меня — я тебя помню постоянно и непрерывно.

Обнимаю тебя и глазу твою седую голову.

Твой С.

Как Вера? Нютя? Кот?

Пиши обо всех.

41. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

25—VI—<19>32

Дорогая Лиленька,

— Страсть как давно не писал тебе, да и от тебя не имел известий. Как и что ты? Напиши словечко.

Мне здесь с каждым днем труднее и отвратительнее. Я стосковался по своей работе — здесь же не работаю и не живу, а маюсь изо дня в день.

Единственное чем жив — мечтою о переезде. Уверен, что ждать теперь недолго. Вытянуть бы только.

О своей жизни писать не хочу — противно.

Был недавно на докладе Афиногенова¹ и не удалось поговорить с ним, а он тебя должен знать. М<ожет> б<ыть> на этих днях его увижу и порасспрошу.

Как здоровье твое? Едешь ли летом на отдых?

Думаю, что увидав меня ты порядком разочаруешься — не только потому, что я начал быстро стареть, а потому что от прежнего меня ни крупинки не осталось. Ты же меня представляешь и в прежнем теле и с прежним нутром.

Мы больше не живем в Мёдоне. Наш новый адрес (перепиши его в нескольких экземплярах) —

101 rue Condorset, Clamart (Seine).

Этим летом, конечно, никуда не еду. Как Вера? Как Нютя? Как дети?

Обнимаю тебя с любовью.

Обо мне не беспокойся и не принимай меня за «чудака» и «сумасшедшего». Я просто я.

Твой С.

42. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

31—X—19<33>

Дорогая моя Лиленька,

Вот и зима. Сразу наступили холода, сырые и промозглые. В моей комнате стоит маленькая чугунная печурка — вроде буржуйки, а на печурке непрерывно кипит чайник. Здешняя зима для меня извод. Боюсь, что от русской зимы совсем разойдусь по швам.

С большим интересом прочел твое письмо о работе над читкой Пушкина¹. Должен тебе сказать, что поскольку я могу судить о читке по звуковым советским кино — она очень и очень слаба. Но кинематографическая «читка», конечно, вещь совсем особая и очень далека как от театральной (должна быть далекой), так и от «литературной». Эту «особость» пока что советские актеры совсем не чувствуют — им нужно поучиться у американцев.

Что же касается стихов — то я лично очень люблю сухую читку, с еле заметным вскрытием эмоционального костяка и с выделением ритмического остова стихотворения. Классическая читка наверное ни то и ни другое — а среднее. А по мне лучше всего читают стихи авторы. И сам Пушкин читал стихи по-моему. Ужасно когда стихи навязываются. Обычное актерское чтение, даже культурное, а не по Худ<ожественному> т<еатру> — именно такое: всё договаривается, разжевывается, подчеркивается. А договаривать и чувствовать — я должен, а не чтец. Вообще в читке стихов лучше не добавить, чем передать. Я говорю о стихах лирических.

Очень возможно, что мы довольно скоро увидимся. Отъезд для меня связан с целым рядом трудностей порядка гл<авным> образом семейного. Будь я помоложе — насколько бы мне все это было бы легче. В ужасный я тулик залез. И потом с детства у меня страх перед всякими «роковыми» решениями, к<отор>ые связаны не только с моей судьбой. Если бы я был один!!!!

В Россию я поеду один.

Слыхала ли что-нибудь о Дмитриии Петровиче Мирском², перебравшемся из Лондона в Москву? Это мой большой друг и если ты при случае его увидишь — он многое обо мне расскажет. Он очень учен (литература) и блестяще умен и одарен. В Москве он работает в издательстве иностранных рабочих (кажется — Никольская б). Правда — он меня не видел уже около года.

А к Нов<ому> Году к тебе зайдет другой мой приятель: Павел Ник<олаевич> Толстой³ (троюродный брат Алексея Николаевича и живет у него в Детском Селе). С этим — держи ухо востро. Он очень мил и не без блеска, но жулик отчаянный. И враль отчаянный.

Очень обрадовали меня приветы от Володи с женой⁴. Поцелуй их от меня. Передай им, что в Париже уже несколько лет работает Сокол⁵. Он очень здесь и повсюду известен. Я с ним ни разу не встречался. А по тому, что он помещал во франц<узских> газетах — он мне далек. Он м<ежду> пр<очим> женился на б<ывшей> актрисе Кам<ерного> театра — забыл ее фамилию, но я ее знал.

Знакома ли ты с Бабелем?⁶ Он меня тоже раза три видел в Париже. Он — замечательный. Советую тебе с ним встретиться, хотя это не так легко — он очень уединенно живет.

Вот — не знаю Лиленька, на чем остановиться по приезде. Здесь я занимался буквально-таки всем. Это очень худо и с этим пора кончать.

Посылаю тебе свою последнюю карточку. Очень я изменился? Обнимаю тебя крепко. Привет всем. Что делает Юлия?⁷ Почему так мало пишешь о Вере? Совсем не знаю, чем она живет. А Нютя? Ее я увижу первой — в Ленинграде⁸.

Как твое здоровье?

Мы остались на той же квартире.

Твой СЭ

43. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

26—VIII—1934

Дорогая Лиленька,

Думаю, что письмо мое застанет тебя уже в Москве. Век не писал тебе и век от тебя ничего не имею. Надеюсь, что у тебя все благополучно и что за лето ты успела отдохнуть. Это лето для меня

сложилось неожиданно хорошо. Смог поехать на месяц к друзьям в горы, в средневековое шато, в котором я уже несколько раз жил¹.

Из замка вернулся не в Кламар, а к Марине, к<отор>ая сняла на лето избу верстах в десяти от Версаля². Здесь живу уже вторую неделю. Только ем, сплю, да хожу с Муром за грибами. Местность прекрасная — совсем русские поля и перелески. Грибов масса. Грибы сокращают вдвое наш кухонный бюджет. К нашему счастью французы почти все наши грибы считают за поганки и мы их (французов т.е.) не разубеждаем.

Читаю с тревогой по утрам французские газеты. Положение на Востоке все тревожней и тревожней. Начинаю ненавидеть японцев, как когда-то в детстве во время Японской войны. Здешние газеты, за исключением крайне-реакционных, в советско-японском конфликте держат сторону Советов. Вообще за последнее время (особенно после визита советских летчиков) отношение к Союзу резко изменилось в хорошую сторону. Эволюция проделанная Францией за последние два года в этом направлении необычайна. Литвинов³ гениальный тактик. Это особенно видно, когда наблюдаешь за международной жизнью отсюда.

Почти все мои друзья уехали в Сов<етскую> Россию. Радуюсь за них и огорчаюсь за себя. Главная задержка семья, и не так семья в целом, как Марина. С нею ужасно трудно. Прямо не знаю, что и делать.

В каждом письме прошу тебя написать о Нюте, Вере, о детях. Почему ты молчишь? Ведь я о них ничего не знаю. Что делает Вера? Чем и как она живет? Где и как работает? Что Кот? Как в последнее время сложилась семейная жизнь Нюти?

Мне гораздо труднее тебе писать, п<отому> что весь круг мой тебе незнаком. А о личных своих делах вообще писать не люблю.

Пишу сейчас у постели Мура, к<отор>ый второй день как захворал. Кажется пустяки, хотя бурные. Вчера Т° была 39, а сегодня намного легче. Мур первый год как начал ходить в школу. Учится оч<ень> хорошо, первый в школе. Нравом он буен. Исключительно способен и умен. Ему, конечно, нужно ехать в С<оветскую> Россию. Здесь исковеркается.

Аля сейчас на берегу Океана. Дает уроки в семье немецких эмигрантов. При всех ее способностях ей приходится зарабатывать не гравюрой, как полагалось бы, а случайными работами не по специальности. Обидно. Радуюсь одному — летом ей удалось хорошо отдохнуть.

Видала ли в Москве Эренбурга? Повидай его непременно. Мне хочется от него по возвращении узнать о твоей жизни.

Я переехал на новую квартиру. Мой новый адрес: М-г Efron. 33 rue J. В. Potin. Vanves (Seine). Это тот же Кламар, но другой коммуны.

Пока, Лиленька, кончаю. Жду от тебя «быстрого и подробного». А пока целую крепко и люблю.

Твой С.

Пиши на Vanves. Если я не вернусь еще — письмо перешлют сюда.

44. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

30—III—<19>35

Дорогая моя Лиленька,

Как дела? У меня все по-старому, если не считать гриппа, к<отор>ый меня измотал порядком.

Сегодня провожаю одного своего друга в Москву. От него узнаешь, как я живу и чем дышу.

Недавно читал в Правде отзыв о студии Завадского и думал о тебе¹. Удастся ли тебе работать?

А ты знаешь, что помимо всего я организовал здесь театральную студию². Через неделю первый открытый спектакль. Но все это не то, что хотелось бы.

Каждый раз я тебя спрашиваю, в чем ты нуждаешься? Очень прошу ответить. Недавно был случай, который я пропустил, п<отому> что не знал что тебе нужно. Сегодня могу послать только коробку сардинок (побаиваюсь, что передатчик слопаёт их дорогой).

Все мои друзья один за другим уезжают, а у меня семья на шее. Вот думаю отправить Алю. Она замечательная рисовальщица.

А с Мариной прямо зарез.

Пиши обо всех и поконкретнее.

В чем нуждаешься?!?!!!

Обнимаю

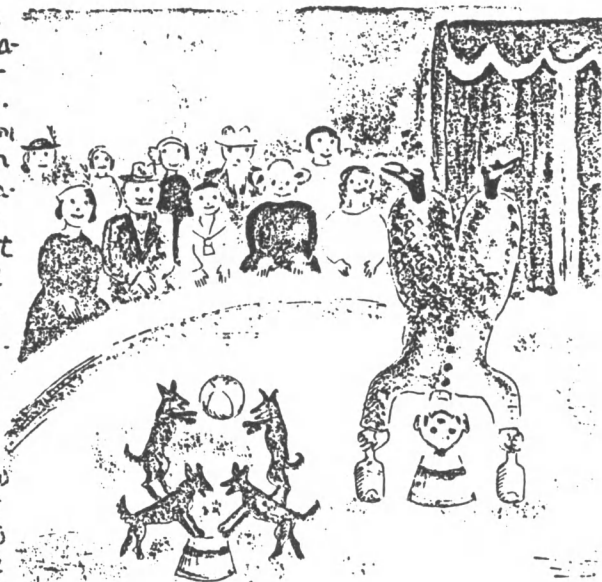
Твой С.

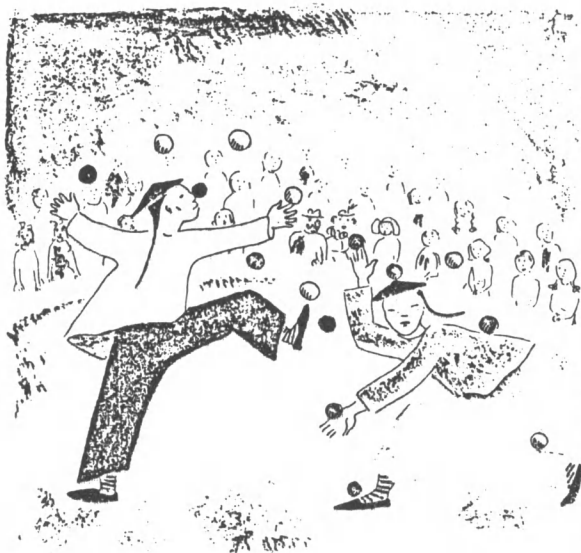
alors au cirque!

texte et dessins d'Ariane Efron

demi-tarif, les chiens entrent gratis, et sortent roqués de coups. Le spectacle commence. Il y a un clown tout brisé qui fait bien rire Toto et ses parents. Il marche sur la tête, s'étale, reçoit des gifles et des douches imprévues... Il y a aussi des chiens savants qui sont vraiment savants - ils ont dû aller à l'école quand

pour ressembler
à des nègres!
Mais par contre
il y a deux vrais
Chinois, qui, eux,
n'ont pas besoin
de se barbouiller
les visages de jau-
ne — ils sont jau-
nes comme des
citrons! Ils jon-
glent avec des
ballons, des cruches,
des assiettes et des
torches allumées.
C'est merveilleux
et Toto se pro-
met d'essayer de
les imiter à la
maison!

7

Toto a quelque-
fois vu des ours
au jardin zoologique,
mais jamais
des ours savants!
Cet ours-là sait
faire beaucoup
de jolies choses!
Il s'incline com-
me un monsieur
poli devant une
dame, il danse
comme Argentina,
et même il
veut à tout prix
embrasser son
dompteur, mais
celui-là n'a pas

А.С. Эфрон. «Allons au cirque!» («Пойдемте в цирк!»)

Иллюстрированная книга. <1930 г.>. Бумага, тушь, акварель.

45. С.Я. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<В Фавьер>

<31 июля 1935 г.>

Дорогая моя Рыся,

— Пишу Вам вот по какому делу. Как бы Вы отнеслись, если бы мы приехали с Алей вместе?¹ На время моего пребывания можно бы принанять какой-либо угол или комнату франков по десяти (даже по 15) за день. Я могу себе это позволить, ибо приезжаю ненадолго и с'экономлю на здешнем пансионе и дороге (автомобиль). Мне бы хотелось приехать с Алей, т<ак> к<ак> второго такого случая не будет, а после моего отъезда к Вам — она хочет ехать домой, чего я допустить не хочу. Приехал бы с нею без предупреждения, но Аля меня уверяет, что Вы ее пригласили на гораздо позже, что осуществить будет невозможно.

Жду Вашего быстрого и точного ответа. Я бы жил с Вами, а Алло бы на время моего пребывания устроили бы на стороне.

Если ничто не помешает — буду у Вас 4 веч<ером> или 5 утр<ом>.

46. С.Я. ЭФРОН — Е. Я. ЭФРОН

<В Москве>

4—XII—<19>35

Дорогая моя Лиленька,

Получил твое огорчительное письмо. Я тебе пишу мало, но не так уж тебя «забываю», как ты думаешь. Во-первых после твоего предпоследнего письма я послал тебе с одним отъезжавшим чулки и письмо. Очевидно ни тех, ни другого ты не получила. Во-вторых — к тебе должен был зайти еще один мой друг. Он не зашел. В-третьих я просил о том же Пастернака, но Борис оказался невменяемым¹. Пишу обо всем этом, т<ак> к<ак> у тебя ложное отношение к моему малословию. Писать мне тебе трудно — это правда — и пишу я пусто — это тоже правда. Но причина этому никак не мое холоднотушие, а как раз наоборот. *Нам нужно увидеться.*

Сочувствую тебе горячо и кровно в твоих неудачах со съемкой, в твоей болезни. Мне почему-то кажется, что все у тебя должно измениться с моим приездом. Я все-таки много здоровее тебя. Я тоже

перенес грипп, после которого чувствовал себя, как после тифа. Но через 5—6 дней я вполне оправился.

Твою карточку получил и *на нее откликнулся* не только письмом, но и своей карточкой. Неужели не получила?

Никакой насмешливости и иронии в моем письме не было и к твоему большому, больному и горячему сердцу иронически отнестись не мог. И ты, свин, что так приняла тон моего письма. А главное — через несколько месяцев после получения.

Радует меня очень твой отклик на «Агрострой» Довженко². Его я не видел. Из последнего видел только «Чапаева»³ — замечательно! С Рене Клером⁴ ты не права. Это замечательный режиссер и кинолирик. Лучший его фильм: «Миллион»⁵. «Под крышами Парижа»⁶ его первый звуковой фильм. У вас появились «Живые рисунки» Вал-Диснея⁷ — посмотри непременно. Это подлинное и высокое искусство. К тебе должны зайти, или вернее зайдет один из архитекторов⁸, бывший в Италии на международном Конгрессе Архитектуры. Он расскажет тебе о нашей мимолетной парижской встрече. Он исключительно мил, душевен и культурен. Думаю, что встреча с ним будет тебе приятна. Сейчас он вернулся в Италию, а оттуда через месяц поедет обратно.

Сейчас в Париже сов<етские> ученые. Видел из них только челюскинца Шмидта⁹.

Что тебе рассказать о себе и о своих? У меня масса работы. Нет минуты свободной. Но все не то, что хотелось бы. И все потому, что я здесь, а не там. Аля сделалась прекрасной рисовальщицей, настоящим мастером. Но она ужасающе пассивна и живет еще в каком-то отроческом полусне (а ей уже 21 год).

Мур, наоборот, бурно активен, жаден до всех жизненных впечатлений предельно, богатырского телосложения, очень красив. Прекрасно учится.

Марина много работает. Мне горько, что из-за меня она здесь. Ее место, конечно, там. Но беда в том, что у нее появилась с некоторых пор острая жизнебоязнь. И никак ее из этого состояния не вырвать. Во всяком случае через год-два перевезем ее обратно, только не в Москву, а куда-нибудь на Кавказ. Последние стихи ее очень замечательны и вообще одарена она, как дьявол.

К весне думаю устроить Алину выставку, а затем издать часть ее рисунков.

Видала ли ты нового «Ревизора» Мейерхольда?¹⁰ Мирский¹¹ в восторге.

Ну вот — пока кончаю. Пишу по обыкновению в кафе. Обнимаю и жду не-ругательного письма и вестей.

Твой С.

47. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

18—III—<19>36

Дорогая моя Лиленька,

По обыкновению пишу тебе в кафе.

Скажи, пожалуйста, в чем дело? Почему ты не отвечаешь — ни на письма, ни на две книги, к<отор>ые я тебе выслал?

Я бы очень и очень тревожился, особенно из-за эпидемии гриппа, если бы не письмо Аси¹, к<отор>ая тебя видела. Неужели ты мне не пишешь сознательно? Не хочу и не могу этому верить.

Опять весна, а я все торчу в Париже. Когда это кончится и думать перестал. Все новые и новые препятствия мешают моему отъезду.

Был ли у тебя архитектор², <к<оторо>го я просил зайти к тебе? Вообще сейчас все время отъезжают люди и каждого, кто меня знает, я просил с тобою связаться.

Что тебе сказать о себе? Работы очень много — и журнал, и художники, и театр и чорт знает еще что — с чем и с кем приходится возиться³. Но все это очень текуче, очень эпизодично, преследует очень местные цели и потому захватывает меня только на поверхности.

Не знаю на что я буду годен, когда наконец попаду к тебе. Очень надеюсь на осень.

Как Вера, Нютя, Кот, Ньютины дети? Почему никто, никогда (кроме тебя до прошлого года) меня не вспомнит? Я понимаю, что трудно писать часто, но почему же совсем ни-че-го?!

А впрочем вероятно все это в порядке вещей и удивляться не нужно.

Очень может случиться, что Марина с Муром приедут раньше меня. Боюсь этого, т<ак> к<ак> Марина человек социально совершенно дикий и ею нужно руководить, как ребенком. А с другой стороны — это мож<ет> быть и к лучшему. Человек привыкший к руководству часто ведет себя благоразумнее, когда предоставлен сам себе.

Аля очаровательная девушка, но у нее тяжелые взаимоотношения с матерью. Талантлива она чертовски. Тебе она очень понравится. А Мур — совсем замечательный мальчик. Ну, надеюсь, ты их скоро увидишь воочию.

Нужно кончать. Пришли по мою душу.
Обнимаю и люблю тебя крепко.

Твой С.

48. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москве>

<31 июля 1936 г., Париж>

Дорогая моя Лиленька,

Почему ты не отвечаешь на мои письма? Каждый твой не-ответ вызывает во мне острую тревогу, а справиться о твоём здоровье не у кого, т<ак> к<ак> я даже не знаю адреса Веры.

Очень, очень, очень прошу тебя сейчас же ответить мне, хотя бы совсем кратко о своём здоровье. О нём только и тревожусь. М<ожет> б<ыть> ты затеряла мой адрес? Напоминаю: 65 rue J. B. Potin. Vanves (Seine).

Надеюсь очень тебя увидеть уже зимою, или в крайнем случае — весной. Так что готовься принять меня у себя на несколько дней.

Так жду встречи с тобой, что и писать о моих личных новостях не хочется. Эту зиму у меня была большая нагрузка по культурной работе (журнал, парижские художники и пр<очее>)¹. Удалось объединить ряд виднейших русских художников в Париже в советскую группу и устроить их выставку. Выставлялась в первый раз и Аля и удостоилась очень высокой оценки. Вообще Аля за последние 2 года очень выросла внутренне и (как всегда бывает для близких) для меня незаметно. Вдруг обнаружил в ней взрослого и большого человека, мне очень близкого.

В своей же области — в графике — рисовальщица она перво-классная. А кроме того умна, как черт, и пишет прекрасно. Вообще — Аля моя надежда и большая.

Мур растёт и умнеет. Богатырской силы и телосложения. На редкость способный. По-французски говорит как француз. В школе все время занимает одно из первых мест.

Марина работает над переводом Пушкина (не своего, а ряда лирических произведений) на франц<узский> язык². Получается у нее, поскольку могу судить, замечательно. Так, как верно написал бы сам Пушкин. Особенно хорошо переведено — «Прощай свободная стихия...». Готовит к Пушкинскому столетию.

Но все это неважно. Важно то, что ты мне не отвечаешь. В чем дело, Лиленька? Буду ждать ровно десять дней твоего ответа, а если такового не будет — даю объявление в «Известиях» о розыске тебя.

Итак жду. Обнимаю крепко тебя, Веру, Кота и всех кто меня помнит.

Твой Сережа

49. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

26—IV—<1937 г.>

Дорогая моя Лиленька,

Наконец-то получил твое письмо. Очень его ждал и очень за него благодарен.

Сильно огорчен смертью Закса¹. Дело в том, что мне так хотелось явиться к нему в качестве побежденного и убежденного после нашей длительной разлуки. Мой случай, мне казалось, был бы ему подарком.

Аля написала о тебе несколько восторженных писем и я тебя впервые за эти годы увидел почти что своими глазами². Между пр<очим> она писала мне, что ты одна из лучших, а м<ожет> б<ыть> лучшая преподавательница читки. Это меня очень обрадовало, т<ак> к<ак> хорошая читка (уж не говоря о преподавании ее) есть пожалуй вершина словесной культурности.

Радует меня так же очень все что ты пишешь об Але. Прошу тебя об одном — не давай ей идти по линии наименьшего сопротивления, т.е. удовлетворяясь малым и легким (переводами например) упускать главный сектор ее работы (иллюстрация, детская литература и т.п.). К советам она относится упрямо, т<ак> что ты уж сама придумай способ воздействия.

М<ожет> быть в Москве ее внутреннее самочувствие так изменилось, что мои страхи и напрасны. Пишу на всякий случай.

М<ежду> пр<очим> от нее уже довольно давно не имею писем (на последнее письмо она не ответила) — поторопи ее.

Моя жизнь идет по-старому. Писать тебе о ней довольно трудно, если не невозможно. Ведь ты совсем не представляешь себе здешней обстановки. Во всяком случае работы оч^{<ень>} много и частью она оч^{<ень>} интересна. Строю неопределенные планы на лето. Совсем не знаю, что будет летом.

У нас зимние холода. Ветер от вас. Nort-Nort-Ost. Но то что для нас холод — для вас весна.

Узнала ли ты у Веры о Маминой могиле? Есть ли бумаги и у кого? Я целый год без ответа об этом запрашиваю. Без этих бумаг мне трудно поставить памятник.

Пишу, как всегда, в кафе — во время беготни. Поэтому мои письма такие короткие.

Обнимаю тебя, моя Лиленька, крепко тебя и Алю

Твой С.

50. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Москву>

*Lacau-Océan (Gironde) Av. Des Frères Estrade — Villa Coup de Roulis,
9ое августа 1937 г., понедельник*

Милая Аля, во-первых — вернулся первый Canard¹, т.е. первая пара их, — посылаю плачевную (хотя оплаченную) бандероль — российского штемпеля *нету*: в чем дело? что это за договор? Мур, сразу: — Нужно будет купить Code². — Благодарю тебя: он наверное стоит двести франков — или двадцать, и окажется, что устарел. — Не понимаю в чем дело, а здешняя почта — малограмотная, запрашивать — безнадежно. Марок (ведь послано больше двух недель назад, до повышения тарифа) — сколько сказали на почте, и вещь явно границы не перешла. *Теряюсь в догадках.*

А только третьего дня — в безумное пёкло и заставляя жариться на пляже несчастного Мура — отправила тебе вторую пару канардов, которую так же — недели через три — получу — вместо тебя. Увы, увы! (Вторую бандероль — тоже пришлю.)

А теперь слушай — событие:

В субботу, 7ое, сижу и пишу Сонечку³ и всё утро дивно пахнет сосновым костром — и я радуюсь. В 10^{1/2} — я как раз собираю мешок с купаньем, Мур уже давно на пляже — приходит хозяйка из кафэ и громко говорит с соседками, слышу: — oh que ça brûle...

Ça brûle, ça brûle, ça brûle* — и мысленно соглашаюсь, п<отому> ч<то> третий день пёкло пуше фавьерского. Но когда: «40 kilomètres à l'heure... и la brigade ne suffit pas... и appel aux volontaires**» — я выхожу: оказывается с четвергóвой ночи, т.е. уже третьи сутки горят — ланды, т.е. ГОРИМ — и телефонное сообщение с Lapanau-Ville (километров — 10) прервано, п<отому> ч<то> сгорели провода — и столбы.

Пока что — всё так же чудесно пахнет.

Часов в пять приходят М<аргарита> Н<иколаевна> с Ирусей — на угощение: устрицы и rosé*** — я как раз получила от папы деньги (доживала последние 5 фр<анков>). Сидим, я к ужасу М<аргариты> Н<иколаевны> простым ножом вскрываю устрицы (незаметно разрезаю себе дважды палец, который тут же заживает от морской воды) — Ируся поглощает, Мур (с отвращением) подражает, rosé чудное... тák, до семи. Они идут в гостиницу обедать, сговариваемся встретиться в 9 ч. на главной площади. Но когда в девять выходим — дым и гарь *такие*, что никого и ничего не видать и нечем дышать: жжет глаза и глот. Весь Lapanau — на площади — и всюду «le feu»**** — и название мест — и скорость огня. Оказывается, огонь уже в Moutchic'e, куда мы недавно с Ирусей ходили — в 4 1/2 кило<метров>, — горит канал (здесь пять озер соединенных каналами), и вообще мы со всех сторон (четвертая — Океан) окружены пламенем. Небо в огромном зареве и зарницах, ни фонаря, ни звезд, тьма и гарь. Л<ебеде>вых, проискав на площади полчаса, не находим и возвращаемся домой — укладываться. Я отбираю тетради, иконы, янтари, identité*****, деньги (NB! напомнил — Мур!), Мурину с<ен>-жилъскую фотографию и твою последнюю, только что полученную, и собираюсь нести всё это к М<аргарите> Н<иколаевне>, ибо их вила — на дюнах, мы же в самом лесу и будем гореть — первые. Но пока увязываю — они, верней — оне — сами: полчаса искали нас на площади, как мы — их. Выходим вместе, я — с кошёлкой, идем на пляж, но и там дышать нечем, море не чувствуется, глаза плачут и глотка отравлена. Пляж тоже полон: и прилив — полный: некоторые, не разобрав в темноте, оступаются в огромные лужи прилива, смех. Наверху, за дюнами — музыка: казино продолжает работать,

* О, как жжёт... Жжёт, жжёт, жжёт... (фр.)

** 40 километров в час... бригада не справляется... призыв добровольцев (фр.).

*** Розовое вино (фр.).

**** «Огонь» (фр.).

***** Вид на жительство для эмигрантов (фр.).

т.е. молодежь — танцевать. Тут я чувствую величие ничтожества. Садимся на мокрый как губка песок (М<аргарита> Н<иколаевна> — тоже!) пытаемся пронюхать море (оно — почти на нас и мы — почти в нем) но — одна гарь, М<аргарита> Н<иколаевна> говорит об ишиасе, к<отор>ый мы наверное получим от такого сидения, встаем, бредем дальше, в полной тьме, босиком (М<аргарита> Н<иколаевна> — тоже!) натываясь на скелеты ободранных палаток, ничего не узнавая, присаживаемся на лестнице (с ихвиллы к морю) — огромное зарево — гарь — дышать нечем — слезы льют — везде народ — где-то барабан — везде — сирены — и уже около полуночи.

Наконец, уговариваю их отправляться к себе — у них 2ой этаж и окно на море — а сами с Муром идем во-свояси — добрать китайские книги — и захватить халаты для ночёвки на пляже. Непрерывные сирены — никто не спит — под ноги бросаются тоскующие ополоумевшие *плачущие* собаки — вести всё тревожнее: ветер — прямо на нас — с женщинами от гари делаются обмороки — дети щебечут. Я вспоминаю письмо 12-летней девочки с Мартиники — про пепельный дождь, который всё гуще и гуще — а мамы нет — а тетя плачет — а я пишу тебе письмо... Когда оно в Европе было получено — девочку давно засыпало. Мур мечтает все это описать в Робинзоне⁴ (бормочет: *le feu... l'appel aux volontaires... nos glorieuses troupes**...) и получить премию в 50 фр<анков> — или авантюрный роман — в 5 фр<анков>.

Дышать абсолютно нечем: воздух — круглые горячие горькие ключья. Но это еще — площадь и соседство океана, когда же сворачиваем в наши лесные места — простое пёкло: уже не дым, а целый пожарный ветер: несущийся на нас сам пожар.

Но так как мне еще нужно достать китайские книги, а Мур очень устал, укладываю его пока одетого на постель, решив не спать и ждать что будет — а сама сажусь читать Дон-Кихота. (Детские колонии рядом не эвакуированы, значит — дышать *можно*: я больше всего боялась задохнуться еще до пожара.) Читаю и — пока — дышу. Мур спит. На часах — час. Вдруг — гигантская молния, такой же удар грома, всё полотно потолка — ходунóm и барабанный бой по нашей весьма отзывчивой крыше: прямо как по голове! *Ливень*. — Да какой! Лил всю ночь. Утром — лужи как от прилива, что здесь немисливо — из-за всасывающего песка. (Здесь земли —

* Огонь... призыв добровольцев... наши доблестные отряды... (фр.)

ни пяди.) Ливень лил всю ночь, и мы *не* сгорели, но выгорели целые поселки рядом — и целые леса.

М<аргарита> Н<иколаевна> с Ирусей всю ночь не сомкнули глаз: как только Ируся — смыкала, М<аргарита> Н<иколаевна> — будила: — Смотри, смотри, Ирусик, п<отому> ч<то> (нужно надеяться) ты такого пожара больше не увидишь. М<аргарита> Н<иколаевна> говорит — она такого зарева не видала с пожара тайги. И на фоне зарева — непрерывные молнии — грозы длившейся всю ночь.

Всю ночь автомобили соседних с нею дач возили народ и скарб из горящего Moutchic'a — концов сто, просто — летали. Было мобилизовано все мужское население Lacaпau — оттого и выли сирены. (Поздравляю дачников — *congè рауè* — приехавших в этот день! И, особенно — вечер: последняя мишлинка из Бордо — в 8 ч., а в девять — началось.)

Утром купила Petite Gironde⁵ — где 1000 гектаров, где еще больше, пылали два *плажа*: Mimizan-Plage и Biscarosse-Plage, не говоря уже о *лесных* местах! Спасали сенегальцы и волонтеры. Словом, пожар был колоссальный, и длился он четверо суток, п<отому> ч<то> вчера еще — горело, 4^{ми} день.

Из разговоров (когда уже прошла опасность, утром, один местный житель — дачнику) — *Vous voyez ces forêts? Là... là... Eh bien c'est un fourrè avec des lianes inextriquables... C'est plein de serpents... Alors, personne n'a pu entrer — impossible — et on laissé ça flamber...**

(Мне особенно понравились серпаны, к<отор>ых пожарные, верней солдаты, испугались во время пожара — точно серпаны в горящем лесу — остаются!)

Аля, сгорели все цикады.

Хорошо мы удружили М<аргарите> Н<иколаевне>: в первое купанье утонула Ируся, а через несколько дней они обе чуть не задохнулись от пожара. Lacaпau-Océan. Ируся всё время считает дни — когда домой. Здесь плавать совершенно нельзя — из-за течения. И непрерывных огромных волн, нынче нас с ней чуть не убило. А мне — нравится.

Я бы дорого дала, чтобы знать *что* М<аргарита> Н<иколаевна> пишет о Lacaпau В<ладимиру> И<вановичу>, в Winneik'y⁶.

* Видите эти леса? Там... там... Это просто джунгли с непроходимыми лианами... И там полно змей... Поэтому туда никто не мог войти — это невозможно — ну и оставили гореть... (*фр.*)

Пожар был — от бомбы упавшей с авиона — (какого — не говорят, м<ожет> б<ыть> — манёвры?) и врывшейся в землю больше чем на метр. Собиратель смолы тут же побежал на ближний телеф<онный> пункт, но было поздно: всё пылало.

<На полях 1-го листа:>

NB! Рассмотря бандероль: марки наклеивала почта — м<ожет> б<ыть> неверно наклеены? Хотя легко выгащить, для ценз<уры>, и не расклеивая, веревки не было, была эта обёртка. Ируся в Америке посылает множество журналов — и отлично доходят. Попытаюсь нынче послать простым, но не взыщи если не дойдут. Посылаю простым 10^{коп.}, во вторник, Мур сейчас опустит, вместе с письмом. Запомни: отосланы 10^{коп.}. Огромное спасибо за Мурины журна<алы>, все их читают.

51. С.Я. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<Из Парижа в Москву>

15 сентября <1937 г.>

Дорогая моя Аленька,

Пишу тебе уже из Парижа на второй день по приезде. И, конечно, уже не из дому, а в кафе.

Во-первых поздравляю тебя, моя дорогая, с 5—17 сен<тября>¹. Письмо это ты получишь с опозданием, но во всяком случае будешь знать, что в этот день мы все о тебе вдвойне думали.

Подарки посылаю с Павлом².

Во-вторых — поздравь Лилю.

В-третьих — видел Веру³, видел великолепную скатерть и таинственные пакетики, к<отор>ые ждут Марину.

В-четвертых — большое письмо напишу из дому, а пока поздравительно тебя обнимаю, и Лилю и, вообще всех, кого обнимать следует.

А в-пятых: я вчера тебя видел во сне и мы дико с тобой веселились.

Мама посылает тебе целую серию карточек.

Будь здорова, моя родная. В твоём отъезде для меня единственно очень радостное — это мысль о встрече.

Твой папа

Мама приезжает через 2—3 дня⁴. Пиши ей по городскому адресу.

52. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН И З.М. ШИРКЕВИЧ

<В Москву>

17—XI—<1937 г.>

В Мерзляковском переулочке
 Проживаешь ты — Зюзюлечка;
 Рядом с нею, как картина,
 Проживает моя Зина:
 Вот теперь и обмозгуй —
 Для кого мой поцелуй.
 Чтобы даром не мудрить —
 Поцелуй мой поделить.

<Вместо подписи --- рисунок: сердце, пронзенное двумя стрелами>.

53. С.Я. ЭФРОН — Г.С. ЭФРОНУ

<Из Москвы в Париж>

16 февраля <1938 г.>

Дорогой мой Мурзил! Прочел с удовольствием описание твоего дня рождения. Представлял себе ясно, как ты бегал с полученными деньгами по книжным магазинам и по писчебумажным лавкам! А «Bourgignon»* ты полюбил после наших совместных посещений коммунистического ресторанчика «Famille Nouvelle»** — помнишь?

Твоя новая партия рисунков опять лучше предыдущей. Особенно мне понравился рисунок кабарэ с певцом, стоящим на столе. Он очень хорош.

А 6-го февраля было рождение Митьки¹ и он получил в подарок несколько книг. Книжки — его страсть. Он выклянчивает только книги и набрал их уже великое множество.

Между прочим — о твоём рисовании: спроси у мамы — не походить ли тебе в т<ак> наз<ываемые> вольные академии, где рисуют живую натуру? Там нужно платить за каждое посещение.

Слышал, что у тебя завелась первая шляпа. Поздравляю! А я здесь хожу больше в кепке, еще парижской, той, что прислала мама.

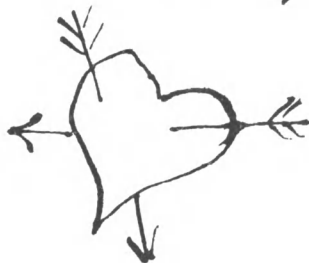
* Говядина по-бургундски (фр.).

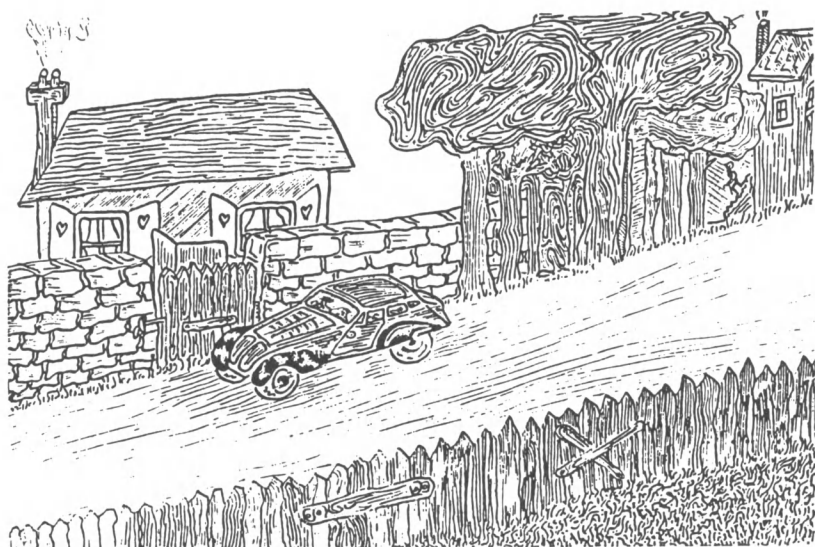
** «Новая Семья» (фр.).

Цена 55 к. 24

17-11-37

В Мерзляновской переулочке
 Противостоит Тос - Зюзюлегка;
 Рядом с кето, как карфика,
 Противостоит моя Зима:
 Ветер и обложный -
 Для кого мой пожелый.
 Чтобы даром не мудрится -
 Пожелый мой подешит

Г. Эфрон. «Скучное воскресенье»
(Название А.С. Эфрон). <1938 г.>. Бумага, тушь

Видел ли наш новый фильм — «Александр Невский»?² Боюсь, что его запретит «ваша» гнусная цензура. А я всю эту зиму ни разу не был в кино. Вместо этого гулял по снежным полям и лесам.

Ко мне часто попадает «Нюша»³ и я тогда сразу переносюсь в вашу парижскую атмосферу. Представляю себе с каким гневом ты читаешь о происходящем у вас позоре!

А помнишь, как мы с тобой еще недавно ходили на демонстрации Народного Фронта?⁴

Теперь французский пролетариат стал не только передовым классом, но и единственным представляющим и защищающим французскую нацию.

Кончаю письмо моей обычной просьбой: береги и оберегай маму. Не давай ей утомляться, заставляй ее ложиться вовремя и не давай ей много курить. Обнимаю тебя, мой родненький.

54. С.Я. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<Из Одессы в Москву>

10 июня <1938 г.>

Дорогая моя Аленька,

Сегодня — всего несколько слов, ибо приказано лежать и лежать¹. Вчера был очередной «дражемент» в течение двух часов.

А я каждый раз верю, что это — последний! «Дражемент» принес одну пользу — на папиросы снова не смотрю и думать о них не могу. Надеюсь — на этот раз — к ним не вернуться.

Вчера — медицинская помощь мне была оказана мгновенно и оч^{ень} тщательно. После вспрыскивания пантапона врач^{иха} просидел(а) у меня все два часа пока не наступило общее успокоение.

Очень это удобно, что я нахожусь рядом с врачебным кабинетом. Сегодня с утра в постели, но чувствую себя (тьфу, тьфу) очень хорошо. Когда-нибудь должно же прекратиться! И как было приятно, когда сестра утром передала мне очередное (3^е) твое письмо!

Спасибо огромное Миле² за верную память. Напишу ей как только встану. Вот уж действительно верный друг! Поцелуй ее от меня крепко.

Уехали ли Лиля и Зина? Как их адрес?

¹ «Юманите» (фр.).

Послал вчера письмо Горелику³ и оч^{ень} сожалею, п^отому что перед самым припадком.

Ужасно себя ругаю, что не послал тебе телеграммы, но я был сам не свой.

Обнимаю тебя, моя радость

Твой С.

55. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<Из Одессы в Москву>

16—VI—<1938 г.>

Дорогая моя Лиленька,

Не писал тебе все это время, п^отому что думал, что ты и Зина¹ уже на даче. Запрашивал о вашем адресе (к^оторо^{го} до сих пор не получил), и вот — письмо от Али: вы еще не переехали и все собираетесь.

Первые дни здесь мне было трудно. Вероятно — реакция на дорогу — душную и жаркую до ужаса. Если бы не сопровождающая меня сестра — я бы выскочил на 2ой остановке. Было мне худо дней шесть подряд, а потому мне все казалось не таким, каким нужно. Было два серьезных припадка по два часа каждый, с похолоданием рук и ног, со спазмами и страхом и пр^очими прелестями. Пишу теперь об этом спокойно, потому что все это уже в прошлом и мне гораздо, гораздо лучше. Врачи настроены оч^{ень} оптимистично и лечат меня вовсю. Через день я принимаю теплые морские и хвойные ванны, а в промежутках, т.е. тоже через день, мне электрофицируют сердце. Кроме того мне массируют область сердца ментоловым спиртом. Кроме того обтирают одеколоном с головы до ног, т^ак что я благоухаю, как пармская фиалка.

Кормят великолепно. Предельно внимательны. Сплю на открытом воздухе. И вот уже два дня, как начал совершать сравнительно большие прогулки. По словам врачей и проф^{ессора} Гросмана (здешнее сердечное светило) — морской воздух мне чрезвычайно полезен.

О щитовидной железе я тебе уже писал. А главное: впервые я почувствовал признаки настоящего выздоровления, особую радость выздоравливающего.

Живу я уединенно и тихо. На море (к<отор>ое в 3^х минутах от меня) хожу в сопровождении моего оч<ень> милого сожителя и сижу там в тени часа по два.

Эта записочка — специально для тебя, ибо чисто сердечная. Обнимаю тебя, мой сердечный близнец, и Зину.

Погода стоит прохладная вот уже 3 дня и это тоже оч<ень> приятно. Ветер с моря — влажный. А когда я приехал я даже на мое любимое море смотрел с холодным равнодушием.

56. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<Из Парижа в Москву>

20 сентября 1938 г., вторник

Дорогой Л. — К.¹ Наконец-то два письма (последнее от 28го). Но надеюсь, что А<ля> мои пересылала. Вернулись мы 10го, в той гостинице места не было, нашли в городе гораздо лучшую комнату: большую, с бютагазом, пятый этаж, вид на башню с часами. По близости от Алиного городского жилища, — на бульваре². Сняли на месяц, т.е. до 15го Октября. (Пишу на основном фоне тревоги за Чехию³, в полном сознании и твердой памяти. Засим продолжаю:) Милый Л., бытие (в смысле быта, как оно и сказано) *не* определяет сознания, а сознание — бытие. Льву Толстому, senior'у^{**} — нужен только голый стол — для локтей, Льву Толстому junior'у^{***} — накрытый стол (бронзой или хрусталем — и полотном — и плюшем) — а бытие (быт) было одно: в чем же дело? в сознании: осознании этого быта. — Это я в ответ на одну Вашу — походя — фразу. И — скромный пример — *мой* быт всегда диктовался моим сознанием (на моем языке — душою), поэтому он всюду был и будет — один: т.е. всё на полу, *под ногами* — кроме книг и тетрадей, которые — в высокой чести. (Оглянулась и ужаснулась — сколько этого быта под ногами, но здесь ни одной полки и ни одного гвоздя, поэтому всё хозяйство — на полу, но мне уже давно всё равно.)

Живем — висим в воздухе. Во сне я — до сих пор — летаю, но это — другое. Материально всё хорошо и даже очень, но: сознание определяет бытие! И сознание, что всё это на час — который может

¹ <Над строкой:> не только.

^{**} Старцу (фр.).

^{***} Юноше (фр.).

быть затянется — как целый год затягивался — но от этого не переставал и не перестанет быть часом — мешает чему бы то ни было по-настоящему радоваться, что бы то ни было по-настоящему ценить. Так было и в нашем морском Диве (Dives-sur-Mer).

57. А.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Из Москвы в Париж>

<9 октября 1938 г.>

Heureux anniversaire maman aimee = Alia *

58. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<Из Болшева в Москву>

12—X—<1938 г.>

Дорогая Лиленька, вот я и на «своей» даче¹. Здесь прелестно. Все совершенно в твоём духе — сплошная «сельскость». Из окон — сосновый парк. Сейчас в стекла барабанит дождь (моя любимая обстановка — осенний дождь в стекла).

Аля все очень мило и трогательно приготовила. Она из кожи лезет, чтобы мне во всем помочь. А мне тяжко, что я таким бременем ложусь на всех и особенно на нее.

Дорога была для меня довольно трудна, но я быстро отошел. Думаю, что через два-три дня я буду себя чувствовать так же, как в Одессе, т.е. хорошо.

Сколько я тебе волнений доставил — моя Лиленька! И опять, как в первый припадок — первую врачебную (вернее телефонно-врачебную) помощь оказала ты, вызвав Свешникова². Спасибо, родная!

Как управлялась без тебя Зина? Поцелуй ее от меня.

Сегодня говорили с Алей о том, как ты будешь к нам зимой приезжать и восторгаться тишиной (здесь действительно тихо) и белизной и ЧИСТОТОЙ.

Обнимаю вас обеих.

Ваш С.

* Счастливого дня рождения любимой маме = Аля

59. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН И З.М. ШИРКЕВИЧ

<Из Болшева в Москву>

13—XI—<1938 г. >

Привет вам Лиленька и Зина!

Спасибо за резиновый мешок и письмо.

У меня, как будто, — дело лучше. Но все же довольно часто сердце «трепещет».

Живу тихо, тихо — так тихо, что словно и не живу.

Аля все так же самоотверженно меня нянчит. Чувствую себя «богаделом — божьим одуванчиком».

Природа вокруг прекрасна.

Не забывайте!

Какие новости у Веры?

Спасибо за дивного лinya!

60. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<Из Парижа в Болшево>

<Конец декабря 1938 г. >

Это — львица (вместо рыси.)

С Новым Годом! Но каким ударом для Чехии кончается — этот: 25го, в первый день Рождества умер Карел Чапек¹ — так и не дождавшись премии Нобеля. Очень хорошая статья Арагона² в *Le Soir* и не знаю чья — в *Нума*. Обе газеты, постепенно, очеловечиваются.У нас снег сошел — последние два дня ходили в черной грязи — но на Луаре, впервые с 1779 г. замерзшей от Блуа до Тура — боятся наводнений: уже взрывали динамитом, но кажется не поможет. В Версале, на *pièces d'eau*^{*}, катались на коньках, вообще была генеральная репетиция зимы — и ничего — сошло, кроме ужасных ботишков и калош, к<отор>ые нужно надевать вдвоем — и по четверть часа. (Мур снимал вместе с башмаками, а в гостях — вовсе не снимал, а у меня вся левая нога изрезана, до того тесны — хотя мой номер. Нет, не калошная страна!)Да, со второго дня мороза *весь* (женский!) город — молниеносно — покрылся цветными башлыками. Моду пустил *Printemps*³,^{*} Прудах (фр.).

и мода тут же спустилась в самые скромные предместья: не было женской головы без башлыка. Но так как они, в большинстве, были вязаные (просто сшивали сзади шарфы), то тепла не прибавилось, только — живописности. О башлыках уже пишут стихи и шутят в T.S.F.-е⁴ и одновременно сообщают разные мрачные новости про Джибути⁵.

Однофамилец Вальтер⁶ на мое письмо — *не* отозвался, чем и доказал, что — *не* наш. Мы все — грамотные. Новый Год решили встречать в к<инематогра>фе: дома скучно и грустно, а с другими — не хочется: и судьбы врозь, и врозь — шаги... Мур уже выключивает новогодний подарок, а сейчас в 10-тый раз пошел в V. Marché⁷ — смотреть.

Жду — про ваш Новый Год. Давно не было письма. Я — пишу всегда. Желаю здоровья и исполнения желаний. P.

61. М.И. ЦВЕТАЕВА — С.Я. ЭФРОНУ

<Из Парижа в Москву>

<1939 г.>

<Начало утрачено>

мне кажется — я бы умерла. (Но раньше бы — накормила и спешно передела в Мурин новый костюм.) Нынче я В<ас> во сне уговаривала купить резиновые болотные сапоги — я такие видела в (гениальном) провансальском фальме «La femme du boulanger»^{*1} — у булочника (Raimu²) сбежала жена — с пастухом M. le Marquis^{**} — и булочник перестал печь — и вся деревня — идет, ищет и учитель, и он-то, в резиновых сапогах, переходит болото, неся на спине M. le Curé^{***}, к<ото>рый — издала завидев пару (они, как звери — в пещере) изгоняет из нее бесов — по-латыни. Булочница возвращается — и булочник вновь печет. Никогда не смотрю Прованса без сжатия сердца — за Вас. La femme du boulanger — один из лучших франц<узских> фильмов, а фр<анцузский> фильм сейчас — лучший в мире. Есть ряд гениальных актеров (актрисы — слабее, и роли их — ничтожные). Есть один фильм — совсем без женщин: мальчишеский интернат, с гениальным Эрихом фон Штрохеймом³ (немец, эмигрант), играет по-франц<узски> — и всегда немцев, в Grande

* «Жена булочника» (фр.).

** Г-на Маркиза (фр.).

*** Г-на кюре (фр.).

CHARLES TRÉNET
(le fou chantant)

Г. Эфрон. Charles Trenet (le fou chantant)
<Шарль Трене (поющий дурак)>

<1938 г.>. Бумага, тушь. Портрет популярного французского шансонье Шарля Трене (р. 1913)

Г. Эфрон. Maurice Utrillo

<1938 г.>. Бумага, тушь. Портрет французского художника, мастера городского пейзажа Мориса Утрилло (1883—1955)

Г. Эфрон. «Le monsieur» («Господин»)

1939. Бумага, тушь

P. LEVY-BRUHL

Г. Эфрон. Pr. Levy-Bruhl

<1939 г.>. Бумага, тушь. Портрет профессора Люсьена Леви-Брюля (1857—1939) — французского этнографа

Г. Эфрон. Henri Troyat

<1939 г.>. Бумага, тушь. Портрет французского писателя Анри Труайя, автора романов и беллетризованных биографий русских писателей

Illusion^{*4} — коменданта крепости). И *лучшие* актеры — пожилые: Jouvett⁵, Raimu, Stroheim, из молодых хороши — Blanchard⁶ (NB! заказал себе виз<итные> карточки Beloff, честное слово! ибо *всегда* играет русских, особенно Достоевского) и — совсем молодой — Jean Louis Barrault⁷, тот же Blanchard в молодости. Остальные (молодые) — красивые, культурные и симпатичные, и все — человечные, и на человечности — весь франц<узский> фильм. Вчера Д.⁸ принес Муру билет на сов<етский> фильм: Oppenheimer^{**9}, и я — взвыла: — Да ведь это же мой Jude Süss!^{***10} И выпросила — тоже, и в воскресенье оба пойдем. (Jude Süss — роман Фейхтванглера.)

62. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<Из Парижа в Москву>

7го февраля 1939 г., вторник.

Милая Лиля,

Сердечно рада, что одобрили могилу¹.

Я — лежачую выбрала, потому что помню, как мой отец — *для себя* хотел лежачей, со свойственной ему трогательной простотой объясняя, что — стоячие памятники — непрочные, клонятся — валятся, что это — беспорядок и нарушает мир последнего сна.

— Где Вы жили в П<ариже> и в окрестностях, т.е. какие места Вам особенно-дороги? Потому что в *данном* квартале можно найти открытку с *данной* улицей.

Напишите (кроме Сэны, quais^{****}, общего — это я знаю) *все* Ваши любимые (жилые) места, и я, пока время есть, похожу по Вашему прежнему следу — и достану. Не забудьте и загородных мест.

Могилу увеличу и тоже пришлю — по 3 карточки каждого снимка, п<отому> ч<то> — думаю — Ваши сестры тоже захотят. Увеличу séria, это — мягче.

Город — безумно-хорош, и у нас уже дуновение весны.

Всего лучшего, жду по возможности скорого ответа об улицах и загородах — на это нужно время.

М.

* «Великая иллюзия» (фр.).

** «Семья Опенгейм» (нем.).

*** Еврей Зюсс (нем.).

**** Набережных (фр.).

Слышали ли Вы о смерти М. Julia?² Умер несколько лет назад — в каком-то очень важном чине. А помните, как его в последнюю минуту обвинили в краже болгарского³ белья — и я его утешала? Иных уж нет, а те — далече...

63. А.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Из Москвы в Париж>

<21 мая 1939 г.>

Tout tres bien lettre suit = Alia *

* Всё хорошо письмо следует = Аля

Глава пятая
ХАНСКИЙ ПОЛОН
(1939—1941)

— Где ж, сирота,
Кладь-твоя-дом?
— Скарб — под ребром,
Дом — под седлом,
Хан мой — Мамай,
Хлеб мой — тоска.
.....
К ангелам в стан,
Скатерть—верста!

МЦ — 1921

— Себе на память — 2го июня 1939 г., пятница

Был дом, как пещера. О, дай же мне вспомнить
Одно только имя, очнуться, понять!
Над соснами тучи редели. У дома
Никто на порог нас не вышел встречать.

Мужчины с охоты вернулись. Звенели
И перекликались протяжно рога.
Как лен были волосы над колыбелью
И ночь надвигалась, темна и долга.

Откуда виденье? О чем этот ветер?
Я в призрачном мире сбиваюсь с пути.
Безмолвие, лес, одиночество, верность...
Но слова единственного не найти.

Был дом, как пещера. И слабые, зимние,
Зеленые звезды. И снег, и покой...
Конец. Навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой.

(Чужие стихи, но к<отор>ые местами могли быть моими МЦ)¹

1. С.Я. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<Конец сентября — начало октября 1939 г., Болшево>

Дорогая моя Лиля,

Все у нас идет своим чередом¹. Перегородка еще не поставлена, п<отому> что нет до сих пор материала (9 листов фанеры!), но нужно думать на этих днях появится.

Радостная новость — Мурины рисунки произвели в школе фурор.

Кот² ворвался, чтобы бежать на станцию. Обнимаю.

2. ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ — Л.П. БЕРИИ¹

<Зима 1939—1940 г.>

Москва

В 1911 г. я знакомл<юсь> с Серг<еем> Э<фроном>. Нам 17 и 18 лет. Он туберкулезный (16 л<ет> перв<ый> туберк<улезный> процесс). Убит трагич<еской> гиб<елью> [обожаем.]^{*} матери и брата. Серьезен не по летам. Я тут же решаю *никогда, что бы ни было*, с ним не расстав<аться> и в янв<аре> 1912 г. выхожу за него замуж.

^{*} Здесь и далее в квадратных скобках обозначен текст, вычеркнутый Цветаевой.

Г. Эфрон. L'attaque du vieux diable (Атака старого дьявола)

1939. Бумага, тушь

(Выходит длинно, буду давать гл<авные> этапы). В 1913 г. С<ергей> Э<фрон> поступ<ает> в Моск<овский> унив<ерситет>, филол<огический> фак<ультет>. [В 1914 г. идет бр<атом> милосердия на [п.] фронт и [одновремен<енно> играет у Таирова, в Камерн<ом> театре.] В [1917 г.] Окт<ябре> 1917 г. он, только что окончив Петерб<ерг>оф<скую> Шк<олу> Прапорщ<иков>, сражается в рядах <нрзбр.> и [в] тут же едет в Новочерк<асск>, куда приез<жает> одним из перв<ых> 200 оф<ицеров>. За все добров<ольчество> (1917 г. — 1920 г.) — непрер<ывно> в строю, *никогда* в Шт<абе>. Дважды ранен: в плечо и в колено.

Все это, думаю, известн<о> из его предыд<ущей> анкеты, а вот что м<ожет> б<ыть> *не* известно: он не только не расстр<елял> ни одного пленного, а спасал от расстр<ела> всех кого мог — [и над ним за его «прекраснодушие» даже смеялись] забирал в свою пул<еметную> команду — [«и они у меня пост<оянно> сбегали»] Повор<отным> пунктом в его убежд<ениях> была казнь комисс<ара> — у него на глазах — лицо с кот<орым> эт<от> комисс<ар> встр<етил> смерть — В эту минуту я понял, что [мы дел<аем> нехорошее дело] наше дело — ненародное дело.

Но каким образ<ом> сын народов<олки> Л<изы> Д<урново> оказыв<ается> в рядах бел<ой> ар<мии>, а не красной? С. Я. Э. это считал в св<оей> жизни — роковой ошибкой. — Я же прибавлю, что так ошибся не только он, совс<ем> молодой тогда человек, но многие и многие, [дважды его старшие] соверш<енно> сложившиеся люди. В Добров<ольчестве> он видел спасение России и правду, когда он в эт<ом> разуверился — он из него ушел, весь, целиком, — и никогда уже не оглянулся в ту сторону.

По оконч<ании> добровольч<ества> — голод в Галлип<оли> и в Конст<антинополе> — и в 1922 г. переезд в Чехию, в Пр<агу>, где поступ<ает> в Универ<ситет>, на [кончать] ист<орико>-фил<ологический> факульт<ет>, [археол<огическое> отд<еление>, в семинар к миров<ому> светилу русскому археологу Кондакову.]

Я не знаю, в чем обвиняют моего мужа, но знаю, что ни на какое пред<ательство>, двурушничество и вероломство он неспособен. Я знаю его: 1911—1939 г — без малого 30 лет, но то, что знаю о нем, знала уже с перв<ого> дня что это чело<век> велич<айшей> чистоты, жертвенности и ответственности. То же о нем скажут друзья и враги. Даже в эмигр<ации> никто его не обвинял в подкупности, и коммунизм его объясняли — «слепым энтузиазмом».

3. Г.С. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

20 января 1940 <Голицыно>

Милая Лиля!

Это пишет Мур — у меня к Вам большая просьба — достаньте мне пожалуйста через Журавлева¹ билет в МХАТ — мне бы хотелось посмотреть или «На дне» или «Любовь Яровая», и позвоните мне пожалуйста в Голицыно (от 6 до 7 1/2 час. вечера) тел. 0—0 дом писателей — когда мне приезжать — если меня бы случайно не было — попросите передать. Я поступаю в школу 24го и хотелось чтобы это было до. У нас пока все хорошо — мама усиленно работает² и шлет сердечный привет Вам, и Зине — я тоже.

Мур

4. М.И. ЦВЕТАЕВА — В.Я. ЭФРОН

<В Москву>

<1 февраля 1940 г.>
Голицыно

Милая Вера!

Очень большая просьба. Мне предлагают издать книгу избранных стихов. Предложение вполне серьезное, человек с весом. Но — дело *срочное*, поэтому ч<то> срок договоров на 1940 г. — ограниченный. Хочу составить одну книгу из двух — *Ремесла* и *После России*. Последняя у меня на днях будет, но Ремесла нет ни у кого. — Ремесло, Берлин, Издательство Геликон, 1922 г.

Эта книга есть в Ленинской библиотеке, ее нужно было бы получить на руки¹ чтобы я могла ее переписать, т.е. ту часть ее, к<о>торая мне понадобится. А м<ожет> б<ыть> у кого-нибудь из Ваших знакомых — есть?

Главное — что меня очень торопят.

Целую Вас, привет Коту².

МЦ

Ремесло в Ленинской библиотеке — есть наверное, мне *все* говорят.

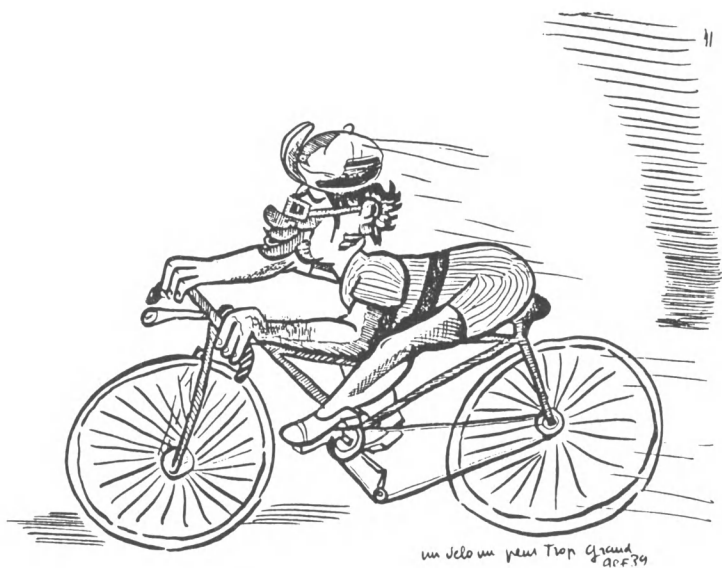
— Нынче (1ое февраля) Муру 15 лет.

dance
get 39

Г. Эфрон. Dance (Танец)

1939. Бумага, тушь

Г. Эфрон. Un velo un peu trop grand
(Немного великоватый велосипед)

1939. Бумага, тушь

5. Г.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Голицыно>

<Февраль—март 1940 г.>

Маман!

Я пошел гулять с Зелинским¹ и Султаниазовым².
 Приду когда нужно (не поздно)
 Фррррр...рр

Мур

6. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

Голицыно, 9го/22го марта 1940 г., весна

Дорогая Лиля,

Все сделаю, чтобы захватить к Вам 27го после Кузнецкого¹, т.е. во втором часу, чтобы самолично передать Вам чудный подарок. Поэтому — никуда не уходите (буду между часом и двумя) и твердо ждите — меня и подарка.

(Я знаю, что Вы будете терзаться любопытством, но — уверяю Вас — сто́ит!)

Мур (тьфу, тьфу) выздоровел, но всё время дрожу за него: в школе выбиты окна, уборная — на улице, а пальто не выдается до конца уроков, — словом — на Божью милость.

Итак — до скорого свидания!

Поздравляю Вас с первым днем весны

МЦ

7. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

17го мая 1940 г. <Голицыно>

Милая Лиля, сегодня я, наконец, выбралась в амбулаторию, — у меня оказалось воспаление евтихиевых труб, — прописали, пока что, капли. Живем — два инвалида. Погода холодная, нынче дождь, ни выздоровлению ни настроению не способствует. С Муриными экз<аменами> выяснится 19го, после специальной поездки зауча

Маман!

Я пошел гулять с Якимским и
Султаншаевыми.

Трудно когда курить (не курю)

оууууууу... уу

Г.С.

в Москву. Он — обнадеживает¹. Я, с переездом и болезнями, совсем забросила свою «Этери»², когусь на нее с ужасом, — мне кажется, что я уже (с евтихиевыми трубами) *строки* не смогу, а срок — 15го. В «Доме»³ все явно сходит на-нет: стали неохотно давать керосин, — вместо просимых 7 литр<ов> — 4, и то с оттяжкой. И вечерние чай кончились (Мурина свинка), так что живем совершенными отшельниками. Бедный Мур изводит меня с газетой, за к<отор>ой в очередь на станцию я его не пускаю, а в Доме ее не добьешься раньше 6 ч.

Повадился ходить вороватый уродливый кот, — неласковый и прожорливый, а тот старик — обещавший полки и забравший деньги — *не* идет, и я опять в дураках — как всегда.

До свидания — когда, не знаю. С Нюрой⁴ сочтусь — она уехала до моего возвращения, вымыв полы, столы и — деревянного льва с Сельскохозяйств<енной> выставки. Купили ли Асе⁵ юбку? Жаль, что ее не увижу. Целую Вас и З<инаиду> М<итрофановну>.

М.

<На полях:>

Завтра (5/18го мая) — 29 лет как мы с вами познакомились.

8. Г.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Лето 1940 г.>

Москва

Маманкин!

Звонил Николай Николаевич¹. Он — в «Интернац<иональной> литературе».

Я ушел за билетом на Утесова².

Фррр

Мур

9. Г.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<Лето 1940 г.>

Маманкин!

Позвонил Оболенской¹; — ее не было дома. Позвоню еще. Пока пошел в библиотеку обменивать книги.

Фррр

Мур

10. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<Из Москвы в Подмоскowie>

<Август 1940 г. >

Приятель из Знамени¹ хранить книги (4 ящика, пятый — распродаём) отказался, п<отому> ч<то> живет у родителей жены. Есть *слабая* надежда — еще на одного приятеля, но речь не о *его* жилище, — и согласятся ли родные???

Вообще, под ногами — ничего. А дни — идут. И те, кажется, возвращаются² уже 28го.

Муля³, со своей странной доверчивостью (или — беспечностью?) сыграл в нашей жизни — роковую роль.

Я больше не живу. Не пишу, не читаю. Всё время хочу что-н<и>б<удь> делать, но не знаю — что? Нынче сделала список книг для продажи, но книги старинные, на любителя — возьмет ли магазин?

Не возьмет — выставлю ящик на улицу, выставила *бы* — только не сдвинуть: тяжеленные Мизерабли, Бюффоны, Наполеоны, Христофоры Колумбы, Диккенсы, Дюма, Андерсены и всё это в пудовых, *навечных* переплетах...⁴ И это только — *пятый* ящик! (Между прочим — Document d'Art Japonais Hira T'Shé — Le Livre de 10.000 Dissins)*. —

Сказка проста: был — дом, была — жизнь, был — большой *свой* коридор, вмещавший — *всё*, а теперь — НИЧЕГО — и ВСЁ оказалось — лишнее.

Зá-город я с таким багажом *не* поеду: убьют! — и зáгород, вообще, гроб. Я *боюсь* загорода, его стеклянных террас, черных ночей, слепых домов, это — *смерть*, зачем умирать *так долго*?

Я зáгородом жила и скажу, что это — *не* жизнь.

Звонила сегодня (без всякой надежды!) по телеф<ону> А.Н. Толстому (мулины *поздние* советы!) — «уехал». Когда и куда — не говорят. До него не доберешься. Я — *не*.

Ну, вот. Я перестала убирать комнату и *еле* мбю посуду: тошнит — от всего и от *сего*! — кроме того, у меня в руке вспыхнула целая коробка спичек, — обгорели все головки — и на руке — язва, и обожжен подбородок. (Подбородок ни при чем, но я — к слову.)

* Документ японского искусства — Хира Тсе — Книга 10000 рисунков (*фр.*).

Мур распродает все свои книги и возвращается веселый. В 167^м школу его приняли, но — *откуда* он будет в нее ходить???

Мы пока еще «у себя». Жмемся. Ключи — у нас. До свидания!
Издыхаю

М

11. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<Из Москвы в Подмосковье>

24го сентября 1940 г., вторник

Милая Лиля!

Кажется (тьфу, тьфу!) — можно нас поздравить. Словом, мы завтра въезжаем (тьфу, тьфу!) на Покровский бульвар, на 6ой этаж нового дома — с лифтом (NB! очень страшным: нынче уже подымалась пешком, п<отому> ч<то> он весь сквозной и ехать надо одной), итак: с (очень страшным) лифтом, электричеством, центр<альным> отоплением, газом, газовой ванной и... холодильником!!

Комната — немножко меньше 14^м метр<ов>, длинноватая, с огромным окном на всю Москву и, в частности, на деревья бульвара. Из мебели оставляю большой шкаф (как французы называют: *casemiser**) и очень большой простой письменный стол — на обоих. С помощью Мули¹ *надеюсь* уместить сундуки, во всяком случае — два из них будут мне служить одром, а третий запираем под стол. Хозяин — полярник, уезжает на 2 года, через месяц едет и жена с младшими детьми. В квартире будут жить: старшая девочка (в 10 кл<ассе>), мы с Муром и ещё пара: муж и жена (он — инженер). И — всё. Всего три комнаты. Нашла по объявлению Литфонда: «Писательница с сыном» — и т.д. Но срока оставалось 2 дня, а денег было всего 500 р., к<ото>рые немедленно внесла в виде задатка. Теперь — слушайте: внеся эти 500, немедленно отправилась в Литфонд, где мне немедленно была — в экстр<енном> порядке — всеми членами Правления подписана годовая ссуда на 4000 руб., ибо полярник хотел за год вперед. Но так как таких денег в кассе не было, они перевели эту сумму через банк — полярнику на его текущий счет. (NB! Я ездила посмотреть комнату с членом Литфонда, и он <узнал> у полярника № его текущего счета). Словом, — *всё* в порядке, чек на четыре полярниковых тысячи у меня в руках, тотчас должны с тем же членом Л<итфон>да ехать к нему, сижу с юристом, — про<длеваем договор> и — юриста отзывают: приехал Комитет Искусств. Я — ничего. Жду. <И в эту> самую ми-

* Декорация, скрывающая нищету (*фр.*).

нугу *Литфонд отходит Комитету Искусств*, и все сегодняшние распоряжения аннулируются, — в том числе и мои 4 тысячи. — «Если бы — на час раньше!» (все — мне) — т.е. тогда бумага бы уже *пошла*. Говорю с Фадеевым² — *ничего* не может. Все страшно за меня (и за себя!) расстроены. — Товарищ Ц<ветае>ва, Вам действительно не везет! — Я: — «Это уже только цветики! Ягодки (прошлогодние) — *позади!* (NB! тьфу, тьфу!) Словом — ухожу.

На другой день (воскресенье) еду с Нейгаузом³ (которого — обожаю) к Борису⁴ в Переделкино. Сюрприз: Б<орис> уехал в Москву. Знакомлюсь с Зинаидой Николаевной⁵, к<отор>ая проявляет предельную энергию и *полную доброту* — обходим с ней всё имущее Переделкино: она рассказывает мою историю и скорее требует, нежели просит — ссуды — мне. Я выкладываю свои гарантии: через месяц 4 тыс. авансу за книгу стихов — и кое-что можно продать из вещей — но никто не слушает, п<отому> ч<то> все верят — что отдам. Первый — сразу — не дав раскрыть рта — дает Павленко⁶: чек на тысячу. (Мы виделись с ним *раз* — 5 мин., и я сразу сказала: человек). Словом, уезжаем с двумя тыс. — и с рядом обещаний на завтра. Не сдержал обещания только один (*очень* богатый драматург), сказавший, что сам завезет на машине. (NB! я и не ждала.) Весь вчерашний день, до 10 час. *веч<ера>* добирала остальные 2 тыс. Бесконечно-трогателен был Маршак⁷. Он принес в руках — правой и левой — две отдельных пачки по 500 р. (принес Нейгаузу) с большой просьбой — если можно — взять только одну (сейчас ни у кого — ничего), если же *не* можно — увы — взять обе. (Взяла — одну, а другую (т.е. еще 500 р.) — почти насильно вырвала у одной отчаянно сопротивлявшейся писательской жены. Вообще, <было> *много* смешного). В 10¹/₂ ч. *веч<ера>*, в сопровождении бесконечно-милого Нейгауза, внесла все деньги за год вперед и получила росписку, свезла паспорт, чтобы они сами меня прописали. Завтра раз<грозим> Моск. Университет и очень вскоре Вашу комнату, за <которую> огромное спасибо и — непременно — не позже как через месяц. Нам здесь было очень хорошо и расстаемся в полной дружбе со всеми.

— Да! Комната — *на 2 года*, есть договор, но если почему-либо он вернется раньше, он имеет право выбросить нас, предупредив за месяц.

Сообщение: 15 мин. езды на А, есть еще — в 10 мин. — метро: Кировские Ворота, идти через Чистые Пруды. Мне каж<ется>, вы там жили — в Мыльниковом пер<еулке>?⁸ Место очень хорошее, хотя — чужое. Может быть привыкну.

Целую Вас и З<инаиду>М<итрофановну

Меня *одолевают*: звонками, письмами, объяснениями и выяснениями отношений жена Т<аге>ра⁹. Очень добра, но очень суетна.

Муру езды в школу не больше 15 мин. Но школа мне не очень нравится: он *всё* утро: с 9 ч. до 1 ч. готовит уроки, и почти сплошь «посредственно», напр<имер> — по истории. Начинают приставать с разными другими вещами, на к<отор>ые у него — абсолютно — ни минуты: уходит в 2 ч., возвращ<ается> в 8 1/2 ч., а всё утро — учится. Выглядит — плохо и очень нервен. Мне его бесконечно жаль. Один свет в очах Митька!¹⁰ Но — нельзя отнимать, кроме того, они ходят в <недописано>.

Наш новый адр<ес>: Покровский бульвар, д<ом> 14, IV подъезд, кв<артира> 62.

(Не забудьте, что я — Ц<ветае>ва!¹¹)

12. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН И З.М. ШИРКЕВИЧ

<В Подмосковье>

Москва, Покровский бульвар, д<ом> 14/5, кв<артира> 62
30 сентября 1940 г., понедельник

Милые Лиля и Зинаида Митрофановна,

Во-первых — безумно извиняюсь перед Зинаидой Митрофановной за свинскую, — свиарскую — комнату. Но мне свидетель бабушка Аванесова¹ (очаровательная): я вчера явилась с самыми добрыми комнатными намерениями и... оказалось: комната чиста и пуста (NB! чистота и есть пустота, напр<имер> — чистота железнодорожной линии, бального зала, того света...) Я — от этого вида пришла в ужас, ибо сразу увидела — то, что, входя, увидела З<инаида> М<итрофановна>.

Но, честное слово, я раньше *не могла* убрать: забегала и добирала.

О наших делах: нас (тьфу, тьфу!) прописали, и нынче (последний день месяца) иду — несу². Как всегда — с утра, верней со вчерашнего вечера, и наверное ещё раньше — умираю от страха. Сту- чись — глухо.

Второе: вчера мне звонил Мурин воспитатель и имел со мною длительную и насильственную беседу относительно математики — наследственности — и материнского долга. Были такие перлы, как (дословно): — Тот кто не понимает математики в размере 10-ти годичного курса — *идиот*. Я: — Спасибо. Утверждал, что наследственности *нет*. — Всё это из-за Муринога «плохо» по алгебре. («Он же

давал соц-обязательство!») Настаивал на необходимости материнского контроля. Я: — Он — взрослый человек. Кроме того, я *не знаю* алгебры... (отсюда и тема наследственности). Тон был *весьма* развязный.

Итог: Мур переходит в местную школу, что, кстати, мне все вокруг давно советовали. Отсюда до школы было около часа ходьбы и езды — в сквозных трамваях, вися, и т.д. Но Мур не хотел переходить, и я не очень настаивала, хотя знала, что всё это кончится простудой. Разговор с кл<ассным> руководителем решил дело. Мур ежедневно учится (дома) с 9 ч. до 1 ч., иногда и до половины второго, эту самую алгебру решает по два часа, не разгибая спины, я была возмущена несправедливостью. Нынче выяснится (в районе) — в какую школу он поступит, здесь их — полно. Будет выходить за четверть часа, по крайней мере будет спокойно завтракать, а то — давился.

Более или менее устроились. Я *всю* загруженную комнату разобрала одна, своими руками, работала с утра до половины девятого вечера, подымая на себя (колени, плечо, все острия) шкафы и сундуки.

Сплю на двух самых больших сундуках и корзине, поставив их не вдоль, а поперек, получилось полуторное ложе, только очень жёсткое — ничего. Поставила один на другой кухонные столики, получился — буфет. Необходимы — до зарезу — книжные полки, ибо все четыре книжн<ых> ящика, пока, друг на друге, и входящего (NB! никто еще не входил) охватывает... «тоска дорожная, железная» (блоковские строки, к<отор>ые чувствую своими)³.

... Окно во всю стену, вид на весь город, небо, из окна можно на балкон, на балконе высокие зеленые цветы, внизу — деревья бульвара. Лавок много, но я еще не прижилась. Я бесконечно-больше люблю Никитскую, но *знаю*, что — объективно — такое устройство — лучшее. Хозяйка (уедет через месяц) очень мила и проста, совсем не мелочна. У нее веселая деревенская домработница. Жилища (NB! какое *грустное* слово!) служит, почти совсем не готовит, пожилая, тихая. Муж (инженер) приходит совсем поздно.

Телефо<он> пока 1) не работает, т.е. сюда — звонит, отсюда — нет, 2) до 1го находится в комнате квартирантов, потом будет перенесен в коридор.

Ну вот и все наши новости. После посещения напишу открытку.

Еще раз, всячески и очень сердечно извиняюсь перед З<инаидой> М<итрофановной> за свинство (невольное, но достоверное). Забыла: все эти дни, кроме устройства, добывала справку из из<дательст>ва для прописки.

Да! наша воровка — под замком, но денег (750 р.) не вернула и навряд ли их вернет. На суде выяснилось, что мы — единственные, к<отор>ым она *не* вернула денег (кредиторов, т.е. обманутых был полный зал.) Этим мы обязаны Муле, его *вляости*, а м<ожет> б<ыть> — отчасти — и моему фатализму. Но Муля на ней сам потерял 250 р. (NB! *наших*)

(Оказыв<ается>, она была профессионалка: с 1930 г. «сдавала» всей Москве всё те же комнаты, но *никто*, кроме нас, не дал ей сразу столько.)

Ну, кончаю, иду за продовольствием. Сейчас *всё* есть, даже рис. Не продаются ли у вас подешевле сушеные грибы? Здесь, т.е. на Арб<атском> рынке приличная связка — 12 р., неприличная — 7 р.

Когда — в Мерзляковский?

Целую обоих, ждите открытки. У меня опять ужасный кашель.

М.

13. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Подмосковье>

Москва, Покровский бульвар,
д<ом> 14/5, 4ый подъезд, кв<артира> 62
3^{ье} Октября 1940 г.

Милая Лиля,

Спешу Вас известить: С<ережа> на прежнем месте. Я сегодня сидела в приемной полумертвая, п<отому> ч<то> 30^ю мне в окне сказали, что он на передаче не числится (в прошлые разы говорили, что много денег, но этот раз — определенно: не числится). Я тогда же пошла в вопросы и ответы и запросила на обороте анкеты: состояние здоровья, местопребывание. Назначили на сегодня. Сотрудник меня узнал и сразу назвал, хотя не виделись мы месяца четыре, — и сильно успокоил: у нас хорошие врачи и в случае нужды будет оказана срочная помощь! У меня так стучали зубы, что я никак не могла попасть на «спасибо». («Вы напрасно, напрасно так волнуетесь» — вообще, у меня впечатление, что С<ережу> — знают, а по нему — и меня. В приемной дивятся долготы его московского пребывания.)

Да, а 10^ю — годовщина, и день рождения, и еще годовщина трехлетие отъезда¹. Але я на *ее* годовщину (27^ю)² носила передачу, С<ереже>, наверное, не удастся...

Мур перешел в местную школу, по соседству, № 8 по Покров-
 <скому> бульв<ару> (бывшую ж<енскую> гимназию Виноградовой)³. Там — проще. И — так — проще, может выходить за четверть часа, а то — давился едой, боясь опоздать. А — кошмарный трамвай: хожу пешком или езжу на ме<тро> (Кировские ворота в 10 мин.) Немножко привыкла. Хорошие места, но — не мои. На лифте больше не езжу, в последний раз меня дико перепугал женский голос (лифтерша сидит где-то в подземелье и говорит в микрофон): — Как идет лифт? Я, дрожащим (как лифт) голосом: — Да ничего. Кажется — неважно. — Может и не доедете: тяга совсем слабая, в пятом — остановился. Я: — «Да не пугайте, не пугайте, ради Бога, я и так умираю от страха!»

«И с той поры — к Демьяну ни ногой»⁴.

Честное слово: так бояться для сердца куда хуже, чем все шесть этажей.

С деньгами — плоховато: всё ушло на кв<артиру> и переезд, а в Интер<национальной> Лит<ературе>, где в ближайшей книге должны были пойти мои переводы немец<ких> песен — полная перемена программы, пойдет совсем другое, так что на скорый гонорар надеяться нечего⁵. Хоть бы Муля выручил те (воровкины) 750 руб.

Заказала книжную полку и кухонную (NB! чем буду платить??) Столяр — друг Тагеров, чудный старик, мы с ним сразу подружились. Когда уберутся ящики, комната будет — посылно — приличная.

Очень радуюсь Вашему и З<инаиды> М<итрофановны> возвращению. Как наверное дико-тоскливо по вечерам и ночам в деревне! Я, никогда не любившая города, сейчас для себя не-города не мыслю. О черных ночах Голицына вспоминаю с содроганием. Все эти стеклянные террасы...

Замок повешу завтра, нынче не успела. Куплю новый, с двумя ключами: тот тоже есть, но куда-то завалился. Ничего — будет два. Целую обеих, будьте здоровы

М.

14. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

5го февраля 1941 г. <Москва>

Дорогая Аля! У нас есть для тебя черное зимнее пальто на двойной шерстяной вате, серые валенки с калошами, моржевые полуботин-

ки — непромокаемые, всё это — совершенно новое, пиши скорей, что еще нужно — срочно. О твоём отъезде я узнала 27го января, и всё эти дни выясняла твой точный адрес, надеюсь, что этот — достаточно точный. — 1го Муру исполнилось 16 лет. Весь прошлый год он болел (воспаление легких, бесчисленные гриппы), и уже с прошлой весны стал худым как стебель. Он очень слаб, от всего устает.

В начале прошлой зимы мы переехали в другой за-город¹, снимали комнату, а кормились в Писат<ельском> доме отдыха. Мур ходил в местную школу. Летом жили в Москве, осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года. Наш адр<ес>: Покровский бульв<ар>, д<ом> 14/5, кв<артира> 62. Я непрерывно переводила и перевожу — всех: грузин, немцев, поляков (Мицкевича), сейчас — белорусских евреев. На жизнь — зарабатываю. Моя книга стихов включена в план Гослитиздата на 1941 г.² Мур учится в 8 кл<ассе>, очень старателен, но точные науки даются с трудом, и он почти не гуляет. В школе его (тьфу, тьфу!) любят — всё, во всех школах, п<отому> ч<то> эта — уже четвертая. Всё книги, рукописи и вещи получила, комната очень заставлена³. Теперь жду вести от тебя, я, когда носила деньги, всегда писала адр<ес> и телеф<он>, надеясь на свидание. Надеюсь, что серый воротник греет, узнала ли синюю юбку? А красная фуфайка — п<отому> ч<то> оказалась теплее всех⁴. Муля нам неизменно-предан и во всем помогает, это золотое сердце. Собирается к тебе, сам все привезет. Пиши насчет летнего. Вообще, ты пиши — о себе, а мы будем писать — о себе. Вопросов, экономя место, не ставлю, но ответов жду: климат, условия, здоровье. Будь здорова, целую тебя, если бы не Мур (хворый) я бы сейчас собралась, но твердо надеюсь, что как-н<и>б<удь> осуществлю это позже. Обнимаю тебя.

Мама

15. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, Покровский бульв., д<ом> 14/5, кв<артира> 62
10го марта 1941 г., понед<ельник>

Дорогая Аля! Наконец-то письмо от тебя (Муле), с точным адр<есом>. Из двух твоих открыток, еще московских, я не получила ни одной, — горькая случайность. 27го января, когда я подошла к окошечку с передачей, мне сказали, что ты выбыла и дали адрес, но только — общий, тогда я запросила на Кузнецком, и мне через три дня дали приблизительно тот же адр<ес>, только уже не Котлас,

а Княжий Погост, туда мы с Мулей тебе много писали и телеграфировали, но очевидно не дошло.— Ну, всё хорошо.— О нас: из Болшева мы ушли 10го ноября, месяц жили у Лили, на твоём пепелище, потом Литфонд нас с Муром устроил в Голицыне Белорусск<ой> дор<оги>, снял нам комнату, а столовались мы в Писат<ельском> Доме отдыха. Я сразу стала переводить Вазу Пшавелу — много поэм, на это ушла вся зима. Летом мы жили в Университете, в комнате уехавшего на дачу проф<ессора>. Осенью с помощью Литфонда нашли комнату на 2 года, на 7 эт<аж>, откуда тебе и пишу. Непрерывно перевожу — всех: франц<уз>, немцев, поляков, болгар, чехов, а сейчас — белорусских евреев, целую книгу¹. Один мой перевод (болг<арской> поэтессы) уже читали по радио², а Журавлев³ собирает<ся> читать только что вышедшего в Дружбе Народов (пришло) моего грузинского Барса⁴. Есть друзья, немного, но преданные. Мур учится в 8ом кл<ассе> соседней школы. Ты бы его не узнала: он совершенно-худой и прозрачный, в Голицыне у него было воспаление легких, после него он стал неузнаваем, да и летом никуда не уезжали. Кошки погибли⁵, Муля расскажет. Сегодня несу папе передачу. У нас есть для тебя: новое черное очень теплое (шерст<яная> вата) пальто, мерили на меня, шил портной, серые фетр<овые> валенки с калошами, шапка с ушами, чудесные морж<евые> полуботинки — без сносу, вечные, на к<отор>ые я наконец нашла ботики, и т.д. Пиши что тебе нужнее всего. Узнала ли синюю юбку, туфли, роз<овое> белье, т.е. поняла ли, что багаж получили? Получили — всё, и всё рукописи, летом 1940 г. Жду письма. Муля деятельно собирается к тебе⁶, тогда всё получишь.

<На полях:>

Обнимаю тебя, будь здорова, пиши подробно, м<ожет> б<ыть> до Мули устроим посылку. Мама.

<Приписка фиолетовыми чернилами:>

Передачу взяли опускаю там же

16. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

10 марта 1941 <Москва>

Милая Аля!

Муля получил твоё письмо и недавно читал его нам. Мне очень понравился бодрый тон твоего письма и то, что ты даже ходишь

в кино. Теперь спешу писать о себе — потому что знаю, как тебе всё интересно. В прошлом году — весной — я болел воспалением легкого, краснухой, гриппом, свинкой и простудой. В 8^м кл<асс> перешел без испытаний — по болезни. В этом учебном году учился уже в 2^х школах — всё переезжали с места на место. Теперь живем на Покровском бульваре, в 15 минутах ходьбы до метро «Кировская». Учусь поблизости — в переулке. В школе ко мне относятся очень хорошо — я играю видную роль в классе. Имею успех у местных кокеток и с успехом острою. Состою членом МОПР'а¹. Уж добрый год, как бросил рисовать (со средней художеств<енной> школой ничего не вышло, да и тяги к живописи нет). Я окончательно охладел к призванию художника, и никогда не вернусь назад. Составляю себе библиотеку. Теперь стал знатоком Маяковского и Багрицкого². Усиленно занимаюсь изучением истории литературы и критики. Жадно читаю исследования о поэтике Маяковского. Вообще предполагаю быть критиком — думаю после школы и армии пойти в ИФЛИ³. Все знакомые, как и мои, так и мамыны, говорят, что я буду критиком. В театры не хожу, а зато сделался специалистом по симфонической и фортепианной музыке. Не пропускаю ни одного концерта. Очень люблю симфонию Чайковского⁴. Отлично имею по литературе, русскому, черчению, истории и французскому яз<ыку>. Читаю историю дипломатии, Щедрина⁵, последние стихи Кирсанова⁶, изучаю Маяковского. Целую крепко.

Мур

17. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, Покровский бульв<ар>, д<ом> 14/5, кв<ртира> 62 (IV подъезд)

Дорогая Аля, наконец-то письмецо от тебя, — в письме к Муле — шло всего 4 дня. А эта открытка — третья по твоему точному адр<есу>, раньше мы писали на Княжий Погост. Повторю вкратце: из Болшева мы ушли 8^м ноября — совсем, — было холодно и страшно — месяц жили у Лили на твоём пепелище, на и под твоим зел<еным> одеялом (Мур спал на твоём сундуке), а днем гуляли, без всякого удовольствия, по Москве, п<отому> ч<то> Лили давала уроки. 16^м дек<абря> переехали в Голицыно Белор<усской> дор<оги>, в комнату, к<отор>ую нам снял Литфонд (столовал<ись> в Доме Писателей). Мур поступил в местную школу, но всю зиму проболел:

краснуха, свинка, всяческие простуды и, наконец, воспаление легких <...> полный успех, лестные отзывы по радио. Вещи и рукописи получила *всё*. Прошлым летом. Ты наверное поняла по вещам, переданным. Мы с Мулей давно копили тебе приданое: есть черное новое ватное пальто (шерст<яная> вата), шил портной, — серые фетр<овые> валенки с калошами, мои новые моржевые полуботинки, эlegantные и вечные, с ботиками, завтра пойду хлоп<отать> об открытии твоего сундука (у Лили) ¹, тогда достанем всё по списку, остальное докупим. Муля деятельно собирается, копит продовольствие и т.д. и только о поездке и думает. Я на каждом листке передачи писала кроме адреса свой *телеф<он>*, рассчитывая на свидание, давала его всюду, где могла. — Твои моск<овские> открытки пропали, и ни одна из теперешних до Лили не дошла. Дошли 2 письма к Муле. Папе передачу 10го — приняли, и это всё, что я о нем знаю с 10го Октября 1939 г.² Будь здорова, деньги высланы давно, жди Мулю, он всё делает и сделает. У нас над радио — карта. Мур сразу тебя нашёл. Он тебе писал уже дважды. Он сейчас в 8 кл<ассе>, еще 2 года — и армия... Ну, обнимаю, желаю, буду писать часто.

<На полях:>

Кошки погибли, Муля расскажет. Погибли — последними.

Мама. 16го марта 1941 г.

18. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, Покровский буль<вар>, д<ом> 14/5, кв<артира> 62 (4 подъезд)
18го марта 1941 г.

Моя дорогая Аля! Это — пятая открытка, с двумя Муриными — седьмая, по твоему точному адр<есу>, сообщ<енному> тобою Муле. Он получил два тв<оих> письма, в последнем — письмецо ко мне, и шло оно всего четыре дня. Всё будет, и всё будет — хорошее, и всё хорошее — будет. О тв<оём> отъезде узнала 27го янв<аря>, когда принесла передачу, сначала писали на Котлас, потом (справилась на Кузнецком) на Княжий Погост, Муля отправил ряд телегр<амм> и даже одну — начальнику лагеря — и, наконец, твой адрес — твоей рукой! Будем радоваться. Худшее — позади. О вещах: на днях (уже приходили, но не застали) будет распечатан у Лили твой бедный рыжий сундук, на к<отор>ом позапрошлой осенью месяц жил и спал Мур, и вещи будут сданы — мне. Всё, по твоему списку, достанем,

остальное докупим, многое уже есть: новое черное пальто на шерст<яной> вате — здоровенное —, мерили на меня, шил портной, серые фетровые валенки с калошами — мой первый тебе подарок, еще осенью 1939 г., мои Паризьен моржев<ые> желт<ые> полуботинки с ботиками, элегантные и непроноские, черное шерст<яное> платье (подарок Мули), словом — много, много чего, и всё — новое. Мы для тебя собираем уже 1½ года. О нас: 8го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева — навсегда, месяц жили у Лили, на твоём пепелище, зимовали, с деятельной помощью Литфонда, в Голицыне, Белорусск<ой> дороги (столовались в Писат<ельском> Доме), летом жили в Универс<итете>, и осенью совместно с Литф<ондом>, наконец, после беск<онечных> мытарств, нашли эту комн<ату> — на 2 года (газ, электр<ичество>, телефон, 7 эт<аж>, даже кусок балкона! Но попадать на него — из окна), — где тебе и пишу. Тебе пишут Лили, Зина и Нина¹. С Ниной у нас наст<оящая> дружба, золотое сердце, цельный и полный человек. Мур оказался очень хрупким, это его 4ая школа, всю прошлую зиму в Голиц<ыне> проболел — свинка, краснуха, непрер<ывные> гриппы, воспаление легких, после к<оторо>го так окончат<ельно> и не оправился. Худой и прозрачный, слабый. Папе передачу 10го приняли, знач<ит> (тьфу —) — жив. Ничего не знаю о нем с 10го Окт<ября> 1939 г.

<На полях:>

Обе тв<ои> москов<ские> откр<ытки> пропали — горькая случайность.

Кошки погибли. Муля расскажет. Перевожу — всех. Хвалят — даже по радио. Багаж получила. Обнимаю.

Мама

19. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, Покровский буль<вар>, д<ом> 14/5, кв<артира> 62 (4 подъезд)
22го марта 1941 г., день весеннего равноденствия

Дорогая Аля! В день весеннего равноденствия пытаюсь написать тебе первое письмо, — открыток по точному адр<есу> было шесть, с Муриными двумя — восемь, а до этого писала на Княжий Погост, но это не в счет. Во всех открытках писала тебе то же самое, а именно:

Твоих двух московских открыток на Лилю не получила — горькая случайность. Первый звук от тебя — письмецо в письме к Муле,

к<отор>ый от тебя, пока, получил 2 письма. Он тебе много писал и несколько раз телеграфировал. На каждом листке с передачей я писала свой адр<ес> и *телефон* — на всякий случай. Ну, не послужило. О нас с Муром: 8го ноября 1939 г. мы ушли из Болшева — навсегда. Месяц жили у Лили, на твоём пепелище, я — на твоём зеленом одеяле, Мур — на твоём бедном рыжем сундуке (где, кстати, всё цело: моль ничего не сожрала, и на днях этот сундук будет передан мне на хранение, уже приходили к Лиле, но не застали ни ее ни Зины). Нам очень сердечно помогал Литфонд, благодаря к<отор>ому мы смогли снять комнату при Доме Писателей в Голицыне Белорусской дор<оги>. Столовались в доме, и первые 2 месяца нам всё оплачивалось. Я сразу принялась за переводы, Мур пошел в очередную школу, где его тоже всё сразу полюбили. Мура ты не узнала бы: он худой, прозрачный, руки как стебли (или как плети, очень слаб), всё говорят о его хрупкости. В Голицыне он болел: непрерывными гриппами, свинкой и краснухой, после к<отор>ой схватил воспаление легких (зима была лютая). Перевели его в 8ой класс без экзаменов — и по болезни и по успехам. Лето мы прожили в Москве, в Университете, искали комнату, — все с той же помощью Литфонда, и наконец — после бесконечных мытарств, лачуг, задворков, ненормальных хозяев — (неописуемо!) — нашли — ту самую где тебе и пишу: 12 1/2 метр<ов>, 7ой эт<аж>, лифт, газ, электр<ичество> и даже свой кусок балкона (но вылезать нужно из окна п<отому> ч<то> дверь — у соседей) — на 2 года, с договором, безумно дорогую, но, пока, выручили писатели: мне такая сумма и во сне не снилась.

Мур учится в 4ой счетом школе (3^{ья} была на Тверской, образцовая) — в 8ом кл<ассе>. Блестящ по всем гуманитарн<ым> наукам, по литер<атуре> — сплошное отлично, лучше всех в классе знает язык, читает доклады с собственными мнениями и т.д., отлично и по черчению, все остальное — посылно, но так как *очень* старается (одну задачу из пяти делает по полтора, а то по два часа), то совсем не дышит: с утра до 3 ч. — школа, с 3 ч. до 9 ч. — уроки. Совсем зачах. Внутри он все такой же суровый и одинокий и — достойный: ни одной жалобы — ни на что. Ко мне он привык — как кот.

Мне его бесконечно-жаль, и я так мало для него могу, разве что — пирожное. — Или очередной книжный подарок, напр<имер> — Историю Дипломатии или сборник статей Кирпотина¹. Из поэтов любит Маяковского, Асеева² и Багрицкого, собирает их в самых разнообразных изданиях.

Мои переводы: груз<инский> поэт Важа Пшавела: Гоготур и Аппина, Раненый Барс (напечатан в Дружбе Народов) и Этери, все вместе — 3.000 строк (рифмованных!)

Потом — всё: немецкий фольклор, совр<ременные> болгары (их, хваля, читали по радио), французы, немец Бехер³ (с немец<ого> на франц<узский>), — поляки, ляхи (это — отдельный народ, разновидность чехов) а сейчас — целый том белорусских евреев. Да, — англичан позабыла: Баллады о Робин-Гуде. Работаю в Интернац<иональной> Литературе и в Гослитиздате — сектор Дружба Народов. Отношение ко мне самое сердечное и почтительное, а некоторые — просто любят. Моя книжка стихов включена в план Гослитиздата, но не знаю что получится, сейчас очень сокращают, а это ведь — чисто-лирическая книга...

Живу — так: с утра пишу (перевожу) и готовлю: к моему счастью я по утрам совсем одна, в 3 ч. приходит Мур, — обедаем, потом либо иду в Гослитиздат, либо по каким-н<и>б<удь> другим делам, к 5 ч. — 6 ч. — опять пишу, потом — ужин. В театре и концертах не бываю никогда — не тянет. Мур ложится рано, у нас никто не бывает. Летом 1940 г. — т.е. прошлым — я получила весь багаж, и всё рукописи, и всё книги — и тоже ни моль, ни мыши ничего не тронули, всё было в полной сохранности. Только дорого взяли за хранение: больше тысячи, — сто рубл<ей> помесечно. Т.е. — не дорого, но мне-то — дорого. Всё тебе присланное — оттуда. Да, важная вещь: у нас с Мулей для тебя: новое черное пальто на шерст<яной> вате, шил портной, мерили на меня, ловкое и очень теплое и не тяжелое, серые фетр<овые> валенки с калошами, мои моржевые полуботинки Паризьен, желтые, — элегантные и непроносные, и к ним — ботики, кроме того — у Мули — всякие отрезки, косынки, то, что уже сам покупал. По присланному списку получишь — всё, у меня многое имеется, чего нет — докупим. Но ты ничего не пишешь про одеяло. У меня есть — на выбор: мое вязаное (очень разноцветное), теплое и не тяжелое — и: синяя испанская шаль с бахромой, к<отор>ая тем хороша, что и шаль и одеяло. *Непременно ответь.* Устройся — довезем и второе. Муля только тобой и жив, после писем повеселел, подписал договор на большую работу, деятельно собирается к тебе. Он был нам неустанным и неизменным помощником — с самой минуты твоего увода. Папе 10^м передачу принесли, ничего не знаю о нем с 10^м Октября 1939 г. Тебе пишут Лиля и Нина. Вчера мы у нее были на дне-рождения, я подарила ей старинную оловянную чашечку — кофейную, ты их наверное помнишь,

и пили вино — за твоё здоровье и возвращение, она вспоминала как вместе с тобой проводила этот день. Она очень худая и всё время болеет, но молодец и — настоящий человек.

Есть друзья, немного, но преданные, но вижушь редко — всё безумно-заняты — да и негде. К быту я привыкла, одна хожу и езжу — Аля, даже на А! Едим хорошо, в Москве абсолютно всё есть, но наша семья — котлетная, и если день не было котлет (московских, полтинник — штука), Мур ворчит, что я кормлю его гадостями. По-прежнему вылавливает из супа зеленавка — я осенью зелени (моркови, сельд<ерея>, петрушки-персиля) засушила на целый год. М<ожет> б<ыть> тебе нужна — сухая зелень? Можно морковь разводить в кипятке, если негде варить. Ответ: 1) одеяло или шаль 2) нужна ли моя сушка.

Муру 1го февр<алья> исполнилось 16 лет, второй месяц добывает паспорт — сам. Был уже в четырех учреждениях, и у д<окто>ра — установить возраст. Всё в порядке, обещали вызвать. Мур — удивительно ответственный человек, вообще он — совсем взрослый, если не считать вязаных лоскутьев, с к<оторы>ми спит и к<отор>ые я по-прежнему должна разыскивать. Муля везет тебе целую гору продовольствия, напиши в точности — что нужней? Чеснок у меня есть, но м<ожет> б<ыть> ты его не ешь? — Свежий. — Да, тебе нужны миски или тазики? Муля собирается везти медный, а я — сомневаюсь. Ответ!

Прилагаю конверт с листочком. Деньги тебе высланы давным-давно, сразу после твоего перв<ого> письма Муле.

У нас очень холодно, была весна и прошла, вчера, возвращаясь от Нины, мы с Муром совсем околели, мороз сбрасывал голову. О вещах не беспокойся: всё получишь, и для тебя и для товаров, — у меня свой список, у Мули — свой. Целую тебя, желаю, бодрись и держись.

Мама

<На полях:>

Твое второе письмо к Муле (с моим) пришло на пятый день.

20. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

24 марта 1941 <Москва>

Милая Аля!

Надеюсь, что ты получила мои первые две открытки. У меня начались весенние семидневные каникулы. Я в них много читаю,

хожу по городу. Всё стараюсь достать побольше критической литературы. В этой четверти, как и в двух предыдущих у меня две посредств<енных> отметки — на этот раз по физике и географии. Что буду делать летом — не знаю. Вряд ли куда-нибудь уедем. Возможно, буду ездить к Лиле на дачу, или что-нибудь в этом роде. Теперь осталась одна четверть — самая трудная и ответственная. Не переносу физики — и она меня тоже не долюбливает. Верно, скучное письмо? Но ничего интересного со мной не происходит, так что почти не о чем писать. Но хорошо, что приближается лето — как-то радостнее будет, да и погода приятнее. Живу жизнью довольно бесцветной, но всё хорошее еще впереди. И все-таки приятно, что приближается лето — всё же может будет веселее, чем зимой. Всем сердцем с тобой и целую крепко.

Твой брат Мур

21. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

29 марта 1941 г.

Москва, Покровский буль<вар>, д<ом> 14/5, кв<вартира> 62, 4^{мнй} подъезд.

Дорогая Аля! Я делаю что могу — опускаю на Гл<авном> Моск<овском> Почтамте. Эта открытка — восьмая по точн<ому> адресу, данному тобой Муле; 21ое (в день весеннего равноденствия) отправила тебе большое письмо, и было еще три открытки от Кота. А до этого — ряд открыток на Княжий Погост: адр<ес>, к<отор>ый мне дали на Кузнецком. (В Бутырках мне дали адр<ес>: Котлас).

Муля скоро приедет. Всё привезет. Получил от тебя 2 письма и вчера еще одно, где пишешь, что работаешь в Клубе. Всё привезет по списку. Кроме — есть: новая черная шуба на шерст<яной> вате, серые фетр<овые> валенки с калошами, мои моржьевые полуботинки «Паризьен» с ботиками, элегантные и вечные, всякие отрезы и косынки, мы собирали всю прошлую зиму — по эту. Я от тебя ничего не получала, те московск<ие> откр<ытки>, по горькой случайности, не дошли, а я даже телефон давала, каждый раз, на всякий случай. Лиля тоже ничего не получала. О нас: папе передачу приняли третьего дня, 27ое марта, значит — пока жив. Я ничего не знаю о нем с 10ое Окт<ября> 1939 г. Мур учится в 8ом кл<ассе>. Из Болшева мы ушли 8ое ноября 1939 г., месяц ютились у Лили, зимовали в Голицыне, возле Пис<ательского> Дома, Мур болел всеми болез-

нями, вплоть до восп<аления> легких, ты его не узнаешь: свеча! Летом жили в Москве, в Университете, осенью с помощью Литфонда нашли эту комн<ату> — на 2 года, за безумную цену (5.000 в год!). Я — непрерывно перевожу — всех: франц<узов>, немц<ев>, грузин, болгар, чехов, поляков, а сейчас — белорусских евреев. Меня часто читают по радио. Есть друзья, — не много, но преданные.

Прости, что пишу всё то же самое. Сегодня иду на Кузнец<кий>, чтобы скорее распечатали твой сундук (приходили, но Лили не было дома). Муля очень деятельно собирается, подпис<ал> договор. Его дела — хороши. Будь здорова, пиши и сюда и на Лилю. Всё будет, и всё будет — хорошее, и всё хорошее — будет. Я к тебе тоже собираюсь, но позже, сейчас не могу из-за хвораго и беспомощно-го Мура. Целую. Авось дойдет! *Мама*

<На полях:>

Деньги высланы очень давно, надеюсь, что уже получила.

22. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

*Москва, Покровский буль<вар>, д<ом> 14/5, кв<артира> 62 (4 т<мй> подъезд) — или пиши на Лилю — или на Мулю.
8 апреля 1941 г.*

Дорогая Аля! Муля получил 4 твоих письма, я — одно, давно, в письме к нему. Тебе уже написали Лилия и Нина. Знаю из последнего письма к Муле, что ты получ<ила> мою *первую* открытку — от 3го февр<аля>.

Аля! Сундук твой свободен, вчера получила на него документ, — сама сниму печать. Бедная Лилия как она за него (нее) боялась! ведь на нем спал Мур, тогда — толстый! У меня для тебя — 8 кило сахара (4 — песку, 4 — грыз<омого>), теперь буду собирать бэкон (*дивное* копч<еное> сало). Муля на днях получает аванс. Перетерпи: всё тебе будет + Муля — и когда-нибудь — я. Если бы не Мур (*очень слабый*), поехала бы сейчас. Сейчас думаю о летнем для тебя, есть чудное полотн<яное> платье, из номб¹, суровое, мне его подарила Маргарита². Твое голубое одеяло вяз<аное> пропало в Болшеве; — хочешь взамен — мое, тоже вязаное, всех цветов! Оно — очень теплое и не тяжелое. Или прислать львиный плэд³ — подарок? Или — испанскую синюю шаль, она может послужить одеялом. *Ответь*. Аля! Не восемь лет, а шесть с половиной, это мне сказали на Кузнецком⁴.

А у меня — тоже катарр верхушек и тоже нет палочек. С продовольствием и гуляньем поправишься непременно. Муля привезет — воз. Лечи зубы, если есть зубной врач. Мур писал три раза. Дошло ли мое большое письмо — от 21го марта? Целую и пишу непрерывно. *Мама*

<На полях:>

10го несую передачу папе, ничего о нем не знаю с 10го Окт<яб-
ря> 1939 г. Обнимаю. Пиши. Ответь про одеяло.

23. А.С. ЭФРОН — М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

<В Москву>

Княжпогост, 4 апреля 1941 г.

Дорогая мама, получила от Вас вчера открытку, сегодня открытку, и открытку от Мура. Очень рада, что, тьфу тьфу не слгзлить, наладилась наша переписка. Только из Ваших открыток я узнала что и где папа, а то за всё это время не имела о нем и от него никаких известий, и не подозревала о его болезни. Ужасно это меня огорчило. Как жаль, что не дошли до Вас мои московские открытки! Знаете ли Вы, что в Бутырках принимают, 1 раз в месяц, продуктовые и вещевые передачи? Продуктовые — масло и сахар, каждый до 3^х кило. Для подследственных — с разрешения начальника тюрьмы, после решения — просто так. Открытки Ваши читала и перечитывала, и всё так ясно представляла себе. Больше, чем когда-либо жалела, что не была с Вами. В смысле условий в Москве мне было неплохо — идеальная чистота, белье, хорошие постели, довольно приличное питание, врачебная помощь, и главное — чудесные книги. Читала и перечитывала, не переводя дыхания, как никогда в жизни. Были и книги в старых изданиях — Брокгауза и Тезки¹, — в частности перечла всего Лескова², и новые издания. Как я вспоминала Вас, читая какую-н<и>б<удь> чудесную книгу, вроде «Волшебной горы» Манна³, или «Жизнь Бенвенуто Челлини, написанную им самим»⁴. Когда получила однотомник Пушкина, чуть не расплакалась от радости. Знаю наизусть всего Евгения Онегина, Декабристок, много стихов с английского в отвратительных переводах. Ехать мне было грустно. Надежда сильнее фактов — я всё ждала что, как было обещано, пойду домой. Живу неплохо, только неизвестно, надолго ли на одном месте. Если будет перерыв с письмами — не волнуйтесь, значит поехала дальше. Мама, Вы пишете о вещах — мне жаль, если пришлете хорошее, свое. Всегда есть шансы, вернее мальшансы⁵, что они пропадут.

Денег, о которых пишете, еще не получила. Работаю в швейной мастерской, стараюсь. До сих пор не осознала того, что со мной произошло, всё надеюсь на чудо. В нашем общежитии люди относятся ко мне изумительно, и в первый раз в жизни мне нечем поделиться с теми, кто делится со мною. Огромное спасибо за вещи, переданные мне в Москве. Они очень тронули меня, и очень помогли, а то совсем замерзла бы. Единственное, чего не доставало — простыни, до сих пор сплю на пальто, но от этого отнюдь не страдаю. Очень рада, что Мулька помогает Вам, я так и думала. Получила от него вчера длинную и нежную телеграмму. Не отозвалась ли на нем моя история? Это было бы слишком обидно. Мама, пришлите мне пожалуйста Вашу карточку, Мура теперешнего и маленького, и папу. Как мне жаль, что пропали все фотографии и письма, взятые у меня. Особенно жаль карточек. Неужели вещи Вы получили только летом? Я сделала всё зависевшее от меня, чтобы получили Вы их к холодам. В выходной напишу Вам и Мульке большое письмо, сейчас совсем засыпаю. Крепко крепко обнимаю, целую, люблю.

Аля

24. А.С. ЭФРОН — Г.С. ЭФРОНУ

<В Москву>

4. 4. <19>41 <Княжпогост>

Дорогой мой Мур! Получила твою открытку от 10.3.41, первый привет после такого перерыва. Пишу тебе вечером после работы, радио чуть попискивает, и глаза слипаются. Устала. Мулька писал мне о тебе много хорошего. Как жаль мне, братик, что мы так далеко друг от друга! И как много думаю о тебе, и другим рассказываю, какой у меня брат. Меня тронула твоя фраза о том, что ты «охладел к призванию художника, и никогда не вернусь назад». Спроси у Мульки — он объяснит тебе, что понятия «всегда» и «никогда» не существуют, и почему. Рада, что изучаешь Маяковского и Багрицкого. Нашел ли среди моих книг сборник о Маяковском под редакцией Лили Брик? Нашла ли мама французские старинные альманахи, к<отор>ые я ей предназначала? Почему не ходишь в театры? С такой теткой, как Лилия, «все пути и все дороги (в театр) для тебя открыты». Я бы с удовольствием сходила сейчас в театр им. Вахтангова, на что-угодно, кроме, само собой разумеется, «Аристократов» Погодина¹.

Ты будешь смеяться, но за последние полтора года я сама сделалась знатоком Чайковского, не слыша при этом ни единой его ноты. Прочла о нем очень много, и очень он меня заинтересовал — неврастеник, или, как говорит Мулька, «шизофреник», не гений (даже в детстве не вундеркинд, а просто впечатлительный ребенок), мягкий, неуверенный в себе, начавший композиторскую деятельность поздно и случайно, обожавший семейную жизнь и через год совместной жизни разведшийся с женой, одним словом «ам слав»² во всем своем величии, во всей своей слабости. Советую тебе, если это тебя заинтересует, раздобыть книгу брата Чайковского, Модеста, о П. Чайковском, а также «Переписку Чайковского с Н.Ф. фон-Мекк»⁴ (последнее существует в двух томах, изданных «Академия».) Так ты собираешься быть критиком? По-моему, ты им всегда был. В общем семья наша из литературы не выходит. Со временем — или когда оно будет, буду писать и я. «Записки из Живого Дома»⁵.

Север красив, величествен и холоден. Но верится тому, что существуют теплые моря, и что где-то цветут мимозы. Собаки и кошки ходят в замечательных природных шубах. У меня на работе есть старый рыжий кот с объединенными ушами, я зову его — Старик, Рыжий, и он бежит, говорит дрожащий протяжный «мяу», и устраивается на моих коленях, что неудобно ни ему, ни мне. Очень хочется, чтобы Мулька приехал. Если да, то путь привезет альманах «Дружбу народов», я боюсь что по почте вдруг не дойдет. В выходной напишу подробнее. Крепко целую. Пиши. Аля

<На полях:>

Передай от меня привет Лиле, Зине, Вере, Коту⁶, Дм<итрию> Ник<олаевичу>⁷ и Нинке⁸ моей, с которой было «так мало прожито, так много пережито». Сейчас по радио передают «Письмо Татьяны». Артистку учила определенно не Лилия.

25. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, 12ое апреля 1941 г., суббота

Дорогая Аля! Наконец твое первое письмо — от 4го, в голубом конверте. Глядела на него с 9 ч. утра до 3 ч. дня — Муриного прихода из школы. Оно лежало на его обеденной тарелке, и он уже в дверях его увидел, и с удовлетворенным и даже самодовольным: — А-а! — на него кинулся. Читать мне не дал, прочел вслух и свое

и мое. Но я еще до прочтения — от нетерпения — послала тебе открыточку. Это было вчера, 11ое. А 10ое носила папе, приняли.

Аля, я деятельно занялась твоим продовольствием, сахар и какао уже есть, теперь ударю по бэкону и сыру — какому-н<и>б<удь> самому твердокаменному. Пришло мешочек сушеной моркови, осенью сушила по всем радиаторам, можно заваривать кипятком, все-таки овощ. Жаль, хотя более чем естественно, что не ешь чеснока, — у меня его на авось было запасено целое кило. Верное и менее противное средство — сырая картошка, имей в виду. Так же действенна, как лимон, это я знаю наверное.

Я тебе уже писала, что твои вещи свободны, мне поручили самой снять печати, так что всё достанем, кстати, моль ничего не поела. Вообще, всё твоё цело: и книги, и игрушки, и много фотографий. А лубяную вроде-банки я взяла к себе и держу в ней бусы. Не прислать ли тебе серебряного браслета с бирюзой, — для другой руки, его можно носить не снимая — и даже трудно снять. И м<ожет> б<ыть> какое-н<и>б<удь> кольцо? Но — раз уж вопросы — ответ: какое одеяло (твое голубое второе пропало в Болшеве с многим остальным — но не твоим) — есть: мое пестрое вязаное — большое, не тяжелое, теплое — твой папин бежевый плэд, но он маленький — темно-синяя испанская шаль. Я бы все-таки — вязаное, а шаль — со следующей окказией, она всё равно — твоя. Пришло и нафталина. Мешки уже готовы. Есть два платья — суровое, из номы, и другое, понаряднее, приладим рукава. Муля клянется, что достанет гвоздичного масла от комаров, — дивный запах, обожаю с детства. И много мелочей будет, для подарков.

У нас весна, пока еще — свежаватая, лед не тронулся. Вчера уборщица принесла мне вербу — подарила — и вечером (у меня огромное окно, во всю стену) я сквозь нее глядела на огромную желтую луну, и луна — сквозь нее — на меня. С вербочкою светлошёрстой, светлошёрстая сама...¹ — и даже весьма светлошёрстая! Мур мне нынче негодующе сказал: — Мама, ты похожа на страшную деревенскую старуху! — И мне очень понравилось — что деревенскую. Бедный Кот, он так любит красоту и порядок, а комната — вроде нашей в Борисоглебском, слишком много вещей, всё по вертикали. Главная Котова радость — радио, которое стало — неизвестно с чего — давать решительно всё. Недавно слышали из Америки Еву Кюри². Это большой ресурс. Аля, среди моих сокровищ (пишу тебе глупости) хранится твоя хлебная кошечка, с усами. Поцелуй за меня Рыжего, хороший кот. А у меня, после того, твоего,

который лазил Николке³ в колыбель, уже никогда кота не будет, я его безумно любила и ужасно с ним рассталась. Остался в сердце гвоздем.

Кончаю своих Белорусских евреев, перевожу каждый день, главная трудность — бессвязность, случайность и неточность образов, всё распадается, сплошная склейка и сшивка. Некоторые пишут без рифм и без размера. После Белорусских евреев кажется будут балты. Своего не пишу, — некогда, много работы по дому, уборщица приходит раз в неделю. — Я тоже перечитывала Лескова — прошлой зимой, в Голицыне, а Бенвенуто читала когда мне было 17 лет в гётевском переводе и особенно помню саламандру и пощечину.

Несколько раз за зиму была у Нины, она всё хворает, но работает, и когда только может — радуется. Подарила ей лже-меховую курточку, коротенькую, она совсем замерзала, и на рождение одну из своих металлических чашек, из *к<отор>ых* никто не пьет, кроме меня — и нее.

Хочу отправить нынче, кончаю. Держись и бодрись, надеюсь, что Мулина поездка уже дело дней. Меня на днях провели в Группком Гослитиздата — единогласно⁴. Вообще, я стараюсь.

Будь здорова, целую. Мулины дела очень поправились, он добился чего хотел и сейчас у него много работы. Мур пишет сам.

Мама

26. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

13 апреля 1941 <Москва>

Милая Аля!

Получил, так же как и мама, твое письмо от 4. IV—41. Очень был рад, так как всегда с большим интересом жду от тебя вестей. Сегодня, как известно — выходной, и оттого наконец могу написать, а то школа и уроки не оставляют времени. В своем письме ты пишешь, что мои слова о том, что я «никогда не буду рисовать» относительноны. Ты меня не совсем хорошо поняла — я писал лишь о том, что художество не будет моей основной профессией; продолжать же рисовать для развлечения я конечно буду. Вследствие школы и наличия уроков, мой день располагается довольно однообразно — утром: вставание в 7 часов, омывание, поедание и убегание в школу. Шко-

ла до 2^х с 1/2 часов. Потом — дома: завтрак, приготовление уроков, валяние, слушание радио, обед, слушание радио до постели в 11 часов. На завтра — противная перспектива в виде контрольной работы по геометрии. Я составляю себе неплохую библиотечку нужных мне книг. Твой «альманах с Маяковским» давно взят от Лили и красуется у меня на полке. С каждым днем я начинаю всё более ценить Чайковского. Для меня он не композитор, а друг. Что за музыка! Я готов слушать его четвертую, пятую и шестую (патетическую) симфонии, затаив дыхание — а ведь ты меня знаешь, как я тут на восторги. Вообще раскрытие музыкального творчества Чайковского было для меня основным событием моего пребывания в Москве. Его музыку я ощущаю как что-то родное. Вообще этот комплекс ощущений трудно передаваем словами. В своем письме ты пишешь, что с такой тетушкой как Лили все пути открыты (в смысле посещения театров). Дело в том, что теперь отменили контрамарки, и приходится или итти кланчить билет у какой-нибудь знакомой лилиной актрисы — что я не намереваюсь делать, так как не вижу себя в роли просителя «от тетушки» — или же если дадут откуда-нибудь билет, то на так называемые «свободные места», откуда каждый может тебя выгнать — нет, благодарю покорно! Если уж итти в театр, то по крайней мере надо сидеть на хороших, солидных местах, а то противно. Заметь, я бы мог купить билет, но просто как-то не тянет — даже на Пристли¹, которого расхвалили — и то не пошел. Довольно интересную жизнь я вел в период моего пребывания в Голицыно, около дома отдыха Писателей (в период времени декабрь — лето 1939—1940 гг.). Ходил я там в сельскую школу, брал уроки математики у завуча, а прямо после школы приходил в дом отдыха, где завтракал и обедал в сопровождении хора писателей, критиков, драматургов, сценаристов, поэтов и т.п. Такое сальто-мортале (от школы до писателя) было довольно живописно и давало богатую пищу для интересных наблюдений и знакомств. Бесперывная смена людей в доме отдыха, красочный коктейль, хоровод меняющихся людей, всё это составляло порой интересное зрелище. Учился я там немного — большей частью болел. Болел много, обильно, упорно и с разнообразием. Болел я и тяжелой простудой, и насморком, и гриппом, осложнившимся ангиной, и ангиной, осложнившейся гриппом, и краснухой, осложнившейся форменным воспалением легких... Приезжал доктор из Литфонда, говорил: «Ну-с, милейший...» и начинал терпеливо выстукивать. Когда я выздоровел и вновь пошел в школу, и приблизились испытания, то в Москве схватил свинку и опять слег.

Завуч за меня хлопотал, и я был переведен в 8^а класс без испытаний с роскошным свидетельством Наркомата Путей Сообщения. После Голицыно мы жили в университете у одного профессора в квартире (ул. Герцена), жили у Лили, я поступил в 167^а школу, потом нашли эту комнату на бульваре, я перешел в 326^а школу, потом эту школу перевели в 335^а школу, потом меня перевели в первую смену... Уф! Рад, что ты любишь «Евг<ения> Онегина». Я делал огромный доклад на тему «Евгений Онегин — столичное общество» за который меня хвалили и называли «Замечательным». Как видишь, хвастаться я не разучился. Между прочим, теперь стал неплохо учиться по математике — на хорошо, а по черчению получаю только отличные отметки, хотя оно очень трудно. Ну вот и всё. Целую крепко.

Твой брат Мур

27. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

16^е апреля 1941 г., среда <Москва>

Дорогая Аля, я думаю — мои открытки очень глупые, но когда нужно сказать так много, всегда выбираешь глупости. Во-первых, мне очень стыдно за вечное будущее время: пришлю, получишь, и т.д. но, честное слово, всё делается, и всё — реальность. Мы с Мулей решили до поездки — посылку, чисто-продовольственную, так у тебя будет — вдвое, п<отому> ч<то> он своим чередом повезет. А так — хоть немножко отляжет от сердца. Описывать посылки не буду, всё будет непортящееся, насущное и приятное. Муля получил твой добавочный список, всё будет (опять — будет!) сделано, словом, будет та минута, когда всё это — доедет. Мы с Мулей как раз получили гонорары. Но про платя (подарок) я тебе все-таки напишу, оба летние, одно полотняное суровое с воротничком, другое сизое шелковистое, отлично стирающееся, можно даже не гладить, юбка — моя вечная летняя — в сборах (можешь переделать на складки), а лиф в талию, с огромными пузырями-рукавами, застежка на спине, совсем не маркое и не мягкое. «Глазки да лапки»¹... Я очень тронута, что тебе хочется носить пестрое, мы тебя пестротой зальем, Муля уже полтора года как закупает косынки. Очень хорошо, что ты остриглась — я так и думала. Защемки пришлем, вообще не беспокойся, всё мелочи — будут, даже то, о чем ты не подумала. Очень тронута, что ты интересуешься моими переводами, их вышло уже по-

рядочно, а еще больше — выйдет, и всё хвалят, очно и заочно. Кончаю своих Белорусских Евреев — эту книгу переводим втроем, Державин², я, и еще один, — потом будут грузины, потом — балты. Мой лучший перевод — Плаванье — Бодлэра, п<отому> ч<то> подлинник — лучший. Это — моя главная жизнь. Меня единогласно провели в Группком и в Профсоюз.

Пожалуйста, радуйся башмакам! Они чудные и вечные, можно носить без калош, но есть специальные ботики. Вообще, не унывай, да ты и так — молодец! *Мама*

Твое письмо получила и ответила.

28. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

*Москва, Покровский буль<вар>, д<ом> 14/5, кв<артира> 62 (4 подъезд)
16го мая 1941 г.*

Дорогая Аля! Мур, уходивший в школу, увидел в щели ящика письмо — и оно оказалось твоим. Ура! А мы как раз вчера с Мулей горевали, что так давно от тебя — ничего, и Муля, после ряда утешительных предположений, сам себе, тихо: — От своего оптимизма я когда-нибудь повешусь.

Сначала о деловом: тебе 26^ю отосланы две продовольственных посылки, общим весом 16 кило. В них — всё, плюс чулки. Это — первая (грузная) ласточка. Вещи Муля повезет сам, но мы узнали, что без разрешения отсюда — ехать бессмысленно. Значит, в нем — дело. Мы вчера с Мулей очень подробно об этом говорили, у него всякие надежды, и слово его — твердо: не поехать я не могу, в этом моя жизнь. Слыхала я, что его просьба должна быть подтверждена твоей, но об этом он тебе сам напишет подробно. Теперь опишу тебе пальто (хотя не по сезону!): собственно, черная шинель, с бантовой складкой сзади, и очень большим запахом: ширины мы не убавляли, — на шерстяной вате и черном сатине. Моя шуба (на черном баране, вроде медведя) безумно-тяжела, иначе послала бы ее. Пальто очень складное, но, конечно, рабочее. Валенки — чудные, это мой первый тебе подарок, еще в октябре 1939 г.: серые, легкие и теплые, к ним — калоши. Моржёвые — большие и широкие, рассчитаны на шерстяные чулки, но совсем не жесткие, я их вот уже почти год мажу специальной моржёвой мазью. К ним — ботики. Постараемся добыть еще одну пару, новую, полегче, — моржёвые тяжеловаты, но зато без сносу. В таких ушел папа. На днях носили с Мулей ему вещи,

целый огромный, почти в человеческий рост, мешок, сшитый Зиной по всем правилам, с двойным дном, боковыми карманами и глазками для продержки, всё без единой металлической части. Так как в открытке было только «принесите вещи такому-то», то я уж сама должна была решить — что, и многое мне вернули: валенки, шапку, варежки, непромок<аемое> пальто, вязаную куртку, ночн<ые> туфли, подушку и галстук. Зато приняли: его серое пальто, положенное на шерстяную вату, новые гигантские башмаки, черные, с калошами 15 номер! (искала *две зимы!*), Мурин почти новый костюм, невидный, но замечательный, подаренный ему твоей тезкой Ариадной¹ — а новый будет лежать и ждать — 4 п<ары> штанов (2 п<ары> шерст<яных>, 2 п<ары> простых), 2 нижних рубашки, 3 верхних, две простыни, две наволоки, 6 платков и, в конце концов — одеяло, его, вязаное, к<оторо>го сначала никак не хотели брать, но вдруг — в последнюю минуту — взяли. На платочках, его подарке, была моя метка, — и это был весь мой привет. Но сейчас у меня — гора с плеч, ведь это всё шилось, покупалось, нафталинилось — так, на авось, в полной неизвестности. В последнюю минуту закрепила всё пуговицы, а Зина штаны положила на подкладку, кроме того есть жилет — на заплаты, а вместо летнего он может носить свое брезентовое, в к<отор>ом ушел, если только догадается снять барана. К сожалению не взяли еще летних штанов, парусиновых, синих, и тубетейки, но зато взяли сюэдинковую новую кэпку. Но, вообще, как видишь, взяли^{3/4} и были очень милы. Это было 5ое мая, а 10ое передачу приняли. А больше о нем не знаю ничего.

Может быть, если Муля задержится (не от него зависит!) пошлю тебе посылочкой два летних платья, своих, новых: одно темносизое, чудный цвет, шелковистое, но не шелковое, с огромными рукавами и широчайшей юбкой, другое простое серое полотняное из «номь», оба чудно стираются. И несколько косыночек, их у нас для тебя множество: и мои привозные, и Муля накупил. А вещи я получила по суду, т.е. вернули мне их до суда, только пришлось уплатить более тысячи за хранение, зато вернули абсолютно-всё, и вещественное и бумажное.

О себе: я за это время перевела: Важа Пшавела — поэма Барс, поэма — Гоготур и Апшина, поэма Этери (всего около 2.500 строк), 2 баллады о Робин-Гуде с английского, немецкие и франц<узские> песенки (народное), ряд переводов с болгарского, ряд переводов с ляхского (разновидность чешского), Плаваньё Бодлэра (мой лучший перевод!), пол-сборника Белорусских Евреев (только что закончила),

ряд стихов украинского поэта Франко², вроде Надсона, ряд стихов молодых польских поэтов (один — замечательный!³), и сейчас, кажется, буду делать ряд новых текстов к песням Шуберта, т.е. — если не ошибаюсь — Гёте, это уж — заказ Консерватории⁴. Я очень дружна с Нейгаузом⁵, он обожает стихи. Вообще, всё было бы чудно —. Пока, в печати, появился: Барс, болгары, ляхи, а поляков моих читали по радио, и я получила за чтение 150 р., — по соседству от твоей бывшей службы⁶. Меня заваливают работой, но так как на каждое четверостишие — будь то Бодлэр или Франко — у меня минимум по четыре варианта, то в день я делаю не больше 20^м строк (т.е. 80^м черновых), тогда как другие переводчики (честное слово!) делают по 200, а то и 400 строк *чистовика*. Меня приняли в Группком Гослитиздата, теперь я член проф. союза, и мы с Муром приписаны к амбулатории. Выплачиваю понемножку долги Литфонду⁷, вчера внесла очередные 100 руб. Меня всё, почти всё, очень любят, и очень ценят мою работу. Подружилась с Н.Н. Асеевым, т.е. это он со мной решил дружить, прочтя какой-то мой перевод, и даже скажу — какой: про какую-то бабку, которая варила пиво и потом повесилась, предварительно сорвав распятые с гвоздя, — на том же гвозде⁸. Это произвело на него сильное впечатление, и теперь мы — друзья. Он строит себе дачу — недоезжая до Голицына — и уже зовет в гости, а я уговариваю завести большого простого пса, деревенского (в Москве только породистые), и вообще даю советы по устройству.

Борис⁹ всю зиму провел на даче, и не видела его с осени ни разу, он перевел Гамлета и теперь, кажется, Ромео и Джульетту, и кажется хочет — вообще всего Шекспира. Он совсем не постарел, хотя ему 51 год, — *чуть* начинает седеть. У него чудный мальчик¹⁰, необычайной красоты, и это — вся его любовь. Про жену он начинает спрашивать знакомых: — А может быть она — *не* красавица?? Написал и напечатал два чудесных стихотворения про жару и ночь. Там есть такая строка: «Кувшин с водою и цветами» — это он, отъезжая от работы на огороде¹¹. Огород у него — феноменальный: квадратная верста, и всё — огурцы. Я была у него раз на даче, прошлой осенью. — У Мура на днях экзамены. По гуманитарным наукам — пока сплошное отлично, по остальным — сплошное посредственно, кроме геометрии — хорошо. Он необычайно-серьезен, покупает книги о критике (некоторые, потом, быстро продает), ходит в концерты, и никуда со мной ходить не хочет — никогда, а если когда и идет — в гости, то силком, как волк на аркане. Близких друзей

у него нет, но в школе его любят все. Летом мы никуда не собираемся: через два месяца мне нужно уплатить вперед пять тысяч за комнату, по договору: 4.200 за комнату, 750 р. за ремонт — к<отор>ый будет сделан, когда я выеду, но платить нужно заранее. Но у нас есть кусочек балкона, на к<отор>ый ход из окна, и я вчера размазала окно, и сейчас сижу с открытым (окно итальянское, открываются боковые створки) и гляжу на вербу в банке, — это мое любимое дерево, самое неприхотливое, и моя уже дала зеленые ростки и белые корешки. А Мур нынче идет за паспортом, — наконец, добился! было трудно, п<отому> ч<то> не было метрики, а без паспорта нельзя, п<отому> ч<то> уже 16 лет. А про именины его ¹² мы *забыли*, напомнила Лиля и обещала просроченный пирог. Лилия и Зина тебе писали, также Нина, у к<отор>ой новая работа, рядом со мной, теперь будем чаще видеться. И Нина просила передать, что вообще будет тебе писать, и мечтает, чтобы и ты — ей. Она — прелестная, только жаль, что хворая: болит когда-то сломанная рука: «костная мышь», к счастью ей сейчас не надо писать на машинке. Буду летом ездить с ней в Сокольники, она всё вспоминает, как вы — ездили, и помнит всё семейные праздники, и вообще все даты. — Аля, не нужно ли тебе кроме черного ватного пальто — мое синее кожаное, на осень? Оно на шерст<яной> подкладке, не новое, но вполне приличное и непромокаемое — абсолютно. *Не* тяжелое. Очень рада, что выбрала — шаль: темно-синяя, мягкая, теплая, с толстой бахромой, подарок Веркиной матери, она в нее заворачивалась с внучкой! Куртку коричневую и куртку верхнюю вязаную пришло с Мулей, вместе со всем. Ответ про кожаное пальто *, ты в него вполне влезешь, и будет оно тебе несколько ниже колен. Мечтаю как будешь получать наши продов<ольственные> посылки: кажется, ничего не забыли! Морковь привезет Муля, он не смог за ней зайти, п<отому> ч<то> его торопили отъезжающие. До свидания! Целую. Не хворай. Держись. Бодрись. Пишу часто.

<На полях:>

От тебя получила: записку через Мулю, письмо Муру и сегодняшнее, от 2го мая, шло 14 дней, и самое главное — дошло! До свиданья. Люблю. Помню. Стараюсь. *May*

Прилагаю маленькую паспортную карточку Мура

* Подчеркнуто красным карандашом.

29. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

16ое мая 1941 г.

Москва, Покровский буль<вар>, д<ом> 14/5, кв<артира> 62 (4 подъезд)

Дорогая Аля! Только что — твое большое письмо, от 2го мая, шло 14 дней. Всё утро писала тебе ответ — 4 мелких странички, авось дойдет,— уже опущено. 26ое тебе отправлены были две продовольственных посылки, весом 16 кило обе, там — всё, даже печёночный экстракт¹. Угостишься, и других угостишь, и посылать будем непрерывно. Муля очень собирается ехать, но — оказывается — нужно достать разрешение здесь. Этим и занят. Я тоже приеду, но позже. Муля не только не отошел, но лез (как и Лиля) с нами в самое пёкло. Вещи папе передали, и передачу 10ое приняли, а больше не знаю о нем ничего. У Мура на днях экзамены, послала тебе в письме его паспортную карточку. Аля, если бы ты знала, как я скучаю по тебе и папе. Мне очень надоело жить, но хочется дожить до конца мировой войны, чтобы понять: что — к чему. У нас радио, слушаем всё вечера, берет далёко, и я иногда как дура рукоплещу — главным образом — высказываниям здравого смысла, это — большая редкость, и замечаю, что я сама — сплошной здравый смысл. Он и есть — *ПОЭЗИЯ*. Не хворай, пожалуйста, дождись. Вещи свои я получила по суду, летом 1940 г., но до суда не довели, так отдали. Не нужно ли тебе кожаное пальто, скромное, на теплой подкладке, абсолютно-непромокаемое? Ответь! Целую. Пиши. Пишу.

Мама

30. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, 18ое мая 1941 г., воскресенье.

Дорогая Аля! Сегодня — тридцать лет назад — мы встретились с папой: 5ое мая 1911 г. Я купила желтых цветов — вроде кувшинок — и вынула из сундучных дебрей его карточку, к<отор>ую сама снимала, когда тебе было лет четырнадцать — и потом пошла к Лиле, и она конечно не помнила. А я всё годы помнила, и, кажется, всегда одна, п<отому> ч<то> папа всё даты помнит, но как-то по-своему. 16ое отправила тебе большое письмо с Муриной паспортной карточкой от 15ого, в ответ на твое, от 2го мая, к<оторое>е шло 2 недели.

Повторяю: разрешение на свидание нужно хлопотать отсюда, так Муле сказали, и он этим занят. Надеюсь, что когда получишь эту открытку, посылки (две) уже дойдут. Тогда сразу начнешь поправляться, а мы всё время будем посылать. Такой вопрос, вернее совет: если тебе надоели некоторые носильные вещи, напр<имер> летние платья, не раздашь ли ты их там, в обмен на новые, когда их привезет Муля, чтобы не загромождать себя слишком веским мешком. Напиши на всякий случай, что очень надоело или опротивело, чтобы я тут же нашла замену, чтобы успела ее обдумать. Очень советую тебе согласиться на синее кожаное пальто, оно скромное, теплое, легкое и абсолютно непромокаемое. Вязаные куртки (верхнюю и нижнюю) и коричневую под замшу — пришлю, вообще — ничего не забуду, только бы у Мули скорей выяснилось... У Мура завтра первый экзамен — алгебра, но он как всегда абсолютно-спокоен: сильное чувство судьбы. Я вчера отложила для тебя целую пачку маленьких фотографий, — тебя в детстве, Мура, нас всех порознь и вместе, на море и в горах, постепенно буду посылать. Да! Когда Муля поедет — в чем везти вещи (носильные): сундучок? мешок? что удобнее? Ответь, и не забудь про кожаное. Целую, скучаю. У нас холодьюга, вчера был снег.

Мау

<На полях:>

У меня для тебя Альманах Дружбы Народов с моим Барсом и № 5 «Знамени» с моим переводом старого евр<ейского> поэта ¹. М<ожет> б<ыть> пойдет моя проза о Пушкине ².

31. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, 23⁰⁰ мая 1941 г.

Дорогая Аля, мне очень неприятно, что я ничего твердого не могу тебе написать о Мулином приезде — я знаю, что это для тебя главное — но мне он о ходе своих хлопот подробно не рассказывает, вообще, он безумно занят, и видимся мы с ним сравнительно редко, чаще — созваниваемся. Знаю только, что он всё делает и сделает, а подробности он наверное тебе пишет сам. Да! Ужасно жаль, что он тебе моего Барса (Альманах Дружбы Народов) отправил без моей надписи, я так хотела тебе его надписать, п<отому> ч<то> это мой первый перевод, сразу после Болшева и полусуществования у Лили — как только у меня оказался стол. Вчера Мур купил для тебя Но-

вый Мир и Октябрь, в Н<овом> М<ире> парижские стихи Эренбурга¹ и хороший рассказ еврейского писателя Переца² «Эпидемия», и повесть сказительницы Голубковой³ «Два века в полвека», и большая биография Крамского⁴, вообще — интересный номер — Аля, я перепутала: это — в «Октябре», — а стихи Эренбурга — в Н<овом> М<ире>. Словом, получишь и прочтешь. Сегодня я в последний раз прикладываю руку к своим Белорусским Евреям, мне там заменили, т.е. подменили ряд строк, но я всё расчихала — и взвyla — и настояла на своих. Книгу переводили трое: Державин⁵, Длигач⁶ и я, и выходит она в срочном порядке. А сейчас мне предложили — из Консерватории — новые тексты к гётевским песням Шуберта: Песни Миньоны. Не знаю тѣх переводов, но знаю, что именно эти вещи Гёте — непереводимы, не говоря уже о пригнании их к уже существующей музыке: ведь Шуберт-то писал — с Гёте, а я должна — чтобы можно было петь — писать с Шуберта, т.е. не с Гёте, а с музыки. Но даже вне этого: вот дословный перевод одной из лучших — всё лучшие! — тогда скажем: моей любимой песни Миньоны: — О, дай мне казаться, пока я буду (сбудусь, но это уже — толкование), а размер онегинский, не вмещающий. Такие вещи можно переводить только абсолютно-вольно, т.е. в духе и в слухе, но — неизбежно заменяя образы, а я этого — на этот раз — не хочу и не могу, ибо это — совершенно. Поэтому — отказываюсь: пусть портят: фантазируют или дают рифмованный подстрочник — другие. Для песен Миньоны стóит изучить язык. С такими требованиями к себе — ты сама понимаешь, что мне работать труднее, чем кому бы то ни было. Я сама себе препятствие. Моя беда, что я, переводя любое, хочу дать художественное произведение, которым, часто, не является подлинник, что я не могу повторять авторских ошибок и случайностей, что я, прежде всего, выправляю смысл, т.е. довожу вещь до поэзии, перевожу ее — из царства случайности в царство необходимости, — так я, недавно, около месяца переводила 140 строк стихов молодого грузина, стараясь их осуществить, досоздать, а материал не всегда поддавался, столько было напутано: то туманы — думы гор, то эти же туманы — спускаются на горы и их одевают, так что же они: думы — или покров? У автора — оба, но я так не могу, и вот — правлю смысл, и не думай, что это всегда встречается сочувственно: — «У автора — не так». — «Да, у автора — не так». Но зато моими переводами сразу восхищаются чтецы — и читатели — п<отому> ч<то> главное для них, как для меня — хорошие стихи. И я за это бьюсь. — Прости, что так много о себе, но мне, в общем, не с кем

об этом говорить. Но, чтобы закончить: недавно телеф<онный> звонок из «Ревю де Моску»⁷, — у них на руках оказались мои переводы Лермонтова, хотя — Колыбельную Песню, но — «замените четверостишие». — Почему? — Мне оно не нравится. — И так далее. Я сказала: — Я работала для своей души, сделала — как могла, простите, если лучше не могу. — И всё. — Не могу же я сказать, словами сказать, что мое имя — достаточная гарантия.

Аля! Приобретение в дом: я обменяла своего Брейгеля⁸ — огромную книгу репродукций его *рисунков* — на всего Лескова, 11 томов в переплете, и даже — переплетах, п<отому> ч<то> разные, и весь Лесков — сборный, но — весь. Я подумала, что Брейгеля я еще буду смотреть в жизни — ну, раз десять — а Лескова читать — всю жизнь, сколько бы ее ни оставалось. И у меня остается еще другой Брейгель: *цветной*, такой же огромный, и которого уже не обменяю ни на что. Лесков — самый подержанный — стóит не меньше 350 руб., и я бы навряд ли его когда-нибудь купила. А так — тебе останется, п<отому> ч<то> Мур навряд ли его будет любить.

— Переключка. Ты пишешь, что тебе как-то тяжелее снести радость, чем обратное, со мной — то же: я от *хорошего* — сразу плачу, глаза сами плачут, и чаще всего в общественных местах, — просто от ласковой интонации. Глубокая израненность. Но я — от всего плачу: просто открываю рот как рыба и начинаю глотать (давиться), а другие не знают куда девать глаза.

У Мура сейчас экзамены, сдал алгебру на «хорошо» и физику на «посик» (так у них нежно зовут «посредственно»), а нынче — такое происшествие: сидим у стола: он за учебником литературы, я за своими Белорусскими Евреями, — половина десятого — в коридоре гремят каменщики (капитальный ремонт, по всему дому сменяют газ) и — нечто вроде легчайшего стука. Да. Стучат. Ученица. — «Здесь живет такой-то? Так что ж он не идет на экзамен??» Оказывается — экзамен (сочинение) в 9 ч. утра, а он твердо был уверен, что в 12 ч. — и вообще мог уйти на бульвар читать газету, или (мания!) стричься... Хорошо еще, что школа — рядом. Рассеянность его неопишима: из-за ремонта не ходит лифт, так неизменно, проскакивая 7ой этаж, подымается на чердак, на метро едет в обратном направлении, платит за плюшку и забывает взять, берет — и забывает съесть, только *одно* помнит: калоши, с таким трудом давшиеся — из-за непомерности номера (14, но папе я достала и передала — 15ый!!) — которые он держит в парте и с которых глаз не сводит — к великому изумлению учеников и учителей. В письме от 16го я по-

слала тебе его паспортную карточку. Твое последнее письмо (второе) было от 2го мая, получила его 16го, и в тот же день ответила, а 18го (в день нашей встречи с папой 30 лет назад) отправила тебе открытку. — Дошли ли посылки?? Если да, жажду знать как получила. Пиши про здоровье. Я тоже — мгновенно простужаюсь, всю зиму из простуды не вылезала, простудила себе (сама виновата) всю зиму лежа у незамазанного окна (там — еда) весь правый бок: плечо, легкое, руку, всё — ноет, и руку без боли не могу поднять, невралгия или ревматизм, какая-то гадость, но м<ожет> б<ыть> пройдет летом. У нас не май, а октябрь, но м<ожет> б<ыть> и лучше, у меня от хорошей погоды — лютая тоска, а так — серо, и как-будто ничего... В том письме подробно писала тебе про папину вещевую передачу: взяли всё основное, кроме очень уж зимнего (валенки, мех<овая> шапка, такое) и подушки. Списка не было, поэтому я в точности не знала, что можно, и понесла на авось — всё. Теперь у него прочный (Мурин) костюм, хорошие башмаки с калошами, серое пальто положенное на шерст<яную> вату, и белье, и носки (всякие), словом — всё основное.

Скоро получишь книжную посылочку. А пока — целую тебя, желаю здоровья и бодрости.

Посылаю: нас с Муром на лесенке, и Мура — трехлетнего, в парке. У меня для тебя множество карточек.

Мау

32. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

24 мая 1941 <Москва>

Милая Аля!

Пишу после завтрака — 1 ч. 30 мин. дня. Сейчас у меня пора испытаний. Успешно сдал алгебру (хор.) и физику (пос.). Сегодня написал сочинение (отметки еще не знаю). Тема: Защита родины в «Слове о полку Игореве». Осталось еще сдать: литературу, геометрию, французский, анатомию (всё это устно). Всё это будет длиться до 5го включительно. Получил паспорт и прописался. Удалось достать однотомник произведений Маяковского (40^й г. издания) — самый шикарный. У нас лето неуверенное — то дожди, то солнце всходит. Собираюсь итти продавать ненужные учебники. К испытаниям готовлюсь не интенсивно — всё равно я практически в 9^й кл<асс> уже перешел. Наоборот, все наши ученики беснуются и приходят

в ярость, когда я к ним подхожу, поднимая палец и говоря: «Мальчишки-девочки, не волнуйтесь!». Вообще товарищи сильно переживают всяческие консультации, перспективы отметок и т.д., а также футбол и «Спартак припух». «Знаешь, Семичастный¹ как рванет в ворота, а тут Леонтьев² как даст Семичастному, а судья ка-ак засвистит, тут Спартак и припух!». После испытаний собираемся в экскурсию — в Болшево: там будем осматривать молочный совхоз. Я начал различать много школьных стилей: говорить: «я засыпаюсь», когда все знают, что ты отличник, или заявлять о том, что ты не готовился, а на испытании всё знать, и т.д. и т.п. И всё это сопровождается шумом, криком и мрачными предчувствиями. Я совершенно себе не представляю, что буду делать, когда настанут каникулы. Обычно дело представляется так: когда учусь, желаю каникул, когда — каникулы, то желаю школы... дело известное. В каникулах я обычно шныряю по книжным лавкам улицы Горького и Кузнецкого моста, иногда продаю свои книги. Изредка хожу в кино. Просто нечего делать. Кстати, я перестал расти не в пример одному товарищу моему — огромного роста, и все оглядываются. Теперь я — нормального роста, как надо. Вчера был в саду «Эрмитаж» на открытии — было пустынно и холодно и где-то наверху хрипел духовой оркестр. На Кузнецком открылась выставка карикатуры — нужно будет пойти. Вчера видел картину «Фронтовые подруги»³ — хороша документальная часть фильма. Скоро на экранах столицы появится новая американская картина: «Песнь любви»⁴, где играет Ян Кипура⁵. Когда показывали «Большой Вальс»⁶ с Фернаном Гравэ⁷ и Луизой Рейнер⁸, все наши девицы смотрели по 8—10 раз. Первый раз в жизни забыл об именинах — и проворонил их. Если бы ты меня видела, то узнала бы с трудом — я не похож на мешковатого субъекта 39го года. Я очень сильно похудел, что мне очень идет. Стал хорошо одеваться. Если сравнить с «субъектом», то раньше был крайне болтлив, а теперь обладаю сельф-контролем⁹. Сегодня решил написать тебе письмо большое, а то обычно письма мои какие-то плюгавые выходят, и скучно читать. Продаю отдельные произведения <Маяковского> — раз есть одотомник. Бережно храню Гофмана¹⁰ — очень занимательно читать его. У нас в Москве на эстрадном горизонте поднялась новая звезда: Иракий Андроников¹¹ (устные рассказы), который имеет огромный успех. Я уже был четыре раза на его вечерах в клубе МГУ.

В первый раз был в Зоопарке. Там много интересных зверей — африканский бегемот, жирафа, разные среднеазиатские птицы. Посе-

тителы всё делают, чтобы звери как-нибудь их заметили — каждый рад, когда зверь именно на него обращает внимание. Долго прокривлявшись перед отделом рогатых, мне удалось получить привет от забавного марсельского барашка, в виде бляения. Потом я видел, как слон «Вовка» погрозил хоботом одной даме, которая его дразнила. Вообще в Зоопарке приятно иногда посидеть просто так, читая книжку.

Недавно прочел «1919^й г.» Дос-Пассоса¹². Очень понравилось. Маме удалось достать 10 томов Лескова (полное собрание сочинений). Действительно, что я буду делать летом? Вряд ли мы куда-нибудь уедем. Возможно, будем навещать знакомых на дачах. В следующем году собираюсь заняться лыжами. Список моих любимых книг: Чехов, повести и рассказы; Сартр, «Тошнота»¹³; Кафка, «Замок»¹⁴; Э. По¹⁵, повести и рассказы; А. Дёблин, «Берлин, Александерплац»¹⁶; Марк Твэн¹⁷, повести и рассказы; Гофман, новеллы и повести; Дабит¹⁸, рассказы. Любимые поэты: Пушкин, Лермонтов, Валери¹⁹, Готье, Расин²⁰, Маяковский, Маллармэ²¹. Сейчас — 3 часа 30 минут. Пора кончать. Мама сейчас пойдет и опустит оба письма: мое и ее. Пиши мне почаще. До свидания. Жму крепко руку, целую крепко.

Твой брат Мур

Шлю тебе свою паспортную фотографию.

33. М.И. ЦВЕТАЕВА — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

Москва, 29ое мая 1941 г., четверг

Дорогая Аля, узнала от Мули, что ты получила книги и, в частности моего Барса, только жалею, что отослал без моей надписи, — я так хотела тебе его надписать, — ведь это была моя первая работа, сразу после Болшева и Лили, как только у меня оказался стол. Скоро выходит очередная Дружба Народов¹, с моими поляками и частью моих евреев, пришлю непременно. — Твое последнее письмо (второе), от 2го мая, получила 16го, 16го же ответила, а 18го отправила открытку — так как это было тридцатилетие нашей встречи с папой — вспомнил ли? — 5/18 мая 1911 г., в Коктебеле, и 22го или 23го еще письмо, и Мур — письмо, с двумя старыми фотографиями. В том, от 16го была Мурина паспортная карточка — от 15го, п<отому> ч<то> паспорт.он, наконец, получил, и даже — книжку, и даже — на пять лет. У него сейчас экзамены.

Сочинение — Родина в Слове о Полку Игореве — отлично, и устная литература (отвечал последним и вытаскил первый билет!) — отлично. Черты классицизма в Недоросле. — Оды Ломоносова. — Творчество Пушкина до 1817 г. Вообще, он лучший ученик по русскому: к нему обращаются за правильностью ударений, и нужно сказать, что филологическое чутье у него — непогрешимое. Завтра — геометрия, потом анатомия, и — конец делу венец — (тьфу, тьфу!) — французский.

— Неожиданно вернулась с Кольского Полуострова половина наших хозяев, а именно хозяйка со старшей девочкой, к<ото>р>ая, катаясь с горы на санках, налетела на телегр<афный> столб и раздробила себе тазобедренную кость. На днях приедет хозяин с младшей девочкой (2 1/2 года), но, кажется, опять уедет, п<отому> ч<то> у него договор на 2 года. Не знаю, что будет с нами, т.е. удовлетворится ли хозяйка (очевидно, остающаяся) — хотя и громадной, но одной комнатой на четырех человек: себя, старшую дочь и двух младших. Если нет, кому-н<и>б<удь> из жильцов придется съезжать, м<ожет> б<ыть> — нам, п<отому> ч<то> такая возможность, с предупреждением за месяц, оговорена в договоре. Жаль будет района, просторного и тихого, бульвара, вида, газа, близости метро и трамваев, с трудом усвоенной местности. И, вообще, кошмар переезда — неизвестно куда: ведь мы эту искали месяцев шесть. Но, может быть — обойдется.

У нас нынче заканчивается капитальный ремонт, длившийся 2 месяца — меняли газовые трубы — и мы жили, засыпанные известкой, не только мы, но всё: еда, даже покрытая, книги, одежда, — всё было седое. Коридор был груда развалин: сначала выбили пол-стены, потом пробили потолок, потом — пол, и я свои огромные кипящие кастрюли носила, танцую с уступа на уступ или крадясь под балками, и раз чуть не провалилась в нижний этаж, пока еще не заложили досками, — из нашей квартиры в нижнюю и так — семь этажей подряд — до самого низу — был сплошной пролет, и весь дом жил одной жизнью — очень громкой. Но нынче — кончено.

— Милая Аля, дошли ли, наконец, посылки, и как получила, открывала, вынимала и т.д., напиши подробно. Муля мне сказал, что обо всех приездных делах пишет тебе сам, чем с меня снимает гору: я знаю, что это для тебя — главное, а я как-то не решаюсь его спрашивать, знаю, что малейшую удачу сообщит сам. Вчера была у Лили, она всю зиму болеет (сердце и осложнение на почки, должна

есть без соли, и т.д.), — месяца два не встает, но преподавание продолжает, группа из Дома Ученых, к<отор>ую она ведет, собирается у нее на дому, и вообще она неистребимо-жизнерадостна, — единственная во всей семье, вернее — точно вся радость, данная на всю семью, досталась — ей. Она очень обрадовалась, узнав, что ее весточка дошла. Дошло ли письмоцо Нины? — Все твои вещи: игрушки и книги и много карточек, не говоря уже о крупном, у Лили в полной сохранности, и я ни одной из твоих книг, мне предназначенных, не взяла, — слишком грустно! — не читала их, с грустью и благодарностью, когда мы там жили, по ночам, под твоим же зеленым одеялом. Усыновила я — временно — только твою лубяную банку, держу в ней бусы.

Это — пустяки, но м<ожет> б<ыть> тебе будет интересно: из большевского хозяйства уцелела твоя детская ванна, спасавшая и спасающая меня, твоих два ножа и тот «с головкой», который мне вернули вторженцы, приняв львиную голову за женскую, — и еще ряд мелочей, и каждая — живая растрáva. Из твоих вещей, вробще, не пропала ни одна: всё были увезены Мулей и Ниной, да и наше долго было цело, п<отому> ч<то> мы с Мулей наезжали и топили хворостом моего запаса, но потом из-за дальности расстояния (Голицыно — Болшево) и лютости зимы и, главное, Муриных непрерывных болезней — не смогли, и тут-то и взломали, и вселились, и разграбили, теперь их уже нет, дача отошла Экспортлесу². Помнишь огород и белую лошадь, которая в одну из последних ночей всё пожрала и потоптала? Как мы ее гоняли! Она была спутанная, страшная, ночь была черная, до сих пор слышу ее топот, Мура тогда подняли с постели и мы втроем гонялись³. Я больше никогда не буду жить загородом.

Папе 27^ю передачу приняли и я подала очередную просьбу о продовольственной. О вещевой тебе уже писала, повторю вкратце: так как я не знала чтó — я принесла всё, и всё основное приняли, не приняли только очень зимнего (две зимы искала ему валенки и, наконец, нашла: гигантские! лежат в шкафу в нафталине) и еще подушку. Но все-таки он будет одет. Его серое пальто Зина положила на шерст<яную> вату, сделали и снимающийся меховой воротник. О пальто (пишу в каждом письме, прости за скуку!) — нужно ли тебе мое синее, хотя поношенное и не очень уж синее, но прочное, теплое, легкое и абсолютно-непромокаемое? Лилия и Муля говорят, что оно как-то неуместно, но тебе видней и только ты можешь решить. Ведь с одним черным (новым) ты не обойдешься.

Всё другие поручения помню и выполню — только бы Муля поскорей собрался!

Мечтаю послать тебе два номера Интернациональной Литературы с романом негрского писателя Райт'а — Сын Америки⁴. Ничего страшнее я не читала. Очень сильная вещь, но какая-то невыносимая, во всяком случае — не по моим силам. Вчера читала до 3 ч. утра и во сне сочинила конец, и каков мой ужас, когда — оказывается — еще пятьдесят страниц мытарств! Мне очень интересно что ты о ней скажешь. А так — перечитываю, сейчас — Лескова, к<отор>го не читала с 1913 г., когда жила в Феодосии.

Конец мая, а серб, холодно, дожди, деревья еле и вяло запушились, но мне так легче: совсем не хочется лета с его роскошью и радостью. Никуда не поедем, будем ездить загород к Лиле и к одной старушке-переводчице⁵, к<отор>ая очень нас любит с Муром. У меня от мысли о загороде — просто содроганье. Пиши о погоде — у вас, как идет весна, есть ли новое в севере. Мне все советуют съездить в Коктебель, ни за что не поеду — никогда — и никто не хочет понять — и расхваливают: красоты природы, веселье жизни. Я недавно подумала, что привязанность дело длительное: чтобы привязаться, нужно сжиться, а у меня уже времени на это нет, да и охоты, да и силы. Кончаю, нужно греть ужин, и хочу чтобы письмо пошло нынче же. В последнем послала тебе Мура — маленького, в парке, и нас с Муром в 1935 г., на лесенке. Вот еще две, была бы счастлива, если бы дошли.

<Рукой Г.С. Эфрона:>

Милая Аля, пишу на свободном мамином кусочке. Экзамены идут хорошо. Завтра — геометрия. Испытания надоели — скоро кончатся. Но все-таки с кем-то разговариваешь, общаешься. У нас в доме кончается ремонт. Сажу дома и слушаю радио.

Целую крепко.

Мур

34. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

3. VI—<19>41 <Москва>

Дорогая Аля!

Сейчас — 11 ч. 30 мин. дня. За окном почему-то идет подобие снега. Но я люблю такую погоду. За столом мама тоже пишет тебе

письмо¹. В последние два-три месяца мы сдружились с Асеевым², который получил Сталинскую премию I степени за поэму «Маяковский начинается». Он — простой и симпатичный человек. Мы довольно часто у него бываем — он очень ценит и уважает маму. Мама предполагает выпустить книгу переводов — это хорошая идея³. Сегодня иду фотографироваться — формат открытки — 6 карточек. Непременно пошло тебе, как только будут готовы. Фотографируюсь в студии «Турист» — Кузнецкий мост. Уже сдал все испытания, кроме анатомии. Все — вполне успешно: алгебра — хор<ошо>, геометрия — хор<ошо>, физика — пос<ред>, сочинение — отл<ично>, литература уст<ная>, — отл<ично>, франц<узский> яз<ык> — отл<ично>. На лето поберею голову — хочу лечить перхоть и буду ходить в тюбетейке. Не думай, что я о тебе забыл. Судя по общему тону моих писем, я о тебе мало думаю. — Ничуть, просто, что же мне в моих письмах к тебе писать о тебе же, которая сама тебе наверно надоела; так вот я и пишу о себе — тебе же интереснее читать. Мой постоянный вопрос, который приходится ставить всё время это — что делать? Еще когда была школа, как-то был занят, хотя и неинтересными вещами; а теперь... Действительно, в каникулы совершенно нечего делать. Перспектива ездить с мамой к ее знакомым на дачи — не из интереснейших: там, по моим расчетам, нет никакой молодежи, а только отдыхающие от трудов писатели. Мама подружилась с Крученых (есть такой поэт, вернее, словообразователь)⁴. Вот и будем ездить к нему на дачу. Буду ходить в Эрмитаж — всё-таки там ничего, иногда есть неплохие концерты, и вообще мне там нравится. Все мои знакомые девушки разъезжаются: Мирэль Шагинян⁵ — в Коктебель (10^я год туда едет); Иэтта Квитко⁶ — на практику живописи в Новый Иерусалим — я туда буду ездить — там прекрасная природа. Но все они интересуются живописью, а я давно перестал и всегда выходят споры, потому что я не перевариваю Грабаря⁷ и Герасимова⁸ и ратую за Мазерееля⁹ и Пикассо¹⁰. Только что звонила Лиля — получила на имя мамы книгу стихов Эренбурга об Испании и Франции «Верность», с трогательным посвящением¹¹. Сегодня мама пойдет в Гослит — подписываться на заем. Сейчас пойду покупать еду к Покровским воротам. Сегодня в 6 час. придет Муля. Слушай, Аля, знаешь что: это говорит Мур, которого ты хорошо знаешь — не унывай и надейся! Несмотря на расстояние и разность условий, живем мы с тобой вместе. Целую крепко.

Твой брат Мур

35. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

7 июня 1941 <Москва>

Дорогая Аля!

Получили два твоих письма и открытку. У нас погода меняется раз десять в день и не знаешь, как одеться. На ул. Горького — от Кремля до площ<ади> Маяковского — ломаются дома, строятся большие новые магазины и т.п. Очень красиво и хорошо — мне нравится. Только что прослушал по радио преинтереснейшую передачу — «Чайковский в Клину». Давали отрывки из 6^й симфонии. Как гениальна и замечательна она! Я вообще никогда не восторгаюсь и редко прихожу в энтузиазм, но 5ая и 6ая симфонии поражают меня, да и весь Чайковский — здорово. В конц<ертном> зале имени П.И. только он собирает полную аудиторию — да еще, пожалуй, Вагнер¹. Сейчас будут передавать по радио «Петрушку» Стравинского². Прекрасная вещь — очень люблю. Все мои знакомые школьные девичьи удивляются, как это я — остроумный и веселый молодой человек — могу любить «серьезную музыку». «Ах, знаете, Георгий, так скучно...» Зато обожают оперетту. Вообще-то еще неизвестно, кто лучше: наши веселые девичьи из школы или умницы из ИФЛИ или Библиотеки Иностранной Литературы. Первые неумны, вторые часто скучны. Сложный вопрос! Со мной произошел смешной казус: в школе у меня прочная репутация Дон-Жуана — хотя в этом отношении я совсем не силен; кроме того, все думают, что у меня масса друзей, что я не имею ни минуты свободной, хотя, честное слово, у меня нет ни одного друга и большую часть времени я не знаю, куда себя девать. Ни у одного человека в школе нет правильного представления о моем подлинном образе жизни и все идеализируют мое существование. Происходит конфуз — стоит мне кого-нибудь встретить на улице — и уже похлопывания по плечу, подмигивания и когда я говорю, что иду в парикмахерскую, — «знаем, куда ты идешь!» и т.п. — самым убежденным тоном. Чорт знает что такое! Мама почему-то непрестанно чихает, хотя время хорошее. Прочел превосходную книгу Карко «Улица»³. Очень хорошо. Наше окно выходит прямо на Военно-Инженерную Академию и видно, как тренируются красноармейцы. Вчера (позавчера) меня удалось затянуть на футбол — и мне очень понравилось, и я теперь «болею» как всем приличествует. Сдал анатомию на «отлично». Экзамены кончены. Уф!

Наши девочки были разочарованы «Песней о Любви»: «Кипура поет хорошо, но играет, как сапог, и почему он так таращит глаза?». Действительно «Песнь» — старьё. А Милица Корьюс⁴ поет <в> сто раз лучше, чем эта Глэдис Суорсаут⁵. Да просто «Большой Вальс» ни с чем не сравним. По радио — какие-то скучные романсы Стравинского. Сегодня — собрание нашего класса. Выдадут ведомости и дневники. Письмо вышло какое-то легкомысленное.

Целую крепко. Твой брат Мур.

36. Г.С. ЭФРОН — А.С. ЭФРОН

<В Севжелдорлаг>

19 июня 1941 <Москва>

Дорогая Аля!

Сегодня получили твою открытку от 6. VI—41. В Москве стоит жара, сменившая частые ливни. Я часто пью, ем мало, хожу по липкому асфальту. Вчера был на даче у знакомых — катались на лодке, пили чай и т.п. — в общем: дача и только. Каникулярная жара. Я ничего не делаю — слушаю радио, читаю книги, продаю книги в книжных лавках — те же книги, которые здесь купил когда-то. Я теперь бритый и хожу в кепке, которую ношу так: <рисунок в тексте> что мне придает вид капитана и очень мне идет. У меня два новых увлечения: одна девица¹ и футбол. Девицу оставили на 2^й год в 9^м классе, ей 18 лет, украинка, была в Ташкенте, а теперь ей нечего делать и мы гуляем, обмениваемся книгами, ходим в кино и т.п. Мама злится, что «ничего не знает о моей «знакомой», но это пустяки. Во всяком случае я с этой девицей здорово провожу время, она остроумна и изящна — а что мне еще надо? Теперь — 2ое увлечение. Собственно, увлечение № 1 не есть увлечение, а так — времяпрепровождение. И то хлеб, спасибо. Увлечение № 2 — футбол — я предвидел. Острые ощущения — замечательная штука! Я был уже на четырех матчах первенства страны. «Болею» за кого попало. В СССР приехали писатели Жан-Ришар Блок² и Андрэ Мальро³. Блок выступал в «Интернациональной» литературе». Сегодня был в кино с моей девицей — смотрели «Кино-Концерт»⁴ и «Старый Двор»⁵. Ничего. Лемешев⁶ качается на люстре — эффектно. Мы смеялись над яркими поклонницами Лемешева. Моя подруга любит джаз и балет и не понимает «большой музыки». Обожает читать Клода Фаррера⁷. Мы с ней часто гуляем вечером — днем слишком

жарко. В общем, как видишь — живу. Сегодня иду на футбол: Трактор — Динамо. Прочел замечательнейшую книгу — прямо открытие для меня: «Богатые Кварталь» Арагона⁸. А мама эту книгу не переносит. Замечательная книга, просто прекрасная, Все знакомые и незнакомые ругают на все лады Институт литературы (ИФЛИ). Один мой товарищ окончил 10 классов и хочет итти туда, я его отговариваю и рекомандую ГИК (институт кинематографии), да и сам подумываю об этом (киносценарист — шикарно). Но мне еще два года учиться, и время есть.

Ну вот, всё. Ну пока, до свидания, целую крепко.

Твой брат Мур

37. М.И. ЦВЕТАЕВА — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

14го июля 1941 г. <Пески Коломенские>

Дорогая Лиля! Пишу Вам из Песков, куда мы уехали 12го. Был очень сложный и жаркий переезд, половину необходимых вещей забыли. Последние дни из-за газа и неналаженного примуса почти ничего не ели. Вообще, были очень трудные дни.

Умоляю Веру сходить за меня, я действительно не могла, было очень плохо с сердцем. Нынче отдали паспорта в прописку, вернут в конце недели, тогда съезжу в Москву и на авось зайду к Вам, хотя надеюсь, что вы обе тоже в деревне.

Скоро начнем с Котом работать в колхозе, нынче я на полном солнце с 11 ч. до 1 ч. полола хозяйкин огород, чтобы испробовать свои силы, и ничего. Но не знаю, как будет с другой работой, притом каждодневной. Очень, очень прошу Веру заменить меня, это просто необходимо, а то рукопись потеряется¹. Целую вас обеих. Я еще очень плохо сплю, но с сердцем немножко лучше.

Марина

38. М.И. ЦВЕТАЕВА — Г.С. ЭФРОНУ

<31 августа 1941 г.>

Елабуга

Мурлыга! Прости меня. Но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это — уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить.

Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что *попала в тупик*

39. Г.С. ЭФРОН — Е.Я. ЭФРОН

<В Москву>

11. IX. <19>41 <Чистополь>

Дорогая Лиля!

Я думаю, что до Вас уже дошла весть о самоубийстве М.И., последовавшем 31го числа в Елабуге. Причина самоубийства — очень тяжелое нервное состояние, безвыходность положения — невозможность работать по специальности; кроме того, М.И. очень тяжело переносила условия жизни в Елабуге — грязь, уродство, глухость. 31го числа она повесилась. Она многократно мне говорила о своем намерении покончить с собой, как о лучшем решении, которое она смогла бы принять. Я ее вполне понимаю и оправдываю. Действительно, как она пишет мне в посмертном письме: «дальше было бы хуже». Дальше для нее был бы суррогат жизни, «влачение своего существования». Она похоронена на Елабужском кладбище. После похорон я забрал все вещи и переехал в г. Чистополь, где находится Асеев, детдом Литфонда и множество семей писателей Москвы. Ввиду безвыходности моего положения — в Чистополе мне нечего было делать, — я решил уехать в Москву, на страх и риск. Но накануне дня отъезда пришла телеграмма, от Литфонда, зачисляющая меня в Детдом литфонда. Кроме того, мне выдадут единовременное пособие. В Чистополе я распродал 90% вещей М.И. — чтобы обеспечить себя какой-то суммой денег (М.И. так и писала в письме — чтобы я распродал все ее вещи). Итак, мне обеспечено жилье, питание, стирка, глажка и, главное, — учеба. Буду учиться в Чистопольской школе. Вещей на зиму у меня вовсе достаточно — в этом отношении я богат. Кроме того, у меня будет пособие и есть деньги от продажи вещей. Итак — обо мне не беспокойтесь: я полностью устроен и обеспечен. Теперь пишу о главном — для меня. *Лиля, разыщите Митьку. Всеми силами старайтесь узнать, где он. Узнайте, в Москве ли он, какой его адрес. Пошлите кого-нибудь из знакомых в ИФЛИ (в Сокольниках) — может, там знают, где он (он зачислен в ИФЛИ). Если он в Москве, передайте ему приложенное здесь к нему письмо. Если в Москве его нет, узнайте куда он уехал.*

Его телефон В—1—97—51. Сделайте всё возможное, что в ваших силах, чтобы узнать где он, что с ним. Он мой единственный друг. Теперь читайте внимательно : как только узнаете, где он находится, немедленно шлите мне телеграмму, сообщающую, где он находится, что с ним, его адрес. Лиля, денег на это не жалейте: это единственное мое желание. Прошу его выполнить. Это — не прихоть. Мне важно это знать: судьбу друга. Телефон Мули: 2—42—61. Итак, немедленно, когда узнаете что-нибудь о Митьке, шлите мне телеграмму. Очень прошу Вас об этом.*

Желаю всех благ, всего доброго.

Целую крепко Вас и Зину.

Ваш Мур

Адрес для телеграммы:
Татарская А.С.С.Р.
гор. Чистополь
ПОЧТА — до востребования
Эфрону Г.С.

<На полях:>

P.S. Не пишите писем — не доходят, долго идут.

* * *

* Здесь и далее всё выделенное разрядкой, подчеркнуто в письме красным карандашом.

Mater purissima.

Repr. int.

Ch. 13. Paul Lin.

Société des Auxiliaires des Missions - Louvain (Belg.)
Mulpriesters van de Missiën - Leuven (België).

Париж, выставка 1937 г.

Mater purissima (Пречистая Богоматерь)

Открытка, купленная Цветаевой на Всемирной выставке в Париже в 1937 г.

КОММЕНТАРИИ

Пять глав настоящей книги составили неопубликованные письма из двух архивов — Российского государственного архива литературы и искусства (Москва) и Рукописного отдела Института русской литературы Академии наук (С.-Петербург). Для сохранения полноты жизненного контекста в книгу включены и письма, публиковавшиеся ранее, — приблизительно одна треть всего объема.

Письма расположены по главам в хронологическом порядке и пронумерованы внутри каждой главы. Впервые публикуемые письма отмечены в оглавлении звездочками, и только к ним первой строкой в комментариях дается архивный шифр хранения. Остальные письма, полностью или частично опубликованные ранее, этой справки в комментариях не содержат, к ним не дается также и ссылка на первую публикацию, поскольку все они вошли в т. 6—7 Собрания сочинений М. Цветаевой (М.: изд-во «Эллис Лак»), где такие справки имеются.

Все письма воспроизводятся по оригиналам, тексты ранее опубликованных писем сверены с первоисточниками. Эта работа проделана составителем в 1992—1993 гг. В 1995 г. к работе над первоначальным вариантом книги была привлечена Е.И. Лубяникова, которая в период 1996—1997 гг. произвела повторную сверку текстов писем II, III и IV глав и выявила ряд неточностей и погрешностей. Ею также был собран и частично организован материал для комментария к письмам II главы. Некоторые сведения из этого комментария с благодарностью включены в примечания. Кроме того, были использованы материалы, собранные А.С. Эфрон, Р.Б. Вальбе и Д.А. Беляевым. Д.А. Беляеву и В.П. Купченко составитель обязан также ценными консультациями и помощью в справочной работе.

Все письма печатаются с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации, сокращения раскрываются, как принято, в угловых скобках, в них же помещаются необходимые ремарки составителя. Постраничные сноски, кроме особо оговоренных случаев, также принадлежат составителю.

Список сокращений

- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН.
РПБ — Российская публичная библиотека (С.-Петербург)
ГЛМ — Государственный литературный музей (Москва).
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (бывш. ЦТАОР, Москва)
БА — Болшево. Литературный историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М., 1992.
ВА — Цветаева М. Вечерний альбом. М., 1910.
ВФ — Цветаева М. Волшебный фонарь. М., 1912.
В1 — Цветаева М. Версты. М., Госиздат, 1922.
ГЭ — Эфрон Г. Письма. Музей М.И. Цветаевой в Болшеве. Изд-во «Луч-1», Калининград М.о., 1995.
НП — Цветаева М. Неизданные письма. Париж, YMCA-Press, 1972.

Глава первая

МЕДВЕДЁВЫ ДЕТКИ
(1910—1914)

1

Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, историк искусства, художник, антропософ.

¹ Первая книга Цветаевой «Вечерний альбом» (М., 1910) была подарена ею Волошину 1 декабря 1910 г. с надписью: «Максимилиану Александровичу Волошину с благодарностью за прекрасное чтение о Villiers de L'Isle-Adam. Марина Цветаева» (Библиотека Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле, № 205). Волошин первым отметил явление в поэзии Марины Цветаевой. 11 декабря 1910 г. в газете «Утро России» (№ 323, с. 6) была напечатана его статья «Женская поэзия», в которой о книге стихов Марины Цветаевой он отзывался так: «Она вся на грани последних лет детства и первой юности. Если же прибавить, что ее автор владеет не только стихом, но и четкой внешностью внутреннего наблюдения, импрессионистической способностью закреплять текущий миг, то это укажет, какую документальную важность представляет эта книга, принесенная из тех лет, когда обычно слово еще недостаточно послушно, чтобы верно передать наблюдение и чувство».

² Стихотворение Волошина, обращенное к Цветаевой: «К Вам душа так радостно влекома...», написано 2 декабря 1910 г., т.е. на следующий день после получения от нее «Вечернего альбома».

³ Дом отца Цветаевой — Трехпрудный переулоч, 8.

4

¹ В предыдущем письме, назначая Волошину встречу в пятницу вечером, Цветаева, по-видимому, упустила из виду, что этот вечер был кануном Нового года и поэтому для встречи неудобен.

5

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1169.

Лидия Александровна *Тамбурер* (урожд. Гаврина; 1870—1931) — друг семьи И.В. Цветаева, матерински опекавшая его младших дочерей, по профессии зубной врач. Ей посвящены стихотворения Цветаевой «Последнее слово», «Эпитафия» (ВА), «Жажда» (ВФ) и др., она упоминается в очерке Цветаевой «Лавровый венок» (1933).

6

¹ «Яшмовая трость» — книга рассказов французского писателя Анри де Ренье (1864—1935), которого Волошин очень ценил, переводил и которому посвятил ряд статей. Следующие две фразы письма Цветаевой относятся, видимо, именно к «Яшмовой трости», подаренной ей Волошиным накануне, во время их встречи 4 января 1911 г.

² Книжные магазины издательских фирм В.Г. *Готье* и М.О. *Вольфа*.

³ Марсель *Швоб* (1871—1905) — французский писатель. Волошин ценил его книгу «Вымышленные жизни» (1896, русский перевод Л. Рындиной; М., «Гриф», 1909), которую в статье «Ответ Валерию Брюсову» («Русь», 1908, 4 января) приводил как образец «субъективных и лирических характеристик» современников. Возможно, что именно ее он рекомендовал Цветаевой.

⁴ Далее Цветаева перечисляет следующие произведения немецкого писателя Генриха Манна (1871—1950): трилогию «Богини, или Три романа герцогини Асси» (1903), роман «Голос крови» (русский перевод: М.: «Полюза», 1909), повесть «Актриса» (русский перевод: ж. «Театр и искусство», 1907), роман «Погоня за любовью» (1904), сборники рассказов «Чудесное» (1903), «Флейты и кинжалы» (русский перевод: М.: «Полюза», 1908), романы «Маленький город» (1908), «Страна лентяев» (1910), «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» (1905).

⁵ Отношение Цветаевой к Чехову осталось неизменным в течение всей жизни.

⁶ Вторая строка стихотворения Ш. Бодлера «Le Voyage» («Плаванье», 1859). Букв.: «Вселенная равна его громадному аппетиту». В 1940 г. в своем переводе «Плаванья» Цветаева следующим образом передала безграничность восприятия Вселенной: «За каждым валом — даль, за каждой далью — вал» (см.: Б о д л е р Ш. Цветы зла. М.: Наука, 1970. С. 211).

⁷ Цветаева имеет в виду трилогию Г. Манна «Богини», героиня которой последовательно служит трем богиням, отдавая дань политической борьбе («Диана»), искусству («Минерва») и любви («Венера»).

⁸ Цветаева напоминает Волошину его слова при их первом знакомстве: «Вы удивительно похожи на римского семинариста. Вам, наверно, это часто говорят?» (см. очерк Цветаевой «Живое о живом»).

7

¹ Строки стихотворения А. де Ренья «Je n'ai rien...» («Нет у меня ничего...» 1908). В «Аполлоне», 1910, № 4 был напечатан перевод Волошина:

Нет у меня ничего,
Кроме трех золотых листьев и посоха
Из ясеня,
Да немного земли на подошвах ног,
Да немного ветра в моих волосах,
Да бликов моря в зрачках...
Потому что я долго шел по дорогам
Лесным и прибрежным
И срезал ветвь ясеня
И у спящей осени взял мимоходом
Три золотых листа...
Прими их. Они желты и нежны
И пронизаны
Альми жилками,
В них запах славы и смерти.
Они трепетали под темным ветром судьбы.
Подержи их немного в своих нежных руках —
Они так легки, и помяни
Того, кто постучался в твою дверь вечером,
Того, кто сидел молча,
Того, кто, уходя, унес
Свой черный посох
И оставил тебе эти золотые листья
Цвета смерти и солнца...
Разожми руку, прикрой за собой дверь,
И пусть ветер подхватит их
И унесет...

(В о л о ш и н М. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 486—487. Б-ка поэта. Большая серия).

8

¹ По свидетельству вдовы поэта — М.С. Волошиной — Волошин любил ароматические вещества: зимой в его кабинете в курильнице часто дымился ладан и разные ароматические смолки, приобретенные им в Париже (архив Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле. А. 777).

² Возможно, Цветаева имеет в виду ст-ние Вячеслава Ивановича *Иванова* (1866—1949) «Вечность и миг» (или «На миг») из сб. «Кормчие звезды» (М.: СПб., 1901).

9

¹ Продолжая открывать Цветаевой писателя, которым был в то время увлечен, Волошин подарил ей и этот роман А. де Ренье. Позднее, в очерке «Живое о живом», Цветаева так вспоминала о своем первом впечатлении от «Встреч господина де Брео»: «Восемнадцатый век. Приличный господин, но превращающийся временами в фавна. Праздник в его замке. Две дамы — маркизы, конечно, — гуляющие по многолюдному саду и ищущие уединения. Грот. Тут выясняется, что маркизы искали уединения вовсе не для души, а потому, что с утра не переставая пьют лимонад. Стало быть — уединяются. Подымают глаза: у входа в грот, заслоня солнце и выход, огромный фавн, то есть тот самый Monsieur de Breot. В негодовании захопываю книгу. Эту — дрянь, эту — мерзость — мне?»

² Один из разделов «Вечернего альбома» озаглавлен «Только тени».

11

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1255.

¹ Л.А. Тамбурер.

² О каком недоразумении идет речь, установить не удалось. Однако поскольку в переписке Цветаевой и Волошина наступает длительный перерыв, в качестве предположения о причине размолвки напомним следующую сцену, описанную в очерке «Живое о живом» и связанную всё с тем же романом А. де Ренье: «С книгой в руках и с неизъяснимым чувством безразличности к этим рукам за то, что такую дрянь держат, иду к своей приятельнице и ввожу ее непосредственно в грот. Вскрывает, верней, высказывает, как оженная.

— Милый друг, это просто — порнография! (Пауза.) За это, собственно, следовало бы сослать в Сибирь, а этого ... поэта, во всяком случае, ни в коем случае, не пускайте через порог! (Пауза.) Нечего сказать — маркизы! <...> Тотчас же садитесь и пишите: «Милостивый государь» — нет, какой же он государь! — просто без обращения: Москва, число. — После происшедшего между нами — нет, не надо между нами, а то он еще будет хвастаться — тогда так: «Ставлю вас в известность, что после нанесенного мне оскорбления в виде присланного мне порнографического французского романа вы навсегда лишились права преступить порог моего дома. Подпись». Всё».

12

Стихотворение было впоследствии включено Цветаевой в ее второй сборник «Волшебный фонарь» (М., 1912) под заглавием «Кошки» и с посвящением «Максу Волошину».

13

¹ Л.А. Тамбурер.

14

¹ Романы французской писательницы Жорж Санд (1804—1876): «Консуэло» (1842—1843), «Графиня Рудольштадт» (1843—1844), «Жак» (1834).

² Прозвище Л.А. Тамбурер.

³ Анастасия Ивановна *Цветаева* (1894—1993) — младшая сестра Цветаевой.

⁴ Елена Оттобальдовна *Кириенко-Волошина* (1850—1923) — мать М.А. Волошина.

⁵ Источник цитаты не установлен.

16

¹ «Труженики моря» (1866) — роман французского писателя Виктора Гюго (1808—1885).

² Французский писатель Александр *Дюма-отец* (1802—1870); Волошин подарил Цветаевой его пятитомный роман «Жозеф Бальзамо (Записки врача)» (1846), который стал ее любимой книгой.

17

Эфрон Сергей Яковлевич (1893—1941) — с 1912 г. муж М.И. Цветаевой.
Эфрон Вера Яковлевна (1888—1945) — сестра С.Я. Эфрона, актриса, педагог.

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 1—2.

¹ Для лечения С.Я. Эфрон был отправлен родными в пансион в курортном городке Есбо близ Гельсингфорса.

² Лицо неустановленное.

³ Петербургская ежедневная газета, центральный орган кадетской партии.

⁴ Павел Николаевич *Милюков* (1859—1943) — историк, политический деятель, лидер кадетской партии, редактор «Речи». Возможно, просьба относится к его книгам: «Из истории русской интеллигенции» (СПб., 1903, 2-е изд.), «Очерки по истории русской культуры» (СПб., 1896—1903).

⁵ В.Я. Эфрон жила в Петербурге (Владимирский проспект, 15, квартира 37), работала педагогом и занималась в студии пластического танца.

⁶ Слова из шуточной студенческой песни.

⁷ Т.е. «Вера» в детском произношении.

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Домашнее имя старшей сестры С.Я. Эфрона Анны Яковлевны *Трунчинской* (урожд. Эфрон, 1883—1971), впоследствии учительницы истории.

18

¹ О своем отношении к морю Цветаева впоследствии высказывалась неоднократно — и неизменно. См., например, ст-ние «Наяда» (1928), поэму «С Моря» (1926), очерк «Мой Пушкин» (1937) и многочисленные высказывания в письмах.

² *Жан Поль* — псевдоним немецкого писателя Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (1763—1825). Речь идет о его романе «Озорные годы» (1804—1805).

³ Заключительные строки ст-ния Константина Дмитриевича *Бальмонта* (1867—1942) «С морского дна» из сборника «Будем как солнце» (М.: «Скорпион», 1903).

⁴ Цветаева имеет виду скалу, выступающую мысом в море, с остатками генуэзской крепости.

⁵ «*Мусагет*» — книжное издательство в Москве (1909—1917), объединявшее приверженцев символизма религиозно-философской направленности и философов-идеалистов.

⁶ В студии скульптора Константина Федоровича *Крахта* (1868—1919) с конца 1910 г. устраивались собрания молодых поэтов.

⁷ Л.А. Тамбурер.

19

¹ Источник цитаты не установлен.

² Афоризм из сказки «Старый дом» Х.К. Андерсена (1805—1875).

³ Волошин был увлечен гипотезой французского физиолога Рене *Кентона* (1867—1925) о происхождении жизни из морских глубин, о тождестве крови человека и морской воды.

⁴ Ст-ние «Душа и имя» (ВФ).

⁵ Французская писательница *Клаудина-Александрина-Гуерин де Тансен* (1685—1749), автор романа «Несчастье в любви» (1747), мать философа и математика Д'Аламбера.

⁶ Граммофон, неоднократно упоминаемый в письмах, был мечтой Цветаевой весь год. Осенью 1911 г. он, наконец, был приобретен.

20

Эфрон Елизавета Яковлевна (1885—1976) — сестра С.Я. Эфрона, режиссер, педагог.

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 26.

¹ С.Я. Эфрон датирует письмо по новому, европейскому, стилю. В России эта дата соответствует 18 апреля.

² Алексей Германович *Цирес* (1889—1967) — друг семьи Эфрон, брат гимназической подруги А.Я. Трупчинской — Екатерины Цирес, занимался по программе гимназического курса с братьями Эфрон — Сергеем и Константином; впоследствии — преподаватель латинского языка, психолог и философ.

³ Александр Сергеевич *Говоров* (1891—?) — гимназический товарищ С.Я. Эфрона, был шафером на его свадьбе в январе 1912 г.

21

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 7.

Написано на открытке из серии театральных портретов: «Синяя птица» М. Метерлинка. Моск. Худож. театр. Корова — Н.А. Миронова. Датировано по почтовому штемпелю.

¹ В Коктебель.

² В. Я. Эфрон предстояла операция по удалению миндалин.

³ А. Г. Цирес.

⁴ Софья Марковна *Адель* (ок. 1884 — после 1931) — сестра художницы О. Меерсон, парижской знакомой семьи Эфрон, жена московского юриста. Е. Я. Эфрон жила в семье Адель, так как не имела в Москве своей квартиры.

22

Стихотворение написано на открытке с видом Феодосии. Датируется условно. В. П. Купченко считает его ответом на ст-ние Волошина «Обманите меня... но совсем, навсегда...» (1911).

23

Написано на следующий день после совместного отъезда М. И. Цветаевой и С. Я. Эфрона из Коктебеля.

¹ По-видимому, В. Я. Эфрон.

² Вероятно, имеется в виду Елена Николаевна *Потапенко* (урожд. Лампси; 1864 — не ранее 1928) — учительница музыки, бывшая жена писателя И. Н. Потапенко.

24

¹ Коктебельская мифология. В шуточном сонете Волошина «Обед» (16 мая 1911) есть строка: «Опять уплыл недоенным дельфин...». Л. Е. Фейнберг, тоже гость Волошина того лета, вспоминал: «Между другими коктебельскими придумками был дельфин, который будто бы приплывал, чтобы его доили, и его молоком лечили слабогрудого Сережу Эфрона» (Фейнберг Л. В Коктебеле, у Максимилиана Волошина. — ж. «Дон», 1980, № 7. С. 183).

25

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 6, ед. хр. 282.

Написано на видовой открытке: «Мелитополь. Александровская ул. и гостиница Кониди».

Первые три строки — рукой С. Я. Эфрона, последние две — М. И. Цветаевой.

¹ Эвфемизм.

26

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 27.

Написано на видовой открытке: «Ст. Лозовая. № 1». Датировано по почтовому штемпелю.

¹ От шутивого прозвища Е.Я. Эфрон в Коктебеле — «старая влюбленная обезьяна».

27

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 29.

Написано на открытке из серии в пользу общин Св. Евгении: «В. Зарубин. Маки». После названия картины «Маки» — рукой Цветаевой сделана приписка: «или «Макаки» — каждый из этих маков был в прежней жизни тем, что Лиля в настоящей».

28

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 28.

¹ В доме И.В. Цветаева в Трехпрудном переулке, 8. Сам И.В. Цветаев был в отъезде.

² Дом бабушки С.Я. Эфрона — Е.Н. Дурново.

³ На Ваганьковском кладбище в Москве была похоронена мать Цветаевой — Мария Александровна *Цветаева* (урожд. Мейн, 1868—1906) и ее дед — Александр Данилович *Мейн* (1836—1899), а также бабушка — Елизавета Никаноровна *Дурново* (урожд. Посылина) и старший брат С.Я. Эфрона — *Глеб*, умерший в семилетнем возрасте.

⁴ Андрей Иванович *Цветаев* (1890—1933) — единокровный брат Цветаевой, сын И.В. Цветаева от первого брака с Варварой Дмитриевной *Иловайской* (1858—1890), впоследствии искусствовед, музейный работник.

⁵ О какой книге идет речь, установить не удалось.

29

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 1.

Написано на открытке с цветным изображением «Дикой кошки».

¹ Цветаева и Эфрон направлялись в Башкирию для лечения С.Я. Эфрона кумысом.

² А.И. Цветаев.

30

Написано на открытке с изображением стоящего льва и лежащей львицы.

¹ Теофиль Готье (1811—1872) — французский поэт и писатель; Цветаева имеет в виду, вероятно, его портрет с пышной шевелюрой.

31

¹ Написано чрезвычайно мелким почерком на узкой картонной рекламной карточке «Товарищества Эйнем», которая вкладывалась в плитку производимого фирмой шоколада.

² Альфонс Додэ (1840—1897) — французский писатель.

³ Петух изображен на обороте рекламной карточки.

⁴ А.И. Цветаева.

⁵ Возможно, описка Цветаевой, и под инициалами имеется в виду Борис Сергеевич Трухачев (1892—1919) — тогда жених А.И. Цветаевой; вполне вероятно также, что этими литерами обозначен персонаж коктейбельских розыгрышей — «Игорь Северянин».

⁶ В.Я. Эфрон.

⁷ Прозвище Е.Я. Эфрон.

⁸ Уездный город Уфимской губернии.

⁹ Коктейбельские соседи Волошина: Екатерина Федоровна Юнге (урожд. Толстая, 1843—1913), художница и мемуаристка, и ее сыновья — Александр Эдуардович Юнге (1872—1921) — ботаник, и Федор Эдуардович Юнге (1866—1928) — инженер-механик.

33

¹ Олимпиада Никитична Сербинова (урожд. Ермакова, 1879—1955) — жена старокрымского судьи, певица-любительница.

² Аделаида Казимировна Герцык (1870—1925, в замуж. Жуковская) — поэтесса, критик, переводчица.

³ Жан Поль.

⁴ Теофиль Готье.

⁵ Строка ст-ния Цветаевой в ВА и ВФ, посвященного сыну хозяина «Русского пансиона» в Нерви Володе Миллеру.

⁶ «Джулио Мости. Драматическая фантазия в четырех частях с интермедией, в стихах. Сочинение Н.К. <Н.В. Кукольника>». СПб., 1836.

34

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 34—35.

¹ С.Я. Эфрон готовился к экзаменам на аттестат зрелости.

² А.С. Говоров.

³ Белла Евгеньевна *Фейнберг* (1888—1976, в замуж. Майгур) — приятельница Е.Я. Эфрон.

35

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 1.

Написано на видовой открытке: «Белебей. Усень-Ивановский завод. Вид на гору Мысайку».

¹ Из ст-ния Н.С. Гумилева «Кенгуру. Утро девушки» из его сб. «Жемчуга» (М.: «Скорпион», 1910).

36

Написано на видовой открытке: «Усень-Ивановский завод (Уф<имской> губ<ернии>) Посадка хвойных деревьев».

37

¹ Видимо, производное от выражения «лясы точить» — шутить, балагурить, пустословить.

² Возможно, речь идет о Николае *Павлове* — поэте, авторе книги «Распятые тени» (Одесса, 1917).

³ Александр Давидович *Топольский* — поэт и офицер, ему посвящено ст-ние Цветаевой «Белоснежка» (ВФ).

⁴ *Элис* — псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879—1947) — поэта, переводчика, критика, сотрудника издательства «Мусагет»; друга юности сестер Цветаевых; к нему обращена юношеская поэма Цветаевой «Чародей» (1913).

⁵ Жан Поль.

⁶ Роман немецкого писателя Вильгельма *Гауфа* (1802—1827) из истории Германии XVI в.

⁷ Речь идет о двоюродном брате Волошина Михаиле Сергеевиче *Лямине* (1883—?) — душевно неуравновешенном человеке.

⁸ По-видимому, речь идет о фотографии или рисунке с изображением коктельбейской собаки по кличке Гайдан.

⁹ Летом 1911 г. Волошин сделал отдельные и групповые фотографии сестер Цветаевых, Эфрон и других обитателей дома.

38

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 37—38.

¹ 5/18 сентября — по Святцам — праведница Елисавета.

² Речь идет, вероятно, о планах брака и совместной жизни.

³ А.Я. Трупчинская жила с мужем и двумя маленькими дочерьми и, вероятно, уклад этой семьи был чужд С.Я. Эфрону.

⁴ А.Г. Цирес.

⁵ Александр Владимирович *Трупчинский* (1877—1938) — муж А.Я. Эфрон, потомственный дворянин, присяжный поверенный; его мать Мария Фортунатовна (урожд. Хлюдзинская, ок. 1858—1942).

39

¹ В конце августа 1911 г. Волошин получил приглашение от редакции ежедневной «Московской газеты» (ред. Э.М. Бескин) быть ее корреспондентом в Париже и в начале сентября выехал туда. Его привлекала возможность жить в Париже, поэтому он поначалу пренебрег несколько бульварным характером газеты. В середине ноября 1911 г. «Московская газета» избавила Волошина от «бремени позора» быть ее парижским корреспондентом.

² Людвиг Лукич *Квятковский* (1896—1977) — феоносиец из бедной семьи, в те годы начинающий художник, которого опекали и поддерживали М.А. Волошин, К.Ф. Богаевский, М.В. Сабашникова.

³ Л.А. Тамбурер.

⁴ Французский поэт и драматург Эдмон *Ростан* (1868—1918) был любимым поэтом Цветаевой.

⁵ Французская трагическая актриса Сара *Бернар* (1844—1923) исполнила роль герцога Рейхштадского в спектакле по пьесе Э. Ростана «Орлеанок». Цветаева в 1909 г. ездила в Париж, чтобы увидеть ее в этой роли.

⁶ Хозяйка квартиры, у которой Цветаева снимала комнату во время своего пребывания в Париже в 1909 г.

40

¹ Л.А. Тамбурер.

² Имя Ася в итальянской транскрипции.

³ ВФ был сдан в типографию 27 октября 1911 г., вышел из печати 11 февраля 1912 г.

41

Послано с нарочным.

¹ Л.А. Тамбурер.

42

¹ Цветаева вспоминает, как осенью 1910 г. она отнесла рукопись своего первого сборника (ВА) в типографию и издала за свой счет.

² Елена Отгобальдовна Кириенко-Волошина приехала в Москву 10 октября 1911 г. и поселилась в доме Зайченко. В письме к сыну 15 октября она писала: «В гнезде оборотов я чувствую себя очень хорошо, как среди близких, хороших, родных <...> У Эфронов гости: Алекс<ей> Германович, Белла, какая-то Маня, подруга Лили. Сейчас все забавляются граммофоном, гадают по нем. Теперь играют на пьянино. <...> Мне очень жаль Сережу: выбился он из колеи, гимназию бросил, ничем не занимается; Марине, думаю, он скоро прискучит, бросит она игру с ним в любовь».

³ Кафтаны («шущуны») Е.О. Кириенко-Волошина шила сама, украшая их вышивкой, коктейльскими камушками, металлической нитью и т.п.

⁴ Екатерина Федоровна Юнге была троюродной сестрой Л.Н. Толстого.

⁵ 9 ноября 1911 г. Е.О. Кириенко-Волошина писала сыну: «При вторичном посещении Ек<атерины> Фед<оровны> я познакомилась с С.А. Толстой. Она часа 1½—2 говорила без умолку, и мне очень жаль стало Льва Николаевича: ведь это 50 лет выслушивать ее равнодушно-журчащую болтовню». В ответном письме Волошин писал: «О твоём знакомстве с С.А. Толстой мне писала уже Марина ещё подробнее, чем ты (о курице и орле). Это всё очень поучительно».

⁶ В.Я. Эфрон поступила осенью, по рекомендации Волошина, в студию пластического танца Э.И. Рабенек.

43

¹ Первоначально свадьба М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона намечалась на 7—8 января 1912 г. (как сообщала сыну 4 декабря 1911 г. Е.О. Кириенко-Волошина), потом она была отложена «до 16 января» (ее же письмо от 1 января 1912 г.). Венчание состоялось 27 января 1912 г. в Палашевской церкви в Москве, и Е.О. Кириенко-Волошина была посаженной матерью. Волошин приехал в Москву из Парижа 8 февраля 1912 г.

² Л. А. Тамбурер.

³ Филолог-классик, переводчик, поэт Владимир Оттонович *Нилендер* (1883—1965) — адресат «Вечернего альбома» Цветаевой.

⁴ ВФ.

⁵ «Общество свободной эстетики» — литературно-художественное объединение в Москве, одним из руководителей которого был Валерий Яковлевич *Брюсов* (1873—1924). Приводим газетную заметку об упоминанном Цветаевой вечере — ее первом публичном выступлении:

«У ЭСТЕТОВ»

Запасная столовая Литературно-Художественного кружка переполнена. Около 200 слушателей собралось на очередное заседание «Общества свободной эстетики», посвященное «поэтам». Посреди зала маленький столик, за которым поэты читают свои произведения. Кругом, в углах, проходах сидят и стоят слушатели. В публике много популярных москвичей. Вот грузная фигура В. А. Серова, мелькает профиль Валерия Брюсова, «на минуточку» появляется, прислушиваясь к стихам, Влад. Ив. Немирович-Данченко. Много хорошеньких женских головок, изящных туалетов. Своей эlegantностью выделяются: Е. П. Носова, Н. Г. Высоцкая, С. Р. Полякова, Е. Я. Каялова, И. К. Альбрехт.

Один за другим проходят перед слушателями около 20 поэтов. Особенное внимание привлекает Валерий Брюсов, читающий ряд не появлявшихся еще в печати стихов. Долгие, неумолкающие аплодисменты провожают его. Интересные стихи читают: Борис Садовской, В. Ходасевич, С. Рубанович, Н. Львова. «Дуэтом» читают в унисон сестры Цветаевы стихи старшей из них — Марины Цветаевой.

По-немецки прочел несколько своих переводов из Валерия Брюсова и собственных стихов Максимилиан Шик, по-французски — переводы из современных русских поэтов Жан Шюзвиль («Раннее Утро», 1911, 5 ноября).

⁶ Жанна (Иоанна) Матвеевна *Брюсова* (урожд. Рунт, 1876—1965) — жена В. Я. Брюсова.

⁷ *Ниника* — детское имя дочери К. Д. Бальмонта и Е. А. Бальмонт (Андреевой) Нины Константиновны Бальмонт (1901—1989, в замуж. Бруни).

⁸ Речь идет об эпизоде, пересказанном многими мемуаристами. *Vache* (корова) — презрительная кличка полицейских во Франции. Бальмонт шел в Париже по улице с Е. Цветковской и увидел, что у нее раскрылась сумочка. «Ваш сак!» — сказал он ей, проходя мимо полицейского, а тот услышал: «vache sale» («грязная корова») — и Бальмонта судили за оскорбление полиции.

44

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347.

Написано на открытке с изображением девочки с букетом.

¹ М.С. Лямин.

45

12 ноября 1911 г. Волошин писал матери: «Свадьба Марины и Сережи представляется мне лишь «эпизодом» и очень кратковременным. Но мне кажется, что это скорее хорошо для них, т^ка^к сразу сделает их обоих взрослыми. А это, мне кажется, им надо». Вероятно, в том же духе он написал и Цветаевой, ответом на что и явилось настоящее письмо.

46

В очерке «Живое о живом» Цветаева вспоминает о реакции Волошина на ее гневное письмо: «И его ответ: спокойный, любящий, бесконечно-отрешенный, непоколебимо-уверенный, кончавшийся словами: «Итак, до свидания, до следующего перекрестка!» — т.е. когда снова попаду в сферу его влияния, из которой — мне только кажется — вышла». Ответом на этот «ответ» и явилась телеграмма Цветаевой.

47

Написано на обороте фотографической карточки М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона.

¹ О какой книге идет речь, установить не удалось.

² ВФ.

³ Источник цитаты не установлен.

⁴ Прозвище Б.С. Трухачева.

⁵ М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон выехали из Москвы в заграничное путешествие только 29 февраля 1912 г.

⁶ *Тюо*, т.е. «Тётя» — Сусанна Давыдовна *Мейн* (? — ок. 1920) — швейцарская воспитательница матери М.И. Цветаевой, вторая жена ее деда, А.Д. Мейна; жила в собственном доме в Тарусе.

⁷ А.Я. Трупчинская не одобряла раннюю — в 18 лет — женитьбу брата, еще не кончившего гимназический курс.

48

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 39—40.

3 декабря 1911 г. Е.Я. Эфрон уехала за границу: в Берн—Мюнхен—Париж. Датируется по содержанию.

¹ Л.Л. Квятковский.

² А.Г. Цирес.

³ Возможно, Федор Акимович *Волькенштейн* (1874—1937) — присяжный поверенный, журналист, первый муж Натальи Васильевны Крандиевской.

⁴ Возможно, Абрам Моисеевич *Беркенгейм* — преподаватель Высших женских курсов.

⁵ Мария Лазаревна *Гехтман* (1892—1947) — пианистка, первая жена А.Г. Циреса.

⁶ Мария Германовна *Цирес* — младшая сестра А.Г. Циреса.

⁷ Самуил Евгеньевич *Фейнберг* (1890—1962) — пианист.

⁸ Б.Е. Фейнберг.

⁹ Леонид Евгеньевич *Фейнберг* (1896—1980) — художник, автор воспоминаний «Три лета в гостях у Максимилиана Волошина» (полностью не опубликованных, фрагменты в сб. «Воспоминания о Максимилиане Волошине». М.: Сов. писатель, 1990. С. 268—293).

¹⁰ Возможно, Алексей Николаевич *Толстой* (1882/83—1945) — писатель.

¹¹ Надежда Васильевна *Крандиевская* (1891—1963, в замуж. Файдыш) — скульптор, автор скульптурных портретов С.Я. Парнок (1913), А.Н. Толстого и М.И. Цветаевой (оба 1915).

¹² Наталья Васильевна *Крандиевская* (1888—1963) — поэтесса.

¹³ Вероятно, Аркадий *Зенченко*, приемный сын товарищей Е.П. Дурново по партии «Народная Воля», друг П.Я. Эфрона.

¹⁴ Возможно, Ольга Марковна *Меерсон*, знакомая семьи Эфрон, парижская художница.

49

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 41.

¹ Над. В. Крандиевская училась в Училище живописи, ваяния и зодчества.

² А.Г. Цирес.

³ А. Зенченко.

⁴ Видимо, родственница Зенченко.

50

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 42—43.

Написано в ответ на несохранившееся письмо Е.Я. Эфрон, где та, вероятно, высказывала свои сомнения о предстоящем браке брата.

51

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 44—46.

¹ Видимо, имеется в виду нагромождение бумаг и вещей в комнате Е.Я. Эфрон.

52

¹ Имеются в виду А.Я. и А.В. Трупчинские.

² Элла Ивановна *Рабенек* (урожд. Бартельс, в первом браке Книппер, ок. 1881—ок. 1935) — танцмейстер, в 1908—1911 гг. вела уроки танца в Московском Художественном театре, затем организовала собственную «школу ритма и грации».

³ 11 февраля 1912 г., в день выхода ВФ из печати, Цветаева подарила книгу Волошину с дарственной надписью: «Милому Максусу с благодарностью за Коктебель. Марина. Москва, 11-го февраля 1912» (РГБ 128/3863).

53

29 февраля 1912 г. М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон отправились в заграничное путешествие по Франции, Италии и Германии. Согласно признанию Цветаевой в очерке «Живое о живом», свое свадебное путешествие она распланировала в соответствии с маршрутом свадебного путешествия А.А. Тургеневой и А. Белого в 1909 г.

Написано на обороте открытки с репродукцией картины К. Юона «Воробьевы горы, май».

54

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 5.

Написано на открытке с видом: «Jardin du Luxemburg, le Coin des Nourrices» («Люксембургский сад, уголок кормилиц»).

55

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 362а.

Написано на открытке с видом: «Paris. — L'Institut et le Pont des Arts» («Париж. — Институт и мост Искусств»).

Датировано по почтовому штемпелю.

¹ На могиле матери, отца и брата — Е.П. Дурново-Эфрон (1855—1910), Я.К. Эфрона (1851—1909) и К.Я. Эфрона (1895—1910), похороненных на кладбище Монпарнас.

² *Быковский* — видимо, вереск, похожий на тот, что рос в подмосковном Быкове, где семья Эфрон несколько лет в начале века снимала дачу.

³ Франка *Гранье* — знакомая Е.П. Дурново-Эфрон.

56

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 9—12.

¹ Один из крупнейших французских банков, имевший отделения и за границами Франции, в том числе в России.

² Люксембургский музей — собрание современного искусства.

³ В исторической драме Э. Ростана «Орленок» (1900), посвященной сыну Наполеона I, герцогу Рейхштадтскому, Сара Бернар играла главную роль.

⁴ Имеется в виду универсальный магазин на площади Пале-Рояль.

57

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 51.

Написано на видовой открытке с изображением группы лежащих на тротуаре подростков: «Napoli. — Dolce far niente» («Неаполитанское ничегонеделание»).

58

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 52.

Написано на видовой открытке с репродукцией бюста Данте Алигьери из собрания Национального музея (Неаполь).

59

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 53—54.

¹ Курортный городок в Австро-Венгрии с серными источниками в окрестностях.

² Речь идет о парке Шенбрунн в Вене, где жил и в 1832 г. умер герцог Рейхштадтский; в ВА есть ст-ние «В Шенбрунне».

³ Местечко близ Генуи, где Цветаева с больной матерью жила в «Русском пансионе» в 1902—1903 гг.

⁴ Подобное разочарование описано Цветаевой в очерке «Мой Пушкин».

60

Написано на открытке с видом Везувия: «Vesuvio in eruzione» («Извержение Везувия»).

¹ Мессина — город на северо-восточном побережье Сицилии, разрушенный 2 января 1909 г. сильным землетрясением, во время которого погибли 200 тысяч человек.

61

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 2.

Написано на видовой открытке: «Palermo. — Chiesa di S. Giovanni degli Eremiti. Costruita nel 1132» («Палермо. — Церковь Св. Иоанна Отшельника. Построена в 1132»).

62

Написано на видовой открытке: «Monreale — Duomo — Interno» («Монреале — Кафедральный собор — Интерьер»).

¹ Б.С. Трухачевым.

² Снимки не сохранились.

³ А.К. Герцык.

63

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 55—56.

¹ Сельма Лагерлёф (1858—1940) — шведская писательница, «Чудеса антихриста» — ее роман (1897).

² Д'Аннунцио Габриеле (1863—1938) — итальянский писатель.

65

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 14.

Датировано по почтовому штемпелю.

¹ Рецензия на книгу рассказов С. Эфрона «Детство» была написана М. Кузминым и напечатана в ж. «Аполлон», 1912, № 3—4, С. 106. М. Кузмин. Заметки о русской беллетристике.

СЕРГЕЙ ЭФРОН. ДЕТСТВО (М.: Кн-во «Оле-Лукойе», 1912 г. Ц. 1 р.).

Эта свежая и приятная книга, очевидно, написана не для детей и потому, нам кажется, что кроме взрослых, ею особенно заинтересуются и дети. Отсутствие моральных тенденций и всяких маленьких пролетариев, униженных и благородных, придает книге характер искренности и правдивости.

Может быть, некоторые рассказы слишком незначительны, но автор всё передает с такою естественной грацией и выказывает такую тонкую наблюдательность, что известную мелкость письма, а иногда и самого содержания ему охотно прощаешь. Остается только пожелать, чтобы автор также порассказал нам что-нибудь и о взрослых. Впрочем, если его больше привлекает детский мир, который им, конечно, не исчерпан, мы и за то благодарны.

М. Кузмин.

² Музей императора Александра III, устройством которого отец Цветаевой занимался с 1890-х годов, был открыт 31 мая 1912 г. Этому событию посвящены мемуарные очерки Цветаевой: «Открытие музея», «Лавровый венок», «Отец и его музей» (1933). Памятник Александру III установлен перед храмом Христа Спасителя к 100-летию Отечественной войны 1812 г. Снесен вскоре после Октябрьских событий 1917 г.

³ См. очерк Цветаевой «Мундир» (1933).

⁴ Сергей Юльевич *Vitte* (1849—1915), граф — русский государственный деятель.

⁵ Обер-прокурором Синода в 1911—1915 гг. был Владимир Карлович *Саблер* (1845—1929).

66

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 15—17.

¹ М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон жили в Тарусе у С.Д. Мейн (Тю), имевшей там собственный дом.

² Вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847—1928) — жена императора Александра III, мать Николая II.

³ Книга рассказов С. Эфрона «Детство» вышла из печати почти одновременно с ВФ — 28 февраля 1912 г.

⁴ Сохранилось еще одно письмо С.Я. Эфрона к В.Я. Эфрон, написанное в Тарусе, — 10 июня 1912 г.: «Если бы ты знала, как здесь хорошо!»

Сегодня встречали с Мариной восход солнца и оба получили насморк. У Марины двойной насморк: сенной — от цветов, и обыкновенный — от восхода солнца. Вникни в этот диссонанс — причины и следствия» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 18).

67

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 3.

¹Йозеф *Ланнер* (1801—1843) — австрийский скрипач, дирижер и композитор.

²В письме от 25 мая 1912 г. С.Я. Эфрон писал В.Я. Эфрон: «Мы сняли особняк на Собачьей площадке (в 4 комнаты). Особняк старинный, волшебный. Мой адр<ес:> Собачья площадка дом № 8» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 13).

³А.Н. Толстой.

⁴Петр Николаевич *Лампси* — феодосийский городской судья, внук И.К. Айвазовского.

⁵ВФ и «Детство» С. Эфрона.

68

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 57.

¹Жена доктора Дмитриева, с которым в качестве фельдшерицы работала первая жена А.В. Трупчинского, упомянутая далее под фамилией Кудрявцева.

²По сведениям, записанным А.С. Эфрон со слов Е.Я. Эфрон, после продажи дома Е.Н. Дурново в Гагаринском переулке, каждому члену семьи было определена сумма в 15 тысяч рублей, а Е.П. Дурново-Эфрон и К.Я. Эфрону — 30 тысяч, так как они вынуждены были жить за границей. После их смерти эти деньги были распределены поровну между оставшимися членами семьи. Сумма лежала в банке, жили на проценты. Просьба А.Я. Трупчинской вызвана намерением ее мужа купить нефтеносные земли под Баку: А.В. Трупчинский был большевиком, и деньги ему требовались на нужды партии.

69

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 61—62.

¹Имеется в виду дом в Замоскворечье, на углу Большой Полянки и Малого Екатерининского переуллка, деньги на покупку которого дала С.Д. Мейн.

² Эти слова С.Я.Эфрона вызваны отзывами Н.С. Гумилева и С.М. Городецкого о ВФ. Ср.: «Волшебный фонарь» — уже подделка, и изданная к тому же в стилизованном «под детей» книгоиздательстве <...>. Те же темы, те же образы, только бледнее и суше, словно это не переживания и не воспоминания о пережитом, а лишь воспоминания о воспоминаниях. То же и в отношении формы» (Г у м и л е в Н.. Письма о русской поэзии. — «Аполлон», 1912, № 5). Городецкий в статье «Женское рукоделие» писал, что ВФ «открыто исповедует права женщины-поэта на какую-то особенную поэзию» и что к «причудам женским у Марины Цветаевой присоединяются еще ребяческие» («Речь», 1912, 30 апреля).

70

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 5—6.

¹ Эдуард Владимирович *Завадский* — присяжный поверенный, знакомый А.В. Трупчинского, был опекуном несовершеннолетнего С.Я. Эфрона. (Указ Санкт-Петербургского Сиротского суда от 29 января 1910 г. — РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 367).

² *Удельная* — популярное дачное место под Москвой (Казанская ж.д.).

³ А.В. Трупчинский.

⁴ Рецензия Н.С. Гумилева.

⁵ Гумилев и Городецкий основатели «Цеха поэтов» в Петербурге (1911—1914 гг.), участники которого были приверженцами нового течения в русской поэзии — акмеизма.

В «Цех поэтов» входили О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова, М.А. Лозинский, В.И. Нарбут и др.

⁶ Лицо неустановленное.

71

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 8—9.

¹ Мария Александровна *Самарова* (1852—1919) — актриса Московского Художественного театра.

² *Семья Крандиевских*: Анастасия Романовна (урожд. Кузьмичева, до замужества носила фамилию отчима — Тархова, 1865—1938), писательница; Василий Афанасьевич (1861—1928), редактор ж. «Бюллетени литературы и жизни»; их дочери — Наталья Васильевна (1888—1963), поэтесса; Надежда Васильевна (1891—1963), скульптор.

72

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 6.

¹ Речь идет о покупке дома в Малом Екатерининском переулке.

73

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, лл. 64—66.

¹ *Ханго*, или *Гангут* — город-порт на юге Финляндии, курорт. Знаменит тем, что во время Северной войны (1700—1721) русский флот в Гангутском сражении одержал крупную победу над шведским флотом.

² Над. В. Крандиевская.

74

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 7—8.

¹ Владелицей дома в Малом Екатерининском переулке была Юлия Михайловна Горяинова, вдова коллежского советника.

² А.И. Цветаева сняла дом № 8 на Собачьей площадке после рождения сына (9 августа 1912 г.).

³ По-видимому, речь идет о внутренней перепланировке дома.

⁴ Возможно, будущий муж Над. Вас. Крандиевской — Петр Петрович Файдыш.

⁵ А.Р. Крандиевская.

⁶ Речь идет о первой книге А. Ахматовой «Вечер», вышедшей в марте 1912 г. Любопытно, что отзыву Н. Гумилева о ВФ на страницах «Аполлона» (1912, № 5) предшествовала пространная и хвалебная статья Валерияна Чудовского о «Вечере» — «По поводу стихов Анны Ахматовой».

⁷ Цветаева имеет в виду ст-ние Н. Гумилева «Кенгуру. Утро девушки».

75

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 162, л. 58.

¹ С.М. Адель.

76

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 96.

С начала декабря 1912 г. М.А. Волошин и Е.О. Кириенко-Волошина жили в Москве в квартире, нанятой сестрами Эфрон, — Кривоарбатский переулок, дом 13, квартира 9.

¹ Речь идет о брошюре Волошина «О Репине», вышедшей под маркой издательства «Оле-Лукойе» (как ВФ и «Детство» С.Я. Эфрона). В ней Волошин пытался осмыслить «катастрофу», постигшую картину Репина «Иван Грозный и его сын Иван», 16 января 1913 г. поврежденную маньяком. Он также описывал диспут об этой картине в Политехническом музее, на котором выступали художники группы «Бубновый валет».

² Давид Давидович *Бурлюк* (1882—1967), участвовавший в упомянутом выше диспуте, писал Волошину 10 марта 1913 г.: «Я купил сегодня одну книгу «Волошин о Репине», но мне еще нужно было бы штук 5—6. Не могли бы вы устроить мне на льготных условиях — взаимно — я прислал бы вам: «Садок судей-II», «Требник троих», или «Пощечину общественному вкусу»».

³ Мария Павловна *Кювилье* (1895—1985) — незаконнорожденная дочь гувернантки-француженки, тогда гимназистка 8-го класса, писавшая стихи (по-французски), познакомилась с Волошиным в январе 1913 г.

77

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 10.

¹ Волошин с матерью приехали в Коктебель 9 апреля 1913 г., Цветаева с мужем и дочерью, — видимо, 26 апреля. Сохранился пейзаж Волошина, надписанный Цветаевой в этот день: «Милой Марине — в протянутую руку» (Дом-музей М.А. Волошина в Коктебеле).

² Дочь Цветаевой и Эфрона — Аля, Ариадна Сергеевна *Эфрон* (1912—1975) родилась в Москве 5/18 сентября.

³ Портрет, выполненный угольным карандашом, сохранился в фондах Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле.

78

Адресат письма — Михаил Соломонович *Фельдштейн* (1884—1939) — юрист, историк государственного права, сын писательницы Р.М. Хин-Гольдовской; с 1919 г. — муж В.Я. Эфрон.

¹ Домашнее имя С.Я. Эфрона.

² Сестры *Субботины*, упоминаемые далее под именами *Кона* и *Тюня*. О старшей из них — Капитолине — удалось выяснить, что в 1913/14 г. она была актрисой Свободного театра.

³ Эва Адольфовна *Фельдштейн* (урожд. Леви, 1886—1964) — жена М.С. Фельдштейна. Об упомянутой прогулке Э.А. Фельдштейн на следую-

щий день писала мужу: «28 мая 1913. ... У нас дивные дни. В море 16 градусов. Небо синее, ветра почти нет. Мы вчера совершили дивную прогулку Марина, Сережа, Копа, Тюна и я. Были на Карадаге! Ты бы на меня удивился, каким я молодцом шагала. Пра надела мне *шаровары!* И мне было страшно удобно, легко. Только на самой верхушке я с ними поругалась тихо, и мягко. Все сидели на верхушках свесивши ножки и мне так было страшно, и так голова закружилась, что я стала их бранить. А когда они на это засмеялись, то только крикнула: вы верно в жизни никого еще не потеряли и отошла. Какая я калека. Мне даже горько стало. Но все-таки было дивно. Это горное кольцо, аметистовое, вокруг Коктебеля. Около залива совсем невероятно красиво. Сказочная страна розовых скал с какими горестными морщинами. Тишина и огромное, огромное море, внизу, у ног. Я так наслаждалась и так жадно на всё глядела. И так хорошо было, что мы все такие молодые там сидели. Марина как коза прыгает и бежит на гору, ничего не боится и не устает совсем» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 429, л. 36).

⁴ Кафе в Коктебеле, на берегу моря, принадлежавшее греку А.Г. Синопли.

⁵ М.П. Кювилье.

⁶ П.Н. Лампси.

⁷ Об этой тарелке Цветаева писала в очерке «Живое о живом»: «... вывезла ее в 1913 году из Феодосии и с тех пор не расставалась. В моих руках она стала еще на двадцать лет старше. Тарелка страшно тяжелая, фаянсовая, английская, с коричневым побелу борддором из греческих героев и английских полководцев. В центре лицо, даже лик: лев...»

79

¹ Видимо, мать сестер Субботиных.

² П.Н. Лампси.

³ Видимо, Е.Н. Потапенко.

⁴ *Рогозинский* Владимир Александрович (1882—1951) — инженер, архитектор, друг Волошина; ему принадлежал автомобиль, упоминаемый в письмах Цветаевой. Жена — Ольга Артуровна (урожд. Лаоссон, 1888—1971), сестра — Ванда Александровна (?—1914).

⁵ Владимир Александрович *Соколов* (1889—1965) — актер и режиссер.

⁶ В.А. Рогозинская.

80

¹ В.Я. Эфрон.

² Поездка М.С. Фельдштейна за границу не состоялась.

81

¹ В дате слово «июня!» вписано над незачеркнутым словом «мая».

² В июне 1913 г. было продано имение Гольдовских Катино (в Тверской губернии, за Лихославлем), где прошли детские и юношеские годы М.С. Фельдштейна и где состоялось его знакомство с женой.

³ Софья Васильевна *Халютина* (1875—1960) — актриса МХТ, педагог; в 1909—1914 гг. — руководительница драматических курсов, где учились В.Я. Эфрон и В.А. Соколов.

⁴ *Цепелин* — управляемый аэростат, названный по имени его изобретателя, немецкого офицера, графа Ф. Цепелина (1838—1917).

⁵ Возможно, француз по фамилии Жулия, упоминаемый в шуточных сонетах Волошина, а также в письме Цветаевой к Е.Я. Эфрон (см. гл. 4, письмо 62).

⁶ Письмо не сохранилось.

82

¹ А.И. Цветаев.

83

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 9.

¹ Прозвище, данное Е.Я. Эфрон: из-за большого сердца она много лежала, Цветаева называла это: «лососиниться на диване».

² Петр Яковлевич *Эфрон* (1881—1914) — старший брат В.Я., Е.Я. и С.Я. Эфрон, актер; был участником Московского вооруженного восстания и в 1907 г. скрылся за границу; вернулся в Россию летом 1913 г. Был болен туберкулезом.

³ Имеется в виду санаторий имени императора Александра III для легочных больных в Ялте.

⁴ С.Я. Эфрон позировал для портрета М.М. Нахман; портрет был ею подарен С.Я. Эфрону и М.И. Цветаевой, после отъезда Цветаевой за границу в 1922 г. хранился у А.И. Цветаевой, в настоящее время местонахождение портрета неизвестно.

⁵ Ст-ние 2 из цикла «С<ергею> Э<фрону>», входящего в третью (неизданную) книгу Цветаевой «Юношеские стихи» (1913—1915).

84

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 11.

¹ Андрей Борисович *Трухачев* (1912—1993) — сын А.И. Цветаевой и Б.С. Трухачева.

² Цветаева уехала в Москву, чтобы сдать на зиму дом в Малом Екатерининском переулке, поскольку из-за болезни С.Я. Эфрона они предполагали провести зиму на юге.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Няня дочери Цветаевой.

85

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 12.

86

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 2.

Написано на цветной открытке, изображающей целующуюся на скамейке пару в рамке пылающего сердца, с надписью: «ГОРЯЧИЕ СЕРДЦА. В груди твоей, Зюсюлечка, / горит любви огонь!».

Первая часть письма и адрес написаны рукой В.А. Соколова, вторая часть — рукой С.Я. Эфрона.

В Ялту В.А. Соколов и С.Я. Эфрон уехали устраиваться в санаторий.

87

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 10—11 об.

¹ Ария Ивана Сусанина из оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин» (1836).

² Л.А. Тамбурер.

³ Сын Л.А. Тамбурер от первого брака, (р. ок. 1896 г.).

⁴ Владимир Аввакумович *Павлушков* (1883—1920) — врач, племянник Л.А. Тамбурер, ее второй муж.

⁵ П.Н. Лампси.

88

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 13.

Иван Владимирович *Цветаев* (1847—1913) — историк искусства, профессор Московского университета, основатель Музея имени императора Александра III в Москве, отец М.И. Цветаевой.

89

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 14.

¹ Т.е. А.И. Цветаева.

90

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 13.

¹ П.Н. Лампси.

² А.Г. Цирес.

³ По-видимому, съемщики дома Цветаевой в М. Екатерининском переулке.

⁴ Возможно, В.А. Павлушков или кто-нибудь из Чичеровых.

⁵ П.Я. Эфрон, с которым Цветаева познакомилась в августе 1913 г.

91

Открытка.

¹ П.Н. Лампси.

92

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 14.

¹ Прозвище Цветаевой в родственном кругу: «Сидорова коза».

² В.А. Соколов.

93

¹ Неточность в дате: 20 сентября в 1913 г. приходилось на пятницу.

² 24 сентября 1913 г. Цветаевой написано ст-ние «Байрону» («Я думаю об утре Вашей славы...»)

94

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 15—16.

¹ Первоначально Цветаева предполагала провести зиму на юге, потом, по совету врачей санатория в Ялте, решила возвратиться в Москву, однако дом в М. Екатерининском переулке был сдан. Этим обстоятельством и вызвана просьба о комнатах во втором «обормотнике» в Кривоарбатском переулке.

² М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон праздновали день рождения в один день — 26 сентября по старому стилю, хотя он родился 29 сентября.

³ М.П. Кювилье.

95

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 17.

¹ «*Кузина Бетта*» (1846) — роман Оноре де *Бальзака* (1799—1850) — история мщения бедной родственницы богатому семейству.

96

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 18—19.

¹ С.Я. Эфрон и В.А. Соколов.

² А.И. Цветаева.

³ П.Н. Лампси.

⁴ А.К. Герцык.

⁵ Маргарита Васильевна *Сабашникова* (1882—1973) — художница, первая жена М.А. Волошина. В 1913 г. она приехала в Коктебель 24 сентября, выехала в Феодосию, а оттуда в Москву 8—9 октября. Знакомство Цветаевой с нею состоялось лишь в 1917 г. 14 сентября 1917 г. Сабашникова писала Волошину: «Вчера я была у Лили Эфрон, познакомилась там с Оболенской и Мариной».

97

¹ Цветаева приехала в Феодосию 17 октября 1913 г.

² П.Н. Лампси.

³ Е.Я. Эфрон, вероятно, проводила Цветаеву с дочерью до Феодосии и вернулась морем в Ялту, где находились С.Я. Эфрон и В.А. Соколов.

98

¹ С.Я. Эфрон перенес операцию по поводу аппендицита.

99

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 20—21.

¹ Ст-ние написано 13 ноября 1913 г., входит в «Юношеские стихи».

² Александр Мелетьевич *Кожебаткин* (1884—1942) — редактор и издательский работник, секретарь издательства «Мусагет». На «комиссию» ему были оставлены экземпляры книг «Волшебный фонарь» М. Цветаевой и «Детство» С. Эфрона.

³ Эрнест (по другим источникам — Рудольф) Морицевич *Редлих* (1858 — ок. 1924) — отставной военный, художник-любитель и фотограф, его жена — Алиса Федоровна *Редлих* (урожд. Матиссен, 1868—1944) — пианистка, преподавательница музыки. Были владельцами дома на Карантинной горке в Феодосии, где Цветаева и Эфрон сняли комнаты.

⁴ Вахтанг Леванович *Мchedлов* (1884—1924) — режиссер МХТ.

⁵ Василиса Александровна *Жуковская* (1891—1959, в замуж. Серейская) — племянница Д.Е. Жуковского.

⁶ М.П. Кювилье, А.К. Герцык.

100

¹ А.И. Цветаева зиму 1913—1914 гг. тоже жила в Феодосии.

² С.Я. Эфрон уезжал в Москву для медицинских консультаций.

³ Дочь М.С. и Э.А. Фельдштейнов.

101

¹ В письме из Парижа Илья Григорьевич *Эренбург* (1891—1967), посылая Волошину свой сборник стихов «Будни» (Париж, 1913), писал: «Бальмонты говорили, что в Коктебеле сейчас поэтесса Цветаева. Передайте пожалуйста ей мою книжечку» (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1338).

² Выступление состоялось 30 декабря 1913 г. на балу в пользу «погибавших на водах».

³ Шарль Альбертович *Бленар* — феодосиец, преподаватель французского языка; его жена Надежда Олимпиевна была членом «Общества спасения на водах».

⁴ О встрече нового 1914 года и пожаре в башне дома Волошина Цветаева писала в очерке «Живое о живом».

⁵ П.Н. Лампси.

102

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 15—16.

¹ Видимо, с Ш.А. Бленаром.

² Э.М. и А.Ф. Редлихи. «Дядей» и «тетей» Редлихи приходились В.А. Рогозинскому. Еще в ноябре 1913 г. Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «В Феодосии поселились Марина и Сережа. Устроились они на горе у дяди и тетки Рогозинского. Те их уплемяннили. Их точно под крыло курице вмес-

то ее яиц подложили. И об них там заботятся трогательно» (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82).

³П.Н. Лампси.

103

¹ Видимо, свидетельство о политической благонадежности, присланное из Петербурга; выдано С.Я. Эфрону Коронным Ленсманом Новокирского округа Выборгской губернии 4 февраля 1910 г.

По сведениям Д.А. Беляева, 3 февраля 1914 г. канцелярия Таврического губернатора запросила Департамент полиции относительно «сведений, могущих компрометировать политическую благонадежность» С.Я. Эфрона, «проживавшего в Финляндии на ст. Уса-Кирко, в Императорской санатории «Халила», где находился на излечении в течение 5 месяцев в 1909 г.» В ответном письме Департамента полиции от 17 февраля 1914 г. сообщалось, что «об упоминаемом лице неблагоприятных в политическом отношении сведений в делах Департамента не имеется» (ГА РФ, ф. 102, оп. 174, д. 15, ч. 13, т. 1, л. 58, 60).

² Директором феодосийской мужской гимназии был в 1912—1915 гг. Сергей Иванович Бельцман.

³П.Н. Лампси.

104

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 22—23.

¹ А.Н. Толстого.

² С.И. Бельцман.

105

Часть текста испорчена.

¹П.Н. Лампси.

² Александра Михайловна *Петрова* (1871—1921) — педагог, друг Волошина с юношеских лет.

³ Лидия Антоновна *Лампси* (урожд. Соломос, ок. 1877 — после 1922) — жена Николая Михайловича Лампси, внука И.К. Айвазовского, владельца имения Шах-Мамай под Старым Крымом, член феодосийского Благотворительного общества.

⁴ А.Ф. и Э.М. Редлихи.

106

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 21—22.

¹ Е. Я. Эфрон держала выпускные экзамены на историко-филологическом отделении Высших Женских курсов Герье.

107

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 25—26.

¹ Л. А. Лампси.

² П. Я. Эфрон приехал в Москву в феврале 1914 г.

³ Иван Иванович *Манухин* (1882—1930) — доктор медицины, ординатор Военно-медицинской академии; применял открытый им метод лечения туберкулеза облучением селезенки рентгеновскими лучами.

⁴ Витольд Францевич *Ахромович* (1882—1930) — поэт, искусствовед, секретарь издательства «Мусагет».

⁵ Видимо, врач, в 1907—1908 гг. лечивший Я. К. Эфрона.

⁶ Дело проясняет следующее письмо В. А. Рогозинского к Волошину от 28 мая 1914 г.: «Относительно Марины Ивановны Вы напрасно беспокоились. Этот инцидент меня задел очень мало. Ее отношение ко мне и особенно к тете Алисе, которая очень их полюбила, как к квартирохозяевам, и отсутствие желания поступиться своими мелкими удобствами, показали мне, что я просто переоценил ее отношение к нам» (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1026).

108

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 7.

109

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 27—30.

¹ М. С. Фельдштейн, уехав с женой за границу, предоставил свою квартиру (во флигеле дома матери и отчима) в распоряжение сестер Эфрон.

² Константин Федорович *Богаевский* (1872—1943) — художник, друг Волошина. 21 мая 1913 г. Цветаева подарила ему в Коктебеле свой «Вечерний альбом» с надписью: «Гениальному художнику и прелестному человеку».

³ Константин Васильевич *Кандауров* (1865—1930) — художник-декоратор, осветитель Малого театра, секретарь общества «Мир искусства», организатор художественных выставок.

⁴Юлия Леонидовна *Оболенская* (1889—1945) — художница, вторая жена Кандаурова.

⁵Федор Константинович *Радецкий* (1873 — не позже 1944) — чиновник по особым поручениям Министерства финансов, фотограф-любитель, приятель К.В. Кандаурова, отчим Ю.Л. Оболенской.

⁶Имеется в виду Николай Михайлович *Фореггер* (наст. фам. Грейфентурн; 1892—1939) — впоследствии московский режиссер и балетмейстер.

⁷Софья *Фореггер* (ок. 1895—?) — актриса.

⁸Мария Константиновна *Башкирцева* (1860—1884) — художница, автор знаменитого «Дневника».

⁹*«Ган Исландец»* — ранний (1823) роман Виктора Гюго, герой которого — получеловек-полузверь, пьющий кровь своих жертв из черепа погибшего сына.

¹⁰К.М. Субботина.

¹¹Лицо неустановленное.

¹²София Исааковна *Дымищ-Толстая* (1889—1963) — художница, вторая жена А.Н. Толстого.

¹³Екатерина Ивановна *Оболенская* (1852 — после 1917).

¹⁴*«Фридрих»* — т.е. ночной горшок.

¹⁵Имение И.К. Айвазовского под Старым Крымом, унаследованное семьей Лампси.

¹⁶Л.А. Лампси.

¹⁷*Мика, Ирочка, Таня* — дети Л.А. и Н.М. Лампси.

¹⁸Первые три строфы ст-ния были впоследствии Цветаевой опущены.

¹⁹Е.Я. Эфрон.

²⁰Под «записочкой», вероятно, имеется в виду ст-ние «День августовский тихо таял...» — первое письмо Цветаевой к П.Я. Эфрону.

110

Ст-ние — воспоминание о первой встрече с П.Я. Эфроном в августе 1913 г. в Москве.

Написано на двойном листе писчей бумаги в клетку. Нижний край второго листа оторван. Лист сложен втрое и надписан: «Пете».

111

¹Цветаева говорит о своем ст-нии «Байрону» («Я думаю об утре Вашей славы...»), написанном 24 сентября 1913 г., быть может, под впечатлением от встречи с П.Я. Эфроном.

²Приехав из Крыма, Цветаева с мужем и дочерью поселилась во флигеле дома Гольдовских (см. коммент. 1 к письму 109).

112

Цветаева дважды навещала умирающего П.Я. Эфрона в частной клинике на Яузском бульваре. Последнее письмо и стихи она передала ему за две недели до смерти. Стихотворение «Ластуне» обращено к дочке П.Я. Эфрона и Веры Михайловны Равич (его жена, актриса) — Елизавете, родившейся в Париже в марте 1909 г. и умершей от менингита осенью того же года.

Г л а в а в т о р а я

ТУМАННАЯ МОНАШКА

(1915—1917)

1

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 183, лл. 1—2 об.

София Яковлевна *Парнок* (1885—1933) — поэтесса, литературный критик; героиня цикла стихотворений Цветаевой «Подруга» (1914—1915).

Второе из двух присланных ст-ний вошло в книгу: *П а р н о к С. Стихотворения*. Пг., 1916.

2

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 30.

Адресовано в Белосток в санитарный поезд № 182 Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам, где сестрой милосердия работала В.Я. Эфрон. На конверте — переадресовка (по пути следования поезда): Варшава, Брестский вокзал.

¹Пасха в 1915 г. приходилась на 22 марта.

²С.Я. Эфрон, в марте 1915 г. поступивший санитаром в поезд № 187, дежурил в Отделе санитарных поездов Всероссийского Земского Союза в ожидании отправки.

³Отбытие состоялось через три дня. Подробности об отъезде С.Я. Эфрона и В.А. Жуковской (поступившей сестрой милосердия одновременно

с ним и определенной в тот же поезд) М.С. Фельдштейн сообщал В.Я. Эфрон в письме от 30 марта 1915 г.: «Два дня тому назад уехали Ася и Сережа в поезде № 187. Я проводил их на Нижегородскую станцию. Поезд по виду очень хорош и персонал, кажется, не дурен. Ася в куртке, повязке и с крестом — такое воплощение святости взятых на себя обязанностей, что сердце каждого истинного патриота должно трепетать от радости. <...> Сережа был желт, утомлен, очень грустен и наводил на невеселые мысли. Откровенно говоря, он мне не нравится. Так выглядят люди, которых что-то гнетет помимо всякого нездоровья. Провожали Марина, Ася <Цветаева> и рядом с ней какой-то покорный рыженький еврейчик <М.А. Минц>, по-видимому новый кандидат в самоубийцы. Он смиренно нес пять экземпляров «Королевских размышлений», последнего произведения Асиной фантазии. Асе Жуковской и Сереже устроиться вместе удалось не сразу. В Союзе их приняли за влюбленных и не пожелали содействовать ослаблению нравов, отправляя их в одном поезде» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 400, л. 5 об. — 6 об.).

3

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 14—15 об.

¹ Губернский центр в Польше

² *Mizerny* — худой, осунувшийся (п о л ь с к.).

4

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 17—17 об.

¹ Е.Я. Эфрон ездила в Варшаву в санитарном поезде № 187. 30 апреля 1915 г. М.С. Фельдштейн писал об этом В.Я. Эфрон: «Дня четыре тому назад она <Е.Я. Эфрон> уехала в Варшаву в санитарном поезде с Асей и Сережей. Чувствовала себя всё время плохо, слаба и нервна. Поездка ее мне не нравилась, но здесь, по-видимому, замешаны такие мотивы, что возражать против них не полагается» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 400, л. 12).

² Е.Я. Эфрон ездила в Варшаву для свидания со своим другом Ипполитом Водем (см. о нем коммент. 4 к письму 6); из Варшавы в Москву она уехала 5 мая 1915 г.

³ М.И. Цветаева предполагала ехать в Коктебель в обществе С.Я. Парнок и ее младшей сестры Елизаветы, А.И. Цветаевой с сыном и его няней, и своей дочери с няней, — что и было осуществлено.

5

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 46.

Записка без конверта. Датируется по содержанию.

¹ Н.В. Крандиевская жила в одном доме с Е.Я. Эфрон на М. Молчановке (д. 8).

² Евдокия Петровна *Ростопчина* (урожд. Сушкова, 1812—1858), графиня, поэтесса; видимо, речь идет об одноименнике «Собрание сочинений графини Е.П. Ростопчиной» (СПб., 1910).

³ Каролина Карловна *Павлова* (урожд. Яниш, 1807—1893), поэтесса; вероятно, Цветаева имела в виду книгу «Стихотворения К. Павловой» (М., 1863), так как двухтомник сочинений К. Павловой, подготовленный В. Брюсовым, вышел из печати лишь осенью 1915 г. (М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1915).

⁴ Имеется в виду отъезд в Коктебель.

6

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 19.

¹ Город в Варшавской губернии.

² Е.Я. Эфрон уехала к своей приятельнице М.С. Урениус в ее имение Подгорье близ Луги, в Петроградской губернии (о ней см. коммен. 4 к письму 15).

³ А.Я. Трупчинская уехала с детьми на лето в Финляндию, в дачное место Нейвола.

⁴ Ипполит *Воль* (ок. 1885 — до 1945) — друг Е.Я. Эфрон, с которым она познакомилась в Льеже в 1904 г.; получил агрономическое образование, занимался кооперацией, погиб в немецком концлагере во время Второй мировой войны.

7

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 21—23.

¹ В.А. Жуковская.

8

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 31—32.

¹ С 1 июля 1915 г. В.Я. Эфрон увольнялась из санитарного поезда, намереваясь возобновить занятия театром.

9

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 34—35.

Без конверта. Датируется по содержанию следующего письма.

¹ *Кубинка* — железнодорожная станция в 60 км от Москвы.

² Летом 1915 г. В.Я. Эфрон была принята в труппу Московского Камерного театра, где проработала два сезона. Была занята в спектаклях «Сакунтала», «Сирано де Бержерак», «Фамира-Кифаред».

³ Город в 200 км от Москвы.

⁴ М.С. Фельдштейн.

10

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 24—25.

¹ В.А. Жуковской.

11

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 26.

¹ Это намерение С.Я. Эфрон осуществил еще до конца июля 1915 г.

12

¹ Город, знаменитый своими меловыми горами и монастырем, на берегу Северного Донца. Здесь Цветаева гостила у знакомых С.Я. Парнок.

² С.Я. Парнок.

³ Вероятно, речь идет о ст-нии «Какой-нибудь предок мой был — скрипач...», датированном 23 июня 1915 г.

13

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 36.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ С.Я. Эфрон ехал в Коктебель.

² Речь идет о пересылке писем М.И. Цветаевой, посланных на московский адрес.

³ А.И. Цветаевой, находившейся в Коктебеле.

14

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 37—39.

¹ А.И. Цветаеву.

² Л.Л. Квятковский.

³ В Камерном театре.

⁴ М.С. Фельдштейну и В.А. Соколову.

⁵ Над. В. Крандиевской.

15

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 27.

¹ 5/18 сентября — день именин Е.Я. Эфрон.

² А.С. Говоров, в то время студент физико-математического факультета Московского университета, через несколько месяцев поступил в Александровское военное училище.

³ Призывного возраста С.Я. Эфрон достиг в 1914 г. Тогда как студент Московского университета он получил отсрочку до окончания курса, т.е. до 1920 г. Но по мере втягивания России в войну отсрочки разного рода отменялись решениями военного ведомства.

⁴ Мария Сергеевна *Урениус* (1884—1942) — соученица Е.Я. Эфрон по московской гимназии и Высшим женским курсам, в ее имении Подгорье в то время жила Е.Я. Эфрон (см. письмо 6); впоследствии — краевед, музейный работник, искусствовед, автор книги «А.Г. Венецианов и его школа» (М.: Госиздат, 1925), статьи «Абрамцево» в кн. «Подмосковные музеи» (М.: Госиздат, 1925) и др.

16

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 28—29.

¹ Камерный театр переживал финансовые трудности. «Я никогда не забуду, — писал о том времени Таиров, — как в 1915 году вся труппа, сплошь состоявшая из необеспеченных людей, совсем отказалась от жалованья, лишь бы спасти театр...» (Т а и р о в А.Я. Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речи. Письма. М.: ВТО, 1970. С. 105).

² В Московском университете, где С.Я. Эфрон с осени 1915 г. возобновил занятия.

³ Пиши открытки, это дешевле (н е м.).

⁴ Вторая дочь Э.А. и М.С. Фельдштейн — Елена — родилась 27 октября (9 ноября) 1915 г.

17

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 30—32.

¹ М.С. Фельдштейном.

² С.Я. Эфрон поступил в Камерный театр в ноябре 1915 г. и проработал в нем до закрытия сезона перед Великим постом (21 февраля 1916 г.), он участвовал в спектакле «Сирано де Бержерак» (в роли 2-го гвардейца).

³ Неточное воспроизведение первой строки ст-ния С.Я. Надсона (1862—1887), прав.: «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат...».

⁴ Александр Яковлевич *Таиров* (наст. фам. Корнблит, 1885—1950) — режиссер; сценическую деятельность начал в 1904 г. как актер. Играл в провинции и в Петербурге. В 1913—1914 гг. — режиссер московского Свободного театра. После закрытия Свободного театра вместе с группой молодых артистов организовал московский Камерный театр, которым руководил 35 лет.

⁵ Меблированные комнаты на Садово-Черногрязской улице в Москве. Имели репутацию пристанища богемы.

18

¹ Годовщина Камерного театра отмечалась 12 декабря 1915 г.

² Б.С. Трухачев.

³ Это был день премьеры спектакля.

⁴ Вероятно, шеститомное издание Сочинений А. Пушкина, Пг., Брокгауз—Ефрон, 1907—1915.

⁵ Николай Васильевич *Гербель* (1827—1883) — поэт, переводчик, издатель; видимо, речь идет о книге: Ш е к с п и р В. Полн. собр. сонетов. В пер. и с предисл. Н. Гербея. СПб., 1880.

⁶ Вероятно, речь идет об издании: Былины. Вступ. статья Е. Ляцкого. СПб., 1911.

⁷ Алиса Георгиевна *Коонен* (1889—1974) — актриса, жена А.Я. Таирова; ведущая актриса Камерного театра с 1914 по 1949 г.

⁸ Мариус Мариусович *Петипа* (1850—1919) — актер, старший сын танцовщика и балетмейстера М.И. Петипа. В течение двух сезонов (1915—1917) играл в Камерном театре, исполнял роли Сирано де Бержерака, Фигаро (в «Женитьбе Фигаро» П. Бомарше) и др.

⁹ Текста сонета Цветаевой обнаружить не удалось. Мы можем судить о нем лишь в пересказе мемуариста (см.: Е л е н е в Н.А. Под сенью сказочных коней. — «Грани», 1958, № 39. С. 146—147).

¹⁰ В действительности — на 42 года.

¹¹ Сергей Яблоновский (настоящее имя Сергей Викторович Потресов, 1870—1953) — журналист, театральный критик, сотрудник газеты «Русское слово».

¹² Речь идет о стихе «Колыбельная песня Асе» из ВФ.

¹³ Стих с таким названием в корпусе изданных произведений Пьера Жана Беранже (1780—1857) обнаружить не удалось. Быть может, Петипа читал стих, приписываемое Беранже.

¹⁴ Яков Борисович Княжнин (1742—1791) — драматург, поэт, переводчик. Может быть, речь идет о книге: Сочинения Княжнина: В 2 т. Изд. А. Смирдина, 1847—1848.

¹⁵ Елена Васильевна Позоева (1883—1977) — актриса, вместе с В.Я. Эфрон в 1914 г. окончила Драматические курсы С.В. Халютиной и поступила в Камерный театр.

¹⁶ Вошло в «Юношеские стихи», где датируется 27 ноября 1915 г. В 1-ой строке, возможно, описка М. Цветаевой, нужно: «Полнолуние...», ибо новолуние (до первой четверти) не дает световых эффектов, упоминаемых в стихотворении.

¹⁷ О какой фотографии идет речь, установить не удалось.

19

¹ Речь идет об увлечении Цветаевой поэтом Тихоном Васильевичем Чурилиным (1885—1946).

² В личном студенческом деле С.Я. Эфрона сохранилось его прошение на имя ректора Московского университета от 9 марта 1916 г.: «Желая поступить охотником в III Тифлисский Гренадерский полк прошу Ваше Превосходительство уволить меня из университета и выдать мне необходимые для сего бумаги» (ЦИАМ, ф. 418, оп. 328, ед. хр. 2621, л. 6).

³ 14 марта 1916 г. С.Я. Эфрон подал новое прошение, в котором, в частности писал: «...Ввиду неожиданно обнаружившейся у меня болезни печени я принужден отказаться от военной службы и поэтому честь имею просить Ваше Превосходительство вновь принять меня в университет. Документов из университета не брал» (там же, л. 4). Это прошение было удовлетворено 15 марта 1916 г.

20

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 33—35.

¹ Процедура, в результате которой призывники либо определялись на действительную службу, либо оставались в резерве, зачисляясь в ополчение.

²Осип Эмильевич *Мандельштам* (1891—1938) — поэт; зима-весна 1916 г. — время его увлечения Цветаевой; его частые поездки в Москву тогда сделались предметом обсуждения среди его петербургских знакомых, — так Р.М. Сегалова писала С.П. Каблукову из Москвы 18 апреля 1916 г.: «Что до Мандельштама, то он у меня был несколько раз. Предложению поспособствовать ему получить место, мне кажется он был рад. <...> Так как О. Эм. хотел бы остаться в Москве, то я обещала ему узнать о месте для него в Московском банке.<...> В Петербург же я могу в любой момент попросить рекомендаций для него и направить его в соответствующие учреждения. <...> Если он так часто ездит из Москвы в Петербург и обратно, то не возьмет ли он место и там и здесь? Или он уже служит на Николаевской железной дороге? Не человек, а самолет» (М а н д е л ь ш т а м О. Камень. Л.: «Наука», 1990. С. 254—255).

³Пасха в 1916 г. приходилась на 10 апреля.

21

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 40—41.

¹С середины апреля до начала мая 1916 г. С.Я. Эфрон проходил медицинскую комиссию в Московском военном госпитале.

²На строевую службу Эфрон был зачислен 12 мая 1916 г. со сроком начала службы 1 июня 1916 г.

³Как установила Е.И. Лубяникова, по-видимому, имеется в виду документ следующего содержания: «...я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким тайным обществам, думам, управам и прочим, под каким бы они названием ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду, и что не только членом оных обществ, по обязательству через клятву или честное слово, не был, да и не посещал и даже не знал о них и через подговоры, как об обществах, так и о членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал» (РГВИА, ф. 400, оп. 9, ед. хр. 877, л. 1002). С.Я. Эфрону, учитывая преследования по закону за политическую неблагонадежность всех членов его семьи (кроме Е.Я. Эфрон и его самого), было бы затруднительно со спокойной совестью дать такую подписку. Каким образом этот вопрос был улажен, неясно, во всяком случае, в послужном списке юнкера 1-й Петергофской школы прапорщиков, куда в начале будущего года был направлен С.Я. Эфрон, подобный документ отсутствует.

⁴Николай Николаевич *Миронов* (1893—1951) — знакомый сестер Цветаевых, близкий друг А.И. Цветаевой, служил в 15 гренадерском тифлисском полку.

⁵ Слова из народной солдатской песни:

Кто же ваши сестры?
— Наши сестры — штыки, сабли острые,
Вот кто наши сестры!

⁶ В.А. Жуковской.

22

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 31—32.

¹ М.С. Фельдштейну.

² В.А. Жуковская.

³ Б.С. Трухачев.

⁴ Мария Ивановна *Кузнецова* (в замуж. Балагина, псевдоним Гринева, 1890—1966) — актриса, писательница. Окончила драматические курсы С.В. Халютиной в 1914 г. одновременно с В.Я. Эфрон. Вторая жена Б.С. Трухачева. Ее сестры: Екатерина Ивановна *Михневич* (1894—1984), Зинаида Ивановна *Кузнецова* (1905—1980).

⁵ Речь идет, видимо, об О.Э. Мандельштаме.

⁶ Е.Я. Эфрон во время своего пребывания в Петрограде пробовала зарабатывать на жизнь переводами. А.Я. Трупчинская, подрабатывавшая в 1913—1915 гг. в отделе библиографии «Вестника Европы», писала сестре в конце 1915 г. в Подгоруье: «Пришли переводы из Мишле, я их напечатаю, но с небольшим предисловием о нем. Журнал новый, «Летопись». Тебе бы и отдел по искусству представили, если б написала. Важно занять место среди сотрудников» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 108, л. 34).

⁷ М.И. Цветаева и С.Я. Эфрон выехали в Москву через три дня — 22 мая.

⁸ Имеется в виду цикл «Стихи к Блоку», в основном состоящий из ст-ний 1916 г., впоследствии дополненный ст-ниями 1921 г.

⁹ Согласно условиям призыва, С.Я. Эфрон должен был быть направлен либо в одну из школ подготовки прапорщиков пехоты, либо на ускоренные офицерские курсы при военных училищах.

¹⁰ Михаил Леонидович *Лозинский* (1886—1955) — поэт, переводчик. О каком его ст-нии идет речь, установить не удалось.

23

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 37.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ С.Я. Эфрон предполагал, что получит назначение в Одесское военное училище.

² А.Я. Трупчинская была проездом в Москве по дороге на летний отдых в Ессентуки.

³ Дочерей А.Я. и А.В. Трупчинских — Анны и Елизаветы.

24

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 42—44.

¹ Имеются в виду школы прапорщиков.

² Московский военный госпиталь, где С.Я. Эфрон проходил медицинскую комиссию, задержал оформление нужных документов.

³ Открытие сезона Камерного театра было назначено на 20 сентября.

⁴ Известная марка пива и квасов.

⁵ Имеется в виду поездка к А.И. Цветаевой в г. Александров, где она жила по месту службы своего второго мужа М.А. Минца.

⁶ В.А. Жуковской.

⁷ М.И. Кузнецову.

⁸ Б.С. Трухачева.

⁹ М.П. Кювилье в 1916 г. вышла замуж за князя Сергея Александровича *Кудашева* (1895—1919/20?); в то время он был на ускоренных офицерских курсах в Александровском военном училище, впоследствии воевал на Юго-Западном фронте; во время гражданской войны — участник Белого движения, умер от тифа.

25

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 38—40.

26

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 33—34.

¹ Этот эпизод подробно описан Цветаевой в очерке «История одного посвящения» (1931).

² Маврикий Александрович *Минц* (1885—1917) — второй муж А.И. Цветаевой, инженер-химик.

³ Роман французской писательницы Анны Луизы Жермены де *Сталь* (1766—1817) «*Коринна, или Италия*» (1807).

⁴ Обувной магазин.

⁵ П.Я. Эфрона.

27

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 43—46 об.

¹ С. Я. Эфрон неожиданно приехал в Коктебель 12 июня 1916 г. и пробыл там до 7 июля. Об этом сохранилось свидетельство М.С. Фельдштейна в письме к Е.Я. Эфрон от 13 июня 1916 г. «Вчера вечером мы все сидели на террасе бывшей Соколиной <В.А. Соколова>, теперь Асиной <В.А. Жуковской> комнаты. Макс рассказывал, как его когда-то арестовали в редакции журнала «Поэт», читали стихи и хохотали, как бывает только в минуты смехотворного вдохновения. Наконец решили расходиться. В эту минуту из-за калитки раздались хриплые голоса — здесь Волошинские, ну! Я подошел к калитке и... длинная фигура Сережи бросилась мне на шею. Оказывается, он ждал, ждал своей участи, и наконец с разрешения властей уехал опять сюда, пока будут раскапывать его бумаги» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 121, лл. 15—15 об.).

² Михаил Петрович *Арцыбашев* (1878—1927) — писатель, автор знаменитого романа «Санин» (1907) с женой Еленой Ивановной, актрисой московского театра К.Н. Незлобина, отдыхал на даче Волошина с 20 июня по 1 августа 1916 г.

³ Г.Я. Эфрона.

28

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 42.

Датируется по почтовому штемпелю.

29

¹ С конца июня до середины июля 1916 г. Цветаева жила в Александрове в доме А.И. Цветаевой, которая в это время уехала в Москву перед рождением второго сына Алеши.

² Владислав Фелицианович *Ходасевич* (1886—1939) — поэт, переводчик, литературный критик, жил в Коктебеле в 1916 г. с 6 июня по 25 сентября, приехал в Крым по рекомендации врачей в связи с открывшимся у него весной туберкулезом позвоночника.

³ М.А. Минц.

⁴ А.И. Цветаева вместо второго сына ожидала «девочку Ирину».

⁵ Т.е. коз.

⁶ Мария Адриановна *Дейша-Сионицкая* (урожд. Сионицкая, в замуж. Дейша, 1859—1932) — оперная певица и педагог, коктебельская соседка Волошина.

30

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, лл. 3—5.

¹ Имеются в виду Крутицкие казармы, где находилось управление Московского уездного воинского начальника.

² Лица неустановленные.

³ Дмитрий Владимирович *Цветаев* (1852—1920) — младший брат И.В. Цветаева, историк, педагог.

⁴ Упомянутый ниже Е.И. Сыроечковский был директором 3-й московской мужской гимназии, в которой учился В.Ф. Ходасевич и младший брат В.Я. Брюсова Александр Яковлевич Брюсов (1885—1966).

⁵ Евгений Иванович *Сыроечковский* (1855—1908) в 1906—1908 гг. был инспектором классов женской гимназии имени В.П. фон Дервиз, в которой училась Цветаева.

⁶ Из поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины». «В салонах Москвы повторялась тогда одна ростопчинская шутка» («Княгиня М.Н. Волконская, гл. IV).

⁷ Второй сын А.И. Цветаевой — Алеша — родился 25 июня 1916 г. в Москве, умер 18 июля 1917 г. в Коктебеле от дизентерии.

⁸ София Исааковна *Чацкина* (1878—1931) — редактор-издательница петербургского журнала «Северные записки» (1913—1917), в котором в 1915 г. были впервые напечатаны стихи Цветаевой.

⁹ Речь идет о переводе Цветаевой романа французской писательницы Анны де Ноай (1876—1933) «Новое упование»; перевод печатался в сентябрьской-декабрьской книгах журнала «Северные записки» за 1916 г.

31

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 46.

¹ «Астория» — гостиница вблизи феодосийского вокзала.

² В.Ф. Ходасевич направлялся в Евпаторию для смены лечебного корсета.

³ До Джанкоя.

⁴ Фонтан, установленный в Феодосии в честь И.К. Айвазовского за безвозмездную передачу им в пользование города воды из источника своего имени.

⁵ П.Н. Лампси.

⁶ По-видимому, родственник предводителя дворянства феодосийского уезда Владимира Антониновича *Княжевича*.

⁷ М.С. Фельдштейну.

⁸ Лидия Владимировна Сокольская (ок. 1892—?) — гостя дома Волошина с 29 мая по 10 августа 1916 г.

32

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 34.

Датируется по содержанию.

¹ Слух о призыве О.Э. Мандельштама был вызван, видимо, его внезапным отъездом из Коктебеля в Петроград. На самом деле он был вызван домой в связи с кончиной матери (Ф.О. Мандельштам умерла 26 июля 1916 г.)

² А.С. Говоров в августе 1916 г. поступил в Александровское военное училище.

³ В июне 1916 г. М.М. Нахман сняла в Москве квартиру на Сивцевом Вражке, где вместе с нею поселилась и В.Я. Эфрон, возвратившаяся из Коктебеля 17 июля 1916 г.

33

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 47—48.

¹ С.Я. Эфрон уехал из Москвы 14 августа и пробыл у Е.Я. Эфрон в Эссентуках до 18 сентября 1916 г.

² С.Я. Эфрон лечился в Эссентуках от болезни печени.

³ Речь идет о постановке в Камерном театре драмы И.Ф. Анненского «*Фамира-Кифаред*» (1906); премьера состоялась 2 ноября 1916 г. В.Я. Эфрон была занята в постановке в роли старой рабыни.

⁴ Философский роман Анатоля Франса (1844—1924) «*Харчевня Королевы Гусиные Лапы*» (1892).

34

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 49.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В.Я. Эфрон писала Е.Я. Эфрон в сентябре 1916 г.: «Скажи Сереже: — заносила Але котлеты. Она ела с громадным удовольствием. Завтра притащу ей вероятно цыпленка» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 155, л. 80).

² Магда Максимилиановна Нахман (1885? — ?) — художница; до 1916 г. жила в Петербурге, училась в художественной школе Е.Н. Званцо-

вой; познакомилась с Цветаевой, Эфроном и сестрами Эфрон в 1913 г. в Коктебеле; в 1916 г. жила во втором «обормотнике» (М. Молчановка, 8, кв. 27); автор живописных портретов М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона.

35

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 36—37.

¹ День рождения Е.Я. Эфрон был 25 сентября.

² М.И. Цветаева ожидала тогда второго ребенка.

³ А.И. Цветаева.

⁴ Д.В. Цветаеву.

⁵ Учреждение по милитаризации промышленности.

⁶ Графиня де Ноай.

⁷ М.М. Нахман.

⁸ Ст-ние датируется 21 сентября 1916, вошло в В1, обращено к Н.А. Плущер-Сарна.

⁹ Видимо, Е.Н. Дурново.

36

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 55.

¹ О каком имени идет речь, установить не представляется возможным.

² Федор Августович *Стетун* (1884—1965) — философ, писатель, критик, автор воспоминаний «Бывшее и несбывшееся».

37

Датируется по содержанию.

¹ Николай Григорьевич *Петухов* (1879—1940-е) — экономист, преподаватель Московского Коммерческого института, коллега М.С. Фельдштейна; служил также во Всероссийском Земском Союзе, куда, видимо, С.Я. Эфрон и просил рекомендательное письмо.

38

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 32.

¹ Портниха.

² По-видимому, Е.В. Позоева и М.Л. Гехтман.

³ Прислуга Цветаевой.

⁴ М.М. Нахман писала портрет С.Я. Эфрона.

39

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, л. 6.

Почтовая карточка, текст написан карандашом. Почтовый штемпель: Сев<ерный> <т.е. Ярославский> вокзал 24. X. 1916.

Возможно, Цветаева ездила в Александров навестить А.И. Цветаеву.

40

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, л. 58.

¹ Эта поездка не состоялась.

² Речь идет о финансовых затруднениях в Камерном театре из-за которых части труппы грозило увольнение.

³ Знакомая, у которой Е.Я. Эфрон жила в Кисловодске.

41

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 175, лл. 1—3.

Никодим Акимович *Плуцер-Сарна* (1883—1945) — друг Цветаевой, адресат ее лирики 1916—1917 гг. На экземпляре В1, принадлежавшем А.Е. Крученых, Цветаева в 1941 г. сделала памятную надпись под стихом «Руки даны мне — протягивать каждому обе...»: «Все стихи отсюда — до конца книги — и много дальше — написаны Никодиму Плуцер-Сарна, о котором — жизнь спустя — могу сказать, что — сумел меня любить, что сумел любить эту трудную вещь — меня. А говорил он по-русски — так — и за это я его особенно любила! — «Там, на солнцепёке, сидят профессёры в сандалах и доят козы...» *МЦ*. Москва, 3¹⁹ мая 1941 г. — м<ожет> б<ыть> в самый день встречи с ним — в мае 1916 г.»

¹ С.Я. Эфрон проходил в Нижнем Новгороде в 1 учебном подготовительном батальоне начальный этап своей военной службы; Н.А. Плуцер-Сарна был связан с Нижним Новгородом делами своей службы.

42

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 36.

43

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, л. 51.

¹ Видимо, М.С. Урениус.

44

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, лл. 52—53.

45

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 59—60.

¹ Борис Александрович *Грифцов* (1885—1950) — искусствовед, переводчик; одно время жил в первом «обормотнике» (на Сивцевом Вражке).

46

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 54.

¹ С.Я. Эфрон проходил обучение в Петергофской школе прапорщиков.

² М.М. Нахман.

47

Написано в Московском Воспитательном доме, в клинике которого 13 апреля 1917 г. у Цветаевой родилась ее вторая дочь Ирина.

¹ Видимо, с В.А. Жуковской.

² Б.С. Трухачев.

³ Н.А. Плуцер-Сарна.

48

¹ Второй сын А.И. Цветаевой.

49

¹ Прислуга Цветаевой (см. также письма 50, 51, 53, 54).

50

¹ М.А. Минц.

² Сыновья А.И. Цветаевой.

51

¹ Н.А. Плуцер-Сарна.

² Московский обувной магазин.

³ Так называлась одна из комнат в квартире Цветаевой в Борисоглебском переулке, 6.

⁴ М.А. Минц.

53

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 37—38 об.

¹ А.И. Цветаева.

² М.М. Нахман.

54

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 41.

¹ Возможно, магазин музыкальных инструментов на Б. Никитской, называемый по имени его владельца — Александра Соломоновича Шора.

55

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 175, лл. 4—7.

56

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 422, л. 56.

¹ В.Я. Эфрон уехала на отдых в имение Жуковских вместе с В.А. Жуковской.

² Н.Н. Миронов.

³ М.А. Минц.

⁴ В.А. Жуковской.

⁵ Валерия Дмитриевна *Жуковская* (урожд. Богданович, ок. 1860—1937) — мать В.А. Жуковской.

57

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 175, лл. 8—10.

¹ Татьяна Исааковна *Плуцер-Сарна* (1887—1972) — жена Н.А. Плуцер-Сарна.

58

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, л. 43.

Е.Я. Эфрон жила на даче у Фельдштейнов, давала уроки их старшей дочери.

¹ Прислуга Цветаевой.

² Н.А. Плущер-Сарна.

³ Т.И. Плущер-Сарна.

⁴ Л.А. Тамбурер.

⁵ Николай Александрович *Бердяев* (1874—1948) — философ, публицист. Цветаева была знакома с Бердяевым с 1915 г.

⁶ Э.А. Фельдштейн.

59

¹ Л.А. Тамбурер.

60

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 163, лл. 61—63.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В конверт с письмом вложена справка Российского общества Красного Креста от 25 июля 1917 г. о военнопленном И. Воле.

² По-видимому, Бернгард Генрихович *Закс* (1886—1941) — знакомый И. Воля и Е.Я. Эфрон, социал-демократ, впоследствии работник Совнаркома.

³ Э.А. Фельдштейн.

61

¹ Никандр Александрович *Маркс* (1861—1921) — генерал-лейтенант, с лета 1917 г. — начальник штаба Одесского военного округа, друг Волошина.

62

К письму приложен отдельный листок, на котором рукой Цветаевой написано: «Москва 56 запасной пехотный полк 10 рота Прапорщик Сергей Яковлевич Эфрон».

¹ М.В. Сабашниковой.

² В ответном письме от 13 августа 1917 г. Волошин писал Цветаевой: «Что от Вашей первой встречи произошел скандал, это совершенно естественно, так как вы оба капризники и задиры» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 155).

³ По-видимому, имеется в виду Павел Павлович *Муратов* (1881—1950) — писатель, искусствовед.

⁴ К. Ф. Богаевский.

⁵ Перевестись в Крым С. Я. Эфрону не удалось, несмотря на вмешательство Н. А. Маркса.

63

¹ Цветаева имеет в виду предлагавшееся Волошиным в цитированном выше письме от 13 августа 1917 г. его обращение к Б. В. Савинкову (1879—1925), назначенному в то время помощником военного министра Временного правительства.

² После смерти сына Алеши А. И. Цветаева переехала в Феодосию.

65

¹ А. И. Цветаева.

² В. А. Жуковская.

³ Очевидно, магазин *Офицерского собрания* на Воздвиженке.

66

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 7—8.

¹ А. И. Цветаевой.

² М. В. Сабашникова.

³ Возможно, речь идет об О. А. Мочаловой.

⁴ Н. А. Маркс.

67

¹ А. И. Цветаевой.

² М. С. Камкова — знакомая А. И. Цветаевой.

³ В имени И. В. Зелинского.

⁴ А. Б. Трухачева.

⁵ Николай Иванович *Хрустачев* (1883—1962) — художник.

⁶ Няня сына А.И. Цветаевой.

⁷ Б.С. Трухачеву.

⁸ Няня дочерей М.И. Цветаевой.

⁹ Александр Николаевич *Машиновский* — художник, приятель М.А. Минца, бывал в Александрове, где Цветаева, вероятно, с ним познакомилась.

68

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, лл. 9—11.

¹ П.Н. Лампси.

² Название общества расшифровывается: «Художники — Литераторы — Артисты — Музыканты».

³ Воспитанник П.Н. Лампси.

⁴ Вероятно, Софья Николаевна *Шиль* (1861—1928) — писательница.

⁵ Галина Владимировна *Полужктова* (1898—?) — поэтесса.

⁶ Возможно, Дуся Яценко (ок. 1898—?) — танцовщица.

⁷ Роман Ф.М. Достоевского.

⁸ Имеется в виду Александр Александрович *Новинский* — капитан 2-го ранга, начальник Феодосийского порта.

⁹ Имеется в виду художник Михаил Пелопидович *Латри* (1875—1935) и его первая жена Екатерина Николаевна *Латри*.

69

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136.

¹ Лицо неустановленное.

² Прислуга Цветаевой.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

70

¹ А.И. Цветаевой.

² О пребывании И.Г. Эренбурга в Коктебеле Волошин подробно писал А.М. Петровой 27 октября 1917 г. и передавал его рассказы о Савинкове и Керенском (см. сб. «Из творческого наследия советских писателей». Л.: Наука, 1991. С. 167—168).

³ Знакомая Цветаевой, поэтесса, жила в Старом Крыму.

⁴ А.Н. Толстого, Н.В. Крандиевской.

⁵ Александр Федорович *Керенский* (1881—1970) — глава Временного правительства России в 1917 г.

⁶ А.М.Петрова (1871—1921) — феодосийская учительница, многолетний друг М.А. Волошина.

⁷ «Генералам двенадцатого года» — ст-ние, написанное Цветаевой в Феодосии 26 декабря 1913 г.

⁸ Сборник афоризмов (1894), отражающий философские взгляды А. Франса.

71

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 44—48 об.

Послано заказным письмом из Феодосии, почтовый штампель: 17. XI. 17.

12 ноября 1917 г. Волошин писал А.М. Петровой: «Третьего дня неожиданно приехала Марина с Сережей и массой рассказов об московских днях» (Из творческого наследия советских писателей. С. 169).

¹ Няня дочерей Цветаевой.

² Б.С. Трухачев.

³ М.С. Фельдштейн.

⁴ Н.А. Плуцер-Сарна.

⁵ Т.И. Плуцер-Сарна.

⁶ Степан Алоизиевич *Дырвянский* — арендатор дома Цветаевой в М. Екатерининском переулке.

⁷ Лицо неустановленное.

72

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 40—43 об.

Это письмо по содержанию аналогично предыдущему; многие слова сокращены, что заставляет предполагать, что это копия письма, оставленная себе, либо причиной сокращений явился недостаток времени для написания письма, отправляемого со срочной оказией.

73

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 416, лл. 49—50 об.

¹ Н.А. Плуцер-Сарна.

² Т.И. Плуцер-Сарна.

³ Б.С. Трухачева.

74

¹ Сергей Иванович *Гольцев* (1896—1918) — товарищ и однополчанин С.Я. Эфрона. Цветаева иносказательно пишет о возможности возвращения офицеров в Москву после Октябрьского переворота.

² Лицо неустановленное; вполне вероятно, что это молочница, о которой Цветаева вспомнила в очерке «Октябрь в вагоне», или прислуга.

³ Возможно, Дарья Андреевна *Юнге* (урожд. Котлярова, ок. 1885—1955).

⁴ Т.И. Плуцер-Сарна.

75

¹ Т.И. Плуцер-Сарна.

² О ком идет речь, установить не удалось.

³ Михаил Осипович (1882—1945) и Мария Самойловна (1882—1976) *Цетлины* — друзья Волошина.

⁴ О.А. Рогозинской.

⁵ А.Ф. и Э.М. Редлихи.

⁶ Имеется в виду имение Канашово в Долыссах Витебской губернии, принадлежавшее брату Д.Е. Жуковского.

⁷ О.Б. и Р.М. Гольдовские — отчим и мать М.С. Фельдштейна.

⁸ Елизавета Ивановна *Старынкевич* (урожд. Шевырева, 1890—1966) — знакомая Волошина и сестер Эфрон.

⁹ Рашель Мироновна *Хин-Гольдовская* (1863—1928) — писательница, мать М.С. Фельдштейна.

¹⁰ М.С. Фельдштейн.

¹¹ Стихи Волошина «Святая Русь», «Бонапарт», «Мир» и др. Были опубликованы в газете «Слову — свобода!», 1917, 10 декабря.

¹² Б.С. Трухачев.

¹³ Николай Мариусович *Радин* (наст. фам. Казанков, 1872—1935) — актер, режиссер.

Глава третья

РАЗЛУКА
(1918—1922)

1

РО ИРЛИ, ф. 2962, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 9—9 об.

¹ Имеется в виду *Кубанский поход Добровольческой Армии* зимой-весной 1918 г. и ее отступление на Дон.

² С.И. Гольцев.

³ Лавр Георгиевич *Корнилов* (1870—1918) — русский генерал, в 1917 г. Верховный главнокомандующий русской армией; возглавил Добровольческую армию, сформировавшуюся в конце 1917 г. на юге России.

⁴ Всеволод Александрович *Богенгардт* (1892—1961) — однополчанин и друг С.Я. Эфрона, их дружба продолжалась и в эмиграции.

2

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 10—10 об.

¹ О каких стихах Волошина идет речь, установить точно не удалось. В течение декабря 1917 — мая 1918 гг. им написаны: «Термидор», «Петроград», «Трихины», «Деметриус-Император», «Стенькин суд», «Демоны глухонемые», «Из бездны», «Пресуществление», «Видение Иезекииля», «Европа» и поэма «Протопоп Аввакум».

3

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 124, лл. 49—49 об.

¹ Е.Я. Эфрон брала на лето младшую дочь Цветаевой.

² М.С. Фельдштейна.

4

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 401.

Датируется по содержанию.

¹ Надежда Ивановна *Ивановская* (ум. ок. 1928) — подруга Р.М. Хин-Гольдовской, жившая у нее в доме.

² Няня дочерей Цветаевой.

³ Это намерение не осуществилось.

⁴ Э.А. Фельдштейн.

⁵ Старшая дочь Э.А. и М.С. Фельдштейнов.

⁶ М.О. Гордон.

⁷ Лицо неустановленное.

⁸ Онисим Борисович *Гольдовский* (1858—1922) — московский адвокат, отчим М.С. Фельдштейна.

⁹ Сергей Андреевич *Котляревский* (1873—1939) — историк, правовед, публицист, научный руководитель М.С. Фельдштейна в Московском Университете.

5

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 184, л. 1.

¹ Н.А. Плугер-Сарна.

² А.И. Цветаеву.

³ По-видимому, имеется в виду Валентина Иосифовна *Зелинская* (ок. 1894—1928).

⁴ Дочь Б.С. Трухачева и М.И. Кузнецовой Ирина Борисовна *Трухачева* (1918—1980).

6

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 11—11 об.

Написано карандашом на бланке «РСФСР Политический Отдел 1-ой Червонной Казачьей бригады ... дня 1919 г. №... Д. Армия».

¹ Пасха в 1919 г. приходилась на 7/20 апреля.

7

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 4—6 об.

Дата написана неотчетливо.

¹ Прав.: *Бузалак* — имение И.В. Зелинского под Старым Крымом.

² М.П. Кудашева.

³ В.И. Зелинская (домашнее прозвище Панич).

⁴ А.И. Цветаева.

⁵ Ольга Васильевна *Астафьева* (урожд. Трофимова, 1886—1974).

⁶ Константин Николаевич *Астафьев* (ок. 1890—1975) — художник.

⁷ От «селена» — луна; обозначение отсылает, по-видимому, к книге В.В. Розанова «Люди лунного света» (Пг., 1911).

⁸ О.Э. Мандельштаму.

⁹ *Татида* — псевдоним Тагьяны Давыдовны *Цемах* (1890 — ок. 1943) — поэтессы, сотрудницы Карадагской биостанции, близкой приятельницы Волошина.

8

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 12—13 об.

¹ В 1919 г. в Новороссийске жила вся семья В.Э. Мейерхольда. Он сам, лечившийся в Ялте, после занятия ее белыми, бежал в Новороссийск, где и был вскоре арестован.хлопоты по его освобождению увенчались успехом — он был выпущен под залог (см. об этом подробнее: Г о л ь ц е в Ю. В Москве и Новороссийске. В сб. «Творческое наследие В.Э. Мейерхольда», М.: ВТО, 1978. С. 248).

² Павел Иванович *Новгородцев* (1866—1924) — юрист, философ.

³ По-видимому, имеется в виду Эрвин Давидович *Гримм* (1870—1940), историк.

⁴ М.П. Кудашевой.

⁵ О.Э. Мандельштама.

⁶ А.М. Петровой.

⁷ С.Я. Эфрон имеет в виду поход А.И. Деникина на Москву.

⁸ А.И. Цветаевой.

9

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, л. 16.

Почтовая карточка. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Э.Д. Гримм (?).

² По-видимому, Сергей Алексеевич *Соколов* (псевдоним Кречетов, 1878—1936) — поэт, владелец издательства «Гриф».

³ В июле 1919 г. Волошин был в Ростове и, возможно, заручился обещаниями об издании своих произведений.

⁴ По-видимому, Евгений Николаевич *Чириков* (1864—1932) — писатель.

⁵ Сведений об этой газете обнаружить не удалось.

10

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 14—15.

¹ Сергей Леонидович *Марков* (1879—1918) — генерал, командир офицерского полка Добровольческой армии.

² Владимир Васильевич *Алексеев* (1892—1919) — актер Вахтанговской студии. Ему посвящена 2-я часть «Повести о Сонечке».

11

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1255, лл. 66—66 об.

¹ Анатолий Васильевич *Луначарский* (1875—1933) — критик, публицист; в 1917—1929 гг. нарком просвещения.

² 7—8 ноября 1920 г. армия генерала Врангеля была разгромлена и эвакуирована на кораблях в Константинополь, части Красной армии заняли Крымский полуостров.

³ А.И. Цветаевой.

⁴ Евгений Львович *Ланн* (наст. фам. Лозман, 1896—1958) — поэт, переводчик.

⁵ Поэма-сказка (1920).

⁶ Театральный Отдел Наркомпроса, образован в 1918 г.

12

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, лл. 14—15.

¹ Герой повести американской писательницы Ф. Бёрнетт «История маленького лорда Фаунтлероя» (1886, рус. пер. 1889).

² Герой романа Ч. Диккенса «Домби и сын» (1848).

³ Г.Я. Эфрона.

⁴ Б.С. Трухачевым.

⁵ А.С. Говоровым или С.И. Гольцевым.

13

¹ С.Я. Парнок. В 1917—1920 гг. жила в Судаче в семье Герцык.

² Борис Константинович *Зайцев* (1881—1972) — писатель.

³ Лев Борисович *Каменев* (наст. фам. Розенфельд, 1883—1936) — советский партийный и государственный деятель; в 1918—1926 гг. — председатель Моссовета.

⁴ А.К. Герцык.

⁵ А.И. Цветаевой.

⁶ Цветасва имеет в виду автобиографическую повесть *Андрея Белого* (Бориса Николаевича Бугаева, 1880—1934) «Котик Летаев» (1922).

⁷ К.Д. Бальмонт в конце июня 1920 г. уехал в Париж.

⁸ Борис Леонидович *Пастернак* (1890—1960) — поэт.

⁹ Н.А. Бердяев.

¹⁰ Михаил Андреевич *Осоргин* (наст. фам. Ильин, 1878—1943) — писатель, один из организаторов Лавки писателей.

¹¹ Б.А. Грифцов.

¹² По-видимому, Александр Карпович *Дживелегов* (1875—1952) — литературовед, театровед.

¹³ Вяч. И. Иванов в 1920 г. уехал в Баку.

¹⁴ Федор Кузьмич *Сологуб* (наст. фам. Тетерников, 1863—1927) — поэт, писатель.

¹⁵ В.Я. Брюсов.

¹⁶ Аделаида Ефимовна *Адалис* (1900—1969) — поэтесса.

¹⁷ О.Э. Мандельштам.

¹⁸ И.Г. Эренбург.

¹⁹ Б.К. Зайцев и его жена — Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, 1878—1965).

²⁰ Имеется в виду Марк Яковлевич *Серейский* (1885—1957) — врач-психиатр.

²¹ Хаим Нахман *Бялик* (1873—1934) — еврейский поэт. В 1920 г. уехал из России.

²² «*Габима*» — московский театр-студия (1918—1926), ставивший пьесы на древнееврейском языке. Крупнейшим спектаклем стал в 1922 г. «*Гадибук*» Ан-ского, (перевод и переработка Бялика, художник Н. Альтман, постановка Евг. Вахтангова).

²³ *Ф.А. Степун*; речь идет о его романе «*Николай Переслегин*», печатался в «*Современных записках*» в 1923—1925 гг.

²⁴ Сергей Михайлович *Волконский* (1860—1937) — князь, внук декабриста С.Г. Волконского, автор книг «*Декабристы*», «*Мои воспоминания*», последней Цветаева посвятила впоследствии очерк-рецензию «*Кедр. Апология*» (1924).

²⁵ А.К. и Е.К. Герцык.

²⁶ Константин Михайлович *Эфрон*, сын В.Я. Эфрон и М.С. Фельдштейна, родился 12 мая 1921 г.

²⁷ Э.А. Фельдштейн с дочерьми Татьяной и Еленой временно жила за границей у родных.

²⁸ Имеется в виду брошюра Волошина «*О Репине*» (М.: «Оле-Лукойе», 1913).

² К. Д. Бальмонта.

³ Предположительно, имеется в виду книга французского писателя Пьера *Лоти* (наст. имя Луи Мари Жюльен Вио, 1850—1923) «Книга милосердия и смерти».

15

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 22—22 об.

Как и предыдущее, переписано Цветаевой в свою беловую тетрадь стихотворений.

¹ И. Г. Эренбург.

16

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 134, лл. 1—2.

¹ А. С. Эфрон гостила по приглашению Б. К. Зайцева в доме его родителей Константина Николаевича (?—1919) и Татьяны Васильевны (урожд. Рыбалкиной (?—1927) Зайцевых в Притыкине Каширского уезда Тульской губернии.

² Имеется в виду С. М. Волконский.

³ А. Б. Трухачев.

⁴ Видимо, Борис Александрович *Бессарабов* (1897—1970) — знакомый Цветаевой, прототип героя ее поэмы «Егорушка» (1921—1928).

⁵ А. И. Цветаевой.

⁶ Лицо неустановленное.

⁷ В. А. Зайцева.

⁸ Наталья Борисовна *Зайцева-Сологуб* (р. 1912) — дочь В. А. и Б. К. Зайцевых.

⁹ Б. К. Зайцев.

18

¹ 10 декабря 1921 г. из Феодосии Волошин сообщил матери: «Я писал Марине отчаянное письмо о положении Герцык, прося привести в Москве всё в движение. Они подняли там целую бурю» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. С. 183). Речь в письме Волошина шла о голоде в Крыму и о бедственном положении семьи Герцык.

² Имеется в виду знаменитая итальянская певица (колоратурное сопрано) Аделина *Патти* (1843—1919).

³ Владимир Михайлович *Волькенштейн* (1683—1974) — поэт, драматург, в 1906—1908 г. был мужем С.Я. Парнок. «Калики перехожие» (1914) — пьеса В.М. Волькенштейна.

⁴ С.Я. Парнок.

⁵ Деньги дошли. В цитированном выше письме Волошина матери читаем: «На этой неделе я получил для Герцык 2¹/₂ миллиона. <...> А 100 тысяч Марина и Ася посылают от себя тебе и мне» (там же. С. 183).

⁶ «*Летучая мышь*» — московский театр-кабаре Никиты Федоровича *Балиева* (1877—1936). Основан в 1913 г.

⁷ М.П. Кудашевой.

⁸ Иван Александрович *Аксенов* (1884—1935) — поэт, искусствовед.

⁹ Сергей Павлович *Бобров* (1889—1971) — поэт, критик.

¹⁰ Н.А. Бердяев.

¹¹ Эмилий Львович *Миндлин* (1900—1981) — поэт, мемуарист.

¹² Улица, на которой жила Цветаева в свой первый приезд в Париж в 1909 г.

¹³ Сохранилась рукопись поэмы «На Красном коне» с дарственной надписью Цветаевой А.К. Герцык.

¹⁴ В1 вышла после отъезда Цветаевой, летом 1922 г. в Госиздате; последняя картина пьесы Цветаевой «Феникс» была издана под названием «Конец Казановы» (М.: Созвездие, 1922).

19

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 46 об. — 47.

Вписано рукой А.С. Эфрон в беловую тетрадь стихотворений Цветаевой.

20

¹ Семья Герцык.

² Дмитрий Евгеньевич *Жуковский* (1866—1943) — переводчик, издатель, муж А.К. Герцык.

³ Георгий Иванович *Золотухин* (1886 — после 1942) — поэт-футурист.

⁴ И.Г. Эренбургу.

Глава четвертая

ПИСЬМА ОТТУДА

(1923—1939)

1

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 27, лл. 3—5.

¹ К.М. Эфрон.

² Это произошло после смерти младшей дочери М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона Ирины (13.IV.1917—15.I.1920), в которой Цветаева обвиняла сестер мужа.

³ Д.Е. Жуковского.

⁴ Л.К. Квятковского.

⁵ В 1919—1920 гг. Е.Я. Эфрон и М.М. Нахман по приглашению кооперации уехали работать в Народный дом села Долыссы Витебской губернии, где организовали самодеятельный театр. Е.Я. Эфрон работала в нем режиссером и актрисой, М.М. Нахман — художником-декоратором. Итог этой деятельности подводит письмо М.М. Нахман к Ю.Л. Оболенской от 9 июня 1920 г.: «Положение стало невозможным. К Лиле здесь отношение ужасное. Жалуются на ее болезненность (не веря ей), на ее характер, что она отталкивает людей, что слишком мало постановок. Всё это несправедливо, хотя при бóльшей сдержанности с ее стороны было бы много лучше. Постановок было не мало — больших с мал<ыми> вместе 24, мал<ых> — 9 — 3 вечера. Значит 18 постановок. Многие повторены — было всего 24 спектакля. Каждую вещь надо выбрать, прочесть и продумать, затем обучать каждого актера отдельно — они этого не понимают. И человек<ский> материал здесь неблагодарный. Мне же предъявляется претензия, что я делаю декорации не так, как сказано в попул<ярной> книжке, а по своему!» (РГАЛИ, ф. 2080, оп. I, ед. хр. 45).

⁶ В 1921—1923 гг. Е.Я. Эфрон занималась в школе III Студии МХТ, одновременно работая режиссером и педагогом в детской художественной самодеятельности.

2

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 17—18.

¹ Имеется в виду издаваемый в Берлине профессором А.С. Ященко библиографический журнал «Новая русская книга». В № 2 за 1923 г. был

напечатан цикл стихотворений М. Волошина «Усобица (цикл о терроре 1920—1921 гг.)», а также присланный в одном пакете со стихами «Список ученых и литераторов, находящихся в Крыму и нуждающихся в помощи».

² В 1922—1923 гг. в Берлине были изданы сборники стихотворений Цветаевой: «Разлука», «Стихи к Блоку», «Психея». «Ремесло» и поэма-сказка «Царь-Девница».

³ Все русские студенты в Праге находились на иждивении чехословацкого правительства.

⁴ С.Я. Эфрон не знал еще, что Е.О. Кириенко-Волошина умерла 8 января 1923 г.

⁵ В.А. Рогозинского.

⁶ К.Ф. Богаевского.

⁷ Наталья Ивановна Манасеевна (1869—1930) — детская писательница.

⁸ Поликсена Сергеевна Соловьева (1867—1924) — поэтесса (псевд. Allegro).

⁹ А.М. Петрова умерла 11 декабря 1921 г.

3

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 4, л. 18 об.

4

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 347, лл 2—3.

5

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл.2—3.

¹ С.Я. Эфрон ездил устраивать дочь в русскую гимназию в Моравской Тшебове. Речь, вероятно, идет о письме Е.Я. Эфрон, черновик которого сохранился. Ниже мы приводим его копию, предоставленную Р.Б. Вальбе.

Знаком <...> отмечены непрочтенные составителем копии слова, сомнительные слова отмечены знаком <?>.

«Сережа, дорогой мой! Наконец-то получилось от тебя письмо, кот<орого> я так долго ждала и в кот<ором> была уверена.

Ты просишь написать факты. Вот они. Никакой ссоры из-за дров не было. За все годы большевизма, вплоть до этого я купила всего $\frac{1}{4}$ саж<ени>, и до сих пор живу в комнате, в кот<орой> вода в стакане мерзнет, я совсем не топлю. Всё богатство, кот<орым> я обладала, полочки Закса, я просила

его отдавать Марине, как и дрова. Ты знаешь вероятно что одно лето Ирина провела у меня, первое лето коммунизма 1918 г. Я жила у Анны Григ<орьевны>, морально было ужасно, я накупила провианта на все деньги кот<орые> у меня были (мамин залог). И Анна очень скоро сказала что все запасы истощились и выживала меня. Мы расходились в политич<еских> убежд<ениях>. Я собрала все свое самообладание и молча выносила оскорбления, только чтобы не возвращать Ирину. Она стала как бы моей дочкой.

Это была умная, кроткая, нежная девочка. Привезла я ее совсем больной слабой, она все время спала, не могла стоять на ногах. За три мес<яца> она стала неузнаваемой, говорила, бегала. Тиха она была необыкновенно, я все лето ничего не могла делать, даже читать, я упивалась ее присутствием, ее жизнью, ее развитием.

Моей мечтой было взять ее совсем и растить.

Мне предложили место сельской учительницы, я написала Марине об этом и спрашивала не даст ли она мне девочку на зиму. Уезжать в глушь одной я была не в силах. Ирина же заполнила бы всю мою жизнь.

За это время у меня произошел ужасный разрыв с Анной Григ<орьевной>, она потребовала чтобы я уехала. У меня не было ни копейки денег. Я написала обо всем Марине. Но тут меня выручил Миша, я нашла себе комнату у крестьян, и там еще мы прожили с Ириной месяц. Подошла осень. Я ждала ответа от Марины, отдаст ли она мне Ирину на зиму. Вместо ответа приехала Марина и взяла у меня Ирину. Когда я спросила отчего она ее берет она ответила что теперь в Москву привозят молоко (летом молока не было) и оставаться ей в деревне нет надобности. Ты знаешь какова Ирина была совсем маленькой и знаешь как мне всегда было больно Марино, такое различное от моего понимания, воспитание детей. Я знала на какую муку увозится Ирина. Я была прямо в звериной тоске. И три дня не могла вернуться в нашу комнату где стояла пустая кровать. Тогда я решила что больше никогда Ирину брать не буду, что мне это не по силам. Вот в этом верно и была моя самая большая ошибка, что я себя хотела защитить от боли.

Прошло два месяца. Вера была очень больна, думали что белокровие. Жила она с Асей, Зоей и Женей на одной квартире. Я жила отдельно. Доктора намекали, что она не выживет. Я абсолютно ничем Вере помочь не могла, я три мес<яца> не видала кусочка хлеба (в деревне, когда жила с Ириной, находила обглоданные корки хозяйской девочки и съедала их). Пишу это, чтобы ты понял, в каком беспомощном состоянии я была. Ася, Зоя и Женя поддерживали Веру, но у Веры отношения с Асей портились и ей ее помощь была очень трудна. Но ничего иного делать было нечего. Вера ходила по стенке. Марина знала, что Вера больна, но не знала, что

с нею. У Марины ушла прислуга и она привела девочку к Вере. Я взяла Ирину к себе, с отчаянной болью, т<ак> к<ак> девочка все потеряла, что имела, и я опять не могла отделаться от своей любви к ней.

Ирину оставлять у себя моя квартирная хозяйка запретила, т<ак> к<ак> сдавала она комнату без ребенка. Вечером я должна была приходиться с Ириной к Вере и у Веры ночевать, т<ак> к<ак> Веру нельзя было ничем утруждать. Пришла Марина при мне и я все высказала, сказала ей: об ее оскорбительном отношении к Вере, о том что она нас не подпускает к детям и хочет оградить их китайской стеной от нас. <Делать?> что-либо я могу только из любви, <видеть?> детей не позволяет и с нашими чувствами не считается. Что я могла бы взять Ирину, <...> устроилась в деревне, но сейчас я сама вишу <...> и не хочу ее любить и привыкать к ней <...> на это нет сил. Говорила я очень резко, грубо, очень раздражено. На этом разговоре мы с Мариной расстались. Ирина осталась у нас еще на неск<олько> дней, я опять брала ее на день, а на ночь приводила к Вере. Потом позвонив по телеф<ону> узнали что прислуга есть отвели Ирину Марине. <Как> видишь ни на холод мы ее не выгоняли, ни отказывали приютить Ирину в трудный момент.

Это было в 1918 г. На след<ующую> зиму я уехала в Витебск<ую> губ<ернию> в деревню и решила взять Ирину. Но хотела раньше устроиться, условия предлагали хорошие, но сразу не дали комнаты и два мес<яца> я жила в проходной комнате у чужого человека. Подробности этой моей жизни можешь узнать у Магды, мы с ней вместе уехали. На Рождество только мы с ней получили комнату и я написала Вере, чтобы она привезла Ирину. И получила ответ от нее и от Аси, что Ирина умерла и как мне описала Ася, умирала она долго и совсем одна. Вот что мне написала Ася она встретила Марину и та ей рассказала <что> Ирина в ужасном приюте для сирот и сама Марина боится туда ехать за Ириной. Тогда <Ася сказала> что она берет Ирину, и поедет <..> достанет Марине сапоги или валенки <...>. Стоворились. Но Марина привезла к Асе больную Алю вместо Ирины. Ася героически ухаживала за Алей и перебинтовывала ее. Тогда решили, что Ирину возьмет Вера. Ася переселилась в Верину комнату (они уже жили врозь) и Марина и Аля в Асиной комнате. Вера не могла сразу поехать за Ириной потому что она была вся в нарывах, а нести Ирину надо было неск<олько> верст. Ася тоже заболевает и слегла. В это время умирает Ирина, нет, Ася кажется после этого заболевает. Не знаю сколько времени всё это тянулось. Я узнала обо всем когда все уже кончилось. Не знаю также сколько времени Ирина была в этом ужасном приюте, мне писали, что она уже ничего не могла есть и лежала все время. Когда я уезжала, то просила Тусю устроить Ирину в детск<ом> саду в котором она работала, там Ирина могла жить под

Тусиным присмотром и кормили порядно. Туся была у Марины и предлагала ей взять к себе Ирину, не знаю, отчего-то Марина верила больше в тот приют.

Вот и все. Не знаю насколько тебя все это удовлетворит.

Магда Нахман в Берлине. Не знаю ее адреса. Она вышла замуж за индуса. Его зовут Ачариа, а фамилии не знаю. Может быть найдешь ее. Она тебе тоже сможет рассказать. В год смерти Ирины она жила со мной, а перед этим с Асей и Верой».

В августе 1917 г. Е.О. Кириенко-Волошина писала В.Я. Эфрон из Коктебеля в Долыссы Витебской губернии: «Борис Трухачев мне говорил, что маленькая Ирина в ужасном состоянии худобы от голода; на плач ее никто внимания не обращает; он был совсем потрясен виденным. Рассказал только мне под большим секретом. — Что это такое? Бред Бориса на кошмарную тему или кошмарная действительность?» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 382, л. 21).

² В.А. Жуковской.

6

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3., ед. хр. 1347, лл. 19—20.

¹ 22 декабря 1923 г. М. Волошин писал В.Я. Эфрон: «Получил письмо от Сережи. Очень грустное и одинокое. Почему — не пишет. В письме ни одного слова ни о Марине, ни об Але. Пишешь ли ты ему, Вера?» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383, л. 24).

² Т.Д. Цемах с 1921 г. поселилась в Берлине, была секретарем «Дома искусств», печатала стихи и рецензии в русской эмигрантской периодике; в 1924 г. выпустила в Берлине сборник стихотворений «Восьмистишия».

³ Речь, вероятно, идет о Марии Степановне *Волошиной* (урожд. Заболоцкой, 1887—1976), с 1921 г. поселившейся в Коктебеле и ставшей впоследствии второй женой Волошина. Яркую ее характеристику Волошин дает в письме к В.Я. Эфрон от 24 мая 1923 г.: «Хотелось бы снова, чтобы в Коктебель вернулись ты и Лиля. Чтобы Вы узнали и полюбили Марусю, которая была последним другом Пра, была при ней всё время последний год, во время моего отсутствия, и теперь самый близкий мне человек, самой судьбой мне посланный, не знаю уж за какие мои добродетели. Она такая: возраст 34 (духовно — 14). Лицо крестьянского мальчишки. Грамоте ее учил Н.К. Михайловский. Росла в семье Савиновых. Медичка. С 1914 года — на войне — сперва на немецкой, потом на гражданской. Юродивая. Исступленная. Самозабвенная. Всегда пламенно протестующая. Болела всеми тифами. Избивалась и калечилась городовыми,

солдатами и т.д. Ввязывается во все уличные истории вплоть до драк с мальчишками. Берется за всё непосильное и не отступает, несмотря на слабость и нервность. Совершенно не умеет угадывать шутки и иронии. Глубоко и бессознательно религиозна. Раздает и деньги и вещи и себя на все стороны. В гимназии была 1 ученицей (как ты), а теперь почти безграмотна. Была дружна с самыми неожиданными и неподходящими людьми, начиная с Вер. Ф. Комиссаржевской, кончая Иван. Влад. Цветаевым. С Пра они глубоко и страстно подружились.» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383, л. 25 об.).

⁴ К. Ф. Богаевскому.

7

¹ Возможно, С. Я. Эфрон поместил стихи Волошина в антологию русской поэзии, составленной Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой (Прага, 1923):

² Т. Д. Цемах.

³ М. С. Волошину.

8

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, лл. 26—27 об.

¹ М. С. Волошиной.

9

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 7—8.

¹ С 1 марта по 19 мая 1924 г. Волошин прожил в Москве, уезжая на месяц в Ленинград.

² М. С. Фельдштейн.

³ В. А. Соколов. Дальнейшее связано, по-видимому, с историей кратковременного брака В. А. Соколова с Над. Вас. Крандиевской в 1916 г. В 1924 г. Соколов был ведущим актером Камерного театра; критика единодушно отмечала выдающееся исполнение им роли Тихона в «Грозе» А. Н. Островского. В 1926 г. Соколов уехал в Германию, где с успехом продолжил свою театральную карьеру.

⁴ А. Н. Толстой.

⁵ В. А. Крандиевский.

⁶ «Записки добровольца». Первая глава книги «Октябрь (1917)» опубликована в сб. «На чужой стороне», кн. XI, Прага, «Пламя», 1925. Вторая глава «Декабрь 1917» при жизни С. Я. Эфрона напечатана не была. Остальные главы остались, по-видимому, ненаписанными.

⁷ Вероятно, В.М. Эфрон, вдова П.Я. Эфрона.

⁸ В.А. Жуковская.

10

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 9.

¹ Екатерина Германовна *Цирес* — старшая сестра А.Г. Циреса.

² Ф.А. Степуном.

³ С.Я. Эфрон входил в редакцию начавшего выходить в Праге в ноябре 1924 г. журнала «Своими путями».

⁴ Имеется в виду Третья (Вахтанговская) Студия МХТ.

⁵ Павел Григорьевич *Антокольский* (1896—1978) — поэт, участник Вахтанговской Студии.

⁶ 16 января 1925 г. Волошин писал В.Я. Эфрон: «Имеешь ли ты письма от Сережи? Что с ним и где он? Написала ли ему, почему я не пишу ему? Это очень нужно сделать, а то он будет недоумевать» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383, л. 30 об.). По-видимому, из-за политической травли, которой он подвергся в 1924 г., Волошин не мог свободно переписываться с друзьями за границей.

⁷ В ноябре 1924 г. в Ленинграде было сильное наводнение.

11

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 182, л. 1.

Записка написана карандашом на оторванном клапане почтового конверта. Датируется по содержанию.

12

Написано карандашом на бланке: «Methodist Mission Praha II, Ječná ulice, č. 17. Студенческий отдел».

¹ В Sciez на Женевском озере семья Эфрон собиралась вместе в последний раз — летом 1908 г.

² Томаш Гарриг *Масарик* (1850—1937) — доктор философии, президент Чехословакии (1918—1935).

³ Домашнее имя К.М. Эфрона — сына В.Я. Эфрон и М.С. Фельдштейна.

⁴ Имеется в виду Ю.Л. Оболенская.

13

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 15—20.

¹ Адрес санатория указан на открытке от 19 июля 1925: «Чехия, пр. Cirkovice и Uhlirskych Janovic. — Sanatorium».

² Сказка Цветаевой «Молодец» вышла в Праге в издательстве «Пламя» в 1924 г.

³ В 1924—1925 гг. напечатаны очерки Цветаевой: «Вольный проезд», «Бальмонт», «Герой труда», «Отрывки из книги «Земные Приметы», «Мои службы» и поэма «Крысолов».

⁴ В Карловом университете С.Я. Эфрон занимался в семинаре археолога и историка искусства, академика Никодима Павловича Кондакова (1844—1925). В ж. «Студенческие годы» (Прага, 1924, № 5 (16), сентябрь—октябрь) опубликован очерк к 80-летию Н.П. Кондакова и его фотография в кругу своих слушателей, в верхнем ряду стоит С.Я. Эфрон. Здесь же, за подписью «Вольнослушатель», помещено подробное изложение курса Кондакова в Карловом университете (5 семестров), посвященного формированию европейской культуры.

⁵ С.Я. Эфрон сотрудничал в пражских журналах «Студенческие годы» и «Своими путями», в последнем из них в 1925 г. напечатаны его статьи: «Церковные люди и современность» (№ 3/4), «О путях к России» (№ 6/7), «Эмиграция» (№ 8/9); статья «О добровольчестве» опубликована в парижском журнале «Современные записки» (1924, кн. 21).

⁶ Е.Я. Эфрон работала в школе-студии Ю.А. Завадского режиссером-педагогом.

⁷ Нина Григорьевна Коваленская (1888—1993) — актриса Александринского театра; после Гражданской войны эмигрировала, в 1923 г. организовала в Праге драматическую студию; после Второй мировой войны переселилась в США.

⁸ Об этом выступлении С.Я. Эфрона сохранилось свидетельство Цветаевой в письме к А.В. Черновой: «25 апреля 1925 г. <...> Да! Самое главное: 20го, на 2ой — день Пасхи, было Сережино выступление в «Грозе». Играл *о ч е н ь* хорошо: благородно, мягко — себя. Роль безнадежная (герой — слюня и макарона!), а он сделал ее обаятельной. За одно место я трепетала: «... загнан, забит, да еще сдуру влюбиться вздумал»... и вот, каждый раз, без промаху: «загнан, забит, да еще в дуру влюбиться вздумал!» Это в Катери-ну-то! В Коваленскую-то! (prima Алекс<андринского> театра, очень даровитая). И вот — подходит место. Трепещу. Наконец, роковое: «Загнан, забит, да еще...» (пауза)... Пауза, ясно, для того, чтобы проглотить дуру. Зал не знал, знали Аля и я. И Коваленская (!)» (НП, 167—168).

⁹ Имеется в виду народная драма XVIII в. «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе». Не далее, как в декабре 1924 г., С.Я. Эфрон увлеченно занимался этим произведением, о чем Цветаева писала О.Е. Колбасиной-Черновой: *«Вшenorы, 27 декабря 1924 г. <...> С<ережа> с Исцеленовым (и Брэй'ем, Вы его не знаете — англичанин режиссер — блестящ) затеяли студию. Ставят «Царя Максимилиана» (народное, по Ремизову). Сережа играет царского сына, «Адольфу» — нечто вроде Св<ятого> Георгия. Что выйдет — не знаю. Дело в хороших руках, есть актеры — но будут ли деньги? Пока у них небольшое помещение, репетиции идут. С<ережа> очень увлечен»* (НП, 105).

¹⁰ См. письмо 55 главы 1.

14

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 21—22.

¹ А.Н. Толстой.

² П.Г. Антокольский.

³ Георгий Аркадьевич *Шенгели* (1894—1956) — поэт, переводчик. С.Я. Эфрон познакомился с ним, видимо, в Харькове в 1919 г.

⁴ *Музыкальная Студия МХТ* была основана В.И. Немировичем-Данченко в 1919 г.; в 1925 г. выехала на гастроли в Берлин и Прагу, затем в Америку.

⁵ *«Дочь мадам Анго»* — комическая опера Ш. Лекока, постановка 1920 г., *«Перикола»* — комическая опера Ж. Оффенбаха, постановка 1922 г.

⁶ Ольга Владимировна *Бакланова* (1893—1974) — ведущая актриса Музыкальной Студии МХТ, исполняла главные партии в показанных в Праге спектаклях. После 1926 г. жила в США, играла в театрах, снималась в кино.

⁷ Цветаева с детьми уехала из Праги в Париж 1 ноября 1925 г.

⁸ На эту тему С.Я. Эфрон опубликовал два рассказа: «Тиф» (Сб. «Ковчег», Прага, 1926) и «Тыл» (ж. «Благонамеренный», Брюссель, 1926, № 2).

⁹ От названия советского журнала *«На посту»* (1923—1925), занимавшего непримиримую позицию по отношению к непролетарским литературе и искусству.

15

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 134, л. 9.

Написано на обороте фотографической открытки с изображением собаки породы колли и надписью «Faithful and True» («Преданный и верный»).

¹ Цветаева гостила в Лондоне по приглашению Д.П. Святополк-Мирского с 10 по 25 марта 1926 г.

² Ольга Елисеевна *Колбасина-Чернова* (1886—1964) — писательница, журналистка. В ее парижской квартире семья Цветаевой прожила с ноября 1925 г. по конец апреля 1926 г.

16

¹ Имеется в виду выходявший в Париже в 1926—1928 гг. журнал «Версты» под редакцией П.П. Сувчинского, кн. Д.П. Святополк-Мирского, С.Я. Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова.

² Дмитрий Петрович *Святополк-Мирский*, князь (1890—1937) — литературный критик, историк литературы. Жил в Лондоне, преподавал в университете. В 1932 г. вернулся в СССР, в 1937 г. погиб в лагере на Колыме.

³ Петр Петрович *Сувчинский* (1892—1985) — журналист, деятель евразийства. Общее образование получил в Санкт-Петербургском университете, брал уроки игры на фортепиано у Ф.М. Blumenфельда. В 1915 г. совместно с А.Н. Римским-Корсаковым организовал в Петербурге журнал «Музыкальный современник» (под редакцией последнего), а также концерты современной камерной музыки. В 1917 г. издавал совместно с Б.В. Асафьевым сборники «Мелос». В 1922—1928 гг. возглавлял издательство «Евразия».

⁴ Просоветская позиция журнала «Версты» вызвала резкую критику Бунина, Гиппиус и Ходасевича.

⁵ «Своими путями».

⁶ И.Г. Эренбург.

⁷ Цветаева с детьми 24 апреля 1926 г. уехала на океан в рыбацкую деревню Сен-Жиль-сюр-Ви, где пробыла до октября.

⁸ Из-за забастовки в типографии первый номер «Верст» вышел только в середине июня.

17

РГАЛИ, ф. 2362, оп. 1, ед. хр. 164, л. 25.

¹ И.Г. Эренбург.

² В 1926 г. были опубликованы рассказы С.Я. Эфрона «Видовая», «Тиф» и «Тыл».

18

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 28.

¹ Имеется в виду французский перевод романа английской писательницы Эмили Бронте (1818—1848) «Грозовой перевал» (1847).

19

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 26—27.

Датируется по содержанию.

¹ Летом 1926 г. были написаны «Поэма лестницы», «С Моря», «Попытка комнаты», тогда же Цветаева работала и над «Несбывшейся поэмой».

20

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29.

¹ После возвращения из Сен-Жиля семья Цветаевой поселилась в Беллеву, потом переехала в Мёдон.

² Имеется в виду редактирование журнала «Версты».

³ А.В. Трупчинского.

⁴ Первый беспосадочный перелет через Атлантический океан из Америки в Европу американского летчика Карла Линдберга (1902—1974) состоялся 20—21 мая 1927 г. Цветаева посвятила ему строки своей «Поэмы Воздуха» (1927).

21

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 30.

¹ Вероятно, речь идет о фильме «Страсти Жанны д'Арк», который в 1927 г. снимал во Франции датский сценарист и режиссер Карл Теодор Дрейер (1889—1968).

² Михаил Леонидович Слонимский (1897—1972) — писатель.

³ Владимир Германович Лидин (1894—1979) — писатель.

⁴ Эльза Триоле (наст. имя Эльза Юрьевна Каган, 1896—1970) — французская писательница, переводчица.

⁵ Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова, 1873—1961) — писательница.

⁶ Возможно, имеется в виду роман И.Г. Эренбурга «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (изд. 1928).

⁷ Михаил Михайлович Зоценко (1895—1958) — писатель.

⁸ Леонид Николаевич Андреев (1871—1919) — писатель.

⁹ В маленьком театре «Студия Елисейских Полей» Гастон Бати (1885—1952) — режиссер, драматург, историк театра, поставил пьесу С. Гантियो-на «Майя». Этот спектакль критика назвала «одним из самых легендарных триумфов современного театра». Мироощущение С.Я. Эфрона было слишком далеким от европейского «эскапизма» (бегства от действительности), что и определило его отзыв. Героиня пьесы — портовая проститутка, которая преображается от встречи к встрече, воплощая собой мечту каждого «гостя». В этом превращении реальной Беллы в загадочную, бесплотную Майю, дарящую иллюзии и сны, — внутренний смысл пьесы. Гастроли принесли «Майе» европейскую известность; пьеса была переведена на 18 языков и шла по всей Европе.

¹⁰ Клавдия Дурново — кузина Е.П. Дурново-Эфрон (дочь сестры ее матери — Марии Никаноровны Посылиной, и жена ее кузена Сергея Дурново), любимица всей семьи Эфрон, она в 1907 г. устроила отъезд Е.П. Дурново-Эфрон через Финляндию за границу по своему паспорту. В 1910-е гг. увлеклась писателем и биографом Л.Н. Толстого П.А. Сергеевко (1854—1930) и переехала в Крым. Жила в Ялте, преподавала музыку.

¹¹ В 1926—1927 гг. Волошиным написаны следующие стихотворения: «Доблесть поэта», «Колдовство», «Дом поэта», «Четверть века».

¹² Екатерина II (1729—1796) — русская императрица (1762—1796).

¹³ Прав.: Арсений Мацеевич (1697—1772) — митрополит ростовский и ярославский, последний противник церковной реформы Петра I.

¹⁴ Обер-прокурором Святейшего Синода в 1768—1774 гг. был бригадир П.П. Чебышев.

¹⁵ Анна Иоанновна (1693—1740) — российская императрица с 1730 г., племянница Петра I.

¹⁶ Петр I Великий (1672—1725) — русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г.

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 32.

¹ А.И. Цветаева летом 1927 г. по приглашению М. Горького жила в Сорренто; в сентябре она на две недели приезжала в Париж для свидания с сестрой.

² Константин Федорович Юон (1875—1958) — художник.

³ Поэма Б. Пастернака. «Девятьсот пятый год» (М.; Л.: ГИЗ, 1927).

23

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 33—34.

¹ Ипполит Воль.

² Франка Гранье.

³ Владимир Александрович *Завадский* (1896—1928) — младший брат Ю.А. Завадского; был в Добровольческой армии, потом служил в банке. Его смерти посвящена поэма Цветаевой «Красный бычок» (1928).

⁴ Вера Александровна *Завадская* (1895—1930, в замуж. Аренская) — гимназическая соученица Цветаевой, сестра В.А. и Ю.А. Завадских. Уехала в СССР в 1928 г., умерла в Ялте.

⁵ П.Я. Эфрон похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

⁶ Русский художник Василий Иванович *Шухаев* (1887—1973) в 1928 г. открыл в Париже частную художественную школу.

⁷ В апреле 1928 г. к Цветаевой поступила и до осени помогала ей в ведении хозяйства и уходе за ребенком Наталья Матвеевна *Андреева* (урожд. Стольникова, 1883—1962), вдова брата Л.Н. Андреева — Всеволода Николаевича Андреева (1873—1916), жившая в семье А.И. Андреевой, так как не имела своих средств к существованию.

24

РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1347, л. 28.

Написано на почтовой открытке с видом Мёдона. Датируется по почтовому штемпелю.

Возможно, С.Я. Эфрон узнал из газет, что в апреле 1928 г. Волошин был принят во Всероссийский союз писателей, и поздравление послано в связи с этим событием.

25

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 184, л. 3.

С.Я. Эфрон ездил снимать дачу для семьи.

26

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 35—36.

¹ Так, по старой памяти, С.Я. Эфрон называет труппу III Студии МХТ, получившей в 1926 г. название Театра им. Евг. Вахтангова. Упоминаемые спектакли — последние постановки самого Вахтангова: «*Чудо Святого*

Антония» (1921), «*Принцесса Турандот*» (1922). «*Виринея*» (1925) — первый спектакль, созданный театром после смерти Вахтангова (реж. А. Попов).

² Труппа «Русский балет Сергея Дягилева» в 1927 г. и 1929 г. поставила, в частности, два новых балета на музыку С. Прокофьева: «Стальной скок» и «Блудный сын». О последнем сохранился отзыв Цветаевой в письме к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 11 июня 1929 г.: «Была на Дягилеве, в Блудном сыне несколько умных жестов, напоминающих стихи (мне — мои же): превращение плаща в парус и этим бражников в гребцов».

³ Юрий Александрович *Завадский* (1894—1977) начинал свою театральную деятельность в III Студии в 1915 г. сначала как художник, потом как актер и режиссер. В 1924 г. основал собственную студию, в 1927 г. реорганизованную в Театр-студию под руководством Ю.А. Завадского. Е.Я. Эфрон работала в этом театре режиссером-педагогом.

⁴ П.Г. Антокольским.

⁵ П. Антокольский. *Третья книга*. М., 1927.

27

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, л. 17.

¹ Франсуа Рене де *Шатобриан* (1768—1848) — французский писатель. «*Замогильные записки*» (изд. 1848—1850) — итоговое произведение, представляющее собой дневник его философских и художественных исканий.

² «Католическое отрочество» — серия книг для юношеского возраста. Цветаева выбрала книгу в подарок на день рождения дочери, 18 сентября 1928 г. ей исполнилось 16 лет.

³ Н.М. Андрееву.

⁴ *Grande-Côte* — природная достопримечательность южного побережья Франции.

⁵ Лицо неустановленное.

⁶ Вера Александровна *Сувчинская* (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл, 1906—1987) — жена П.П. Сувчинского, летом 1928 г. отдыхала в Понтайаке.

⁷ Анна Антоновна *Тескова* (1872—1954) — чешская писательница, переводчица, председательница «Чешско-русской Едноты», многолетняя корреспондентка Цветаевой.

⁸ Видимо, имеется в виду П.П. Сувчинский, который сломал хозяйский стул (см.: НП, 240).

⁹ Семья философа Льва Платоновича *Карсавина* (1882—1952) в 1928 г. тоже отдыхала в Понтайаке.

28

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 37.

¹ Михаил Александрович *Бакунин* (1814—1876) — русский революционер, теоретик анархизма и народничества. Собрание сочинений и писем М. Бакунина в 4 томах вышло только в 1934—1935 гг. Возможно, С.Я. Эфрон говорит о книге А.А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина» (М., 1915), в которой широко цитируется бакунинская семейная и дружеская переписка.

² В 1928—1929 гг. С.Я. Эфрон работал в редакции еженедельника «Евразия».

³ В.А. Завадская.

⁴ «После России» (Париж, 1928).

⁵ Лицо неустановленное.

⁶ Ф.А. Степун с 1926 г. возглавлял кафедру социологии в Высшей технической школе в Дрездене.

⁷ Рудольф Лазаревич *Самойлович* (1881—1940) — советский полярный исследователь; начальник спасательной экспедиции на ледоколе «Красин» (1928).

⁸ Борис Григорьевич *Чухновский* (1898—1975) — советский полярный летчик; участвовал в поисках экспедиции У. Нобиле (1928).

29

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 38—41.

К письму приложена пятирублевая купюра.

¹ Статья не найдена.

² Имеется в виду Пасха, в 1929 г. приходившаяся на 4 мая.

³ В.А. Завадской.

⁴ Ф.А. Степун.

30

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 42.

¹ Ф. Гранье.

² А.С. Эфрон ездила в Бретань с семьей Лебедевых.

³ В 1929 г. написаны последние стихотворные произведения Волошина (в декабре у него случился инсульт): «Владимирская Богоматерь», «Аделаида Герцкык», поэмы «Сказание об иноке Епифании», «Святой Серафим».

⁴ «Бабы рязанские» (1927, реж. О. Преображенская, И. Правов).

⁵ Возможно имеется в виду советский кинофильм «Сердце Азии (Афганистан)» (1929, реж. В. Ерофеев).

⁶ «Броненосец Потемкин» (1926, реж. С.М. Эйзенштейн).

⁷ В.А. Завадской.

31

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 206, л. 1.

Написано на обороте рождественской акварели художницы Юлии Николаевны Рейтлингер (1898—1988).

¹ В декабре 1929 г. у С.Я. Эфрона обнаружился туберкулезный процесс в легких, в связи с чем он уехал на два месяца в Савойю.

² Маргарита Николаевна *Лебедева* (урожд. бар. Спенглер, 1880—1958), врач.

32

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 46.

¹ Летом 1930 г. С.Я. Эфрон был в санатории, получив на курс лечения стипендию Красного Креста.

² Эрих-Мария *Ремарк* (1898—1970) — немецкий писатель. Речь идет о его романе «На Западном фронте без перемен» (1929, рус. пер. 1929). Приведем отзыв о романе Ремарка из московского эфроновского круга. 17 июля 1930 г. М.С. Фельдштейн писал В.Я. Эфрон: «Читая всё это, совестно становится вспомнить секции, философские словопрения и прочие атрибуты 14 года. Видно, этика войны была возможна только до расцвета цивилизации. Прежде война выделяла человека, а сейчас у него одна задача — исчезнуть, зарыться куда-нибудь, пока его не разорвало. Когда же представишь себе будущее, химизацию и прочие завоевания т. наз. человеческого гения, хочется сказать истории: довольно или по Достоевскому: мерси. Очень поучительно было читать эту книжку, глядя на прошлое в обратной перспективе, которая духовно ведь и есть настоящая» (цит. по публикации Д.А. Беляева — *De Visu*, 1993, № 9 (10). С. 10).

³ Имеется в виду роман французского писателя *Доржелеса* (наст. имя Ролан Лекавеле, 1886—1973) «Деревянные кресты» (1919, рус. пер. 1925).

⁴ Книга военных корреспонденций И.Г. Эренбурга 1915—1917 гг. «*Лик войны. (Во Франции)*» вышла в Софии в 1920 г.

⁵ Исаак Эммануилович *Бабель* (1894—1940) — писатель; имеется в виду его цикл рассказов «*Конармия*» (1926).

⁶ Роман Виктора Павловича *Кина* (наст. фам. Сузовикин, 1903—1937) «По ту сторону» (1928).

⁷ Борис Михайлович *Эйхенбаум* (1886—1959) — литературовед, один из основателей так называемого «формального метода». Первая часть его фундаментального труда «*Лев Толстой*» опубликована в 1928 г.

33

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 48—49.

Написано на почтовой бумаге с маркой парижского кафе: «la Rotonde Mont-Parnasse 105, В^d Montparnass, 105».

¹ С.Я. Эфрон занимался на кинооператорских курсах фирмы Патэ.

² О ком идет речь, установить не удалось.

³ Борис Николаевич *Неандер* (1893—1931) — журналист, знакомый С.Я. Эфрона по пражским студенческим союзам.

⁴ Речь идет об американском фильме по роману Ремарка, поставленном в 1930 г. режиссером Льюисом Майлстоуном (наст. имя Лев Мильштейн, 1895—1980) русского происхождения, с 1913 г. живущим в США. 5 декабря 1930 г. специально организованные на демонстрацию отряды штурмовиков сорвали просмотр фильма в берлинском театре «Моцарт-зал». Операцией руководил Й. Геббельс. Немецкая цензура, опасаясь дальнейших беспорядков, запретила фильм под предлогом оскорбления достоинства немецкого народа.

34

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 51—52.

¹ Б.Н. Неандер.

² Лев Владимирович *Кулешов* (1899—1970) — режиссер и теоретик кино. Речь идет, по-видимому, о его книге «Искусство кино» (Теа-кино-печатъ, 1929).

³ Библиографических данных этой книги обнаружить не удалось.

⁴ Этот сборник также не числится в каталогах доступных нам библиотек.

⁵ Всеволод Николаевич *Всеволодский-Гернгросс* (1882—1962) — автор трудов по истории русского театра, в том числе «Истории русского театра», т. 1—2. Л.; М., 1929.

⁶ Николай Дмитриевич *Волков* (1894—1965) — тетральный критик, либреттист, переводчик. Речь идет о его книге «Мейерхольд» (Т. 1—2. М.; Л., 1929).

⁷ Шарль Патэ (1863—1957) — французский кинопромышленник.

⁸ В «Новой газете» (Париж, 1931, № 4, 15 апреля) была помещена заметка С.Я. Эфрона «Кино: Долой вымысел»; в «Воле России» (Прага, 1931, 3/4) опубликована его статья «Советская кинопромышленность».

⁹ Из приведенного списка удалось установить точные данные следующих книг: Болтнянский Г.М. Культура кинооператора. Опыт исследования, основанный на работах Э.К. Тиссэ (М.; Л., 1927); Пудовкин В. М. Кинорежиссер и киноматериал. (М.: Книгоизд-во РСФСР, 1926); его же. Киносценарий (М.: Книгоизд-во РСФСР, 1926); Шнейдеров В. А. Техника и организация киносъемочной работы (М., 1928); Голдовский Е. М. Освещение киноателее (М., 1927); Косматов Л. В. Киномеханик (М., 1925); Гальперин А. В. О рациональном использовании глубины резкости киносъемочных объективов (М.; Л., 1927).

35

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 54.

¹ Советская еженедельная газета; выходила в Москве с 1925 г. по ноябрь 1941 г.

² По-видимому, имеется в виду называемый в следующем письме сборник статей «Поэтика кино» (М.; Л.: «Кинопечать», 1927), включавший статьи Ю.Н. Тынянова, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума и др.

³ Леон Муссинак (1890—1964) — историк и теоретик киноискусства, один из первых на Западе исследователей и пропагандистов советского кино.

⁴ С таким названием вышло два советских фильма: 1929 — реж. В. Турин; 1931 — сцен. С. Кирсанов, реж. И. Трауберг. По-видимому, С.Я. Эфрон имеет в виду первый, ставший одним из крупнейших явлений советского документального кино конца 1920-х годов.

36

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 59—60.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ По-видимому, речь идет о «Новой газете» (ред. М.Л. Слоним), начавшей выходить в Париже в марте 1931 г. (издавалась до мая 1931 г.).

² А.И. Цветаевой.

³ Лицо неустановленное; возможно, что «Лиза» (см. письмо 33) и «Кудельская» — одно и то же лицо.

⁴ В 1928 г. Театр-студия под руководством Ю.А. Завадского ставила пьесу французского писателя Альфреда де Мюссе (1810—1857) «С любовью не шутят». Возможно, просьба Е.Я. Эфрон связана с этой постановкой.

⁵ *Людовик XIV* (1638—1715) — французский король.

⁶ Музей в Париже, где собраны богатые коллекции эпохи Великой французской революции.

⁷ Вероятно, «Октябрь (1917)».

37

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 61—62.

¹ В 1931 г. Е.Я. Эфрон по состоянию здоровья вышла на пенсию по инвалидности.

² А.И. Цветаева.

38

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, л. 63.

¹ Б.Г. Закса.

² С.Я. Эфрон был заочно знаком с Максимом *Горьким* (наст. имя фам. Алексей Максимович Пешков 1868—1936) и Б.Л. *Пастернаком* через М.И. Цветаеву и А.И. Цветаеву.

39

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 164, лл. 56—57.

¹ Наст. имя Елена Владимировна *Елагина* (1895—1931) — актриса, режиссер, педагог.

² Валентина Владимировна *Успенская*, до революции — актриса передвижных театров; родственница А.В. Кандауровой.

³ В 1931 г. Е.Я. Эфрон оставила постоянную работу в театре.

40

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 1.

Датируется по содержанию.

¹ Михаил Александрович *Чехов* (1891—1955) — русский актер, режиссер, педагог. В 1931 г. *Театр Чехова* дважды выступал в Париже: в июне на сцене театра «Ателье» шли спектакли «Эрик XIV» А. Стриндберга, «Потоп» Ю. Бергера, «Двенадцатая ночь» и «Гамлет» В. Шекспира, «Вечер инсценированных рассказов А. Чехова»; в ноябре, в театре «Авеню» на Ели-

сейских Полях была показана премьера «Дворец пробуждается» (по мотивам русских народных сказок), не имевшая успеха ни у публики, ни у критики, и до закрытия сезона (15 декабря) группа играла только две прежних постановки: «Вечер инсценированных рассказов А. Чехова» (с включением двух новых рассказов) и «Потоп». Вероятнее всего, С.Я. Эфрон был на спектаклях зимнего сезона, так как в июньском письме он о чеховской группе не упоминает.

² Роман (1930—1931) Мариэтты Сергеевны *Шагинян* (1888—1982).

³ Сборник очерков (1931) Николая Семеновича *Тихонова* (1896—1979).

⁴ С.М. Адель.

41

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 5.

¹ Драматург Александр Николаевич *Афиногенов* (1904—1941).

42

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 9.

¹ Е.Я. Эфрон была режиссером-педагогом выдающегося мастера художественного слова Д.Н. Журавлева; среди ее учеников также в разное время были Ирина Чижова, Юрий Мышкин, Анатолий Адоскин и др.

² Д.П. Святополк-Мирский в 1932 г. переехал в СССР.

³ Павел Николаевич *Толстой* (1909—1941) был троюродным племянником А.Н. Толстого; приехал в СССР в 1933 г., работал в редакции журнала «ВОКС».

⁴ Видимо, имеются в виду В.А. и О.А. Rogozинские.

⁵ В.А. Соколов в 1926 г. уехал в Германию для лечения, там он вступил в группу Макса Рейнхардта, затем успешно работал во Франции и США.

⁶ И.Э. Бабель мог быть знаком Е.Я. Эфрон по театру: в 1928 г. во 2-м МХТе была поставлена его пьеса «Закат».

⁷ Видимо, Ю.Л. Оболенская.

⁸ Имеется в виду налаженный в 1930-е годы путь репатриации: из Гавра в Ленинград на одном из советских пароходов.

43

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 11.

¹ *Шато д'Арсин*, владельцы которого — русская семья Штранге — сдавали комнаты с пансионом.

²Цветаева с сыном только 31 июля уехали на летний отдых в Эланкур (под Версалем).

³Максим Максимович *Литвинов* (наст. имя Макс Валлах, 1876—1951), в 1930—1939 гг. нарком иностранных дел СССР.

44

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 13.

¹В 1932 г. Е.Я. Эфрон получила персональную пенсию и оставила службу в театре; в 1930-е гг. у нее были нерегулярные приработки на радио, эстраде.

²Вероятно, при «Союзе возвращения на Родину», активным членом которого стал С.Я. Эфрон.

45

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 184, л. 4.

¹Цветаева с сыном летом 1935 г. жила в Фавьере.

46

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, лл. 15—17.

¹В июне 1935 г. Б.Л. Пастернак в составе советской писательской делегации приезжал в Париж на Конгресс писателей в защиту мира от фашизма. В то время у него была тяжелая депрессия.

²Вероятно, имеется в виду фильм Александра Петровича *Довженко* (1894—1956) «Аэроград» (1935).

³Советский кинофильм (1934), снятый по книге Д.А. Фурманова братьями Васильевыми.

⁴Рене *Клер* (наст. фам. Шомет, 1898—1981) — французский кинорежиссер и сценарист.

⁵Кинофильм (1931) Рене Клера представлял собой своеобразную разновидность оперетты, в которой ритм и монтаж были подчинены музыке и использовалась стилистика немого кино. Фильм имел большой успех.

⁶Кинофильм (1930) Рене Клера.

⁷Имеются в виду мультипликационные фильмы американского художника и режиссера Уолта *Диснея* (1901—1966).

⁸Возможно, речь идет об Андрее Константиновиче Бурове (1900—1957).

⁹ Отто Юльевич Шмидт (1891—1956) — ученый, академик, один из организаторов освоения Северного морского пути, руководитель экспедиций на «Седове» (1929—1930), «Сибирякове» (1932), «Челоскине» (1933—1934).

¹⁰ Вероятно, описка С.Я. Эфрона: в 1935 г. Мейерхольд поставил «Горе уму», а не «Ревизора».

¹¹ Д.П. Святополк-Мирский.

47

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, лл. 18—18а.

Написано на почтовой бумаге с маркой парижского кафе: «Café de Flore» 172, В^d S¹ — Germain Paris».

¹ А.И. Цветаевой.

² А.К. Буров (?).

³ Журнал «Наш Союз», выходивший в Париже и бывший органом «Союза возвращения на Родину».

48

Написано, как и предыдущее, на почтовой бумаге с маркой «Café de Flore». Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В «Союзе возвращения на Родину».

² В 1936 г. Цветаева перевела 16 своих самых любимых стихов Пушкина на французский язык. Два из них (Песня Председателя из «Пира во время Чумы» и «Няне») были опубликованы во французском журнале «La Vie Intellectuelle», Paris, 1937, Vol. XLVIII. № 2. P. 316—318, третий («Бесы») — в однодневной газете «Пушкин. 1837—1937», Париж, 1937.

49

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 23.

Датируется по содержанию.

¹ Б.Г. Закса.

² А.С. Эфрон в марте 1937 г. уехала в СССР и жила в Москве у Е.Я. Эфрон.

50

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 134.

В 1937 г. Цветаева с сыном проводила лето в Локано-Осеан в компании М.Н. Лебедевой и ее дочери Ирины.

¹ «Утка» (ф р.) — название журнала.

² Свод законов (ф р.).

³ «Повесть о Сонечке» (1937).

⁴ Журнал для юношества.

⁵ Местная газета.

⁶ В.И. Лебедев в 1936—1939 гг. был в длительных командировках в США.

51

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 205, л. 1.

¹ День рождения А.С. Эфрон — 25 лет.

² Вероятно, Павел Балтер, сотрудник редакции газеты «Наша Родина» и «Союза возвращения на Родину».

³ Лицо неустановленное.

⁴ Из Локано-Осеан.

52

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 24.

Написано на обороте раскрашенной фотооткрытки с изображением двух девушек. Ср. с письмом 86 главы 1.

Второй адресат послания — Зинаида Митрофановна *Ширкевич* (1888—1977) — подруга Е.Я. Эфрон; дочь священника из белорусского села Кубок, болела костным туберкулезом, в конце 1920-х годов приехала в Москву для лечения, Е.Я. Эфрон поселила ее у себя и всю жизнь прожила с нею и под ее опекой.

53

¹ Дмитрий Васильевич *Сеземан* (р. 1922) — младший сын Н.Н. Клепининой от первого брака; семья Клепининых вернулась в СССР одновременно с С.Я. Эфроном.

² Советский кинофильм (1938), реж.С.М. Эйзенштейн.

³ Сокращенное название французской ежедневной газеты «*Юманите*», с 1920 г. — орган Французской коммунистической партии.

⁴ *Народный фронт* — организация для борьбы против фашизма и войны, а также для защиты экономических интересов трудящихся.

54

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 205, л. 3.

¹ Написано в санатории, где С.Я. Эфрон проходил курс лечения от стенокардии.

² Эмилия Эммануиловна *Литауэр* (1902—1941) — соратница С.Я. Эфрона; с 1921 г. по 1935 г. жила за границей, по приезде в СССР служила в ВОКСе.

³ Лицо неустановленное.

55

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 26.

¹ З.М. Ширкевич.

56

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, л. 18.

Написано на видовой открытке: «Dives (Calvados). — L'Eglise», пронумерованной Цветаевой цифрой «1». Продолжение письма не сохранилось.

¹ Вторая буква обращения точной расшифровке не поддается.

² Цветаева имеет в виду комнату в гостинице «Иннова» на бульваре Пастёр, где она с сыном прожила последние месяцы в Париже.

³ 29 сентября 1938 г. на конференции глав европейских государств в Мюнхене от Чехословакии была отторгнута часть территории и фактически была ликвидирована государственная самостоятельность страны.

57

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 182, л. 2.

Поздравительная телеграмма по случаю дня рождения Цветаевой.

58

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, лл. 28—29.

¹ С.Я. Эфрон говорит о доме в подмосковном поселке Болшево, где его поселили вместе с семьей Клепининых.

² Московский врач.

59

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 30.

Записочка без конверта. На сгибе листа — адрес: «Елизавете Воробей». Имеется в виду персонаж «Мертвых душ» Гоголя (гл. 6).

60

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, л. 20.

Написано на открытке с изображением львицы в саванне. Датируется по содержанию.

¹ Карел Чапек (1890—1938) — чешский писатель; в 1938 г. во Франции развернулась кампания за присуждение ему Нобелевской премии.

² Луи Арагон (1897—1982) — французский писатель.

³ Модный магазин в Париже.

⁴ Т.е. по радио.

⁵ Город в Эфиопии, резиденция французской колониальной администрации.

⁶ Лицо неустановленное.

⁷ Большой универмаг в Париже.

61

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 136, л. 19.

Написано на открытке с изображением льва, пронумерованной Цветаевой цифрой «3». Начало и конец письма не сохранились. Датируется по содержанию.

¹ «Жена булочника» (1939) — кинофильм реж. Марселя Паньоля, воплотившего в своем лице так называемую «провансальскую школу» французского кино. Сюжет фильма основан на эпизоде из романа Ж. Жионо «Синий Жак».

² Ремю (наст. имя Jules Maraie, 1883—1946) — французский актер.

³ Эрих фон Штрогейм (полное имя Эрих Освальд Ханс Карл Мария Штрогейм фон Норденвальд, 1885—1957) — выдающийся актер кино.

⁴ «Великая иллюзия» (1936), реж. Жан Ренуар. Лучший фильм французской школы 1930-х гг. О лагере военнопленных, где разоблачаются «великие иллюзии» целесообразности войны, национальной непримиримости, обусловленности патриотизма и т.п.

⁵ Луи Жуве (1887—1951) — французский актер, режиссер, педагог.

⁶ Пьер Бланшар (1896—1963) — французский киноактер; играл в фильме Пьера Шеналея «Преступление и наказание» (1935).

⁷ Жан-Луи Барро (1910—1994) — выдающийся французский актер и режиссер; в кино стал известен в небольшой роли молодого Бонапарта, в которой Цветаева и запомнила его.

⁸ Вероятно, Дик Покровский, — товарищ С.Я. Эфрона, неофициальный сотрудник советского посольства.

⁹ «Семья Оптенгейм» (1939) — советская экранизация одноименного романа немецкого писателя Лиона Фейхтвангера (1884—1958), реж. Г. Рошаль и В. Строева.

¹⁰ «Еврей Зюсс» (1925, рус. пер. 1929) — роман Л. Фейхтвангера.

62

РГАЛИ, ф.2962, оп.1, ед.хр.124, л.50.

Написано на видовой открытке: «Paris, Notre Dame, Chimeres» («Париж, Собор Парижской Богоматери, Химеры»).

¹ Речь идет о надгробной плите на могиле родителей и брата Е.Я. Эфрон, которую поставила Цветаева. Этим она была занята почти весь предъездный год. Но лучше — ее собственными словами:

«Дорогой Володя,

Обращаюсь к Вам со странной — и срочной просьбой. Я сейчас (впрочем уж целую зиму!) ставлю памятник на Монпарнасском кладбище родителям и брату С<ергея> Я<ковлевича>. Теперь нужна надпись — и в последнюю минуту оказалось, что лицо, купившее место, подписалось на французский лад Effront, и это Effront — во всех последующих бумагах — пошло — и утвердилось — и теперь директор кладбища *н е* разрешает — на плите — Efron, а требует прежней: по мне безобразной, ибо все члены семьи, с тех пор как я в нее вступила, подписывались — и продолжают — Efron.

Тогда я подумала — о русской надписи. Администрация кладбища согласна, но просит нарисованного текста, так как рабочий — француз.

<...> Вот текст. (Буква — 4 фр<анка> 50, поэтому — без отчества).

Только умоляю — если можно — п о с к о р е е и предварительно выяснив соотношение букв.

Здесь покоятся Яков Эфрон

Елизавета Эфрон-Дурново

и сын их

Константин

NB! Володя! Непременно по старой орфографии, ибо 1) умерли они в 1910 г., 2) памятник ставлю — я.

Простите за такое мрачное поручение, но это были ч у д н ы е люди (все трое!) и этого скромного памятника (с 1910 г.) заслужили» (письмо к В.Б. Сосинскому от 15 июня 1938 г. — НП, 245—247).

В августе 1982 г. Монпарнасское кладбище посетила журналистка и переводчица Мария-Луиза Ботт. По-видимому, она была последней, кому довелось навестить эту могилу. В конторе кладбища ей сказали, что на днях могила будет ликвидирована в связи с истечением срока оплаты. Согласно справке, выданной М.-Л. Ботт в конторе, могила Е.Я., Я.К. и К.Я. Эфронов находилась на Cimetière Parisien du Sud-Montparnasse, à 27 division, 7 ligne Est, № 12 Nord. Захоронение производил в 1910 г. Pierre Efront.

² Коктебельский гость дома Волошина лета 1911 г.; ему посвящен шуточный сонет Волошина «Француз» (В о л о ш и н М. Стихотворения и поэмы. С. 425).

³ Болгарская община, наряду с крымскими татарами и русскими, составляла основное население Коктебеля до 1944 г. (года их депортации из Крыма).

63

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 182, л. 3.

Г л а в а п я т а я

ХАНСКИЙ ПОЛОН

(1939—1941)

Последняя запись Цветаевой в своей тетради перед отъездом в СССР (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 32, л. 62). Стихи — Г. Адамовича (см. А д а м о в и ч Г. Единство. Стихи разных лет. «Русская книга», Нью-Йорк, 1967. С. 16).

1

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 165, л. 31.

Датируется по содержанию.

¹ См. запись в тетради М. Цветаевой: «Возобновляю эту тетрадь 5 сентября 1940 г. в Москве. 18го июня приезд в Россию. 19го — в Болшеве

свидание с больным С. Неуют. За керосином. С. покупает яблоки. Постепенное щемление сердца. Мытарства по телефонам. Энигматическая Аля, ее накладное веселье. Живу без бумаг, никому не показываюсь. Кошки. Мой любимый неласковый подросток — кот. (Всё это — для *моей* памяти, и больше ничьей: Мур, если и прочтет, не узнает. Да и не прочтет, ибо бежит — *так о го.*) Торты, ананасы, от этого — не легче. Прогулки с Милей. Мое *одинокое* существо. Посудная вода и слезы. Обертон — унтертон всего — жуть. Обещают перегородку — дни идут. Мурину школу — дни идут. И отвычный деревянный пейзаж, отсутствие камня: устоя. Болезнь С. Страх его сердечного страха. Обрывки его жизни без меня, — не успеваю слушать: полны руки дела, слушаю на пружине. Погреб: 100 раз в день. Когда — писать??

Девочка Шура. Впервые — чувство *чужой* кухни. Безумная жара, которой не замечаю: ручьи пота и слез в посудный таз. Нё за кого держаться. Начинаю понимать, что С. бессилён, совсем, во всем. (Я что-то вынимаю: — Разве Вы не видели? Такие чудные рубашки! — «Я на Вас смотрел!»).

(Разворачиваю рану. Живое мясо. Короче:)²⁷ в ночь отъезд Али. Аля — веселая, держится браво. Отшучивается.

Забыла: последнее счастливое видение ее — дня за 4 — на С^{ельско-}Х^{озийственной} выставке, «колхозницей», в красном чешском платке — моем подарке. Сияла. Уходит, не прощаясь! Я — Что же ты, Аля, так, ни с кем не простившись? Она, в слезах, через плечо — отмахивается! Комендант (старик, с добротой) — Так — лучше. Долгие проводы — лишние слезы...

<оставлено несколько незаполненных страниц.>

О себе. (5ое сент<ября> 1940) Меня все считают — мужественной. Я не знаю человека *робче* себя. Боюсь — всего. Глаз, черноты, шага, а больше всего — себя, своей головы — если это голова — так преданно мне служившей — в тетради и так убивающей меня — в жизни. Никто не видит — не знает, — что я год уже (приблизительно) ищу глазами — крюк, но их нет, п<отому> ч<то> везде электричество. Никаких «лостр».... Я *год* примеряю — смерть. Всё — уродливо и — страшно. Проглотить — мерзость, прыгнуть — враждебность, *исконная* отвратительность *воды*. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже — посмертно — боюсь. Я не хочу — умереть, я хочу — *не быть*. Вздор. Пока я *нужна*.. но, Господи, как я мало, как я *ничего* не могу!. Доживать — дожёвывать Горькую полынь — Сколько строк, миновавших! Ничего не записываю. С этим — кончено» (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 32, лл. 62 об. — 63).

² Домашнее имя Г.С. Эфрона.

2

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 34, лл. 1 об. — 5 об.

Черновой вариант письма, записанный в тетрадь. Его полный текст см. БА. С. 181—186.

¹ *Берия* Лаврентий Павлович (1899—1953) — с 1936 г. председатель НКВД.

3

¹ Дмитрий Николаевич *Журавлев* (1900—1991) — артист, мастер художественного слова, ученик Е.Я. Эфрон.

² В январе—феврале 1940 г. Цветаева переводила в Голицыне поэмы классика грузинской литературы Важа *Пшавела* (наст. имя Лука Разикашвили, 1861—1915) «Раненый барс» и «Гоготур и Апшина».

4

¹ В.Я. Эфрон работала в то время в Библиотеке им. Ленина.

² Имеется в виду К.М. Эфрон.

5

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 183, л. 3.

¹ Корнелий Люцианович *Зелинский* (1896—1970) — советский критик. Г.С. Эфрон выделял Зелинского из всех обитателей Дома творчества как интересного собеседника и умного человека. В ноябре 1940 г. внутренняя рецензия Зелинского решила участь сданного Цветаевой в Гослитиздат сборника стихотворений. Сын Цветаевой и тогда сохранил «нейтралитет». 23 декабря 1940 г. он записал в дневнике: «Отрицательную рецензию, по словам Тагера, дал мой голицынский друг критик Зелинский. Сказал что-то о формализме. Между нами говоря, он совершенно прав, и конечно я себе не представляю, как Гослит мог бы напечатать стихи матери — совершенно и тотально оторванные от жизни и ничего общего не имеющие с действительностью» (ГЭ, с. 209). Примечательно, что сам рецензент, под давлением общественного мнения, которого, как утверждают, тогда не было, вынужден был прибегнуть к оправданиям в печати: «Публичность и ответственность воспитывают людей, — писал Зелинский в заметке «Редактор художественной литературы». — Издательства мало стремятся к тому, чтобы работу редактора

сделать общественной. Ему приходится объяснять свое решение в «частном» порядке, если к тому возникает необходимость. Так, недавно мне пришлось отклонить в Гослитиздате сборник стихов, представленный одним крупным русским поэтом. Разумеется, речь шла не о том, чтобы не печатать данного автора, известного уже более 30 лет и являющегося первоклассным мастером стиха. Просто сборник был составлен неудачно. Но этот факт, конечно, не мог остаться неизвестным и вызвал некоторое «брожение умов», особенно среди литературной молодежи, поклонников поэта. Тогда я пошел навстречу обвинениям и прочел свою «частную», «внутреннюю» рецензию в широкой аудитории, чтобы защитить и доказать свою правоту. Я не скажу, что вся аудитория согласилась со мной, но самая дискуссия имела немалое значение» («Литературная газета», 1941, 11 мая, № 19 (933), с. 4).

² *Султаниазов* — сведений о нем обнаружить не удалось.

6

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 125, л. 1.

1 Т.е. после денежной передачи С.Я. Эфрон и А.С. Эфрон.

7

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 125, л. 2.

¹ Во второй половине учебного года Г.С. Эфрон почти не посещал школу из-за болезни, завуч хлопотал о переводе его в следующий класс без экзаменов.

² Поэма Важа Пшавела.

³ В Доме отдыха писателей.

⁴ Приходящая домработница Е.Я. Эфрон.

⁵ Вероятно, В.А. Жуковской.

8

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 183, л. 2.

¹ Николай Николаевич *Вильям-Вильмонт* (1901—1986) — переводчик, литературовед; работал в журнале «*Интернациональная литература*», выходящем в Москве с 1933 по 1943 г., давал Цветаевой переводческую работу.

² Леонид Осипович *Утесов* (наст. имя Лазарь Вейсбейн; 1895—1982) — артист эстрады, организатор, руководитель и солист одного из первых советских джазовых коллективов.

9

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 183, л. 1.

¹ Вероятно, Ю.Л. Оболенской.

10

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 125, л. 3.

Начало письма утрачено. Адрес на конверте: «Ст. Ново-Иерусалимская Калининской ж.д. Истринский район Московской Области Дачное строительство НИЛ Дача Клинковштейн Елизавете Яковлевне Эфрон».

¹ Имеется в виду Анатолий Кузьмич *Тарасенков* (1909—1956) — литературный критик, библиофил.

² Цветаева с сыном летом 1940 г. жили в квартире уехавшего на лето профессора А.Н. Северцева.

³ Самуил Давыдович *Гуревич* (1904?—1952?) — журналист, переводчик, близкий друг А.С. Эфрон.

⁴ Цветаева перечисляет многотомные издания писателей: Жоржа Луи Леклерка Бюффона (1707—1788) — французского естествоиспытателя, автора 36-томной «Естественной истории»; Виктора Гюго — автора романа «Отверженные» (1862); Чарльза Диккенса (1812—1870), Александра Дюма, Х.К. Андерсена, а также жизнеописания Наполеона Бонапарта и Христофора Колумба.

11

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 125, л. 5.

Левый нижний край письма оторван. Окончания утраченных слов восстановлены в угловых скобках. Адрес тот же, что в предыдущем письме.

¹ С.Д. Гуревича.

² Александр Александрович *Фадеев* (1901—1956) был в то время секретарем Правления Союза писателей СССР.

³ Генрих Густавович *Нейгауз* (1868—1964) — пианист.

⁴ Б.Л. Пастернак.

⁵ Зинаида Николаевна *Пастернак* (урожд. Еремеева, 1897—1968) — первая жена Г.Г. Нейгауза, вторая — Б.Л. Пастернака.

⁶ Петр Андреевич *Павленко* (1899—1951) — писатель.

⁷ Самуил Яковлевич *Маршак* (1887—1964) — поэт, переводчик.

⁸ В 1890-х годах семья Эфрон жила в Мыльниковом переулке, где был большой двор со службами, там даже держали корову для детей.

⁹ Елена Ефимовна *Тагер* (1909—1981) — жена литературоведа Евгения Борисовича *Тагера* (1906—1984); с ними Цветаева познакомилась в Голицыне.

¹⁰ Д.В. Сеземан.

¹¹ Т.е. по паспорту.

12

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 125, лл. 7—8.

Без конверта.

¹ Соседка Е.Я. Эфрон по московской квартире.

² Т.е. денежную передачу С.Я. Эфрону и А.С. Эфрон.

³ Из ст-ния А.А. Блока «На железной дороге» (1910).

13

Адрес тот же, что в письме 10.

¹ Годовщина ареста С.Я. Эфрона на болшевской даче — 10 октября 1939 г. и годовщина его отъезда из Парижа — 10 октября 1937 г.

² А.С. Эфрон арестовали на болшевской даче 27 августа 1939 г.

³ Правильно: Виноградской.

⁴ Из басни И.А. Крылова «Демьянова уха».

⁵ При жизни Цветаевой эти переводы опубликованы не были.

14

Почтовая открытка. Адрес: Коми АССР Княж-Погост Севжелдорлаг, Ариадне Сергеевне Эфрон.

¹ Имеется в виду подмосковное Голицыно.

² Сборник избранных стихов, составленный Цветаевой в 1940 г., не вышел.

³ Цветаева имеет в виду получение летом 1940 г. багажа, отправленного из Парижа на имя дочери. Багаж прибыл в Москву после ареста А.С. Эфрон и получить его Цветаева смогла только после вынесения дочери приговора (его дата — 2 июля 1940 г.).

⁴ Упомянутые вещи были переданы А.С. Эфрон в Бутырскую тюрьму.

15

Почтовая открытка.

¹ Сборник еврейских поэтов — жителей Западной Белоруссии — был подготовлен к изданию, но не вышел из-за начавшейся войны.

² Вероятно, Елисаветы Багряны. Перевод Цветаевой ее стихов «Правнучка» был опубликован в ж. «Интернациональная литература», 1940, № 7—8.

³ Д.Н. Журавлев.

⁴ Поэма Важа Пшавела «Раненый барс».

⁵ Кошки, жившие в болшевском доме.

⁶ Поездка С.Д. Гуревича не состоялась.

16

¹ Международная организация помощи борцам революции; создана в 1922 г., секция МОПР СССР существовала до 1947 г.

² Эдуард Георгиевич Багрицкий (1895—1934) — поэт.

³ Институт философии, литературы, истории — гуманитарный вуз университетского типа; московский ИФЛИ существовал с 1931 г. по 1941 г., затем слился с МГУ.

⁴ Петр Ильич Чайковский (1840—1893) — композитор.

⁵ Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826—1889) — писатель.

⁶ Семен Исаакович Кирсанов (1906—1972) — поэт.

17

Почтовая открытка.

Адрес: Коми АССР Железнодорожный район. Поселок Железнодорожный. Почтовый ящик 219/Г. Эфрон Ариадне Сергеевне.

Открытка разорвана пополам, на сгибе часть текста испорчена клеем.

¹ После ареста А.С. Эфрон в московской комнате, где она жила у Е.Я. Эфрон, был обыск, и сундук с ее вещами опечатали до вынесения приговора.

² День ареста С.Я. Эфрона.

18

Почтовая карточка. Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Нина Павловна Гордон (урожд. Прокофьева, р. 1908) — в то время сотрудница Жургаза, подруга А.С. Эфрон, впоследствии литературный секретарь К.М. Симонова.

19

¹ Валерий Яковлевич *Кирпотин* (1898—1990) — критик.

² Николай Николаевич *Асеев* (1889—1963) — поэт.

³ Иоганнес *Бехер* (1891—1958) — немецкий поэт.

22

Почтовая карточка. Адрес тот же, что в письме 17.

¹ *Нома* (Noma) — парижские магазины стандартных цен, где продавались дешевые вещи.

² Вероятно, М.Н. Лебедева.

³ Т.е. плед С.Я. Эфрона.

⁴ Речь идет о лагерном сроке А.С. Эфрон, исчислявшемся со дня ареста, т.е. с 27 августа 1939 г.

23

Адрес: г. Москва Покровский бульвар, дом 14/5, квартира 62 Эфрон Георгию Сергеевичу. На конверте надпись красным карандашом рукой Цветаевой: «Кыня! Получила письмо в 9 ч. утра — и не прочла!».

¹ Т.е. дореволюционные издания акционерного издательского общества Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона.

² Николай Семенович *Лесков* (1831—1895) — писатель.

³ Роман (1924) немецкого писателя Томаса *Манна* (1875—1955).

⁴ Книга итальянского скульптора, ювелира, писателя Бенвенуто *Челлини* (1500—1571).

⁵ От фр. Malchance — неудача.

24

Письмо вложено в конверт вместе с письмом 23.

¹ Пьеса «*Аристократы*» (1934) драматурга Николая Федоровича *Погодина* (1900—1962) о стройках первых пятилеток, в которых принимают участие и насильственно привлеченные к труду представители уголовного мира.

² От фр. âme slave — славянская душа.

³ Модест Ильич *Чайковский* (1850—1916) — драматург, либреттист, критик, младший брат композитора; автор трехтомной биографии «Жизнь П.И. Чайковского» (1900—1902).

⁴ Надежда Филаретовна фон Мекк (1831—1894) — жена российского капиталиста К. Ф. фон Мекка, меценатка, покровительствовала П.И. Чайковскому.

⁵ Парафраз заглавия романа Ф.М. Достоевского о каторге «Записки из Мертвого дома» (1860—1861).

⁶ К.М. Эфрону.

⁷ Д.Н. Журавлеву.

⁸ Н.П. Гордон.

25

Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Первые строки стихов Цветаевой 1918 г.

² Ева Кюри — дочь Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри, журналистка.

³ Николай Алексеевич Сеземан (р. 1939) — внук Н.Н. Клепининой, сын ее старшего сына, Алексея.

⁴ Группом литераторов — организация, объединявшая авторов Гослитиздата, давала рекомендацию для вступления в профсоюз.

26

¹ Джон Бойнтон Пристли (1894—1984) — английский писатель, драматург.

27

Почтовая открытка. Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Цитата из разговора «просто приятной дамы» и «дамы, приятной во всех отношениях» из гл. 9 «Мертвых душ» Гоголя.

² Владимир Васильевич Державин (1908—1975) — поэт, переводчик.

28

Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Имеется в виду Ариадна Викторовна Сосинская (урожд. Чернова, 1908—1974).

² Украинский поэт Иван Яковлевич Франко (1856—1916).

³ Судя по записи в черновой тетради Цветаевой, речь идет о Юлиане Пшибосе.

⁴ Сборник песен Франца *Шуберта* (1797—1828) в новых русских переводах задумала и готовила М.В. Юдина. Некоторые из них были написаны на стихи Иоганна Вольфганга *Гёте* (1749—1832).

⁵ Г.Г. Нейгаузом.

⁶ До своего ареста А.С. Эфрон работала в Жургазе, помещавшемся в особняке на Страстном бульваре. Радиокomiteeт в то время находился тоже на Страстном бульваре, напротив здания Жургаза.

⁷ Речь идет о возвратной ссуде, полученной осенью 1940 г.

⁸ Цветаева имеет в виду свой перевод «Баллады о кривой хате» Ондры Лысогорского, опубликованный в ж. «Интернациональная литература», 1940, № 11—12.

⁹ Б.Л. Пастернак.

¹⁰ Леонид Борисович *Пастернак* (1937—1976) — младший сын поэта.

¹¹ Строки из ст-ния Пастернака «Летний день» (1941):

А ночь войдет в мой мезонин
И, высунувшись в сени,
Меня наполнит, как кувшин,
Водой и сиренью.

¹² 6 мая — Георгиев день.

29

Почтовая карточка. Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Эти посылки до А.С. Эфрон не дошли, так как с начала войны посылки заключенным были запрещены.

30

Почтовая карточка. Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Речь идет о переводе Цветаевой ст-ния Ицхока Лейбуша *Переца* (1851—1915) «Библийский мотив».

² Эта публикация не осуществилась.

31

Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Имеются в виду стихотворения И. Эренбурга: «Не здесь на обломках, в походе, в окопе...» (1939), «Упали окон вековые веки...» (1940),

«О чем молчат арденские леса...» (1941), — опубликованные в № 5 ж. «Новый мир» за 1941 г.

² П е р е ц И. Во время эпидемии. Рассказ. (Октябрь. 1941. № 5).

³ Маремьяна Романовна *Голубкова* (1893—1959) (Октябрь. 1941. № 5).

⁴ Иван Николаевич *Крамской* (1837—1887) — художник. В № 5 журнала «Октябрь» напечатана повесть И. Евдокимова «Крамской»

⁵ В.В. Державин.

⁶ Лев Михайлович *Длигач* (1904—1949) — поэт, переводчик.

⁷ «*Revue de Moscou*» — журнал, выходивший в Москве на французском языке; А.С. Эфрон работала в его редакции вплоть до своего ареста; упоминаемые переводы были переданы ею заведующей редакцией С.Ф. Дюсиметьер для возможной публикации.

⁸ Питер Брейгель *Старший* (между 1525 и 1530 — 1569) — нидерландский художник.

32

¹ Михаил Васильевич *Семичастный* (1910—1978) — футболист, правый край нападения московского «Динамо».

² Алексей Иванович *Леонтьев* (р. 1918) — футболист, вратарь московского «Спартака».

³ Ленфильм, 1941, сцен. С. Михалкова и М. Розенберга, реж. В.В. Эйсымонт.

⁴ Возможно, речь идет о первом итальянском звуковом фильме «*Песнь Любви*» (1930), реж. Дженнаро Ригелли.

⁵ Ян *Китюра* (1902—1966) — певец.

⁶ Кинофильм французского режиссера Жюльена Дювилле (1896—1967), снятый в 1938 г. на американской студии «Метро-Голдвин-Мейер». Эта романтизированная киноверсия биографии Иоганна Штрауса пользовалась необыкновенной популярностью в СССР в предвоенный год.

⁷ Фернан *Граве* — исполнитель роли И. Штрауса в фильме «Большой вальс».

⁸ Луиза *Райнер* (1910—?) — немецкая и американская актриса, исполнительница роли жены И. Штрауса в фильме «Большой вальс».

⁹ *self-control* (а н г л.) — самообладание.

¹⁰ Эрнст Теодор Амадей *Гофман* (1776—1822) — немецкий писатель-романтик, мастер фантастического и мистического гротеска.

¹¹ Иракий Луарсабович *Андроников* (1908—1990) — писатель, мастер устного рассказа.

¹² «1919» — вторая часть трилогии «США» американского писателя Джона Дос-Пассоса (1896—1970).

¹³ Роман (1938) французского писателя Жана Поля Сартра (1905—1980).

¹⁴ Роман (изд. 1926) австрийского писателя Франца Кафки (1883—1924).

¹⁵ Эдгар Аллан По (1809—1849) — американский писатель.

¹⁶ Роман (1929) немецкого писателя Альфреда Дёблина (1878—1957).

¹⁷ Марк Твен (наст. имя Сэмюэл Клеменс, 1835—1910) — американский писатель.

¹⁸ Эжен Даби (1898—1936) — французский писатель.

¹⁹ Поль Валери (1871—1945) — французский поэт и эссеист.

²⁰ Жан Расин (1639—1699) — французский поэт-классицист, драматург.

²¹ Стефан Малларме (1842—1898) — французский поэт-символист.

33

Адрес тот же, что в письме 17.

¹ Альманах «Дружба народов», 1941, № 8.

² В запечатый большевский дом самовольно вселился начальник местного отделения милиции Кулагин; когда ему пригрозили судом, он покончил с собой — на этой же даче. «Экспортлес» — организация, построившая дом в 1933 г. и владевшая им первоначально.

³ Ни при большевском доме, ни поблизости не было ни огородов, ни лошадей. Вероятно, это «воспоминание» — намек на известное гадание цыганки Пушкину — смерть от белой лошади.

⁴ Роман американского писателя Ричарда Райта (1908—1960) «Сын Америки» (1940), посвященный жизни негритянского гетто в Чикаго, печатался в ж. «Интернациональная литература», 1941, № 1—2.

⁵ По-видимому, речь идет о поэтессе Вере Александровне Меркурьевой (1876—1943), с которой Цветаева в 1940 г. возобновила знакомство. Летом 1941 г. В.А. Меркурьева вместе с поэтом А.С. Кочетковым и его женой жила на даче в Песках Коломенских.

34

¹ Это письмо Цветаевой не сохранилось.

² Н.Н. Асеев.

³ Эту «идею» Цветаевой подал Н.Н. Асеев, считая, что под книгу переводов она сможет получить аванс; деньги в то время были нужны Цветаевой для оплаты следующего срока аренды снимаемой комнаты на Покровском бульваре.

⁴ Алексей Елисеевич *Крученых* (1886—1968) — поэт-футурист, деятель русского авангарда, коллекционер.

⁵ Мирэль Яковлевна *Шагинян*, художница, дочь М.С. Шагинян, голицынская знакомая Г.С. Эфрона.

⁶ *Иэтта Квитко* (р. 1920) — художница, дочь писателя Л.М. Квитко, голицынская знакомая Г.С. Эфрона.

⁷ Игорь Эммануилович *Грабарь* (1871—1960) — художник, искусствовед.

⁸ Александр Михайлович *Герасимов* (1881—1963) — живописец, автор парадных многофигурных композиций.

⁹ Франс *Мазерель* (1889—1972) — бельгийский график и живописец, экспрессионист.

¹⁰ Пабло *Пикассо* (1881—1973) — французский художник.

¹¹ Книга не сохранилась. Под «посвящением» Г.С. Эфрон имеет в виду, вероятно, дарственную надпись на книге.

35

¹ Рихард *Вагнер* (1813—1883) — немецкий композитор, создатель жанра музыкальной драмы.

² Игорь Федорович *Стравинский* (1882—1971) — композитор, с 1914 г. жил за рубежом, с 1939 г. — в США.

³ Роман (1930) французского писателя Франсиса *Карко* (1886—1958).

⁴ Милица *Корьюс* (1909—1980) — польская актриса, певица, исполнительница главной роли в кинофильме «Большой вальс».

⁵ Американская киноартистка.

36

¹ Эту школьную знакомую Г.С. Эфрона звали Валентиной Предатько; с ней он продолжал знакомство до своего призыва в армию.

² Французский писатель и общественный деятель Жан-Ришар *Блок* (1884—1947).

³ Французский писатель и государственный деятель Андре *Мальро* (1901—1976).

⁴ «Киноконцерт 1941 года» (1941), реж. Г.М. Раппопорт и др. Ленфильм.

⁵ «Старый Двор» (1941), Центральная студия, реж. В.В. Немоляев.

⁶ Сергей Яковлевич *Лемешев* (1902—1977) — певец, солист Большого театра.

⁷ Французский писатель Клод Фаррер (наст. имя Фредерик Шарль Эдуард Баргон, 1876—1957).

⁸ Второй роман из цикла «Реальный мир» (1936), рус. пер. Э. Триоле. А р а г о н Л. Собр. соч. М.: ГИХЛ, 1958, т. 3.

37

РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 125, л. 11.

Почтовая открытка.

Цветаева с сыном поехали на дачу в Пески Коломенские, где жили их знакомые — А.С. Кочетков и В.А. Меркурьева.

¹ Возможно, речь идет о рукописи (машинописи) сборника избранных стихотворений Цветаевой, сданной в издательство.

38

Предсмертное письмо Цветаевой написано простым карандашом на почтовой открытке.

39

Приложено письмо к Д.В. Сеземану.

II. IX—41

Mon vieux Mitia!

Je t'écris pour t'annoncer que ma mère s'est suicidée¹ — pendue — le 31 août. Je n'ai pas l'intention de traîner la-dessus: ce qui est fait est fait. Tout ce que je peux te dire, c'est qu'elle a bien fait et qu'elle a eu raison de se suicider: c'était la meilleure solution, et je lui donne pleine et entière raison. Après un voyage cauchemaresque, j'ai déménagé à Tchistopol, où se trouvent beaucoup de familles d'écrivains évacués. Après avoir vécu quelque temps chez Acéeff et vendu toutes les affaires de ma mère (*pour* environ 2.000 roubles), je pris mon parti, quoi qu'il en coûte, malgré les bombardements et tout, de venir habiter à Moscou. Je rassemblai toutes mes affaires, me munis d'un sauf-conduit et me préparai à partir par voie d'eau jusqu'à Gorky, quand le directeur du Detdom du Litfond me convoqua et me montra un télégramme du Litfond de Moscou à son nom, lui adjoignant de m'inscrire à ce Detdom d'enfants des écrivains de Moscou (il y en a de tous âges). J'aurai où habiter, je serai «nourri, couché, blanchi» et, «surtout, j'étudierai à l'école en 9me classe avec les autres enfants d'écrivains. Après avoir mûrement réfléchi, je résolu de rester, étant

donné, surtout, le fait que j'irai à l'école, tandis qu'à Moscou — qui sait? Cette décision ne me fut par facile à prendre — je voulais énormément te voir, te parler, voir Moscou et Moulia, etc., mais ce sacré bon sens... Du reste, je crois qu'à ma place tu serais resté aussi. Maintenant je veux que tu saches une chose: quoi qu'il en soit des événements à venir, viendra un jour où je reviendrai à Moscou. Tous mes efforts tendent à cela. De Detdom quand cela se pourra, reviendra illico à Moscou (il y a pas mal de «gosses célèbres»). Quand cela se pourra, je reviendrai à Moscou. De ton côté, fais tout ton possible pour être à Moscou, si tu pars, quand ce sera possible. Etant donné cela, nous nous rencontrerons indubitablement. Je te prie fort de m'écrire à Tchistopol un télégramme où tu diras où tu habites: c'est très important pour moi de ne pas te perdre de vue. Je t'en prie fort. Maintenant je te dis «au revouir, vieux». Quoi qu'il en soit, nous finirons bien par nous rencontrer. Espère en l'avenir — il est à nous.

Je te serre la pince

Ton ami *Mour*.

Адрес: Татарская А.С.С.Р.

гор. Чистополь

Почта — до востребования

Эфрону Г.С.

P.S. n'écris pas de lettres — elles vont trop lentement.

(Пер. с ф р.)

«11. IX. 41

Митя, старик!

Я пишу тебе, чтобы сообщить, что моя мать покончила с собой — повесилась — 31-го августа. Я не собираюсь распространяться об этом: что сделано — то сделано. Скажу только, что она была права, что так поступила, и что у нее были достаточные основания для самоубийства: это было лучшее решение и я ее целиком и полностью оправдываю. После кошмарного путешествия я переехал в Чистополь, где живет много семей эвакуированных писателей. После некоторого времени пребывания у Асеева и продажи всего того, что осталось от матери (это составило около 2.000 руб.), я примирился с мыслью чтобы, несмотря на бомбежки и прочее, вернуться в Москву. Я собрался, запасся пропуском и готов был уехать пароходом до Горького, как меня вызвал директор Детского дома Литфонда и показал мне телеграмму из московского Литфонда, пришедшую на его имя и предписывающую ему зачислить меня в этот «Детдом» детей московских писателей (там все возрасты). Это дает мне пристанище, бесплатные

«стол и дом», а главное возможность учиться в школе, в 9-м классе вместе с остальными детьми писателей. Серьезно всё обдумав, я принял решение остаться, главным образом из-за того, что здесь я буду учиться, тогда как в Москве — кто знает? Решение это далось мне нелегко — я безмерно хотел бы увидеть тебя, поговорить с тобой, увидеть Москву и Мулю, и т.д., но пресловутый здравый смысл... Впрочем, я уверен, что на моем месте ты бы тоже остался. Теперь хочу, чтобы ты знал: как бы ни сложились в будущем обстоятельства, придет день, когда я вернусь в Москву. Все мои усилия направлены на это. И Детдом, как только будет возможно, сразу же вернется в Москву (там немало «детей знаменитостей»). Со своей стороны сделай всё возможное, чтобы быть в Москве, если ты уедешь, как только это станет возможным. И учитывая всё это, мы несомненно снова встретимся. Очень прошу тебя послать мне в Чистополь *телеграмму* с сообщением, где ты находишься: мне очень важно не потерять тебя из виду. Очень тебя прошу. А теперь говорю тебе: «Пока, старик». Как бы ни было, мы в конце концов встретимся. Верь в будущее — оно наше. Жму руку.

Твой друг *Мур*.

<...>

P.S. Писем не пиши — они идут слишком долго».

Сохранившееся в архиве Е.Я. Эфрон, письмо это, видимо, так и не попало к адресату.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фотографии альбома, открывающего книгу, в основной своей части взяты из фондов № 1190 и № 2962 РГАЛИ (пересъемка Г.Г. Попова). Издательство благодарит К.М. Эфрона за предоставление фотографий из семейного архива, которые также вошли в альбом. Большая часть фотографий альбома публикуется впервые. В подписях к фотографиям использованы не печатавшиеся ранее материалы из фондов РГАЛИ, а именно: письма М.А. Волошина к Е.Я. Эфрон (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 43), письма Е.О. Кириенко-Волошиной к Е.Я. Эфрон (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 44), дневниковые записи Е.Я. Эфрон (ф. 2962 оп. 1, ед. хр. 4), письма М.А. Волошина к В.Я. Эфрон (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 383), письма Е.О. Кириенко-Волошиной к В.Я. Эфрон (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 382), письма М.С. Фельдштейна к В.Я. Эфрон (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 400, 410), письма М.М. Нахман к Ю.Л. Оболенской (ф. 2080, оп. 1, ед. хр. 45), стихотворения М.А. Воло-

шина, Н.В. Крандиевской (ф. 2962, оп. 1, ед.хр. 173), стихотворения Ю.Л. Оболенской (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 182^{*}), а также дарственные надписи и пометы на фотографиях.

Иллюстрации, помещенные в тексте книги, кроме рисунка Н.В. Крандиевской, публикуются впервые.

^{*} Стихотворение «Резвым мальчиком впервые...» — ГЛМ, ф. 348, оп. 1, № 1. Благодарю Д.А. Беляева за предоставленную возможность ознакомиться с этим стихотворением.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ •

- Аванесова 401, 540
 «Авеню», театр 527
 Агрострой см. «Аэроград», к/ф.
 Адалис А.Е. 285, 506
 Адамович Г.В.
 «Был дом, как пещера. О, дай же мне
 вспомнить...» 388, 535
 «Единство. Стихи разных лет», сб. 535
 Адель С.М. 98, 145, 205, 454, 469, 528
 Адоскин А. 528
 Азадовский К.М. 5
 Айвазовские 311
 Айвазовский И.К. 244, 467, 477, 479, 491
 «Академия», изд-во 417
 Аксаков И.А. 292, 508
 Александр III 131, 133, 134, 466, 472
 «Александр Невский», к/ф. 375, 531
 Александринский театр 516
 Александровское военное училище 484, 469
 Алексеев В.В. 280, 281, 505
 Альбрехт И.К. 460
 Альтман Н. 506
 Андерсен Х.К. 398, 453, 539
 «Старый дом», 96, 453
 Андреев В.Н. 521
 Андреев Л.Н. 331, 520, 521
 Андреева А.И. 521
 Андреева Н.М. 337, 338, 521, 522
 Андроников И.Л. 431, 545
 Андроникова-Гальперн С.Н. 522
 Анна Григорьевна 511
 Анна Ивановна, портниха 230
 Анна Иоанновна, имп. 332, 520
 Анненский И.Ф.
 «Фамира-Кифаред» 226, 483, 492
 Ан-ский
 «Гадибук» 506
 Аннета, няня 171
 Антокольский П.Г. 320, 336, 515, 516, 522
 «Третья книга» 336, 552
 Антонов 23
 «Аполлон», журн. 140, 449, 466, 468
 Арагон Л. 379, 533
 «Реальный мир» 548
 «Богатые кварталы» 439
 Арцыбашев М.П. 219, 490
 «Санин» 490
 Асафьев Б.Б. 518
 Асеев Н.Н. 410, 424, 436, 440, 542, 546, 549
 «Маяковский начинается» 436

* Указатели подготовлены Д.Р. Памфиловой.

- Астафьев К.Н. 278, 503
Астафьева О.В. 277—278, 278, 503
«Ателье», театр 527
Афиногенов А.Н. 355, 528
Ахматова А.А. 144, 468
 «Вечер», сб. 144, 477
 «Он любил три вещи на свете...» 144
 «Память о солнце в сердце слабеет...» 144
Ахрамович В.Ф. 177, 478
Ачария 513
«Аэроград», к/ф. 363, 529
- Бабель И.Э. 357
 «Закат», пьеса 528
 «Конармия» 345, 524
 «Бабы рязанские», к/ф. 343, 523
Багрицкий Э.Г. 407, 410, 416, 541
Багряна Е.
 «Правнучка» 406, 541
Байрон Д. 162, 182, 186
Бакланова О.В. 321, 517
Бакунин М.А. 338
 «Собрание писем» 523
Балиев Н.Ф. 508
Балтер П. 371, 531
Бальзак О. де 371, 531
 «Кузина Бетта» 164, 475
Бальмонт Е.А. 460
Бальмонт К.Д. 10, 91, 118, 119, 250, 268, 285,
 287, 460, 505, 507
 «Будем как солнце», сб. 452
 «С морского дна» 93, 452
Бальмонт Н.К. 118, 460
Барро Ж.-Л. 384, 534
Бати Г. 520
Башкирцева М.К. 179, 479
 «Дневник» 479
Белкина М.И. 5
Белый А. 285, 463
 «Котик Летаев» 285, 505
- Бельцман С.И. 172, 174, 477
Беляев Д.А. 445, 477, 524
Беляев Коля 252, 253, 499
Берадзе П.Ж. 208, 486
Бердяев Н. А. 244, 285, 293, 497, 505, 508
Бергер Ю.
 «Потоп» 527—528
Берия Л.П. 389, 537
Беркенгейм А.М. 120, 462
Бернар С. 112, 127, 179, 458, 464
Бернацкая М.Л. 12
Бёрнетт Ф.
 «История маленького лорда Фаунтлероя»
 284, 505
Бескин Э.М. 458
Бессарабов Б.А. 289, 290, 507
Бехер И. 411, 542
 «Биржевые ведомости», газ. 47
Бицилли П.М. 6
 «Благонамеренный», журн. 517
Бланшар П. 384, 534
Бленар Н.О. 476
Блеиар Ш.А. 170, 476
Блуменфельд Ф.М. 518
Блок А.А. 214
 «На железной дороге» 402, 540
Блок Ж.-Р. 438
Бобров С.П. 292, 508
Бобырь Туся 15
Бобаевский К.Ф. 179, 247, 302, 305, 458, 478,
 498, 510, 514
Богенгардт В.А. 271, 502
Бодлер Ш.
 «Плаванье» 86, 422—424, 449
 «Цветы зла» 449
Болтынский Г.М.
 «Культура кинооператора. Опыт исследо-
 вания, основанный на работах Э.К. Тис-
 сэ» 347, 526
 «Большой вальс», к/ф. 431, 438, 545

- Бомарше П.
«Женитьба Фигаро» 485
- Ботт М.Л. 535
- Брей А. 517
- Брейгель П. (Старший) 429, 545
- Брик Л.Ю. 416
- Бродский И. 5
«Письмо Горацию» 6
- Брокгауз—Ефрон 415, 485, 542
- Брокгауз Ф. А. 208
- «Броненосец «Потемкин», к/ф. 343, 524
- Бронте Э.
«Грозовой перевал» 327, 519
- Брюсов В. Я. 38, 118, 223, 285, 482, 506
- Брюсова Ж. М. 118, 460
- «Бубновый валет», общество 470
- Бунин И. А. 16, 518
- Булнина В. Н. 12, 68, 73
- Бурлюк Д. 145, 470
- Буров А. К. 363, 364, 529
- «Былины» 208, 485
- «Бюллетени литературы и жизни» 468
- Бюффон Ж. Л. Л. 398, 539
«Естественная история» 539
- Бялик Х. Н. 286, 506
- Вагнер Р. 437, 547
- Валери П. 432, 546
- Валерий, сын кормилицы 244
- Вальбе Р. Б. 445, 510
- Вальтер 533
- Васильевы, бр. 529
- Ватагин В. А. 10
- Вахтангов Е. Б. 300, 314, 318, 320, 336, 506,
521—522
- Вахтанговская студия (Третья студия) 300,
314, 318, 320, 336, 505, 509, 515,
521—522
- «Великая иллюзия», к/ф. 383—384, 533
- Верховцевская Н. 255, 499
- «Версты», журн. 323, 324, 329, 330, 518, 519
- «Вестник Европы», журн. 488
- Вечер инсценированных рассказов А. Чехова
527—528
- «Вечерняя Москва», газ. 340, 341
- Вильям-Вильмонт Н. Н. 397, 538
- Виноградов А. К. 10
- Виноградская 540
- Вите С. Ю. 133, 205, 466
- Военно-Инженерная Академия 437
- Военно-промышленный комитет 227, 230
- Волков Н. Д.
«Мейерхольд» 347, 525
- Волконский С. М. 286, 289, 290, 506, 507
«Декабристы» 286, 506
- «Мои воспоминания» 286, 506
- Волошин М. А. 9, 14—17, 24, 26, 29, 31, 47,
56, 83, 85, 87—91, 94, 98, 99, 101, 102,
105—108, 110—120, 123, 124, 129,
131, 146, 149, 150, 152, 163, 168, 169,
173—175, 178—180, 182, 203, 213,
216, 219, 224, 246, 247, 248—250,
255, 256, 259, 260, 263—265, 267,
268, 271—273, 276, 277, 279—281,
284, 286—288, 290—296, 300—307,
309, 311, 312, 314, 316, 320, 331, 335,
342, 343, 352, 447—451, 453, 458, 459,
461, 463, 469, 471, 472, 475, 476, 477,
478, 490, 498—501, 507, 508, 513—
515, 521, 550
- «Аделаида Герцык» 523
- «Бонапарт» 268, 501
- «Видение Иезекииля» 502
- «Владимирская Богоматерь» 523
- «Деметриус-Император» 502
- «Демоны глухонемые» 502
- «Дикое поле» 295
- «Доблесть поэта» 331, 520
- «Дом поэта» 331, 520
- «Европа» 502

- «Женская поэзия» 447
«Из бездны» 502
«К вам душа так радостно влекома...» 83, 447
«Колдовство» 331, 520
Лиле Ефрон («Полет ее собачьих глаз...») 44
«Мир» 268, 501
«О Репине» 145, 286, 470, 506
«Обед» 100, 454
«Обманите меня... но совсем, навсегда...» 454
«Ответ Валерию Брюсову» 448
«Петроград» 502
«Пресуществление» 502
«Протопоп Аввакум» 502
«Святая Русь» 268, 501
«Святой Серафим» 523
«Сказание об иноке Епифании» 523
«Стенькин суд» 502
«Стихотворения и поэмы», кн. 425, 450
«Термидор» 502
«Трихины» 502
«Усобица (цикл о терроре 1920—1921 гг.)» 301, 510
«Четверть века» 331, 520
Волошина М.С. 305, 309, 316, 450, 513—514
Воль И. 197, 245, 333, 481, 482, 497, 521
Волькенштейн В.М. 291, 292, 508
«Калики перехожие» 291, 508
Волькенштейн Ф.А. 120, 470
Вольф М.О. 85, 448
«Воля России», журн. 526
Врангель П.Н. 505
Врубель М.А. 42
Всеволодский-Гернгросс В.Н. 525
«История русского театра» 347, 525
Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам 194, 199
Всероссийский союз писателей 521
Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) 528, 532
Высоцкая Н.Г. 460
Высшая техническая школа (Дрезден) 523
Высшие женские курсы Герье 478
«Габима», театр 286, 506
Гальперин А.В.
«О рациональном использовании глубины резкости киносъёмочных объективов» 347, 526
Гантийон С.
«Майя», 331, 520
Гарелин 21, 23
Гаспаров М.Л. 5
Гауф В. 110, 457
Геббельс Й. 525
Гейне Г. 13, 15
«Геликон», изд-во 392
Герасимов А.М. 436, 547
Гербель Н.В. 208, 485
Герцык, семья 295, 505, 507, 508
Герцык А.К. 15, 105, 130, 165, 168, 285, 286, 294, 295, 456, 465, 475, 476, 505—508
Герцык Е.К. 286, 506, 508
Гершуни 17
Гёте И.В. 166, 424, 428, 544
«Песни Миньоны» 428
Гехтман М.Г. 120, 151, 152, 230, 462, 493
Гиппиус З.Н. 518
Глинка М.И.
«Иван Сусанин» 157, 473
Говоров А.С. 97, 108, 145, 204, 224, 225, 271, 284, 453, 457, 484, 492, 505
Гоген П. 40
Гоголь Н.В. 252
«Мертвые души» 212, 421, 533, 543
«Ревизор» 530
Голдовский Е.М.
«Освещение кино-ателье» 348, 526

- Голлербах Э.Ф.
«Переписка из двух миров» 51
- Голубкова М.Ф. 545
«Два века в полвека» 428
- Гольдовская Р.М. 268, 501
- Гольдовские, семья 472, 480
- Гольдовский О.Б. 268, 274, 501, 503
- Гольцев С.И. 263, 266, 271, 284, 501, 502, 505
- Гольцов Ю.
«В Москве и Новороссийске» 504
- Гордон М.О. 25—27, 274, 503
- Гордон Н.П. 409, 411, 412, 414, 417, 419, 425, 434, 541, 543
- Городецкий С.М. 139, 140, 468
«Женское рукоделие» 468
- Горький М. 352, 527
«На дне», 392
- Горяинова Ю.М. 143, 144, 468
- Госиздат 484, 508
- Гослитиздат 411, 419, 424, 436, 537, 538, 543
- Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (с 1992 — Российская государственная библиотека) 392, 537
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) 477
- Государственный институт кинематографии (ГИК) 439
- Государственный литературный музей (ГЛИМ), Москва 446
- Готье В.Г. 85, 448, 456
- Готье Т. 102, 106, 432, 456
- Гофман Э.Т.А. 431, 432, 545
- Грабарь И.Э. 436, 547
- Граве Ф. 431, 545
«Грани», журн. 58, 485
- Гранье Ф. 125, 333, 342, 464, 521, 523
- Грибоедов А.С.
«Горе от ума» 363, 530
- Гризевская Э.Б. 196
- Гримм Э.Д. 279, 280, 504
- Гриневич 204
«Гриф», изд-во 448, 504
- Грифцов Б.А. 49, 234, 235, 285, 495, 506
- Гронский Н.П. 5, 61
- Гросман, проф. 376
- Группом литераторов 419, 422, 424, 523
- Груша, няня, 155, 156, 158, 159, 177, 473
- Гумилев Н.С. 139, 140, 145, 468
«Жемчуга», сб. 457
- «Кенгуру. Утро девушки» 108, 145, 457, 469
- «Письма о русской поэзии» 468
- Гуревич С.Д. (Муля) 79, 398, 399, 403—406, 408—419, 421—423, 425—427, 432—436, 441, 539, 541
- Гюго В. 398
«Ган Исландец» 179, 479
«Отверженные» 539
«Труженики моря» 91, 451
- Даби Э. 432, 546
- Д'Аламбер Ж.Л. 453
- Д'Аннунцио Г. 130, 473, 465
- Данте А. 464
«Дворец пробуждается», спект. 528
- Дебароль 29
- Деблин А.
«Берлин, Александерплац» 432, 546
- Дейша-Сионицкая М.А. 222
- Дембовецкий 254
- Деникин А.И. 504
- Державин В.В. 422, 428, 543, 545
- Дживелегов А.К. 285, 506
- Диккенс Ч. 347, 398, 539
«Домби и сын» 284, 505
- «Динамо», ф/к. 431, 439, 545
- Дисней У. 363, 529
- Длигач Л.М. 428, 545
- Дмитриев, врач 467

- Дмитриева, жена см. Кудрявцева
Добровольческая армия 54, 271, 275, 280,
391, 502, 503, 521
Довженко А.П. 363, 529
Доде А. 103, 456
Дом Искусств (Берлин) 513
Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель) 447,
450, 470
«Дон», журн. 454
Доржелес Р. (Лекавелье) 524
 «Деревянные кресты» 345, 524
Дос-Пассос Д. 432, 546
 «США», трилогия «1919» 432, 546
Достоевский Ф.М. 384, 524
 «Бесы» 253, 499
 «Записки из Мертвого дома» 417, 543
 «Преступление и наказание» 59
Дракночка см. Тамбурер Л.А.
Драматические курсы С.В. Халотиной 486,
488
Дрейер К.Д. 519
«Дружба народов», журн. 406, 411, 417, 427,
432, 546
Дункан А. 45
Дурново Е.Н. 101, 229, 455, 467, 493
Дурново К. 331, 520
Дурново С. 520
Дурново-Эфрон Е.П. 15, 16, 18—23, 80, 125,
126, 135, 300, 310, 320, 349, 384, 389,
391, 462, 464, 467, 520, 534
Дуров В.Л. 163
Дымшиц-Толстая С.И. 179, 479
Дырвянский С.А. 258, 500
Дювилье Ж. 545
Дюма А. (отец) 398, 539
 «Жозеф Бальзамо (Записки врача)» 91,
97, 451
Дюсиметьер С.Ф. 545
Дягилев С.П. 336, 522
Евгения, св. 455
Евдокимов И.
 «Крамской» 545
«Евразия», ежегод. 339, 523
«Евразия», изд-во 518
«Ежегодник рукописного отдела Пушкинско-
го дома» (Ленинград) 498, 507
Екатерина II, имп. 332, 520
Елагина Е.В. 527
Еленев Н. А. 58
 «Кем была Марина Цветаева?» 58, 485
Еленева Е.И. 58
Ельницкая С. 5
Ерофеев В. 524
Есенин С.А. 323
Ефрон И.А. 208, 542
Жан Поль 106, 110, 452, 456, 457
 «Озорные годы» 93, 452
Жебуновы, семья 15
«Жена булочника», к/ф. 380, 533
Женская гимназия им. В.П. фон Дервиз 491
Жионо Ж.
 «Синий Жак» 533
Жуве Л. 384, 533
Жуковская В.А. (Ася) 52, 168, 170, 198—200,
208, 212, 213, 215, 236, 242, 249, 286,
304, 312, 340, 397, 476, 480—483,
488—490, 495, 496, 498, 513, 515, 538
Жуковская В.Д. 242, 496
Жуковские 256, 257, 260, 261, 263, 267
Жуковский Д.Е. 295, 299, 476, 501, 508, 509
Жулия 151, 152, 472
Журавлев Д.Н. 392, 406, 417, 537, 541, 543
«Жургаз» 424, 541, 544
Завадская В.А. 334, 339, 341, 343, 345, 521,
523, 534
Завадский В.А. 334, 521, 523
Завадский Э.В. 139, 468
Завадский Ю.А. 334, 336, 359, 516, 521—
522, 526

- Зайцев Б.К. 285, 290, 505—507
 Зайцев К.Н. 507
 Зайцева В.А. 285, 290, 507
 Зайцева-Сологуб Н.Б. 290, 507
 Закс Б.Г. 245, 352, 366, 497, 530
 Зарубин В. 455, 554
 Зелинская В.И. 276, 277, 278, 503
 Зелинский И.В. 251, 498, 503
 Зелинский К.Л. 395, 537
 «Редактор художественной литературы»
 537
 Зенченко А. 121, 462
 «Знамя», журн. 398, 427
 Золотухин Г.И. 295, 508
 Зощенко М.М. 331, 520
- Иванов В.И. 6, 88, 285, 506
 «Вечность и миг» («На миг») 450
 «Кормчие звезды», сб. 450
 Ивановская Н.И. 274, 502
 Иваск Ю.П. 5
 Ивин 23
 Иловайская А.А. 455
 Иловайская В.Д. 455
 «Иннова», гостин. 532
 Институт философии, литературы, истории
 (ИФЛИ) 407, 437, 439, 440, 541
 «Интернациональная литература», журн. 397,
 404, 411, 435, 438, 538, 541, 544, 546
 «Исторический вестник», журн. 11
 Исцеленов Н.И. 517
- Каблуков С.П. 487
 Казанова Д. 307
 Каменев Л.Б. 285, 505
 Камкова М.С. 251, 498
 Кандауров К.В. 179, 478, 479
 Кандаурова А.В. 527
 Карко Ф. 547
 «Улица» 437, 547
- Карамзин Н.М.
 «Письма русского путешественника» 6
 Карлинский С. 5
 Карлов университет 516
 Карсавин Л.П. 338, 522
 «Католическое отрочество», кн. сер. 337, 522
 Кафка Ф.
 «Замок» 432, 546
 Каялова Е.Я. 460
 Квитко И.Л. 436, 547
 Квитко Л.М. 547
 Квятковский Л.Л. 112, 120, 203, 299, 458,
 462, 484, 509
 Кембалл Р. 5
 Кентон Р. 97, 453
 Керенский А. Ф. 255, 499
 Кин В.П. (Суровикин)
 «По ту сторону» 345, 525
 «Кино», газ. 348, 351, 526
 «Кино и война» 525
 «Киноконцерт 1941 года», к/ф. 438, 547
 Кинооператорские курсы Патэ 345, 525, 526
 «Кинопромышленность СССР» 525
 Кипура Я. 431, 545
 Кириенко-Волошина Е.О. 24, 28, 30, 34, 37,
 38, 47, 48, 53, 90, 91, 99, 102, 107, 108,
 115, 117—119, 121, 124, 130, 131, 145,
 147, 150, 151, 163, 165, 168, 172, 173,
 178—180, 199, 212, 213, 216, 218, 246—
 250, 255, 256, 259, 260, 263, 271—
 273, 276, 279—281, 286, 288, 290—
 295, 300—303, 305, 339, 441, 459,
 469, 470, 507, 508, 510, 513—514, 550
- Кирпотин В.Я. 410, 542
 Кирсанов С. И. 407, 526, 541
 Клепинин А. 543
 Клепинина Н.Н. 531, 543
 Клепинины, семья 531, 532
 Клер Р. 363, 529
 Клинковштейн 539

- Клодель *16*
Книгоиздательство К.Ф. Некрасова *482*
Княжевич В.А. *491*
Княжнин Я.Б. *208, 486*
 «Сочинения Княжнина» *486*
Кобылинский Л.Л. см. Эллис
Коваленская Н.Г. *319, 516*
Коврайская А.А. см. Иловайская А.А.
«Ковчег», сб. *517*
Кожебаткин А.М. *168, 475*
Козеко Е.
 «Где тени, там и свет», ст. *11*
Колбасина-Чернова О.Е. *322, 517, 518*
Колумб Х. *398, 539*
Комиссаржевская В.Ф. *514*
Комитет искусств *399, 400*
Конгрес писателей в защиту мира от фашизма *529*
Кондаков Н.П. *516*
Коонен А.Г. *485*
Корнилов А.А.
 «Молодые годы Михаила Бакунина» *338, 523*
Корнилов Л.Г. *271, 502*
Корьюс М. *438, 547*
Косматов Л.В.
 «Кинемеханику» *347, 526*
Котляревский С.А. *274, 503*
Кочетков А.С. *546, 548*
Крамской И.Н. *428, 545*
Крандиевская А.Р. *141, 142, 144, 468*
Крандиевская Над. Вас. *121, 143, 144, 274, 462, 468, 469, 484, 514*
Крандиевская Н.В. *27, 45, 116, 121, 144, 197, 203, 255, 462, 468, 482, 551*
<Лиле Эфрон> «От почестей морганистических.» *45*
Крандиевский В.А. *141, 142, 144, 312, 468*
Крафт К.Ф. *94, 453*
Крученных А. Е. *436, 494, 547*
Крылов И. А.
 «Демьянова уха» *404, 540*
Кудашев С.А. *216, 489*
Кудашева М.П. см. Кювилье М.П.
Кудельская (Лиза) *346, 351, 526*
Кудрова И.В. *5*
Кудрявцева *137, 467*
Кузмин М.А. *468*
 «Заметки о русской беллетристике» *131, 466*
Кузнецова З.И. *213, 488*
Кузнецова М.И. *213, 216, 292, 299, 488, 489, 503*
Кукольник Н.В.
 «Джулио Мости. Драматическая фантазия в четырех частях с интермедией, в стихах» *106, 456*
Кулагин *546*
Кулешов Л.В. *525*
 «Искусство кино» *347, 525*
Купченко В.П. *454*
Кювилье М.П. *36—38, 145—149, 163, 168, 174, 179, 216, 277, 278, 279, 281, 292, 470, 471, 474, 476, 489, 503, 504, 508*
Кюри Е. *418, 543*
Кюри М. см. Складовская-Кюри М.
Лавров *17*
Лагерлёв Ф.С.
 «Чудеса антихриста» *130, 465*
Лампси, семья *175, 479*
Лампси И. *181, 479*
Лампси Л.А. *175, 177, 181, 477, 478*
Лампси Мика (Михаил) *181, 479*
Лампси Н.М. *477*
Лампси П.Н. *136, 148, 149, 152, 158, 160, 165, 166, 170, 172, 174, 175, 224, 252, 253, 467, 471, 473, 474—477, 491, 499*
Лампси Т. *181, 479*
Ланн Е.Л. *281, 285, 505*

- Ланнер Й. 136, 467
- Латри Е.Н. 253, 499
- Лебедев В.И. 370, 531
- Лебедева И.В. 368—371, 530
- Лебедева М.Н. 343, 368—370, 414, 524, 530
- Лебедевы, семья 342, 523
- Лебуржуа Н.Л. 21
- Левн-Брюль Л. 383
- Ледоховская М. 12
- Лекок Ш.
«Дочь мадам Анго» 321, 577
- Лемешев С.Я. 438, 547
- Ленфильм 545, 547
- Леонтьев А.И. 431, 545
- Лермонтов М. Ю. 432
«Казачья колыбельная песня» 429
«Мцыри» 95
- Лесков Н.С. 415, 419, 429, 432, 435, 542
«Летопись», журн. 488
«Летучая мышь», театр-кабаре 292, 508
- Лидин В.Г. 331, 519
- Линдберг К. 330, 519
- Литауэр Э.Э. 375, 532
- Литвинов М.М. 358, 529
«Литературная газета» 538
- Литературно-художественный кружок 460
- Литфонд 399, 400, 406, 407, 409, 410, 420, 424, 440, 549—550
- Лозинский М.Л. 214, 468, 488
- Ломоносов М.В. 121
«Оды» 433
- Лосская В.К. 5
- Лоти П.
«Книга милосердия и смерти» 6, 287, 507
- Лубяникова Е.И. 445, 487
- Луначарский А.В. 281, 291, 336, 505
- Львова Н.Г. 460
- Лысогорский О.
«Баллада о кривой хате» 424, 544
- Люба, няня 251, 254, 256, 258, 259, 260, 261, 264, 499, 500
- Людвик XIV 350, 527
- Лямин М.С. 110, 119, 457, 461
- Ляцкий Е.А. 485
- Мазурова Т.Л. 199
- Мазереель Ф. 436, 547
- Майлстоун Л. 525
- Малиновский А.Н. 252, 499
- Малларме С. 432, 546
- Малый театр 478
- Мальро А. 438, 547
- Манасенна Н.И. 302, 510
- Мандельштам О.Э. 51, 191, 192, 211, 214, 217, 218, 223, 225, 252, 253, 278, 279, 285, 468, 486, 492, 504, 506
«Камень» 487
«Не веря воскресенья чуду...» 191
- Мандельштам Ф.О. 492
- Манн Г. 85, 86
«Актриса» 86, 448
«Богиня, или Три романа герцогини Асси» 86, 448, 449
«Голос крови» 86, 448
«Маленький город» 86, 448
«Погоня за любовью» 448
«Учитель Гнус, или Конец одного тирана» 86, 448
«Страна лентлев» 86, 448
«Флейты и кинжалы» 86, 448
«Чудесное», об. 86, 448
- Манн Т.
«Волшебная гора» 415, 542
- Манухин И.И. 177, 178, 478
- Мария Федоровна, имп. 133, 466
- Марков С.Л. 280
- Маркс Н.А. 250, 497, 498
- Маршак С.Я. 400, 539
- Масарик Т.Г. 316, 515

- Мацеевич Арсений, митрополит 332, 520
Маша, прислуга 237, 238, 240, 241, 244, 495, 496
Маяковский В.В. 341, 407, 410, 416, 420, 430, 431, 437
Меерсон О.М. 121, 462
Международная организация помощи борцам революции (МОПР) 407, 547
Мейерхольд, семья 504
Мейерхольд В.Э. 279, 314, 336, 363, 504, 530
Мейн А.Д. 101, 455, 461
Мейн С.Д. 120, 133, 134, 136, 137, 461, 466, 467
Мекк Н.Ф. фон 417
«Мелос», сб. 518
Мельникова-Папоушкова Н.Ф. 514
Меркурьева В.А. 77, 435, 546, 548
Метерлинк М.
 «Синяя птица» 453
Микеланджело Б. 45
Миллер В. 456
«Миллион», к/ф. 363, 529
Милоков П. Н. 452
 «Из истории русской интеллигенции» 92, 452
 «Очерки по истории русской культуры» 92, 452
Миндлин Э.Л. 293, 508
«Минувшее», альм. 14
Милиц Аеша М. 223, 236, 237, 490, 491, 498
Милиц М.А. 48, 218, 221, 223, 237, 242, 481
«Мир искусства» 478
Миронов Н.Н. 212, 242, 487, 496
Миронова Н.А. 453
Михайловский Н.К. 513
Михалков С.В. 545
Михневич Е.И. 213, 488
Мишкевич А. 405
Мишле Ж. 488
«Московская газета» 112, 458
Московский Камерный театр 200, 203, 205, 206, 208, 215, 226, 314, 391, 483—486, 489, 492, 494, 514
Московский коммерческий институт 493
Московский университет 391, 400, 406, 409, 410, 414, 431, 473, 484, 503, 541
Московский художественный академический театр (МХАТ, до 1919 г. — Московский художественный театр — МХТ) 300, 356, 392, 453, 463, 472, 476
 Первая студия 331
 Вторая студия 528
 Музыкальная студия 321
Моцарт-зал, театр (Берлин) 525
Мочалова О.А. 250, 498
Музей императора Александра III (Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина) 131, 133, 466, 473
Музей Карневале (Париж) 527
«Музыкальный современник» 518
Муля см. Гуревич С.Д.
Муратов П.П. 247, 498
Муромцева В.Н. см. Бунина В. Н.
«Мусает», изд-во 94, 110, 114, 452, 457, 475, 478
Муссиак Л. 349, 526
Муссиолини Б. 63, 65
Мчедлов В. Л. 168, 476
Мюссе А. де
 «С любовью не шутят» 350, 526

«На Борьбу с голодом», лист. 295
«На Западе без перемен», к/ф. см. Ремарк Э.М.
 «На Западном фронте без перемен»
«На посту», журн. 321, 517
«На чужой стороне», сб. 514
Надсон С.Я. 15, 424
 «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат...» 205, 485
Надя, няня 251, 252, 254, 274, 499, 502

- Наполеон I (Бонапарт) 65, 337, 398, 464, 534, 539
- Наполеон II см. Рейхштадский герцог
- Нарбут В.И. 468
- «Народная Воля», партия 462
- Народный фронт 375, 531
- «Наука», изд-во 449, 487
- Нахман М.М. 33, 34, 38, 40—43, 49, 55, 225, 227, 228, 230, 234, 235, 240, 472, 492, 493, 495, 496, 509, 512, 513, 550
- «Наш Союз», журн. 365, 530
- «Наша родина», газ. 531
- Неандер Б.Н. 346, 347, 525
- Нейгауз Г.Г. 400, 424, 539, 544
- Некрасов Н.А.
«Русские женщины» 415
«Княгиня М.Н. Волконская», гл. IV 223, 491
- Некрасова М.П. 10
- Немирович-Данченко В.И. 321, 460, 517
- Немоляев В.В. 547
- Николай II, имп. 133, 244, 466
- Нилендер В.О. 117, 460
- Ноай А. де 493
«Новое упование» 491
- Нобель А.Б. 379
- Нобиле У. 523
- «Новая газета» 349, 526
- «Новая Русская книга» 301, 302, 509
- Новгородцев П.И. 279, 504
- Новинская, дочь 253
- Новинский А.А. 253, 499
- «Новый мир», журн. 427—428, 545
- «Нома», магазин 542
- Носова Е.П. 460
- Нюра, домработница 397
- Нютя см. Эфрон А.Я.
- «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» 319, 517
- Оболенская Е.И. 180, 479
- Оболенская Ю.Л. 37, 41, 42, 43, 49, 55, 179, 316, 357, 397, 475, 476, 479, 509, 515, 528, 539, 550, 551
- М.С. Фельдштейн («Волос серебряная грива...») 35
- Профессору живописи Соколу («Он сиял, как алмаз среди стекол...») 40
- «Резвым мальчиком впервые...» 31
- Сергей Эфрон («Ей повезло: ее натура...») 33
- «Там где словно в колыбели...» 38
- «Обормотник» 250, 474, 493, 495
- Общество свободной эстетики (Москва) 118, 460
- «Октябрь», журн. 428, 545
- «Оле-Лукойе», изд-во 466, 470, 506
- Опиц Фр. 76
- Осоргин М.А. 285, 506
- Островский А.Н.
«Гроза» 514, 516
- Оффенбах Ж.
«Перикола», 321, 517
- Павленко П.А. 400, 539
- Павлов Н. 109
«Распятие тени» 457
- Павлова К.К. 197, 208, 482
- «Стихотворения К. Павловой» 482
- Павлушков В.А. 157, 473
- Паньоль М. 533
- Папюс 29
- Парнок Е.Я. 203, 481
- Парнок С.Я. 50, 193, 194, 202, 203, 284, 292, 462, 480, 481, 485, 505, 508
- Стихотворения, сб. 480
- «Этот вечер был тускло-палевый...» 193
- «Узорами заволочло...» 194
- Пастернак Б.Л. 5, 59, 60, 192, 285, 323, 339, 341, 346, 352, 362, 400, 424, 505, 527, 529, 539, 544

- «Девятьсот пятый год» 333
«Летний день» 424, 544
Пастернак З.Н. 400, 539
Пастернак Л.Б. 424
Патти А. 291, 507
Патэ Ш. 347, 348, 351
«Переписка Чайковского с Н.Ф. фон Мекк»
417
Перец И.Л.
«Библейский мотив» 427, 544
«Во время эпидемии» 428, 545
«Песнь любви», к/ф. 431, 438, 545
«Песнь о Нибелунгах» 65
Петергофская Школа прапорщиков 391
Петипа М.М. 208, 226, 485, 486
Петр I Великий 319, 332, 520
Петрова А.М. 175, 225, 256, 279, 302, 477,
499, 500, 510
Петухов Н.Г. 229, 493
Пикассо П. 436, 547
«Пламя», изд-во 514
Плуцер-Сарна Н.А. 232, 236, 238, 239, 241—
244, 257, 259, 260—262, 264, 265,
275, 493—497, 500, 503
Плуцер-Сарна Т.И. 243, 244, 257, 259—263,
265, 267, 496, 497, 500, 501
По Э.А. 432, 546
Погодин Н.Ф. 542
«Аристократы», пьеса 416, 542
Подгаецкий-Чабров А.А. см. Чабров Н.А.
«Под крышами Парижа», к/ф. 363, 529
Позоева Е.В. 208, 210, 230, 231, 486, 493
Пойсак 23
Покровский Д. 384, 534
Полужктова Г.В. 252, 253, 499
«Польза», изд-во 448
Полякова С.Р. 460
Попов А. 522, 550
Посылина М.Н. 520
Потапенко Е.Н. 99, 148, 471
Потапенко И.Н. 454
«Пощечина общественному вкусу», сб. 470
«Поэт», журн. 490
«Поэтика кино», сб. 348, 349, 526
Пра см. Волошина Е.О.
Правов И. 523
Предатько В. 438, 547
Преображенская О. 523
«Принцесса Турандот», спект. 336, 522
Пристли Д.Б. 420, 543
Прокофьев С.С.
«Блудный сын» 522
«Стальной скок» 522
Пудовкин В.М.
«Кинорежиссер и киноматериал» 347, 526
«Киносценарий» 347, 526
Пушкин А.С. 208, 253, 356, 366, 427, 432,
433, 485
«Бесы» 530
«Евгений Онегин» 95, 415, 421
«Няне» 366, 530
«Пир во время чумы» 530
«Песня Председателя» 366, 530
«Прощай, свободная стихия...» 366
«Пушкин, 1837—1937», однодневн. газ. 530
Пшавела В. 406
«Гоготур и Апшина» 392, 411, 423, 538
«Раненый барс» 392, 406, 411, 423, 424,
427, 537
«Этери» 397, 411, 423, 538
Пшибось Ю. 424, 543
Рабенек Э.И. 124, 459, 463
Равич В.М. 480
Радецкий Ф.К. 179, 479
Радин Н.М. 268, 501
Разин С.Т. 274
Разумовская М.А. 5
Райт Р.
«Сын Америки» 435, 546

- «Раннее Утро», газ. 460
 Раппопорт Т.М. 547
 Расин Ж. 432, 546
 Редлих А.Ф. 168, 171, 172, 175, 267, 476—
 478, 501
 Редлих Э.М. 168, 171, 175, 267, 476, 477, 501
 Рейнер Л. 431
 Рейнхардт М. 528
 Рейтлингер Ю.Н. 343, 344, 524
 Рейхштадтский, герцог (Наполеон II) 464
 Ремарк Э.М. 345, 346, 524
 «На Западном фронте без перемен» 346,
 524, 525
 Ремизов А.М. 323, 517, 518
 Ремю, актер 380, 384, 533
 Ренью А.Ф.Ж. де 88, 450, 533
 «Встречи господина де Брею» 88, 450
 «Нет у меня ничего..» 87, 449
 «Яшмовая трость» 85, 448
 Репин И.Е.
 «Иван Грозный и его сын Иван» 470
 «Речь», газ. 47, 92, 452, 468
 Римский-Корсаков А.Н. 518
 Рихтер И.П.Ф. см. Жан Поль
 «Робинзон», журн. 369
 Рогозинская В.А. 471
 Рогозинская О.А. 148, 267, 357, 471, 501, 528
 Рогозинский В.А. 148, 149, 178, 302, 357,
 471, 476, 478, 510, 528
 Рогозинский Саня 38
 Родзевич К.Б. 58
 Родов С. 343
 Розанов В.В.
 «Люди лунного света» 503
 Российская публичная библиотека (РПБ) 463
 Российский государственный архив литера-
 туры и искусства (РГАЛИ). Москва
 445, 452, 453, 455, 457, 458, 462—480,
 482—500, 502, 503, 505—510, 513—
 519, 522, 529, 535—537, 539, 540, 550
 Российское общество Красного Креста 497
 Ростан Э. 112, 458
 «Орленок» 127, 458, 464
 «Сирано де Бержерак» 483, 485
 Ростопчина Е.П. 197, 482
 «Собрание сочинений графини Е.П. Рос-
 топчиной» 482
 Рошаль Г.Л. 534
 Рубанович С. 23, 460
 Рукописный отдел Института русской лите-
 ратуры Академии наук. С.-Петербург
 (РО ИРЛИ) 445, 448, 450, 454, 461,
 477, 478, 498, 502—505, 509, 513, 514
 Русский балет Сергея Дягилева 336, 522
 «Русь», изд-во 448
 Рындина Л. 448
 Саакянц А.А. 5
 Сабашникова М.В. 165, 247, 250, 458, 475,
 497, 498
 Саблер В.К. 466
 Савинков Б.В. 498, 499
 «О Русской Вандее. 1921» 54
 Савинковы, семья 513
 Садовской Б.А. 460
 «Садок судей II» 470
 «Сакунтала», спект. 483
 Салтыков 155, 473
 Салтыков-Щедрин М.Е. 407, 541
 Самарова М.А. 140, 141, 143, 468
 Самойлович Р.Л. 340, 523
 Санд Ж. 90, 451
 «Консуэлло» 451
 «Графиня Рудальштадт» 451
 «Жак» 451
 Сарандинаки 253
 Сартр Ж.П.
 «Тошнота» 432, 549
 Свешников, врач 378, 532
 Свободный театр 470, 485

- «Своими путями», журн. 313, 323, 515, 516, 518
- Святополк-Мирский Д.П. 323, 357, 363, 518, 528, 530
- «Северные записки», журн. 491
- Северянин Игорь 179, 456
- Северцев А.Н. 398, 539
- Сегалова Р.М. 487
- Сейфуллина Л.Н.
«Виринея» 522
- Сеземан Д.В. 372, 401, 440, 441, 531, 540, 543, 548, 549
- Сеземан Н.А. 419, 543
- Сельвинский И.Л. 323
- Семичастный М.В. 431, 545
- Сервантес С.М. де
«Дон-Кихот Ламанчский» 369
- Сербинова О.Н. 105, 464
- Сергеенко П.А. 520
- «Сердце Азии (Афганистан)», к/ф. 343, 524
- Серейский М.Я. 286, 506
- Серов В.А. 460
- Синопли А.Г. 471
- Симонов К.М. 541
- Склодовская-Кюри М. 543
- Сковорода Г.С. 274
- «Скорпион», изд-во 452, 457
- «Слово о полку Игореве» 430, 433
- «Слову — свобода!», газ. 501
- Слоним М.Л. 526
- Слонимский М.Л. 331, 519
- Смирдин А. 486
- Советский писатель, изд-во 462
- «Современные записки» 506, 516
- «Созвездие», изд-во 508
- Сокальская Л.В. 492
- Соколов В.А. 34, 38—40, 42, 46, 149, 151, 156, 161, 163—166, 203, 312, 357, 471—475, 484, 490, 514, 528
- Соколов С.А. 280, 504
- Сокольская Л.В. 224
- «Солдатушки, браво ребятушки...», песня 212, 488
- Соловьева П.С. 302, 510
- Сологуб Ф.К. 285, 506
- Соня, прислуга 223
- Сосинская А.В. 423, 543
- Сосинский В.Б. 535
- «Союз возвращения на Родину» 365, 529, 531
- Союз писателей 285, 539
- «Спартак», ф/к. 431, 545
- Сталь А.Л.Ж. де
«Коринна, или Италия» 218, 489
- Станиславский К.С. 286, 300, 321
- «Старый двор», к/ф. 438, 547
- Старынкевич Е.И. 268, 501
- Степун Ф.А. 229, 236, 286, 310, 313, 340, 342, 493, 506, 515, 523
- «Бывшее и несбывшееся» 493
- «Николай Переслегин» 286, 506
- Стравинский И.Ф. 547
- «Петрушка» 437
- «Страсти Жанны д'Арк», к/ф. 331, 519
- Стриндберг А.
«Эрих XIV» 527
- Строева В.П. 534
- Струве Н.А. 5
- «Студенческие годы», журн. 516
- Студия Елисейских полей, театр 331, 520
- Субботина, мать 148, 471
- Субботина К.М. 39, 147, 151, 179, 470, 471, 479
- Субботина Тюня 149, 151, 470, 471
- Субботины, сестры 147, 478
- Сувчинская В.А. 338, 522
- Сувчинский П.П. 323, 338, 518, 522
- Султанизов 395, 538
- Суорсаут Г. 438
- Сыроечковский Е.И. 223, 491

- ТЕО (Театральный отдел Наркомпроса) 281, 505
- Тагер Е.Б. 537, 540
- Тагер Е.Е. 401, 540
- Тагеры, семья 404
- Тайров А.Я. 205, 208, 226, 231, 391, 484, 485
«Записки режиссера. Стихи. Беседы. Речи. Письма» 484
- Тамбурер Л.А. 85, 89, 90, 112—114, 117, 157, 158, 244, 245, 448, 450, 451, 453, 458—460, 473, 497
- Тамбурер Шура 157, 473
- Тансен К.-А.-Г. де 97, 453
«Несчастье в любви» 453
- Тарасенков А.К. 398, 539
- Тархов 468
- Твен М. 432, 546
- «Творческое наследие В.Э. Мейерхольда», сб. 504
- Театр им. Евг. Вахтангова 416, 527—522
- Театр К.Н. Незлобина (Москва) 219, 490
- Тескова А.А. 12, 71, 338, 522
- Титов, врач 177
- Тихонов Н.С. 323, 341, 528
«Кочевники» 355, 528
- Толстая С.А. 115, 459
- Толстой А.Н. 121, 136, 173, 255, 312, 320, 357, 398, 462, 467, 477, 479, 514, 517, 528
- Толстой Л.Н. 115, 179, 205, 377, 459, 520
«Война и мир» 164
- Толстой П.Н. 357, 528
- Топольский А.Д. 109, 457
- Трауберг И. 526
- «Требник троих», сб. 470
- Трене Ш. 381
- Тренёв К.А.
«Любовь Яровая», спект. 392
- Третья студия МХТ см. Вахтанговская студия
- Триоле Э. 331, 519
- «Реальный мир» (пер. кн. Л. Арагона) 548
- Троцкий Л.Д. 275
- Труайя А. 383
- Трупчинская А.А. 489
- Трупчинская А.Я. 15, 17, 18, 21, 93, 108, 111, 120, 123, 124, 138, 140, 166, 175, 203, 212, 214, 215, 271, 303, 304, 314, 316, 329, 339, 341, 342, 345, 351, 356, 357, 358, 364, 384, 452, 453, 458, 461, 463, 467, 482, 488, 489, 493, 501, 509
- Трупчинская Е.А. 489
- Трупчинская М.Ф. 458
- Трупчинский А.В. 111, 137, 140, 197, 329, 458, 463, 467, 468, 519
- Трухачев А.Б. 155, 156, 168, 171, 173, 174, 176, 179, 180, 206, 222, 236, 239, 251, 252, 254, 296, 473, 481, 498, 500, 507
- Трухачев Б.С. 27, 112—114, 118, 120, 129, 155, 156, 206, 208, 213, 216, 217, 236, 251, 257, 261, 263, 265, 268, 284, 289, 290, 456, 461, 465, 473, 485, 488, 489, 495, 499, 501, 503, 505, 513
- Трухачева И.Б. 276, 503
- Тургенева А.А. 463
- Туржанский О. 58
- Турин В. 35
- «Турксиб», к/ф. 349, 526
- Тынянов Ю.Н. 349, 526
- Тьеполо 45
- «Ураган в Азии», к/ф. см. «Сердце Азии (Афганистан)», к/ф.
- Урениус М.С. 204, 233, 482, 484, 494
«А.Г. Венецианов и его школа» 484
«Абрамцево», ст. 484
- Успенская В.В. 353, 527
- Утесов Л.О. 397, 538
- «Утка», журн. 367, 531
- Утрилло М. 382
- «Утро России», газ. 447

- Фадеев А. А. 400, 539
 «Разгром» 337
- Файдыш П. П. 144, 469
- Фаррер К. 438, 548
- Фарыно Е. 5
- Федосеева 231
- Фейнберг Б. Е. 24, 27, 38, 108, 120, 457, 462
- Фейнберг Л. Е. 38, 39, 120, 462
 «Воспоминания о Максимилиане Волошине» 462
 «Три лета в гостях у Максимилиана Володишина» 462
- Фейнберг С. Е. 120, 462
- Фейхтвангер Л.
 «Еврей Зюсс» 384, 534
 «Семья Оппенгейм» 534
- Фельдштейн Е. М. 205, 286, 484, 506
- Фельдштейн М. С. 35, 37, 38, 52, 55, 57, 147—150, 152, 161, 164, 165, 168, 179, 186, 200, 203, 205, 213, 224, 229, 257, 259, 261, 262, 268, 273—275, 299, 311, 470—472, 476, 478, 481, 483—485, 490, 491, 493, 501—503, 506, 511, 514, 515, 524, 550
- Фельдштейн Т. М. 169, 274, 286, 476, 497, 506
- Фельдштейн Э. А. 147, 150, 152, 160, 167, 205, 229, 244, 245, 274, 286, 470, 471, 476, 497, 503, 506
- Фельдштейны, семья 164, 165, 265, 286
- Фидий 11
- Фонвизин Д. И.
 «Недоросль» 433
- Фореггер Н. М. 179, 479
- Фореггер С. 179, 479
- Форш О. Д. 331, 519
- Франко И. Я. 424, 543
- Франс А. 500
 «Сад Эпикура» 256
 «Харчевня Королева Гусиные Лапы» 226, 492
- «Фронтовые подруги», к/ф. 431, 545
- Фурманов Д. А.
 «Чапаев» 363, 529
- Халютина С. В. 151, 472
- Хин-Гольдовская Р. М. 14, 268, 470, 501, 502
 Дневник 14
- Хира Тсе 398
- Ходасевич В. Ф. 49, 221, 223, 224, 460, 490, 491, 518
- Хрустачев Н. И. 251, 498
- Хрустачевы 251
- Художественная школа Е. Н. Званцовой 492—493
- «Художники — Литераторы — Артисты — Музыканты» (ХЛАМ), общество 252, 253, 499
- Цветаев А. И. 101, 102, 152, 159, 455, 472, 484, 530
- Цветаев Д. В. 223, 227, 491, 493
- Цветаев И. В. 10—12, 101, 112, 114, 118, 122, 133, 137, 139, 159, 172, 223, 384, 447, 448, 455, 466, 473, 514
- Цветаева А. И. 24, 28, 46, 48, 90, 91, 103, 106, 112—114, 118—120, 125, 129, 136, 137, 143, 155, 156, 159, 160, 165, 168, 173, 176, 179—181, 203, 206, 215—219, 222—224, 227, 239, 240, 248—252, 254, 265, 276—281, 283—285, 289, 290, 292, 294, 296, 308, 332, 349, 351, 352, 364, 451, 458, 460, 472—476, 481, 483, 489, 490, 493—496, 498—500, 503—505, 507, 508, 526, 527
 «Королевские размышления» 481
- Цветаева М. А. 12, 101, 455
- Цветаевы, семья 28
- Цветковская Е. 460
- Цемах Т. Д. 278, 305, 309, 504, 513, 514
 «Восьмистишия» 513

- Центральный исторический архив г. Москвы
(ЦИАМ) 486
- Цеппелин Ф. 472
- Цетлина М.С. 267, 501
- «Цех поэтов» 140, 468
- Цирес А.Г. 97, 98, 111, 120, 121, 160, 453,
454, 458, 462, 474, 515
- Цирес Е.Г. 313, 453, 515
- Цирес Л.А. 174, 313
- Цирес М.Г. 120, 462
- Чайковский М.И. 542
«Жизнь П.И. Чайковского» 417, 542
- Чайковский П.И. 407, 417, 420, 437, 541, 543
- Чапек К. 379, 533
- Чащина С.И. 224, 491
- Чебышев П.П. 332
- Челлини Б. 542
«Жизнь Бенвенуто Челлини, написанная
им самим» 415, 419, 542
- Чернова А.В. 516
- Чехов А.П. 86, 209, 321, 432, 448
- Чехов М.А. 527—528
- Чешско-русская Еднота 522
- Чижова И. 528
- Чириков Е.Н. 280, 504
- Чичеровы 160, 474
- «Чудо Святого Антония», спект. 336, 522
- Чуковская Л.К. 5
- Чурилин Т.В. 210, 486
- Чухновский Б.Г. 340, 523
- Шагинян М.С. 546
«Гидроцентральный» 355, 528
- Шагинян М.Я. 436, 546
- Шатобриан Ф.Р. де 522
«Замогильные записки» 337, 522
- Швоб М. 85, 448, 456
«Вымышленные жизни» 448
- Швейцер В. 5
- Шекспир В. 208, 336, 424
«Гамлет» 424, 527
«Двенадцатая ночь» 527
«Полное собрание сонетов» 485
«Ромео и Джульетта» 424
- Шеналь П. 534
- Шенгели Г.А. 320, 577
- Шестов Л.И. 323, 518
- Шешмаркевич Б. 253
- Шешмаркевич В. 253
- Шик Е.В. 353
- Шик М. 460
- Шиль С.Н. 252, 253, 499
- Ширкевич З.М. 372, 375—379, 392, 397,
400—402, 404, 409, 410, 417, 423, 425,
434, 441, 531, 532
- Шкловский В.Б. 349, 526
- Школа-студия Ю.А. Завадского 516, 526
- Шмидт О.Ю. 363, 530
- Шнейдеров В.А.
«Техника и организация киносъёмочной
работы» 348, 526
- Шор А.С. 241, 496
- Штранге, семья 358, 528
- Штраус И. 136, 545
- Штрохейм Э. фон 380, 384, 533
- Шуберт Ф. 424, 428, 544
- Шухаев В.И. 334, 521
- Шюзвиль Ж. 460
- Эдиссон 14
- Эллис 110, 112, 117, 457
- Эйзенштейн С.М. 348, 349, 531
- Эйсымонт В.В. 545
- Эйхенбаум Б.М. 526
«Лев Толстой» 345
- «Экспортлес» 434, 546
- Эренбург И.Г. 53, 170, 247, 255, 281, 285—
288, 293, 296, 299, 323, 325, 329,
331, 359, 476, 499, 506—508

- «Будни» 169, 476
«Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» 331, 519
«Верность» 436
«Лик войны (Во Франции)» 524
«Не здесь на облаках, в походе, в окопе...» 426, 544
«О чем молчат арденские леса...» 428, 544
«Упали окон вековые веки...» 428, 544
- Эткинд Е. 5
- Эфрон, семья 15, 18, 22, 458, 515, 520, 540
- Эфрон А.С. 16, 18, 24, 30, 48, 55, 59, 66, 68, 74, 75, 79, 146, 154—156, 158, 161—165, 167, 168, 170—177, 179, 180, 182, 183, 186—188, 197, 199, 202, 206, 208, 209, 213, 214, 217, 221, 223, 226, 228, 230, 231, 233, 236—240, 244, 249, 250, 254—262, 265, 267, 268, 273, 275, 276, 279, 281—284, 287—296, 301—304, 308, 314, 317, 318, 321, 322, 326, 328, 330, 333, 334, 337, 339, 341, 342, 346, 351, 358, 359, 361, 362, 363, 365—367, 370, 371, 374—379, 386, 403—409, 412—419, 422—430, 432—440, 445, 467, 470, 475, 480, 481, 492, 507, 508, 513, 516, 523, 530, 531, 536, 538—541, 542, 544, 545
- Встреча («Из-под волчьей шапки детский мех волос...») 66
- «Марина Цветаева в дневниковых записях дочери» 5
- Эфрон В.М. 19, 312, 515
- Эфрон В.Я. 13, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 26, 29, 30, 34, 37—39, 43, 46, 48, 52, 53, 57, 92, 93, 98, 99, 100, 101—103, 105, 108, 112—115, 117, 121, 123—125, 127, 129—131, 133, 134, 138—140, 146, 149, 154, 155, 157, 159—161, 163—165, 167, 170, 172, 173, 175—179, 182, 183, 198, 200, 201, 204—206, 208, 210—213, 215, 219, 224—227, 230, 231, 233—235, 237, 238, 240, 242, 245, 249, 254, 256, 257, 260, 264, 265, 267, 271, 274, 275, 286, 299, 300, 303, 304, 308, 309, 311—316, 325, 332, 333, 339—342, 345—347, 349, 351, 356—358, 364, 366, 367, 371, 379, 384, 392, 417, 439, 452, 454, 456, 459, 466, 467, 469, 471, 472, 478, 480, 481—483, 486, 488, 492, 493, 496, 501, 506, 509, 511—513, 515, 524
- Эфрон Г.С. 59, 61, 65, 66, 68, 71, 73, 75, 78, 79, 315, 317, 318, 321, 322, 326, 328, 330, 331, 334, 338, 339, 341—343, 346, 351, 352, 358, 363, 364, 365, 367—369, 371, 372, 374, 379, 380—384, 389, 390, 392, 393, 395, 396, 397, 399, 401, 402, 404—441, 490, 529, 530, 536—539, 542, 547, 548
- «Марина Цветаева в дневниковых записях сына» 5
- «Письма» 446
- Эфрон Г.Я. 18, 101, 108, 220, 284, 300, 455, 506
- Эфрон Е.П. 19, 187, 189, 480
- Эфрон Е.Я. 13—16, 20, 21, 24, 26—29, 38, 44—47, 55, 56, 76, 97, 98, 100—103, 107, 108, 111—114, 117, 118, 120—123, 125, 127—131, 133, 135, 137—143, 145, 146, 148, 149, 151, 154—157, 159, 161, 163—168, 170—176, 178, 179, 182, 183, 193—202, 204—206, 208—221, 225—231, 233—239, 241, 244, 245, 249, 259, 263, 271, 273, 274, 282, 286, 299, 300, 303, 304, 308, 309, 311, 313—315, 317, 320—335, 338, 339, 342, 343, 345, 346, 348, 349, 352—359, 362, 364—367, 371, 372, 375—378, 379, 384, 389, 392, 395, 398—403, 406—411, 413, 414, 416, 417, 420, 421, 425—436, 439—441, 453—456, 459, 462, 463, 467, 469, 472,

- 475, 478, 481—483, 484, 487, 488, 490,
492—494, 497, 501, 502, 509, 510, 513,
516, 522, 526, 527, 528, 529, 530, 531,
534, 537, 539, 541, 550
- Эфрон И.С. 55, 222, 236, 237, 238, 240, 244,
245, 249, 251, 253, 254, 256—258,
260, 262, 265, 273, 274, 276, 283, 286,
308, 495, 502, 509, 511—513
- Эфрон К.М. 57, 286, 299, 300, 316, 339, 340,
347, 351, 358, 364, 366, 392, 413, 417,
418, 439, 482, 506, 509, 515, 537, 543
- Эфрон К.Я. 15, 17, 20—23, 80, 125, 126, 320,
384, 389, 453, 464, 467, 534—536
- Эфрон П.Я. 15, 19, 20, 22, 154, 160, 162, 177,
178, 182, 183, 186—188, 219, 300,
334, 462, 472, 478—480, 489, 515, 521
- Эфрон С.Я. 13, 15, 18, 21, 24—26, 28, 30, 33,
34, 38, 39, 46, 47, 52, 54, 55, 58, 59, 61,
68, 71, 73, 75, 79, 92, 97—105, 107—
114, 117—131, 133, 134, 136—143,
145—148, 151, 154, 156, 158, 161,
163—166, 168—170, 172—178, 181,
183, 186—188, 194—208, 210—235,
237—268, 271—273, 275—289, 291—
295, 299, 300, 302, 303—306, 309,
311—317, 320, 321, 322, 325—327,
330—343, 345—357, 359, 362—367,
371—373, 376—380, 389, 391, 403,
406, 408, 409, 411, 413—415, 418, 422,
423, 426, 430, 432, 434, 438, 439, 440,
452—455, 457—459, 461, 466—468,
470—477, 479—481, 483—490, 492—
495, 497, 498, 500, 501, 502, 504, 506,
509, 510, 513—518, 530—532, 534,
536, 538, 540, 541
- «В Мерзляковском переулке..» 372
- «Видовая» 325, 518
- «Детство», сб. 131, 132, 134, 136, 467,
470, 475
- «Записки добровольца» 312
- 1 гл. «Октябрь (1917)» 350, 514, 526
- 2 гл. «Декабрь (1917)» 514
- «Иконография Рождества Христова на
Востоке», док. дис. 318
- «Кино: Долой вымысел» 347, 516
- «Советская кинопромышленность» 347,
520, 521—529
- «О добровольчестве» 318, 516
- «Тиф» 321, 325, 517, 518
- «Тыл» 517, 518
- «Церковные люди и современность», ст.
318, 516
- «Эмиграция» 318, 516
- «О путях к России» 318
- Эфрон Я.К. 13, 15, 19, 21, 22, 80, 135, 300,
320, 384, 464, 534—535
- Юдина М.В. 544
- «Юманите», газ. 531
- Юнге А.Э. 103, 456
- Юнге Д.А. 266, 501
- Юнге Е.Ф. 115, 456, 459
- Юнге Ф.Э. 456
- Юон К.Ф. 333, 463
- Яблоновский С. 208, 486
- Якс 17
- Яценко Дуся 252, 253, 499
- Ященко А.С. 509
- «Canard» см. «Утка», журн.
- «De Visu», журн. 524
- Humanite, газ. 375, 379
- Julia M. 386
- «Revue de Moscou» 545
- «Le Soir», газ. 379
- «La vie Intellectuelle», журн. 530
- «Petite Gironde», газ. 370, 531
- «Revu de Moscou», журн. 429
- Printemps 533

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ,
упоминаемых в книге

- Аля («Аля! — Маленькая тень...») 168, 475
- Бальмонту («Пышно и бесстрастно вянут...») 318, 516
- «Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!...» 84
- Белоснежка («Спит Белоснежка в хрустальном гробу...») 457
- В ответ на стихотворение («Горько таить благодарность...») 98
- В Шенбрунне («Нежен первый вздох весны...») 465
- Вольный проезд 318, 516
- Генералам двенадцатого года («Вы, чьи шинели...») 256, 500
- Герой труда 318, 516
- «День августовский тихо таял...» 183
- Душа и имя («Пока огнями смеется бал...») 97, 453
- Жажда («Наше сердце тоскует о пире...») 448
- Живое о живом 82, 449, 450, 461, 463, 471, 476
- Земные приметы 516
- «И другу на руку легко...» 228
- История одного посвящения 489
- «Как водоросли Ваши члены...» (Сергею Эфрон-Дурново, 2) 154
- «Какой-нибудь предок мой был — скрипач...» 202, 483
- Кедр 506
- Колыбельная песня Асе 208, 486
- Кошки («Они приходят к нам, когда...») 451
- Красный бычок 521
- Крысолов 318, 516
- «Кто виноват? Ошиблись оба...» 85
- Лавровый венок 448, 466
- Ластуне («С ласточками прилетела...») 19, 189, 480
- «Мальчиком, бегущим резво...» 153
- Метель 285
- «Могу ли не вспоминать я...» (Подруга) 50
- Мои службы 318, 516
- Мой Пушкин 452, 465
- Молодец 318, 516,
- Мундир («Отец и его музей») 466
- На Красном коне 285, 294, 508
- Наяда («Проходи стороной...») 452
- Не думаю, не жалуясь, не спорю...» 188
- Несбывшаяся поэма 519
- «Ни Тагана...» (Ханский полоц, 2) 386
- «Облачко бело, и мне в облака...» После чтения «Les rencontres de M. de Bréot» Régner) 88
- Октябрь в вагоне 501
- «Он был синеглазый и рыжий...» (На скалах) 102
- Отец и его музей 466
- Открытие музея 466
- Отрывки из книги «Земные приметы» 318, 516
- Повесть о Сонечке 367, 505, 531
- «Полнолуние и мех медвежий...» 209, 486
- Попытка комнаты 519
- Последнее слово («О будь печальна, будь прекрасна») 448
- Поэма Воздуха 519
- Психея 510
- Поэма Лестницы 328, 519
- «Руки даны мне — протягивать каждому обе...» 494
- «С вербочкою светлошерстой...» 418, 543
- С Моря 328, 452, 519
- Сергею Эфрон-Дурново, цикл 472
- «Ты будешь невинной, тоной...» (Але) 182
- Стихи к Блоку, цикл 214, 301, 302, 488, 510

- Стихи С<ереже> («Нет, я пожалуй, странный человек...») 181, 479
 «Тоска по родине! Давно...» 297
 «Ты знала тайны всех растений...» 25
 «Уж сколько их упало в эту бездну...» 166
 Феникс 285, 294, 508
 Фортуна 285
- Царь-Девница 281, 285, 294, 301, 302, 505, 510
 Чародей 457
 Червонный Валет 285
 Эпитафия («Забилась в угол, глядишь упрямо...») 448
 «Я видела Вас три раза..» 188

ПЕРЕВОДЫ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ,
упоминаемые в книге

- Багряна Е.
«Правнучка» 406
- Баллады о Робин Гуде 411, 423
- Белорусские Евреи 406, 411, 414, 419, 422, 423, 428, 429
- Бодлер Ш.
Плаванье 422, 423, 449
- Гёте И.В.
Песни Миньоны 428
- Лермонтов М.Ю.
Казачья колыбельная песня 429
- Лысогорский О.
Баллада о кривой хате 424
- Ноай Л.
Новое упование 491
- Перец И.Л.
Библейский мотив 427, 544
- Пушкин А.С.
Няне 366, 530
Пир во время чумы 366, 530
«Прощай, свободная стихия..» 366
- Пшавела В.
Гоготур и Апшина 392, 411, 423, 538
Раненый барс 392, 406, 411, 423, 424, 427, 537
Этери 397, 411, 423, 538

УКАЗАТЕЛЬ КНИГ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ,
упоминаемых в тексте

- Версты 294, 446, 493, 494, 508
- Вечерний альбом 83, 115, 446—448, 450, 456, 459, 460, 465, 470, 478
- Волшебный фонарь 114, 117, 120, 134, 136, 168, 446, 448, 451, 453, 456, 457, 459, 460, 461, 463, 467, 468, 475, 486
- Конец Казановы 508
- Лебединый стан 295
- Разлука 301, 302, 510
- Ремесло 301, 302, 392, 523
- После России 339, 392, 523
- Юношеские стихи 472, 475, 486

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5	—
----------------------	---	---

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Действующие лица (<i>альбом</i>)	9	—
--	---	---

Глава первая

МЕДВЕДЁВЫ ДЕТКИ (1910—1914)

1. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>23 декабря 1910</i>	83	447
2. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>27 декабря 1910</i>	83	—
3. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>29 декабря 1910</i>	84	—
4. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i><30 декабря 1910></i>	85	448
* 5. Л.А. Тамбурер — М.А. Волошину <i>5 января 1911</i>	85	448
6. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>5 января 1911</i>	85	448
7. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>7 января 1911</i>	87	449
8. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>10 января 1911</i>	88	450
* 9. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>14 января 1911</i>	89	450
10. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>28 января 1911</i>	89	—

* 11. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <Конец января 1911>	89	450
* 12. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <Середина марта 1911>	89	451
13. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 21 марта 1911	90	451
14. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 23 марта 1911	90	451
15. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 28 марта 1911	91	—
16. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 1 апреля 1911	91	451
* 17. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 3 апреля 1911	92	452
18. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 6 апреля 1911	93	452
19. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 18 апреля 1911	94	453
* 20. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 1 мая 1911	97	453
* 21. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <2 мая 1911>	98	453
* 22. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <Начало мая 1911>	98	454
23. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 8 июля 1911	99	454
24. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной 8 июля 1911	99	454
* 25. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — Е.Я. и В.Я. Эфрон 9 июля 1911	100	454
* 26. С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон <9 июля 1911>	100	455
* 27. С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон 10 июля 1911	101	455
* 28. С.Я. Эфрон — Е.Я. и В.Я. Эфрон 12 июля 1911	101	455
* 29. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — Е.Я. и В.Я. Эфрон 15 июля 1911	102	455

30. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 15 июля 1911	102	456
31. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Июль 1911>	103	456
* 32. С.Я. Эфрон, М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 25 июля 1911	103	—
33. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 26 июля 1911	105	456
* 34. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 31 июля 1911	107	457
* 35. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 4 августа 1911	108	457
36. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 4 августа 1911	109	457
37. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 11 августа 1911	109	457
* 38. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 7 сентября 1911	111	458
39. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 22 сентября / 5 октября 1911	112	458
40. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 1 / 14 октября 1911	113	458
41. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 9 октября 1911	115	459
42. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 28 октября 1911	115	459
43. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 3 ноября 1911	117	459
* 44. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 4 ноября 1911	119	461
45. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 19 ноября 1911	119	461
* 46. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 11 декабря 1911	119	461
47. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 3 декабря 1911	120	461
* 48. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Начало декабря 1911>	120	462
* 49. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 19 декабря 1911	121	462

* 50. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Двадцатые числа декабря 1911>	122	463
* 51. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 27 декабря 1911	122	463
52. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 10 января 1912	123	463
* 53. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину <1 марта 1912>	124	463
* 54. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 5/18 марта 1912	125	463
* 55. С.Я. Эфрон — Е.Я. и В.Я. Эфрон <22 марта 1912>	125	464
* 56. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <24 марта 1912>	125	464
* 57. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <29 марта 1912>	127	464
* 58. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 29 марта 1912	127	464
* 59. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 30 марта 1912	128	464
* 60. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 1 апреля 1912	129	465
* 61. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон 2 апреля / 21 марта 1912	129	465
* 62. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 4 апреля 1912	129	465
* 63. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 27 апреля 1912	130	465
64. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 7 мая / 24 апреля 1912	130	—
* 65. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <2 июня 1912>	131	465
* 66. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 7 июня 1912	133	466
* 67. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 11 июня 1912	134	467
* 68. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 16 июня 1912	137	467
* 69. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 8 июля 1912	138	467

* 70. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 11 июля 1912	139	468
* 71. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 29 июля 1912	140	468
* 72. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 1 августа 1912	141	469
* 73. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 2 августа 1912	142	469
* 74. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 9 августа 1912	143	469
* 75. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 24 октября 1912	145	469
* 76. М.И. Цветаева, М.Ю. Кювиле — М.А. Волошину 10 марта 1913	145	469
* 77. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон 28 апреля 1913	146	470
78. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну 27 мая 1913	147	470
79. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну 28 мая 1913	148	471
80. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну 28 мая 1913	149	471
81. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну 7—8 мая / июня! 1913	150	472
82. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну 8 июня 1913	152	472
* 83. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 2 августа 1913	154	472
* 84. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон 17 августа 1913	155	473
* 85. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон 19 августа 1913	156	473
* 86. В.А. Соколов, С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 19 августа 1913	156	473
* 87. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 22 августа 1913	157	473
* 88. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 31 августа 1913	159	473
* 89. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 3 сентября 1913	159	474

* 90. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
7 сентября 1913	160	474
91. М.И. Цветаева — Э.А. Фельдштейн		
7 сентября 1913	160	474
* 92. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
17 сентября 1913	161	474
93. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну		
20 сентября 1913	161	474
* 94. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
25 сентября 1913	163	474
* 95. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
8 октября 1913	164	475
* 96. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
14 октября 1913	164	475
97. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон		
19 октября 1913	165	475
98. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну		
11 декабря 1913	166	475
* 99. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
14 декабря 1913	167	475
100. М.И. Цветаева — М.С. Фельдштейну		
23 декабря 1913	168	476
101. М.И. Цветаева — М.А. Волошину		
27 декабря 1913	169	476
* 102. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон		
9 февраля 1914	170	476
103. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон		
28 февраля 1914	172	477
* 104. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
9 марта 1914	173	477
105. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон		
18 марта 1914	174	477
* 106. М.И. Цветаева — Е.Я. и В.Я. Эфрон		
21 апреля 1914	175	478
* 107. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон		
22 мая 1914	176	478
* 108. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон		
2 июня 1914	178	478
* 109. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон		
6 июня 1914	179	478

110. М.И. Цветаева — П.Я. Эфрону <i>6 июня 1914</i>	183	479
111. М.И. Цветаева — П.Я. Эфрону <i>10 июля 1914</i>	186	479
112. М.И.Цветаева — П.Я. Эфрону <i>14 июля 1914</i>	187	480

Глава вторая

ТУМАННАЯ МОНАШКА (1915—1917)

* 1. С.Я. Парнок — Е.Я. Эфрон <i>5 февраля 1915</i>	193	480
* 2. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон < <i>25 марта 1915</i> >	194	480
* 3. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>3 апреля 1915</i>	195	481
* 4. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>10 мая 1915</i>	196	481
* 5. М. И. Цветаева — Е.Я. Эфрон < <i>Май 1915</i> >	197	482
* 6. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>29 мая 1915</i>	197	482
* 7. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>14 июня 1915</i>	198	482
* 8. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <i>30 июня 1915</i>	199	482
* 9. С. Я. Эфрон — В. Я. Эфрон < <i>10 июля 1915</i> >	200	483
* 10. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>11 июля 1915</i>	200	483
* 11. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>18 июля 1915</i>	201	483
12. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i>30 июля 1915</i>	201	483
* 13. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон < <i>31 июля 1915</i> >	202	483
* 14. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <i>2 августа 1915</i>	203	484

* 15. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 16 сентября 1915	204	484
* 16. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 2 ноября 1915	204	484
* 17. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 2 декабря 1915	205	485
18. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 21 декабря 1915	206	485
19. М.И. Цветаева, В.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Между 9 и 11 марта 1916>	210	486
* 20. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 14 апреля 1916	211	486
* 21. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 13 мая 1916	212	487
* 22. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 19 мая 1916	213	488
* 23. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <26 мая 1916>	214	488
* 24. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 31 мая 1916	215	489
* 25. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 5 июня 1916	216	489
26. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 12 июня 1916	217	489
* 27. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон Июнь 1916	219	490
* 28. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <17 июня 1916>	220	490
29. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону 4 июля 1916	221	490
* 30. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону 7 июля 1916	222	491
* 31. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 8 июля 1916	224	491
* 32. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон <Конец июля 1916>	225	492
* 33. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 22 августа 1916	225	492
* 34. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <9 сентября 1916>	226	492

* 35. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i>30 сентября 1916</i>	227	493
* 36. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>30 сентября 1916</i>	229	493
* 37. М.И. Цветаева — Э.А. и М.С.Фельдштейнам <i><Октябрь 1916></i>	229	493
* 38. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон <i><Начало октября 1916></i>	230	493
* 39. М.И. Цветаева — С.Я. и А.С. Эфрон <i><24 октября 1916></i>	230	494
* 40. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>30 октября 1916</i>	230	494
* 41. Н.А. Плугер-Сарна — М.И. Цветаевой <i>27 января 1917</i>	232	494
* 42. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон <i>28 января 1917</i>	233	494
* 43. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон <i><Между 28 января и 7 февраля 1917></i>	233	494
* 44. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <i>7 февраля 1917</i>	233	495
* 45. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>18 февраля 1917</i>	234	495
* 46. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <i>13 марта 1917</i>	235	495
47. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i><Не ранее 13 апреля 1917></i>	235	495
48. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>16 апреля 1917</i>	236	495
49. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i><Между 16 и 28 апреля 1917></i>	236	495
50. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>28 апреля 1917</i>	237	495
51. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i>29 апреля 1917</i>	238	495
52. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>29 апреля 1917</i>	239	
* 53. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон <i>2 мая 1917</i>	240	496
* 54. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i>19 мая 1917</i>	241	496

* 55. Н.А. Плудер-Сарна — М.И. Цветаевой 12 июня 1917	241	496
* 56. С.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон 18 июня 1917	242	496
* 57. Н.А. Плудер-Сарна — М.И. Цветаевой 26 июня / 27 июня 1917.	243	496
* 58. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 29 июня 1917	244	497
59. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 5 июля 1917	245	497
* 60. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <7 августа 1917>	245	497
61. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 7 августа 1917	246	497
62. М.И. Цветаева, С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 9 августа 1917.	246	497
63. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 24 августа 1917	248	498
64. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 25 августа 1917	248	
65. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 13 сентября 1917	249	498
* 66. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину 15 сентября 1917	249	498
67. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону 19 октября 1917	251	498
* 68. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону 22 октября 1917	252	499
* 69. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 23 октября 1917	254	499
70. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону 25 октября 1917	254	499
* 71. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 16 ноября 1917	256	500
* 72. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 16 ноября 1917	260	500
* 73. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон 17 ноября 1917	264	500

74. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону <i>28 ноября 1917</i>	266	501
75. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону <i>11 декабря 1917</i>	267	501

Глава третья

РАЗЛУКА (1918—1922)

* 1. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину <i>12 мая 1918</i>	272	502
* 2. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной <i>28 мая 1918</i>	273	502
* 3. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон < <i>Июль 1918</i> >	273	502
* 4. М.С. Фельдштейн — В.Я. Эфрон <i>23 августа / 5 сентября 1918</i>	274	502
* 5. С.Я. Эфрон — М. И. Цветаевой <i>26 октября 1918</i>	275	503
* 6. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину <i>12 апреля 1919</i>	276	503
* 7. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину <i>15 сентября 1919</i>	277	503
* 8. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину <i>27 сентября 1919</i>	279	504
* 9. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину < <i>30 сентября 1919</i> >	280	504
* 10. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной, М.А. Волошину и А. И. Цветаевой <i>5 октября 1919</i>	280	504
* 11. М.И. Цветаева — М. А. Волошину <i>21 ноября / 4 декабря 1920</i>	281	505
* 12. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону <i>27 февраля 1921</i>	282	505
13. М.И. Цветаева — М.А. Волошину <i>14 марта 1921</i>	284	505

* 14. С.Я. Эфрон — М.И. Цветаевой <28 июня 1921>	286	506
* 15. С.Я. Эфрон — А.С. Эфрон 28 июня 1921	288	507
* 16. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон Июнь 1921	289	507
17. М.И. Цветаева — Е.О. Кириенко-Волошиной 17 августа 1921	290	—
18. М.И. Цветаева — М.А. Волошину 7 ноября 1921	291	507
* 19. А.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <31 декабря 1921>	294	508
20. М.А. Волошин — М.И. Цветаевой и А.С. Эфрон 13 января 1922	295	508

Глава четвертая

ПИСЬМА ОТТУДА (1923—1939)

* 1. Е.Я. Эфрон — С.Я. Эфрону <Январь 1923>	299	509
* 2. С.Я. Эфрон — Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину 10 мая 1923	300	509
* 3. М.И. Цветаева — Е.О. Кириенко-Волошиной и М.А. Волошину 10 мая 1923	302	510
* 4. Е.Я. Эфрон — В.Я. Эфрон <Лето 1923>	303	510
* 5. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 3 октября 1923	304	510
* 6. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину 31 октября 1923	304	513
7. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину <Декабрь 1923 / 22 января 1924>	306	514
* 8. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину <Конец февраля 1924>	309	514
* 9. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 6 апреля 1924	311	514

* 10. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Осень 1924>	313	515
* 11. А.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <1 февраля 1925>	314	515
12. С.Я. Эфрон — Е.Я. и В.Я. Эфрон 10 марта 1925	315	515
* 13. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 21 июля 1925	317	516
* 14. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 3 ноября 1925	320	517
* 15. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 15 марта 1926	322	517
16. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 23 апреля 1926	322	518
* 17. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 10 июня 1926	325	518
* 18. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Лето 1926>	326	519
* 19. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Конец августа — начало сентября 1926>	327	519
* 20. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 23 мая 1927	329	519
* 21. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 30 июня 1927	330	519
* 22. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 9 ноября 1927	332	520
* 23. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 1 апреля 1928	333	521
* 24. С.Я. Эфрон — М.А. Волошину <14 апреля 1928>	335	521
* 25. С.Я. Эфрон — М.И. Цветаевой 6 июля 1928	335	521
* 26. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 20 июля 1928	335	521
* 27. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону 19 сентября 1928	337	522
* 28. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 7 марта 1929	338	523
* 29. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон 27 апреля / 17 мая 1929	340	523

* 30. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>1 августа 1929</i>	342	523
* 31. С.Я. Эфрон — Г.С. Эфрону <i><6 января 1930></i>	343	524
* 32. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>5 сентября 1930</i>	343	524
* 33. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>10 декабря 1930</i>	345	525
* 34. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>2 января 1931</i>	346	525
* 35. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>12 февраля 1931</i>	348	526
* 36. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i><12 марта 1931></i>	349	526
* 37. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>28 марта 1931</i>	350	527
* 38. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>29 июня 1931</i>	352	527
* 39. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>18 сентября 1931</i>	353	527
* 40. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i><Конец 1931></i>	354	527
* 41. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>25 июня 1932</i>	355	528
* 42. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>31 октября 1933</i>	356	528
* 43. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>26 августа 1934</i>	357	528
* 44. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>30 марта 1935</i>	359	529
* 45. С.Я. Эфрон — М.И. Цветаевой <i><31 июля 1935></i>	362	529
* 46. С.Я. Эфрон — Е. Я. Эфрон <i>4 декабря 1935</i>	362	529
* 47. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>18 марта 1936</i>	364	530
48. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i><31 июля 1936></i>	365	530
* 49. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>26 апреля 1937</i>	366	530

* 50. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>9 августа 1937</i>	367	530
* 51. С.Я. Эфрон — А.С. Эфрон <i>15 сентября 1937</i>	371	531
* 52. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич <i>17 ноября 1937</i>	372	531
53. С.Я. Эфрон — Г.С. Эфрону <i>16 февраля 1938</i>	372	531
* 54. С.Я. Эфрон — А.С. Эфрон <i>10 июня 1938</i>	375	532
* 55. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>16 июня 1938</i>	376	532
* 56. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону <i>20 сентября 1938</i>	377	532
* 57. А.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <9 октября 1938>	378	532
* 58. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>12 октября 1938</i>	378	532
* 59. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич <i>13 ноября <1938></i>	379	533
* 60. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону <Конец декабря 1938>	379	533
* 61. М.И. Цветаева — С.Я. Эфрону <1939>	380	533
* 62. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i>7 февраля 1939</i>	384	534
* 63. А.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <21 мая 1939>	386	535

Глава пятая

ХАНСКИЙ ПОЛОН (1939—1941)

* 1. С.Я. Эфрон — Е.Я. Эфрон <Конец сентября — начало октября 1939>	389	535
* 2. Из заявления М.И. Цветаевой — Л.П. Берии <Зима 1939—1940>	389	537
3. Г.С. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>20 января 1940</i>	392	537

4. М.И. Цветаева — В.Я. Эфрон <1 февраля 1940>	392	537
* 5. Г.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <Февраль—март 1940>	395	537
* 6. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 9/22 марта 1940	395	538
* 7. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 17 мая 1940	395	538
* 8. Г.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <Лето 1940>	397	538
* 9. Г.С. Эфрон — М.И. Цветаевой <Лето 1940>	397	539
* 10. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <Август 1940>	398	539
* 11. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 24 сентября 1940	399	539
* 12. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич 30 сентября 1940	401	540
13. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон 3 октября 1940	403	540
14. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 5 февраля 1941	404	540
15. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 10 марта 1941	405	541
16. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон 10 марта 1941	406	541
17. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 16 марта 1941	407	541
18. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 18 марта 1941	408	541
19. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 22 марта 1941	409	542
20. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон 24 марта 1941	412	—
21. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 29 марта 1941	413	—
22. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон 8 апреля 1941	414	542
23. А.С. Эфрон — М.И. Цветаевой 4 апреля 1941	415	542

24. А.С. Эфрон — Г.С. Эфрону <i>4 апреля 1941</i>	416	542
25. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>12 апреля 1941</i>	417	543
26. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон <i>13 апреля 1941</i>	419	543
27. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>16 апреля 1941</i>	421	543
28. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>16 мая 1941</i>	422	543
29. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>16 мая 1941</i>	426	544
30. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>18 мая 1941.</i>	426	544
31. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>23 мая 1941</i>	427	544
32. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон <i>24 мая 1941</i>	430	545
33. М.И. Цветаева — А.С. Эфрон <i>29 мая 1941</i>	432	546
34. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон <i>3 июня 1941</i>	435	546
35. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон <i>7 июня 1941</i>	437	547
36. Г.С. Эфрон — А.С. Эфрон <i>19 июня 1941</i>	438	547
* 37. М.И. Цветаева — Е.Я. Эфрон <i>14 июля 1941</i>	439	548
38. М.И. Цветаева — Г.С. Эфрону <i><31 августа 1941></i>	439	548
39. Г.С. Эфрон — Е.Я. Эфрон <i>11 сентября 1941</i>	440	548
Комментарии к иллюстрациям	550	—
Указатель имен и названий	552	—
Указатель произведений М.И. Цветаевой, упоминаемых в книге	571	—
Переводы М.И. Цветаевой, упоминаемые в книге	572	—
Указатель книг М.И. Цветаевой, упоминаемых в тексте	572	--

Цветаева М.
Ц25 Неизданное. Семья : История в письмах / Сост., под-
гот. текста, коммент. Е. Б. Коркиной. — М.: Эллис Лак,
2012. — с. 592, илл.
ISBN 978-5-902152-92-7

В книгу включена переписка семьи М.И. Цветаевой и ее близкого окружения. Большинство писем публикуется впервые, они добавляют новые черты к портрету одного из великих поэтов XX в.

Книга содержит уникальные фотоматериалы из государственных и частных коллекций.

УДК 882-6 Цветаева
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6-8

Цветаева Марина Ивановна
Неизданное. Семья: История в письмах

Редактор Т.А. Горькова

Художественный редактор В.Н. Сергутин

Корректор В.М. Фрадкина

Набор и верстка В.В. Смирнов

Сдано в набор 2.10.98. Подписано в печать 20.02.99
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 37,0. Уч.-изд. л. 26,65.
Дополнительный тираж 2000 экз. Заказ № 378

Издательство «Эллис Лак»
123242, Москва, ул. Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. : 8(495) 605 37 97
Факс : 8(495) 605 89 47

ISBN 978-5-902152-92-7

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
E-mail: tko-saransk@mail.ru

